

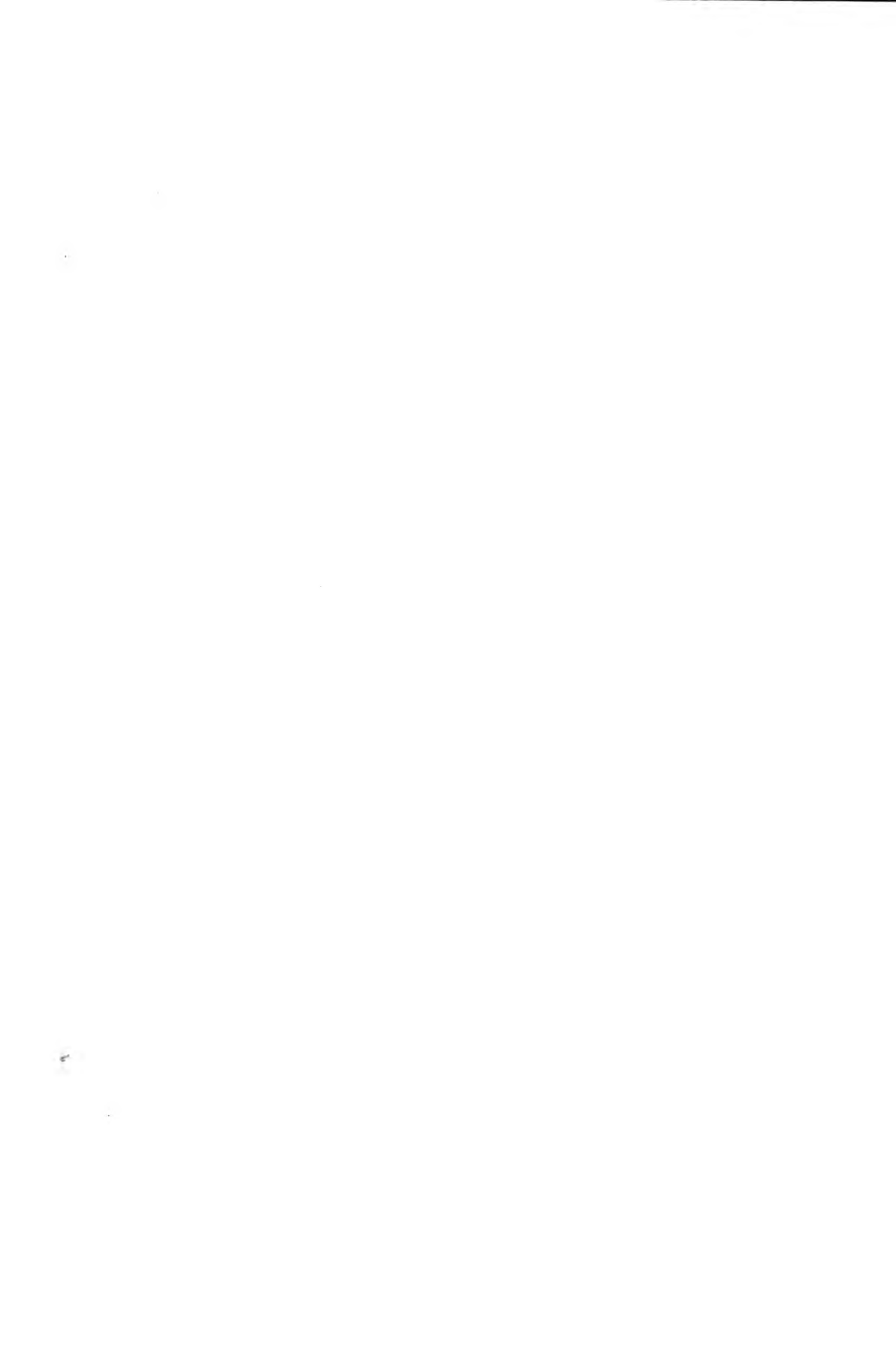
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057

RUE

1909

no.10

ОКТАБРЬ.

127
1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 10.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ОТРЕКШЕЯСЯ ОТЪ МІРА. Окончаніе. А. Гусакова.
2. КУЗНЕЦЪ (Изъ Эмиля Верхарна) . . . Виктора Чернова.
3. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ въ ИТА-
ЛИИ . . . . . Г. Христіана.
4. РАЗБОЙНИКИ. Разсказъ. I—XXII . . . В. І. Дмитріевой.
5. * * Стихотвореніе . . . . . Ады Чумаченно.
6. ЧУДОДѢЙСТВЕННЫЙ БАЛЬЗАМЪ
ТОНО-БЭНГЕ. Романъ. . . . . Г. Д. Уэллса.
7. НА КРАЮ ЖИЗНИ. I—III. . . . . В. Муйжеля.
8. * * Стихотвореніе . . . . . Леонида Б.
9. ЕГИПЕТЪ . . . . . С. Елпатьевского.
10. КОЛЕСО. Романъ. Продолженіе . . . . . Іоганна Іенсена.
11. ИЗЪ ГЕРМАНИИ. . . . . Реуса.
12. РАЗГАРЪ БОРЬБЫ (Изъ Англіи) . . . Діонео.
13. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ и ЛИ-
ТЕРАТУРЫ . . . . . Н. Е. Кудрина.
14. ПОЛИТИКА. . . . . С. Юманова.
15. О ДОБРЫХЪ ПРЕДЗНАМЕНОВАНІ-
ЯХЪ . . . . . А. Петрищева.
16. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ . . . . . А. Пѣшехонова.
17. НАБРОСКИ СОВРЕМЕННОСТИ. XXII. В. Мякотина.
18. НОВЫЯ КНИГИ.
19. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.
20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ „РУССКАГО БОГАТСТВА“.

В. Г. КОРОЛЕНКО. Исторія моего современника. Ц. 1 руб. 50 коп.

П. И. КОРЕНЕВСКИЙ. Крестьянскій „Генрихъ Блокъ“. Цѣна 15 коп.

Л. МЕЛЬШИНЪ. Пасынки жизни. Цѣна 1 руб.

В. В. МУЙЖЕЛЬ. Разказы. Т. II. Цѣна 1 руб.

А. В. ПЪШЕХОНОВЪ. Наканунъ. Цѣна 60 коп.

— Въ темную ночь. Цѣна 1 руб.

— Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной земли. Цѣна 10 коп.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Ө. В. ЕЗЕРСКАГО

въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ.

На Курсахъ преподаются по учебникамъ учредителя Курсовъ всѣ системы: простая, двойная и др., какъ ихъ преподають въ Америкѣ, Англіи, Австріи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи.

Сравнительно съ ними преподается упрощенная тройная система Ө. В. Езерскаго. Право преподаванія ей, ввиду замѣчнаго извращенія ея сторонниками двойной системы, авторъ сохраняетъ за собою, и другимъ Курсамъ не предоставляет преподавать свою систему.

На Курсахъ практически въ тетрадяхъ составляется, кромя основнаго и специальное банковое, земское, город., фабр. ремесл., потреб. общ., сельскохоз., компан. жалѣзнодорож. и др.

Учебники учредителя одобрены и рекомендованы Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.

Мин. Вн. Дѣлъ, по сношенію съ Мин. Финансовъ, разрѣшило Земск. Упр. вести счет. по тройной системѣ.

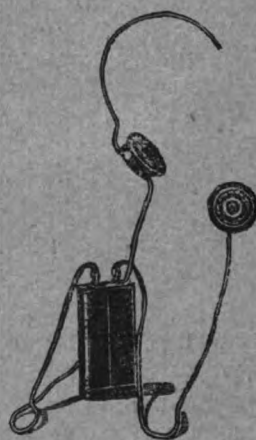
Масса управл.: земскихъ, городскихъ и промышленныхъ фирмъ ведетъ счетоводство по тройной системѣ.

Отъ Курсовъ въ 35 лѣтъ ихъ существованія потребовано 5238, въ томъ числѣ въ одинъ послѣдній годъ 335 лицъ на мѣста счетоводовъ, конторщиковъ, преподавателей, изучившихъ тройную въ сравненіи съ др. системами у автора.

За работы курсистовъ и учредителя получены отъ учебныхъ отдѣловъ на выставкахъ въ Америкѣ, Англіи, Бельгіи, Италіи, Франціи, Россіи награды до золотыхъ медалей и Grand Premio включительно.

Безплатно высылаются свѣдѣнія по требованію:
С.-Петербургъ, Невскій, 43. Москва, Б. Тверская, 18.

Глуховатымъ!

электрическіе
СЛУХОВЫЕ
аппараты
(телефоны)
для **УСИЛЕНІЯ** слабого
слуха, изобрѣтенныхъ
Шт. Капитаномъ Р. Лагусъ и изготавляющіеся
всемирно - извѣстною фирмой Л. М.
ЭРИКСОНЪ и
К. въ Стокгольмѣ нынѣ
вновь получены. Под-

роби, сообщ. Главн. Предст. для всей
Россіи: Александръ Констант. **ТЕХЕЛЬ**,
СПЕ. В. О. ТУЧКОВЪ ПЕР., № 20 - 8.
(требуются вездѣ солидные агенты).

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

СИНЯЯ МАРКА. ПОДПИСЬ ГЛАВ. ПРЕДСТ.

Александръ Вичевъ

С.П.Б. ГОРОХОВАЯ 33
въ АПТЕКАХЪ и АПТЕК. МАГАЗ.

АЛЬПИНА

ЛОЗАННА (ШВЕЙЦАРІЯ)

Открыта подписка только до 1-го января 1910 г.
На новое издание юридического книжн. магаз. „ЗАКОНОВѢДІЕ“.

ПОЛНЫЙ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Въ 2-хъ книгахъ.
Подъ редакціей А. А. ДОБРОВОЛЬСКАГО,

Оберъ-Прокурора Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Текстъ официального изданія **ШЕСТНАДЦАТИ ТОМОВЪ ДѢЙСТВУЮЩАГО СВОДА ЗАКОНОВЪ** по новѣйшимъ изданіямъ Положеній и Уставовъ и **ПРОДОЛЖЕНІЯМЪ** къ Своду законовъ 1906 и 1908 гг., съ подстатейными ссылками на источники, полныхъ собраній законовъ и 2) Дополнительные законы, **ВЫСОЧАЙШІЯ** повелѣнія и указы Правит. Сената, опубликованные въ Собраніи Узаконеній по 1-ое августа 1910 г., но не вошедшіе въ продолженія.

Изданіе набирается удобочитаемымъ шрифтомъ (боргесъ), составитъ 250—300 печатныхъ листовъ большаго формата и будетъ закончено печатаніемъ и выпущено въ свѣтъ въ концѣ августа 1910 года.

Цѣна по подпискѣ 13 руб., переп. 15 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ уплачивается **СЕМЬ** рублей, а на **ШЕСТЬ** руб. накладывается платежъ при разсылкѣ первой книги, которая будетъ закончена печатаніемъ и разслана подписчикамъ въ маѣ 1910 г.

Пересылка по дѣйствительной стоимости.

ПО ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ ЦѢНА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНА.

Подписка принимается въ книжн. магаз. Законовѣдѣніе. С.-Петербургъ, Литейный просп. 53 и другихъ книжн. магаз.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Книжнаго магазина „ЗАКОНОВѢДІЕ“,

С.-Петербургъ, Литейный, 53. Телефонъ 97-59.

И. М. ТЮТРИМОВЪ. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства (изд. 1892 г. и прод. 1906 и 1908 г.). 1910 г. исправл. и дополн. Цѣна 7 р. 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Законы Гражданскіе (т. X, ч. I изд. 1900 г. и продолж. 1906 г.). Изд. 2-е, 1909 г. Ц. 6 р. 50 к., въ перепл. 7 р. 50 к.

Гражданское Уложеніе подъ редакц. **И. М. Тютримова** сост. Слатчанъ въ 2-хъ том. 1910 г. Ц. 10 р. въ перепл. 11 р. 50 к.

А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Уставъ о венселяхъ (т. XI, ч. 2-я, изд. 1903 г. и прод. 1906 и 1908 г.). 1910 г. въ перепл. 1 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Уставъ торговый (т. XI, ч. 2-я, изд. 1903 г. и прод. 1906 г.) изд. 2-е 1909 г. Цѣна 3 р. 25 к., въ перепл. 3 р. 75 к. и 4 р.

ЕГО ЖЕ. Уставъ Судопроизводства торговаго (т. XI, ч. 2-я, изд. 1903 г. и продолж. 1906 г.). Изд. 2-е 1909 г. Цѣна 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. и 3 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Уставъ о Несостоятельности (т. XI, ч. 2-я, 1903 г. и продолжен. 1906 г.). Изданіе 2-е, 1909 г. Цѣна въ перепл. 2 р.

А. ЛЕОНТЬЕВЪ. „Крестьянское право“, систематическое изложеніе особенностей законодательства о крестьянахъ. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. и 3 р. 25 к.

Кромѣ сего магазинъ высылаетъ всѣ изданія, имѣющіяся въ продажѣ. Съ требованіями обращаться по адресу: С.-Петербургъ, Литейный пр. 53. магазинъ „ЗАКОНОВѢДІЕ“.

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

Прантини Гражд. Нассац. Департ. Правит. Сената по Страховому праву, подъ редакціей **А. Рождественскаго.** Сост. **Н. Малаховскій.** 1909 г. Цѣна 4 руб., въ перепл. 4 р. 50 к. и 4 р. 75 к.

А. НЕДОШИВИНЪ. Промысловое обложеніе предпріятій обязанныхъ публичной отчетностью и лицъ, состоящихъ въ нихъ на службѣ. 1909 г. Цѣна 3 р.

ЕГО ЖЕ. Руководство для плательщиковъ раскладочнаго сбора. 1908 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

И. ВОЛЬМАНЪ. „Нотаріальное Положеніе“ (т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г. и прод. 1906 г.). 1909 г. Цѣна 3 руб. въ перепл. 3 р. 75 к. и 3 р. 50 к.

К. ТИХОТОКІЙ. „Уставъ о гербовомъ сборѣ“ (т. V, изд. 1903 г. и продолж. 1906 г. и 1908 г.г.). Изд. 4-е, 1910 г. Цѣна въ перепл. 2 р. 25 к.

Л. ВЛАДИМИРОВЪ. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. части: общаго и особеннаго, изд. 3-ье, 1910 г. Цѣна 3 р. въ перепл.

М. ЛЯНЧЕНКОВЪ. Общій Уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ (т. XII, ч. I, изд. 1906 г. и продолж. 1906 и 1908 г.г.) издан. 1910 г. Цѣна въ перепл. 2 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на новый еженедельный журналъ
„ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ“
ВѢСТНИКЪ КУЛЬТУРЫ и ПОЛИТИКИ,
издаваемый въ С.-Петербурѣ
при ближайшемъ участіи
М. М. Ковалевскаго и Р. М. Бланка

и сотрудничествѣ: К. К. Арсеньева, О. Д. Батюшкова, А. Н. Бенуа, М. В. Бернацкаго, В. М. Бехтерева, П. Д. Боборыкина, В. Я. Богучарскаго, А. К. Бороздина, А. И. Браудо, И. К. Брусиловскаго, А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, Ю. С. Гамбаровъ, М. Б. Ганнушкина, А. Г. Горнфельда, А. Г. Гроссмана, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида, И. Л. Давидсона, В. Э. Дена, Д. А. Дриля, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича, И. И. Иванюкова, Н. И. Карѣева, Д. М. Койчева, А. Н. Котельникова, Б. Кричевскій, В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, Г. А. Ландау, Д. А. Левина, П. Ф. Лесгафта, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго, А. А. Мануилова, И. И. Мечникова, Л. Е. Моцкина, Н. К. Муравьева, Д. Н. Овсянко-Кулиовскаго, И. Х. Озерова, Л. Ф. Пантелѣева, Л. И. Петражицкаго, А. С. Постникова, М. Б. Ратнера, Н. М. Рейхсберга, Е. В. де Роберти, Я. Л. Сакера, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, Н. Д. Соколова, Е. В. Тарле, К. А. Тимирязева, К. М. Тахтарева, В. О. Тотоміанца, М. Л. Тривуса, М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. А. Фальборка, М. И. Фридмана, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса, Л. Я. Штернберга, и др.

ПРОГРАММА «ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ»

I. Статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, социальной, литературной и научной жизни Россіи и Запада.

II. Обзоръ послѣдней недѣли (внутренній и иностранный): дѣятельность парламентовъ, дѣйствія правительствъ, жизнь партій, социальное движеніе, мѣстное самоуправленіе, общественная самостоятельность и пр.

III. Документы прогресса. Статьи и сообщенія о ходѣ культурнаго и социального прогресса во всѣхъ странахъ международнаго журнала «Документы прогресса» (изд. въ Берлинѣ,

Парижѣ и Лондонѣ); переводы съ рускописей.

IV. Журналъ журналовъ: обзоръ русскіихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ.

V. Корреспонденціи изъ Россіи и за границы.

VI. Рабочее движеніе. — VII. Кооперативное движеніе. — VIII. Народное образованіе.

IX. Обзоръ экономической жизни (внутренней и иностранной).

X. Литературный обзоръ. — XI. Научный обзоръ. — XII. Завоеванія техники. — XIII. Русская и иностранная библиографія.

XIV. Театръ. XV. Искусство. XVI. Фельетонъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкою: на 1 годъ 5 руб.; на $\frac{1}{2}$ г. 2 руб. 75 коп.; на $\frac{1}{4}$ года 1 руб. 50 коп., за 1 мѣсяцъ 50 коп. За границу: на 1 г. 7 руб.; на $\frac{1}{2}$ г. 4 руб.; на $\frac{1}{4}$ г. 2 руб.; на 1 мѣс. 80 коп. Цѣна отдѣльнаго № съ пересылкой 15 коп.

Пробная подписка до конца текущаго года (11 №№) 1 руб.

Первый № выйдетъ 18 октября текущаго года.

Подписка принимается: въ Главной конторѣ «Запросовъ жизни» С.-Петербургъ, Большая Московская ул., д. 7, кв. 14 и въ книжныхъ магаз. «Наша Жизнь», Литейный пр., 32, т-во Вольфъ, Невскій пр., № 13 и Гостинный дворъ, № 18; Н. Д. Тяпкина, Вас. остр., 9 лин., № 6; «Учебное Дѣло», Пет. стор., Большой пр. № 8 и др.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Большая Московская ул., д. 7, кв. 14. Телефонъ № 121—29.

Редакторъ Р. М. Бланкъ.

Издатели Р. М. Бланкъ и А. Н. Котельниковъ.

Вышла октябрь-
ская книжка
журнала

„МІРЪ“

2-ой годъ

изданія № 1.

СОДЕРЖАНИЕ: Рабочій. Разск. Н. Олигера.—Стихотворенія С Городецкаго, Дм. Цензора, Л. Сохачевской, Н. Шульговскаго.—Голосъ мертвеца. Эюдъ. Влад. Беренштама.—Русская природопшкола. М. Зографъ.—Новые успѣхи въ изученіи земного шара. М. Новорусскаго.—Въ союзѣ и борьбѣ съ микробами. Д. Гленеля.—Изъ области науки, техники, и промышленности. Религ. леканія нашихъ дней. Мѣнья: А. Н. Харузина (дир. деп. иностр. вѣроиспов.), Н. Н. Роговича (гов. оберъ-прокур. свят. синода), прот. М. И. Горчакова, В. П. Череванскаго, гр. Д. А. Олсуфьева, В. И. Погосева-Полянина.—Рабле, Свифтъ и Салтыковъ. Анат. Кремлева.—А. В. Иольцовъ, Н. Носикова. Изъ исторіи русской печати. Гр. Градовскаго.—Уральскій кризисъ. П. Заякина.—Кульч. экон. обзор. Россіи. В. Тотоміанца.—Соціально-полит. обзор. Запада. Н. Лейтеса.—Библиогр.—Списокъ книгъ, поступ. для отзыва. По блѣ свѣту. В. П.—На очереди. темы.—Замѣщ.—Справ. отдѣлѣ.

Гг. годовымъ подписчикамъ при этомъ номерѣ высылается безпл. прилож. альбомъ картинъ.

Цѣна отдѣльнаго № 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909—1910 ГОДЪ

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научно-литературный журналъ

II-ой годъ

„МІРЪ“

съ окт. 1909 по 1910 г.

Въ журналъ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты. Въ 1909—1910 гг. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, большого формата, каждый объемъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (въ 40000 буквъ).

АЛЬБОМЪ изъ 24 КАРТИНЪ ЗНАМ. ХУДОЖН. въ, краскахъ на мѣл. бумагѣ въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

ЖИВЫЯ РЪЧИ Л. Н. ТОЛСТОГО,

собр. М. Б. Тенерепо, которыя въ концѣ года составятъ 2 тома изъ печати на хорошей бумагѣ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА со всѣми прилож. на годъ 5 р., на полг. 3 р. Загр. на годъ 8 р., на полг. 5 р. Адресъ редакц.: С. Петербургъ. Луговая, 47.

Подробный преспектъ и каталогъ книгоиздательства высылается бесплатно.

Редакторъ Л. Л. Богущевскій

Издатель В. Л. Богущевскій

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

въ С.-Петербургѣ, учр. въ 1881 г.

Наличные капиталы: 67.000,000 руб.

Общество заключаетъ страхованія

ЖИЗНИ: капиталовъ и доходовъ для обезпеченія будущности семьи и старости (Застрахованные капиталы къ 1 Января 1908 г. 182.140,000 руб.);

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ коллективныхъ страхованія рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, страхованія отдѣльныхъ лицъ, страхованія пассажировъ;

ОТЪ ОГНЯ: недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ;

ТРАНСПОРТОВЪ: морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ и судовъ.

СТЕКЛОЛЪ и ЗЕРКАЛЪ: отъ излома и разбитія;

ОТЪ КРАЖЪ СО ВЗЛОМОМЪ: движимаго имущества всякаго рода.

Вознагражденія,

уплаченныя Обществомъ со времени его учрежденія:

196.330,000 руб.

Сдѣленія о страхованіи принимаются, и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи, въ С.-Петербургѣ (Морская, № 37) и въ Отдѣленіяхъ и Агентствахъ Общества.

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія заключаются также на главныхъ станціяхъ русскія желѣзныя дороги.

Книжный магазинъ А. ГОМУЛИНА
Литейный пр., 49, скупивши остатки
издательства ЕОС, предлагаетъ по
дешевой цѣнѣ слѣдующія книги
новѣй-
шихъ **РУССКИХЪ И ИНОСТРАН-**
НЫХЪ АВТОРОВЪ: Каменскій.
Солнце и друг.
разказы. Ц. 1 р. Мирбо. Голгова.
Ц. 1 р. Рославлевъ. Стихи 2 книги
Ц. 1 р. 20 к. Ведениндъ. Княжна,
Русалка и другія 3 кн. Ц. 2 р. 20 к.
Ленскій. Утренние звоны. Цѣна 1 р.
Маделэнъ. Три ночи (пѣсь любви).
Ц. 60 к. Альтенбергъ. Какъ я это
вижу. Ц. 1 р. Цензоръ. Старое Гетто.
Ц. 25 к. Баранцевичъ. Символическіе
разказы. Цѣна 75 коп.
Компл. 12 книгъ, около 2.000 страницъ,
съ пересылкою вмѣсто 10 руб. за
4 рубля.

Шутъ. Художественный журналъ,
карикатуры съ многочислен.
рисунками. 52 номера боль-
шого формата за 1908 годъ. Вмѣсто
7 р. за 2 р. 50 к. съ пересылкой.

Череванинъ. Современное поло-
женіе и возможное
будущее. Вмѣсто
1 руб. 10 коп. за 55 коп. съ пере-
сылкой.

Проф. Ранке. Физическія разли-
чія человѣческихъ
расъ съ 148 ри-
сунками за 75 к. съ пересыл.

Стернъ. Исторія революціи
1848 года 2 тома 840
стран. съ пересылкой
за 1 руб. 25 коп.

Г. Гейне. Книга пѣсней, переводъ
съ 51-го изд. 273 стр.
вмѣсто 1 р. 50 коп.
за 75 коп. съ пересылкой.

Проф. П. Рейсъ Основы физи-
ки, метеороло-
гии и матема-
тич. географія. Пер. подъ ред. проф.
Н. А. Гезехуса (со 160 рис.) 60 коп.
съ пересылкой.

Марксъ и Энгельсъ. ЛИТЕРА-
ТУРНОЕ
НАСЛѢДІЕ. Съ предисловіемъ и подъ
редакцію Меринга, Аксельрода, Засу-
личъ, Мартова и др. 2 т. 1200 стр. Вм.
4 р. за 2 р. 50 к. Съ пересылкой.

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТЪ
РАЗСТРОЙСТВА ЖЕ-
ЛУДКА, ХОЛЕРИНЫ,
ПОНОСА, ХУДОГО
ПИЩЕВАРЕНІЯ,
ОСОБЕННО
РЕКОМЕНДУ-
ЕТСЯ ТАМЪ
ГДѢ НѢТЬ
ВРАЧЕВЪ-
НОЙ ПО-
МОЩИ.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
ФА.Д.РИХТЕРЪ №
С-ПЕТЕРБУРГЪ
НИКОЛАЕВСКАЯ
УЛ. Д. № 16.

СЪЮЩЕСТВУ
КОМПАНИИ
«СТОМАКАЛЬ»

НОВАЯ КНИГА С. Тормазовъ

Счастье и прогрессъ съ точки
зрѣнія естественнаго подбора.
Въ книжномъ магазинѣ «Новое Время»
и другихъ. Цѣна 1 руб.

Дамск. фигаро,
Безрукавки,
Блузы вязаныя,
Жакеты вязаные,
Дамск. юбки,
Рейтузы дамск.,
Длин. гамаши,
Дамск. башлыки,
Фуфайки дамск.,
Комбинезонъ дамск.

Мужск. жилеты,
Вязан. пиджаки,
Зашивеыя куртки,
Охотничьи чулки,
Набрюшники,
Наколѣнники,
Пуховыя рукавицы.

Д-ра Егера бѣлье (изъ Штутгардта)
и вообще всѣ чулочные и шерстя-
ные товары рекоменд. специальн.
складъ

Д. ДАЛЬБЕРГЪ,

СПБ., Гороховая, 16.

Товаръ высыл. налож. платежомъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ имѣются слѣдующія новѣйшія изданія

Книгоиздательскаго

Т-ва „ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій просп., собственный домъ № 75.

Собрание сочиненій С. Т. Аксакова. Научно установленный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художеств. приложенія и пр., подъ редакціей *А. Г. Горнфельда*. 6 томовъ по 1 руб., въ изящн. перепл. по 1 руб. 50 коп.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Переводъ и примѣчанія *И. Ѳ. Анненскаго*. Въ 3-хъ томахъ. Цѣна 1 тома 6 руб., въ изящн. стильн. переплетѣ 7 руб. 25 коп.

Здгаръ По. Собрание сочиненій. Переводъ съ англійскаго, съ критико-біографическимъ очеркомъ *М. А. Энгельгардта*. 3 тома по 1 руб., въ изящномъ переплетѣ по 1 руб. 50 коп.

П. М. Невѣжинъ. Собрание сочиненій. 12 томовъ по 1 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ по 2 руб.

Драматическія сочиненія А. Н. Островскаго, Н. Я. Соловьева и П. М. Невѣжина. Со вступительной статьёй *С. В. Максимова*. 2 тома по 1 руб. 60 коп., въ изящномъ переплетѣ по 2 руб. 10 коп.

Европа. Соч. проф. *А. Филлипсона*, съ приложеніемъ статьи *В. П. Воронцова*: „Россія въ народно-хозяйственномъ отношеніи“. 15 вып. по 50 к., въ полуж. перепл. 8 руб. 50 коп.

Чарльзъ Диккенсъ. Холодный домъ. Романъ 3 тома; Оливеръ Твистъ. Романъ. 2 тома; Рождественскіе разсказы. 2 тома. Цѣна каждого тома по 75 коп., въ изящномъ переплетѣ по 1 руб. 25 коп.

Гюи де-Мопасанъ. Собрание сочиненій. 15 томовъ по 1 руб., въ изящномъ переплетѣ по 1 р. 50 коп.

С. В. Максимовъ. Годъ на сѣверѣ. 3 тома; На востокѣ. 2 тома; Лѣсная глушь. 2 т. Цѣна каждого т. 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 50 к.

Георгъ Брандесъ. Натурализмъ въ Англіи. Цѣна 1 р. 75 к.; Лордъ Биконсфильдъ. Цѣна 75 коп., въ изящн. перепл. 1 руб. 25 коп.

Пьесы Я. Н. Островскаго.

Свои люди сочтемся. Ком. въ 4 дѣйств. Цѣна 75 коп.—Не танъ живи, какъ хочется. Драма въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 50 коп.—Не въ свои сани не садись. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.—Лѣсъ. Комед. въ 5-ти дѣйств. Цѣна 1 руб.—Бѣдность не пороку. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.—Волки и овцы. Комед. въ 5-ти дѣйств. Цѣна 1 руб. 25 к.—Доходное мѣсто. Ком. въ 5-ти дѣйств. Цѣна 75 коп.—Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 70 коп.—Гроза. Драма въ 5-ти дѣйств. Цѣна 70 коп.—Безприданница. Драма въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 90 коп.—На бойкомъ мѣстѣ. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.—Безъ вины виноваты. Комед. въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 90 коп.

На складъ Т-ва „Просвѣщеніе“ поступили всѣ изданія книгоиздательствъ:

В. М. Саблина въ Москвѣ, Н. М. Глаголева въ С.-Петербургѣ и д-ра Б. А. Окса въ С.-Петербургѣ.

А ТАКЖЕ:

Проф. **М. М. Новалевскій.** Современные социологи. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Н. А. Нотовичъ. Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Цѣна 1 руб.

Л. Е. Оболенскій. Исторія мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Альманахи молодой еврейской литературы. Книга 1-ая. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Со всѣхъ изданій, имѣющихся на складѣ Т-ва „Просвѣщеніе“, гг. книгопродавцы пользуются издательской скидкой.

Подробный каталогъ высылается, по первому требованію, бесплатно.

КУРСЫ ОБЩЕДОСТУПН. КОММЕРЧ. ОБРАЗОВАНИЯ ЗАОЧНЫЕ БУХГАЛТЕРІЯ

коммерческая арифметика, коммерческая корреспонденция, коммерческая география и товаровѣдѣніе.

Аттестатъ бухгалтера. Отзывы извѣсти. спеціаль. Россіи

Льготныя условія. о Проспектъ требуетъ бесплатно.

Адресовать: *Курсы Коммерч. Самообразованія, СЛБ., Жевскій 92—26*

КЪ СВДѢНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ. Въ объявленіи „Thermos-Patent“, напечатанномъ въ № 9 „Русск. Богатства“ за тек. г. пропущены слова: „Продаются въ магазинахъ“. Слѣдуетъ читать: „Продаются въ магазинахъ дорожн. принадл., оружейн.“ и т. д.
Въ этомъ № то же объявленіе напечат. на стр. 10. (подъ оглавленіемъ).

= ДѢТИ = ДѢТИ = ДѢТИ = ДѢТИ = ДѢТСКОЕ НЕЙТРАЛЬНОЕ ОЛИВКОВОЕ МЫЛО.

Приготовлено въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею докторъ В. Н. Панченко и А. Н. Энглундъ.

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ.—Рекомендуется также какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 25 коп., съ пересылкой 3 куска 1 руб. 30 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особен. вниманіе на фотографическій снимокъ, на которомъ изображены 3 мальчика и 1 дѣвочка, внизу напечатано бѣлымъ А. Энглундъ, на оборотѣ куска марка С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Змиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—Л. Мишнеръ.

Главный складъ для всей Россіи: А. ЭНГЛУНДЪ. С.-Петербургъ, Новодеревенская 15—1.

Книгоиз-во „ПРОМЕТЕЙ“

Спб., Поварской, 10—17.

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

Базаровъ. На два фронта.	2 р. — к.	Пфлейдереръ. О религія	1 „ 25 к.
Войничъ. Оводъ. Перев. Венгеровой	— „ 75 „	Ревиль. Исусъ Назарянинъ Т. I и II по	2 „ — „
Олигеръ. Разсказы. Т. III.	1 р. 25 „	Фейербахъ. Сущность христіанства	1 „ 50 „
Ст. Кравчинскій. Собр. сочин. въ 6 частяхъ. Цѣна кажд. части	1 р. — „	Лютгенау. Естественная религія	1 „ — „
„Вершины“. Сборникъ	1 „ 50 „	Проблема воздухоплаванія.	— „ 80 „
Федоровъ. За океанъ	1 „ — „	Н. А. Рубакинъ.	
Ш. Жидъ. Кооперация	1 „ 25 „	Исторія русской земли.	— „ 70 „
Фламмаріонъ. Невѣдомыя силы природы	2 „ — „	Дѣдушка-Время.	— „ 35 „
Овс. Куликовскій. Собр. сочин. Т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій.	1 „ 25 „	Птичья гнѣзда (съ рис.)	— „ 50 „
„ „ История рус. интеллигенціи ч. I и II по	1 „ 50 „	Какъ появились люди на землѣ (съ рис.)	— „ 40 „
		Какъ люди научились говорить	— „ 15 „
		Путешественники въ царствѣ животныхъ	— „ 25 „

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Каталогъ—бесплатно.

ОКТАБРЬ.

1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

№ 113144

7-57

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ и продолжается подписка на 1909 годъ. (XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНИЯ) НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ **РУССКОЕ БОГАТСТВО,**

издаваемый Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Васкова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79. Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская, 20 *).*—въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющие подписку **КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ** могутъ удерживать за комиссією и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., **ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.**

Подписка съ разсрочку или не вполне оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ **НЕ ПРИНИМАЕТСЯ** до получения недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала **не позже**, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщившіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыхъ марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору журнала или въ отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятые рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

057
RUB
1909
no. 10

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Отрекшіеся отъ міра. <i>А. Гусакова</i> . Окончаніе . .	11— 35
2. Кузнецъ (Изъ Эмиля Верхарна). <i>Виктора Чернова</i> . .	36— 41
3. Крестьянское движеніе въ Италіи. <i>Г. Христіана</i> .	42— 79
4. Разбойники. Разсказъ. <i>В. І. Дмитріевой</i> . I—XXII.	80—114
5. * * Стихотвореніе <i>Ады Чумаченко</i>	114—115
6. Чудодѣйственный бальзамъ <i>Тоно-Бэнге</i> . Романъ. <i>Г. Д. Уэллса</i> . Переводъ съ англійскаго <i>А. В.</i> <i>Каменскаго</i> . Продолженіе.	116—158
7. На краю жизни. <i>В. Муйжеля</i> . I—III.	159—190
8. * * Стихотвореніе <i>Леонида Б.</i>	190
9. Египетъ. <i>С. Елпатьяевскаго</i>	191—213
10. Колесо. Романъ. <i>Йоганна Іенсена</i> . Переводъ <i>Т. А.</i> <i>Богдановичъ</i> . Продолженіе	214—240
11. Изъ Германіи. Двадцать двѣ династіи. <i>Реуса</i> . .	1— 29
12. Разгаръ борьбы (Изъ Англіи). <i>Діонео</i>	30— 64
13. Изъ иностранной жизни и литературы. Пробужденіе Китая. <i>Н. Е. Кудрина</i>	64— 86
14. Политика: Новыя челоукоубійственныя изобрѣте- нія и ихъ политическое значеніе.—Казнь Феррера въ Испаніи.—Греческій кризисъ.—Текущія событія: рѣчь Бріана, англійскій бюджетъ. Дальній Востокъ. <i>С. Южакова</i>	87— 96
15. О добрыхъ предзнаменованіяхъ. <i>А. Петрищева</i> . .	96—105
16. На очередныя темы. Соціальныя послѣдствія „земле- устройства“. <i>А. Пншехонова</i>	105—131

(См. на оборотѣ).

17. Наброски современности. XXII. В. Мякотина. . . 132—155

18. Новые книги.

Леонидъ Андреевъ. Анатэма.—В. Ладыженскій. Далекіе дни.—Ив. Бунинъ. Томъ V. Разказы.—В. В. Каллашъ. Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ.—Грассе. Физиологическое введеніе въ изученіе философіи.—Карлъ Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ.—Леонъ Дюги. Соціальное право, индивидуальное право и трансформация государства.—А. А. Леонтьевъ. Крестьянское право.—Б. Соллогубъ и В. Симоновскій. Указатель лучшихъ по отзывамъ печати учебниковъ, наглядныхъ пособій и методическихъ руководствъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . 156—173

19. Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

20. Объявленія.

Новое клинически испытанное средство для излѣченія чахотки

== ЧИСТЫЙ == ТУБЕРКУЛИНЪ

Tubereulinum purum
Endotin.

Коробка въ 12 ампулъ
(1 курсъ лѣченія)—20 руб.

Гг. врачамъ литературы
ра бесплатно.

Продается въ аптекарскомъ магазинѣ

Б. ШАСКОЛЬСКАГО

С.-Петербургъ, Невскій пр.,
домъ № 27.

„ТЕРМОС“

„ТЕРМОС“—ПА-
ТЕНТ, основан. на
физическ. законѣ
непрониц. безвоз-
душнаго простран-
ства для теплов.

волн. „ТЕРМОС“ вѣчен, не тре-
бует умѣнія обращаться с ним.

Grand-prix!

Патент. во вс. стран. міра.

„ТЕРМОС“—бутылка
„ТЕРМОС“—кувшин
„ТЕРМОС“—кофейник
„ТЕРМОС“—чайник
„ТЕРМОС“—судок

сохраняет
напитки
и кушан.

БЕЗ ОГНЯ
и
БЕЗ ЛЬДА

24 ЧАСА.
ГОРЯЧИМИ.

или

2 НЕДѢЛИ.
ХОЛОДНЫМИ

Продаются в магазин.: дорожн. принадл., оружейн.,
аптекарск., посудныхъ и т. д. Исключ. прод. для вс.
Россіи у фирмы: Export Bureau J. Feinstein. Berlin
NW 52, Thomasiusstr. 18a. Остерегайтесь
поддѣлок!

Настоящ. только со штемп.
THERMOS-PAIENT.

ОТРЕКШЕСЯ ОТЪ МІРА.

XI.

Врачъ оказался душевнымъ человѣкомъ. Онъ свозилъ Петра въ баню, гдѣ тотъ основательно выпарился, потомъ накормилъ и уложилъ спать. Затѣмъ далъ три рубля и посовѣтовалъ попросить у настоятеля позволенія пожить нѣсколько дней въ монастырѣ, пока въ Москвѣ не найдется мѣста. На другой день къ вечеру Петръ возвратился въ монастырь и заявился къ настоятелю. Послѣдній сидѣлъ, по обыкновенію, въ глубокомъ старомъ креслѣ и писалъ.

— Отче,—сказалъ покорнымъ тономъ Петръ:—позвольте мнѣ пожить въ монастырѣ нѣсколько дней, пока я не найду мѣста.

Настоятель положилъ перо и повернулся къ Петру. Тотъ опустилъ глаза, и настоятель долго его разсматривалъ.

— Можешь жить,—проговорилъ онъ, подчеркивая слова,—не нѣсколько дней, а сколько хочешь... всегда.

— Спаси Господи, отче,—сказалъ по-монашески Петръ и почувствовалъ, какъ что-то нечистое проползло по его душѣ.

Настоятель молчалъ, вглядываясь въ молодого человѣка.

— Смотрю я на тебя, Петръ, и думаю,—медленно заговорилъ онъ:—земной ты человѣкъ, землю любишь! И гордецъ... Я тебя съ перваго же взгляда понялъ. Ты, какъ женщина, и разговорчивый, и скрытный... Ты кажешься яснымъ, какъ день, но въ этомъ днѣ не видно твоихъ звѣздъ, по которымъ ты тайно путешествуешь. Стань, говорю тебѣ, лицомъ къ Богу твоему и Богу нашему! Будь единымъ и чистосердечнымъ передъ Отцомъ твоимъ! Тебя тянетъ къ себѣ земля, манить своими красивыми соблазнами, обѣщаетъ блага міра сего. Она любить тебя — это видно, но ты преодолѣй ее, преодолѣй себя... Иные говорятъ: когда молишься неохотно, лучше не молись. Это невѣрно: и не хочется—молись. И

за то, что ты принуждаешь себя, Богъ зачтетъ тебѣ и будетъ современемъ облегчать тебѣ трудныя и тяжелыя минуты молитвы...

Петръ ожидалъ, что настоятель сейчасъ разойдется, начнетъ сверкать глазами, станетъ передъ нимъ во весь ростъ, и ему было непріятно это ожиданіе: онъ чувствовалъ, что его сердце уже закрыто для словъ этого старика. Но настоятель, немного помолчавъ, продолжалъ печальнымъ голосомъ.

— Старъ я и вижу, какъ на святомъ мѣстѣ, въ нашемъ монастырѣ, понемногу водворяется мерзость заустѣнія... И некому поддержать... Некому, некому поддержать!.. Христосъ сказалъ: „Созижду церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ю“, и я вѣрю, что такъ будетъ... Я вѣрю, не какъ раскольники и даже многіе православные, которые думаютъ, что передъ концомъ міра останется только кучка вѣрующихъ, и въ этомъ будетъ заключаться побѣда Христа; нѣтъ, это неправда: это была бы не побѣда, а пораженіе. Если въ цѣпяхъ діавола будутъ милліоны, а въ церкви Христовой сотни, то какая же это будетъ побѣда? Я знаю, что Христосъ будетъ руководителемъ людей, и побѣда будетъ за нимъ. Но, видно, Господу угодно, чтобы это было не скоро... Теперь міръ идетъ не къ Христу, а отъ Христа, и люди дѣлаются болѣе далекими отъ Евангелія, чѣмъ язычники, простые, довѣрчивые, поклоняющіеся каменнымъ бабамъ, потому что въ этомъ поклоненіи чувствуется признаніе высшей и мыслящей силы надъ человѣкомъ... За однимъ богомъ слѣдуетъ другой, высшій, и въ концѣ концовъ появляется Христосъ, „сидящій одесную силы“. Человѣкъ силенъ Богомъ, всемогущимъ Отцомъ вселенной, дарующимъ безсмертіе и жизнь. Только въ Богѣ лежитъ смыслъ человѣческихъ страданій, надеждъ и вѣчнаго стремленія къ совершенству. Невидимыя слезы—самыя горькія, и когда ихъ *никто* не видитъ, онѣ становятся неоправданными... Но мы вѣримъ, что ихъ видитъ Богъ, и каждая наша слеза, каждая радость о Богѣ, каждая мысль записываются на нетлѣнныхъ страницахъ вѣчной книги жизни. Богъ высоко поднимаетъ насъ надъ временной машиной, которая называется земнымъ міромъ. Мы—дѣти Бога, участники высшей жизни, черезъ безсмертіе познающіе весь міръ!.. Но нынѣшній человѣкъ не хочетъ этого. Его увлекаетъ земля... При помощи науки онъ опуталъ землю проволоками, по которымъ мысль человѣческая бѣжитъ, какъ молнія; онъ согналъ съ вершинъ горъ, изъ темныхъ лѣсовъ, изъ глубинъ морскихъ всѣ призраки, которые его утрашали; онъ построилъ огненные колесницы, которыя неутомимо возятъ

черезъ непроходимыя прежде горы и по глубинамъ морей; онъ испробовалъ всѣ плоды земли и нашелъ ихъ вкусными; онъ ночь превращаетъ въ день, подчинилъ себѣ стихіи и заставилъ ихъ на себя работать. И потому онъ возгордился и наазвалъ себя властелиномъ земли. И приходитъ время, когда онъ скажетъ: „Я—богъ!“ Онъ, смертное, подчиненное, подверженное болѣзнямъ и страху существо, назоветъ себя богомъ! Онъ обрѣжетъ нити, которыя ведутъ въ безграничное царство свободы и въ полноту радости и знанія. Его молитвой будетъ работа, его воздаяніемъ будетъ сочувствіе другихъ. Все великое, втайнѣ творимое, будетъ исчезать, потому что всѣ будутъ приноравливаться къ новому богу, которому нужно явственно показать, что я дѣлаю, и которому будутъ недоступны самыя тонкія, самыя важныя движенія нашей души! Но,—настоятель поднялъ руку и ударилъ по ручкѣ кресла,—Христосъ побѣдитъ! Человѣкъ устанетъ отъ своего маленькаго счастья, разочаруется въ себѣ, какъ въ маленькомъ, брэнномъ божествѣ. Ему надобѣдятъ чугунки, пароходы, трубы, черезъ которыя разсматриваютъ небо и видятъ только движеніе и безконечность, но не видятъ скорбной улыбки божества, и скажетъ: „къ чему намъ наши хрустальные дворцы, изобиліе плодовъ земныхъ, моя власть надъ вѣтромъ, морскими волнами и нѣдрами земли, когда все это оканчивается темной пропастью — смертью? Я хочу провести мостъ черезъ эту пропасть, я хочу бѣжать изъ плѣна, которымъ неизбѣжно оканчиваются всѣ наши дѣла“. И онъ обратится къ отшельникамъ, сохраняющимъ святое преданіе, онъ обратится къ одинокимъ душамъ, въ смиренной чистотѣ лелѣющимъ святыхъ, позабытыхъ міромъ, мысли о тайнахъ великой обители—неба; онъ къ намъ обратится!

Старый монахъ бросилъ на Петра пылающій, вдохновенный взоръ и на минуту замолчалъ. Петръ стоялъ, смиренно опустивъ глаза и чувствовалъ, какъ всѣ эти слова упорно бились въ его наглухо закрытое сердце. На послѣднія слова настоятеля онъ мысленно отвѣчалъ: „не обратится онъ къ вамъ... Никогда!“

— И вотъ, среди всеобщаго развращенія людей, когда они будутъ считать себя богами, тамъ и сямъ будутъ на землѣ святыхъ обители праведниковъ, въ которыхъ, какъ свѣча въ ночной темнотѣ, будетъ горѣть благочестіе... Господу было угодно дать мнѣ въ руководство адѣшнюю обитель, и я по мѣрѣ своихъ малыхъ силъ старался для нея... Были съ моей стороны, по моей слабости, большія упущенія, но, надѣюсь, Господь проститъ меня за мою ревность передъ нимъ... Люди гордые, земные, какъ ты, сильно осуждаютъ меня, что я смиреніе и послушаніе ставлю выше

всего; мною, говорятъ они, пользуются наушники, доносики—и говорятъ, что это... не хорошо! Но я, — настоятель стукнулъ рукой и сверкнулъ глазами, — я смотрю на это дѣло иначе! Мнѣ, положимъ, несутъ соръ и грязь, но въ этомъ сорѣ и грязи есть жемчужина... Я и выкапываю эту жемчужину... Ты приносишь мнѣ свою грязную душу со смиреніемъ, и я благословляю тебя, потому что, когда душа твоя сдѣлается чистой, ты и тогда не оставишь смиренія... Ты приходишь съ чистой душой, но и съ гордостью, и я отвертываюсь отъ тебя, потому что гордость ненавистна Господу...

Видимо, ему было трудно выражать свои тайныя мысли: онъ внутренно волновался и подыскивалъ выраженія:

— Смиренное довѣріе къ старшимъ паче всего! Понялъ?— прибавилъ онъ, безпомощно бѣгая глазами по комнатѣ. Такие переходы отъ страшной увѣренности и силы къ безпомощности и неуверенности въ себѣ были въ немъ довольно часты.

— Понялъ, отче,—сказалъ Петръ, видя, въ какихъ тенетахъ бьется мысль суроваго старика, всю жизнь практиковавшаго шпіонство ради нравственныхъ и высшихъ цѣлей. Петръ понялъ, что настоятель обращалъ на него особенное вниманіе, желая, повидимому, создать изъ него преемника своей жизненной задачи. Это льстило юношѣ, но атмосфера лицемѣрія, низкопоклонства, суевѣрія, среди которой всю жизнь прожилъ архимандритъ и которая и теперь его окружала,—была противна Петру. Настоятель, занятый религіозными вопросами, великанъ среди пигмеевъ-монаховъ, не замѣчалъ, что эти пигмеи жили именно тѣмъ, что онъ только что называлъ „соромъ и грязью“. И жили только этимъ.

Петръ вышелъ изъ комнаты съ чувствомъ собственной правоты и равнодушія къ рѣчамъ монаха. Придя въ свою комнату, онъ написалъ врачу письмо, въ которомъ извѣщалъ, что остается пока въ монастырѣ, и просилъ приготовить ему свѣтскихъ книгъ для чтенія.

ХІІ.

Съ началомъ зимы настоятель началъ прихварывать и пересталъ ходить къ утрени. За нимъ, пользуясь случаемъ, перестали ходить почти всѣ послушники. Пересталъ ходить и Петръ, но, чтобы дать нѣкоторую тѣнь законности своему поступку, началъ по вечерамъ ходить къ о. Серафиму помогать печь просфоры, что не было ни обременительнымъ, ни скучнымъ.

Въ маленькой просфорнѣ, гдѣ и жилъ о. Серафимъ, было тепло, уютно и пахло вкусными просфорами, точно въ наивныхъ изображеніяхъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, пекущаго хлѣбы и просфоры. О. Серафимъ, молодой монахъ, красивый, но испитой и до жалости робкій, нравился Петру, какъ и его товарищъ о. Варлаамъ, еще болѣе испитой и робкій, но некрасивый и при томъ безграмотный. Кто изъ нихъ былъ глупѣе, — Петръ не зналъ, потому что оба были глупы до плѣнительной святости и до смѣшного молчаливы. Если когда-нибудь они и говорили, то какъ-то скороговоркой, шепоткомъ, обрывая неоконченныя фразы и робѣя. Если ихъ выпустить изъ монастыря на волю, — думалъ Петръ, то они пропадутъ, какъ рыба, вытщенная на берегъ. У о. Серафима была красивая черная борода, греческій носъ, черныя брови и мягкіе покорные черные глаза. Его, пожалуй, могла бы пристроить къ себѣ какая-нибудь благочестивая вдова... Впрочемъ, въ немъ какъ-то не замѣчалось крови и физической жизни. У о. Варлаама была маленькая рѣденькая борода, бѣлые испуганные глаза, большой заостренный носъ и тоже полное отсутствіе крови. Куда они ее дѣли, — неизвѣстно. У обоихъ не было никакихъ сомнѣній, рѣдко выходили они за стѣны монастыря; „міръ“ для нихъ былъ страшень, и даже среди своихъ привычныхъ монастырскихъ сожителей они чувствовали себя не по себѣ. Они вѣрили, что, если бросить просфору собакѣ, то собака не можетъ ее съѣсть, потому что изъ просфоры тотчасъ же выйдетъ невидимый огонь. Когда ложились спать, то крестили двери, окна, отверстіе печки, кадушку, рукомойникъ, а себѣ крестили ротъ, уши, чтобы діаволу нигдѣ не было входа.

Петру они напоминали смиренныхъ отцовъ старинныхъ монастырей, и онъ любовался ими, хотя и относился съ ироніей и часто подшучивалъ.

— О. Варлаамъ, — говорилъ Петръ, раскатывая бѣлое тѣсто въ палку, — васъ искушаютъ демоны?

Оба отца вскидывали на Петра робкіе глаза, и о. Варлаамъ говорилъ:

— А то какъ же!

— А какъ они васъ искушаютъ?

— Разно. То ѣсть до обѣдни, то... всякое...

— А напимѣръ, ну, положимъ, жениться... не искушаютъ?

О. Варлаамъ испуганно посмотрѣлъ на вопрошавшаго и недовольно прошепталъ:

— Бываетъ и это... всяко бываетъ!..

Бросая блаженнымъ отцамъ время отъ времени различные вопросы и получая робкіе отвѣты, Петръ узналъ посте-

пенно, что отцы не такъ ужъ боятся грѣха, какъ можно было бы подумать, глядя на ихъ постныя фигуры. Противъ загробныхъ послѣдствій грѣха существуетъ вѣдь покаяніе и милосердіе Божіе. Счастливое міросозерцаніе, согласно которому грѣхи многихъ лѣтъ смываются однимъ часомъ исповѣди, и расслабленіе духа лѣжится лѣнивымъ перебираниемъ лѣстовки! Монахи привыкли преувеличивать господство грѣха за монастырскими стѣнами; монахъ, самъ согрѣшая изрядно, все таки думаетъ, что согрѣшаетъ меньше „мірскаго“. Тамъ есть женщины, а гдѣ женщины, тамъ великій ежечасный соблазнъ и легкость грѣха: женщины такъ легкомысленны и полны желаній...

Почему то мысли о „грѣхѣ“ пришли въ голову Петра во время ночныхъ работъ среди этихъ робкихъ испитыхъ монаховъ. Было что-то неуловимо-расслабленное въ атмосферѣ просфорни съ запахомъ просфоръ, съ мерцаніемъ синей лампы передъ образами, въ нервныхъ движеніяхъ о. Варлаама. И это неуловимое вдругъ тонкимъ вѣяніемъ пронеслось передъ Петромъ въ тишинѣ работы и говорило о какихъ то жуткихъ и загадочныхъ преступленіяхъ противъ природы и о гнилостномъ разложеніи душъ...

Въ просфорню съ нѣкоторыхъ поръ повадился ходить недавно поступившій послушникъ, лѣтъ 20, Ваня Спиринъ. Заявился онъ въ монастырь, какъ богомолецъ, странствующій по святымъ мѣстамъ, съ котомкой за плечами, наполненной грязнымъ бѣльемъ, крестиками, амулетами, пузырьками чудотворной воды. Онъ оказался землякомъ настоятеля, купеческимъ сыномъ съ фамиліей, хорошо настоятелю знакомой. Артистически разыгравши роль раскаявшагося блуднаго сына, безпрестанно кланаясь и съ умиленіемъ чмокая настоятелю руку, молитвенно морща добродушно-веселое лицо, онъ безъ труда получилъ разрѣшеніе остаться въ монастырѣ и сразу познакомился со всѣми послушниками. Избалованный купеческій сыночекъ сказывался во всемъ. У него были курчавые, словно завитые, волосы, мягкій неправильный говоръ, который настоятелю, видимо, многое напоминалъ. Безграмотный, безпечный и добродушный, онъ готовъ былъ каждую минуту пресмыкаться, чтобы задобрить человѣка, и тутъ же пойти и первому встрѣчному со смѣхомъ рассказать обо всемъ; послѣ горячей молитвы онъ могъ танцевать, готовъ былъ напиться послѣ исповѣди, заложить крестъ и пойти къ проституткамъ. Исторія его странствованій началась съ того, что онъ стащилъ 800 рублей у отца и прокутилъ. Послѣ этого онъ отправился по святымъ мѣстамъ. Посѣщая монастыри, онъ неизмѣнно посѣщалъ и ближайшіе къ нимъ публичные дома и былъ очень доволенъ.

такимъ сосѣдствомъ. Черезъ три дня по поступленіи въ монастырь онъ вечеромъ успѣлъ побывать въ какой-то дружеской компаніи и навеселѣ пришелъ въ келью, гдѣ въ это время поучалъ настоятель, окруженный послушниками. Ваня сѣлъ поодаль на койку и съ такимъ умиленіемъ качалъ головой на слова проповѣдника, что послушники едва удерживались отъ смѣха. Настоятель ничего не замѣтилъ.

Въ просфорнѣ Спиринъ держалъ себя тихо, легко впадая въ тонъ о. о. Серафима и Варлаама. Суевѣрный, какъ деревенская баба, онъ млѣлъ передъ „жупелами“ и съ умиленіемъ старозавѣтной купчихи относился къ лицамъ, въ которыхъ заключалось для него что-то неразгаданное, святое... Но если въ этой святой неразгаданности открывалась для него какая нибудь едва замѣтная черточка человѣческой слабости, то онъ невольно начиналъ ей радоваться и каждую минуту былъ готовъ ее поддержать. Если бы святые отцы, Серафимъ и Варлаамъ, которымъ Ваня съ благочестивой физиономіей рассказывалъ о достопримѣчательностяхъ святыхъ мѣстъ, вдругъ закутили и пригласили рассказчика въ свою компанію.—о! это былъ бы для него великій праздникъ. Но смиренные отцы для кутежа не годились и только терпѣливо выслушивали его болтовню.

Однажды ночью Петръ, въ ожиданіи, когда вынуть изъ печи просфоры, легъ на лавку и уснулъ. Полегли также и другіе, кромѣ отца Варлаама. Случайно проснувшись, Петръ услышалъ за перегородкой странный громкій шепотъ между о. Варлаамомъ и Ваней. То, о чемъ они говорили, такъ поразило Петра, что онъ быстро приподнялся и сѣлъ. Спиринъ метнулся изъ-за перегородки и, увидавъ блѣднаго, взволнованнаго Петра, заюлилъ передъ нимъ и началъ растерянно болтать всякій вздоръ. Петръ взялъ шляпу и молча вышелъ изъ кельи. Ему чудилось, что въ темнотѣ коридора, около двери просфорни, онъ долженъ встрѣтить бѣса сладострастія, весело потирающаго руки... Но никого не встрѣтилъ и пошелъ къ себѣ, въ настоятельскій домикъ, откуда уже никогда больше не ходилъ въ просфорню...

ХІІІ.

Посовѣтовавшись съ докторомъ, Петръ рѣшилъ не искать мѣста въ Москвѣ, которое могло дать ему только нищенское вознагражденіе и отнять все свободное время, а сталъ готовиться въ Учительскій Институтъ. Настоятелю же сказалъ, что хочетъ готовиться въ городскіе учителя, при чемъ выразилъ желаніе занять мѣсто въ монастырской школѣ.

Послѣдняя болѣе походила на большую тюремную камеру, чѣмъ на школу; въ ней обучалось человѣкъ 12 мальчиковъ—единопѣрцевъ изъ пригорода. Обученіемъ занимался пожилой послушникъ, употреблявшій старый методъ, благодаря которому ученики едва достигали въ концѣ чтенія псалтири. За „наученіе книжное“ послушникъ получалъ 8 рублей въ мѣсяцъ. Настоятель съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ Петра и даже далъ ему денегъ на покупку учебниковъ. Въмѣстѣ съ учебниками и методиками Петръ приносилъ въ монастырь и свѣтскія книги, которыя хранилъ въ своемъ шкапчикѣ на заперѣ.

Однажды онъ сидѣлъ одинъ въ комнатѣ настоятеля и занимался. Потихоньку отворилась дверь, и въ комнату кошащей походкой вошелъ Викторъ Ивановичъ, который нѣкогда донесъ о чтеніи Петромъ свѣтскихъ книгъ.

— Занимаешься?—ласково спросилъ Викторъ Ивановичъ, садясь на стулъ и положилъ шляпу на колѣни.

— Да,—отвѣчалъ Петръ, мелькомъ взглянувши на собеседника.

Бывшій учитель гимназій, а теперь „нищій во Христѣ“ спокойно сидѣлъ, блестя умными глазами и расчесывая черную бороду красивыми бѣлыми пальцами.

— Отца архимавдрита дома нѣтъ?

— Уѣхалъ въ городъ,—отвѣчалъ Петръ, удивленный тѣмъ, что Викторъ Ивановичъ не знаетъ такого важнаго обстоятельства. Обыкновенно, когда настоятель уѣзжаетъ въ городъ, объ этомъ быстро узнаетъ весь монастырь, и всякій старается использовать это обстоятельство по своему. Нѣкоторые уходятъ за ворота и закупаютъ „очищенной“, другіе уходятъ куда-нибудь погулять, третьи просто наслаждаются сознаніемъ, что начальство уѣхало.

Викторъ Ивановичъ помолчалъ, потомъ привсталъ посмотреть, чѣмъ занимается Петръ.

— Хорошее дѣло!—тономъ искренняго убѣжденія проговорилъ онъ, садясь опять на прежнее мѣсто.

— По крайней мѣрѣ, объ этомъ донести нельзя!—замѣтилъ Петръ.

Викторъ Ивановичъ ничего не сказалъ.

— А ты все-таки читаешь свѣтскія книги?—спросилъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы.

— Нѣтъ.

— Напрасно. Я тогда предупреждалъ тебя для того, чтобы отвлечь отъ односторонняго чтенія; теперь ты вдаешься въ другую крайность. Научныя книги и книги по литературѣ необходимо читать тому, кто хочетъ быть образованнымъ человѣкомъ... Это мое непоколебимое убѣжденіе!

Викторъ Ивановичъ всталъ. Петръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что человѣкъ смотритъ ясно и просто и вовсе непохожъ на іезуита, какимъ обыкновенно ему представлялся.

— До свиданья,—довольно добродушно произнесъ Викторъ Ивановичъ и ушелъ.

Вечеромъ Петръ передалъ Щурову свой разговоръ съ Викторомъ Ивановичемъ и выразилъ удивленіе этой переѣмѣ.

— Мошенникъ 96-й пробы!—категорически объяснилъ Щуровъ.—Еще когда онъ поступилъ въ монастырь и кормилъ полтора года въ грязномъ коридорѣ клоповъ, блохъ и другую пакость, я сразу увидалъ, что это панъ Твардовскій! Онъ, въ свою очередь, сразу понялъ, что всѣ мы здѣсь дураки, неучи, а настоятель любитъ сплетни... ну, и хотѣлъ всѣхъ насъ прибрать къ своимъ рукамъ. Да не вышло: настоятель его раскусилъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Викторъ Ивановичъ, отправившись утромъ въ городъ смиреннымъ, богобоязливымъ аскетомъ, въ старомъ штопанномъ подрясникѣ, въ рыжей мятой шляпѣ и стоптанныхъ сапогахъ, вечеромъ возвратился въ монастырь господиномъ съ подстриженной клинушкой бородкой, въ широкополой изящной шляпѣ, новой скруточной парѣ, сорочкѣ и лакированныхъ ботинкахъ,—и не просто возвратился, а въѣхалъ на лихачѣ и съ... сигарой въ зубахъ!

Эффектъ былъ до того поразительный, что на другой день іеродиаконъ о. Иванъ напился такъ, что упалъ во время службы, а послушникъ Меводій въ пьяномъ видѣ перебилъ окна и стулья въ своей кельѣ и цѣлый день цѣловалъ всѣхъ молодыхъ послушниковъ и курилъ на площади, на самомъ видномъ мѣстѣ—передъ колокольной. Настоятель еще до этого заболѣлъ и готовился къ смерти, а когда ему донесли, что Викторъ Ивановичъ поступилъ студентомъ въ Духовную Академію, только сверкнулъ глазами и ничего не сказалъ. Онъ и раньше зналъ этого человѣка... Вообще онъ былъ совершенно одинокъ въ своемъ монастырѣ, и ближайшимъ человѣкомъ къ нему былъ рыжий косой Евтихій, грубый, невѣжественный парень, когда-то прогнанный со службы изъ водочнаго магазина за попытку совершить кражу со взломомъ. Евтихій извивался передъ настоятелемъ, доносилъ обо всемъ, что дѣлается въ монастырѣ, и хвастался передъ послушниками, что настоятель выхлопочетъ ему мѣсто дьякона въ единовѣрческомъ приходѣ.

Какъ-то разъ, въ теплый зимній вечеръ, Петръ сидѣлъ

на скамейкѣ подъ липами и о чемъ-то думалъ. Къ нему подбѣлъ Григорій Анисимычъ, монастырскій учитель пѣнія по крюкамъ. Человѣкъ талантливый, но несправимый бродяга и прожигатель жизни.

— А я сейчасъ изъ города, — весело заговорилъ онъ: — забрелъ къ другу, рюмочекъ семь выпили... Хорошо!

— У васъ въ Москвѣ есть и пріатели?

— Если въ Москвѣ не быть, то гдѣ же имъ и быть? — удивился Григорій Анисимычъ: — у меня даже въ нашемъ проклятомъ нищенскомъ монастырѣ есть пріатели.

— Кто же?

— Агафонъ. Кстати, пойдемъ къ нему, онъ насъ, можетъ быть, водочкой угостить. Самъ не пьетъ, а для меня найдеть... Пойдемъ!

Григорій Анисимычъ взялъ Петра подъ руку и, наклонившись къ его уху, значительно шепнулъ: — Онъ штундистъ!

— Чепуха, — спокойно замѣтилъ Петръ. — Вы, навѣрное, не знаете, что такое штундисты.

Но все-таки онъ пошелъ съ Григоріемъ Анисимычемъ, жемая посмотрѣть на Агафона поближе.

Агафонъ — коренастый плотный старикъ, лѣтъ 60, съ крупными, точно вырубленными, чертами лица и длинной сѣдой бородой. Лицо свѣжее, съ спокойными голубыми глазами; отъ всей небольшой фигуры Агафона вѣяло силой и невозмутимостью. Онъ не былъ монахомъ и жилъ въ монастырѣ только зимой, а лѣтомъ уѣзжалъ въ свою деревню, гдѣ вмѣстѣ съ сыномъ занимался земледѣліемъ. Въ монастырѣ онъ переписывалъ старыя богослужебныя книги стариннымъ церковнымъ шрифтомъ. Агафонъ ходилъ въ церковь, трапезную, истово молился, но почти никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ и по виду ни съ кѣмъ не водилъ знакомства. Спокойный, молчаливый, онъ одиноко проводилъ всѣ дни въ своей кельѣ, занимаясь своимъ дѣломъ.

Съ чувствомъ неловкости вошелъ Петръ вслѣдъ за Григоріемъ Анисимычемъ въ келью Агафона. Тотъ работалъ передъ столомъ съ большой лампой и привѣтливо улыбнулся вошедшимъ. Онъ былъ въ очкахъ и блузѣ, что придавало ему странный видъ профессора въ „опрощеніи“. Въ кельѣ было довольно чисто и опрятно и, что всего удивительнѣе, не пахло ладаномъ.

Агафонъ снялъ очки, задернулъ на окнѣ занавѣску, отодвинулъ книги и спросилъ:

— Ну, что скажете новенькаго?

— Ты думаешь: мы такъ тебѣ все и выложимъ? — подхватилъ Григорій Анисимычъ. — Нѣтъ, насъ на мякини не объѣдешь. Угостишь водочкой — наговоримъ съ три короба.

Григорій началъ разсказывать о знакомыхъ въ Москвѣ, объ угощеніяхъ и объ особомъ способѣ готовить къ водкѣ винегреть изъ помидоровъ, луку, перцу и селедки.

Агафонъ разсѣянно слушалъ его и, наконецъ, спросилъ Петра:

— Ты по сектанству занимаешься?

— Да.

— Что же—дѣло хорошее,—вѣло замѣтилъ Агафонъ.

— Онъ самъ штундистъ,—сказалъ Григорій Анисимычъ, обращаясь къ Агафону.

— Съ чего это вы взяли?—недовольно спросилъ Петръ.

— Видно, видно! Я на Дону и на Волгѣ вашего брата не мало перевидаль... Да что говорить! я и самъ ни во что толкомъ не вѣрю!

Петръ понялъ, что для Григорія „штундистъ“ значитъ: свободомыслящій, скептикъ, человѣкъ, заподозрѣнный въ неуваженіи обрядовъ и обычаевъ.

— Я уже вамъ говорилъ, — замѣтилъ онъ,—что вы ничего не понимаете въ штундизмѣ.

— Ты понимаешь изъ книгъ, а я изъ практики!

Агафонъ спокойно переждалъ этотъ разговоръ и спросилъ Петра:

— Ну, что же по твоему за народъ штундисты?

— Хорошій народъ; это не то, что безпоповцы... Они, по моему, за дѣло берутся съ самаго корня.

Григорій снова закинулъ удочку относительно выпивки. Агафонъ далъ ему 20 коп. и сказалъ, чтобы онъ доставалъ водку, гдѣ хочетъ. Учитель съ веселымъ свистомъ исчезъ изъ кельи.

— До корня имъ еще далеко!—вдумчиво повторилъ Агафонъ.—Корень—это значитъ: есть ли Богъ, или нѣтъ, и какой онъ?

Петръ, въ изумленіи, невольно широко раскрылъ глаза. Слышать такой вопросъ, такъ ясно и опредѣленно поставленный, въ стѣнахъ монастыря и, при томъ, отъ человѣка, совершенно незамѣтнаго, необыкновенно молчаливаго, спокойно исполняющаго монастырскій уставъ, было поразительно-неожиданно. А Агафонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, взялъ съ окна маленькій самоваръ и, снимая съ него крышку, продекламировалъ:

— Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучной жизни шумъ.

— Вотъ слова, которые больше говорятъ мнѣ, чѣмъ цѣлыя страницы святоотеческихъ писаній.

Петру эти слова стихотворенія говорили мало, потому что его молодое сердце было полно надежды и желанія борьбы и счастья, но ему много говорилъ самъ Агафонъ, загадочный и такой спокойный.

— Поповцы, безпоповцы, бѣглопоповцы, бѣгуны, пашковцы и разные другіе—„како, мнишь, имъ быти?“—спросилъ Агафонъ, насыпая въ самоваръ углей и ставя трубу.

Петръ замялся, не зная, что ствѣчать.

— Дураками,—отвѣтилъ самъ себѣ Агафонъ, подходя къ рукомойнику.—Весь смыслъ всей жизни, всей науки, всего, „елика на небеси горѣ, елика на земли низу и елика въ водахъ подъ землею“, все это обратить въ споры о томъ, какимъ крестомъ молиться, какъ пѣть „аллилуйя“, какъ писать: Иисусъ или Иусы! Что это?—Темная глупость, незнаніе, доказательство, что мозгу нѣтъ!.. Вѣдь я правду говорю?

— Правду!

— Еще бы! Эта правда мнѣ досталась!.. Когда мнѣ было еще лѣтъ 20, со мной вышла исторія... Я — крестьянинъ, и хозяйство у насъ и теперь еще есть... Дѣло было въ Великую Субботу... Пасха была поздняя. Пріѣхалъ я съ поля, усталъ, измучился, ѣсть, какъ волку, хочется... Дома никого нѣтъ. Полазилъ я по полкамъ, по горшкамъ, нашелъ всего одну маленькую корочку... А на столѣ лежать приготовленныя къ завтрашнему дню яйца, два кулича, двѣ пасхи, колбаса, свинина и такъ славно пахнуть, что просто голова кружится... Я и думаю: „я почти цѣлый день ничего не ѣлъ и трудился; постился я весь постъ, да и вся наша мужицкая жизнь—силошной постъ. Какая бѣда, если за неимѣніемъ постнаго поѣмъ сейчасъ скоромнаго?“—взялъ да и съѣлъ два яйца, кусочекъ кулича, колбасы и свиный кусочекъ. Что же?

Я сталъ „притчей во языцѣхъ“. На двадцать верстъ въ окружности всѣ мужики, бабы, мальчишки, дѣвчонки знали и дразнили меня, что я разговѣлся въ страстную субботу... А я былъ парень дѣловый, работникъ хорошій и начетчикъ... Дурачье!

— Впрочемъ, я къ этимъ дуракамъ не питаю злобы, — продолжалъ совершенно спокойнымъ и даже добродушнымъ тономъ Агафонъ.—Они этого не заслуживаютъ, но и симпатіи у меня къ нимъ нѣтъ. Получить такой дуракъ кое-какое образованіе по церковнымъ книгамъ, смотришь—ходитъ гоголемъ! Уваженіе ему!.. Говорить съ тобой—потираетъ руки, въ глазахъ снисхожденіе, на устахъ улыбочка: „ты, молъ, слушай меня, дурачекъ, я вѣдь все знаю: „еще и абіе“ и всю премудрость вселенскую“... А самому до истинной сути такъ же далеко, какъ русской курицѣ до Египта! Напѣвалъ и я

когда-то въ компаніи съ такими людьми одинъ стишокъ.—И Агафонъ, улыбаясь и готовя для чая посуду, тихо пропѣлъ баритономъ:

— Мы—люди ученые,
Мы—люди разумные;
Намъ школы не писаны,
Намъ попы не ставлены.
Извѣстуй: что есть двѣнадцать?—
Двѣнадцать апостоловъ,
Одиннадцать круговъ солнечныхъ,
Десять заповѣдей божіихъ,
Девять чиновъ ангельскихъ,
Столько же архангельскихъ,
Восемь—конецъ у креста,
Семь соборъ святыхъ отецъ,
Шесть криль у херувимъ,
Пять язвей у Христа,
Четыре евангелія,
Въ тріехъ лицахъ единъ Богъ.
На небѣ онъ царствуетъ,
На землѣ господствуетъ.
Королуетъ Богъ нашъ надъ нами!

— Хорошій стихъ,—сказалъ Петръ, улыбаясь,—цѣлый символъ вѣры.

— Цѣлая ограда для человѣка,—поправилъ Агафонъ. Петръ удивлялся, что между словами Агафона и выраженіемъ его лица не было гармоніи. Губы говорили о презрѣніи и даже ненависти, жесты — о спокойномъ состояніи духа, уравновѣщенномъ и умиротворенномъ. Или этотъ человѣкъ умѣлъ удивительно владѣть собой, или теперь лишь спокойно повторялъ то, что говорилъ раньше съ чувствомъ и силой. И почему онъ, такой молчаливый и ни въ чемъ еретическомъ не заподозрѣнный монастырской братіей, такъ широко открывался теперь Петру. Быть можетъ, оставаясь на концѣ своей жизни одинокимъ, невольно, безсознательно искалъ онъ какой-нибудь молодой воспріимчивой души, въ которую могъ бы влить часть своего молчаливаго отрицанія?

Стали пить чай. Петръ, увлеченный довѣріемъ почти незнакомаго ему до сихъ поръ человѣка, разговорился. Агафонъ слушалъ внимательно, но чувствовалось, что все это ему знакомо, и все это онъ давно уже пережилъ. Когда Петръ замолчалъ, Агафонъ сказалъ:

— Иной разъ, вечеромъ, окончишь писать по уставному разнымъ бабѣ сказки, которыя, между прочимъ, уродуютъ

жизнь, и вынешь изъ сундучка какую-нибудь книжку... тамъ у меня есть книжка: „По волнамъ безконечности“, сочиненіе Фламмаріона... Душа растеть, когда читаешь! Все, что казалось большимъ, громаднымъ, страшнымъ, дѣлается маленькимъ, маленькимъ, а то, что было незамѣтнымъ, растеть, увеличивается... Самая земля дѣлается крошечной, крошечной... А кругомъ бѣгутъ по небесамъ громадныя звѣзды „имже нѣсть числа“, и тутъ спрашиваешь себя: какъ же это сказано, что Богъ, „на водахъ повѣсилъ землю?..“

— Лѣтомъ,—продолжалъ Агафонъ послѣ нѣкотораго перерыва,—лежишь почью въ полѣ, устанешь послѣ работы, уставившись на звѣзды и чувствуешь: не то умереть, не то спать хочется... Сынъ мой,—онъ такой же философъ, какъ и я,—говорить, что только спать хочется,—Агафонъ улыбнулся,—а я говорю, что скорѣе умереть. Онъ—молодой, я—старый; и онъ правъ, и я правъ. Я думаю: пожилъ—и будетъ. И кругомъ тебя все такъ: всякая травка, букашка, птичка, всѣ животныя живутъ, работаютъ, наслаждаются и умираютъ. И чего особенно печалиться объ этой сутолокѣ?

— А развѣ вы не вѣрите въ безсмертіе души?—спросилъ, слегка поблѣднѣвъ, Петръ.

— Нѣтъ, что-то мало вѣрится. Да, пожалуй, и совсѣмъ не вѣрю.

— А я вѣрю!—заговорилъ, глубоко взволнованный, Петръ. До сихъ поръ онъ соглашался съ Агафономъ, потому что тотъ высказывалъ мысли, которыя явно или тайно бродили и въ его головѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ жила вѣра въ безсмертіе. Оно, въ его пониманіи, давало смыслъ всему окружающему, всѣмъ поступкамъ, добродѣтелямъ и труду человѣка. Петръ съ увлеченіемъ началъ развивать свою теорію, по которой сохраняется и живетъ изъ вѣка въ вѣкъ человѣческая душа, постепенно проникая и побуждая міръ. Все, что онъ ни говорилъ въ монастырѣ на эти темы,—было ложью или полужошью. Теперь онъ говорилъ открыто о своемъ задушевнѣйшемъ убѣжденіи и чувствовалъ, какъ легко, свободно и горячо говорится передъ этимъ страннымъ человекомъ о томъ, что онъ считаетъ святымъ, дорогимъ и что лелѣялъ въ душѣ, какъ цвѣтокъ, посѣянный въ минуту плодотворной радости.

Выйдя изъ-за стола, онъ ходилъ по кельѣ, возбужденный, покраснѣвшій, съ блестящими черными глазами, мечтательно смотрѣвшими въ какую-то даль. Агафонъ любовно смотрѣлъ на него, поблескивая спокойнымъ голубымъ взоромъ.

— И вотъ,—продолжалъ Петръ,—я обращаюсь къ человѣческой душѣ. Она—самое крупное и хитроумно устроенное изъ всего, что есть на свѣтѣ. Трава, цвѣтокъ, бабочка, жи-

вуть настоящимъ днемъ. Для нихъ смерть такъ же справедлива, какъ справедливъ закатъ солнца.. Но душа человѣка думаетъ о будущемъ, работаетъ для будущаго, сознательно идетъ на страданія для того, чтобъ пришло царство Божіе на землѣ. Только душа человѣческая строить мосты, по которымъ будутъ ходить черезъ сотни и тысячи лѣтъ!.. И вотъ мы говоримъ: она умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и всѣ подвижники, мученики, люди, положившіе „душу свою за други своя“, всѣ они померли, и нѣтъ имъ воздаянія!.. Да вѣдь это разрушаетъ всю гармонію вселенной! На кой чертъ вся эта комариная сложность и то, что у человѣка каждый волосокъ—трубочка, когда душа человѣка умираетъ, какъ червякъ растоптанный!

Петръ кончилъ и сѣлъ къ столу. Агафонъ молчалъ и о чемъ-то думалъ. Наконецъ, онъ медленно произнесъ:

— Это хорошо, что ты такъ думаешь.. Это хорошо.

— Хорошо? Почему вы не вѣрите такъ?

— Не могу, не вѣрю. Ты вотъ говоришь: душа человѣческая хочетъ безсмертія, работаетъ для него, и потому оно есть. А вотъ моя душа не хочетъ безсмертія, и я считаю, что я не для него работалъ, пятнадцать лѣтъ въ Сибири книгоношей штундистскимъ быть, народъ просвѣщаль.. И неужели только моя душа не хочетъ безсмертія?.. Я думаю, что найдутся и другіе такіе же.. Мы даже приятно думать, что я помру, и изъ меня „лопухъ вырастетъ“... Вотъ тебѣ и жажда безсмертія! Душа душѣ, другъ мой, рознь.. Ты вѣришь въ адъ и въ рай?

— Нѣтъ.

— А о нихъ-то и думали подвижники не только вѣры христіанской, но и другихъ вѣръ. Всю жизнь думали, какъ бы спастись отъ ада и попасть въ рай. Они, да и всѣ вѣрующіе, думали совсѣмъ не о такомъ безсмертіи, о какомъ говоришь ты.. И вотъ, по твоему, они заблуждались.. А ты правъ?.. Эхъ, други!.. „И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—мечтательно продекламировалъ Агафонъ,—такая пустая и глупая шутка!“

Они замолчали. Петръ съ тоской подумалъ, что о суетѣ жизни одинаково говорятъ и архимандритъ, и Агафонъ, но въ то время, какъ первый видитъ въ небесахъ блестящее царство Божіе, въ которомъ находятъ оправданіе всѣ земныя скорби и невзгоды, второй видитъ только одну „суету и томленіе духа“. И нельзя было Петру согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Съ новой зарождающейся тоской онъ вышелъ отъ Агафона и побрелъ домой.

XIV.

Петръ чувствовалъ глубокий душевный упадокъ. Что-то твердое, устойчивое сдвинулось изъ-п дъ его ногъ, мръ закачался, и вмѣсто стройнаго, понятнаго, гармонически сложнаго созерцанія въ душѣ вставали пестрые клочки жизни, оторванные одинъ отъ другого, потому что они уже не были безконечной узорно-золотистой лѣстницей, по которой поднималась къ совершенству безсмертная человѣческая душа. Они уже не были бездонно-глубокой книгой природы, потому что безсмертная душа человѣка не витала надъ ними, не перелистывала и не объединяла ихъ въ одно цѣлое.

Чувство пустоты, безцѣльности существованія глубоко проникло въ душу Петра... Онъ потерялъ равновѣсiе и затосковалъ; почти совсѣмъ пересталъ заниматься, избѣгалъ людей и шатался по тропинкѣ между сугробами снѣга въ саду. Послѣ обѣда онъ уходилъ спать въ маленькую „кочегарку“ подъ церковь, гдѣ среди совершенно черныхъ отъ печного дыма стѣнъ стояла грязная кровать, сдѣланная изъ досокъ, положенныхъ на дрова.

Но жить такъ или иначе было нужно. Нужно было придти къ чему-нибудь такому, вокругъ чего пріобрѣтало бы смыслъ хотя бы ежедневное вставанье утромъ, чаепитіе, ѣда, сонъ и другіе привычныя моменты человѣческаго дня. Петръ пришелъ къ заключенію, что единственное, что можетъ дать маленький смыслъ жизни это—стремленіе къ наслажденію, къ власти, къ использованию другихъ для своихъ цѣлей. Для этого позволительны и обманъ, и лицемеріе, и другія подобныя средства. Но лично онъ былъ неспособенъ на то, что называютъ подлостью, и внутренне раздражался на безсильную честность своей натуры.

Однажды въ воскресенье Петръ отправился съ однимъ послушникомъ, тоже изучавшимъ расколъ, на собесѣдованіе православныхъ съ старообрядами. Собесѣдованіе окончилось въ 11 часовъ вечера. Послушникъ, недавно получившій деньги изъ дому, пригласилъ Петра въ ресторанъ. Заняли отдѣльную комнату. Спросили водки, закуски. Было свѣтло, тепло и уютно. Изъ общей залы доносилась музыка. Выпили немного и разговорились: о серьезномъ и несерьезномъ, о смыслѣ жизни и о протодыконахъ. Но дѣло было не въ разговорѣ, а въ сладкомъ чувствѣ жизни, въ теплотѣ, разлитой по всѣмъ нервамъ, въ красиво и мягко переливающимся волнахъ мысли. Петръ пилъ и, радостно

возбужденный, думалъ: „Отчего не пить чаще? Отчего чаще не переживать такого чувства жизни? Вѣдь нѣтъ грѣха, нѣтъ безсмертія, нѣтъ Бога!“ И онъ представлялъ себѣ, какъ будетъ пить дорогія вина, ѣсть вкусную пищу, мечтать подъ музыку и обдумывать средства, которыя должны подчинить ему людей и доставить рядъ наслажденій. Онъ, конечно, не допустить себя до грязи, до паденія на улицѣ, до скандаловъ. Онъ будетъ пить умно, не искажая образа человѣческаго, запершись съ какимъ-нибудь пріятелемъ въ уютной комнатѣ съ чистыми скатертями, съ блестящей посудой, съ красивыми олеографіями по стѣнамъ. Онъ будетъ наслаждаться жизнью во всю, дѣлая видъ, что выполняютъ всѣ правила общественной морали. Въ душѣ онъ будетъ весело смѣяться надъ людьми, обмывая, властвуя, очаровывая ихъ своей интересной личностью. Петръ пилъ, смѣялся и говорилъ:

— Высьемъ, Александръ Ивановичъ! Ты знаешь, что сказать Пушкинъ:

Философъ юный, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій въ жизни...

Онъ прочелъ все стихотвореніе, съ особеннымъ чувствомъ выдѣливъ слова:

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!..

— А ты здорово учишь!—говорилъ послушникъ, простоватый юноша съ симпатичнымъ лицомъ.

— А то еще одинъ знаменитый поэтъ, Байронъ, сказалъ:

Пусть мудрецы болтаютъ, что хотятъ,—
И пиво пить, и пить вино я радъ...
Сегодня—пиръ съ подругой молодою,
А завтра—мудрость съ содовой водою.

— Здорово! А у насъ еще такъ поютъ:

И пить—умереть, и не пить—умереть,
Лучше пить—умереть, чѣмъ не пить—умереть.

Когда уходили изъ ресторана, Петра раскачивало, и онъ уже не чувствовалъ пріятнаго настроенія, а только тяжесть въ головѣ и тошноту. Когда пріѣхали въ монастырь, онъ не пошелъ къ настоятелю за благословеніемъ, а отправился спать.

— А гдѣ же Петръ?—спросилъ настоятель его товарища.

— Онъ пошелъ спать въ кочегарку, отче.

— Приведите его.

Разбудили Евтихія и послали за Петромъ. Но тотъ отказался наотрѣзъ и заснулъ опять, какъ убитый...

Узнавъ, въ чемъ дѣло, настоятель засверкалъ глазами и привсталъ на постели. Онъ былъ взволнованъ и страшень.

— Разбудите Михайлу!—прошепталъ онъ.

Пришелъ Михайло, сонный и взборощенный.

— Ступай и приведи ко мнѣ Петъ; если не поидеть, стащи его съ постели, волоки по снѣгу! Слышишь? За ноги!

— Слышу, отче.

Но миссія Михайла тоже не имѣла успѣха.—Скажите моему настоятелю, что мнѣ наплевать!—отвѣтилъ Петръ такъ рѣшительно, что послушникъ не рискнулъ приступить къ насильственнымъ мѣрамъ.

Выслушавъ новый докладъ, настоятель одѣлся, взялъ свою палку и вышелъ въ коридоръ. Но вдругъ круто повернулъ назадъ въ свою комнату. Тамъ стояли Евтихій, Михайло и полупьяный послушникъ, бывший съ Петромъ въ ресторанѣ. Настоятель быстро подошелъ къ нему и со всего размаха ударилъ его по щекѣ. Словно почувствовавъ послѣ этого облегченіе, онъ началъ раздѣваться и отпустилъ послушниковъ.

XV.

— Простите, отче!

Настоятель, казалось, не замѣчалъ Петра, сидѣлъ передъ столомъ и писалъ. Петръ, грустный, съ большимъ видомъ, въ старомъ грязномъ подрясникѣ и валенкахъ, стоялъ среди комнаты и покорно смотрѣлъ на настоятеля. Онъ былъ противенъ самому себѣ. Мысль, что его могутъ прогнать за пьянство, ужасала и толкала его на путь смиренія, униженія, лишь-бы остаться въ монастырѣ. Настоятель молчалъ и продолжалъ писать. Прошло нѣсколько минутъ; наконецъ, монахъ положилъ перо и обернулся къ юношѣ. Тотъ замѣтилъ въ глазахъ настоятеля не столько вражду, сколько коварное удовольствіе при видѣ его униженія и скорби.

— Хотѣлъ показать себя орломъ, а показалъ свиньей!

— Простите!

— Простите?—злорадствовалъ настоятель.—Теперь это ничего не стоитъ... Норовишь спрятаться!

— Вчера я не былъ особенно пьянъ... Я стыдился явиться къ вамъ... Я пилъ въ первый разъ...

— Не оправдывайся! Наши дороги разныя, и мы должны

съ тобой разстаться.. Мы—иноки, люди скромные.. ты..—настоятель остановился,—пьяница!—громко прибавилъ онъ, пытливо смотря на Петра.—Къ чему твои знанія, когда ты уподобляешься грязному животному, валяющемуся подъ заборами? Теперь всякій скажетъ, что на тебя положиться нельзя! Ты—несчастный, погибающій человѣкъ!

Тяжелая тоска, униженіе, жалость къ себѣ налегли на душу Петра. А настоятель все говорилъ, и точно удары молота падали его слова въ больное, измученное сердце.

Щеки Петра задергались, что-то подкатилось къ горлу, и онъ зарыдалъ безмолвно и тяжело. Настоятель быстро поднялся. Лицо его дрогнуло состраданьемъ и любовью. Кажется, онъ сейчасъ бросится обнимать молодого послушника и плакать вмѣстѣ съ нимъ. Но онъ удержался. Когда Петръ, немного успокоившись, подошелъ къ нему, старикъ положилъ руки ему на голову и долго стоялъ такъ, со слезами въ голосѣ бормоча слова молитвы.

— Ну, иди; да смотри: не срами себя больше!—ласково сказалъ онъ, снова усаживаясь въ кресло.

Съ этого времени между настоятелемъ и Петромъ установилась какая-то странная связь. Родились невидимыя нити, которыя оба берегли и боялись порвать. Они мало говорили другъ съ другомъ, но когда говорили, то особеннымъ тономъ какого-то дружелюбія и взаимнаго пониманія. Старикъ, какъ будто, покровительствовалъ и поощрялъ, юноша любовно и чутко подчинялся. Нездоровье настоятеля увеличивалось, и Петръ сдѣлался у него сидѣлкой. Три раза ночью онъ давалъ ему лѣкарство, а въ промежуткахъ читалъ и занимался. Проснувшись, старикъ вступалъ съ нимъ въ бесѣды о прочитанномъ. Петръ нарочно выбралъ для чтенія психологію Снѣгирева, проф. духовной академіи. Свои убѣжденія онъ пока отложилъ въ сторону, такъ какъ рѣшилъ, что убѣжденій у него никакихъ нѣтъ, а есть сомнѣнія, исканія, есть сырая почва, на которой то и дѣло появляются новые цвѣты и исчезаютъ старые. Теперь Петру нравилась мирная, чуткая атмосфера настоятельской кельи, нравились полки съ книгами, лампа на столѣ, полуденный разговоръ о Богѣ, о человѣческой душѣ и вѣзданіи. Не хватало только одного—правдивости. Онъ видѣлъ, что все-таки разыгрываетъ роль, разыгрываетъ любовно, по какому-то внушительному желанію, но самъ по себѣ онъ далеко не то, что изображаетъ и передъ собой, и передъ настоятелемъ въ эти минуты...

Евтихію было непріятно ихъ сближеніе, и вскорѣ въ монастырѣ прошелъ слухъ, что Петръ занимается злостнымъ наушничествомъ. Однажды, когда онъ встрѣтилъ за мона-

стырскими стѣнами пьяненькаго отца Ивана, послѣдній, хитро подмигивая, спросилъ: „донесешь, миланка, а?“

Петра передернуло, точно въ его душу кинули комъ грязи. Къ тому-же, ночныя бдѣнія начали ему надоедать; настроенія блуднаго сына, возвратившагося къ отцу, уже прошло, и Петръ чувствовалъ себя опять тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Настоятель не замѣтилъ этой перемѣны, и когда по ночамъ вмѣсто Петра стали опять дежурить Михайло и Евтихій, старикъ и этому не придавъ особеннаго значенія. Петру, по его мнѣнью, нужно было отдохнуть,—вотъ и все.

Между тѣмъ, монастырская жизнь шла своей колеей: утрени, обѣдни, вечерни. Запахъ ладана, колокольный звонъ, унылыя пафвы молитвъ, черныя пятна иконъ... Потомъ кислый запахъ трапезной, лѣнивое переругиваніе монаховъ, шепотъ молитвъ; печальный звонъ колоколовъ, и все это въ безконечномъ повтореніи... Душа окутывалась какой-то противной паутиной, хотѣлось бѣжать, хотѣлось другихъ, хотя бы преступныхъ, но новыхъ настроеній. Но бѣжать было некуда. Вопросы о духѣ, о Богѣ, о безсмертіи и назначеніи человека возникали все рѣже и рѣже, не находя поддержки... Все замирало въ какомъ-то тепломъ туманѣ, безконечномъ и тоскливомъ.

Петръ сталъ чаще заходить къ Щурову, который жилъ по свѣтски, боролся съ нимъ, разговаривалъ о рыбной ловлѣ, о силачахъ, и они вмѣстѣ напивались до пьяна. А на другой день приходилъ къ настоятелю, принималъ покаянный видъ, говорилъ, что онъ „вчера выпивалъ“, при чемъ лицемерно сознавался, что „у него тяжело на душѣ и что то (разумѣй, дескать, бѣсъ) его смущаетъ“. Настоятель странно радовался тому, что вотъ Петръ приходитъ къ нему самъ, сознается и кается: это было въ монастырскомъ тонѣ, и казалось старику началомъ смиренія. Послѣ легкихъ увѣщаній онъ быстро прощалъ. А Петръ тотчасъ же принимался за старое.

Наступила весна. Стаялъ снѣгъ. Налились и набухли почки деревьевъ. Бирюзовое небо волновало и порождало весеннія желанія. Душа безсознательно рвалась къ простору, къ новой жизни и новымъ впечатлѣніямъ. А кругомъ бродили заплескѣвѣлыя фигуры монаховъ, слышались смиренныя, шаблонныя, затасканныя слова и вѣчно унылый кислый звонъ.

Въ маленькомъ прудѣ, обитомъ съ боковъ досками, плавали двѣ, еще не успѣвшія растаять льдины. У краевъ, какъ и въ серединѣ, было не меньше сажени глубины. Михайло и Петръ, вооружившись палками, вспрыгнули на льдины и

объявили другъ другу морскую войну. Каждый старался толкнуть льдину противника о берегъ, нагнуть ее или часть ея отколоть. Веселые крики сраженія привлекли другихъ. Прибѣжалъ Щуровъ и вертѣлся по берегу, какъ бѣсъ, съ удивительной ловкостью дѣйствуя длиннымъ шестомъ, стараясь расколоть льдину. Петръ и Михайло тоже спрыгнули на берегъ, а на льдинѣ очутился теперь Евтихій, неловко оборонявшійся лопатой, рискуя попасть въ воду.

— Попался, косой чертъ! На доносчика, ребитушки, на-ширай, на доносчика!—кричалъ Щуровъ товарищамъ. Игра переходила въ озлобленіе. Евтихій изловчился и облилъ Щурова съ ногъ до головы водой. Петръ выхватилъ шестъ изъ рукъ Щурова, засунулъ одинъ конецъ подъ льдину, и упираясь серединой шеста о деревянный край прудика, всѣмъ тѣломъ навалился на другой конецъ. Ему помогъ тоже разозлившійся Щуровъ. Край льдины сильно поднялся—и Евтихій упалъ въ воду...

Когда его, мокраго и дрожащаго, вытащили изъ воды, Петръ посмотрѣлъ на его перекошенное отъ испуга, злости и холода лицо, на отвисшую губу, и ему стало противно. Захотѣлось остаться одному. Въ уставшемъ отъ движенія тѣлѣ разлилась истома. Мягкій воздухъ, пропитанный тонкимъ ароматомъ молодой весны, обвѣвалъ лицо, проникалъ въ сердце и будилъ заснувшія молодая грезы. И вмѣстѣ съ воскресающей любовью къ природѣ, съ нѣжностью къ зеленой пробивающейся травкѣ, къ младенчески-чистому голубому небу, къ которому молитвенно поднимались тонкія красноватыя вѣтви кустарниковъ, Петра охватила волна грусти о потерянной чистотѣ, о цѣломудренныхъ видѣніяхъ юности. И среди свѣжихъ и чистыхъ, порожденныхъ весной, мыслей царственно пронеслась передъ умственнымъ взоромъ одна. Она говорила, что есть красота существованія, и если нѣтъ ни боговъ, ни безсмертія, ни воздаянія, то есть жизнь. И въ самой жизни есть адъ и рай, есть золотыя струны счастья и толстыя цѣпи горя, рабства и душевнаго унынія.

И снова захотѣлось жизни, борьбы, чистоты, счастья... И вмѣстѣ чувствовалось, что такъ или иначе съ монастыремъ надо покончить. Какъ это случится, Петръ не зналъ...

XVI.

Въ тотъ же вечеръ настоятель сидѣлъ въ своей большой комнатѣ, окруженный послушниками, двумя монахами-миссіонерами, и слушалъ Шашкина, который рассказывалъ о своей поѣздкѣ на Кавказъ. На столѣ горѣла большая лампа и освѣщала суровое, изможденное лицо настоятеля, жирное, непріятное лицо Шашкина и лицо монаха Саввы, благообразное съ сладенькой улыбочкой. Остальные сидѣли въ тѣни, расположившись вдоль стѣны, около весело горѣвшей печки и на диванѣ. Петръ сидѣлъ на табуретѣ и, свѣсивъ голову, разсѣянно слушалъ однообразно грубые рассказы Шашкина. Передъ нимъ на полу играли узоры свѣта отъ печки и лежалъ, облокотившись на руки, молоденькій послушникъ Милкинъ. Но временамъ Петръ поднималъ голову и взглядывалъ на Щурова, который сидѣлъ напротивъ, на диванѣ, и, поджавъ ноги, лукаво улыбался.

Какъ и слѣдовало ожидать, Шашкинъ ничего новаго не привезъ, и Петру было ясно, что онъ и не дѣлалъ особыхъ попытокъ, какъ только увидѣлъ, что молокане не сговорчивы, не вѣрятъ въ тексты и просто стрицаютъ именно то, въ чемъ Шашкинъ былъ силенъ. Но Шашкинъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и съ фанатизмомъ заядлаго буквоеда чернилъ сектантовъ, какъ „темныхъ вольнодумовъ“, послѣдователей „разныхъ мужиковъ“, помѣшавшихся на Библіи. Съ высоты своего миссіонерскаго непогрѣшимаго авторитета онъ пронизировалъ надъ міросозерцаніемъ сектантовъ, перелагая всѣ сплетни, анекдоты и небылицы, которыми записаны у мѣстныхъ священниковъ, ямщиковъ и чернышекъ.

Когда Шашкинъ кончилъ, всѣ молчали, принявъ сосредоточенно дѣловой видъ, какъ будто продумывали всю глубину того, что сообщилъ имъ Шашкинъ.

— Позвольте, Егоръ Алексѣичъ,—раздался слегка дрожащій голосъ Петра,—задать вамъ одинъ вопросъ.

— Говори!

Настоятель засмѣялся: „поговори, поговори съ Петромъ. Онъ у насъ... философъ“. Савва съ улыбкой взглянулъ на „философа“.

— Вы говорите, что хлысты, духоборы, молокане отрицаютъ священство, преданія святыхъ отецъ, причастіе и такъ дальше.

— Отрицаютъ.

— Такъ. Они отрицаютъ писанія и преданія святыхъ отцовъ. Вы же возмущаетесь, что они не признаютъ текстовъ

изъ этого писанія. Чтобы успѣшно бесѣдовать, нужно доказывать, не правда ли?

— Конечно.

— Для нихъ писанія святыхъ отцовъ не доказательны! Они опираются на біблію. Вы обращаетесь тогда къ бібліи и толкуете ее такъ, какъ толковали святые отцы.

— Конечно!—Злые глаза Шашкина угрюмо устремились на Петра, блѣдное лицо котораго красиво рисовалось на бѣломъ фонѣ изразцовой печи.

— Но вѣдь они святыхъ отцовъ тоже не признаютъ!—воскликнулъ Петръ.—Имъ нужно еще *библіей* доказать правильность святоотеческихъ писаній!

— Я не понимаю сего суетудрія!—замѣтно раздражался, сказалъ Шашкинъ.

— Нѣтъ, это интересно!—умильно протянулъ Савва, Щуровъ нервно ворочался на диванѣ и посмѣивался. Настоятель какъ-то расслабленно улыбался то на черную, мрачную фигуру Шашкина, то на гибкую, тонкую фигуру Петра.

— Предположимъ,—продолжалъ Петръ,—что у насъ нѣтъ ни символа вѣры, ни отцовъ церкви,—мы въ первомъ вѣкѣ христіанства,—передъ нами только біблія. Тамъ сказано: „пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы своя, а наемникъ бѣжитъ“. И вотъ мы видимъ: священникъ Илларионъ какой-нибудь пьянствуетъ и грабитъ; пастырь онъ или наемникъ?

— Конечно, пастырь; объ этомъ говорятъ другіе тексты.

— И опять тексты не изъ евангелія?..

Шашкинъ молчалъ. Настоятель недоумѣвающе и сурово посмотрѣлъ на Петра. На зыбкой почвѣ, безъ многочисленныхъ всеобъясняющихъ текстовъ святыхъ отцовъ, никто здѣсь не чувствовалъ себя свободно, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что будетъ дальше. И только Щуровъ, какъ истый полемистъ-спортсменъ, весело посмѣивался въ бороду, довольный началомъ боя. Петръ всталъ съ табурета и съ дрожью молодого задора въ голосѣ продолжалъ:

— Нужно найти что-то общее, какой-то аршинъ, мѣря которымъ—и по-молокански, и по-православному выходило бы одинаково. Вы говорите: это истинно; молокане говорятъ: нѣтъ, вотъ это истинно. Но что-же такое истина?

— Я не хочу этого слушать, о. архимандритъ!—раздраженно обратился къ настоятелю Шашкинъ. Настоятель обращаясь къ Петру, сказалъ серьезно:

— „Отнынѣ увидите сына человѣческаго, грядущаго во славу и силѣ своей судить живыхъ и мертвыхъ“—вотъ истина!

— Это—истинно, но... это не объясняетъ,—смѣло отвѣтилъ Петръ.

Острое чувство наслажденія постепенно захватывало его. Долго сдерживаемое отрицаніе монастырскаго буквоедства просилось наружу и рвалось дальше предѣловъ, которые Петръ намѣтилъ себѣ вначалѣ спора.

— Тексты! Но что такое текстъ? Вотъ два текста: „тебѣ на водахъ повѣсившему всю землю“... и другое: „на ничимже повѣсивый землю“... какъ ихъ примирить?..

— Отецъ архимандритъ,—сказалъ Шашкинъ,—вамъ нечего меня было и на Кавказъ посылать, когда у васъ есть свой штундистъ!

Настоятель не отвѣтилъ ничего и устремилъ пылающій взоръ на Петра, какъ будто видя въ немъ что-то невидимое и новое. „Ну!“—крикнулъ онъ нетерпѣливо. Это было словно ударъ бича по молодому пылкому коню. Петръ, откинувъ назадъ волосы и не заботясь уже о стройной рѣчи, бросалъ слова въ кучку притихшихъ послушниковъ, миссіонеровъ, въ лицо настоятелю и Шашкину. Щуровъ уже не смѣялся, а сидѣлъ блѣдный, нахмуренный. Онъ видѣлъ, что Петръ бредетъ, очертя голову, и веселый турниръ становится слишкомъ драматичнымъ...

— Отцы церкви говорятъ, что для Бога время прошедшее, настоящее и будущее—одно время; онъ не можетъ каяться, потому что не ошибается. Въ библии же говорится: „И въ скорби Богъ и раскаяся, что сотвори челоувѣка“. Какъ примирить буквальное значеніе этихъ текстовъ?.. Иисусъ Христосъ на вопросъ фарисеевъ: какъ онъ смѣетъ называть себя сыномъ Божиимъ? отвѣчалъ: „Развѣ вы не читали въ писаніи: сынове Божіи вси“.

Въ комнатѣ установилась напряженная тишина...

— Можетъ быть, и ты...—раздался суровый голосъ настоятеля:—можетъ быть, и ты не считаешь Господа нашего Иисуса Христа сыномъ Божиимъ?—Въ его голосѣ звенѣли ноты насторожившагося хищника.

Петръ на мгновеніе остановился и замолчалъ. Въ головѣ у него пронеслось: „не лучше ли остановиться?“ Но удержаться онъ не могъ, и, не отвѣчая на вопросъ, продолжалъ:

— И вы пытаетесь убѣждать сектантовъ! Чѣмъ? Буквой? текстами? Но вы сами часто не можете ихъ понять. Христосъ сказалъ: „если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“. Я говорю: сектанты больше дѣти, чѣмъ вы... Вы затворили врата царствія, сами не входите туда и другихъ не впускаете!.. Вотъ... еще недавно... выслали изъ Москвы по допосу отца Максимова восемь челоувѣкъ штундистовъ, которыхъ онъ засталъ за чтеніемъ евангелія... Если бы онъ

ихъ засталъ за четвертью водки, ихъ бы не выслали... И кто же донесъ на людей, искавшихъ утѣшенія въ словахъ Христа? Преподаватель семинаріи... Что же! убѣдилъ этимъ отецъ Максимовъ этихъ штундистовъ?.. Или кого другого? Развѣ шпіонство и доносъ, даже среди простыхъ людей, даже среди язычниковъ, кого-нибудь убѣждали? Вѣдь Иисуса Христа тоже прибивали палачи гвоздями къ кресту. Воины били по ланитамъ... Но никто такъ не проклинается, никто не презирается народомъ такъ сильно, какъ Іуда, который предалъ Христа цѣлованіемъ!

Настоятель вдругъ поднялся. Въ комнатѣ прояслось движеніе. Старикъ нѣкоторое время только дико глядѣлъ на нечестивца, котораго отогрѣлъ, какъ змѣю, на груди; потомъ вдругъ закричалъ:—Вонъ, мерзавецъ! Заприте его въ холодный чуланъ!

— Да-съ, да-съ.. Вотъ какого змѣеныша пригрѣли. И гдѣ же-съ? Въ обители!—злорадно басилъ Шапкинъ. Молоденькій послушникъ Михаилъ, подойдя вплотную къ Петру и смотря на него сверкающими ненавистью глазами, сказалъ: „сволочь! штундистъ!“ Монахъ Савва, сохранившій больше всѣхъ спокойствіе, поднялъ руку и сладкимъ теноркомъ громко сказалъ: „аще и церкви не послушаетъ, да будетъ тебѣ яко язычникъ и мытарь!“

Петръ быстро вышелъ изъ комнаты. Стараясь, чтобы его никто не увидаль, онъ пробѣжалъ черезъ дворъ, вошелъ въ корпусъ и постучался къ Агафону. Тотъ, по обыкновенію, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Съ улыбкой выслушавъ Петра, онъ задернулъ окно занавѣской и принялся ставить самоваръ.

Они сидѣли долго, за полночь, мирно и душевно бесѣдуя. Завтра Петръ навсегда уйдетъ изъ монастыря и уйдетъ домой. Агафонъ дастъ ему денегъ на дорогу. Они, навѣрное, никогда больше не увидятся. Случайно встрѣтились на перекрещивающихся дорогахъ жизни и снова разойдутся, оставя другъ у друга легкое воспоминаніе...

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Агафонъ распахнулъ окно, и они стали смотрѣть на уснувшую во мракѣ землю и на раскрытое для созерцанія и мечты небо. И, глядя на это темносинее безконечное поле, усыпанное блестящими цвѣтами-звѣздами, Агафонъ сказалъ:

— Чаше смотри, братъ, на звѣзды. Кто умѣетъ на нихъ хорошо смотрѣть, тотъ сумѣетъ и хорошо прожить... Отъ громаднаго темнаго шара, съ горами, пропастями, со всей жизнью, получается только маленькая свѣтлая точка. И ото всей нашей жизни, со всѣмъ ея горемъ, несчастьемъ, заботами, получится развѣ только маленькій рассказъ для дѣтей и внуковъ...

А. Гусаковъ.

КУЗНЕЦЪ.

(Изъ Эмеля Верхана).

У нивъ, за городскою гранью,
Съ лицомъ, подобнымъ изваянью,
Чернѣть странно въ свѣтъ дня
Гигантъ-кузнецъ среди огня.
Онъ съ той поры забытой, дальней,
Какъ въ первый разъ надъ наковальней,
Шипя, дымясь, забунтовалъ
Живой, сверкающій металлъ,—
Все лишь коваль, коваль, коваль...
Въ трудѣ упорномъ закаленный,
Съ огромнымъ молотомъ въ рукахъ,
За взмахомъ посылая взмахъ,
Какъ изступленный,
Кузнецъ-колоссъ
Коваль безсчетный рядъ полосъ
Стальныхъ и мѣдныхъ,
Изъ красна-блѣдныхъ,
Полосъ терпѣнья заповѣдныхъ.

Тѣ, что смѣнили злобой страхъ
И, все стерпѣвъ,
Лишь въ молча сжатыхъ кулакахъ
Таили гнѣвъ,—
Постигли сердцемъ, наконецъ,
Какой мечтою пьянъ кузнецъ
И отчего
Сквозь зубы сжатые его
Безумный не прорвется крикъ,
Но вѣчно онъ хранить привыкъ
Безстрастный ликъ.

А тѣ, чьихъ словъ ненужный громъ,
Какъ тщетный лай въ долину темной
Передъ пустымъ дупломъ,
Разносить вѣтеръ лишь бездомный;
Всѣ тѣ, что блѣдною душой
Всецѣло отдались своимъ самолюбивымъ
И лихорадочнымъ порывамъ,—
Тѣ съ недоувѣремъ иль враждой
Вперяютъ взоръ тревожный свой
Въ его глубокихъ глазъ спокойное мерцанье,—

И видятъ въ нихъ одно бездонное молчанье.

Кузнецъ куетъ, и молотъ бьетъ,
За днями день скользятъ, какъ тѣнь,
За годомъ годъ.
Въ свой горнъ съ размаху онъ швырнулъ
Созрѣвшей мести грозный гудъ,
Вражду нѣмую вѣковую,
Готовность побѣдить иль пасть,
Упорства власть и гнѣва страсть
Святую;
Порывовъ сердца властелинъ,
Страданья, злобу, вопли мщенья
Онъ властно ввергнулъ въ горнъ одинъ,
Въ горнъ золотого изступленья,
Чтобъ молотъ послѣ имъ придалъ
Блескъ молній и клинка закалъ.

Ни тѣни
Сомнѣній роковыхъ, гнетущихъ опасеній
На гордый лобъ его туманомъ не легло.
Склонившись исполинскимъ станомъ
Надъ яркимъ пламенемъ, весь въ отблескъ багряномъ,
Онъ выделяется свѣтло,
И въ вихрѣ пыли золоченой
Гирляндами огня, какъ рдяною короной,
Его увѣчано чело.

И онъ,
Какъ будто весь слитенъ
Изъ мускуловъ и сухожилий,
Свободно, безъ усилий

Свой молотъ вѣрною рукой
 Подъемлетъ,
 И лишь мечтѣ одной, о той
 Побѣдѣ золотой
 Онъ внемлетъ,
 Которая въ душѣ, какъ сокъ волшебный, дремлетъ.

Измѣренъ имъ безмѣрныхъ бѣдствій рядъ:
 Совѣты жалкіе, которыми дарятъ
 Такъ щедро бѣдняковъ бездомныхъ и бродячихъ
 Слѣпцы, ведущіе самодовольно-зрячихъ;
 Пророки мнимые и желчный ихъ языкъ;
 За баррикадами законовъ—правды ликъ;
 Надъ каждой истиной—рога мыслелобазни;
 Нужда, что, не боясь ни совѣсти, ни казни,
 Не слыша ничего о правдѣ и любви,
 Ножъ обогрѣвъ готовится въ крови;
 Бѣднякъ предъ алтаремъ придавленъ и приниженъ
 Нависшею тяжестью своихъ убогихъ хижинъ;
 Все тотъ же звонъ оковъ на творческомъ Трудѣ
 Въ горячкѣ городовъ, въ затишьи селъ—вездѣ;
 Права людей на жизнь, порывы къ волѣ, къ счастью
 Въ цѣпяхъ законности, хранимой хитрой властью;
 Зловѣще-черная отъ сельской церкви тѣнь,
 Что прячетъ солнца свѣтъ отъ ржавыхъ деревень;
 Свѣтъ пылкой нѣжности и гимнъ любви вѣнчальный,
 Задушенный въ конецъ условностью моральной;
 Зеленый ядъ на днѣ кристалльных родниковъ,
 Гдѣ совѣсть жадно пьетъ въ теченіе вѣковъ;
 И послѣ столькихъ клятвъ и столькихъ обѣщаній
 Толпамъ измученныхъ, озлобленныхъ созданій—
 Все тотъ же, сызнова, безмѣрный рядъ страданій!

Кузнецъ давно уста сомкнулъ.
 Красивыхъ словъ и шумныхъ преній
 Ему знакомъ ненужный гулъ
 Вокругъ ненужныхъ соглашеній.
 Онъ знаетъ: въ грозный мигъ свершеній
 Родить согласье жизнь сама,
 Ея судьбѣ неотвратимости.
 И негибаемо-пряма
 Его желѣзная рѣшимость.

Онъ всталъ на роковой чертъ:
Лишь со щитомъ иль на щитъ
Онъ съ поля браннаго вернется!
Пусть вновь, какъ прежде, отвернется
Отъ дорогихъ ему знаменъ
Побѣда, жданная отъ вѣка;
Зубами воли стиснулъ онъ
Святую гордость человѣка,
Чтобъ съ нею побѣдить иль пасть.
Неукротимой воли власть
Въ его душѣ бушуетъ и клокочетъ;
Онъ хочетъ такъ всего, чего онъ хочетъ,
Что, изступленной волею своей
Дробя крѣчайшіе алмазы тайнъ завѣтныхъ,
Онъ ринутся бы могъ въ глубь вѣковыхъ ночей,
Чтобъ въ небѣ властно гнуть законы сферъ планетныхъ!

И молча слушаетъ кузнецъ,
Какъ всюду, изъ конца въ конецъ,
Кровавыя сочатся слезы,
За каплей капля, изъ сердецъ,
Которыхъ, какъ его, не закалили грозы;
И онъ сказалъ себѣ давно,
Что гнѣвъ безмѣрный смѣнить стоны
И въ упованіе одно
Отчаяній сольется миллионы:
Что эру новую открыть имъ суждено
Для справедливости иной—глубокой, чистой;
Настанетъ день сіяющій, лучистый;
Горящій золотомъ, таинственный рычагъ,
Что правитъ міровымъ движеніемъ,
Все человѣчество толкнетъ на новый шагъ—
Къ еще невиданнымъ и свѣтлымъ превращеньямъ!

Лишь надо уловить тотъ сокровенный мигъ,
Когда готовится зачатіе жизни новой
И всей отжившей жизни сдвигъ
Въ молчаньи злыхъ ночей, въ объятыхъ тьмы свищевой.

Какъ заглушенный звукъ отрывистыхъ шаговъ,
Пробьетъ онъ, жданный часъ—чуть слышный вѣщій зовъ.
Пусть стихнетъ суета вокругъ знаменъ безумныхъ,

Что треплются, свистятъ, подъ вѣтромъ споровъ шумныхъ.
Пусть лучше слушаютъ и меньше говорятъ.

Тотъ, кто обрекъ себя—молчаніемъ богатъ.
Готовъ онъ каждый мигъ. Не ждетъ онъ ни пророка,
Ни вѣщихъ знаменій божественнаго рока.

Толпа! Ты породилъ ту ярость безъ границъ,
Что въ пламенномъ бреду тебя перерастаетъ.
Гигантскій ликъ судьбы съ небесъ въ тебя вперяетъ
Свой взоръ, сверкающій, какъ дальній блескъ зарницъ.
Изъ нѣдръ утопн, какъ свѣтлый даръ отчизнъ,
Народъ-галлюцинатъ, въ безуміи—святой,
Рукой безжалостной какой-то новый строй
Чудесно вызовешь ты къ жизни;
Его узрять грядущіе вѣка:
Онъ расцвѣтетъ нѣжнѣй весенняго цвѣтка,
Ликующій, простой, великодушный;
Вѣка кровавой мглы, какъ дымная струя,
Растають въ синевѣ воздушной,
И будетъ новый строй не оболочкой душевной,
А чистой сущностью живого бытія.

Кузнецъ, чьи смѣлыя мечты
Не заблудятся во мглѣ сомнѣній,
Ужъ видитъ этотъ міръ добра и красоты,
Какъ будто часъ пробилъ ихъ дивныхъ воплощеній.
Онъ видитъ: человѣкъ для остальныхъ людей
Ужъ болѣе не звѣрь, что обрѣтаетъ право
Лишь остриемъ своихъ когтей.
Исчезнуть судъ, палачъ, расправа,
Палаты, банки и тюрьма;
Иная нравственность—проста, какъ жизнь сама—
Повѣдаетъ о дняхъ гармоніи и мира;
Тельца изъ золота, бездушнаго кумира,
Низвергнетъ безошадно прочь
Великая Толпа въ одну святую ночь
Возмездій пламенныхъ...

Онъ видитъ: черствая гордыня умерла.
Онъ знаетъ: будетъ жизнь людей ясна, свѣтла.
Любовь, какой—увы!—мы даже знать не будемъ,
Свершая пышный сѣвъ въ безропотныхъ сердцахъ,

Раскроется освобожденнымъ людямъ
 Въ еще невиданныхъ, иѣжнѣйшихъ глубинахъ.
 Въ безсмертіи души не мня увѣковѣчить
 Слѣпою вѣрою, сомнѣнья затая,
 Ревниво-замкнутое „я“,
 Не станетъ человѣкъ живую жизнь калѣчить,
 Но свой родникъ живого бытія
 Онъ разольетъ свободно и широко
 На всѣхъ людей и міръ—до рокового срока,
 Пока въ немъ кровь кипитъ и мысль его жива..
 Родятся новыя слова,
 Невѣдомыя намъ, и свѣтомъ безконечнымъ
 То озарятъ, что намъ віяетъ мракомъ вѣчнымъ;
 Причастенъ ко всему, что создалъ родъ людской,
 Слабѣйшій, примирясь, удѣлъ полюбить свой;
 Строенье вещества—при свѣтѣ знанья строгомъ
 Разгадку дать тому, что было тайной—богомъ...

Той свѣтлой вѣрой озаренъ,
 Надъ горномъ пламеннымъ склоненъ,
 Съ лицомъ, подобнымъ изваянью,
 У нивъ, за городской гранью
 Огромный жилистый кузнецъ,
 Спокоенъ, ясенъ, вѣчно молодецъ,
 Какъ бы работая живую сталь сердецъ,
 Съ размаху опускаетъ молотъ.
 Кузнецъ куетъ, и молотъ бьетъ,
 За днями день скользитъ, какъ тѣнь,
 За годомъ—годъ,
 И, раскаленные, ложатся безъ движенія
 Стальные полосы молчанья и терпѣнья.

Викторъ Черновъ

Крестьянское движение въ Италіи.

„Прогрессъ каждой страны измѣряется развитіемъ ея рабочаго движенія: чѣмъ болѣе рабочіе организованы, дисциплинированы и готовы собственными силами завоевывать матеріальныя и интеллектуальныя улучшенія, тѣмъ ближе эта страна къ болѣе совершеннымъ и высшимъ формамъ социальной жизни“.

Бономи.

I.

«Изучать Италію», говоритъ Поль Гіо, «это значитъ изучать рядъ различныхъ народностей. Въ силу историческихъ, климатическихъ и этнографическихъ условій каждая область представляетъ здѣсь совершенно особое цѣлое» *). Это разнообразіе особенно чувствуется въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Иначи, глубокой знатокъ жизни страны, въ своемъ докладѣ объ окончаніи аграрнаго обследованія прямо заявляетъ, что слова «земледѣльческая Италія» это—только простой способъ выраженія, за которымъ нѣтъ ничего реальнаго... «Производя наше обследованіе», говоритъ онъ, «мы искали земледѣльческую Италію и, къ нашему великому изумленію, оказались передъ лицомъ множества земледѣльческихъ Италій; мы нашли множество маленькихъ земледѣльческихъ міровъ, лежащихъ по сосѣдству, очень близкихъ и очень отдаленныхъ въ одно и то же время; одни изъ нихъ прогрессируютъ, другіе—застыли въ примитивныхъ формахъ, одни процвѣтаютъ, другіе переживаютъ кризисъ; но каждый носитъ свой особый характеръ, выдвигаетъ свои, свойственныя ему одному проблемы» **).

И рядомъ съ этою пестротою отношеній мы встрѣчаемъ въ

*) Paul Ghio. Notes sur l'Italie contemporaine. Librairie Armand Colin. Paris. 1902.

**) „Atti per la inchiesta agraria“.

Италии широкое и мощное крестьянское движение, достигшее здѣсь такого развитія, до котораго оно не дошло ни въ одной странѣ Европы. Это движение охватило и сельскій пролетаріатъ, и трудовое крестьянство, объединивъ ихъ подъ общимъ классовымъ знаменемъ.

Въ своемъ современномъ видѣ крестьянское движение пошло аналогично индустріальному. Оно зародилось въ мѣстностяхъ экономически и интеллектуально прогрессирующихъ, гдѣ въ городахъ сосредоточилась почти вся индустрія страны, а въ деревнѣ вода составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ культуры, и гдѣ «крупное капиталистическое производство поглотило все формы землевладѣнія и землепользованія, такъ какъ оно одно могло предпринять абсолютно необходимыя здѣсь работы по ирригаціи и осушенію» *). Началось оно путемъ воспринятія социалистическихъ идей, которыми и питается на всемъ протяженіи.

Колыбель нынѣшняго крестьянскаго движения—Мантуя. Здѣсь послѣ первыхъ бурныхъ движеній крестьянства, конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, когда аграрный терроръ во всѣхъ его видахъ, вплоть до краснаго пѣтуха, широко разливался по провинции **), началось кооперативное движение, и въ срединѣ 90-хъ годовъ возникаютъ первыя попытки образованія профессиональных союзовъ на почвѣ кооперации. Въ Мантуѣ въ 1891 году образовывается «Federazione mantovana delle associazioni di operai e contadini».

Этотъ моментъ совпадаетъ съ крушеніемъ надеждъ на самостоятельное движение городского пролетаріата. Первыя крупныя профессиональныя организаціи, возникшія въ началѣ 90-хъ годовъ, и ставшія сознательно социалистическими подъ вліяніемъ интенсивной пропаганды, главнымъ образомъ Турати и Анны Кулишевой, быстро сходятъ на нѣтъ подъ давленіемъ реакціи Кристи ***). Въ социалистической средѣ усиливается теченіе «работы среди крестьянства». Деревня, къ которой пошли пропагандисты, была уже далека отъ того, что она представляла въ 80-хъ годахъ. Между ними и 1895 годомъ лежалъ періодъ кооперативнаго движенія, создавшій навыкъ къ организаціи, къ взаимной работѣ, выдвинувшій рядъ лицъ, какъ руководителей деревни, изъ ея же среды. вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому времени получаетъ сильное развитіе эмиграція, здѣсь, на сѣверѣ, преимущественно временная. Сельскій батракъ въ большинствѣ случаевъ побывалъ въ западно-европейскихъ центрахъ, въ колоссальныхъ городахъ Сѣверной Аме-

*) Brocchi Renato. L'organizzazione di resistenza in Italia. Macerata. 1907.

**) См. объ этомъ періодѣ „Il processo dei contadini mantovani alle Assise di Venezia. 1886; Relazione per l'anno 1878 del Procuratore del re. Mantova 1879 и слѣд. 80, 84 годы.

***) Versi. I metallurgici nel loro sindacato 1907.

рики, быть въ соприкосновеніи съ сознательнымъ городскимъ рабочимъ промышленныхъ центровъ,—словомъ, далеко ушелъ отъ обычнаго типа невѣжественнаго сельскаго рабочаго.

Преображеніе, которому подверглася и подвергается крестьянина, побывавъ за границей, ярко характеризуется слѣдующимъ вошемъ Рагоне: «Когда крестьянина призываетъ изъ Америки», пишетъ онъ, «его умъ выноситъ только, что въ Америкѣ работаютъ меньше и зарабатываютъ больше, чѣмъ въ Италіи; и потому онъ желаетъ добиться этого и на родинѣ: работать меньше и зарабатывать больше, не заботясь объ условіяхъ сельскаго рынка, не думая о томъ, что въ Италіи живутъ лучше и дешевле, и что такимъ же образомъ можно жить въ Америкѣ, только получая двойное жалованье» *).

Если процѣдить эту жалобу буржуа и отбросить его утвержденіе о лучшей жизни, которая абсолютно не соответствуетъ истинѣ, ибо хроническое отсутствіе мяса за столомъ крестьянина во многихъ мѣстностяхъ Италіи, мѣстами знающаго только кукурузную похлебку—*polenta*, и воду, темныя земляники лаціумскихъ и апулійскихъ крестьянъ и хроническое недоѣданіе венеціанца **) представляютъ такой *Existenz-minimum*, хуже котораго мудрено и вообразить,—то мы получимъ сильный подъемъ уровня сознательности массы.

Соціалистическая пропаганда имѣла блестящій успѣхъ. Одна за другой стали возникать крестьянскія лиги (*leghe di miglioramento o resistenza*), для вступленія въ которыя было поставлено условіемъ жить трудами своихъ рукъ; не исключались и крестьяне собственники,—«*perchè coltivino essi stessi la terra*», «лишь бы они сами обрабатывали землю» ***).

Движеніе быстро перебрасывается въ Романью, которая по словамъ поэта, «*non fu mai senza guerra* (никогда не была безъ войны) и въ Эмилію. Здѣсь, въ Болонской провинціи, уже началось самостоятельное движеніе; еще въ 1893 году въ коммунѣ Молиенела образовалась первая типичная сельская организація въ Италіи. Начинается волна стачечнаго движенія. Отправной пунктъ новаго движенія, 1897 годъ, далъ 18.000 стачечниковъ, въ 1900 г. бастуетъ уже 112 тысячъ, въ 1901—223 тыс., затѣмъ движеніе падаетъ (въ 1902—146,5 тыс.; въ 1903—22,5 тыс.), чтобы затѣмъ опять подняться до 94,8 тыс. въ 1904 г. и 221 тыс. въ слѣдующемъ; наконецъ, въ послѣдніе годы число стачечниковъ доходить до полумилліона ****).

Черезъ Эмилію движеніе переходитъ въ Тоскану, Лаціумъ,

*) E. Ragone. «I lavoratori della terra in provincia di Bari. Giornale degli Economisti. 1907.

**) King e Okey. *L'Italia d'oggi*. 2 ed. 1904. Bari.

***) Brocchi. Цит. работа.

****) Brocchi. Цит. работа.

Абруццы, Апулію, и въ настоящее время добрыя $\frac{2}{3}$ территоріи континентальной Италіи охвачены сильнымъ, сплоченнымъ движеніемъ крестьянъ.

Начавшись съ организаціи въ нѣсколько тысячъ, крестьянство имѣло къ 1 іюня 1907 года организованную массу въ 279.513 человекъ, или 4,9% на 5.693.080 человекъ, занятыхъ въ земледѣліи *). Во время печатанья настоящей статьи опубликованы цифры на 1 января 1908 года—426.079 организованныхъ крестьянъ, т. е. 7,5% всѣхъ земледѣльцевъ.

Незначительныя организаціи демокристіанъ, католиковъ **) и желтые синдикаты Апуліи, Феррары и Болоньи, пытающіеся «гармонизировать интересы прелетаріа и помѣщика»—представляютъ такую микроскопическую величину, что онѣ, какъ капля въ морѣ, тонутъ въ организованной земледѣльческой массѣ.

Но вся эта организованная крестьянская масса далеко не представляетъ собою одного цѣлаго. Присматриваясь ближе къ крестьянскому движенію, мы, прежде всего, можемъ различить въ немъ два противоположныхъ типа: сѣверный и южный. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, дробится далѣе. На сѣверѣ особымъ характеромъ отличается движеніе мантиканское, эмильянское, боломское, феррарское и пармское; на югѣ—апулійское и лаціумское. Особнякомъ стоитъ центральная Тоскана.

Югъ и сѣверъ Италіи такъ рѣзко разнятся другъ отъ друга, что Италію совершенно справедливо называютъ страной, гдѣ «въ одномъ и томъ же государствѣ существуютъ двѣ совершенно различныя ступени цивилизаціи».

Сѣверъ—индустріальный, прогрессивно-демократическій, съ массой газетъ и широко поставленнымъ книжнымъ дѣломъ, страна, гдѣ даже черная армія Ватиканскаго узника—эта peste d'Italia, по выраженію Гарибальди—и та превращается въ демокристіанъ; и югъ, гдѣ безграмотность доходитъ до 74% (Basilicata), гдѣ царитъ знаменитая каморра, гдѣ процвѣтаютъ Banco di lotto, часты убійства и рѣдки газеты,—вотъ два полюса, сдерживаемые переходной центральной Италіей.

На югѣ—постоянная безработица, отсталая культура, отсутствіе капиталовъ и неподготовленность почвы къ сопротивленію атмосфернымъ явленіямъ, работа растительныхъ паразитовъ, разрушеніе не поддерживаемыхъ водопроводовъ, нищее населеніе и нищая земля, не знающая высокой культуры; на сѣверѣ—изобиліе капиталовъ, значительно прогрессирующія системы земледѣлія, плодородная почва, удобреніе, интенсивная культура, изобильная

*) Boll. Uff. del lav. Agosto 1907.

**) La Settimana Sociale. 1908, anno I. См. также L'Avvenire d'Italia. 1906—1908.

продуктивность. Правда, и на югѣ, и на сѣверѣ, какъ говоритъ, Гатти, «до настоящаго времени почва, занятая крупною собственностью въ сравненіи съ тою, которая занята среднею и особенно мелкою, представляется пространствомъ почти микроскопическимъ» ¹⁾, и «латифундія существуетъ только въ немногихъ пунктахъ южной «Италіи, въ Лациумѣ, нижней Венеціи и нижней Ломбардіи» ²⁾. Но и здѣсь между югомъ и сѣверомъ есть разница.

На сѣверѣ на 100 мужчинъ свыше 9 дѣтъ, занимающихся земледѣліемъ, 23,5%, а если исключить Романью, то и всѣ 36,2% обрабатываютъ собственную землю. На югѣ—23,1%, а за вычетомъ горной Абруццо всего 19,4. Центральная Италія—Тоскана, Умбрія и Марки, занимаютъ послѣднее мѣсто 16,1 ³⁾.

Процессъ дробленія земельныхъ участковъ и ростъ трудового земледѣлія, отмѣченный въ 80 г.г. Янчини ⁴⁾, и вполнѣ вырисовавшійся въ трудахъ Виллари ⁵⁾ и другихъ, идетъ во всей странѣ. Но только на сѣверѣ—Пьемонтъ, Венеція,—«возникъ новый рядъ промышленности: покупаются большіе участки, дробятся и продаются возвращающимся эмигрантамъ» ⁶⁾, только здѣсь идетъ «быстрое крушеніе средней собственности» ⁷⁾, переходящей въ руки крестьянства. Тогда какъ на югѣ положеніе ближе къ стационарному.

Преобладаніе поденной работы на югѣ—38,6% на 100 мужчинъ, занимающихся земледѣліемъ, а безъ горной Абруццо 42,2, и 22,7% на сѣверѣ, а безъ Романьи 20,7 ⁸⁾; сильное развитіе кооперации на сѣверѣ и постепенное уменьшеніе ея по направленію къ югу: въ сѣверной Италіи одна кооперация на 9.120 жителей; въ центрѣ на 13.377 и на югѣ на 42.049 ⁹⁾; а отсюда колоссальное ростовищичество на югѣ, какъ слѣдствіе слабаго развитія кассъ взаимнаго кредита.

На югѣ не рѣдкость, что «помѣщикъ выдаетъ безработному деньги съ тѣмъ, чтобы онъ отработалъ ихъ тогда, когда его работа понадобится помѣщику. Считаая по цѣнѣ періода безработицы, онъ заставляетъ его работать въ дни жатвы и сбора продуктовъ» ³⁾.

¹⁾ Polemiche agrarie fra socialisti. I. La conquista delle compagne. 1896. Gerolamo Gatti.

²⁾ Polemiche agrarie fra socialisti. I. La con. d. c. 1896. Lucio.

³⁾ „L'Italia Economica“ Annuario della attività nazionale. Anno II. 1908. Milano.

⁴⁾ Atti della giunta per la inchiesta agraria. Iancino Stefano.

⁵⁾ L'emigrazione le sue conseguenze in Italia. Pasquale Villari „Nuova Antologia“. 1907 г. 1 деп.; ero же „Corriere della Sera“ за 1907 г. рядъ статей.

⁶⁾ и ⁷⁾ Int. раб. Villari.

⁸⁾ „L'Italia Economica“. Annuario della attività nazionale. Anno II.—1908. Milano.

⁹⁾ Nathan. Vent'anni di vita italiana attraverso all'Annuario. Roma. 1906.

⁹⁾ La disoccupazione nell Basso Emiliano. Milano. 1904. ed. Umanitaria.

Этими общими чертами различія въ значительной степени определяется и различіе въ самомъ крестьянскомъ движеніи. Если прибавить сюда сказывающіяся и въ настоящемъ различія историческихъ судебъ, и различія въ темпераментѣ жителей холодной Ломбардіи и опаленной солнцемъ Анулін,—то предъ нами обрисовывается та среда, въ которой приходится развиваться движенію *).

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ обзору движенія по областямъ, мы вынуждены ограничиваться наиболѣе типичными мѣстностями, гдѣ либо движеніе очень сильно, либо обнаруживаются любопытныя индивидуальныя особенности.

II.

На сѣверѣ прежде всего останавливаетъ вниманіе Мантуанская провинція—«колыбель крестьянскаго движенія» **). Это одна изъ немногихъ провинцій страны, гдѣ въ настоящее время крупная земельная собственность является господствующимъ типомъ землевладѣнія, и гдѣ она эксплуатируетъ землю чисто капиталистическимъ способомъ, подобно другимъ отраслямъ индустріи. Здѣсь очень великъ чистый сельскій пролетаріатъ, значительно превосходящій численностью всѣ другія разновидности крестьянства: исполнители, арендаторовъ, карликовыхъ хозяевъ и т. д.

Естественно, что при своемъ возникновеніи современное крестьянское движеніе сразу приняло характеръ, аналогичный индустріальному. Первое, а сначала и исключительное мѣсто заняли вопросы о заработной платѣ и рабочемъ днѣ. Но даже и здѣсь движенію скоро пришлось столкнуться съ большимъ числомъ мелкихъ владѣльцевъ, не имѣющихъ возможности прокормиться со своего участка, не имѣющихъ капитала для снятія въ аренду помѣщичьей земли, и принужденныхъ въ различное время года искать заработка, съ людьми, «судьба которыхъ еще тяжелѣе судьбы простыхъ поденщиковъ».

Свои права на участіе въ организаціи предъявили и мелкій собственникъ, либо нанимающійся у помѣщика, либо прибѣгающій ко всякаго рода неземледѣльческимъ промысламъ, поступая на фабрики и заводы, специализируясь на торговлѣ въ разность, становясь торговцемъ—на югѣ свѣжей воды, орѣховъ, фруктовъ и жареныхъ каштановъ, а на сѣверѣ и въ центрѣ предметовъ домашней кустарной промышленности.

Движеніе крестьянъ Мантуи, организуясь подъ вліяніемъ сильной социалистической организаціи, невольно принимаетъ характеръ

*) Я присоединяю къ югу и Лациумъ въ силу его огромнаго сходства съ собственно югомъ.

**) Ivaone Bonomie—Carlo Vezzani. Il movimento proletario nel Mantovano. Milano. 1901.

соціалистически-трудовой, вѣсколько мѣняя городское опредѣленіе пролетаріата, принесенное интеллигентомъ изъ индустріальныхъ центровъ.

Оно скоро становится на ноги, уже не являясь, какъ въ 80-хъ годахъ исключительнымъ продуктомъ крайней нищеты. Къ этому новому періоду борьбы его подготовила десятилѣтняя кооперативная выучка, а главное, эмиграція, которая приняла очень большіе размѣры послѣ крушенія иллюзорныхъ надеждъ, питавшихся крестьянами 10 — 15 лѣтъ назадъ. Эмиграція, разрѣдивъ населеніе, сразу подняла здѣсь цѣны на рабочія руки, вызвавъ съ первый моментъ крушеніе ряда помѣщичьихъ хозяйствъ. Но затѣмъ наиболее экономически сильныя хозяйства справляются съ новымъ положеніемъ рабочаго рынка, экстенсивная культура смѣняется интенсивной, начинается спросъ на рабочія руки и возвращеніе эмигрантовъ, умудренныхъ западно-европейскимъ и американскимъ опытомъ. Возникаютъ первыя стачки, одержавшія громадную побѣду среди неподготовленныхъ къ этому помѣщиковъ. Ихъ успѣхъ вызвалъ ростъ организаціи. Въ апрѣлѣ 1900 года собрался первый конгрессъ мантауанскихъ лигъ, который «навсегда останется памятнымъ днемъ въ исторіи сельскаго пролетаріата Италіи». И этимъ онъ обязанъ докладу представителя крошечной крестьянской лиги С. Рокко, начитывавшей 55 семейныхъ членовъ. Докладъ этотъ, по словамъ Ивана Бономи: «положилъ начало тому типу организаціи, вокругъ котораго развивается все современное движеніе». Лига С. Рокко при посредствѣ избраннаго ею комитета вела переговоры съ сосѣдними землевладѣльцами, и, сообразуясь съ ихъ спросомъ на рабочія руки, распредѣляла работу по очереди между всѣми нуждавшимися въ заработкѣ членами организаціи. Заработанные деньги непосредственно отъ владѣльцевъ поступали къ директору комитета, который въ концѣ каждой недѣли распредѣлялъ ихъ между работавшими, выдавая за каждый рабочій день по равной долѣ безъ различія старикамъ, молодымъ, слабымъ и сильнымъ. Любопытно, что однимъ изъ основныхъ правилъ для членовъ было воздержаніе отъ азартныхъ игръ, пьянства и т. д.

Этотъ докладъ произвелъ сильное впечатлѣніе. По всей провинціи крестьяне только о немъ и говорили. Въ февралѣ 1901 года въ Мантауѣ уже основывается «Провинціальная Федерация лигъ улучшенія», съ 121 лгвой и 15.600 членами, а къ концу года число членовъ доходить до 40.231

Крестьянское движеніе развивалось одновременно съ быстрымъ ростомъ производительныхъ силъ провинціи, въ значительной степени вызваннымъ приливомъ къ земледѣлію капиталовъ изъ городской индустріи. Нѣсколько цифръ дадутъ намъ очень яркую картину этого роста. Начиная съ 1877 года, площадь земли подъ лугами съ 27 тыс. гектаровъ съ производительностью въ

550 тыс. квинталовъ дошла къ 1892 году до 45,8 тыс. гектаровъ съ 3.018 тыс. квинталовъ. Поверхность земли подъ виноградниками съ 78 года по 1898 увеличилась съ 34,8 тыс. гект. до 75,3 тыс., т. е. на 117%. Количество рабочаго и молочнаго скота съ 68,4 тыс. въ 1876 году—до 106.683 въ 1898 году. Производство молочныхъ продуктовъ шло еще быстрѣе: въ 1894 году производилось 2.031 тыс. килограммъ, въ 1899 — 3.297 тыс. Химическія удобрения и земледѣльческія машины, которыхъ вовсе не было въ 78 году, въ 99 дошли до 400 тыс. квинталовъ (удобрения) и 2.000 штукъ (машины).

Подъ руководствомъ старыхъ работниковъ городского профессиональнаго движенія крестьянскія лиги ведутъ здѣсь сдержанную, осмотрительную борьбу, предпочитая незначительныя улучшения рискованнымъ стачкамъ. Здѣсь очень скоро стачка становится только крайнимъ средствомъ. Кооперативное движеніе быстро переплетается съ профессиональнымъ. Каждой стачкѣ предшествуетъ долгое взвѣшиваніе всѣхъ «за» и «противъ».

Но движеніе еще далеко отъ того, чтобы охватить всю провинцію, и въ результатѣ за этотъ періодъ создается крайняя пестрота въ уровнѣ заработной платы. Тамъ, гдѣ крестьянство организовано, тамъ жалованіе было выше и экономическія условія лучше, и обратно, гдѣ сельскіе рабочіе находятся въ аморфномъ состояніи, тамъ заработокъ очень недостаточенъ.

Вотъ нѣсколько характерныхъ цифръ.

Въ коммунѣ Мантуя съ методическимъ старымъ движеніемъ средній годовой заработокъ семьи крестьянина изъ 2 рабочихъ и 3 полурбочихъ 400 лиръ въ годъ, въ коммунѣ Азолѣ, находящейся въ той же полосѣ, всего 273 лиры. Еще ярче это вліяніе организаціи въ смежныхъ коммунахъ: въ Поджіо Руско движеніе насчитываетъ нѣсколько лѣтъ, въ Санъ-Джіованни Доссо только начинается:

К о м м у н ы.	Дневной заработокъ.		
	Лѣтомъ.	Зимой.	Рабочій день.
Поджіо.	20,—2,50 лир.	2,00	ограниченный.
Санъ-Джіовани. .	1,60 „	1,30	неограниченный *).

Послѣдній сѣздъ мантуанскихъ крестьянъ въ декабрѣ 1907 г. подводитъ итоги для этого типа движенія сѣвера.

Прежде всего на сѣздѣ рѣшено было озаботиться подробнымъ ознакомленіемъ съ ходомъ его работъ крестьянства провинціи, которое «желаетъ быть въ курсѣ всего дѣла».

Затѣмъ конгрессъ перешелъ къ пересмотру контрактовъ съ помѣщиками и выработалъ требованія, которыя союзъ можетъ предъявить землевладѣльцамъ. Веденіе забастовокъ союзъ поручилъ

*) Ivaпoe Bonomi e Carlo Vezzani. Цит. раб.

коммунальнымъ комитетамъ, но съ обязательнаго разрѣшенія федеральнаго органа. Интересно отмѣтить, что, какъ констатировалось на съѣздѣ, за весь годъ ни разу не возникло импульсивной стачки, хотя разрѣшеніе центрального органа и не вмѣнялось въ обязанность.

Конгрессу была представлена детальная статистика спроса и предложенія труда. При этомъ было установлено, что ежегодно нѣсколько тысячъ крестьянъ въ поискахъ работы изъ Мантуи и изъ сосѣднихъ провинцій идетъ на заработки въ Миланъ и Парму. Союзъ рѣшилъ войти въ сношенія съ другими провинціальными организаціями и урегулировать это движеніе.

По предложенію профессора Гатти при каждомъ коммунальномъ комитетѣ образуются справочныя конторы, куда бы могли обращаться пришедшіе на заработки, чтобы наниматься на работу при помощи союзовъ. На конторы же возложена обязанность слѣдить, чтобы въ дѣло не вмѣшивались подрядчики и посредники, и находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ провинціальнымъ комитетомъ по вопросамъ спроса и предложенія труда.

Замѣтный ростъ исполщины, являющейся одной изъ причинъ эмиграціи и безработицы и препятствующей прямой борьбѣ сельскаго рабочаго съ помѣщикомъ, остановилъ на себѣ особое вниманіе конгресса. Рѣшено было потребовать отъ исполщиковъ, чтобы по окончаніи сроковъ арендъ они возобновляли ихъ не иначе, какъ въ видѣ аренды коллективной — производительной кооперациі. Отсюда конгрессъ перешелъ къ вопросамъ о производительной и потребительной кооперациі; разногласій относительно значенія кооперациі не могло быть, она уже завоевала полное право гражданства. Чисто практическія дѣловыя пренія привели къ резолюціи объ усиленіи коллективной аренды, которая, соединившись съ потребительными союзами, должна вести къ освобожденію работника отъ зависимости отъ хозяина, къ предоставленію крестьянамъ возможности примѣнять машинную обработку земли, приготовить рабочихъ къ будущему коллективному сожительству и т. д.

Словомъ, широкая, практическая постановка работы по образцу крупныхъ городскихъ профессиональных союзовъ — съ ясно сознаннымъ классовымъ принципомъ борьбы — вотъ что характерно для мантуанскаго движенія.

Другимъ, вытекающимъ отсюда, характернымъ признакомъ этого движенія является строгая выдержанность. Контрактъ, установленный крестьянской лигой съ помѣщиками, пунктуально соблюдается во все опредѣленное время. Здѣсь судебнымъ процессамъ, если и приходится заниматься нарушеніями договоровъ, то почти исключительно со стороны помѣщиковъ. Въ этомъ смыслѣ судебная хроника Мантуи даетъ очень любопытные эпизоды *).

*) «Avanti» 1907. dicembre.

Последнимъ громкимъ процессомъ былъ процессъ 25 декабря 1908 года, когда судъ заставилъ ассоціацію помѣщиковъ вернуться къ нормамъ, установленнымъ контрактомъ 28 іюня этого же года. Сила движенія сказывается здѣсь въ очень любопытномъ фактѣ. Только здѣсь соединены вмѣстѣ экономическія и политическія организаціи подъ чисто социалистическимъ знаменемъ. *Confederazione provinciale socialista* объединяетъ здѣсь социалистическія общества, лиги, кооперации и общества взаимопомощи. Этимъ она создала большой вопросъ и для партіи, и для конфедерации труда; для партіи, по регламенту, не включающей экономическихъ организаций, и для конфедерации, требующей отъ подчиненныхъ организаций аполитичности.

Если отъ Мантуи мы перейдемъ нѣсколько южнѣе, все еще оставаясь на сѣверѣ Італіи, то прежде всего привлекаетъ вниманіе Реджіа-Эмилія *), такъ же, какъ и Мантуя, находящаяся въ рукахъ реформистскаго социализма. Войдя въ движеніе нѣсколько позже Мантуи, она значительно опередила ее, представляя высшій типъ современнаго сѣверо-крестьянскаго социалистическаго движенія.

Здѣсь трудами «апостоловъ социализма», Прампolini и Верганьини, гармонически слились профессиональное и кооперативное движеніе *).

Реджіа-Эмилія уже окончательно пережила періодъ незрѣлости широкихъ массъ, которая еще даетъ себя сильно чувствовать во многихъ областяхъ Італіи. Здѣсь не приходится жаловаться на непониманіе крестьянами значенія организаціи, на противоположеніе мѣстныхъ интересовъ интересамъ класса и стремленіе къ обособленной жизни каждой лиги.

Эмилианская биржа труда группируетъ вокругъ себя всѣ ассоціаціи города и деревни, въ нее входятъ не только профессиональные союзы, но и кооперации всякаго рода. Въ ней такъ тѣсно сплелись два брата по труду, крестьянинъ и городской рабочий, что абсолютно нѣтъ возможности выдѣлить одно движеніе отъ другого.

При помощи своихъ вспомогательныхъ отдѣленій: отдѣленія инспекціи, пропаганды, бухгалтерской работы, консультаціи и примирительныхъ камеръ биржа наблюдаетъ за дѣятельностью всѣхъ организацій, гармонически сочетая всѣ движенія сложной машины.

Она руководитъ дѣятельностью 108 лигъ деревни, среди которыхъ половина членовъ женщины, и 41 лигой въ городахъ. Пребладаніе ремесленнаго элемента среди городскихъ рабочихъ дѣ-

*) Camera del lavoro di Reggia Emilia. Relazione morale del segretario generale. 1907;

**) Pigliari. L'organizzazione professionale operaia in Europa. 1908.

даетъ ихъ организаціи сопротивленія менѣе полезными, замѣняясь коопераціей. Затѣмъ къ биржѣ труда присоединены 9 провинціальныхъ лигъ, изъ которыхъ самая сильная «Федерація крестьянъ» съ 65 секціями и 1200 семействами.

Безъ ея согласія не можетъ быть объявлена ни одна стачка. Переговоры съ предпринимателями по большей части ведутся черезъ ея посредство. Она же при помощи своихъ филиальныхъ отдѣленій даетъ справки о предложеніи и спросѣ на трудъ, замѣняя справочныя конторы посредниковъ.

Особое отдѣленіе пропаганды занимается печатаніемъ и распространеніемъ агитаціонныхъ листовъ и популярныхъ брошюръ по всѣмъ отраслямъ знанія. Сюда входятъ серіи книжекъ по социализму, кооперации и по чисто практическимъ вопросамъ: травосѣянію, рациональному уваживанію и т. д.

Помимо лигъ «сопротивленія» къ биржѣ примыкаетъ 175 кооперативовъ съ болѣе чѣмъ 40 тыс. членовъ.

Особое учрежденіе вѣдаетъ дѣла потребительныхъ коопераций, сюда входитъ 86 обществъ съ 650 тыс. лиръ капитала. Изъ нихъ особенно замѣчательны союзъ 44-хъ кооперативовъ съ ежегоднымъ оборотомъ въ 800 тыс.

Трудовые кооперативы тоже соединены въ одно цѣлое: сюда входятъ отдѣленія чернорабочихъ и квалифицированныхъ рабочихъ города и деревни.

Изъ специально земледѣльческихъ коопераций заслуживаютъ особаго вниманія коллективныя аренды. Въ прошломъ году было арендовано 16 участковъ съ 1300 гектаровъ земли, а живой и мертвый инвентарь ихъ оцѣнивался почти въ 300 тыс. лиръ. Обработка производится всѣмъ коллективомъ. Инспекція биржи слѣдитъ за администраціей и счетоводствомъ, и, соединяя всѣ кооперативы въ одно цѣлое, препятствуетъ отдѣльнымъ кооперациямъ замыкаться въ эгоистической изолированности.

Отдѣльно стоитъ кооперативъ крестьянъ, цѣль котораго «защищать интересы арендаторовъ, ипольщиковъ и мелкихъ трудовыхъ собственниковъ». Онъ насчитываетъ 69 секцій съ 1290 членами. Съ 1 января 1906 года по іюль 1907 онъ продалъ товаровъ больше, чѣмъ на 950 тыс. лиръ. Онъ производитъ покупку и продажу удобрений, сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ, скота, имѣетъ магазины.

Я не буду перечислять здѣсь безконечное количество городскихъ и смѣшанныхъ коопераций. Отмѣчу только, что всѣ онѣ соединены въ «Circoscrizione Provinciale», которая обнимаетъ всѣ роды производительныхъ и потребительныхъ коопераций.

Реджія-Эмилія—гордость земледѣльской итальянской организаціи и ея вліяніе сильно на сосѣднія провинціальныя организаціи.

Здѣсь много сдѣлано для поднятія заработковъ, уменьшенія безработицы и т. д.

III.

Отъ этихъ двухъ провинцій сѣвера съ ярко-окрашеннымъ социаль-реформистскимъ движеніемъ мы переходимъ къ сосѣднимъ Феррарѣ и Пармѣ, работающимъ подъ руководствомъ синдикалистовъ, и Болоньѣ, гдѣ реформизмъ преломляется въ боевомъ темпераментѣ населенія, которое въ средніе вѣка поставляло кондотьеровъ и браво, а въ настоящее время извѣстна своими трибуналами.

Въ Феррарѣ мы встрѣчаемся и съ крайнимъ разнообразіемъ культуръ, и съ разнообразіемъ экономическихъ отношеній. Мы находимъ здѣсь и трудовыхъ собственниковъ, и арендаторовъ, и мелкихъ польщиковъ и, наконецъ, крупныя хозяйства въ ихъ самой современной формѣ.

Въ общемъ здѣсь рѣзко проходитъ тенденція къ дробленію земли въ области землепользованія, приводящая, по словамъ профессора Никколини, къ «продолженію того изумительнаго прогресса, который менѣе, чѣмъ въ 30 лѣтъ, учетверилъ нашу земледѣльческую продуктивность» *).

Стачечная борьба здѣсь обычное явленіе. За 1897 годомъ слѣдуетъ 1901, 1902, 1903, 1904, 1907 и 1908, каждый разъ съ 10—30 тыс. стачечниковъ.

Феррарскія стачки протекаютъ весьма бурно; онѣ обычно превращаются въ борьбу противъ современнаго режима. «Это не только борьба классовъ, но истинный и полный разрывъ всѣхъ установившихся привычекъ уваженія и повиновенія». Феррарскіе крестьяне не знаютъ того строгаго исполненія заключенныхъ договоровъ, которое обычно у мантуанскихъ и эмильянскихъ крестьянъ. Немногія реформистскія лиги, какъ Лавезольская, ведутъ изъ-за этого постоянную борьбу съ большинствомъ организацій **). Это въ свою очередь ведетъ къ стремленію со стороны помѣщиковъ къ такимъ же нарушеніямъ. А отсюда постоянная, непрерывная война, во время которой рабочій часто страдаетъ отъ безработицы, голода и нужды въ теченіе значительной части года.

Не послѣдней причиной этихъ стачекъ являются ростъ безработнаго пришлаго элемента съ бѣдныхъ побережій Адриатическаго моря и Аппенинъ и стремленіе помѣщиковъ замѣнить машинно трудъ земледѣльца.

Въ послѣдніе годы, по словамъ профессора Колетты, производшаго здѣсь обследованіе, происходитъ уменьшеніе примѣненія химическихъ удобреній и увеличеніе примѣненія машинъ, а отсюда еще большая безработица въ долгіе, печальные періоды. Какихъ

*) Niccolini. la questione agraria nella provincia di Ferrara. 1907.

**) „Avanti“ 1908.

размѣровъ достигаетъ безработица, можно судить по тому, что въ маѣ 1903 года — по заявленію оффиціозной «Tribun'ы», отнюдь не склонной къ преувеличеніямъ,—только въ пяти коммунахъ болѣе 4 тыс. семействъ — около 16 тыс. человѣкъ, питались травой и кореньями — и это въ тѣ мѣсяцы, когда безработица очень велика *).

Въ Феррарской провинціи исполицина распространена слабо, и хотя помѣщики и пытаются ее ввести, но съ этимъ успѣшно борются крестьянскія лиги. Большинство земель или непосредственно обрабатывается мелкими собственниками, или помѣщиками, и арендаторами. Рабочіе на жалованіи здѣсь очень немногочисленны, и ежегодно уменьшаются за счетъ поденниковъ.

Рабочій день колеблется между 6—12 часами, а заработокъ около 233 лиръ въ годъ.

Вслѣдствіе преобладанія непосредственныхъ отношеній между помѣщикомъ и рабочимъ—лиги здѣсь имѣютъ исключительную цѣль: улучшение условій найма, уменьшеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы. Послѣ первыхъ волненій 1897 года, уже въ маѣ 1901 г. здѣсь происходитъ сѣздъ 56 лигъ съ 15.407 членами, изъ которыхъ 5.083 женщины, а къ концу года членовъ уже 45.407. 29 сентября этого же года собирается второй конгрессъ. И этимъ заканчивается періодъ общей организаціи провинціи. Лига области Ардженты выходитъ изъ состава федеральной организаціи, затѣмъ образуется автономная Рортзенская лига, въ 1902 году лиги Коппары и Портомаджіоре.

Въ видѣ реакціи движенію возникаютъ католическая и помѣщичьи «смѣшанныя лиги», въ которыя входятъ членами и землевладѣльцы. Онѣ получаютъ преимущественное право на работу и рядъ другихъ привилегій, но число ихъ членовъ очень ограничено, и онѣ быстро переходятъ въ социалистическіе ряды. Между тѣмъ непосредственныя ихъ выгоды очень велики: въ то время, какъ лиги сопротивленія насчитываютъ 56% безработныхъ, неорганизованные 51%, «смѣшанныя» лиги только 29%.

Объ относительномъ числѣ организованныхъ въ мѣстностяхъ съ автономными лигами даетъ представленіе слѣдующая таблица, относящаяся къ 1904 году.

*) «La disoccupazione», цит. раб. Острота безработицы въ различные мѣсяцы года идетъ такъ:

а) январь, февраль, ноябрь и декабрь	—максимальная.
б) мартъ, апрѣль, іюнь и октябрь	—тяжелая
в) май и сентябрь	—средняя
г) іюль и августъ	—минимальная.

Число земледѣль- ческихъ ра- бочихъ.	Изъ нихъ организовано:		Не организо- вано.	
	въ лиги со- протвѣленія.	въ смѣшан- ныя лиги.		
П р о ц е н т ы.				
Коммуны:				
Порто-Маджіоре	3818	72,1	5,4	22,5
Арджента	5100	50,2	14,7	35,1
Бондено	3478	61,0	0,7	38,3
Коппаро	9687	51,0	0,9	48,1

Автономная лига Порто-Маджіоре состоитъ изъ такихъ элемен-товъ (въ процентахъ): рабочіе поденщики 51,0, годовые 45,2, ис-польщики 0,2, ремесленники 0,2, трудовые крестьяне 0,4, аренда-торы 2,8.

Остальные крестьянскія организациі образуютъ федерацію изъ 15.062 членовъ, составъ которой: 70% поденщиковъ, 22,4% рабочихъ на жалованіи, 7% трудовыхъ крестьянъ и 1% аренда-торовъ, дольщиковъ, ремесленниковъ *).

Какъ мы уже упоминали, крестьянскія стачки въ Феррарѣ весьма часты. Нерѣдко это стачки импульсивныя и почти всегда ожесточенныя.

За періодъ 1901—1902 годъ здѣсь было 173 стачки; 100 окон-чилось полной побѣдой, 29 частной и 49 поражениемъ. Всего стач-ками завоевано было 3 милліона лиръ жалованья.

Но уже 1902 годъ даетъ только 1 побѣдную стачку, 18 частно-побѣдныхъ и 17 утеранныхъ. Ожесточенность стачекъ очень хорошо характеризуется тѣмъ, что въ 1901 г. было осуждено за акты на-силія 129 человекъ. Съ этого года и помѣщики начинаютъ оже-сточенную борьбу. «Въ 1902 году въ Порто-Маджіоре и Коппаро помѣщики не жали хлѣба, оставивъ его гнить, была брошена ко-вопля, оставлены необработанными сотни земельныхъ участковъ; живо было сожжено. Земля была оставлена необработанной, чтобы не дать заработка поденщикамъ и понудить ихъ понизить требо-ванія и выйти изъ организацій». Въ 1903 году опять были при-остановлены работы. Послѣ относительнаго отдыха 1904—1906 г. въ 1907 г. опять стачки, охватившія свыше 40.000 человекъ **).

Вотъ краткое описаніе іюльской стачки 1907 года, кончив-шейся полной побѣдой крестьянъ — вслѣдствіе единодушной под-держки всей рабочей Италіи. До 28 іюня стачка шла тихо. Но вотъ 28-го карабинеры арестовали стачечника за нападеніе на штрейк-брехера. Немедленно собираются огромныя толпы съ требованіемъ освободить арестованнаго. У карабинеровъ вырываютъ оружіе, раздаются выстрѣлы, кончающіеся смертью одного карабинера, случайно застрѣленнаго товарищемъ. Послѣ этого прибываетъ

*) La disoccupazione. Цит. раб.

**) Il Bolletino della Confederazione del lavoro. 1907; «Avanti». 1967.

войско, кавалерія, пѣхота. 29-го кавалерія разгоняетъ толпу, много раненныхъ. Въ большей части имѣній поля стоятъ необработанными, или безъ рабочихъ, хотя зерно уже налилось. 30-го продолжаются аресты, провинція грозитъ всеобщей стачкой, а вечеромъ бастуетъ весь округъ. Аресты идутъ по ночамъ въ невѣроятномъ количествѣ: арестованы члены биржи труда, редакторъ синдикалистской «Scintilla» и многіе президенты лигъ. 2-го происходитъ убійство штрейкбрехера, и въ коммуны Кодигора помѣщики принимаютъ требованія, и начинаются работы. Въ другихъ имѣніяхъ пытаются ставить машины, но рабочіе производятъ нападенія, и машины не пускаются въ ходъ. Вездѣ столкновенія съ войсками. Объявляется, — come in Russia, какъ комментировали газеты — осадное положеніе, арестовываютъ собранія лигъ. Въ тюрьмахъ не хватаетъ мѣстъ. Везутъ въ Болонью и Ченто. 3-го числа всѣ видные работники въ тюрьмахъ, часть переходитъ на нелегальное положеніе. Но стачка идетъ съ удивительнымъ единодушіемъ. Воодушевленіе такъ велико, что штрейкбрехеры присоединяются къ стачечникамъ. Даже исполщики прекращаютъ работы, хотя отъ этого они только страдаютъ, и, наконецъ, 16 іюля всѣ помѣщики уступаютъ, «классическая страна грандіозныхъ стачекъ» начинаетъ работу.

Въ 1908 году въ мартѣ и апрѣлѣ опять грандіозная стачка, вся Феррара полна угрожающаго волненія.

Естественно, что въ такой атмосферѣ кооперативное движеніе все время было очень слабо. Только кое-гдѣ, какъ въ коммуны Санъ-Джованни, существовали кооперативы поденщиковъ и крестьянъ, но это по большей части тѣ, которые основаны въ 1890—1893 годахъ, до начала затяжной стачечной борьбы. Тамъ движеніе не имѣло такого импульсивнаго характера. Въ упомянутомъ Санъ-Джованни кооперативъ поденщиковъ начался въ 1891 году съ 67 членами, а теперь имѣетъ 1870 членовъ. За этотъ періодъ времени заработокъ поднялся на 150%, съ лиры до 2,5, и рабочий день уменьшился съ 6 часовъ до 10. Здѣсь кооперативы дѣятельно поддерживаютъ стачечное движеніе, потребительные субсидируютъ деньгами стачечниковъ, трудовые даютъ временную работу.

Въ остальной провинціи кооперативное движеніе еще недавно носило «чахоточный» характеръ, истощаясь вѣчными стачками. Кое-гдѣ дѣятельно работали и работаютъ католическіе кооперативы, но они скоро соединяются съ синдикалистскими организаціями. Для характеристики отношенія синдикализма къ кооперативному движенію, въ его очень интересной формѣ коллективныхъ арендъ съ общей обработкой земли—приведемъ любопытный эпизодъ, разыгравшійся въ ноябрѣ 1908 года. Реформистская лига коммуны Лавезолла ввела у себя коллективную аренду помѣщичьихъ земель. Представители лигъ Ардженто, куда входитъ и Лавезолла, потребовали прекращенія этого начинанія, «считая неблагоприятнымъ для

развитія и побѣды сопротивленія рабочихъ помѣщикамъ образованіе земледѣльческихъ кооперативовъ *). Естественно, что крестьяне Лавезоллы энергично воспротивились этому требованію. Создалось крайне натянутое положеніе. Арджентинскія лиги порвали сношенія съ Лавезоллой, которая заявила, что приметъ участіе въ стачкѣ, организуемой синдикалистами, только, если помѣщики нарушаютъ условія, но что считаетъ своимъ законнѣйшимъ правомъ земледѣльческую кооперацію.

Насколько положеніе дѣлъ серьезно, видно изъ того, что власти выслали войска для защиты кооператива и удалили ихъ только послѣ протеста реформистовъ.

Теперь, съ упадкомъ послѣ пармскаго пораженія чистаго синдикализма, здѣсь завоевываетъ почву реформизмъ, и быстро разрастаются кооперативы, потому что ихъ ростъ задерживался вожжами-теоретиками, а не массами, всегда склонными къ этого рода организаціи. И, по словамъ Бономи, движеніе сблизилось съ манта-эмильянскимъ по своему характеру.

IV.

Во многомъ аналогичный съ Феррарою характеръ носитъ и движеніе въ провинціи Парма, гдѣ крестьянство недавно выступило, какъ организованная масса. Здѣсь помѣщики и революціонные синдикалисты, руководители движенія, вплотную подошли другъ къ другу въ срединѣ прошлаго года во время извѣстной стачки всей провинціи. О ней писали много, и русское общество ее знаетъ достаточно, поэтому я не буду долго останавливаться на ней. Для движенія здѣсь характеренъ тотъ же широкий размахъ, что и въ Феррарѣ,

Еще въ 1907 году пармскіе крестьяне добились крупныхъ экономическихъ улучшеній, начали широко практиковаться стачки и бойкоты. Руководство массъ революціонными синдикалистами обѣщало помѣщикамъ сильное движеніе къ веснѣ 1908 года, передъ ними начала рисоваться и феррарская картина борьбы.

Тогда помѣщики рѣшили выступить на путь коллективнаго нападенія на крестьянство. На знаменитомъ февральскомъ съѣздѣ «трехъ тысячъ» землевладѣльческія ассоціаціи Пармы составили первую крупную боевую организацію помѣщиковъ. На съѣздѣ было рѣшено «въ отвѣтъ на невыносимое положеніе, создавшееся вслѣдствіе тираніи крестьянскихъ лигъ», объявить общій локаутъ на нѣсколько мѣсяцевъ, который «надолго убьетъ охоту къ конфликтамъ у незнающихъ удержу социалистовъ». Локаутъ выставилъ требованіемъ выходъ изъ синдикалистскихъ организацій и записъ въ желтыя «смѣшанныя» лиги.

*) „Avanti“. 1908.

Какъ только пришло извѣстіе о рѣшеніи помѣщиковъ, сейчасъ же вся провинція покрылась митингами протеста. Снядикалисты повели бурную пропаганду, накаляя атмосферу какъ можно сильнѣе. Два мѣсяца локаута довели крестьянъ до отчаяннаго положенія. Около 30 тыс. было выброшено на улицу, кое-какіе муниципалитеты начали организовывать общественныя работы, строить бараки, собирать пожертвованія.

По окончаніи локаута озлобленное крестьянство немедленно приступило къ всеобщей стачкѣ, во время которой къ первоначальной защитѣ организацій прибавился рядъ экономическихъ требованій. На экстренномъ съѣздѣ лигъ было рѣшено не останавливаться передъ насильственными мѣрами. Началась та стачка, о которой уже много писалось. За ея протяженіе погибло урожая на 30 милліоновъ и рабочій скотъ уменьшился на 30.000 головъ.

La guerra per la guerra, вотъ къ чему свелась эта стачка въ послѣдній періодъ, и въ результатъ—обнищаніе наиболѣе цвѣтущей и плодородной провинціи Италіи. Пассивъ экономической оказался огромнымъ, обѣ стороны страшно пострадали, оставшись на старыхъ достачечныхъ позиціяхъ. *).

Но еще сильнѣе далъ себя чувствовать пассивъ моральный. Колоссальная стачка, проведенная темной массой Пармы, не только обѣднила крестьянъ, но и создала вмѣсто здоровой классовой солидарности атмосферу мрачной взаимной ненависти.

Составъ земледѣльческаго населенія провинціи слѣдующій: 30,7 тыс. крестьянъ собственниковъ, 22,7 тыс. ипольщиковъ, 7,4 тыс. арендаторовъ и 41 тыс. батраковъ,—изъ нихъ 18 тыс. на жалованіи и пользуются небольшими участками земли **).

Другими словами, если исключить собственниковъ, не принимавшихъ участія въ борьбѣ, то боролась масса, въ значительной части состоявшая изъ полуиспольщиковъ и ипольщиковъ, которые, по общему убѣжденію итальянскихъ социалистовъ, «съ трудомъ становятся сознательными участниками партіи и убѣжденными сторонниками метода классовой борьбы и конечнаго идеала».

Хотя положеніе ипольщика часто ниже положенія наемнаго рабочаго, хотя онъ ежедневно жалуется на свою нищету, на скупость хозяина, говоритъ объ эксплуатаціи, говоритъ о томъ, что едва-едва спасается отъ голодной смерти (и говоритъ правду), однако онъ настолько привязанъ къ землѣ, дому, въ которомъ онъ живетъ, къ деревьямъ, которыя онъ самъ насадилъ и вырастить, что «если ему предложить другой, далеко лежащій участокъ, гораздо болѣе выгодный, то онъ откажется перейти, ибо «лучше умереть тамъ, гдѣ родился». Ипольщина здѣсь переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

*) Ciccotti. N. Antol. 1908. Agosto.

**) *L'Analfabetismo nella provincia di Parma*. Antonio Bensi. 1908.

И вотъ это-то и составило опасность для стачки и повело къ тяжелымъ послѣдствіямъ послѣ ея неудачи.

Большимъ мѣстомъ помѣщика всегда являются животныя, которыхъ особенно много въ Пармѣ, славящейся своимъ сыромъ-пармиджаномъ, безъ котораго ни одинъ итальянецъ не ѣстъ своихъ макаронъ, и молочными продуктами всякаго рода. Прекращеніе, дѣйствительное прекращеніе корма животныихъ, заставило бы помѣщиковъ въ нѣсколько дней уступить крестьянскимъ требованіямъ. «Но для этого нужно долгое подготовленіе исполщика къ борьбѣ путемъ ряда мелкихъ выступленій, заранее обезпеченныхъ успѣхомъ, путемъ долгой пропаганды и жизни въ организаціи». Словомъ, той работы, которую продѣлалъ реформизмъ въ Мантуѣ и Эмилиі. Но синдикалисты Италіи не знаютъ, и не хотятъ знать долгой, упорной, «будничной» работы. Горячностью, пылкой стремительностью и революціонною фразой они желаютъ замѣнить несомнѣнный опытъ реформизма.

И вотъ, отказавшись отъ корма животныихъ, крестьяне страдаютъ и горячо сочувствуютъ тѣмъ штрейкбрехерамъ, которые замѣняютъ ихъ у стойлъ. Гордо отказываясь кормить животныихъ днемъ, по ночамъ, въ согласіи съ патрулями лигъ, они тайкомъ пробираются накормить «святую скотину», невиноватую въ человѣческой жестокости. Для исполщика невѣроятно, немыслимо допустить смерть этой скотины ради собственного благополучія. Все это имѣло мѣсто въ другихъ мѣстахъ, и несомнѣнно, должно было быть и здѣсь. Вотъ объясненіе того поразительнаго факта, что за эту продолжительную стачку не погибло и десятка животныихъ, хотя изъ 80.000 головъ на сторону было увезено и продано всего 30 тыс., и штрейкбрехерскихъ рукъ было больше, чѣмъ недостаточно.

Но самое важное это—деморализація, вносимая этими скоропалительными стачками.

Темный крестьянинъ Италіи легко дѣлается фанатикомъ, страсть легко побѣждаетъ разсудокъ. Тогда онъ способенъ на ужаснѣйшія преступленія, равно какъ и на самые высокіе акты героизма. Поэтому, какъ говорить Чиккоти, чувство отвѣтственности должно быть очень бодро въ томъ, кто обладаетъ авторитетомъ у крестьянъ, и во главѣ лигъ должны стоять очень умѣренные люди. Иначе, побѣдивъ или будучи побѣжденными, крестьяне все равно становятся смертельными врагами помѣщика. Послѣдній даже если и уступаетъ и принимаетъ новыя условія, ежеминутно рискуетъ получить нарушеніе контракта, потому что онъ «эксплуататоръ». Отсюда одна стачка громоздится на другую, и отсюда, какъ слѣдствіе, вѣчная война, дѣлающая невозможными правильные хозяйственные расчеты помѣщика, ведущая за собою паденіе его хозяйства и общее ухудшеніе условій работы, изъ которыхъ, какъ изъ заколдованнаго круга, трудно выйти.

Но, если въ случаѣ пораженія стачки, помѣщикъ удаляетъ со своей земли исполщика, а это и имѣло мѣсто въ Пармѣ, то драма стачки доходитъ до кульминаціоннаго пункта. Ничто не можетъ удовлетворить крестьянина, покинувшего землю, гдѣ родился онъ, гдѣ жили и умирали его дѣды и прадѣды. Онъ возвращается обратно, бродитъ около своего участка и направляетъ свою vendetta на помѣщика и на замѣстителя. Онъ отравляетъ животныхъ, поджигаетъ, подрѣзываетъ виноградъ. Растетъ число преступленій. Начинается ожесточенная борьба, грозящая затянуться до безконечности безъ какихъ либо прочныхъ результатовъ.

Въ первые годы все это не было такъ замѣтно, но сейчасъ положеніе стало очень яснымъ, и даже въ средѣ синдикализма возникаютъ разногласія о методахъ борьбы.

Не менѣе характерно для крестьянства этихъ провинцій полное пренебреженіе политической дѣятельностью въ смыслѣ парламентскихъ и муниципальных выборовъ. Въ то время, какъ Мантуя и Эмилія проводятъ въ парламентъ депутатовъ социалистовъ и ведутъ дѣятельное завоеваніе коммунальныхъ совѣтовъ, Феррара и Парма пренебрегаютъ этимъ «политиканствомъ». А между тѣмъ въ Италіи, представляющей, по мѣткому выраженію Джинио Гаппони, «агрегатъ коммунъ, въ жилахъ которыхъ течетъ кровь среднихъ вѣковъ», муниципальный совѣтъ—могущественное орудіе въ рукахъ трудящихся. Здѣсь коммуна, по закону, можетъ дѣлать «все, что полезно для общества», и ея свобода *conditio sine qua* non даже въ программахъ консервативныхъ партій.

Коммунальная политика *фактически* совершенно въ забросѣ у синдикалистовъ. Такъ, на примѣръ, въ Пармѣ въ 1908 году, когда 28.719 крестьянъ шли за синдикалистами, составъ коммунальныхъ совѣтовъ былъ слѣдующій: 18 клерикальныхъ коммунъ, 23 монархическихъ, 1 либеральная, 3 радикальныхъ, 2 радикально-социалистическихъ и 1 социалистическая. Огромное большинство этихъ коммунъ—маленькія каморры, гдѣ борьба идетъ изъ-за личныхъ интересовъ и личныхъ счетовъ. *).

Въ послѣдніе мѣсяцы въ крестьянскомъ движеніи Пармы, впрочемъ, начался поворотъ. Газеты приносятъ рядъ извѣстій объ отпадѣнн лигъ отъ синдикалистовъ. Рядомъ съ этимъ замѣчается сильное кооперативное движеніе подъ вліяніемъ реформизма. Въ Сораньо, Колорно и Фонтанелле образовались кооперативы труда, которые, соединившись съ уже бывшими здѣсь кооперативами, «дѣлаютъ силы реформизма болѣе устойчивыми». Возникаютъ и возрождаются потребительныя общества. И, видимо, массы уходятъ отъ «*direttissima sindacalista*». Но насколько прочно это движеніе, покажетъ будущее. Сейчасъ отзывы работниковъ чрезвычайно различны: синдикалисты утверждаютъ, что масса по прежнему синди-

*) L'Analfabetismo, цит. раб.

калистична, реформисты говорятъ о полномъ сближеніи движенія съ социалистами *).

V.

Мантуя и Эмилія, съ одной стороны, и Парма съ Феррарой—съ другой, вотъ до конца 1908 года два противоположныхъ полюса сѣвернаго движенія.

Отъ этихъ провинцій мы переходимъ къ Болоньѣ.

Здѣсь преобладаютъ поденщики; относительно велико тоже число дольщиковъ въ различныхъ видахъ. Первая лига возникла еще въ 1892 году въ коммунѣ Моллинелла, но широкое развитіе движеніе получило въ 1901 г. Поденщики всѣ выдѣлены въ особыя организации, согласно ихъ требованію на сѣздѣ 1906 года **), и только на югѣ поденщики соединены въ лиги съ исполщиками и мелкими собственниками.

Въ Моллинеллѣ стачки начались съ перваго же года возникновенія организациі; затѣмъ въ 1894—1896 годахъ произошелъ рядъ попытокъ мирнаго соглашенія съ помѣщиками, перешедшій въ грандіозныя стачки 1897, 1900, 1901 и 1903 годовъ. Число организованныхъ составляетъ 67% всего населенія. Рабочій день въ этотъ періодъ съ 11 часовъ дошелъ до 6—7, а жалованье поднялось слѣдующимъ образомъ:

Родъ работы.	жалованье (maxim.) въ лирахъ.	
	Женщины.	Мужчины.
	1899—1902	1899—1902
Рись	0,50—0,90	1,30—2,25
Полевая работа	0,60—2,25	1,00—2,00
Жатва	— —	1,60—3,00

Молинелла, гдѣ раньше наемъ производился черезъ подрядчиковъ, послѣ стачки 1903 года добилась заключенія контрактовъ между помѣщиками и представителями рабочихъ организаций. Ведется упорная борьба, какъ и въ Феррарѣ, Мантуѣ, противъ сдѣльныхъ работъ. Здѣсь, какъ и во всей Болоньѣ, для которой Молинелла служитъ образцомъ, лиги не ограничиваются простымъ сопротивленіемъ и образуютъ коопераціи трудовыя и производительныя. Здѣсь же существуютъ и небольшія католическія лиги (въ Молинелла 400 человекъ), но онѣ быстро отцѣвѣаютъ. Вслѣдствіе незначительнаго развитія индустріи, общественныхъ работъ и

*) Последнія данныя Boll. dell' ufficio del lavoro (См. только что вышедшій № 2, agosto 1902) даютъ поразительныя цифры, указывающія на разложеніе двухъ биржъ труда, истощенныхъ синдикалистскими „экспериментами“. Въ 1908 Феррара съ 44.126 организованныхъ дошла до 9.035 къ 1 ян. 1909, а Парма съ 28.719 до 7.034. Краснорѣчивѣе этихъ цифръ едва ли можно найти во всей исторіи итальянскаго „синдикализма“.

**) La disoccupazione, цит. раб.

кустарныхъ промысловъ, здѣсь, какъ и въ Феррарѣ, единственный заработокъ—полевая работа. Заработокъ этотъ уже и теперь не достаточенъ, а въ будущемъ грозитъ сдѣлаться еще болѣе ничтожнымъ. Такъ какъ земледѣліе прогрессируетъ очень медленно, то безработица здѣсь хроническое явленіе. Организации ведутъ съ нею очень упорную борьбу.

Съ одной стороны, онѣ требуютъ правительственныхъ мѣропріятій. Такъ, на конгрессѣ романьольскихъ поденщиковъ, въ которомъ принимали участіе и болонцы, 28 октября 1905 года, было выставлено требованіе серьезнаго правительственнаго изученія проблемы внутренней колонизаціи, помощи рабочимъ кооперативамъ и учрежденія кредитнаго банка для поддержки земледѣльческихъ коопераций *). Съ другой стороны, здѣсь дѣлаются попытки поочереднаго распредѣленія труда, подобно Мантуанскому. Съ исполнителями ведется упорная борьба, такъ какъ исполщики, при ихъ непосильномъ трудѣ, уменьшаютъ спросъ на рабочія руки, исполняя то, что раньше дѣлалъ почти вдвое большій составъ рабочихъ. Въ Моллинеллѣ исполщикъ въ среднемъ обрабатываетъ 5 гектаровъ, тогда какъ на одного человѣка больше, чѣмъ достаточно 3-хъ. 1300 исполщиковъ культивируютъ здѣсь 5.500 гектаровъ, въ то время какъ 3.000 поденщиковъ всего 1000.

Машинная обработка здѣсь, какъ и въ сосѣдней Равеннѣ, въ виду большого разнообразія культуръ, требующихъ различныхъ работъ, примѣнима только въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Въ общемъ во всей Болонѣ благосостояніе стоитъ относительно высоко. Пища здоровая и достаточная, сколько угодно хлѣба, кусокъ мяса, министра съ саломъ—это въ полдень; утромъ и вечеромъ хлѣбъ, зелень и вино.

Средній заработокъ поденщика около 582 лиръ на семью изъ 2 рабочихъ и одного полурабочаго.

Во всей провинціи число организованныхъ очень велико. Въ 1906 году ихъ было 18.384, въ томъ числѣ 13.250 поденщиковъ и 5.134 дольщика; въ 1907 число организованныхъ поднялось уже до 34.227 **).

Природная воинственность болонца сказывается на общемъ тонѣ движенія тѣмъ, что въ упорную, методическую борьбу, принесенную и насажденную въ Болонѣ социалистами, вносится революціонная нота. Болонскій крестьянинъ не знаетъ импульсивности феррарца или жителя Пармы, но онъ не мирится и съ сдержанностью эмильянца.

Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерны крестьянскіе полутайные трибуналы, которые надѣлали такого шума весной 1908 г.

*) L'Italia Economica.

**) A. Altobelli. Relazione morale e finanziaria della Federazione Nazionale (1906—1907). Bologna. 1909. Boll. uff. del lav. 1907.

Крестьянскія лиги Болоньи образовали своеобразные суды, приговаривающіе къ различнымъ наказаніямъ за нарушеніе постановленія лиги, за противодѣйствіе ей и т. д.

Могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ «трибуналовъ» является бойкотъ. Сначала онъ примѣнялся только къ крестьянамъ и помѣщикамъ, а теперь и къ администраціи.

Бойкотъ ведется очень выдержанно и систематично. Вотъ, напримеръ, сообщеніе отъ 1-го февраля 1909 года. «Въ прошломъ году всѣ организациі комунъ Казалекио ди-Рено», пишетъ болонскій корреспондентъ «Avanti», объявили подъ бойкотомъ графа Марескальки за то, что онъ пользовался *неорганизованными* колонами. Вплоть до 1 февраля бойкотъ шелъ очень дружно. Между тѣмъ эти колоны вошли въ ряды организациі, и сегодня представители лигъ комунъ, биржи труда Болоньи и Національной Федерациі земледѣльческихъ работниковъ рѣшили прекратить бойкотъ, еще разъ доказавшій свою дѣйствительность при защитѣ правъ пролетаріата».

Весною прошлаго года эти суды попытались пойти еще дальше и сдѣлали попытку перейти къ непосредственной борьбѣ съ администраціей. Въ нѣсколькихъ коммунахъ, по словамъ «Giornale d'Italia», былъ объявленъ бойкотъ карабинерамъ. Никто не имѣлъ права входить въ сношенія съ ними, пользоваться ихъ услугами и т. д. Въ противномъ случаѣ на голову нарушителей постановленія обрушивался жестокій, беспощадный бойкотъ.

Газеты сообщали рядъ очень характерныхъ фактовъ.

Одна крестьянка потеряла серыгу у казармы карабинеровъ. Замѣтивъ, что она что-то ищетъ, дежурный карабинеръ спросилъ ее, въ чемъ дѣло. Она имѣла неосторожность отвѣтить. На утро одинъ изъ карабинеровъ нашелъ злополучную серыгу и отнесъ ее къ владѣльцѣ. Этого было достаточно, чтобы вся деревня стала на ноги: какъ смѣла крестьянка воспользоваться помощью полиціи.

Въ коммунѣ Креспеллано двѣ женщины осмѣлились стирать бѣлье на карабинеровъ; противъ нихъ начались такіа преслѣдованія, что бѣднымъ женщинамъ пришлось бѣжать изъ провинціи.

Эти насилія вызвали реакцію. Въ Креспеллано прибылъ сильный отрядъ войска, секвестровавшій бумаги лиги и арестовавшій 11 членовъ трибунала.

Любопытно, что послѣдующіе обыски не дали никакихъ результатовъ. Во всѣхъ лигахъ исчезли всѣ документы. Отъ самого населенія нельзя было получить никакихъ свѣдѣній. Никто не говорилъ, не жаловался, даже жертвы лигъ и тѣ молчали.

Этого рода «революціонныя» проявленія очень часты, обычны у болонскихъ крестьянъ.

Этими 5 провинціями сѣвера, въ достаточной мѣрѣ обрисовывающими характерныя особенности сѣвернаго движенія крестьянъ, и приходится ограничиться. Минуя Равенну, Модену, съ крупными

организаціями Венецію и Падую съ царствомъ среднихъ вѣковъ и зачаточными организаціями, мы переходимъ къ центру въ собственномъ смыслѣ—къ Тосканѣ.

VI.

Тоскана представляетъ рѣзкій контрастъ социалистической и боевой Эмилии. Это классическая страна мелкой культуры и мелкаго землевладѣнія, исключая двухъ провинцій нижней Тосканы Гроссето и Сіена, но о нихъ послѣ.

По даннымъ переписи 1881 года, земля распредѣлялась здѣсь слѣдующимъ образомъ: 45% принадлежало мелкимъ владѣльцамъ, имѣвшимъ не свыше 20 гектаровъ, 45% среднимъ съ максимальнымъ размѣромъ въ 60 гектаровъ, и только 10% съ помѣстьями выше 60 гект. *).

Культивированіе винограда, оливокъ, миндаля ведетъ здѣсь къ очень дробному землепользованію; господствуетъ здѣсь исполничество, исконная мѣстная форма найма.

Свое начало исполничество ведетъ еще отъ римскихъ временъ; еще Катонъ въ своей «De re rustica» и Плиній говорятъ о немъ, какъ о чемъ-то характерномъ для Тосканы.

Въ своемъ современномъ видѣ исполничество ведетъ начало отъ XII—XIII вѣковъ, когда флорентійская коммуна начала войну противъ феодаловъ, окружившихъ городъ и мѣшавшихъ торговлѣ, разрушила замки и объявила крестьянъ свободными.

Въ началѣ прошлаго столѣтія положеніе исполщика было крайне тяжело, онъ принужденъ былъ отдавать владѣльцу земли 0,76 урожая.

«Въ великолѣпной странѣ»,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей начала прошлаго столѣтія—«богатой всѣми дарами природы, съ ежегодно растущей урожайностью, многочисленный классъ, производящій плоды земли, никогда не имѣетъ ни зерна изъ своей жатвы, ни вина, имъ выжатаго. Часть, которую онъ получаетъ, состоитъ изъ *rolenta* и вина, нерѣдко смѣшаннаго съ водой. Словомъ онъ постоянно борется съ нищетою» **).

Послѣ этого изслѣдованія прошло 60 съ лишнимъ лѣтъ, и картина измѣнилась къ худшему. Въ 80-хъ гг. въ провинціи Пиза, кромѣ половины урожая, колонъ долженъ былъ вернуть затраченныя помѣщикомъ сѣмена, дать 2 фунта оливокъ на каждый боченокъ, перевезти хозяйскую часть на рынокъ, поставить ему 10 куръ, 80 яицъ, 1 поросенка, 2 ягнятъ, заплатить половину земельныхъ налоговъ и исполнить рядъ работъ въ экономіи.

*) Atti della giunta per la inchiesta agraria. 1880.

**) A. E. P. de Gasparin. „Memoria della mezzadria. Giorn. agr. Toscano. 1833.

Въ нѣкоторыхъ коммунахъ исполничество выродилось въ *terzzeria*, гдѣ хозяинъ получалъ $\frac{2}{3}$ продукта. Мясо въ пищу рѣдкость, пшеничный хлѣбъ роскошь. Пища поедящика еще хуже. «Ее»,—говоритъ Янчини,—«можно вложить въ короткую формулу: «кукурузная похлебка и вода».

Заработокъ равнялся одной лирѣ для взрослого, 60 центезимовъ женщинѣ, 40—подростку. Для значительной части Тосканы Янчини констатируетъ ухудшеніе жизненныхъ условий и условий найма. Такъ, напримѣръ, въ Пистойскомъ округѣ «колонъ, отдавая $\frac{1}{2}$ выжатого вина, добавлялъ еще 5%; съ шелковичныхъ деревьевъ онъ получалъ $\frac{1}{3}$, сѣмена, удобренья и сельско-хозяйственные орудія были крестьянина».

Средній годовой заработокъ мужчины 334 лиры, женщины 50, подростка 40. Такое положеніе продолжалось почти безъ измѣненій до 1902 года, когда инертная тосканская деревня, вѣками ведшая исполничество на одномъ и томъ же мѣстѣ, пробудилась подъ вліяніемъ социалистической пропаганды *).

7 апрѣля 1902 года поворотный пунктъ въ тосканской жизни. Въ коммунѣ Чанчано первая социалистическая лига объявляетъ стачку. Это первая стачка исполщиковъ.

Требованія, предъявленныя лигой, были болѣе, чѣмъ скромны. Колонны желали, чтобы поземельный налогъ и расходы по молотбѣ уплачивались помѣщикомъ, чтобы были уничтожены *soratura* (сборъ перваго винограда въ пользу помѣщика) и *collaja*, (сборъ хвороста для землевладѣльца) и введенъ трехлѣтній договоръ **).

Неожиданное выступленіе заставило помѣщиковъ пойти на уступки: за колономъ остались $\frac{1}{4}$ земельныхъ налоговъ и молотильные расходы.

Удачное выступленіе вызвало броженіе во всей Тосканѣ. Рядъ видныхъ социалистическихъ дѣятелей повелъ интенсивную агитационную и организационную работу, надѣясь вывести изъ неподвижнаго состоянія огромную мертвую полосу.

Возникъ рядъ стачекъ. Мелкій помѣщикъ быстро пошелъ на уступки, а мѣстами принималъ новыя условія, не ожидая стачекъ. Но большинство прибѣгло къ защитѣ администраціи, были запрещены собранія, подъ угрозой уголовной ответственности требовали ухода за животными. Крестьяне уступили, хотя поденщики и объявили себя солидарными; но все же организація объединила до 4-хъ тысячъ человекъ.

Послѣ этого 4 года все было тихо,—слишкомъ ужъ необычайно для тосканскаго колона было возмущеніе противъ хозяина-помѣ-

*) Constantino. I tipi dei contratti agrari nell' Italia continentale. G. de F. 1897. marzo.

**) Guicciardini. „Sulla mezzadria in Toscana. Le recenti agitazioni agrarie in Toscana e i doveri della proprietà. N. Antol. 16 apr. 1907.

щика. Тосканскій депутатъ Франческо Гвиччардини и Чиккоти разсказываютъ крайне любопытные эпизоды изъ этихъ стачекъ, характеризующіе колона. «Вы мой господинъ. Вы имѣете право побить меня»,—говорилъ одинъ изъ исполщиковъ помѣщику,—«но во время стачки я долженъ подчиняться лигѣ». Нужно было 4 года интенсивной работы, чтобы хотя нѣсколько поднять челоуѣческое достоинство тосканца; и въ 1906 году аграрное движеніе, начинаясь у Флоренціи, разливается очень широко; колонны присоединяются къ прежнимъ требованіямъ еще требованіе повышенія оплаты труда поденщиковъ.

Помѣщики собираются на рядъ съѣздовъ, изъ которыхъ самыми важными были съѣзды во Флоренціи 25 и 27 мая.

Первый съѣздъ вынесъ очень характерную резолюцію, показывающую, какая огромная дистанція между тосканской деревней и сосѣдними, сѣверными, съ ихъ коллективными договорами. Вотъ эта резолюція: «Помѣщики, разсмотрѣвъ измѣненія контракта съ колонами, которыхъ помогаютъ послѣдніе, сошлись на томъ, что такіа требованія никогда не должны сопровождаться угрозою стачки и насиліями надъ свободой труда..... но согласны, ведя переговоры только съ главами семействъ... ввести видоизмѣненія въ контрактъ по окончаніи настоящей агитации». Въ резолюціи 27 мая помѣщики говорятъ о необходимой «гармоніи интересовъ помѣщика и колона», и называютъ все движеніе «результатомъ подстрекательства немногихъ бунтовщиковъ».

Стачка опять была разбита. Но все же она сказала на повышеніи благосостоянія крестьянъ. Въ среднемъ заработокъ колона дошелъ до 308—649 лиръ. Заработокъ поденщика до 367,75 при 9 часовомъ рабочемъ днѣ. Въ организованныхъ мѣстностяхъ заработокъ повысился почти вдвое по сравненію съ неорганизованными *). Въ 1907 году началось быстрое организаціонное движеніе, тосканецъ проснулся, и въ будущемъ можно ждать крупнаго движенія.

Особнякомъ стоятъ двѣ провинціи: Гроссето и Сіена, рѣзко отличающіяся отъ остальной Тосканы. Здѣсь господствуютъ латифундіи, исполщикъ смѣняется арендаторомъ, частью вѣчно-наслѣдственнымъ, частью трехлѣтнимъ. Здѣсь среди массы заброшенныхъ некультивируемыхъ земель, занятыхъ пастбищами овецъ, живеть нищій земледѣлецъ, вѣчно мечтающій о землѣ.

Эти провинціи тождественны по условіямъ съ сосѣднимъ Лациумомъ, отнесеннымъ мною къ югу, и потому мы непосредственно перейдемъ къ области латифундистской знати, забитаго крестьянства и свѣжихъ воспоминаній о захватѣ общинныхъ земель помѣщиками.

*) Boll. uff. del lavoro. 1907.

**) Av. P. Fr. Serragli. Un contratto agrario. (La mezz. toscana) 1908.

Но прежде нѣсколько фактовъ, характеризующихъ мѣстное движение. 2 мая 1907 года здѣсь происходилъ конгрессъ крестьянскихъ лигъ Гроссето; его постановленія слѣдующія: добиваться удлиненія времени аренды, замѣны индивидуальныхъ договоровъ коллективными, выработки тарифа за поденныя работы, распространенія пропаганды и соглашенія съ мѣстными социалистическими организаціями *).

Но главный мотивъ здѣсь «conquistare del terreno da lavorare», — захватъ земли. Такъ, напримѣръ, 22 февраля того же года поденщики Питильяно напали на земли маркиза Джерсини и заняли ихъ; префектъ, уговаривавшій крестьянъ оставить землю, долженъ былъ бросить убѣжденія. «Умремъ, а не уйдемъ», заявили крестьяне: «Господа, опираясь на право собственности, отказываются уступить землю крестьянамъ, или же требуютъ такіа деньги, что бѣдные крестьяне не въ состояніи платить; мы работаемъ для рапе quotidiano (для насущнаго хлѣба); *poveri contadini* должны извлекать пищу для существованія изъ земли».

Въ нынѣшнемъ году это движение приняло болѣе рѣзкія формы. Въ цѣломъ рядѣ коммунъ Сіены крестьяне заняли землю. Въ коммунѣ С. Квирико ди Сорано лига крестьянъ вышла на земли помѣщика, водрузила красное знамя, а кругомъ него воткнула заступы — символическій знакъ захвата. А затѣмъ около недѣли выжидала отвѣта отъ помѣщика, соглашаясь платить умѣренную арендную плату, но, не дождавшись, запахала землю. Въ коммунѣ Пьянкастаньо крестьяне потребовали передачи имъ некультивируемыхъ земель за умѣренное вознагражденіе: «потому, что мы имѣемъ право жить». Начались аресты, толпа напала на казармы карабинеровъ, и въ результатѣ 3 убитыхъ и 15 раненыхъ крестьянъ. Вотъ типичная картина для Нижней Тосканы **).

VII.

Лаціумъ ***), какъ и Нижняя Тоскана, страна мелкой аренды, отчасти вѣчнонаслѣдственной. Здѣсь очень распространена мелкая собственность, не прибѣгающая къ наемному труду. Среди крестьянъ сильно развита «жадность къ землѣ», «они всѣ свои сбереженія употребляютъ на покупку новой земли, а не на улучшеніе своей». Малоземелье очень большое.

Въ 1902 году здѣсь было около 3.000 организованныхъ крестьянъ, въ 1906 существовала уже 41 лига съ 9.037 членами. Заработная плата семьи около 467 лиръ ****).

Резолюціи крестьянскихъ съѣздовъ Лаціума и весь ходъ дви-

*) Boll. del Conf. del lavoro.

**) Avanti. 1909.

***) Boll. uff del lavoro.

****) Valenti. La compagna romana. g. d. e. 93. febb.

женія представляет крайній интересъ. Тутъ, какъ и въ Нижней Тосканѣ, невольно приходятъ на умъ крылатые слова Герцена: «въ исторіи бываютъ чудеса мудренѣе всѣхъ сказочныхъ чудесъ; въ ней иногда спали крѣпче 12 спящихъ дѣвъ, въ ней точно также есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительнаго забвенія».

Лаціумъ, тотъ самый Лаціумъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ втягивался въ горнило западной цивилизаціи, развивавшей и формулировавшей священное право неограниченной собственности, въ лицѣ своихъ крестьянъ вынесъ отрицаніе этого права.

Трудовая психологія вмѣстѣ съ экономической структурой провинціи, съ ея неопредѣленными полукрѣпостническими отношеніями чисто феодальнаго характера, съ такъ называемыми «Usi civici», породили въ Лаціумѣ сильную тягу къ землѣ, на которую «имѣетъ право землевладѣлецъ».

«Usi civici», обязывающіе крестьянъ, пользующихся землями, платить помѣщикамъ за одно право пользованія, «эти обломки крѣпостной зависимости», а вмѣстѣ съ тѣмъ, то, что здѣсь, у столицы полуострова городская цивилизація цѣликомъ прошла мимо деревень—и даютъ объясненіе этому стремленію къ общинной собственности *).

Огромныя латифундіи принцевъ Дорія и другой владѣтельной знати, запущенныя подъ луга и пастбища овецъ, воочію убѣждаютъ крестьянство въ «несправедливости частнаго права» и побуждаютъ ихъ къ рѣзкимъ выступленіямъ. Объясняется это въ значительной степени и отсутствіемъ организаціонной выдержки, сильнымъ фанатизмомъ, свойственнымъ прозелитамъ движенія, горячимъ темпераментомъ, а главное, тѣмъ, что «голодъ не разсуждаетъ».

До плановѣрныхъ, массовыхъ выступленій крестьянинъ еще не дошелъ. Движеніе выражается какъ въ рядѣ экономическихъ требованій, въ видѣ повышенія заработной платы, такъ и, главнымъ образомъ, въ непосредственномъ захватѣ земель, чтобы получить работу. Часть лигъ прямо основывается для «завоеванія земли, чтобы на ней работать» **).

*) Usi civici, обычно состоящіе въ правѣ пользоваться луговой, лѣсной и иногда пахотной землей, послѣ закона 1888 года стали уничтожаться, и крестьяне либо получали ренту за землю, отходившую къ помѣщику, либо часть земли. Это уменьшеніе земельной площади сразу поставило крестьянство въ очень тяжелое положеніе; отсюда усиленіе борьбы «за землю».

Теперь, суля по докладу мин. земл. парламенту, дальнѣйшее уничтоженіе будетъ совершаться путемъ передачи всей земли крестьянству въ «общее владѣніе» за уплату денегъ помѣщику. См. чрезвычайно интересную „Relazione sull'andamento dei domini collettivi nelle provincie dell'ex- Stato Ponteficio e dell'Emilia“. (Presentato al Parlamento dal Ministro Luigi Rava. Roma. 1906).

**) Любопытно, что здѣсь еще сохранились общинныя владѣнія съ

Весной 1908 года движение было очень рѣзко. Такъ, въ коммунѣ Лабикъ 23 марта крестьяне потребовали отъ синдака (мэра) оформить захватъ и, получивъ отказъ, ворвались въ муниципалитетъ и сожгли бумаги. Въ Альби въ Чиввитаверккѣ произошелъ очень характерный эпизодъ. Послѣ рѣчи одного городского рабочего многочисленная толпа крестьянъ со знаменемъ прошла по округу, созывая всѣхъ. Въ короткое время площадь Альбы была полна народа съ земледѣльческими орудіями. Вся эта масса съ пѣніемъ пошла на помѣщичьи земли и запахла ихъ. Нѣсколько времени спустя прибылъ отрядъ карабинеровъ. Президентъ лиги встрѣтилъ ихъ рѣчью. Толпа кричала: «Viva il re! Viva il Governo! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ правительство!» Затѣмъ крестьяне вернулись въ коммуну, и здѣсь на разстояніи 50 метровъ отъ нея ихъ встрѣтили женщины съ виномъ. Произошло угощеніе солдатъ, и отрядъ удался.

Въ Ментанѣ войска два раза удаляли крестьянъ съ земли, арестовывали «зачинщиковъ», но захватъ возобновлялся.

Въ общемъ, все движение еще полно несознательности и темныхъ пережитковъ.

Южнѣе Лаціума лежитъ Апулія *), состоящая изъ трехъ провинцій. Наибольшій интересъ представляетъ провинція Бари: это самая богатая, самая населенная и лучше всего воздѣланная часть Апуліи. Она рѣзко разбивается на три зоны: интенсивная культура вина и оливокъ въ округѣ Бари и экстенсивная зерновая и пастушеская въ округахъ Альтамура и Берлетто.

Большое значеніе подсобныхъ промысловъ («барійскій крестьянинъ» говоритъ Рагонэ, «въ дни безработицы или низкихъ цѣнъ на рабочія руки не теряетъ времени даромъ и пополняетъ недостатокъ въ бюджетѣ инымъ путемъ»), крайнее разнообразіе ихъ и слабая изученность очень затрудняютъ здѣсь точную классификацію земледѣльческаго населенія по экономическимъ категоріямъ. Очень распространенъ типъ крестьянина, нанимателя и рабочего въ одно и то же время.

Но грубо классифицируя, мы получимъ въ 1901 году 67% поденщиковъ въ Альтамурѣ, 66,1 въ Берлетто и 59,7 въ Бари. Наименьшій % даетъ округъ Бари, такъ какъ здѣсь дробленіе земли больше, а отсюда и больше владѣльцевъ, личнымъ трудомъ обрабатывающимъ землю **).

Апулія совсѣмъ не знаетъ деревень. Все ея населеніе сосредото-

---

крайне интереснымъ порядкомъ землепользованія и въ относительно большемъ количествѣ.

*) Arnoldo Lucci. L'organizzazione dei contadini e resistenza dei proprietari con riguardo speciale alla Puglia. 1902.

**) Ragone. I lavoratori della terra in provincia di Bari. Giorn. degli Econ. Marzo 1907.

точено въ городахъ, и потому поденный наемъ существуетъ не далѣе 10—12 километровъ разстоянія отъ городовъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ наемъ происходитъ на недѣли и даже на мѣсяцы. Въ случаяхъ поденнаго найма крестьянину приходится набрасывать къ рабочему дню 3—4 часа на проходъ взадъ и впередъ.

Апулія — одна изъ очень немногихъ областей, гдѣ мы имѣемъ возможность прослѣдить основные показатели экономическихъ условий жизни земледѣльца на протяженіи полустолѣтія. А затѣмъ здѣсь особенно рельефно выступаютъ нѣкоторые факторы, приходящіе на помощь nella miseria al povero contadino (въ нищету къ бѣдному крестьянину), и потому мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этой провинціи собственно-южной Италіи.

За періодъ до 1860 года культура въ Апуліи вездѣ зерновая, работаютъ исключительно поденщики. Прочіе виды найма рѣдки. Плата не превышаетъ 85 сантимовъ, при чемъ рабочій получаетъ еще хлѣбъ и овощи. Годовой рабочій получаетъ натурой 97 лиръ и деньгами 53—всего 150, половину настоящаго заработка, но за то всѣ продукты крайне дешевы.

2-ой періодъ съ 1860—1887. Это время объединенія Италіи, политики открытыхъ дверей, конкуренціи и необходимости перемѣны культуръ. Область покрывается виноградомъ, оливками, миндалемъ; растетъ годовой наемъ.

Въ 1882 году, по изслѣдованію Янчини, жалованье въ день поденщику minimum 1.10—maximum 2.35; женщинѣ 50—65 сантимовъ; подростку 65—95 сантимовъ. Средній годовой заработокъ 376,9 лиръ мужчинѣ, 250 женщинѣ и 230 подростку. Рабочій день захватываетъ ночь, харчи хозяина.

3-ій періодъ, 1887—1902. Виноградный кризисъ разрушаетъ мелкаго собственника, идетъ быстрое пониженіе уровня заработной платы, которая возвращается къ первоначальнымъ нормамъ только въ 1891 году. Въ этотъ періодъ мы имѣемъ сильное захватное движеніе, которое, впрочемъ, скоро замираетъ, вплоть до начальныхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ 1902 году начинается сильная эмиграція, прежняя—внутренняя замѣняется транзатлантической. Это уменьшаетъ число рабочихъ рукъ и сильно поднимаетъ заработную плату, доводя ея maximum до 2,8 лиръ въ день. Рабочій день доходитъ до 7 часовъ, и только въ страдную пору 14, не считая 2-хъ-часового промежутка на отдыхъ.

Одежда крестьянъ до 1860 года домашняго производства; дѣти лѣтомъ ходятъ полуголыми, а то и вовсе голыми. Теперь все иначе: «рѣдко встрѣтишь босого ребенка, крахмальные воротнички и пальто смѣнили живописный плащъ». Замѣтенъ нѣкоторый подъемъ благосостоянія, въ сильной степени обязанный присылкой денегъ эмигрантами изъ Америки.

Орудія труда до сихъ поръ примитивны. Введеніе машинъ не-

возможно вслѣдствіе каменистой почвы. Орудія въ большинствѣ случаевъ принадлежать работнику, исключая самыхъ важныхъ. Мясо рѣдкость, 2—3 раза въ годъ.

Временныя жилища въ усадьбахъ помѣщиковъ—нѣчто въ родѣ абиссинскихъ жилищъ: это землянки безъ оконъ, запачканныя курами и мелкимъ скотомъ, который живетъ въ нихъ же.

Число организованныхъ въ 1906 году всего 3,90%, въ сосѣдней провинціи Фоджіо 7,27%. Любопытно, что въ Фоджіо культура мельче. Это подтверждаетъ наблюденіе Вачирки надъ Сициліей: «вопросъ о пропагандѣ» говоритъ онъ, «рѣшается съ меньшимъ трудомъ въ средѣ мелкихъ собственниковъ (въ областяхъ съ мелкой культурой), чѣмъ въ средѣ сельско-хозяйственного пролетаріата (въ области латифундій)».

Еще недавно въ Апуліи было много коммунальныхъ владѣній. Но въ началѣ прошлаго столѣтія большинство ихъ было захвачено земельными магнатами, или—по законамъ 1808 и 1861 года—раздѣлено между крестьянами въ частную собственность. До 1882 года было подѣлено около 185 тыс. гектаровъ на 200 тыс. участковъ. Въ 1898 году, по вычисленіямъ профессора Борджіа, оставались не подѣленными всего 214 гектаровъ, а «usi civici» сохранились только на 2.945 гектарахъ. Уже въ 1887 году $\frac{3}{4}$ подѣлившихъ землю ее потеряли.

Но привычка къ общинной жизни осталась у крестьянъ. Здѣсь, напримѣръ, очень распространенъ «contratto di lavoro per associazione in partecipazione». Владѣлецъ даетъ землю, а общество крестьянъ сообща обрабатываетъ ее, получая $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ продукта.

Работа социалистическихъ организацій очень юна, и вся обстановка очень дика. Организованныя лиги порой борются съ конкуренціей пришлыхъ рабочихъ весьма первобытнымъ способомъ, выходя имъ на встрѣчу и пуская въ ходъ знаменитую итальянскую coltellata (ножещина).

Правительство обращается съ югомъ, какъ съ завоеванной страной. Здѣсь царитъ камерра мелкихъ коммунальныхъ совѣтовъ; выборы, какъ политическіе, такъ и административные, проходятъ при невозможной обстановкѣ. Нерѣдки случаи, когда оппозиціонныхъ выборщиковъ просто гоняютъ, бьютъ, ранятъ, сажаютъ въ тюрьмы. Полиція на жалованіи у помѣщиковъ, а тѣ въ свою очередь находятъ полную поддержку у правительства. Положеніе юга и трудности социалистической работы хорошо обрисованы въ письмахъ Моргари, помѣщенныхъ въ прошломъ году въ «Avanti» *). Здѣсь помѣщикъ знаетъ, что «его рука владыка», но не русскому читателю рассказывать объ этомъ. Въ противовѣсъ сильно растущимъ лигамъ помѣщики, подъ покровительствомъ власти, основываютъ общества «Libertà e lavoro» (свобода и трудъ). Это сбродъ

*) Nel paese della fame 22 nov. 1908 и сл.

босяковъ, пьяницъ и подонковъ населенія, вооруженныхъ ножами и револьверами, тогда какъ остальное населеніе лишено права носить оружіе безъ спеціальнаго, никогда не выдаваемого разрѣшенія. Занятіе членовъ «Libertà e lavoro» всяческое провоцированіе крестьянъ: они оскорбляютъ красныя знамена, глумятся и нападаютъ на демонстраціи и собранія съ цѣлью вызвать вмѣшательство войскъ.

Но, несмотря на это, движеніе принимаетъ широкіе размѣры. Соціалистическая партія дѣлаетъ огромныя усилія, потому что «цивилизовать югъ, значить открыть новую жизнь въ Италіи».

Вотъ типичная стачка въ округѣ Барлетто. Въ 1907 году, 8-го мая лига коммуны Каносса, состоявшая изъ 3.000 мужчинъ, и женская лига въ 700 человекъ провозгласили стачку. Стачка длилась два дня, послѣ чего крестьяне пришли къ соглашенію съ помѣщиками, но большинство помѣщиковъ не исполнило условій. Часть стачечниковъ вопреки условіямъ была прогнана съ работъ; нужда дошла до того, что продавались послѣднія рубашки, чтобы купить хлѣба. Тогда на собраніи лигъ округа рѣшена была всеобщая стачка въ Каноссѣ. Всѣ лавки закрыты въ знакъ солидарности съ рабочими, по округу ходятъ тысячи крестьянъ, женщинъ, приглашающихъ примкнуть къ нимъ. Прекращаютъ работу и неземледѣльческіе рабочіе. Но затѣмъ начинаются обычные апулійскіе эпизоды. Арестовываютъ крестьянъ за насилие противъ свободы труда, карабинеры стрѣляютъ и ранятъ нѣсколько человекъ. Присоединяются къ стачкѣ мелкіе собственники и арендаторы. Въ сосѣдней коммунѣ Руво тоже прекращаютъ работу. На собранія лигъ нападаетъ полиція и члены «Libertà e lavoro», войска приходятъ на помощь босякамъ и избиваютъ крестьянъ. Ночью убиваютъ одного изъ крестьянъ-соціалистовъ. На другой день грандіозныя похороны, въ которыхъ принимаетъ участіе все населеніе города, не исключая и буржуазіи. Стачка разливается. Въ коммунѣ Монервано помѣщики соглашаются на крестьянскія требованія. Одновременно бросившіе работу крестьяне Фоджіо добиваются 30% повышенія заработной платы. Городъ Каносса блокируется стачечниками, чтобы обезопасить земли отъ штрейкбрехеровъ. Мѣстами останавливаютъ движеніе поѣздовъ. Въ Чериньо разгоняется собраніе, много раненыхъ. Въ провинціи Фоджіо аресты и стачки изъ-за нарушенія помѣщиками условій.

Въ то же время въ коммунѣ Сантъ-Эрамо 10.000 крестьянъ подъ руководствомъ Джанпетруцци, бывшаго коммунальнаго чиновника, уволеннаго за вредный образъ мыслей, занимаютъ земли помѣщиковъ, требуя возвращенія коммунальныхъ владѣній и упорно отказываясь ихъ покинуть. Дисциплина сантъ-эрманцевъ поразила страну, и даже такіе органы, какъ «Corriere della Sera», горячіе сторонники собственническихъ началъ,—и тѣ благосклонно смотрѣли на движеніе. Это движеніе окончилось неудачей. Но осенью про-

плаго года крестьяне Сантъ-Эрамо перемѣнили тактику и, выждавъ время жатвы, въ два дня скосили хлѣбъ и распродали его по дешевымъ цѣнамъ. Сейчасъ этого рода движеніе, повидимому, опять начинается.

Начинаетъ сознать силу и южный крестьянинъ Италіи. Насилованный поколѣніями феодаловъ и тирановъ, бурбонскимъ и савойскимъ правительствами, пригнетенный и затупляемый царствующимъ здѣсь клерикализмомъ, вѣчно голодающій, грубый и некультурный, онъ встаетъ на ноги. Но, какъ это неизбежно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, за первыми признаками пробужденія послѣдовалъ рядъ импульсивныхъ, плохо руководимыхъ стачекъ, который привелъ югъ «къ полному экономическому раззоренію» *).

Послѣ сильной эмиграціи, стачки значительно подняли заработную плату, но это подорвало ресурсы помѣщика-хищника. Не желая повышать интенсивности земледѣлія, а въ массѣ и не имѣя на это капиталовъ, онъ истощилъ въ нѣсколько лѣтъ до невѣроятныхъ размѣровъ землю. Сейчасъ уже второй годъ здѣсь ужасная безработица. «Голодная Апулія» замѣняетъ собой «Апулію Плодородную».

И вотъ, въ то время, какъ часть крестьянъ продолжаетъ тактику захвата, другая—большая—бросилась на кооперативную работу, на политическую борьбу съ цѣлью добиться ряда правительственныхъ мѣропріятій. Послѣдній февральскій конгрессъ крестьянъ Апуліи далъ очень интересные результаты, но о немъ дальше.

VIII.

Это крайнее разнообразіе формъ крестьянскаго движенія, захватная борьба лаціумскихъ и апулійскихъ крестьянъ, бурныя стачки «лигъ сопротивленія» Пармы и Феррары, трибуналы Болоньи, смѣшанно-кооперативное движеніе Мантуи и Эмилии и рядомъ съ ними средневѣковыя Абрुццовъ, Мархіи и др. постоянныхъ поставщиковъ крумировъ-штейкбрехеровъ,—уже само по себѣ создаетъ крайнія трудности для объединенія движенія въ одно цѣлое. Различная степень экономического развитія областей и различіе задачъ, выдвигающихся предъ крестьянствомъ, осложняется и удивительною смѣсью всѣхъ «возрастовъ человѣчества», работающихъ въ крестьянской средѣ: клерикалы, носители идей, давно изжившихъ, работающіе, главнымъ образомъ, какъ дезорганизующая сила, фригійскіе колпаки республиканцевъ, социалисты-реформисты и представители едва початыхъ идей «революціоннаго» синдикализма все время ожесточенно борются между собой. Все это вмѣстѣ

*) Romolo Caggese. «Il Mezzogiorno d'Italia ed il partito Socialista». 1908. novem 11. «Avanti».

объясняетъ тотъ фактъ, на который такъ жалуются крестьянскіе работники, желающіе на общей экономической платформѣ создать большое спокойное движеніе рабочаго народа на пути къ достиженію достойнаго человѣка существованія, а именно, широкое развитіе духа локализма, предпочтеніе мѣстныхъ интересовъ интересамъ класса, стремленіе къ автономному существованію отдѣльныхъ лигъ, сопротивленіе сліянію организацій всего крестьянства въ одно національное цѣлое *).

Но, несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, объединенное движеніе идетъ очень быстро.

Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдимъ краткую, но чрезвычайно интересную исторію этого объединенія, совпадающую съ жизнью и перипетіями «Federazione Nazionale dei lavoratori della terra».

Начало объединенію было положено первымъ національнымъ конгрессомъ земледѣльческихъ работниковъ 24 ноября 1901 года, на которомъ собрались представители 707 лигъ съ 152.122 членами.

Это была юношеская пора движенія. Начиная съ февраля, когда образовалась первая провинціальная организація въ Мантуѣ — «Federazione mantovana delle leghe di miglioramento», — быстро, одна за другой составились провинціальныя организаціи Вероны, Модены, Кремоны, Феррары, Палезаны, Реджіо, Пьяченцы, Падуи и др.

Среди увлеченія быстрыми успѣхами экономической борьбы съ помѣщиками и колоссальнымъ развитіемъ организацій крестьянство и его руководители образуютъ на съѣздѣ «Federazione Nazionale Italiana fra i lavoratori della terra» (Національную итальянскую федерацію земледѣльческихъ работниковъ), выставивъ определенную программу.

Цѣлью Федераціи были: пропаганда, охрана присоединившихся организацій, изученіе проблемы безработицы и урегулированіе внутренней эмиграціи, а также и чисто политическая борьба за реформу рабочаго законодательства.

Въ августѣ 1902 года Федерація насчитываетъ уже 1.235 лигъ и 227.791 члена. Самыми крупными примыкающими къ ней организаціями являются Мантуя съ 30.137 членами, Феррара съ 24.000, Реджія-Эмилія, Болонья, Бари съ 15.000 и др. **).

Словомъ, это та эпоха, когда соціалистическій конгрессъ сентября 1902 года «сталъ передъ лицомъ новаго факта пробужденія земледѣльческихъ работниковъ, которые именно въ послѣдніе два года почти во всѣхъ нашихъ провинціяхъ чувствуютъ необходи-

*) Un spirito particolarista e campanilista, localista e sezzionalista, какъ говоритъ Пальяри: „дѣлать организованную массу нерасположенной къ созданію національныхъ организмовъ“.

**) Brocchi, цит. раб.

мость организаціи и агитаціи для улучшенія своего положенія» *).

Но очень скоро развитіе національнаго объединенія пошло на убыль. Сильный ростъ организаціи сельскихъ рабочихъ заставилъ земельныхъ собственниковъ искать такого тормазы, который остановилъ бы движеніе. И помѣщичій классъ повелъ жестокую борьбу съ организованнымъ крестьянствомъ. Въ борьбѣ между рабочими и работодателями произошла перемена фронта. Сначала это были отдѣльныя индивидуальныя попытки измѣнить понемногу, безъ огласки и шума, отдѣльные пункты договоровъ. Помѣщики пробовали нарушить договоръ не по отношенію ко всѣмъ нанятымъ рабочимъ, а къ отдѣльнымъ лицамъ, а затѣмъ выступили на путь коллективнаго нападенія. Возникаютъ первыя попытки организаціи помѣщиковъ, ячейками которыхъ являются земледѣльческія ассоціаціи, начинающія принимать на себя тѣ же функціи по отношенію къ помѣщикамъ, какъ и биржи труда по отношенію къ рабочимъ массамъ.

Стачки начинаютъ падать, разбиваются организаціи крестьянъ, и въ то же время организаціи, находящіяся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, обнаруживаютъ стремленіе обособиться, не растративъ своихъ силъ на другія, слабыя организаціи. Въ 1904 году Національная Федерація преобразовывается въ простой інформаціонной секретаріатъ, объединяющій 101.200 членовъ, къ 1905 году это число падаетъ до 77.776, хотя организованныхъ крестьянъ въ этомъ году было 221.913 человекъ.

Въ это время развивается работа демокристѣвъ и революціонныхъ синдикалистовъ, и въ самой социалистической партіи возникаетъ борьба между революціонерами и реформистами. Все это ослабляетъ организаціи, внося конфликты въ отношенія между биржами трудами и между отдѣльными лигами.

Въ апрѣлѣ 1906 г., собирается второй національный конгрессъ въ Болоньѣ, который рѣшаетъ возстановить «Національную Федерацию земледѣльческихъ работниковъ», но въ нее входитъ уже только 68.071 членъ. Это лиги области Эмиліи (провинціи Болонья, Форли, Модена, Реджіа-Эмилія, Равенна, Парма и Феррара), Ломбардіи (провинціи Мантуя и Павія) и отдѣльныя лиги Апуліи, Калабріи и др.

Крупныя національныя федераціи Пьяченцы и Феррары не присоединяются къ «національной федераціи», тамъ работаютъ синдикалисты, стремящіеся изолировать свои организаціи отъ общей массы, руководимой реформистами.

Этотъ годъ и слѣдующій, 1907 — годы глубокаго кризиса всего движенія. Борьба за преобладаніе между социалистами и револю-

---

*) Congresso Nazionale del Partito Socialista Italiano. Sett. 1902. Luigi Montemartini. „Relazione sopra l'organizzazione dei lavoratori della terra“.

ционными синдикалистами доходить до крайняго своего напряженія. Но, несмотря на это, руководители «Национальной Федерации» дѣлаютъ все для объединенія массъ. Имъ удается собрать 26 августа конгрессъ представителей организацій для урегулированія внутренней эмиграціи, на которомъ волей не волей принимаютъ участіе и синдикалистскія организаціи, такъ какъ важность вопроса и заинтересованность феррарцевъ, страдающихъ отъ переполненія провинціи пришлыми элементами, не позволяла имъ остаться въ сторонѣ.

Въ 1907 году «Национальная Федерация» проявляетъ себя очень дѣятельно. Она созываетъ рядъ комиссій протеста противъ правительственныхъ мѣропріятій; вступаетъ за феррарскихъ стачечниковъ, поднимая всю земледѣльческую Италію противъ «реакціи въ Феррарѣ», и добивается правительственнаго отступленія; поддерживаетъ стачку деньгами и сборомъ пожертвованій; слѣдитъ за всѣмъ движеніемъ, оповѣщая рабочихъ о стачкахъ, предупреждая несознательное штрейкбрехерство; организуетъ черезъ своихъ пропагандистовъ новыя лиги; старается уравнивать заработную плату и контракты труда въ различныхъ провинціяхъ путемъ планомѣрныхъ выступленій. Словомъ, проявляетъ кипучую дѣятельность, становясь самымъ ходомъ вещей единственнымъ и необходимымъ центромъ для крестьянской массы.

За годъ число членовъ Федерациі повышается на 43.000. Теперь ея организаціи уже не ограничиваются Эмилией и Ломбардіей, но всюду по странѣ разбрасываются лиги, присоединившіяся къ Федерациі.

Между тѣмъ этотъ 1907 годъ крайне неблагоприятенъ для объединительной работы. Со времени конгресса Конфедерациі труда въ 1906 году, когда реформистскій статутъ былъ принятъ большинствомъ 114½ тысячъ противъ 53-хъ, — синдикалисты-революціонеры ведутъ все усиливающуюся атаку противъ цѣлостности конфедерациі. «Революціонный» синдикализмъ, по остроумному выраженію Риголя, «становится подобенъ разведенному мужу, ищущему предлоговъ для преслѣдованія жены» *).

Въ 1906 году синдикалисты пытались получить реваншъ, проведя синдикалистскій статутъ путемъ референдума, потомъ на феррарскомъ съѣздѣ рѣшили войти en masse въ конфедерацию, чтобы сдѣлать ее своей. И, наконецъ, въ ноябрѣ 1907 года они образуютъ «Comitato Nazionale della resistenza», вокругъ котораго объединяютъ всѣ городскія и деревенскія синдикалистскія организаціи. Во главу угла, въ противоположность реформистамъ, они ставятъ «максимальную автономію и полную свободу инициативы мѣстныхъ организацій въ дѣлахъ стачекъ и борьбы съ помещиками» **). Органы провинціальныхъ синдикалистскихъ и со-

*) Rigola. Ventun mese di vita della conf. del Lavoro 1908.

**) Pagliari цит. раб.

циалистическихъ организацій за это время полны сообщеній о дебатахъ, проникающихъ глубоко въ массу и раздѣляющихъ ее на два враждебныхъ лагеря.

Такое положеніе, очевидно, не могло продолжаться долго, приближался моментъ генеральнаго сраженія между этими теченіями. «Революціонные» синдикалисты изъ всѣхъ силъ старались провести въ жизнь всеобщую стачку—это ultimo ratio рабочихъ массъ. Ихъ органы старались добиться этого, какъ только движеніе начало оправляться и передъ земледѣльческимъ рабочимъ, вмѣсто отдѣльныхъ ассоціацій помѣщиковъ, стала уже «Federazione inter-provinciale delle consociazione agrarie» (Междупровинціальная организація земледѣльческихъ обществъ), образованная на пармскомъ съѣздѣ 18 октября 1907 года при участіи 8.582 помѣщиковъ *).

Генеральнымъ сраженіемъ явилась пармская стачка. Еще до ея возникновенія социалисты-реформисты въ виду ряда неблагоприятныхъ условій высказывались противъ нея, но «революціонные» синдикалисты, господа положенія въ Пармѣ, настояли на своемъ. Въ теченіе стачки не только погибло много сбереженій пармскихъ коопераций и союзовъ, но въ значительной степени подрывались силы земледѣльской и даже городской рабочей Италіи. Отдавали все, что могли; и реформисты кормили стачечниковъ, развозили дѣтей по странѣ, такъ какъ «передъ лицомъ капитала», какъ говорилъ мнѣ одинъ изъ лигурійскихъ социалистовъ-рабочихъ, «нѣтъ реформизма или синдикализма, а есть только рабочий». Но одновременныя стачки во многихъ мѣстностяхъ страны ослабили поддержку, и стачка пала.

Этой стачкой и кончается періодъ громкихъ выступленій синдикалистовъ. Конгрессъ «Конфедераціи труда», въ который вошла «Національная Федерация земледѣльческихъ рабочихъ», засѣдавшій въ сентябрѣ 1908 года, рѣшилъ прекратить поддержку всѣхъ стачекъ, которыя ведутся не ея членами.

Это рѣшеніе чревато послѣдствіями. До сихъ поръ синдикалисты, не входя въ обще-экономическія организаціи, не подчиняясь ихъ распоряженіямъ и плану борьбы, не дѣлая взносовъ, ежегодно своими колоссальными стачками истощали всѣ ресурсы, матеріальные и моральные, съ огромнымъ трудомъ собранные социалистами. Поричая работу реформистовъ, ихъ «увлеченія кооперациями, эволюціонизмомъ и легализмомъ», они строили стачки именно на плодахъ этой «вредной» работы реформизма. Теперь этихъ ресурсовъ не стало, а слѣдовательно, не было и возможности прежняго широкаго размаха.

Съ другой стороны, съ крушеніемъ пармской стачки сходитъ на нѣтъ «Comitato Nazionale della resistenza». Тамъ и сямъ воз-

*) Italia Economica. Цѣнт. раб.

никшія биржи труда синдикалистскаго характера «почти всѣ», по признанію синдикалиста Сорриніо, «жили мало цвѣтущей жизнью» «и служили для большаго обостренія раздоровъ между рабочими».

Національной организаціи не удалось создать и де-Амбрису, главному руководителю движенія. Послѣ же эмиграціи этого вождя синдикалистовъ, послѣдовавшей за іюньскими «баррикадами» Пармы,—экономическія организаціи остались безъ связующаго органа... Часть синдикалистовъ стала приходить къ убѣжденію, что «и хорошо, что не удалось» обособиться. Ибо разъ «въ Италіи существуетъ конфедерація труда, хорошо или плохо, но представляющая il grosso delle forze organizzate (большинство организованныхъ силъ)», то «создать новый организмъ значило бы разбить силы рабочихъ».

Нѣкоторые, какъ Соррикю, на страницахъ «Divvenire Sociale» пишутъ даже, что «меньшинство, образующее отдѣльные организмы, изъ ложнаго самолюбія производитъ печальную... работу, и даже прямо антипролетарскую и штрейкбрехерскую» *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ настало разочарованіе въ «Azione diretta» и «scioperomania» (манія стачекъ). И начался быстрый ростъ объединительнаго движенія. Изъ пармской организаціи выходятъ многочисленныя лиги Зибелло и Борго С. До-нино, желая оставаться членами національной федераціи.

Еще въ началѣ 1908 года 2.500 крестьянъ Порто-Маджіоре, 15.000 Кремоны, 12.000 Александрин, Каварцере и Чекто входятъ въ національную организацію. Послѣ же пармской стачки это движеніе растетъ быстро. Въ ноябрѣ начинается броженіе среди крестьянъ Ровиго въ Венеціанской области, и конгрессъ 10.000 рѣшаетъ вернуться къ національной организаціи, выйдя изъ синдикалистской камеры труда. Тогда же въ Миланѣ образовывается провинціальная федерація миланскихъ крестьянъ при содѣйствіи пропагандистовъ Національной Федераціи. Въ нижней Моденѣ, находившейся подъ вліяніемъ синдикалистовъ, крестьянскія лиги, несмотря на противодѣйствіе синдикалистовъ, образуютъ реформистскую биржу труда, соединившись съ лигами, входившими въ Національную Федерацію.

Но самая крупная побѣда произошла въ началѣ 1909 года. Апулійскіе крестьяне, до сихъ поръ въ большинствѣ примыкавшіе къ синдикалистамъ, собрались на конгрессъ въ Берлеттѣ, рѣшили восстановить провинціальную федерацію, применитъ къ національной и слѣдовать социалистической тактикѣ «до тѣхъ поръ, пока социалистическая партія не будетъ идти противъ интересовъ про-пролетаріата и классовой борьбы».

На конгрессѣ было представлено около 50 тыс. крестьянъ и

*) „Il Divvenire Sociale“ 1909. febbraio. „Alla vigilia dell 2 congresso Nazionale dei sindacalisti“. Dott. Tommaso Sorricchio.

почти столько же изъявило свое согласіе подчиниться рѣшеніямъ конгресса. Огромная масса южанъ, наконецъ, входитъ въ общую работу.

Значеніе этого объединительнаго движенія огромно. Крестьянская организація, «слава и основаніе организаціи итальянскаго пролетаріата», дѣлается неразрывной составною частью итальянской социалистической партіи, потому что все руководство Національной Федераціей всецѣло въ рукахъ людей партіи. Это значительно увеличиваетъ ея политическое значеніе и сильно ослабляетъ фактический анти-парламентаризмъ синдикалистовъ съ ихъ кандидатурами протеста. Съ другой стороны, это отразится и на городскомъ движеніи, тѣсно связанномъ съ деревней.

Теперь и деревня, и городъ быстрыми шагами идутъ къ политической дѣятельности и къ планомѣрной экономической борьбѣ, соединяя ихъ въ одно интегральное проявленіе своей активности.

Г. Христіанъ.

РАЗБОЙНИКИ.

Разсказъ.

I.

Выѣхали изъ города очень рано утромъ въ шестимѣстной удобной линейкѣ, запряженной парой горныхъ лошадокъ, такихъ же стройныхъ и поджарыхъ, какъ и кучерь, черноглазый и черноусый грузинъ, Басо. Экскурсія обѣщала быть очень интересной и веселой: яркое, сверкающее утро, небо, до краевъ налитое солнечнымъ свѣтомъ, гладкое, ослѣпительно-бѣлое шоссе, зеленныя, благоухающія волны лѣса по обѣ стороны дороги... и вдали—таинственныя, туманно-голубыя горы, такія легкія, такія воздушныя и невинныя, точно дыханіе еще не проснувшейся долины. Всѣ были веселы и пріятно возбуждены. Юная красота утра кружила голову, какъ вино, серебристая лента дороги, капризно извивающейся среди зеленыхъ предгорій, манила своими тайнами. На каждомъ поворотѣ открывались поражающія неожиданности; каждая петля развѣтывалась въ новую картину. То сверкнетъ ярко-синій клочекъ моря съ разсыпанными по немъ солнечными блестками, то выбѣжитъ навстрѣчу вся бѣлая, вся кружевная, точно невѣста, причудливая дачка подъ охраной сумрачно-молчаливыхъ кипарисовъ—и вотъ уже ея нѣтъ, и мимо льется розовый потокъ цвѣтущихъ олеандровъ, сонно колышетъ узорчатыми листьями кокосовая пальма, фруктовые сады рдѣютъ рубинами, аметистомъ, янтаремъ, какъ сказочные сады Аладина изъ „Тысячи одной ночи“. А вдали опять клубятся туманно-синія тучи—горы, таинственно-тихія, жутко-прекрасныя въ своемъ вѣчномъ молчаніи среди холодной пустыни небесъ...

Было страшно-страшно весело и немножко смѣшно. Въ первый разъ въ жизни встали такъ рано и видѣли рожденіе утра. И на Кавказѣ почти всѣ были тоже въ первый разъ. Оттого было и весело такъ и смѣшно, что ничто не на-

поминало прежняго, оставленнаго тамъ, далеко, въ огромномъ дымномъ Петербургѣ. Дамы ѣхали, восхищались; мужчины старались казаться сдержанными, но и на ихъ обезцвѣченныхъ петербургской жизнью лицахъ вспыхивали иногда молодыя улыбки, а прищуренные отъ яркаго свѣта глаза начинали блестѣть, точно южное солнце снова зажигало въ нихъ давно потухшій огонь. Игриво шутили другъ надъ другомъ, смѣялись и снисходительно разспрашивали Бэсо, женатъ ли онъ, сколько зарабатываетъ съ пассажировъ, сколько у него лошадей. Бэсо поворачивалъ къ господамъ свое бронзовоелицо, опаленное солнцемъ, скалилъ зубы на изящныхъ, хорошо одѣтыхъ барынь и отвѣчалъ весело, охотно, въ такомъ же шутливомъ тонѣ. Онъ былъ очень красивъ въ своей полосатой ситцевой черкескѣ, перетянутой серебрянымъ поясомъ, и, когда барыни смотрѣли на него, въ ихъ глазахъ появлялось странное, задумчиво-томное выраженіе. Бэсо имъ нравился... Вспоминалось что-то давно забытое, розовое, какъ сны дѣтства, далекое, какъ волнующія ожиданія молодости. Можетъ быть, институтскіе годы, дѣвичій шепотъ дортуаровъ, лермонтовскій „Демонъ“ подъ подушкой... И онъ—воображаемый герой,—стройный, черноокій, съ пылкою душой, готовый ради возлюбленной на всѣ подвиги, на всѣ безумства, на адъ и смерть... Такой, какихъ въ жизни никогда не бываетъ!

II.

Ихъ всѣхъ было шестеро: три дамы и трое мужчинъ. Пожилой чиновникъ съ женой, полной, очень блѣдной блондинкой, томной и лѣнливой, какъ одалиска. Сильно ожирѣвшій профессоръ и его жена, юркая, болтливая брюнетка цыганскаго типа. Класная дама изъ какого-то привилегированнаго женскаго учебнаго заведенія,—тихая, улыбающаяся дѣвица, лѣтъ подлѣ 30. И неопредѣленнаго званія, неопредѣленной профессіи, но вполне приличный на видъ господинъ средняго возраста, съ великолѣпными рыжими усами, очень любезный, очень услужливый и весь съ головы до ногъ проникнутый радостнымъ сознаніемъ, что находится въ такомъ пріятномъ и даже, можно сказать, высокопоставленномъ обществѣ. Это сознаніе наполняло его чрезвычайной гордостью и счастьемъ, и въ своей восторженной любезности онъ часто переходилъ за ту черту, гдѣ любезность превращается уже въ подобострастіе, а услужливость въ подхалимство. Когда чиновникъ или профессоръ начинали говорить, онъ весь изгибался въ ихъ сторону, сладко шурилъ

глаза, какъ ласковый котъ, котораго гладятъ по спинкѣ, охорашивался, подхихикивалъ и засматривалъ всѣмъ въ глаза, какъ бы приглашая восторгаться вмѣстѣ съ нимъ. И въ эти минуты сквозь джентльмэнскую оболочку его проглядывало что-то до такой степени хамское, что становилось немножко противно и неловко за него. Профессоръ и чиновникъ, должно быть, это чувствовали. Снисходительно принимали и возвращали услуги, улыбались и въ полоборота выслушивали замѣчанія рыжаго джентльмэна, но очень тонко, очень деликатно держались въ своемъ отношеніи къ нему извѣстной границы, не допускавшей болѣе тѣснаго сближенія. Дамы, и особенно юркая брюнетка, вели себя гораздо проще, а тихая дѣвица даже позволяла рыжеусому джентльмену ухаживать за собой и радостно улыбалась, когда онъ, крутя усы, нѣжно заглядывалъ ей въ глаза или, какъ будто нечаянно, пожималъ ея локотокъ.

III.

Всѣ эти люди познакомились между собой только вчера, когда ѣхали вмѣстѣ на пароходѣ изъ Θεοδοσίи. Сидѣли рядомъ за столомъ въ каютъ-кампаніи I класса, разговорились и очень пріятно провели время. У чиновника и профессора оказались въ Петербургѣ кое-какіе общіе знакомые, а при разговорѣ на политическія темы они сошлись во взглядахъ; профессоршу и классную даму сблизила музыка. Классная дама обожала оперу и недурно играла на рояли. Профессорша обнаружила большое знакомство съ опереткой и подъ акомпаниментъ классной дамы съ необычайной экспрессіей исполнила нѣсколько цыганскихъ романсовъ въ жанрѣ „несравненной“ Вьялцевой. Рыжій господинъ, въ свою очередь, блеснулъ своей освѣдомленностью въ музыкѣ и рассказалъ, что въ Италіи слышалъ Карузо, а въ Парижскомъ Санъ-Сюльписъ—мессу, исполненную на Наполеоновскомъ органѣ. По его словамъ, онъ объѣздилъ всю Европу, много видѣлъ, вездѣ побывалъ и съ особеннымъ увлеченіемъ изобразилъ дамамъ знаменитый торговый домъ „Au bon marché“ въ Парижѣ. Дамы пришли въ восторгъ отъ его рассказовъ и представили новаго знакомаго своимъ супругамъ. Потомъ выяснилось, что всѣ шестеро ѣдутъ на Кавказъ, даже въ одинъ и тотъ же городъ, и рѣшили путешествовать вмѣстѣ. Обѣ четы и классная дама ѣхали впервые, но рыжій господинъ уже бывалъ и на Групилахъ, и по Черноморскому побережью и съ большой готовностью предложилъ свои услуги въ качествѣ чичероне. То, что никто изъ нихъ не зналъ хорошенько

другъ-друга, сообщало совмѣстной поѣздкѣ особую пикантность. Дамы находили въ этомъ что-то романическое... Было совсѣмъ какъ въ старыхъ французскихъ романахъ: сошлись случайно незнакомые люди, не знаютъ ни прошлаго, ни настоящаго другъ-друга, ни привычекъ, ни плановъ,—потомъ знакомятся, куда-то ѣдутъ, разыгрываютъ разныя приключенія, завязываются интриги... О концѣ никто не думалъ, да его и не нужно было; главное въ томъ, чтобы хоть на время уйти изъ замкнутаго круга привычныхъ интересовъ, привычныхъ подробностей прочно и солидно налаженной жизни, освободиться отъ стѣснительныхъ узъ условности и хоть однажды почувствовать себя самостоятельной единицей, а не мелкой дробью въ ряду такихъ же ничтожныхъ величинъ, связанныхъ между собою желѣзной цѣпью общественной дисциплины. И чѣмъ дальше въ душистую глубь лѣса увлекали ихъ бойкія лошадки Бэсо, чѣмъ загадочнѣе синѣли впереди задумчивыя горы, тѣмъ все больше и больше спадала съ нихъ скорлупа вѣшной культурности, тѣмъ обнаженнѣе становились ихъ души и сердца.

IV.

— А-ахъ!—всею грудью вздохнула вдругъ томная блондинка и вся заколыхалась отъ переполнившихъ ее чувствъ.

Супругъ изумленно на нее покосился, а профессоръ спросилъ:

— Что это вы вздыхаете, Аглая Петровна?

— Хо-ро-шо...—замирающимъ голосомъ произнесла Аглая Петровна.—И какъ странно...

— Что странно? Почему странно? — недовольно проворчалъ супругъ.

— Ахъ, Сержъ, да, конечно, странно! Развѣ не странно? Давно ли мы сидѣли у себя въ квартирѣ на Фурштадтской, и все было такъ обыкновенно, такъ по-петербургски, а теперь вотъ этотъ лѣсъ... эти горы... это море... Ахъ!...

Супругъ немножко покраснѣлъ и ошетинился, какъ всегда, когда ему казалось, что жена сказала глупость, и другіе это замѣчаютъ.

— Ничего не понимаю... Были въ Петербургѣ, теперь пріѣхали на Кавказъ... что тутъ страннаго? Очень просто... сѣли на поѣздъ и пріѣхали... Рѣшительно не вижу ничего страннаго въ этомъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Сергѣичъ, а я это понимаю!—заступился профессоръ.—Дѣйствительно, какой разительный контрастъ. Вы вообразите себѣ: Петербургъ, пыль, трескотня, небо сѣрое,

какъ... не помню, какъ это говорится гдѣ-то у Гоголя... А здѣсь? Какія краски! Какой воздухъ!... Нѣтъ, какъ хотите, это поражаетъ.

Сергѣй Сергѣичъ успокоился: ужъ если профессоръ соглашается съ его женой, значитъ—то, что она сказала, не совсѣмъ глупо. И снисходительно промывчалъ:

— Ну, разумѣется... Кавказъ и Петербургъ—какое же сравненіе!

— А я, Сергѣй Сергѣичъ, люблю Петербургъ!—выскочилъ рыжій господинъ и восторженно закатилъ глаза.—Конечно, Кавказъ... никто не споритъ!... Жемчужина русской короны... или нѣтъ, жемчужина это—Крымъ, а Кавказъ скорѣе можно назвать брилліантомъ. Но и Петербургъ... Невскій проспектъ, напимѣръ...

— Невскій проспектъ... да, дѣйствительно...—задумчиво согласился Сергѣй Сергѣичъ.

— Ахъ... Невскій проспектъ!...—простонала Аглая Петровна.

— А бѣлыя ночи?—воскликнулъ рыжій господинъ и звучно чмокнулъ, какъ будто бы ѣлъ что то очень вкусное.

— Да... бѣлыя ночи!—опять согласился Сергѣй Сергѣичъ.

— Бѣлыя ночи!..—хоромъ пропѣли дамы. А профессорша откинула назадъ голову, закрыла глаза, стиснула зубы и стала выбрасывать изъ горла отрывистыя, полныя жгучаго томленія слова:

Н-ночи... б-безумныя... н-ночи... б-безсонныя...

V.

Когда она кончила, всѣ, исключая профессора, зааплодировали, а Бэсо обернулся и оскалилъ сверкавшіе зубы.

— Чудно! Чудно!..—восторгался рыжій господинъ.—Не-подражаемо... Я слышалъ Вяльцеву... но у васъ это особенно...

— А помните, Павелъ Львовичъ, какъ у нея выходитъ это?..

И профессорша уже совсѣмъ другимъ тономъ и съ другимъ выраженіемъ лица запѣла:

Ум-марилаь, ум-марилаь, ум-марилаь!..

Профессоръ громко и откровенно зѣвнулъ. Должно быть, онъ уже привыкъ къ этому и давно пересталъ восхищаться пѣвіемъ своей жены. Но Аглая Петровна, классная дама и рыжій господинъ пришли въ экстазъ, и даже въ безцвѣтныхъ глазахъ Сергѣя Сергѣича промелькнули какіе то игри-

вые огоньки. А Бэсо, сверкая зубами, потрясъ головой и воскликнулъ:

— Ха-рашо!.. Совсѣмъ ха-рашо!..

Профессору это не понравилось, онъ посмотрѣлъ на Бэсо сверхъ очковъ и сухо сказалъ:

— Хорошо-то хорошо, любезный, а ты лошадей-то все таки погоняй. Что-то они у тебя совсѣмъ бѣжать перестали.

Бэсо проворно подобралъ ослабѣвшія возжи и обиженнымъ тономъ возразилъ:

— Мой лошади, баринъ, птица! Мой лошади погонять не надо! Самъ идетъ!..

Однако прикрикнулъ на нихъ: „Ачшъ!“—и онѣ понеслись, быстро и плавно перебирая короткими ногами. Профессоръ обратился къ Сергѣю Сергѣичу.

— Удивительно! Еще рано,—ужасно ѣсть хочется! Что значитъ движеніе и воздухъ. А вы не хотите?

— Нѣтъ, недурно бы...—сознался Сергѣй Сергѣичъ.—Въ самомъ дѣлѣ, должно быть, вліяніе воздуха. Въ Петербургѣ я завтракаю въ 2 часа, а теперь еще и 12 нѣтъ, между тѣмъ, чувствую, что голоденъ.

— Сейчасъ духанъ будетъ,—сказалъ Бэсо, оборачиваясь.

— Духанъ? Что такое — духанъ?—изумленно поднимая брови, спросилъ Сергѣй Сергѣичъ.

Рыжій господинъ предупредительно склонился въ его сторону.

— Духанъ, Сергѣй Сергѣичъ, это, какъ бы сказать, корчма или по нашему харчевня. Тамъ можно все достать: закуску, фрукты, вино...

— Вино?.. Что же это.. вѣдь это, можетъ быть... кабакъ?

— Хе-хе-хе... да, если хотите... кабакъ... нѣчто въ родѣ таверны, но исполнѣ прилично, Сергѣй Сергѣичъ... даже для дамъ!

— Ахъ, какъ это оригинально!—закричала профессорша:—Я никогда не была въ кабакъ... Миша, мы непременно пойдемъ въ кабакъ!

— Ну, что жъ, въ кабакъ, такъ въ кабакъ, — ѣсть хочу смертельно. Ты, какъ тебя, Хаджи-Абрекъ, вези скорѣй къ этому, какъ его духану, что ли...

— Хорошій духанъ!—повторилъ Бэсо.—Тамъ все есть, вино есть, мамалыга есть, сулугунъ есть,—сиди, отдыхай, кушай...

И опять прикрикнулъ на лошадей: „Ачшъ!“

VI.

На самомъ припекѣ, среди высокихъ, тощихъ стеблей кукурузы, посѣдѣвшей отъ шоссейной пыли, одиноко торчалъ низенькій домишко съ широкой верандой. Это и былъ духанъ. На перилахъ веранды, вмѣсто вывѣски, лежали огромные, почти черные арбузы, желто-зеленныя дыни, кроваво-красные помидоры, а въ сторонѣ, уткнувшись мордами въ вороха свѣже-накошенной кукурузной ботвы, стояли распряженные лошади, и пара флегматическихъ буйволовъ задумчиво жевала жвачку. Двое красавцевъ-имеретинъ въ черныхъ башлыкахъ, черныхъ курткахъ и узкихъ турецкаго фасона шароварахъ сидѣли на верандѣ, узкими ножами рѣзали сочный арбузъ и ѣли. Бѣсо остановилъ лошадей.

— Вотъ духанъ! Что хочешь—все есть! Вино, шашлыкъ,—иди, садись, кушай!—И, соскочивъ съ козелъ, крикнулъ что-то по грузински внутрь духана.

Путешественники немножко оробѣли и нерѣшительно переглядывались, ожидая, кто первый войдетъ въ духанъ.

— Ну, что же, Миша?—сказала профессорша. — Поди, спроси, что тамъ у нихъ есть.

Профессоръ пожалъ плечами и взглянулъ на рыжаго господина.

— Да неловко какъ-то.. Все-таки кабакъ. Павелъ Львовичъ, идите ужъ вы,—все таки вы бывалый человѣкъ, не въ первый разъ на Кавказѣ...

Павелъ Львовичъ засуетился, неловко заморгалъ глазами и съ видомъ человѣка, бросающагося въ воду, ринулся въ духанъ. Черезъ минуту онъ выскочилъ оттуда сіяющій и преувеличенно-громко закричалъ:

— Прошу пожаловать!.. Тутъ чудесно. Я приказалъ вымыть столъ и посуду. Mesdames, s'il vous plait!..

Дамы, смущенно смѣясь, граціозно подбирая юбки, соскакивали съ ливейки, на цыпочкахъ входили на веранду и озирались. Сергѣй Сергѣичъ слѣзъ послѣднимъ, долго въ раздумьи стоялъ и смотрѣлъ на имеретинъ, ѣвшихъ арбузъ, потомъ нахмурился и зашагалъ въ духанъ, высоко подымая ноги, точно шелъ по битому стеклу. Имеретины равнодушно смотрѣли на прѣзжихъ, перекидывались короткими, гортанными фразами и ѣли арбузъ.

VII.

Въ духанѣ, послѣ раскаленной жары полдня и горячей пыли шоссе, всѣмъ показалось дѣйствительно чудесно. Полъ былъ чисто выметенъ и побрызганъ водой; вкусно и крѣпко пахло виномъ, на прилавкѣ, покрытомъ опрятной клеенкой, аппетитно были разложены на тарелкахъ жаренныя куры, соленые огурцы въ стеклянныхъ банкахъ, грузинскій овечій сыръ—сулугунъ, турецкіе бублики круглые, подрумяненные чуреки. За отдѣльнымъ столомъ сидѣли три туземца и, сдвинувъ на затылки, косматыя бараньи папахи, ѣли съ блюда какое-то желтое мѣсиво. Духанщикъ, молодой грузинъ съ бѣлымъ лицомъ и яркими, влажными глазами, встрѣтилъ пріѣзжихъ господъ привѣтливою улыбкой. Профессоръ, не кланяясь, подошелъ къ прилавку.

— Ну, Хаджи Муратъ, что тутъ у тебя есть закусить?—спросилъ онъ, брезгливо присматриваясь къ закускамъ.

— Что хочешь, выбирай, все есть,—вѣжливо сказалъ духанщикъ.

— Гм...—профессоръ ткнулъ пальцемъ въ сыръ.—Это что такое?

— Это сулугунъ, баринъ. Хорошій, свѣжій...

Профессоръ отковырнулъ кусочекъ, положилъ въ ротъ и выплюнулъ.

— Дрянъ какая-то...

— Зачѣмъ дрянъ?—съ достоинствомъ возразилъ духанщикъ.—У насъ нѣтъ дрянъ. Не хочешь, не кушай, а зачѣмъ дрянъ говорить.

Сидѣвшіе за столомъ туземцы въ папахахъ покосились на профессора и снова погрузились въ блюдо. Павелъ Львовичъ тѣмъ временемъ усаживалъ дамъ, безтолково улыбался и суетился гораздо больше, чѣмъ это было нужно, поглядывая то на профессора, то на Сергѣя Сергѣича, который, какъ статуя, стоялъ въ дверяхъ, не рѣшался войти и всѣмъ мѣшалъ.

— Ну, такъ ты вотъ что, Махмутка,—медленно и обстоятельно разъяснялъ профессоръ духанщику.—Сдѣлай ты намъ, братецъ ты мой, шашлыкъ, понимаешь, настоящій шашлыкъ съ перцемъ, съ лучкомъ, все какъ слѣдуетъ, на 6 персонъ. Можешь сдѣлать шашлыкъ?

—Шашлыкъ? Хорошо.

— Ну, вотъ. А потомъ дай ты намъ вина, да не бурды какой-нибудь, а настоящаго хорошаго вина, понимаешь?

Профессоръ повернулся, увидалъ туземцевъ въ папахахъ и уставился имъ въ блюдо.

— А эти? Что такое они ѣдят?

— Мамалыга. Хочешь попробовать? Кушай!

Профессоръ попробовалъ мамалыги, которую предупредительно поднесъ ему на блюдечкѣ духанщикъ, и опять сплюнулъ.

— Гадость! Убери. Да скорѣй, чтобы шашлыкъ былъ, и вина подай! Слышишь, Махмутка?

VIII.

— Зачѣмъ ты его Махмуткой называешь, Миша?—быстро прошептала профессорша мужу, когда онъ, тяжело передвигая свое грузное, упитанное туловище, подошелъ къ столу, гдѣ они сидѣли.

— Ну, а какъ же его еще называть?

— Ну, я ужъ не знаю... но какой же онъ Махмутка. Всѣ грузины—христіане... для него, можетъ, быть, это оскорбительно.

— Сантиментализмъ, матушка!—равнодушно сказалъ профессоръ—Чепуха на розовой водицѣ! Что же, прикажешь мнѣ у каждаго пастуха или извозчика справляться, какъ его имя, отчество? Махмутка и Махмутка... Всѣ они Махмутки!

— Ахъ, Миша, какая у тебя непріятная привычка третировать людей! Еще въ Россіи это можно, нашъ простой народъ привыкъ къ грубому обращенію, но здѣсь, на Кавказѣ!.. Эти горцы такіе гордые, независимые...

Профессоръ насмѣшливо посмотрѣлъ на жену и не сказалъ больше ни слова: у него было правило—не спорить съ женщинами. Расположился поудобнѣе на скрипучемъ стулѣ, снялъ шляпу, при чемъ обнаружилась довольно основательная лысина, и тутъ только замѣтилъ, что Сергѣй Сергѣичъ все еще стоитъ на порогѣ въ позѣ статуи Командора.

— Сергѣй Сергѣичъ? А вы что же не присаживаетесь? Сейчасъ подадутъ шашлыкъ, настоящій кавказскій шашлыкъ, какого вы, могу васъ увѣрить, никогда не кушали въ петербургскихъ ресторанахъ.

Рыжій господинъ хихикнулъ и обвелъ всѣхъ влюбленнымъ взглядомъ.

— Вы правы, профессоръ... Такого шашлыка, какъ на Кавказѣ, не найдете въ цѣломъ мірѣ... Таетъ во рту, увѣряю васъ... Вѣдь здѣсь его какъ жарятъ...

И, обернувшись къ дамамъ, онъ началъ подробно, съ

увлеченіемъ, глотая наполнявшую его ротъ слюну, рассказывать, какъ жарять на Кавказѣ шашлыкъ.

Сергѣй Сергѣичъ подумалъ и двинулся, наконецъ, къ столу. Брезгливо покосился на имеретинъ, осторожно ощупалъ стулъ и сѣлъ, прямой и твердый, какъ палка, съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, точно хотѣлъ сказать: „да, я сижу въ духанѣ, да, я, можетъ быть, буду ѣсть вашъ шашлыкъ и пить ваше вино, но, пожайлуста, прошу не забывать, кто я и кто вы!“

IX.

Духанщикъ принесъ на подносѣ двѣ бутылки вина и шесть стаканчиковъ. Профессоръ взялъ бутылку и сталъ разсматривать ее на свѣтъ.

— Это что?

— Бѣлый мускатъ, баринъ. А это красный вино... Джеметэ...

— Хорошее?

— У насъ нѣтъ плохой, баринъ. Пробуй, кушай немножко, тогда скажи, какой...

— Откупорь.

Духанщикъ откупорилъ и разлилъ вино по стаканамъ. Блѣдно-золотистая жидкость заискрилась въ граненомъ стеклѣ.

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, недурно!—съ удивленіемъ сказалъ профессоръ.—Попробуйте, господа! Что-то вродѣ рейнвейна... серьезно!

Онъ дѣловито смаковалъ вино, чмокая жирными, красными губами. Павелъ Львовичъ тоже взялъ стаканъ и, подражая профессору, сталъ причмокивать и облизывать попадавшіе въ ротъ усы.

— Ничего... пить можно! Конечно, не рейнвейнъ, но... есть букетъ...

— Нѣтъ, недурно! Очень недурно. Я даже не ожидалъ. Махмутка, ты намъ еще бутылочку этого подай.

— А что я тебѣ говорилъ?—съ гордостью сказалъ духанщикъ.—Мой вино—чистый вино, Христова кровь! Одинъ стаканъ кушаль,—другой захочешь!

— Ну, а ты не разговаривай, Махмутка!—перебилъ его профессоръ.—Иди, тащи еще бутылку, да посмотри, какъ тамъ на счетъ шашлыка.

X.

Появился шашлыкъ. Дамы съ удивленіемъ смотрѣли на сочные, поджаристые кусочки мяса, нанизанные на палочки, и не знали, что съ ними дѣлать.

— Ахъ, Боже мой!—простонала Аглая Петровна.—Но какъ же это ѣдятъ?

— Очень просто, я думаю,—сказалъ профессоръ.—Возьмите палочку и снимайте съ нея мясо вилкой. Вотъ такъ!—авторитетно прибавилъ онъ.

Аглая Петровна все таки не рѣшалась. Тогда духанщикъ пришелъ къ ней на помощь и, придерживая палочку двумя пальцами, ловко снялъ съ нея куски мяса вилкой и положилъ на тарелку.

— Ахъ, ахъ, ахъ!—заахала Аглая Петровна.—Руками? Боже мой, что вы дѣлаете? Грязными руками?

— Зачѣмъ грязными?—обиженно возразилъ духанщикъ.—Смотри, какой у меня руки,—чистый, какъ вата!

И онъ подставилъ къ самому носу Аглаи Петровны свои большія, пухлыя и, дѣйствительно, бѣлыя, какъ вата, руки.

Но Аглая Петровна вся колыхалась, точно тѣсто, убѣжавшее изъ квашни, и, отмахиваясь отъ духанщика, стояла:

— Ахъ, нѣтъ, я не могу... Это ужасно! Руками.. Уйдите, я не могу!..

Сконфуженный духанщикъ отошелъ къ имеретинамъ въ папахъ, и они что-то горячо и бурно заговорили всѣ разомъ, бросая на путешественниковъ огненные, враждебные взгляды. Но никто этого не замѣчалъ.

— Напрасно не кушаете, Аглая Петровна!—говорилъ профессоръ, аппетитно хрустя поджареннымъ бараньимъ жиромъ.—Шашлыкъ превосходнѣйшій и, дѣйствительно, таетъ во рту, какъ масло!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я даже видѣть его теперь не могу... Руками! Какой ужасъ... Сержъ, дай мнѣ немножко хлѣба и вина. А шашлыкъ вашъ это—одно отвращенье... Руками!.. Боже мой..

Рыжій господинъ жадно ѣлъ и пилъ, угощая профессору и классную даму, безпрестанно подливая имъ вино, и всѣ трое, раскраснѣвшіеся отъ ѣды, возбужденные необычайностью обстановки, безъ умолку хохотали.

XI.

— Ну, Махмутка, сколько тебѣ за все?—сказалъ сытый, отяжелѣвшій профессоръ, ковыряя въ зубахъ.

Духанщикъ все такъ же вѣжливо, но съ недобрѣмъ блескомъ въ глазахъ сталъ высчитывать стоимость съѣденнаго и выпитаго. Выходило что-то очень дешево. Профессоръ досталъ деньги.

— На, получай. Сдача тамъ, это возьми себѣ. Господа, я заплатилъ за всѣхъ! По 48 коп. съ человѣка.

Рыжій господинъ насторожился и безпокойно замигалъ глазами, но когда профессоръ объявилъ, сколько приходится съ cadaго, у него вырвался вздохъ облегченія.

— Я, профессоръ, вамъ сейчасъ возвращу... Сколько вы сказали?.. Сію минуту, профессоръ...

— Пустяки, это потомъ, Павелъ Львовичъ!—небрежно вымолвилъ профессоръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, профессоръ... Хе-хе-хе... Денежка счетъ любить. Въ этихъ дѣлахъ аккуратность безусловно необходима...

Онъ долго рылся въ кошелекѣ, сощуривъ глаза, озабоченно растянувъ ротъ до ушей, отчего некрасиво обнажились его блѣдныя десны и большіе, нечистые зубы.

— Вотъ, профессоръ... Ровно 48 копѣекъ. Теперь мы съ вами въ расчетъ—хе-хе-хе... Я, профессоръ, въ денежныхъ дѣлахъ люблю аккуратность.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ эти слова, усиленно ихъ подчеркивая, но на это никто не обратилъ особеннаго вниманія, и только Сергѣй Сергѣичъ немножко поморщился.

— Ну, Махмутка, прощай!—сказалъ профессоръ и благодушно похлопалъ духанщика по плечу.—Вино—якши, шашлыкъ—якши,—не надулъ, спасибо! А то вѣдь вашъ братъ, восточный человѣкъ, здоровъ надувать, а?

Духанщикъ улыбался, сверкалъ зубами, но въ глазахъ таилось что-то другое,—холодное и опасное, какъ лезвіе кинжала, скрытаго въ красивыхъ, богато разукрашенныхъ ножнахъ.

XII.

Смѣясь и перекидываясь остротами, вышли изъ духана. У всѣхъ немножко шумѣло въ головѣ отъ вина; хотѣлось дурачиться, и каждый старался щегольнуть своимъ остроуміемъ, какимъ-нибудь талантомъ, если онъ былъ. У дамъ

влажно блестя глаза, и въ улыбкахъ, въ движеніяхъ появилось что-то манящее, раздражающее. Онъ особенно крѣпко опирались на руки своихъ кавалеровъ, возбужденно вскрикивали, граціозно пожимались, точно кошечки, требующія ласки. Даже у тихой, застѣнчивой классной дамы на блѣдныхъ щекахъ разгорѣлись пунцовыя розы, и все ея сѣрое, незначительное личико помолодѣло, похорошѣло. Профессорша притворялась совершенно изнеможенной и пѣла:

Какой обѣдъ намъ подавали,
 Какимъ виномъ насъ угощали!
 Ужъ я пила, пила, пила,
 И—ахъ!.. теперь совсѣмъ пьяна...

Вдругъ вспомнили про Бэсо, и профессоръ озабоченно сказалъ:

— Господа, надо покормить нашего автомедона! Бэсо, ты гдѣ? Иди-ка, братецъ, въ духанъ, тамъ остался шашлыкъ и вино. Закуси и выпей.

— Спасибо!—отозвался Бэсо, поправляя сбрую лошадей.— Мы уже кушаль, не хочу больше.

— Ну, чего ты тамъ „кушаль“? Замазку какую-нибудь, какъ ее тамъ, мамалыгу, что ли. Иди, шашлыкъ ѣшь.

— Нѣтъ, спасибо, у насъ все свой есть. Садись, баринъ, ѣхать надо.

— Ну, садись, такъ садись. Аглая Петровна, вашу ручку, мы съ вами рядомъ сядемъ. А ты, жена, садись съ Сергѣй Сергѣичемъ. Сергѣй Сергѣичъ, позволяю вамъ ухаживать за моей половиной, а мнѣ ужъ разрѣшите быть кавалеромъ вашей супруги. Жизнь требуетъ разнообразія, господа,—разнообразіе укрѣпляетъ нервы!

Сергѣй Сергѣичъ кисло улыбнулся, но профессорша такъ крѣпко прижала къ его плечу свое горячее плечо, что онъ только засопѣлъ и ничего не возразилъ. Въ то же время Павелъ Львовичъ заботливо усаживалъ классную даму.

— Викторія Адольфовна, сюда пожалуйста! Вамъ удобно? Мои ноги васъ не стѣсняютъ?

— Ахъ, нѣтъ!—прошептала классная дама и, почувствовавъ вдругъ, какъ нога рыжаго господина крѣпко пожала ее ножку, вся вспыхнула и бросила на него благодарный взглядъ. За нею такъ рѣдко ухаживали!..

Духанщикъ и его гости стояли на верандѣ; ихъ смуглыя лица были невозмутимо безстрастны, но огненные глаза красиво сверкали изъ-подъ косматыхъ папокъ. Особенно выдѣлялся одинъ, стройный красавецъ; онъ гордо стоялъ, засу-

нувъ руку за серебряный поясъ, обвивавшій его тонкую талію, и презрительно-насмѣшливая улыбка чуть-чуть подергивала тонкія, красныя губы. Профессорша поймала его въглядъ и, въ порывѣ шаловливой веселости, послала ему воздушный поцѣлуй.

— Ну, ужъ это глупо!..—сквозь зубы процѣдилъ профессоръ.

Профессорша хохотала. У Сергѣя Сергѣича было встревоженное лицо. Ему все казалось, не слишкомъ ли онъ далеко перешагнулъ черту, отдѣляющую простого смертнаго отъ „особы“, и это его беспокоило.

— Ачш!—крикнулъ Бэсо. Отдохнувшія лошади понеслись.

ХІІІ.

Дорога круто свернула влѣво и поползла то въ гору, то подъ гору. Сверканіе моря погасло за послѣднимъ поворотомъ, и густой лѣсной сумракъ смягчилъ остроту и жгучесть полуденнаго солнца. Шоссе вилось теперь по узкой просѣлкѣ, и съ одной стороны деревья все выше, выше уходили въ гору, а съ другой—спускались куда-то глубоко внизъ. И тамъ глухо и сердито ворчалъ потокъ.

— Я почему говорю „глупо...“—неторопливо и обстоятельно, точно читалъ лекцію, говорилъ профессоръ.—Это вовсе не предразсудокъ съ моей стороны и ужъ, во всякомъ случаѣ, не ревность. Но ты забываешь, матушка, что между нами и этими людьми лежитъ цѣлая пропасть. За нами—цѣлые вѣка культуры, а эти господа—дикари. Явленіе, которому люди нашего круга дадутъ правильную оцѣнку, для этихъ Махмутокъ совершенно непонятно. Твою выходку они истолкуютъ по своему, и можетъ выйти непріятность.

Профессорша сдѣлала нетерпѣливую гримаску.

— Ахъ, Миша, и какъ тебѣ не надоѣстъ изъ всякаго пустяка дѣлать что-то серьезное! Слава Богу, мы за 2000 верстъ отъ Петербурга, и хоть здѣсь-то можно, я думаю, перестать серьезничать. Вѣчно ты что-то воображаешь! Непріятность-непріятность... Какая непріятность? Была—и уѣхала, и нѣтъ ничего, и я никого не знаю, и меня не знаютъ. А потомъ эти кавказцы—совсѣмъ не то, что наши мужики. Въ нихъ есть что-то благородное, рыцарское...

— Ну ужъ, выдумала!.. Дикари! Первые грабители и воры! Если бы имъ дать волю, они всѣхъ бы насъ перерѣзали, эти благородные рыцари!

— Совершенно справедливо!—сказалъ Сергѣй Сергѣичъ.—Удивительно неблагодарный и мстительный народъ! Сколько

лѣтъ протекло съ завоеванія Кавказа, и до сихъ поръ еще населеніе питаетъ въ душѣ враждебные замыслы противъ Россіи, которая кругомъ ихъ облагодѣтельствовала...

— Именно облагодѣтельствовала!..—поддакнулъ сейчасъ же Павелъ Львовичъ.—Помилуйте, Сергѣй Сергѣичъ, что здѣсь было раньше? Глушь, дичь, разбой! А теперь? Желѣзные дороги, промышленность, торговля, все процвѣтаетъ...

Сергѣй Сергѣичъ покосился на рыжаго господина и, поймавъ утерянную нить своей мысли, продолжалъ:

— Если бы не покровительство Россіи, ихъ бы всѣхъ ожидала участь турецкихъ армянъ, сербовъ, болгаръ. Грабежъ, рѣзня, курды, башибузуки... И когда ихъ тамъ начинаютъ рѣзать,—они всѣ бѣгутъ въ Россію: „спасите, помогите!“ А здѣсь сейчасъ же начинаютъ мечтать объ автономіи, о Кавказской федеративной республикѣ. 1905 годъ это великолѣпно показалъ...

— Сергѣй Сергѣичъ!—воскликнула профессорша.—Что это? Серьезный разговоръ? Это ужасно! Вѣдь мы же не въ Петербургѣ! Давайте пѣть, дурачиться, наслаждаться жизнью! Смотрите, какое солнце, какой лѣсъ, какая природа!..

XIV.

Всѣ на минуту примолкли и оглядѣлись. Лѣсъ становился все гуще, все темнѣе. Огромные серебристые буки, грабы, черные дубы шумѣли высоко сверху раскидистыми вершинами. Толстыя ліаны, какъ змѣи, спускались оттуда, перевивали вѣтви лѣсныхъ великановъ, стискивали ихъ въ своихъ цѣпкихъ объятіяхъ, перебрасывали отъ одного къ другому фантастическіе зеленые шатры. Тамъ и сямъ пламеняли коралловые ожерелья крупнаго кизильника; иногда черезъ дорогу протягивалась мохнатая, увѣшанная сѣдымъ мохомъ, лапа стараго, дулистаго дуба или узловатые, скорченные, точно въ судорогахъ, корни вылѣзали сквозь земляную осыпь, свивались въ чудовищный клубокъ и во всѣ стороны простирали свои уродливыя щупальцы. Все здѣсь жило, могуче развивалось, росло и умирало на полной волѣ, обласканное жгучимъ солнцемъ, щедро питаемое тучной землей, удобренной трупами лѣсныхъ мертвецовъ. Ихъ никто не убиралъ, и они мирно тлѣли въ непроходимой чащѣ, огромные, неподвижные, обросшіе исполинскими грибами и жирными узорчатыми папоротниками. Это была красивая смерть безъ страданія и сожалѣній; красивое тлѣніе, на глазахъ дающее начало новой жизни. Синій, прозрачный сумракъ, пропитанный хмельнымъ запахомъ травъ и цвѣтовъ,

дрожалъ подъ сводами этого зеленого храма... И широкими волнами перекатывался строгій, молитвенный гулъ...

— Вотъ это я понимаю!—проговорилъ, наконецъ, профессоръ.—Это лѣсъ!..

Всѣ какъ-то безпокойно задвигались, а Аглая Петровна закрыла глаза пухлой рукой съ кольцомъ и браслетомъ и прошептала съ испугомъ:

— А знаете, здѣсь даже страшно немножко!..

Рыжій господинъ показалъ свои десна и зубы и съ особымъ оттѣнкомъ сказалъ:

— Помилуйте, развѣ можетъ быть страшно въ такомъ обществѣ? Во-первыхъ, вашъ супругъ... уже одно имя гарантируетъ отъ всякой опасности! А во-вторыхъ, и мы съ профессоромъ... неужели вы въ насъ сомнѣваетесь?

— Ахъ, я не сомнѣваюсь... Но что вы можете сдѣлать, когда *они* нападутъ?

— Что касается меня, я всегда готовъ!—съ ужимкой отвѣчалъ Павелъ Львовичъ и, отвернувъ немного полу пиджака, обнаружилъ сѣрую замшевую кобуру револьвера. Аглая Петровна вскрикнула и зажала глаза.

— Ахъ, спрячьте, спрячьте, ради Бога! Видѣть не могу этого!.. У меня сердце замираетъ отъ этихъ ужасовъ!..

Сергѣй Сергѣичъ при видѣ револьвера весь передернулся и чуть-было не спросилъ по привычкѣ: „а разрѣшеніе у васъ имѣется?“ Но воздержался и сухо процѣдилъ сквозь зубы, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Надѣюсь, никакой надобности въ этомъ не встрѣтится. Вполнѣ увѣренъ! Всѣмъ должно быть извѣстно, что приняты самыя чрезвычайныя мѣры въ огражденіе спокойствія и безопасности мирныхъ жителей.

Рыжій господинъ почувствовалъ, что сдѣлалъ промахъ, и смущенно заегозилъ.

— Я, Сергѣй Сергѣичъ, также вполнѣ увѣренъ. Единственно по привычкѣ не расстаюсь съ этой игрушкой! Это у меня осталось отъ военной службы. Привыкъ! Не могу разстаться.

— Хорошо дѣлаете!—поддержалъ профессоръ.—Мѣры-то мѣры, а все таки... У меня самого есть браунингъ,—пріобрѣлъ на всякій случай, но до сихъ поръ не могу приноровиться, когда ставить на *sur* и когда на *feu*. Въ самую нужную минуту, пожалуй,—и ни одного выстрѣла, а то вдругъ въ карманъ начнетъ стрѣлять... Еще самого себя пристрѣлишь! Я ужъ поэтому его съ собой и не беру.

— Вполнѣ одобряю!—сказалъ Сергѣй Сергѣичъ.—Да и зачѣмъ это? Защита гражданъ лежитъ на обязанности специальныхъ учреждений государства, мы должны оказывать

имъ довѣріе. Слава Богу, у насъ не Калифорнія какая-нибудь.

— Именно не Калифорнія!—поддакнулъ рыжій господинъ.

— А вы сами, Сергѣй Сергѣичъ, не носите оружія?—спросила профессорша.

— Никогда!—съ достоинствомъ отвѣчалъ Сергѣй Сергѣичъ.—Единственное мое оружіе—законъ.

— Прекрасно сказано! Прекрасно!—воскликнулъ Павелъ Львовичъ съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ давеча хвалилъ пѣніе профессорши.

— А знаете что, Сергѣй Сергѣичъ,—неожиданно объявила профессорша.—Вы мнѣ удивительно напоминаете Бранда! У-ди-ви-тельно!..

— Какого Бранда?

— Ахъ, этого, ибсеновскаго! Помните, какъ его играетъ Качаловъ въ художественномъ театрѣ?.. Ахъ, божественно! И вы—настоящій Брандъ!

Сергѣй Сергѣичъ выпятилъ нижнюю губу и изумленно поднялъ плечи, не зная, серьезно говорить профессорша или это насмѣшка. Онъ—Брандъ!.. „Странно...“—подумалъ онъ. И всѣ посмотрѣли съ удивленіемъ на его чопорную, сухую фигуру и тоже подумали: „Странно!..“ А профессорша съ одушевленіемъ продолжала:

— Ахъ, Брандъ! Вотъ человѣкъ! Какая сила воли! Какой характеръ!.. Вы помните: „все, или ничего!..“ И какъ досадно, что у такого человѣка такая ничтожная жена... Боже мой, да за нимъ можно пойти на край свѣта, забыть все, все, а эта пошлая Агнесъ совершенно его не понимаетъ...

— Ну, матушка, занеслась!—пробурчалъ профессоръ.—Брандъ-Брандъ... Ничего особеннаго. Какой то тупоумный фанатикъ. На сценѣ оно, можетъ, и красиво, а въ жизни эдакій господинъ просто невыносимъ. Сама первая убѣжала бы отъ этого Бранда, если бы была на мѣстѣ его жены.

— Ни за что! Ты, Миша, не понимаешь... Вся его жизнь—это красота... А какъ онъ умираетъ!.. Горы, гроза,—и онъ одинъ, всѣми покинутый, такой гордый, такой смѣлый... Ахъ, послѣ этой сцены я почувствовала, что въ моей душѣ произошелъ переворотъ...

— И вовсе ничего не произошло,—спокойно возразилъ профессоръ.—Пришла домой, съ аппетитомъ поужинала и легла спать. А утромъ полетѣла въ гостинный дворъ. Никакого переворота не было.

Но профессорша сдѣлала видъ, что не слышитъ его замѣчаній, и добавила мечтательно:

— Да! Главное въ жизни—красота... Жить и умирать надо красиво!

— Какъ это сказано!.. — жмурясь, прошепталъ Павелъ Львовичъ. — Я не видалъ Бранда, но чувствую, Евгенія Петровна, такъ сказать, проникаю въ самую нѣдра... Красиво жить и красиво умирать — это главное... Не правда ли, Викторія Адольфовна?

Дѣвица опять почувствовала, какъ его нога помяла ея ножку, и, вся зардѣвшись, съ наивнымъ нѣмецкимъ акцентомъ прошептала: „о, та!“

— Ай! Ай!.. — дико закричала вдругъ Аглая Петровна и впиалась въ жирный локоть профессора.

У всѣхъ похолодѣло внутри, лица поблѣднѣли, даже Басо съ безпокойствомъ оглянулся. Испуганныя лошади шархнулись. Сергѣй Сергѣичъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе къ боковому карману, а Павелъ Львовичъ нагнулъ голову, точно ожидая удара, и спрятался за спину своей сосѣдки.

— Аглая Петровна, что такое съ вами? — спросилъ профессоръ нетвердымъ голосомъ, подозрительно косясь по сторонамъ.

— Ахъ, Боже мой... Мнѣ показалось... Кто то стоитъ въ кустахъ... Вонъ тамъ...

— Гдѣ? Да это дерево, Аглая Петровна! Просто на просто старый пенъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, дерево... Но я такъ испугалась... Совсѣмъ какъ человѣкъ.

Павелъ Львовичъ выглянулъ изъ-за спины Викторіи Адольфовны.

— Хе-хе... Дѣйствительно, какъ человѣкъ! — хихикнулъ онъ. — Ночью даже можно испугаться...

— Не понимаю, чего тутъ пугаться! — сказала профессорша, нервно смѣясь и подрагивая плечиками. — Какой то глупый пенъ — и сейчасъ же начинаются истерики! Даже смѣшно.

— Ну, матушка, не храбрись. Я думаю, у самой душа въ пятки ушла.

— Ни капли! Мы съ Сергѣй Сергѣичемъ ничего не боимся.

— М-м... — процѣдилъ Сергѣй Сергѣичъ сквозь зубы. — Н-да... рѣшительно не нахожу никакихъ основаній бояться. Военное положеніе — и бояться... Странно!

И, обернувшись къ женѣ, онъ строго прибавилъ:

— Аглая, прошу тебя, пожалуйста, не волнуйся! Это очень непріятно дѣйствуетъ на всѣхъ. Надо сдерживаться.

XV.

Замолчи. Гуль потока сталъ слышнѣе; казалось, тамъ, на днѣ глубокаго ущелья, ослѣпленное синимъ сумракомъ лѣса, въ дикой ярости мечется какое-то свирѣпое чудовище и продирается изъ всѣхъ силъ сквозь непроходимую сѣть лѣанъ и царапаетъ когтями гигантскіе узлы корней, стараясь вырваться на вольный свѣтъ.

— Что это шумить? Что шумить?—тревожно спросила Аглая Петровна.

— Рѣка, должно быть. Эй, Махмутка, какая это рѣка?

— Это? Бѣшеной рѣчка называется!

— Какое названіе!—сказала профессорша.—Прелесть! И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все бѣшеное. Бѣшенная рѣка, бѣшенная растительность, бѣшеное солнце...

— Недаромъ говорится: погибельный Кавказъ!—хихикнулъ рыжій господинъ.

— А вонъ опять пень стоитъ!—замѣтилъ профессоръ.—Поразительно напоминаетъ человѣческую фигуру. Даже неприятно!

— Ахъ, не пугайте, профессоры! Я опять закричу!

— Аглая?..—хмурясь, повторилъ Сергѣй Сергѣичъ.

— А дѣйствительно, какая глухая дорога!—продолжалъ профессоръ.—Сколько времени ѣдемъ—и ни одной души на встрѣчу. Махмутъ, или какъ тебя, это всегда здѣсь такъ мало народу ѣздитъ?

— Зачѣмъ не ѣздитъ? Ѣздитъ! Лѣтомъ господа много ѣздитъ. Я самъ каждый день возилъ.

— То-то. Ну, а не бываетъ эдакъ, чтобы „руки вверхъ“—понимаешь?

Бѣсо съ улыбкой покрутилъ головой.

— Нѣтъ, баринъ! Теперь совсѣмъ нѣтъ! Одинъ разъ было, на тотъ годъ. Генераль ѣхалъ. Стрѣляли!

— Гм... Генераль! Сергѣй Сергѣичъ, слышите?

— Я совершенно спокоенъ!—сухо сказалъ Сергѣй Сергѣичъ. — Въ прошломъ году были, правда, нѣкоторые эксцессы... ограбленіе „Черномора“, напримѣръ,—но это все отголоски нашей милой революціи. Въ настоящее время не можетъ повториться ничего подобнаго.

— Ахъ, скорѣе бы проѣхать этотъ ужасный лѣсъ!—вымолвила Аглая Петровна и, спрятавъ руку подъ кружева пелеринны такъ, чтобы было незамѣтно, сдѣлала нѣсколько маленькихъ крестиковъ.

— Ахъ, господа, довольно объ этихъ пустякахъ! — вос-

кликнула профессорша.—Жизни, больше жизни, звуковъ, веселья, пѣсенъ!..

И она запѣла: „плавно и тихо качаясь“...

Знакомый вальсъ изъ „Веселой вдовы“ разсѣялъ пугающіе лѣсные призраки и перенесъ всѣхъ въ міръ привычныхъ и пріятныхъ подробностей культурной жизни, гдѣ все такъ просто и понятно, гдѣ въ департаментахъ сочиняютъ законы и циркуляры, въ университетахъ читаются умныя лекціи, театры, журналы и художественныя выставки каждый день возбуждаютъ мозгъ интересными новинками, гремитъ музыка, блещутъ огнями шумные рестораны, и ночью свѣтло, какъ днемъ, и на широкихъ улицахъ полчища вооруженныхъ людей охраняютъ спокойствіе и безопасность гражданъ... Путешественники ободрились, заговорили, засмѣялись. Профессоръ авторитетнымъ тономъ,—онъ всегда говорилъ авторитетно,—доказывалъ Аглаѣ Петровнѣ, что съ научной точки зрѣнія страха не существуетъ. Профессорша съ Ибсена перескочила на Кнута Гамсуна и приставала къ Сергѣю Сергѣичу съ вопросомъ, какъ онъ понимаетъ Тю. Сергѣй Сергѣичъ былъ въ затрудненіи, потому что Гамсуна не читалъ и совершенно не зналъ, что это за штука—Тю, но, присмотрѣвшись хорошенько къ профессоршѣ, онъ нашелъ, что она очень пикантна и чертовски напоминаетъ m-lle Доло изъ Акваріума, съ которой онъ вотъ уже два года, по секрету отъ Аглаи Петровны, находился въ связи. А Павелъ Львовичъ уже совсѣмъ пріиникъ къ своей сосѣдкѣ и, глядя ей въ лицо пылающими глазами, нѣжно шепталъ:

— Самое ужасное въ жизни человѣка, это—одиночество!.. А я, Викторія Адольфовна, ужасно одинокъ... Имѣть около себя близкое существо, дѣлить съ нимъ горе и радости, прильнуть къ родной груди—какое блаженство! И я всю жизнь мечтаю объ этомъ блаженствѣ и не нахожу его нигдѣ...

Викторія Адольфовна сидѣла вся пунцовая, какъ роза, и стыдливо отвѣчала: „о, та!“

Лошади мчались. Бѣсо весело покрикивалъ: „Ачшъ!“ Лѣсъ все тѣснѣе и тѣснѣе смыкалъ свое зеленое кольцо... И въ ущельи дико ревѣла бѣшеная рѣчка.

XVI.

Какъ это случилось,—никто потомъ не могъ хорошенько припомнить. Кажется, сначала въ синемъ лѣсномъ сумракѣ, какъ будто, разорвалась дѣтская хлопушка и что-то прожужжало надъ головой, съ трескомъ сшибая листья и вѣтви. А вслѣдъ затѣмъ на дорогу съ змѣинымъ проворствомъ выскочили три темныя фигуры, похожія на ожившіе пни, и все пошло уже совершенно такъ, какъ описываютъ въ газетахъ. Одинъ остановилъ лошадей; другой съ револьверомъ сталъ на стражѣ позади линейки, а третій подбѣжалъ къ пассажирамъ. Это былъ невысокаго роста пожилой человѣкъ, страшно худой, съ землистымъ лицомъ и лихорадочно сверкавшими глазами. Черный, рваный башлыкъ по-бабьи былъ обмотанъ вокругъ головы; на костлявыхъ плечахъ болталась суконная изодранная черкеска верблюжьяго цвѣта. Грабитель весь тряся, точно его била лихорадка, и ломаннымъ русскимъ языкомъ крикнулъ отрывисто: „рука вверхъ!“ И, какъ по слову волшебника, всѣ эти изящныя, нарядныя дамы и почтенныя, хорошо воспитанныя мужчины моментально превратились въ неподвижную группу глухихъ каріатидъ вродѣ тѣхъ, которыя иногда украшаютъ подъѣзды безвкусно-роскошныхъ купеческихъ домовъ.

Началось съ Сергѣя Сергѣича.

— Давай деньга!—грубо приказалъ ему тощій человѣкъ.

Сергѣй Сергѣичъ поступилъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить Сергѣй Сергѣичъ.

— Позвольте мнѣ опустить руки, иначе я не могу достать кошелька,—разсудительно сказалъ онъ.

У грабителя еще сильнѣе затряслись губы, что-то съ непріятнымъ свистомъ сверкнуло передъ глазами Сергѣя Сергѣича, и жилистыя, узловатыя руки, похожія на лѣсные корни, приставили къ его груди длинный кинжалъ.

— Давай деньга!

У Сергѣя Сергѣича все завертѣлось въ глазахъ, и отвратительный холодъ разползся по всему тѣлу отъ головы до пятокъ. Онъ съ трудомъ опустилъ руки и началъ шарить въ карманѣ. Но руки точно одервенѣли и никакъ не могли нащупать кошелька. Кинжалъ сверкалъ въ глаза острымъ, ледянымъ блескомъ, и этотъ ледяной блескъ проникалъ до самого сердца, растекался по жиламъ, замораживалъ мозгъ и внутренности..

— Давай скорѣй!—крикнулъ грабитель и крѣпче нажалъ кинжалъ на бѣлый жилетъ Сергѣя Сергѣича.

Наконецъ, кошелекъ былъ найденъ. Сергѣй Сергѣичъ деревянными пальцами досталъ оттуда серебряный рубль.

— В-вотъ... в-возьми... г-голубчикъ,—сказалъ онъ деревяннымъ языкомъ.

Жилистые, коричневые пальцы-корни мелькнули передъ Сергѣемъ Сергѣичемъ, и грабитель вырвалъ у него кошелекъ, больно ударивъ его при этомъ въ подбородокъ. Потомъ быстро надавилъ на кнопку, раскрылъ, выбралъ оттуда все, что тамъ было, бросилъ кошелекъ на землю и опять приставилъ ледяное остріе къ груди Сергѣя Сергѣича.

— Давай деньги!

— Б-больше... н-нѣтъ,—еле вымолвилъ совсѣмъ замерзающій Сергѣй Сергѣичъ.

Что-то хрястнуло, полетѣли оторванныя пуговицы, и узловатые пальцы, какъ змѣи, забѣгали по тѣлу Сергѣя Сергѣича. Они казались необычайно огромными, эти страшные пальцы; они проникали всюду, заползали подъ рубашку, выворачивали карманы, хозяйничали въ самыхъ потайныхъ уголкахъ генеральскаго костюма. И въ рукахъ грабителя, какъ въ рукахъ искуснаго фокусника, одно за другимъ появились, сначала золотые часы, потомъ толстый бумажникъ и, наконецъ... револьверъ... Настоящій великолѣпный револьверъ системы браунингъ!

XVII.

При видѣ револьвера профессоръ, все время стоявшій въ позѣ глупой каріатида, невольно подался впередъ и крикнулъ. Сергѣй Сергѣичъ взглянулъ на него остеклѣвшими глазами мертвеца... но врядъ ли онъ что-нибудь въ эту минуту видѣлъ. Чувства его были мертвы, и самъ онъ былъ похожъ на трупъ съ отвислой челюстью, съ зелеными тѣнями на щекахъ и отвратительно-зіяющей черной впадиной рта. „Какъ его!...“—подумалъ профессоръ.

Презрительно-насмѣшливая улыбка сверкнула на тонкихъ губахъ грабителя, когда онъ осматривалъ револьверъ и бумажникъ.

— Зачѣмъ врешь!—сказалъ онъ Сергѣю Сергѣичу и перешелъ къ профессоршѣ.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное, что заставило его даже на минуту растеряться. Профессорша вдругъ втянула голову въ плечи, набрала воздуха, какъ это дѣлаютъ собирающіеся кричать капризные дѣти, и неистово завывала:

— Не трогайте меня!... Не смѣйте!... Не смѣйте, не смѣйте! А-а-а!... А-а!...

— Зачѣмъ кричишь?—съ удивленіемъ сказала тощій человѣкъ.—Тебя не рѣжутъ!..

Но профессорша съ перекошеннымъ лицомъ, съ выкатившимися глазами, потерявшая всю свою красоту, все свое изящество, рвала на себѣ платье, топала ногами и выла, выла...

— Вы не смѣете!.. Вы не смѣете!.. Подлецы! Мерзавцы!.. Убийцы!.. Спасите меня!.. Спасите!.. А-а-а! А-а!..

Она метнулась къ Павлу Львовичу, но тотъ, весь блѣдный, съ жалкой, униженной улыбкой оттолкнулъ ее отъ себя, и она попала прямо въ жилистые, узловатые руки, которыя начали ее обшаривать такъ же ловко и быстро, какъ Сергѣя Сергѣича.

— А-а! А-а!.. Трусъ!.. Негодяи!.. Подлые, мерзкіе людишки!.. А-а!..

Профессоръ глядѣлъ на сдѣлавшееся отвратительнымъ лицо своей жены, слушалъ ея отвратительный звѣриный вой и, болѣзненно морщась, бормоталъ:

— Женя, Женя, зачѣмъ это? Женя... не надо, Женя... Ахъ, Боже мой!

Классная дама тоже заливалась горькими слезами и, глядя въ небо, шептала: „Mein Gott! O, mein Lieber Gott!“... Павелъ Львовичъ смотрѣлъ на нее съ своей жалкой, униженной гримасой и, когда она пыталась вцѣпиться въ него, онъ боязливо отстранялся отъ нея и дѣлалъ видъ, что не имѣетъ съ ней и вообще ни съ кѣмъ здѣсь ничего общаго. Грабитель подошелъ къ нему.

— Давай деньга!

— Пожалуйста!.. Вотъ все, что я имѣю... У меня не много... Я—человѣкъ бѣдный...

Онъ съ робкой угодливостью самъ выворачивалъ свои карманы, отвязалъ кобуру вмѣстѣ съ револьверомъ, заворачивалъ полы пиджака и помогалъ грабителю ощупывать подкладку, суетился и егозилъ передъ нимъ, какъ егозилъ раньше передъ Сергѣемъ Сергѣичемъ и профессоромъ.

— Больше нѣтъ?—спросилъ грабитель, подозрительно разсматривая пару измятыхъ бумажекъ, извлеченныхъ изъ тощаго кошелька рыжаго джентльмена.

— Клянусь честнымъ словомъ!.. Я—бѣдный человѣкъ... жена, семейство... Можете справиться въ торговомъ домѣ Михель и К° въ Одессѣ, гдѣ я служу...

Но грабитель уже не слушалъ его и шелъ дальше. Онъ, видимо, началъ торопиться и уже не такъ тщательно дѣлалъ свое дѣло. Покончивъ съ классной дамой и Аглаей Петровной, которая безропотно, съ всхлипываніями и слезами, отдала ему свои деньги, кольца и браслеты, онъ приблизился къ

профессору. Тотъ все еще стоялъ въ позѣ каріатиды, добросовѣстно исполняя данный приказъ. Повернулся сначала однимъ бокомъ, потомъ другимъ, и когда карманы его были выпотрошены, облегченно вздохнулъ.

— Фу-у!... Что же, кончилось, что ли, или нѣтъ?

Черные огромные глаза угрюмо сверкнули на него изъ подъ рваного башлыка, и грабитель ткнулъ профессора въ животъ.

— Зачѣмъ такой толстый?... Сто человѣкъ голодныхъ, одинъ толстый, какъ свинья... нехорошо!

Профессоръ смотрѣлъ на него круглыми глазами и, молча, поправлялъ спустившіяся во время обыска брюки.

Тощій человѣкъ крикнулъ что-то своему товарищу, стоявшему на караулѣ. Тотъ подбѣжалъ, и они вдвоемъ проворно перерѣзали кинжалами веревки, которыми былъ привязанъ багажъ, вскрыли чемоданы и корзины и начали выкидывать изъ нихъ вещи. Профессорша выла.

— Подлецы!.. Разбойники!.. Негодяи!.. Оставьте! Не смѣйте...

Грабители торопливо работали и, какъ будто, совсѣмъ не слышали воя и визга профессорши. Отбирали только то, что казалось имъ цѣннымъ: бѣлье, обувь, мужское платье и съ изумительнымъ искусствомъ прятали все это въ карманы, за пазуху, подъ башлыки. Скоро чемоданы были опустошены такъ же, какъ и карманы, и тощій человѣкъ сказалъ нѣсколько словъ Бэсо. Грузинъ только теперь показалъ господамъ свое блѣдное испуганное лицо и проговорилъ съ запинкой:

— Садись, баринъ... Сейчасъ ѣхать надо.

— А вещи, вещи какъ же?—пробормоталъ профессоръ, оглядываясь на разбросанные по дорогѣ чемоданы.

— Вещи привяжемъ, баринъ... Садись только скорѣй, садись...

Грабитель опять что-то крикнулъ, и въ голосѣ его слышна была угроза. Бэсо кубаремъ скатился съ козель, подобралъ чемоданы, попихалъ ихъ-кое какъ на линейку и вернулся на свое мѣсто.

— Садись, баринъ! Худо будетъ!—закричалъ онъ съ отчаяніемъ.

Всѣ гурьбой ринулись садиться, толкая и давя другъ друга. Профессоръ втиснулъ окаменѣвшаго Сергѣя Сергѣича между чемоданомъ и Аглаей Петровной; профессорша при этомъ изъ всѣхъ силъ ткнула кулакомъ въ грудь классную даму и, когда та застонала: „O, mein Gott!“ — злобно прошипѣла:

— Ну вотъ еще, нѣжности!.. Тутъ ужъ нечего кривляться.

Грабители стояли поодаль безстрастные, неподвижные,

какъ бронзовыя статуи, какъ вѣковыя деревья родного лѣса, и только у одного изъ нихъ, совсѣмъ молодого мальчика, въ глазахъ игралъ злой, насмѣшливый огонекъ.

XVIII.

Бэсо оглянулся и, удостовѣрившись, что всѣ уже сидятъ, закричалъ на лошадей. Лошади рванулись съ мѣста въ карьеръ и бѣшено помчались впередъ.

— Куда? Куда ты ѣдешь? — дико завизжала профессорша, вѣпившись въ черкеску Бэсо. — Назадъ! Назадъ! Не хочу туда ѣхать! Не хочу-у!

— Женья! Женья! Ты съума сошла? Успокойся, Женья! — оставивалъ ее профессоръ.

Но Женья визжала, металась и изо всѣхъ силъ колотила Бэсо по спинѣ своими маленькими, нѣжными ручками. Бэсо, наконецъ, оглянулся.

— Нельзя, баринъ, назадъ... Стрѣлять будутъ...

Всѣ невольно повернули головы назадъ. Три неподвижныя черныя фигуры стояли на томъ же мѣстѣ, и въ рукахъ ихъ холоднымъ блескомъ сверкали револьверы, направленные на линейку. Профессору даже показалось, что мальчишка прицѣливается, и прицѣливается прямо въ него...

— Поѣзжай, поѣзжай, Бэсо! Нечего тутъ разводить разные бабьи капризы... Поѣзжай!

Бэсо не оглядывался больше и во весь духъ мчался впередъ.

— Мерзавецъ! — кричала профессорша въ изступленіи. — Такой же мерзавецъ, какъ и эти подлецы!.. Онъ за одно съ ними!.. Это онъ все подстроилъ!.. Я видѣла! Я знаю!.. Онъ перемигивался съ ними! Онъ нарочно завезъ насъ сюда, въ эту проклятую трущобу!..

— Что ты говоришь, Женья? Что ты говоришь?..

— Молчи! Не смѣй мнѣ ничего говорить! Трусы! Всѣ вы трусы и дрянь! Всѣ мерзавцы!.. Хвастались, корчили изъ себя рыцарей и джентльменовъ, а когда какіе-то несчастные оборванцы крикнули имъ „руки вверхъ“ — они всѣ отъ страху слюни распустили... Трусы! Всѣ, всѣ, всѣ!..

— Женья!..

— О, mein Gott...

— Нечего ахать „mein Gott!“ Этимъ никого не удивишь. Какой тамъ „mein Gott“? Никакого „mein Gott“а нѣтъ... Теперь ужъ некого прельщать, никто нѣжничать и ухаживать не станетъ. Хороши мужчины! Тьфу! Гадость!.. Револьверы отдали, карманы вывернули... И этотъ тоже... Генералъ!.. Ха-

ха-ха!.. Хорошъ генераль... „Я совершенно спокоенъ!“... Хорошо спокойствіе съ вывернутыми карманами... ха-ха-ха!..

И профессорша, вперемижку съ воплями и рыданіями, залилась судорожнымъ хохотомъ.

XIX.

Сергѣй Сергѣичъ понемногу началъ оттаивать и тутъ только замѣтилъ, что его костюмъ находится въ совершенно неприличномъ видѣ. Вывернутые карманы болтались, точно лопухи, воротъ рубашки былъ разстегнутъ, обнажая длинную сморщенную шею съ напряженными ключично-челюстными мышцами и огромной волосатой бородавкой, которую Сергѣй Сергѣичъ обыкновенно тщательно пряталъ подъ высокими воротничками. Галстуха не было,—должно быть, онъ остался тамъ, на дорогѣ, вмѣстѣ съ золотыми запонками, и смятый фо-коль безобразно торчалъ надъ ушами. Изъ-подъ жилета тянулись какія-то тесемки и тряпки,—всѣ маленькія, некрасивыя тайны мужского туалета, обнаруженныя дерзкой рукою грабителя. Сергѣй Сергѣичъ весь съежился и почувствовалъ себя такъ, какъ будто онъ нечаянно очутился на улицѣ совершенно голый.

— Аглая...—потихоньку спросилъ онъ жену.—Нѣтъ ли у тебя англійскихъ булавокъ?

Аглая Петровна обратила къ нему свое распухшее, покраснѣвшее отъ слезъ лицо съ распустившейся прической и сбитой на бокъ шляпой.

— Ахъ, Сержъ!.. Это ужасно!..

— Дай булавокъ, пожалуйста!—повторилъ Сергѣй Сергѣичъ.

Профессорша быстро повернулась и впиалась въ него злыми глазами.

— Вамъ бу-ла-вочку? Ха-ха-ха!.. Генераль просить бу-ла-вочку!.. Господа, дайте генералу булавочку... Онъ „совершенно спокоенъ“! Карманы вывернули, револьверъ отобрали, собственную жену чуть не до нага раздѣвали, а онъ „совершенно спокоенъ“... „Ему булавочку нужно... Ха-ха-ха!..

— Да это фурія какая-то!..—не вытерпѣлъ, наконецъ, Сергѣй Сергѣичъ и отодвинулся отъ профессорши какъ можно дальше, насколько позволяли чемоданы, нагроможденные на линейкѣ.

Профессоръ обидѣлся за жену.

— Ну ужъ, Сергѣй Сергѣичъ, позвольте вамъ сказать откровенно, и вы тоже хороши! Сказали давеча, что никогда не носите оружія, и вдругъ смотрите—револьверъ!

— Ахъ, да, да!—закричала профессорша.—Револьверы!.. Самъ сказалъ: „мое оружіе—законъ!“ а у самого револьверы!.. Ха-ха-ха... И хоть бы ужъ стрѣлялъ, что ли, а то весь разбрызгъ, точно дождевой грибокъ, руки, какъ тряпки, губа отвисла—фу, гадости! Дождевой грибокъ! Ха-ха-ха...

— Это даже и не корректно по отношенію къ намъ...—вмѣшался и Павелъ Львовичъ, выставивъ, какъ разсерженная собака, свои зеленые зубы наружу.—Зачѣмъ скрывать, что есть револьверъ? Вотъ, напримѣръ, я... я всегда имѣю при себѣ оружіе. Но я сейчасъ же совершенно честно, какъ порядочный человѣкъ, не желая никого подвергать опасности, отдалъ его экспроприатору.

— Гораздо честнѣе было бы, если бы вы стрѣляли изъ него въ экспроприатора!—уязвила Павла Львовича профессорша.

— Ну, ужъ это извините, сударыня! Если бы я не поступилъ, какъ совершенно честный, порядочный человѣкъ, мы съ вами теперь не имѣли бы счастья разговаривать, а лежали бы холодными трупами, съ прострѣленнымъ сердцемъ! Да-съ! И со стороны Сергѣя Сергѣича, несмотря на все мое уваженіе къ его сану, было очень, очень некорректно скрывать, что у него есть револьверъ! Это могло повлечь за собой очень-очень крупныя непріятности!

— Ужъ какія еще могутъ быть непріятности!—воскликнула профессорша.—Обобрали, раздѣли чуть не до нага, карманы вывернули!..

— Могло быть хуже, сударыня, гораздо хуже! Вы ничего не видѣли, а я видѣлъ! Когда у Сергѣя Сергѣича оказался револьверъ, экспроприаторъ весь измѣнился въ лицѣ, и я каждую минуту ожидалъ, что всѣхъ насъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ. И, только благодаря моему благоразумію и самообладанію, дѣло не дошло до кровопролитія. Если бы я былъ одинъ, я бы сумѣлъ защищаться, но въ присутствіи женщинъ я не могъ стрѣлять. Я долженъ былъ щадить ихъ жизнь!

— Ахъ, скажите, пожалуйста,—онъ шадилъ женщинъ! А кто толкнулъ меня въ грудь кулакомъ, когда этотъ наглый оборванецъ началъ меня обшаривать, и я искала у васъ помощи и защиты?

— Я васъ не толкалъ, сударыня!—возразилъ Павелъ Львовичъ, весь покрываясь красными пятнами.—Вамъ, вѣроятно, это со страху показалось.

— Нѣтъ, вы, вы, вы толкнули! Я думаю, у меня даже синякъ остался отъ вашего кулака! Защитникъ женщинъ!.. Рыцарь печальнаго образа! Ха-ха-ха!..

— На ваши дерзости, сударыня, я могъ бы, въ свою оче-

редь, отвѣтить, но, принимая во вниманіе, что вы истеричная женщина...

— Ну, а вы, однако, того, милостивый государь, поосторожнѣе!—строго остановить его профессоръ.—Не забывайтесь, пожалуйста, вы вѣдь не въ Одессѣ и не въ торговой конторѣ Михеля и компаніи!

— При чемъ тутъ торговый домъ Михеля и компаніи? Если вы, профессоръ, намекаете этимъ, что я тамъ служу, такъ позвольте вамъ сказать, профессоръ, что гораздо лучше быть служащимъ въ торговомъ домѣ Михеля, чѣмъ находиться подъ башмакомъ своей жены...

Профессоръ оторопѣлъ и не нашелся сразу возразить. Онъ никогда не думалъ, что находится подъ башмакомъ своей жены, и эта мысль поразила его своей неожиданно-стью. Профессорша залилась злымъ смѣхомъ.

— Слышите? Слышите? Это рыцарь! Это благородный, храбрый защитникъ женщины! Передъ какимъ-то оборванцемъ дрожалъ, какъ листъ, а беззащитную женщину нахально оскорбляетъ! Очень мило! Впрочемъ, чего же и ожидать отъ приказчика какой-то жидовской лавки! Михель и компанія! Ой-вей-миръ!.. Да вы и сами-то не жидъ ли? Оно похоже! Всѣ жида—трусы и нахалы.

— Хотя я и не трусъ, и не нахаль,—весь дрожа и задыхаясь, сказалъ Павелъ Львовичъ,—хотя я и не жидъ и постоянно ношу крестъ на шеѣ, но скажу вамъ откровенно, сударыня, что всякая одесская торговка на базарѣ ведетъ себя гораздо приличнѣе васъ...

— Послушайте, эй вы, Михель и компанія!—крикнулъ профессоръ.

— Жидъ! Нахаль!

— Торговка!..

— Послушайте, если вы еще скажете слово, я васъ сброшу съ линейки...

XX.

— Боже мой, Боже мой!—прошептала Аглая Петровна.—Серия, куда мы попали? Какіе дикіе люди... Какое общество!

Профессорша быстро оглянулась и, вся дергаясь мелкими судорогами, обрушилась на Аглаю Петровну.

— Что такое? Какое общество? Кто дикіе люди? Ахъ, скажите, пожалуйста, какая аристократія! Если вашъ мужъ генераль, то вѣдь и мой черезъ годъ будетъ полнымъ генераломъ! Не велика важность бумаги подписывать, а вотъ

вы попробуйте цѣлую книгу написать! А мой мужъ написалъ... Его вся Россія знаетъ! Мы вездѣ приняты! У насъ такіе люди бывають, какихъ вы и въ глаза не видали... Ха-ха!.. Моего общества всегда искали и добивались, милая Аглая Петровна, и никто кислыхъ гримасъ не строилъ! Напротивъ, считали за особенную честь и удовольствіе...

— Ну ужъ, не знаю, не знаю...— пробормотала Аглая Петровна, оглушенная этимъ бурнымъ потокомъ словъ.— Можетъ быть, и правда, но, во всякомъ случаѣ, у насъ на пріемахъ никто не канканируетъ и не поетъ неприличныхъ романсовъ...

— Ахъ, вотъ что!.. Ха-ха-ха!.. Вамъ не нравятся мои романсы? Какое цѣломудріе!.. А кто рассказывалъ въ дамской какутѣ на пароходѣ такіе миленькіе анекдоты, что у меня впотьмахъ уши отъ стыда горѣли?.. Вы это забыли, милая Аглая Петровна?

Носикъ Аглаи Петровны надулся отъ прилива слезъ.

— Боже мой, какая ужасная женщина! Сержъ, скоро ли мы пріѣдемъ? Я ни минуты не хочу оставаться въ этомъ обществѣ...

— Ахъ! а вы, можетъ быть, думаете, что я этого хочу?— язвительно возразила професорша.— Ошибаетесь, дорогая Аглая Петровна! Да я проклиная день своего рожденія, что согласилась съ вами ѣхать! Если бы не вы, насъ, навѣрное, не ограбили бы... Это все вашъ милый супругъ увѣрялъ, что нѣтъ никакой опасности... Законъ-законъ!.. Вотъ вамъ и показали законъ,—ха-ха-ха... Ужъ сидѣли бы лучше, да молчали, а то расхвастались...

Аглая Петровна зарыдала. Сергѣй Сергѣичъ уже привелъ себя въ порядокъ и, вернувъ вмѣстѣ съ костюмомъ чуть было не утраченный олимпійскій видъ, величественно молчалъ. Но въ глубинѣ души у него что-то ныло и сосало... грызали непріятныя воспоминанія о пережитомъ униженіи, которое стерло на минуту заповѣдную черту, отдѣляющую его отъ людей иного круга, и заставило ихъ позабыть, кто онъ и кто они... Въ ушахъ звучали злыя, насмѣшливыя слова „дождевой грибокъ!..“ И хотя онъ изо всѣхъ силъ старался сохранить величавое спокойствіе,—жена толстаго, самодовольнаго профессора возбуждала въ немъ такое острое чувство ненависти, что ему хотѣлось броситься на нее и бить, бить съ остервененіемъ, какъ пьяный мужикъ бьетъ свою бабъ...

И такъ они ѣхали вмѣстѣ, ненавидя и презирая другъ-друга, перебрасываясь злыми, оскорбительными словами, сбросивъ съ себя нарумяненные, улыбающіяся маски, подъ которыми скрывались ихъ мелкія души, мелкія страсти,

мелкая ложь красивой съ виду жизни. А кругомъ струился синій душистый сумракъ лѣса, величаво вздымались къ небесамъ серебряныя колонны задумчиваго бука въ перемежку съ бронзовыми гигантами-дубами, кудрявыми, веселыми каштанами, стройной дикой грушей, и радостный солнечный блескъ щедро поилъ ихъ тепломъ и свѣтомъ, и громко пѣла свои гордыя пѣсни бѣшеная рѣка, прыгая черезъ камни, кидая груды алмазовъ къ подножію лѣсныхъ великановъ, дыша холодомъ вѣчныхъ снѣговъ, родившихъ ее и питавшихъ... Но равнодушно смотрѣли маленькіе люди на царственную лѣсную красоту, и всѣ эти пестрыя, сверкающія краски слились для нихъ въ одно черное, отвратительное впечатлѣніе унижительнаго страха. Мутно мелькали передъ ними зеленые пейзажи, и въ каждомъ пятнѣ мерещился неподвижный силуэтъ съ кинжаломъ и револьверомъ въ рукахъ, а въ шумѣ рѣки чудились гортанные звуки чужой рѣки, грозные окрики, шепотъ и шорохъ подкрадывающихся шаговъ. И хотѣлось поскорѣе, поскорѣе убѣжать отъ предательской лѣсной жути, отъ страшныхъ и непонятныхъ голосовъ ревущаго потока.

XXI.

— Послушай, ты, бѣсъ или дьяволъ, или какъ тебя тамъ,—скоро, наконецъ, мы куда-нибудь прїѣдемъ?—крикнулъ профессоръ раздраженнымъ голосомъ.

Крикнулъ—и самъ испугался, какъ бы этотъ крикъ снова не вызвалъ черныхъ призраковъ изъ загадочной зеленой бездны.

Всѣ сразу перестали браниться и съ надеждой смотрѣли на полосатую спину Бэсо, испытывая тоскливое безпокойство и отъ лѣса, которому, казалось, не было конца, и отъ груды чемодановъ, мѣшавшихъ сидѣть удобно.

— Сейчасъ казачій постъ будетъ,—сказалъ Бэсо.

— Гдѣ? Далеко?

— Одна верста осталась.

— У васъ все одна верста! Ёдемъ-ёдемъ, и все одна верста... Махмутки!

— Ахъ, замолчи, пожалуйста, Миша!—остановила его профессорша.—Кто его знаетъ, что онъ тамъ думаетъ! Вынетъ вдругъ кинжалъ и всѣхъ насъ перерѣжетъ. Я теперь никому не вѣрю, никому не вѣрю!...

— То-то, матушка! А давно ли сама восхищалась? Ахъ, рыцари! Ахъ, такіе-сякіе... Воздушные поцѣлуи посылала...

— Ну, и отлично, ну, и посылала... Только бы скорѣе

прѣхать... Меня душить этотъ проклятый лѣсъ! Хоть бы одно человѣческое лицо увидѣть... Отвратительный Кавказъ! Тутъ всѣ какіе-то разбойники! И отчего ихъ не перевѣшаютъ?

— Ага! Теперь ужъ перевѣшать.. Вотъ что значитъ логика-то жизни! Всегда приводитъ къ правильнымъ выводамъ. А то—Брандъ, Брандъ, горы, бездны!.. Вотъ тебѣ и бездны!..

Профессорша больше не возражала. Она начала приходить въ себя и сгорала отъ стыда и досады, что ее видѣли безъ всякихъ прикрасъ, въ безстыдной обнаженности души и сердца. И другіе также пробуждались отъ тяжелаго, мрачнаго кошмара, полного безобразныхъ и безумныхъ видѣній. Потихоньку озирались и прихорашивались, старались принять свой обычный видъ вполне порядочныхъ и благовоспитанныхъ людей, съ которыми ничего особеннаго не случилось, и втайнѣ желали только одного, чтобы никогда не было того, что было, а если и было, то чтобы всѣ поскорѣе объ этомъ забыли. Сергѣй Сергѣичъ, несмотря на страшно неудобное положеніе, притворялся, что любитъ картины природы; Аглая Петровна незамѣтно подкалывала распустившуюся прическу и думала о томъ, куда она положила пудру и одеколонъ, и какъ будетъ непріятно, если экспроприаторы ихъ унесли. Павелъ Львовичъ вдругъ замѣтилъ, что Сергѣй Сергѣичъ совершенно придавленъ чѣмъ-то огромнымъ сундукомъ, и воркующимъ голосомъ спросилъ:

— Сергѣй Сергѣичъ, позвольте, я уберу этотъ чемоданъ, онъ вамъ мѣшаетъ.

— Нѣтъ, ничего, пожалуйста, не беспокойтесь!—сдержанно отвѣчалъ Сергѣй Сергѣичъ.

Но Павелъ Львовичъ съ страшными усилиями стащилъ чемоданъ съ прежняго мѣста и самоотверженно взвалилъ его къ себѣ на колѣни. Сергѣю Сергѣичу сразу стало покойнѣе сидѣть, онъ съ наслажденіемъ вытянулъ онѣмѣвшую ногу и вдругъ почувствовалъ необычайный приливъ благожелательности и потребность на кого-нибудь ее излить.

— Профессоръ, скажите, вы не знаете, что это за дерево?

— Какое? А, вотъ это! Если не ошибаюсь, это платанъ.

— Платанъ? Да, дѣйствительно, теперь я припоминаю... Но какой чудный лѣсъ! Какое разнообразіе породъ! Говорятъ, бѣдна Россія, но вотъ эти лѣса... вѣдь это цѣлое богатство!

— Несомнѣнно. И какъ жаль, что эти богатства или совсѣмъ не эксплуатируются, или расхищаются самымъ хищническимъ образомъ. Я слышалъ, напримѣръ, что здѣсь, на

Кавказѣ, вырублены самыя цѣнныя породы, — красное дерево, пальма-самшитъ, — и все это вывезено въ Англію частнымъ образомъ.

— Да... что-то въ этомъ родѣ было. Но въ настоящее время, когда введено правильное лѣсоустройство, для охраны лѣсныхъ богатствъ приняты всѣ мѣры...

При словѣ „мѣры“ въ памяти профессора пронеслась яркая картина. Лѣсная дичь и глушь... пыльная, горячая дорога... дикія лица съ лихорадочно-сверкающими глазами... холодный блескъ кинжаловъ и револьверовъ... раскиданные чемоданы... и самъ Сергѣй Сергѣичъ съ поднятыми вверхъ руками, отвислой челюстью и застывшимъ ужасомъ въ мертвыхъ глазахъ... Но профессоръ поспѣшилъ отогнать отъ себя непріятное воспоминаніе, жуткой дрожью отзывавшееся во всемъ организмѣ.

Павель Львовичъ опять радостно поглядывалъ на всѣхъ изъ-за сундука, давившаго ему колѣни, и дѣлился своими мыслями съ Викторіей Адольфовной.

— Удивительно странное происшествіе, Викторія Адольфовна! Я бы ни за что не повѣрилъ, если бы мнѣ рассказывали. Хорошо, что я никогда не держу при себѣ много денегъ, — у меня, знаете ли, аккредитивъ...

Но Викторія Адольфовна молчала, тихонько всхлипывала и только изрѣдка шептала: „O, meine Mutter! O mien lieber Gott!“ Она никакъ не могла забыть, что Павелъ Львовичъ, который такъ сладко нашептывалъ ей о своемъ одиночествѣ и о блаженствѣ прильнуть къ родной груди, вдругъ оказался счастливымъ мужемъ и отцомъ, и это новое разочарованіе въ числѣ многихъ прежнихъ, это безконечно повторяющееся мужское вѣроломство раздирали на части ея чувствительное нѣмецкое сердце.

XXII.

Лѣсъ внезапно разступился, лошади взлетѣли на косогоръ, и волшебная, сіяющая картина развернулась впереди. Горная цѣпь гигантскимъ кольцомъ огибала широкую долину. Темныя волны зелени клубились по уступамъ, а надъ ними отчетливо и твердо вырѣзывались въ небѣ голые зубцы далекихъ вершинъ, позолоченныхъ солнцемъ. Сѣдиною вѣчныхъ снѣговъ были посыпаны онѣ, и серебряныя нити водопадовъ, точно слезы, сверкали въ ихъ черныхъ морщинахъ. Дорога извивалась по карнизу глубокой пропасти, у подножія сѣрой угрюмой скалы, изрытой ломомъ и динамитомъ. Сѣрыя и зеленыя ящерицы, испуганныя топотомъ копытъ,

юрко взбирались по каменистой стѣнѣ и прятались въ трещинахъ, поросшихъ чахлою, блѣдною травкой. А внизу, на самомъ днѣ, въ голубомъ облакѣ тумана синѣла надъ солнцемъ зеленая долина, исчерченная кукурузными полями, усыпанная бѣлыми хатами поселковъ, съ желтыми и коричневыми стадами, разсыпанными по изумруднымъ луговинамъ, съ узорчатой сѣтью проселочныхъ дорогъ и тропинокъ, по которымъ, какъ муравьи, ползали крошечные люди. Каменистое ложе бѣшеной рѣки пересѣкало долину; вода пѣнилась и бурлила, перескакивая черезъ камни, и было похоже, будто дѣлое стадо бѣлыхъ барашковъ слѣпо мчалось куда-то, убѣгая отъ погони.

— Вотъ казачій постъ,—объявилъ Бэсо, показывая куда-то внизъ.

Вадохъ облегченія пронесся на линейкѣ. Сказочная красота долины никого теперь не поражала и не восхищала, никто даже ее и не замѣтилъ. Радовались, что кончился лѣсной кошмаръ, и у всѣхъ было одно желаніе: скорѣе вернуться къ привычному строю жизни, гдѣ они были не слугами, а хозяевами, гдѣ все устроено такъ, чтобы имъ было удобно и пріятно жить. Это общее желаніе еще больше всѣхъ объединило и примирило.

— Что же, Сергѣй Сергѣичъ,—сказалъ профессоръ,—надо будетъ здѣсь остановиться и сдѣлать заявленіе властямъ. Дѣло вопиющее, нельзя же оставить такъ.

— Никоимъ образомъ!—воскликнулъ Сергѣй Сергѣичъ, и его сухое лицо оживилось.—Я сейчасъ же отправлю экстренную телеграмму въ министерство. Необходимо немедленно приступить къ розыску виновныхъ и поступить съ ними по всей строгости законовъ. Подобныя явленія не могутъ быть терпимы.

— Ахъ, Сержъ, непременно телеграфируй самому графу! Онъ будетъ пораженъ... онъ такъ къ намъ расположенъ! Это ужасно... я до сихъ поръ не могу придти въ себя. У меня что-то съ сердцемъ... Графъ знаетъ, какое у меня слабое сердце; его это взволнуетъ.

— Еще бы!—подхватила профессорша.—Я думаю, это всѣхъ взволнуетъ. Точно у насъ не двадцатый вѣкъ, а пугачевщина какая-то!

— Именно пугачевщина!—поддакнулъ Павелъ Львовичъ.—Что же это, помилуйте, скоро нельзя будетъ изъ дому выходить! Представьте себѣ, я человѣкъ дѣловой, у меня могутъ быть экстренныя порученія—и вдругъ меня останавливаютъ, оскорбляютъ, выворачиваютъ карманы... Въ какомъ положеніи мои довѣрители? У нихъ миллионныя дѣла—и

вдругъ задержка, убытокъ, разореніе торговли и промышленности...

— Ну, разумѣется!—согласился профессоръ.—Торговля и промышленность это—главные двигатели прогресса. Остановите ихъ—и все остановится.

— Недопустимо! Недопустимо!—твердо вымолвилъ Сергѣй Сергѣичъ.

— Именно недопустимо, Сергѣй Сергѣичъ! Правительство должно стоять, такъ сказать, на стражѣ... Я признаюсь, Сергѣй Сергѣичъ, прежде возмущался военно-полевыми судами, но послѣ этого... сочувствую! Вполнѣ сочувствую!

— Конечно!—воскликнула профессорша.—Всѣхъ, всѣхъ надо перевѣшать!...

— Послушай, любезный!—обратился Сергѣй Сергѣичъ къ Бэсо.—Ты не знаешь, тамъ, на томъ казачьемъ посту, есть телеграфъ?

Но Бэсо, который прежде такъ весело скалилъ на господъ свои бѣлые зубы и такъ охотно отвѣчалъ на ихъ шутки и вопросы, сдѣлался вдругъ угрюмымъ, необщительнымъ и на вопросъ Сергѣя Сергѣича даже не обернулся.

— Не знаемъ!—сказалъ онъ, пожимая плечами.—Приѣдешь, самъ увидишь, а мы почему знаемъ, какой телеграфъ?

Сергѣй Сергѣичъ о чемъ-то озабоченно думалъ.

— А знаете, профессоръ,—шепнулъ онъ, перегнувшись къ профессору и хмуро улыбаясь.—Вотъ я говорю, что надо телеграфировать, а вѣдь смѣшно сказать, у меня ни копѣйки денегъ! Положеніе!...

— Не беспокойтесь, Сергѣй Сергѣичъ,—также шепотомъ отвѣчалъ профессоръ, хитро подмигивая.—Я-таки надулъ господъ экспроприаторовъ и, любезно предоставивъ въ ихъ распоряженіе свои бока, печаянно позабылъ повернуться къ нимъ спиной. А тамъ у меня подъ фуфайкой зашито 100 рублей.

— Неужели? Ха-ха-ха... Это забавно.

— Невѣроятно, но фактъ. Маленькая дипломатическая хитрость: лучше добровольно отдать немного, чѣмъ потерять все... ха-ха-ха!

Оба смѣялись. И оба были очень довольны, что удалось надуть экспроприаторовъ.

— Ну, гдѣ же это, наконецъ, казачій постъ?—нетерпѣливо спросила профессорша.

— Вотъ онъ!—отрывисто буркнулъ Бэсо и завернулъ лошадей на проселокъ, круто спускавшійся въ долину.

На небольшомъ пригоркѣ, среди жалкихъ огородовъ, гдѣ росли подсолнухи, кукуруза и мальвы, было разбросано нѣсколько хатъ. Въ одной изъ нихъ, должно быть, была

лавка, и на дверяхъ висѣли связки бубликовъ, гирлянды краснаго перца и половинка бараньей тушки; у другой стояли сѣдланныя лошади съ хрептугами на мордахъ, и на высокомъ крылечкѣ торчали двѣ казацкія мохнатыя папахи съ краснымъ верхомъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали загорѣлыя бородатыя и усатыя лица кубанцевъ.

— Казаки! Казаки!—закричала профессорша съ такимъ восторгомъ, съ какимъ, вѣроятно, спутники Христофора Колумба кричали: „земля, земля!“—Какія милыя, простыя лица, и какъ пріятно на нихъ смотрѣть послѣ этихъ свирѣпыхъ разбойничьихъ рожи!

В. І. Дмитріева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Та вже весна, та вже красна,
Из стріх вода капе...
Та вже тобі, чумаченько,
Мандрівкою пахне...

(малор. пѣсня).

Стаялъ мутными ручьями и сбѣжалъ весенній снѣгъ...
Въ деревняхъ стучать капѣли, звонко падая со стрѣхъ.
На гребняхъ нависшихъ низко, почернѣвшихъ влажныхъ
крышъ

Отъ растаявшаго снѣга потемнѣлъ уже камышъ.
Отъ колесъ блестятъ подъ солнцемъ углубленные слѣды,
Въ каждой лужѣ блѣстки свѣта, въ каждой капелькѣ воды;
И внизу, въ колодцѣ темномъ, голубѣютъ небеса,
Журавель скрипитъ, качаясь, и смѣются голоса...
Мартъ зоветъ и сердце манитъ съ каждымъ новымъ днемъ
сильнѣй—

Дальше, дальше—въ глубь широкихъ и чернѣющихъ полей...
И, какъ зовъ, надъ грудью темной воскресающей земли
Пренеслись уже отъ юга длинной цѣпью журавли...

Въ эти дни нельзя остаться и нельзя уйти отъ грезъ.

Вотъ въ такіе дни мой праѣдъ ладилъ свой скрипящій
возъ

И, подъ мирный звонъ мазницы, подъ лѣливый ходъ воловъ
Къ новымъ далямъ шель, свободный, къ гранямъ новыхъ
береговъ...

Пусть все дальше становился хуторовъ родимыхъ дымъ,—
Все желаннѣй съ каждымъ шагомъ былъ чужой, далекій
Крымъ,

И росла, навстрѣчу звѣздамъ, въ сердцѣ свѣтлая мечта,—
Вся душа была волшебнымъ, яркимъ свѣтомъ залита...

Мысли ширились свободно. Каждый день былъ новымъ
днемъ,

Каждый путь—ведущимъ къ тайнѣ зачарованнымъ путемъ.
Праѣдъ мой, чумакъ, зналъ правду... Я смогу-ль ее найти?
Все забыть, отдавшись зову, улыбнуться и уйти...

Ада Чумаченко.

Чудодѣйственный бальзамъ Топо-Банге.

Романъ. Г. Д. Уэльса.

Переводъ съ англійскаго А. В. Каменскаго.

VI.

Во всякомъ случаѣ, цѣлой эпохой въ карьерѣ моего дяди было для меня извѣстіе, что онъ „купилъ“ Леди-Гровъ. Этотъ неожиданный шагъ сильно поразилъ меня своимъ масштабомъ; переходъ послѣ такой движимой собственности, какъ брилліанты, автомобили и проч., къ обширнымъ земельнымъ владѣніямъ могъ хоть кого удивить. Вся сдѣлка имѣла Наполеоновскій характеръ; онъ узналъ, что помѣстье продается, и сразу „цапнулъ“, безъ всякихъ предварительныхъ справокъ и розысковъ. Послѣ окончанія ея онъ пріѣхалъ домой и сообщилъ намъ, что сдѣлалъ. Даже тетка Сусанна сначала была замѣтно подавлена такимъ подвигомъ; потомъ, не безъ нѣкотораго смятенія, мы поѣхали съ нимъ осматривать домъ. Я помню, какъ мы стояли втроемъ на обращенной къ западу террасѣ и смотрѣли на длинный рядъ оконъ, съ отражавшимся въ нихъ небомъ, и я вновь испытываю охватившее меня тогда чувство неловкости, какъ будто мы куда-то вторглись безъ всякаго права.

Леди-Гровъ, съ его чуднымъ домомъ,—преlestное тихое имѣніе, вѣковой покой котораго былъ окончательно нарушенъ трубою автомобиля. Старая католическая фамилія постепенно вымирала здѣсь, въ теченіе столѣтій, и теперь окончательно вымерла. Часть постройки еще тринадцатаго столѣтія, а послѣднія архитектурныя добавленія—временъ Тюдоровъ; внутри преобладаетъ мрачный характеръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ жилыхъ комнатъ и грандіознаго зала съ его высокими окнами и дубовою галлереей. Терраса—самая красивая его часть; это просторная широкая лужайка, окруженная низкою каменною стѣной; въ одномъ

изъ угловъ ея стоитъ громадный кедръ, изъ-подъ прямыхъ вѣтвей котораго открывается видъ въ голубую даль. Терраса расположена очень высоко; на югъ обращены верхушки разныхъ деревьевъ и канадской сосны, а къ западу по крутому склону тянется буковая роща, чрезъ которую проходить дорога. Повернувшись назадъ, вы видите предъ собою сѣрый, обросшій мхомъ фасадъ стараго дома, съ его красивымъ крыльцомъ подъ готической аркой. Онъ былъ освѣщенъ теплымъ послѣполуденнымъ свѣтомъ, по которому кое-гдѣ виднѣлись яркія пятна цвѣтовъ старыхъ розъ. Мнѣ казалось, что единственнымъ возможнымъ современнымъ владѣльцемъ такого дома могъ быть только ученаго вида человѣкъ, съ бородою, въ длинномъ сюртукѣ, съ мягкимъ голосомъ и бѣлыми нѣжными руками или, облеченная въ падающее мягкими складками платье, сѣдая, величавая дама. И, вмѣсто того, я видѣлъ предъ собою дядю, въ котиковыхъ перчаткахъ, держащаго въ рукѣ автомобильные консервы, которые онъ протиралъ носовымъ платкомъ, въ то же время спрашивалъ мнѣніе моей тетки о Леди-Гровъ, какъ „подходящей штучкѣ“.

— Человѣкъ, выстроившій это,—замѣтилъ я,—носилъ латы и былъ опоясанъ мечомъ.

— Да, часть оружія до сихъ поръ сохранилась внутри,—сказалъ мой дядя.

Мы вошли въ домъ. Имъ завѣдывала старуха съ замѣчательно бѣлыми волосами, которая относилась съ большимъ подобострастіемъ къ новому владѣльцу. Онъ, очевидно, казался ей какимъ-то непонятнымъ, страшнымъ явленіемъ, и она замѣтно его боялась. Мы остановились передъ рядомъ портретовъ вымершей расы, одинъ изъ нихъ былъ работы Гольбейна,—и стали вглядываться въ нихъ. Они также смотрѣли на насъ. Они точно говорили, что, какъ бы то ни было, онъ не купилъ ихъ и не можетъ ихъ замѣстить; они знали это какимъ-то таинственнымъ путемъ и потому смотрѣли на него съ улыбкой...

Это мѣсто было проникнуто духомъ, родственнымъ Блед-соверу, но съ примѣсью чего-то болѣе стараго и отдаленнаго. Сохранившееся здѣсь рыцарское вооруженіе, должно быть, видѣло не только турниры, но и поля битвъ, и представители этого рода, навѣрное, были участниками самыхъ романтическихъ походовъ въ Палестинѣ. И отъ всѣхъ этихъ подвиговъ, гордости, богатствъ и славы ничего не осталось, кромѣ этихъ портретовъ, съ ихъ загадочною, торжествующею улыбкою. Все это исчезло до смерти ихъ послѣдняго представителя Дѳргана, уже въ старости наполнившаго домъ коврами, подушками и мебелью для больныхъ раннего

Викторіанскаго типа, которая показалаеь намъ еще болѣе отжившею, чѣмъ крестовые походы... Да, это не совсѣмъ было похоже на Бледсоверъ.

— Затхлый воздухъ, Джорджъ,—сказалъ мой дядя,—понятія не имѣли о вентиляціи, когда строился домъ.

Одна изъ обшитыхъ дубовою панелью комнатъ, съ множествомъ шкафовъ, почти на половину была занята громадною старинною кроватью съ балдахинномъ. Вѣроятно, „комната привидѣній“,—сказалъ дядя; но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы такая древняя, вымиравшая въ уединеніи фамилія, какъ Дѳрганы, могла заниматься пуганіемъ народа. Кому изъ живыхъ было какое дѣло до ихъ чести, до ихъ добрыхъ или злыхъ поступковъ? Привидѣнія и колдовство были позднѣйшимъ нововведеніемъ, мода на нихъ пришла изъ Шотландіи, вмѣстѣ съ Стюартами...

Послѣ того, бродя между могилами, въ поискахъ эпиграфій, на небольшомъ кладбищѣ около Дѳффилдской церкви, мы увидѣли мраморнаго крестоносца съ отбитымъ носомъ, лежащаго подъ разрушеннымъ каменнымъ балдахинномъ, заросшимъ крапивою.

— Вотъ находка!—воскликнулъ дядя.—И намъ этого не миновать, Сусанна. Я его почищу и обнесу рѣшеткой, чтобы дѣти не баловались.

— Старики находятъ спасеніе въ послѣднюю минуту,—сказала тетка, цитируя одну изъ менѣе удачныхъ рекламъ Тонно-Бэнге.

Но, кажется, дядя не разслышалъ ея. Около этого самаго крестоносца насъ нашелъ викарій. Тяжело дыша, онъ быстро приблизился къ намъ изъ-за угла. У него былъ такой видъ, какъ будто онъ гнался за нами, когда труба автомобиля дала знать деревнѣ о нашемъ появленіи. Онъ, очевидно, былъ изъ старыхъ студентовъ Оксфорда,—гладко выбритый, съ мертвенно блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ умѣренно почтительной манерой, съ культурной интонаціей голоса, при общемъ обликѣ воплощеннаго приспособленія къ существующему порядку вещей. Эти люди изъ Оксфорда занимаютъ въ нашей плутократической имперіи мѣсто грековъ въ древнемъ Римѣ. Онъ былъ тори, по духу, но тори, приспособляющіеся къ обстоятельствамъ; онъ отказался отъ строгаго легитимизма и примирялся съ новыми замѣстителями лордовъ. Онъ зналъ, что мы торгуемъ пилюлями и, безъ сомнѣнія, совсѣмъ вульгарные люди; но на нашемъ мѣстѣ могъ быть какой-нибудь Индѣйскій раджа со множествомъ женъ (что потребовало бы большаго такта съ его стороны), или какой-нибудь еврей, съ унаслѣдованнымъ презрѣніемъ къ попамъ. Все же мы были англичане, не диссентеры или социалисты,

и онъ готовъ былъ сдѣлать все возможное съ своей стороны, чтобы передѣлать насъ въ джентльменовъ. Можетъбыть, по нѣкоторымъ соображеніямъ, онъ предпочелъ бы американцевъ; среди нихъ не такъ замѣтна пересадка изъ одного общественнаго слоя въ другой, и ихъ скорѣе можно было бы обучить; но въ этомъ мѣрѣ выборъ не всегда отъ насъ зависить. Онъ былъ очень обходителенъ и любезенъ, показали намъ церковь, рассказывалъ о нашихъ сосѣдяхъ въ окрестностяхъ: банкиръ Токсъ, владѣльцѣ разныхъ газетъ и журналовъ, лордъ Бумъ, извѣстномъ спортсменѣ, лордъ Карнаби и старой леди Осирей. Въ заключеніе всего, онъ повелъ насъ черезъ деревенскій переулочекъ (здѣсь автомобильный костюмъ моего дяди сильно напугалъ трехъ встрѣтившихся намъ ребятъ) и скромный садъ, въ запущенный пасторскій домъ, гдѣ, посреди увядшей Викторианскаго стиля мебели, находилась его увядшая супруга. Она угощала насъ чаемъ и познакомила съ разными членами своего многочисленнаго семейства, раскиданнаго на плетеныхъ садовыхъ стульяхъ, по окраинѣ лужайки для *лаунъ-тенниса*.

Эти люди заинтересовали меня, какъ нѣчто для меня новое, хотя и принадлежали къ обычному типу. Тутъ было два взрослыхъ сына, передъ тѣмъ игравшихъ въ *лаунъ-теннисъ*,—высокіе худые юноши, съ красными ушами и пробиравшимися черными усами, облеченные въ неряшливые жакеты. Потомъ—множество недокормленнаго вида дочерей въ скромныхъ, экономныхъ туалетахъ; меньшая изъ нихъ еще въ короткомъ платьѣ, съ длинными ногами въ коричневыхъ чулкахъ, а старшая (одна или двѣ еще скрылись)—съ золотымъ крестомъ на груди, въ видѣ украшенія. Мы замѣтили также трехъ собаченокъ *фоксъ-терьеровъ*, ублюдка сетера и стараго сенбернара съ налитыми кровью глазами, отъ котораго нехорошо пахло. Кромѣ того, присутствовала еще какая-то странная, все время молчаливая, дама, которую потомъ моя тетка опредѣлила, какъ глухую, *платную* гостью. Были еще два или три лица, скрывшіяся при нашемъ появленіи и оставившія недопитыя чашки. Между стульями лежали ковры и подушки.

Викарій представилъ насъ довольно поверхностно, и увядшая жена, бросивъ на мою тетку взглядъ, гдѣ что-то презрительное смѣшивалось съ большою почтительностью, завела разговоръ о разныхъ жившихъ по сосѣдству лицахъ, о которыхъ моя тетка не имѣла никакого понятія. Последняя слушала эти мѣстные подробности съ самымъ веселымъ видомъ, попеременно посматривая на тощія лица дочерей и за крестъ, служившій украшеніемъ старшей изъ нихъ. Добродушная манера тетки видимо произвела на жену

викарія хороше впечатлѣніе, и она сдѣлалась совсѣмъ снисходительна и ласкова, давая понять, что можетъ значительно облегчить для нея вступленіе въ кругъ нашихъ знатныхъ сосѣдей, несмотря на раздѣляющую насъ соціальную пропасть.

До меня долетали только такіе отрывки разговора:

— М-рисъ Меридю принесла ему много денегъ. Ея отецъ, кажется, торговалъ испанскими винами... но она совсѣмъ *леди*. Потомъ онъ какъ то упалъ съ лошади и повредилъ черепъ; увлекся затѣмъ рыболовствомъ и сельскимъ хозяйствомъ. Они, навѣрное, вамъ понравятся. Онъ презанимательный... У дочери вышла непріятность, потомъ она уѣхала миссіонеромъ въ Китай и попала въ избіеніе...

— Вы не повѣрите, какіе удивительные шелка и другія вещи она привезла оттуда!

— Да,—они все это надарили ей, чтобы умиловить. Они, видите-ли, не понимаютъ разницы и думали, что христіане ихъ также будутъ избивать...

— У нихъ въ семьѣ семь епископовъ. Вышла за паписта, и погибла для нихъ.

— Онъ провалился на какомъ-то ужасномъ экзаменѣ и долженъ былъ поступить въ милицію.

— Ему пришлось вставить серебряную трубку въ горло, и когда онъ говоритъ, то придерживаетъ ее пальцемъ. Это придаетъ ему такой интересный видъ. Вы какъ-то чувствуете, что въ немъ все искренно. Удивительно пріятный человѣкъ.

Молчавшая дама осталась совершенно равнодушной къ ужасающимъ темамъ этого разговора и сосредоточила все свое вниманіе на туалетѣ моей тетки, видимо производившемъ на нее сильное впечатлѣніе, особенно, когда та разстегнула свое пальто. Дядя угощалъ всѣхъ своими сигарами; оба они отказались,—полагаю, по застѣнчивости,—но викарій изъ приличія взялъ. Я замѣтилъ, что эти молодые люди лежали другъ друга ногами, когда мы на нихъ не смотрѣли.

Должно быть, подъ вліяніемъ дядиной сигары, умъ викарія вознесся надъ узкою сферою мѣстныхъ интересовъ.

— Этотъ социализмъ,—сказалъ онъ,—повидимому, дѣлаетъ большіе успѣхи.

— Мы слишкомъ большіе индивидуалисты для этой глупости,—отвѣчалъ дядя, покачавъ головою.—У насъ каждый знаетъ свои дѣла и не долженъ соваться въ чужія.

— Я слышалъ,—продолжалъ викарій,—что среди ихъ есть очень умные люди: писатели и т. д. Также одинъ выдающійся драматургъ... Моя старшая дочь называла мнѣ его имя, но я позабылъ. Милли, дорогая!.. Да, ея нѣтъ. Есть также художники. Мнѣ кажется, что этотъ социализмъ — одно изъ явленій нашего Тревожнаго Вѣка... Но, какъ вы говорите,

духъ народа противъ него. Во всякомъ случаѣ, въ сельскихъ округахъ. Въ здѣшнемъ народѣ слишкомъ много независимости для этого и здраваго смысла, вообще.

— Для Доффильда большое преимущество,--продолжалъ онъ,--что Леди Гровъ не будетъ болѣе безъ хозяина. Здѣшній народъ всегда былъ связанъ съ этимъ домомъ, и, принимая все въ расчетъ, старый м-ръ Дѳрганъ дѣлалъ много добра.

— Я намѣренъ исполнить свою обязанность по отношенію къ приходу,--сказалъ мой дядя.

— Искренно радъ слышать это. Намъ недоставало вліянія владѣльца. Въ англійской деревнѣ нарушается ея цѣльность. Народъ остается безъ руководства. Жизнь дѣлается скучной. Молодежь уходитъ въ Лондонъ.

Онъ нѣсколько времени съ наслажденіемъ курилъ свою сигару.

— Мы будемъ рассчитывать на васъ, чтобы оживить все это,--закончилъ онъ, въ своемъ невѣдѣніи.

Мой дядя передвинулъ свою сигару и потомъ вынулъ ее изъ рта.

— Что, по вашему мнѣнію, тутъ требуется?--спросилъ онъ и продолжалъ, не дожидаясь отвѣта. — Пока вы говорили, я обдумывалъ, что тутъ можно сдѣлать. Крокетъ, на-примѣръ, — хорошая старинная Англійская игра—разный спортъ. Можно построить для парней павильонъ. Потомъ въ каждомъ селеніи должна быть маленькая галерея для упражненія въ стрѣльбѣ.

— Да-да,--произнесъ съ запинкой викарій.—Только бы не было постоянной трескотни.

— Это можно все устроить,--сказалъ дядя. — Эта штука будетъ въ родѣ длиннаго навѣса. Выкрасить красной краской. Британскій цвѣтъ. Уніонъ-Джэкъ (Англійскій флагъ) для церкви и деревенской школы. Да, пожалуй, и ее выкрасить въ красный цвѣтъ. Здѣсь недостаточно красокъ. Слишкомъ сѣро. Потомъ, мачта на первое мая (May Pole) для состязанія на призы.

— Ужъ не знаю, насколько войдетъ во все это нашъ народъ,--началъ викарій.

— Я стою за возрожденіе стариннаго англійскаго духа,--сказалъ мой дядя.—Деревенскіе праздники. Танцы молодежи на лугу. Ярмарка. Веселое Рождество, и все прочее.

— Подойдетъ-ли старая Салли Глю къ роли Майской Королевы?--спросилъ одинъ изъ сыновей во время паузы.

— Или Анни Гласбондъ?--спросилъ другой съ хохотомъ.

— Салли Глю восемьдесятъ пять лѣтъ,--объяснялъ викарій,--а Анни Гласбондъ—молодая дѣвица невѣроятныхъ раз-

мѣровъ. И у нея не совсѣмъ ладно здѣсь,—добавилъ онъ, постукивая себя по лбу.

— Дѣйствительно, благородныхъ размѣровъ!—повторялъ старшій сынъ, продолжая смѣяться.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ викарій,—что большая часть здѣшнихъ молодыхъ дѣвушекъ поживѣе уходятъ на мѣста въ Лондонъ. Ихъ привлекаетъ туда болѣе шумная жизнь. Ну, да и вышій заработокъ. Также наряды и большая свобода. Такъ что здѣсь, пожалуй, не легко будетъ найти Майскую Королеву—молодую и красивую..

— Нужно привлечь ихъ назадъ,—сказалъ мой дядя.—Вотъ мое мнѣнiе. Англійская сельская жизнь еще не умерла; все равно какъ и церковь,—вы извините меня. Все равно, какъ Окфордъ или Кембриджъ и другія славныя остатки старины. Требуется только приложить капиталъ, новыя идеи и новые методы. Узкоколейныя желѣзныя дороги, на примѣръ, научное примѣненiе дренажа. Проволочныя изгороди, машины и все прочее.

На моментъ лицо викарія приняло мрачное выраженiе. Можетъ быть, онъ вспомнилъ о своихъ прогулкахъ между зелеными цвѣтущими изгородами.

— Сколько еще можно сдѣлать,—добавилъ мой дядя,—примѣнивъ современные методы къ деревенскому варенью и пикюлямъ мѣстнаго производства.

Послѣдняя его фраза еще звучала въ моей головѣ, когда мы проѣзжали по извилистой деревенской улицѣ и потомъ между зелеными полями, на обратномъ пути въ Лондонъ. Можетъ быть, я поэтому и настроился нѣсколько сентиментально. Встрѣчавшіеся по пути, покрытые вьющимися растеніями, бѣлые домики казались мнѣ самыми покойными, идиллическими жилищами на свѣтѣ. На одномъ или двухъ еще уцѣлѣли старинныя соломенныя крыши, въ садикахъ было множество всякихъ цвѣтовъ... Я замѣтилъ гдѣ то рядъ соломенныхъ ульевъ, уже давно вышедшихъ изъ употребленія, а на лужайкѣ у докторскаго дома двухъ пасшихся овецъ, которыхъ онъ, вѣроятно, получилъ въ уплату по счету. Намъ встрѣтился старикъ и двѣ старухи, которые привѣтствовали насъ съ униженнымъ видомъ вассаловъ, и мой дядя величественно махнулъ имъ своей автомобильной перчаткой.

— Въ Англiи еще много такихъ уголковъ,—сказалъ онъ, наклонившись съ передняго сидѣнья автомобиля и бросая взглядъ назадъ, черезъ свои темныя консервы, на башенки Леди Гровъ, еще виднѣвшіяся между деревьями.—Недурно будетъ повѣсить флагъ,—соображалъ дядя,—будутъ знать, когда я дома. Это должно понравиться поселянамъ...

Тетка, все время хранившая необычное молчаніе, вдругъ заговорила.

— Вотъ онъ „цапнулъ“ это мѣсто,—сказала она.—А каково мнѣ съ этимъ новымъ хозяйствомъ! Плыветъ себѣ по деревнѣ и важничаетъ, какъ старый индюкъ. А кто будетъ возиться съ буфетчикомъ? Я! Кто долженъ бросить все, что зналъ, и начинать все сызнова? Я! Кому предстоитъ пуститься въ новый походъ изъ Чизльгерста и разыгрывать важную леди? Мнѣ!.. Старый ты сумасбродъ! Только что я стала привыкать и почувствовала себя дома.

Дядя повернулъ къ ней свое лицо съ большими консервами.

— Ничего, Сусанна,—это уже будетъ настоящій домъ... Разъ мы сюда попали.

Теперь мнѣ кажется, что отъ покупки Леди Гровъ до начала Крестъ-Гилля, когда первый уже оказался недостаточно удобнымъ и обширнымъ, какъ помѣщеніе для великаго финансиста, оставался только одинъ шагъ. За этотъ періодъ я все болѣе и болѣе удалялся отъ нашихъ дѣлъ и міра Лондона, и видѣлъ его только урывками. Иногда мнѣ случалось проводить подъ рядъ двѣ недѣли за работой въ моемъ маленькомъ павильонѣ, повыше Леди Гровъ; и даже когда я бывалъ въ городѣ то на собраніи Общества Аэронавтовъ или какого другого ученаго общества, или для какихънибудь справокъ. Для моего дяди—это былъ періодъ изумительнаго расширенія въ его карьерѣ. Съ каждымъ новымъ свиданіемъ, я видѣлъ, какъ росла его самоувѣренность, какъ расширялась сфера его вліянія, и какимъ онъ становился крупнымъ факторомъ въ большихъ дѣлахъ. Скоро послѣ того онъ уже перешелъ за предѣлы дѣловаго міра и обратилъ на себя вниманіе высшихъ сферъ.

Я сталъ привыкать къ встрѣчавшимся о немъ извѣстіямъ въ моей вечерней газетѣ, и не разъ видѣлъ его портреты въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Обыкновенно эти извѣстія касались какогонибудь щедраго пожертвованія, исключительно крупной покупки, или слуховъ о новой финансовой организаціи. Какъ, вѣроятно, вы знаете, онъ купилъ и тѣмъ спасъ для страны знаменитую картину Рейнольдса Порбюри. Иногда въ газетѣ передавался интервью съ нимъ, или онъ читалъ въ какомънибудь собраніи о „Тайнѣ успѣха“, или чтонибудь другое въ этомъ родѣ. Иногда дѣло касалось его удивительной способности къ труду, его быстрыхъ рѣшеній, его удивительнаго распознаванія людей. Его знаменитое изреченіе: „Восьми-часовой рабочей день,—мнѣ нужно восемьдесятъ часовъ“,—сдѣлалось повсюду извѣстно.

Онъ постепенно становился достояніемъ „публики“. Его

кариатура появилась въ „Базаръ Суеты“. На одной изъ Академическихъ выставокъ портретъ моей тетки (и какой изящной дамой она была на немъ представлена) висѣлъ противъ изображенія самого короля; а на слѣдующій годъ, въ Новой галлерей, былъ выставленъ медальонъ моего дяди, работы Юарта, взиравшаго съ гордымъ видомъ на весь міръ, но въ общемъ страдавшій излишней выпуклостью.

Я только урывками принималъ участіе въ его свѣтской жизни. Меня, конечно, знали, и многіе старались воспользоваться мною, чтобы подобраться къ дядѣ; ходила даже легенда, благодаря, вѣроятно, моей возраставшей извѣстности въ ученой средѣ, что я принималъ большее участіе, чѣмъ это было въ дѣйствительности, въ организации разныхъ его операций. Это повело къ тому, что я былъ раза два приглашенъ на весьма интимныя обѣды, а также въ загородные дома, кромѣ того были предложенія новыхъ знакомствъ и разныхъ другихъ услугъ, отъ которыхъ я большею частью отказывался. Въ числѣ заискивавшихъ во мнѣ людей былъ и Арчи Гарвелъ, — теперь блестящій, запутавшійся въ долгахъ офицеръ, безъ какихъ либо особыхъ отличій, который былъ готовъ развить во мнѣ спортсменскіе инстинкты и виду не показывалъ, что мы когда то съ нимъ сталкивались. Онъ всегда былъ готовъ рекомендовать мнѣ подходящихъ фаворитовъ на скачкахъ, въ обмѣнъ, нужно полагать, на болѣе цѣнныя указанія относительно нашихъ научныхъ методовъ извлекать деньги изъ ничего...

Несмотря на поглощавшіе меня опыты, мнѣ все же пришлось, за эти знаменательные годы, посмотрѣть и на большой свѣтъ. Я близко видѣлъ тотъ механизмъ, при помощи котораго вертится наша изумительная имперія. Я встрѣчался и обмѣнивался мнѣніями съ епископами, государственными людьми, политическими и неполитическими дамами, съ докторами, военными, художниками, литераторами, съ редакторами большихъ газетъ, филантропами и разнаго сорта выдающимися людьми. Я видѣлъ государственныхъ людей безъ ихъ орденовъ, а епископовъ не въ облаченіи, вдыхавшихъ не ароматъ ладона, а дымъ сигары. Я могъ ихъ лучше разглядѣть, потому что они большею частью смотрѣли не на меня, а на моего дядю, все время сознательно и безсознательно рассчитывая, какъ лучше воспользоваться имъ и ассимилировать въ своей системѣ, — самой непредусмотрительной, неуловимой, торжествующей и безцѣльной плутократіи, когда либо обременявшей будущее людей. Ни одинъ изъ нихъ, сколько я могъ замѣтить, не возмущался, до наступленія постигшаго его краха, ни его ложью, ни его завѣдомо безчестными методами, ни

тѣми потрясеніями, которыя вносили въ ту или другую отрасль промышленности его безумныя операци. Я какъ будто сейчасъ вижу ихъ около него—вѣжливыхъ, наблюдающихъ, и его плотную, маленькую фигуру, всегда сосредоточивающую на себѣ общее вниманіе, съ щетинистыми волосами, тупымъ носомъ, выпяченной нижней губой, всю наэлектризованную самоувѣренностью. Проходя стороной около одного изъ этихъ внушительныхъ собраний, я иногда улавливаю шепотъ: „Это м-ръ Пондерво“?

— Маленькій человѣкъ?

— Да, маленький вертунъ въ пенснэ.

— Говорятъ, онъ нажилъ...

Иногда я вижу его на площадкѣ во время какого-нибудь торжества, рядомъ съ кричащею шляпкой моей тетки, посреди титулованныхъ особъ и великолѣпныхъ туалетовъ, „задирающимъ къверху носъ“ (какъ выразился бы онъ); вижу, какъ онъ подписываетъ крупную сумму на какое-нибудь извѣстное благотворительное учрежденіе, или произноситъ краткій, конвульсивный маленькій спичъ въ пользу какого-нибудь „добраго дѣла“ передъ высокопоставленной аудиторіей. „Ваше Высочество, милорды, леди и джентльмены“, начинаетъ онъ, посреди стихающихъ аплодисментовъ, поправляя неизбежное пенснэ и откидывая отвороты фрака, и произноситъ свою маленькую рѣчь, въ которой по временамъ прорывается знакомое з-з-з. Въ то время, какъ говоритъ, онъ беспокойно двигаетъ руками, засовываетъ одну изъ нихъ въ карманъ жилета, подымается на концы пальцевъ, потомъ опускается на пятки. Онъ продѣлываетъ такіе же жесты, какъ и въ тѣ времена, когда, стоя передъ пустымъ каминомъ въ маленькой, задрапированной кисеей, гостиной, онъ говорилъ моей матери о своихъ предположеніяхъ насчетъ моего будущаго.

Я вспоминаю тѣ долгіе жаркіе дни въ маленькой аптекѣ Уимблѣгѣрста, когда онъ среди своихъ фантазій говорилъ о романѣ современной торговли. Теперь его романъ, несомнѣнно, осуществился.

VIII.

Многіе говорятъ, что на вершинѣ своего успѣха мой дядя потерялъ голову. Но, по правдѣ (если позволительно такъ выразиться человѣку, въ извѣстной степени любившему его), — тутъ было нечего терять. Въ немъ всегда преобладало воображеніе, онъ постоянно перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому, въ немъ не было никакой по-

слѣдовательности, ему было чуждо всякое понятіе о точности, и свалившееся съ неба богатство только открыло просторъ для проявленія всѣхъ этихъ качествъ. Подъ конецъ своей карьеры онъ, дѣйствительно, бывалъ иногда до крайности раздражителенъ и не выносилъ противорѣчій, но я отношу это скорѣе къ постоянному его безпокойству отъ здраваго сознанія фактовъ, а не какому-нибудь проявленію умственного разстройства. Вообще, мнѣ такъ же трудно осуждать его, какъ и передать съ достаточною полнотою происходившую въ немъ перемѣну.

Я стоялъ слишкомъ близко къ нему, и у меня совершенно перепуталось множество впечатлѣній его постоянно мѣнявшихся настроеній. То его охватывала магія величія, то наступалъ упадокъ духа, то онъ былъ раздражителенъ, то проникался непонятною самоувѣренностью; но онъ всегда былъ порывистъ, энергиченъ, непосредственъ и, въ основаніи всего, какъ-то необъяснимо-нелѣпъ.

Въ моей памяти отчетливо сохранился (можетъ быть, благодаря тихой, привлекательной обстановкѣ мѣста) нашъ разговоръ на террасѣ маленькаго павильона, рядомъ съ моими навѣсами и сараями за Крестъ-Гиллемъ, въ которыхъ хранились мои аэропланы и *дирижабли*. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ послѣ своего кофе, чтобы посоветываться со мною по поводу *чаши*, которую въ одинъ изъ своихъ моментовъ щедрости и по настоятельнымъ просьбамъ какой-то графини, рѣшилъ пожертвовать въ одну изъ церквей Истъ-Энда. Также въ моментъ увлеченія я рекомендовалъ, какъ художника, Юарта. Послѣдній создалъ чудный эскизъ священнаго сосуда, украшенный гирляндой изъ фигуръ съ крыльями и простертыми руками, въ силу чего и взялъ авансъ въ пятьдесятъ фунтовъ. Но тутъ пошли непріятности. Чаша постепенно утрачивала свой реальный характеръ, какъ предметъ заказа, и становилась чѣмъ-то мистическимъ, неуловимымъ, въ родѣ священнаго сосуда Грааля; даже и рисунокъ скрылся изъ виду. Дядя началъ тревожиться.

— Слушай, Джорджъ, — сказалъ онъ, — они вѣдь скоро потребуютъ эту штуку.

— Какую штуку?

— Да эту чашу, чортъ возьми! Уже запрашивали. Это уже не коммерческое дѣло.

— Это дѣло искусства и религіи, — возразилъ я.

— Все такъ. Но выходитъ плохая реклама для насъ, Джорджъ: послѣ сдѣланнаго обѣщанія не доставить товара... Твоего пріятеля Юарта надо списать вмѣстѣ съ другими безнадежными долгами и обратиться къ солидной фирмѣ...

Мы сидѣли въ плетеныхъ креслахъ на верандѣ павильона,

курили, пили виски съ водой и, покончивъ вопросъ о чашѣ, задумались. Дядя успокоился. Была чудная лѣтняя ночь, смѣнившая собою жаркій день. Благодаря полной лунѣ, на горизонтѣ выдѣлялись волнистыя линіи удалявшихся холмовъ, вдали мелькали огоньки Летергеда и на первомъ планѣ сверкала, какъ полоса стали, платформа, съ которой я поднимался на моихъ *планерахъ*. Дѣло, кажется, было въ половинѣ іюня, и въ паркѣ, скрывавшемъ освѣщенные окна замка, щелкалъ и заливался трелями соловей...

— Вотъ мы и попали сюда, Джорджъ,—сказалъ мой дядя послѣ долгой паузы.—Развѣ я не говорилъ?

— Гдѣ! Когда?—спросилъ я.

— Въ этой дырѣ въ Тотенгамъ-Родъ, помнишь? Борьба напрямикъ, и теперь мы у цѣли!

Я кивнулъ головой.

— Помнишь, я тебѣ говорилъ... Тono-Бэнге? Хорошо... Я сегодня думалъ объ этомъ!

— Мнѣ также иногда приходило въ голову,—согласился я.

— Большой міръ вокругъ насъ, Джорджъ, и у каждого, кто умѣетъ схватить, есть свой шансъ. Карьера открыта—э? Тono-Бэнге. Подумай объ этомъ. Все въ этомъ мірѣ разрастается, и я радъ, что мы въ самомъ центрѣ... и забираемъ силу. Мы становимся большими людьми, Джорджъ. Все идетъ къ намъ въ руки. Э!

Онъ задумался, и по временамъ слышалось его з-з-з-з. Потомъ онъ совсѣмъ затихъ.

Кузнечикъ гдѣ-то въ травѣ подхватилъ его тему и затрещалъ, какъ будто и онъ принималъ участіе въ замыслахъ дяди.

— Ну ужъ и мѣстечко это было въ Уимблѣгѣрстѣ!—вдругъ заговорилъ онъ опять.—Если выдастся свободный день, махнемъ туда на автомобилѣ, Джорджъ, и переѣдемъ эту собаку, спящую посреди Гай-Стритъ. Тамъ всегда была собака... Я хотѣлъ бы взглянуть на старую лавочку. Вѣроятно, старый Рѣкъ все еще стоитъ у самой двери, да и этотъ дуракъ Марбель, съ его торчащими зубами, тоже по-прежнему выходитъ на улицу въ своемъ бѣломъ передникѣ, съ карандашемъ за ухомъ, дѣлая видъ, что не спитъ... Интересно, догадываются ли они, что это я? Я бы хотѣлъ, чтобы они знали.

— До нихъ, навѣрное, дошла Международная Чайная Компанія, да и разные люди не даютъ имъ покоя,—сказалъ я.—И эта собака врядъ ли спитъ теперь посреди улицы: дѣйствуютъ автомобильные рожки.

— Вездѣ все движется, — сказалъ дядя.—Ты правъ... Мы переживаемъ знаменательное время, Джорджъ. Время

небывалаго прогресса... Всемирной Имперіи. Вонъ это Палестинское дѣло—какая смѣлая мысль... Это цѣлый процессъ, Джорджъ. И вотъ мы, сидя тутъ... держимъ его въ рукахъ, Джорджъ. Вонъ тамъ они—цѣлые милліоны, Джорджъ. Подумай только, чѣмъ они ни были заняты сегодня: у каждаго въ головѣ свое дѣло. Этого не охватишь. Это, какъ говорить старый Уитманъ... какъ это онъ говоритъ? Ну все равно—это его напоминаетъ. Славный старикъ-Уитманъ! Странно, ты не помнишь... Да что эти милліоны. А тамъ, за моремъ, сотни милліоновъ—китайцы, Марокко, Африка вообще, Америка... А мы тутъ, и въ рукахъ у насъ сила, только выбирай... потому что мы были энергичны, пользовались случаемъ, и дѣло въ нашихъ рукахъ заплѣло, тогда какъ другіе только сидѣли и ожидали. Видишь! И теперь мы большіе люди—возрастающіе люди. Въ своемъ родѣ сила.

— Это нѣчто удивительное, Джорджъ, — сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія.

— Англо-Саксонская энергія,—тихо произнесъ я, точно обращаясь въ пространство.

— Именно, Джорджъ—энергія. Благодаря ей, у насъ все это оказалось въ рукахъ, точно нити, проволоки, протянутыя изъ нашей маленькой конторы въ Западную Африку, Египетъ, Индію—по всему міру. Можемъ вертѣть имъ—все шибче и шибче. Совсѣмъ нѣчто творческое. Вотъ этотъ Палестинскій каналъ—удивительная идея! Предположимъ, что мы за нее возьмемся и проведемъ вмѣстѣ съ другими, устроимъ эту запруду въ долину Мертваго моря,—подумай только какой произойдетъ переворотъ! Вся пустыня цвѣтетъ, какъ роза, Іерихонъ пропалъ на вѣки; всѣ Святые Мѣста подъ водою... пожалуй, повредить христіанству...

Онъ задумался, и только по временамъ слышались отрывистыя фразы: „Прорѣзать каналы... Тунели... Новая земля... Новые центры... Финансы... Да не одна Палестина“.

— Я и не знаю, до чего мы не дойдемъ, Джорджъ. Сколько уже заведено крупныхъ дѣлъ. Мы захватили акціонерную публику. Я не вижу, почему намъ не занять въ концѣ концовъ самое высокое положеніе. Есть трудности, но я справлюсь съ ними. Пока мы еще не совсѣмъ окрѣпли въ костяхъ, но это не надолго... Полагаю, что если подвести итоги и все подсчитать, то я стою теперь около милліона...

Я взглянулъ въ полумракъ на его выпуклую фигуру и (долженъ сознаться) мнѣ не показалось, чтобы онъ могъ представлять собою особенно солидную цѣнность.

— Наши руки вездѣ, Джорджъ. Мы, большіе люди, должны держаться вмѣстѣ, поддерживать обстановку. Мы должны соединиться со старымъ сословіемъ въ родѣ этого

мельничнаго колеса у Киплинга (Лучшее, что онъ написалъ, Джорджъ,—только что недавно перечиталъ. Побудило меня купить Леди Гровъ). Теперь намъ предстоитъ двигать страну, Джорджъ... Пропитать ее новыми идеями, наэлектризовать. Двинуть прессу. Двинуть все, что клонится къ развитію. Всякаго рода развитіе. Я говорилъ объ этомъ съ лордомъ Бумомъ и съ разными другими людьми. Большія дѣла, прогрессъ. Чтобы весь міръ на дѣловыхъ началахъ. Только что начинается...

Тутъ онъ впалъ въ глубокое размышленіе.

— Да,—произнесъ онъ, наконецъ, тономъ человѣка только что разрѣшившаго самую глубокомысленную задачу.

— Что такое?—спросилъ я послѣ приличной паузы.

Мой дядя немного помолчалъ и казалось, что въ этотъ промежутокъ рѣшались судьбы народовъ. Потомъ вдругъ заговорилъ, и видимо чистаго сердца.

— Хотѣлось-бы мнѣ теперь попасть въ Истри-Армсъ, какъ разъ, когда все это старье садится за вистъ въ столовой, Марбель и Рекъ и другіе, и отчитать ихъ какъ слѣдуетъ, не стѣняясь. Высказать свое откровенное мнѣніе о нихъ. Займетъ не болѣе десяти минутъ. Конечно, пустая вещь, но хотѣлось-бы мнѣ сдѣлать это хоть разъ до своей смерти...

На этомъ онъ остановился и нѣсколько времени только слышалось з-з-з. Потомъ онъ началъ уже о другомъ предметѣ, въ новомъ тонѣ.

— Вотъ этотъ Бумъ,—произнесъ онъ задумчиво. — Удивительная вещь — эта наша старая Британская система, Джорджъ. Старомодная и устойчивая и, въ то же время, въ ней имѣется мѣсто для новыхъ людей. Мы являемся — и прямо занимаемъ свое мѣсто. Отъ насъ этого ждутъ почти... Вотъ чѣмъ наша демократія отличается отъ Американской. Тамъ, если человѣкъ достигаетъ успѣха, — ему достаются только деньги. У насъ другое, цѣлая система открыта для каждого... для людей подобныхъ Буму, неизвѣстно откуда взявшихся.

Онъ замолкъ. Я старался проникнуть въ смыслъ его словъ. Вдругъ мнѣ сдѣлалось все ясно, и я поднялся съ своего кресла.

— Такъ вотъ вы что затѣваете!—сказалъ я.

— Что затѣваю, Джорджъ?

— Подписку на партійный фондъ. Обоюдная выгода. Вотъ мы къ чему подошли?

— На что ты намекаешь, Джорджъ?

— Сами знаете. Только они никогда на это не пойдутъ.

Октябрь. Отдѣлъ I.

— На что? — спросил онъ какъ-то нерѣшительно и много-
томъ добавилъ, — почему?

— Не пойдутъ даже и на баронета! Нѣтъ... хотя, конечно, и
имѣемъ примѣръ Бума; также — Комгингсгедъ и Горвертъ.
Тамъ явивъ и биржа. Тоно-Бэнге, отчасти смахиваетъ на ком-
миссіонное агенство по части скачекъ, или что-нибудь въ
этомъ родѣ. Весьма приличные джентльмены бывали комис-
сіонными агентами. Не то что какой-нибудь дуракъ ученый,
не умѣющий нажить деньги.

Мой дядя что-то проворчалъ. Мы всегда расходились въ
этомъ вопросѣ.

Вдругъ я поддался злобному юмору.

— Какъ они васъ назовутъ? — рассуждалъ я. — Викарій, по-
жалуй, предпочелъ-бы Доффильдъ. Трудная штука титулъ.
И я сталъ перебирать въ умѣ разные возможные случаи.
Отчего не воспользоваться указаніемъ одной социалистской
брошюрки, которая вчера попала въ мои глаза? Авторъ
говоритъ въ ней, что мы теперь все *делокализуемся*. Чудесное
слово — *делокализация*! Почему не быть первымъ *делокализо-*
ваннымъ перомъ. Начало даетъ вамъ Тоно-Бэнге! Вы знаете, гдѣ-
то есть Бэнге. Лордъ Тоно и зы Бэнге — и на бутыл-
кахъ повсюду? —

Къ моему удивленію, дядя разсердился.

— Чортъ подери, Джорджъ, ты точно не замѣчаешь, что
я говорю серьезно! У тебя вѣчныя смѣшки по поводу Тоно-
Бэнге! Точно это какая-то мошенническая штука. Ничего
подобнаго. Вполнѣ законное, коммерческое дѣло и стояцій
своихъ денегъ товаръ... Прихожу къ тебѣ, развиваю свои
планы и обмѣниваюсь мыслями, а ты подымаешь меня на
смѣхъ. Развѣ ты не видишь, какое тутъ большое дѣло? Гро-
мадное дѣло. Тебѣ слѣдуетъ привыкнуть къ новымъ усло-
віямъ. Идти на встрѣчу. Ты долженъ бросить этотъ тонъ.

Мой дядя не былъ поглощенъ только однимъ честолю-
біемъ и дѣлами. Ему не было чуждо и движеніе современной
мысли. Я знаю, напримѣръ, что его ужасно интересовалъ
Ничше, — „этотъ его сверхъ-человѣкъ — и все такое“, какъ
онъ самъ выражался.

Ему нравилась идея сильнаго исключительнаго человѣка,
освободившагося отъ разныхъ мелкихъ ограниченій, и онъ
смѣшивалъ его съ Наполеоновскою легендой. Тутъ явился
новый выходъ для его воображенія. О, эта Наполеоновская
легенда! Истинный вредъ, принесенный гибельною, полною
случайностей карьерой Наполеона, сказался только послѣ
его смерти, когда открылось обширное поприще для роман-
тически настроенныхъ умовъ, создавшихъ эту легенду. Мнѣ
думается, что если бы не эта часто сбивавшая его съ толку

легенда Наполеона, то *крахъ*, завершившій карьеру моего дяди, не имѣлъ бы такого вопиющаго характера. Во многомъ самъ онъ былъ гораздо лучше и чище своей карьеры. Но въ минуту колебаній и выбора между честнымъ образомъ дѣйствій и личною выгодой этотъ культъ съ особенною силою выступалъ на сцену: „вспомни Наполеона, вспомни, какъ отнесся бы въ своей непоколебимой волѣ Наполеонъ къ такимъ сомнѣнiямъ“, — сдѣлалось его руководящимъ правиломъ, и въ результатъ являлся новый безчестный поступокъ.

Дядя сдѣлался безпорядочнымъ собирателемъ разныхъ Наполеоновскихъ реликвій; чѣмъ толще была книга о его героѣ, тѣмъ охотнѣе онъ ее покупалъ; онъ пріобрѣталъ всякія письма, вещи, оружіе, имѣвшія какое либо отношеніе къ Избраннику Судьбы. Онъ даже купилъ продававшуюся въ Женевѣ какую-то старую карету (хотя и не перевезъ ее въ Леди Гровъ), въ которой будто бы ѣздилъ Бонапартъ. Стѣны Леди Гровъ были покрыты его портретами и статуэтками, при чемъ, по замѣчанію моей тетки, отдавалось предпочтеніе такимъ, гдѣ онъ изображался болѣе круглаго вида въ извѣстномъ бѣломъ жилетѣ, или со сложенными за спиною руками и выдающимся впередъ корпусомъ. Дѣрганы поглядывали на все это изъ своихъ золоченыхъ рамъ и сардонически улыбались.

Иногда онъ стоялъ въ задумчивой позѣ, недалеко отъ одного изъ оконъ Леди-Грова, съ заложенными между пуговицами жилета двумя пальцами, съ опущеннымъ на грудь подбородкомъ, представляя собою самую нелѣпую фигурку маленькаго, толстаго человѣка. При этомъ моя тетка чувствовала себя, по ея словамъ, „точно фельдмаршалъ въ трехуголкѣ“.

Можетъ быть, благодаря этимъ Наполеоновскимъ тенденціямъ, онъ теперь чаще разставался съ своею неразлучною сигарою, но несомнѣнно одно, что онъ явились источникомъ немалого огорченія для моей тетки. Послѣ того, какъ онъ прочелъ книгу: *Наполеонъ и прекрасный полъ*, въ немъ пробудилось сознаніе той стороны жизни, о существованіи которой онъ почти позабылъ въ вихрѣ своихъ коммерческихъ предпріятій. Наведеніе играетъ большую роль на этомъ поприщѣ. Мой дядя воспользовался первымъ случаемъ для пополненія пробѣла, и обзавелся дамой сердца.

Конечно, тутъ мало было романтическаго, и подробности до меня не дошли. Да и узналъ я объ этомъ совершенно случайно. — Какъ-то вечеромъ мнѣ пришлось быть въ числѣ другихъ гостей, — смѣси свѣтской публики и богемы, — на квартирѣ у академика Робберта, писавшаго портретъ моей

тетки; и здѣсь я замѣтилъ въ углубленіи окна моего дядю въ интимномъ разговорѣ съ маленькой полной блондинкой, въ свѣтло голубомъ туалетѣ. Это была Елена Скримджеръ, которая писала романы и теперь была занята устройствомъ еженедѣльнаго изданія. Я прошелъ мимо какой-то большой дамы, которая говорила о нихъ. Но для меня и безъ того все было ясно, точно я прочелъ все это на доскѣ уличной рекламы. На шеѣ у нея было цѣнное бриллиантовое ожерелье, не совсѣмъ подходившее къ журналистикѣ, и она смотрѣла на него съ особеннымъ выраженіемъ, говорившемъ о какихъ то неопредѣленныхъ правахъ и нѣкоторой близости... Я окончательно убѣдился въ своихъ предположеніяхъ, когда наши глаза встрѣтились, и во взглядѣ, брошеннымъ на меня моимъ дядей, я прочиталъ нѣкоторое смущеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ-то вызывающимъ. При первой-же встрѣчѣ, на другой день, онъ сталъ распространяться объ умѣ этой дамы, чтобы я могъ оцѣнить ее по достоинству.

Послѣ того до меня дошли кое какія сплетни отъ пріятельницы самой дамы; я выслушалъ ее съ большимъ любопытствомъ: мнѣ ничего не оставалось болѣе. Никогда въ жизни я не могъ себя представить дядю въ положеніи влюбленнаго. Оказывалось, что она называла его: „Богъ въ колесницѣ“,—прозвище героя одного изъ романовъ Антони Гопа. Въ основаніи установившихся между ними отношеній предполагалось, что онъ стремится повсюду, куда его призываютъ дѣла, и послѣднія призывали его постоянно. Между ними подразумѣвалось, что женщина для него—только случайный инцидентъ; его преобладающею страстью было честолюбіе. Цѣлый міръ и благородная жажда власти влекли его къ себѣ. Насколько серьезно относилась ко всему этому м-рисъ Скримджеръ,—я никогда не могъ узнать; хотя возможно, что на нее дѣйствовалъ блескъ его финансоваго величія и что, подъ вліяніемъ этого, она внесла нѣкоторую долю романтическаго чувства въ ихъ отношенія... Но меня болѣе всего безпокоила мысль о моей теткѣ, когда все это дойдетъ до нея,—и какъ она будетъ оскорблена. Я представлялъ себѣ, что она затаитъ въ себѣ свои страданія и ни чѣмъ не обнаружитъ то чувство глубокаго огорченія, которое должна вызвать въ ней измѣна моего дяди. Но я ошибался. Когда до нея дошли слухи объ этой исторіи, она страшно разсердилась и въ то-же время проявила большую энергію. Она и вниманія не обратила на сентиментальную сторону дѣла, а просто рѣшила въ своемъ умѣ, что дядю „слѣдуетъ образумить“. Облекшись въ одну изъ своихъ новыхъ шляпъ, она поѣхала въ Гардингемъ и тамъ, должно быть, какъ слѣдуетъ поговорила съ нимъ. Потомъ она раз-

несла и меня за то, что я все время молчалъ о происшедшемъ...

Я старался уяснить ей свое положеніе въ этомъ дѣлѣ на основаніи общепринятыхъ понятій. Но все это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на мою тетку. „Мужчины не рассказываютъ другъ про друга въ такихъ случаяхъ“,—оправдывался я и приводилъ другія извиняющія обстоятельства.

— Женщины и мужчины!—воскликнула она въ негодованіи.—Какіе тутъ женщины и мужчины: это я и онъ, Джорджъ! Не говори глупостей.—Увлеченія—все это еще ничего, Джорджъ, и я не изъ ревнивыхъ. Но это просто старческая глупость... Я вовсе не желаю, чтобы онъ являлся въ видѣ стараго варенаго рака въ глазахъ другихъ женщинъ... Любовныя увлеченія, нечего сказать!.. Съ фланелью на животѣ... и въ его годы!

Я не могу себѣ представить, что произошло между ними, но увѣренъ, что на этотъ разъ тетка покинула свою обычную шуточную манеру. Миѣ также неизвѣстно содержаніе ихъ разговора, хотя я и стоялъ къ нимъ такъ близко. Во всякомъ случаѣ, въ ближайшіе дни послѣ того „Богъ въ Колесницѣ“ былъ чѣмъ-то поглощенъ и озабоченъ; часто слышалось его з-з-з-з и прорывались нетерпѣливые жесты, вовсе не относившіеся къ предмету разговора.

Всѣ интимныя подробности этого дѣла такъ и остались неизвѣстными для меня, но въ концѣ концовъ тетка восторжествовала. Дядя точно страхнулъ съ себя м-рисъ Скримджеръ; новый ея романъ мало касался этой исторіи, а скорѣе представлялъ собою изліянія переуточенной женской души съ посторонними примѣсами. Моя тетка даже и не упоминалась въ немъ; такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, романистка и не подозрѣвала о коренной причинѣ неожиданной развязки. Наполеоновскаго типа герой романа не былъ стѣсненъ брачными узами; онъ покинулъ свою возлюбленную подобно тому, какъ была покинута Жозефина, въ виду предстоявшаго высокаго союза...

Побѣда моей тетки обошлась ей не даромъ. Нѣкоторое время между ними видимо существовали натянутыя отношенія. Дядя долженъ былъ уступить, но въ немъ сохранилось глубокое раздраженіе. Эта дама подѣйствовала сильнѣе на его воображеніе, чѣмъ можно было предполагать. Онъ долго не „отходилъ“; сдѣлался раздражителенъ, нетерпѣливъ и скрытенъ по отношенію къ теткѣ. Я также замѣтилъ, что послѣ неожиданнаго отпора съ его стороны она прекратила свои обычныя шуточные нападенія, которыя такъ долго оживляли ихъ жизнь. Это была обоюдная потеря, и имъ сдѣлалось скучнѣе. Тетка все болѣе и болѣе стала посвящать

себя Леди-Гровъ и его сложному хозяйству. Прислуга полюбила ее, и за время своего царствованія тамъ она крестила трехъ Сусаннъ: у кучера, старшаго садовника и главнаго егеря. Она подобрала здѣсь цѣлую библіотеку старинныхъ книгъ по хозяйству, возобновила выброшенную комнату съ перегоннымъ кубомъ и достигла большого совершенства въ изготовленіи домашнихъ ягодныхъ винъ и консервовъ.

Х.

За все это время я настолько былъ занятъ своею научною работою и опытами съ летательными приборами, что совсѣмъ мало думалъ о дальнѣйшемъ развитіи финансовыхъ предпріятій моего дяди, которыя постоянно расширялись и дѣлались все болѣе и болѣе сомнительными вмѣстѣ съ его неимовѣрными тратами. Мнѣ думается, что преслѣдовавшее его сознаніе неустойчивости своего положенія во многомъ было причиною усилившейся въ немъ за послѣдніе годы раздражительности и скрытности по отношенію ко мнѣ и къ теткѣ. Онъ боялся всякихъ объясненій, боялся, что наши шутки невольно заставятъ его сказать правду, которую ему даже было страшно представить себѣ, когда онъ оставался одинъ. Въ его кассахъ скоплялась масса безнадежныхъ бумажныхъ цѣнностей, которыя нельзя было реализовать безъ потрясенія денежнаго рынка. Но, одновременно съ этимъ, его охватила какая то лихорадочная страсть къ покупкамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его мучило желаніе убѣдить себя, что онъ былъ на пути къ баснословному богатству. Характерною чертою такихъ проявленій за это время были его покупки однихъ и тѣхъ же предметовъ. Его идеи въ этомъ направленіи слагались въ какія-то серіи. За двѣнадцать мѣсяцевъ онъ послѣдовательно приобрѣлъ пять новыхъ автомобилей, обладавшихъ все большею и большею скоростью. Онъ постоянно развѣзжалъ въ нихъ. Въ немъ развилась страсть къ быстрому передвиженію.

Потомъ онъ сталъ находить недостатки въ Леди-Гровъ, благодаря случайно услышанной насмѣшкѣ за какимъ-то обѣдомъ.

— Этотъ домъ, Джорджъ,—говорилъ онъ,—не подходитъ. Нѣтъ простора. Набитъ старыми воспоминаніями... Я не могу выносить этихъ проклятыхъ Дѳргановъ!

— Вонъ эта фигура въ углу, Джорджъ. Нѣтъ,—въ томъ углу! Человѣкъ въ малиновомъ камзолѣ. Онъ точно наблюдаетъ за тобой! Какой у него будетъ дурацкій видъ, если я проткну ему глотку кочергой!

— Останется, по-прежнему, — сказалъ я, — ему только забавно.

Онъ надѣлъ опять пенснэ, свалившееся въ моментъ раздраженія, и злобно смотрѣлъ на своихъ противниковъ.

— Ну, что они собою представляютъ, — вся эта свора? Мертвы, какъ баранины! Завязали въ свиномъ болотѣ. Не дошли даже до старой, обветшалой Реформаци. Отъ всего отстали! Родъ неудачниковъ: они даже никогда не пытались!.. Они, Джорджъ, — совершенная противоположность мнѣ. Мнѣ не подходитъ... Это житіе въ прошломъ. — И къ тому же мнѣ нужно мѣсто побольше. Джорджъ. Мнѣ нуженъ воздухъ, свѣтъ и просторъ, чтобы двигаться. Такой домъ, откуда можно шевелить вещами! А тутъ все какъ-то не кстати — даже телефоны. Только и есть порядочнаго, что терраса. Вездѣ мракъ и грязь, и набито старьемъ — заплеванными идеями... Годами скорѣе для рыбы, а не для современнаго человѣка... Не знаю, какъ я попалъ сюда.

Путь ему вспомнился новый поводъ къ неудовольствію.

— И этотъ поганый викарій, — жаловался онъ, — думаетъ про себя, будто я долженъ радоваться, что мнѣ досталось это мѣсто! Я вижу это каждый разъ, какъ съ нимъ встрѣчаюсь. Вотъ я скоро покажу ему, что такое современный домъ.

И онъ, дѣйствительно, показалъ. Джорджъ онъ не забылъ. Я помню тотъ день, когда онъ въ первый разъ объявилъ мнѣ о Крестѣ-Гиллѣ. Онъ пріѣхалъ посмотреть на мои новыя приспособленія для получения газа (я начиналъ тогда опыты съ вспомогательными сжимающимися шарами), и я замѣтилъ, что онъ все время посматривалъ черезъ свое пенснэ на открывавшееся плоскогорье.

— Идемъ въ Леди-Гровъ черезъ холмы, — сказалъ онъ. — Я хочу тебѣ кое-что показать.

Мы остановились посреди обширнаго пустого пространства, освѣщеннаго теплымъ вѣчернимъ закатомъ, полного тишины и покоя, и завершившихъ долгій ясный день. Жаль было бы ихъ разрушить. Но посреди всего этого уже стояла современная фигура моего дяди, въ его сѣромъ цилиндрѣ и въ сѣрой парѣ, съ пенснэ, маленькая, тонконогая, съ выдающимся животомъ, и быстро жестикулирующая и угрожающая этому покою.

— Вотъ это самое мѣсто, Джорджъ, — сказалъ онъ съ широкимъ жестомъ руки.

Онъ откликнулся я. Мои мысли были далеко.

— Что такое?

— Для постройки дома! Домъ двѣнадцатаго столѣтія! Вотъ для него мѣсто. Открыто на все четыре стороны.

— Да, вѣтра будетъ довольно,—сказалъ я.

— Это будетъ гигантскій домъ, Джорджъ, иначе нельзя посреди этихъ холмовъ.

— Вѣрно,—отвѣчалъ я.

— Большущія галлерей и выступающіе корпуса — вотъ здѣсь и тамъ.—Видишь? Я все обдумывалъ это, Джорджъ. Видь на эту сторону, черезъ лѣса. А задній фасадъ къ Леди-Гровъ.

Такъ онъ сообщалъ мнѣ первую идею Крестъ-Гилля, которая поглощала его послѣдніе годы. Всѣ слышали объ этомъ невѣроятномъ мѣстѣ, которое строилось при постоянныхъ измѣненіяхъ въ планахъ, раскидывалось, росло и все продолжало строиться. Я ужъ не знаю, какой безумный сумбуръ галлерей, аркадъ, башенъ, коридоровъ вертѣлся въ воображеніи моего дяди; но, благодаря наступившему краху, постройкѣ этой такъ и не суждено было кончиться, и она до сихъ поръ стоитъ, представляя собою памятникъ безумной фантазіи одинокаго человѣка. Его главнымъ архитекторомъ былъ молодой человѣкъ, по имени Вестминстеръ, обратившій на себя его вниманіе извѣстною смѣлостью своихъ проектовъ, которые дядя разыскалъ на Академической Выставкѣ; но въ постройкѣ принимали участіе и другіе его товарищи по профессіи, а также санитарные инженеры, живописцы, скульпторы, рѣзчики, декораторы, садовники и человѣкъ, завѣдывавшій устройствомъ и вентиляціей новыхъ зданій въ Лондонскомъ Зоологическомъ саду. Кромѣ того, онъ вносилъ въ дѣло и собственные идеи. Его голова постоянно была занята этой постройкой, но съ конца недѣли до понедѣльника онъ совершенно былъ поглощенъ ею. Въ пятницу вечеромъ онъ пріѣзжалъ въ Леди-Гровъ въ автомобиль, биткомъ набитомъ архитекторами. Но, кромѣ нихъ, многіе получали приглашеніе провести здѣсь конецъ недѣли и посмотреть на Крестъ-Гилль. И не одинъ дѣлецъ, проводившій какое-нибудь новое акціонерное предпріятіе, старался при этомъ случаѣ подойти къ нему съ своими предложеніями путемъ разговора о мозаикѣ, вентиляціи и новыхъ электрическихъ приспособленіяхъ. Каждое утро по воскресеньямъ, если сколько-нибудь позволяла погода, онъ отправлялся, покончивъ съ завтракомъ и своими секретарями, на постройку, въ сопровожденіи изрядной свиты. И здѣсь онъ развивалъ новые планы, дѣлалъ измѣненія и устно дѣлалъ громадныя заказы,—весьма неудовлетворительный способъ, какъ убѣдился потомъ Вестминстеръ вмѣстѣ съ подрядчиками.

Я, какъ сейчасъ, вижу предъ собою этого человѣка, бывшаго для меня знаменіемъ своего времени,—человѣка слу-

чайной удачи и рекламы, одного изъ преходящихъ современныхъ властителей. Онъ стоитъ на обширной площадкѣ передъ громаднымъ крыльцомъ новой постройки, представляя своею маленькою фигурою уморительный контрастъ съ сорокафутовою аркою, съ гранитнымъ шаромъ позади его. Этотъ шаръ (родъ солнечныхъ часовъ), обшитый мѣдью, долженъ былъ изображать вселенную, и, посредствомъ особаго приспособленія изъ оптическихъ стеколъ въ трубкѣ на подвижномъ лимбѣ, на немъ въ полдень сосредоточивались лучи солнца. Онъ стоитъ въ Наполеоновской позѣ, окруженный своею свитой, разныхъ людей въ *твидовыхъ* паряхъ, среди которыхъ я вижу его повѣреннаго, въ сѣрыхъ панталонахъ и черномъ пиджакѣ, и Вестминстера въ его обычномъ коричневомъ костюмѣ съ цвѣтнымъ галстукомъ. Вѣтеръ развиваетъ фалды сюртука моего дяди и треплетъ его волосы, тогда какъ онъ обращаетъ вниманіе своего сотрудника на ту или другую черту окружающей ихъ мѣстности.

Внизу раскидано множество досокъ для возки земли въ тачкахъ, видны канавы, выемки, кучи земли, груды камня, взятаго изъ окружающихъ холмовъ. Въ ту и другую сторону поднимаются неоконченныя стѣны его эфемернаго дворца. Одно время у него работало здѣсь болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, нарушавшихъ экономическое равновѣсіе цѣлаго околodka...

Въ такомъ видѣ онъ позируетъ въ моей картинѣ, окруженный начинаніями, которымъ никогда не суждено было кончиться. Онъ продѣлывалъ здѣсь самыя невѣроятныя вещи, переходившія за предѣлы не только всякаго финансового благоразумія, но простого человѣческаго смысла. Онъ видимо считалъ себя свободнымъ отъ всякихъ подобныхъ ограниченій. Какъ-то, по его распоряженію, былъ перенесенъ на двѣсти футовъ къ югу цѣлый холмъ, вмѣстѣ съ растущими на немъ шестидесятью взрослыми деревьями, чтобы открыть видъ на востокъ. Въ другой разъ, пользуясь идеей, заимствованной изъ моднаго ресторана, онъ устроилъ подъ водою искусственнаго озера биллиардную съ потолкомъ изъ зеркальнаго стекла. Онъ меблировалъ одно крыло новой постройки раньше, чѣмъ надъ нею была окончена крыша. Рядомъ съ его спальней на верху былъ сдѣланъ бассейнъ для плаванія и, къ довершенію всего, онъ началъ постройку громадной стѣны съ цѣлью изолировать свои владѣнія. Она была въ десять футъ вышиною и, если бъ ее кончили, то протянулась бы на одиннадцать миль. Въ нѣкоторыхъ частяхъ она была построена такъ недобросовѣстно, что обрушилась черезъ годъ послѣ закладки фундамента;

остальное, на протяжении нѣсколькихъ миль, стоитъ до сихъ поръ. Мнѣ вспоминаются при этомъ вѣрнѣе въ его авѣзду сотни мелкихъ акціонеровъ его предприятий, въ надежды которыхъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ ихъ семей погребены подъ этимъ мусоромъ...

Интересно замѣтить, сколько современныхъ финансовъ, шанса и натиска заканчивали свою карьеру такими постройками. Мой дядя далеко не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Рано или поздно въ нихъ пробуждается желаніе реализовать свой успѣхъ въ видѣ известнаго кирпича, осуществить свои химеры въ видѣ заработка листа. Тогда все это сооруженіе, основанное на довѣрчивости и воображеніи, начинается шататься, и они летятъ вмѣстѣ съ нимъ.

Когда я думаю объ этомъ изуродованномъ склонѣ холма, съ покрывавшими его безобразными кучами мусора и кирпича, съ прорытыми въ разныхъ направленіяхъ временными дорогами, съ лѣсами и навѣсами, — о всемъ этомъ искаженіи природы, мнѣ всегда приходитъ на память мой разговоръ съ викаріемъ. Это было въ одинъ хмурый день послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ за моимъ опытомъ подъема и спуска на *планеръ*. Я стоялъ въ своей фуфайкѣ около машины, когда онъ заговорилъ объ авіонавтикѣ, при чемъ на его мертвенно-блѣдномъ лицѣ было замѣтно выраженіе какой то грусти и тревоги.

— Вы противъ воли почти убѣждаете меня, — сказалъ онъ, подходя ко мнѣ, — удивительное изобрѣтеніе. Но еще пройдетъ не мало времени, сэръ, пока вы приблизитесь къ этому совершенному механизму — крыльямъ птицы.

Онъ бросилъ взглядъ на мои навѣсы.

— Благодаря вамъ, и долина приняла другой видъ, — сказалъ онъ.

— Только временное искаженіе, — замѣтилъ я, угадывая его мысли.

— Конечно, все преходяще на свѣтѣ. Но я только что ходилъ на ту сторону холма взглянуть на новый домъ м-ра Эдуарда Пондерво. Тутъ нѣчто болѣе прочное. Удивительное мѣсто во многихъ отношеніяхъ. Нѣчто грандіозное! Мнѣ какъ то до сихъ поръ не приходилось. Большая перемѣна. Благодаря этимъ постройкамъ, въ сосѣднихъ деревняхъ появилось множество новыхъ людей, преимущественно рабочихъ, и это ведетъ къ нѣкоторымъ осложненіямъ. — Выбываетъ изъ старой колеи. Они вносятъ новый духъ въ это мѣсто; пошли пари... другія странныя идеи. Наши трактирщики, конечно, довольны. Кромѣ того, они забираются спать въ сарай... по ночамъ не безопасно. Какъ то подъ утро я не могъ заснуть, должно быть, легкая диспепсія, и выгля-

нуль изъ окна. Я былъ просто пораженъ множествомъ людей на велосипедахъ. Цѣлая процессія. Я насчиталъ за утро девяносто семь. И всѣ направлялись по новой дорогѣ въ Крестъ-Гилль. Мнѣ все это показалось настолько замѣчательнымъ, что сегодня я собрался посмотрѣть, что они тамъ дѣлають.

— Тридцать лѣтъ тому назадъ они были бы еще болѣе замѣчательны,—сказалъ я.

— Да, вещи мѣняются. Теперь это намъ ни почемъ, сравнительно. И этотъ огромный домъ... Просто изумительно!—добавилъ онъ, поднимая свои брови.

— И старый дернъ со всего склона срѣзанъ полосами!

Онъ какъ то вопросительно посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Потомъ все это уладится,—сказалъ я, чувствуя, что говорю неправду.

— Конечно, — проговорилъ онъ, ухватившись за мою фразу.—Все какъ-нибудь уладится, установится. Такъ должно быть. По старому. Обязательно придетъ въ порядокъ. Утѣшительная мысль. Какъ ни какъ,—вѣдь и Леди-Гровъ когда то строили... начало всегда бываетъ искусственно.

Тутъ взглядъ его опять упалъ на аэропланъ, и онъ заговорилъ на эту тему, стараясь забыть преслѣдовавшую его мысль.

— А я сразу не рискнулъ-бы довѣриться этому прибору,—замѣтилъ онъ.—Но, я полагаю, вы потомъ привыкните къ движенію.

Тутъ онъ простился со мною, и я видѣлъ, какъ онъ шелъ въ глубокой задумчивости, съ наклоненной головою...

Въ своемъ умѣ онъ долго закрывалъ глаза на окружающую его дѣйствительность, но въ это утро она выступила передъ нимъ съ такою наглядною силою, что онъ уже не могъ долѣе отрицать не только неизбѣжныхъ перемѣнъ, вторгавшихся въ его міръ, но и того факта, что самый этотъ міръ оказался побѣжденнымъ и безпомощнымъ и долженъ подвергнуться коренной ломкѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Полеты.

I.

Почти все время, пока моего дядю поглощало осуществленіе идеи Крестъ-Гилля, я былъ занятъ въ маленькой долинь, отдѣлявшей это грандіозное новое начинаніе отъ Леди-Гровъ, — дорого стоящими и смѣлыми опытами по воздухоплаванию. Эта работа составляла главную основу моей жизни, пока разыгрывалась симфонія Топо-Бенге.

Уже было говорено о томъ, что привело меня къ этимъ изслѣдованіямъ, какъ испытавъ полное разочарованіе въ своей ближайшей жизни, я возобновилъ прерванныя научныя занятія, воодушевленный уже не честолюбивыми мечтами мальчика, а твердою рѣшимостью взрослого человѣка. Съ самаго начала работа пошла у меня удачно. Вѣроятно, это объясняется прирожденной способностью ума, которая вовсе не зависитъ отъ воли и достоинствъ самого человѣка, и потому было-бы смѣшно кичиться или скромничать въ этомъ отношеніи. Я продолжалъ массу работы въ эти годы, предаваясь ей иногда съ какимъ-то ожесточеніемъ и посвящая этому дѣлу все мои способности и всю мою энергію. Мнѣ удалось разрѣшить цѣлый рядъ задачъ въ связи съ устойчивостью тѣлъ, носящихся въ воздухѣ, и его теченіями. Я также несъ много новаго въ теорію двигателей, дѣйствующихъ взрывами. Все это можно найти въ *Запискахъ Королевскаго Математическаго Общества*, атакже въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, и потому нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на этихъ вопросахъ.

Въ началѣ въ моихъ работахъ преобладалъ теоретическій характеръ, и я пользовался въ своихъ изысканіяхъ небольшими моделями. Но наступилъ періодъ, когда въ нихъ стало входить множество новыхъ факторовъ въ связи съ участіемъ человѣка и отсутствіемъ опытныхъ данныхъ, гдѣ все было основано на догадкахъ и пробахъ. Мнѣ сразу пришлось расширить предѣлы моихъ работъ и почти одновременно заняться вопросами объ устойчивости *планеровъ* и управленіи наполненными газомъ оболочками, при чемъ послѣднее было связано съ большими издержками. И въ этомъ случаѣ, уподобляясь моему дядѣ, я не думалъ о размѣрѣ тратъ. Мои сооруженія, повыше Леди-Гровъ, значительно разрослись. Здѣсь у меня былъ деревянный *шале* съ достаточнымъ помѣщеніемъ для шести человѣкъ, гдѣ мнѣ случалось про-

водить по три недѣли подъ рядъ; тутъ же находились газометръ, помѣщеніе для двигателя, большіе сараи и навѣсы, платформа для подъѣма *планеровъ*, мастерская и проч. Была также устроена временная дорога. Газъ мы получали изъ Чипинга, а электрическую энергію — изъ Вокинга, гдѣ въ моемъ распоряженіи была также мастерская для болѣе крупныхъ работъ. Мнѣ посчастливилось также найти подходящаго человѣка, по имени Котопъ. Онъ былъ самоучкой, ранѣе служилъ въ саперахъ, но болѣе способнаго практическаго механика мнѣ не случалось встрѣчать. Я не знаю, что бы я сдѣлалъ безъ него. Онъ часто былъ для меня не столько помощникомъ, сколько сотрудникомъ, и онъ остается со мною до настоящаго дня. Другихъ людей я приглашалъ по мѣрѣ надобности.

Предпринятые мною опыты произвели переворотъ въ моей личной жизни. Я уже рассказывалъ о пережитомъ мною періодѣ непрерывнаго дисциплинированнаго труда во времена моего пребыванія въ Уимблѣгѣрстѣ и о томъ, какъ, послѣ пріѣзда въ Кенсингтонъ, меня деморализовалъ Лондонъ, открывшій предо мною безчисленное множество совершенно незнакомыхъ мнѣ сторонъ жизни, которыя поглотили все мое вниманіе. Когда я бросилъ науку и отдался дѣламъ Тоно-Бэнге, мое чувство самоуваженія не мало пострадало. Благодаря недостатку денегъ и сохранившемуся еще во мнѣ юношескому романтизму, я избѣжалъ разврата и всякихъ излишествъ. Но потомъ я распустился во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя я и много работалъ, но не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ, поддаваясь находившимъ на меня настроеніямъ праздности и распушенности. Когда наступили времена изобилія, я велъ невоздержанную жизнь, все болѣе и болѣе отдаваясь импульсу. Я не видѣлъ причины поступать иначе. Мнѣ тогда ни разу не приходилось напрягать всѣ свои способности. Чувственный кризисъ, связанный съ моимъ разводомъ, прошелъ безслѣдно и не оставилъ послѣ себя никакихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи. Мнѣ было трудно сосредоточить свой умъ, когда я принялся за научную работу, болѣе требовательную въ этомъ отношеніи, чѣмъ коммерческія дѣла; но тутъ отчасти мнѣ пособило куреніе, и я почти не выпускалъ изъ рта сигары. Я сталъ сознавать, до чего ослабла моя нравственная и нервная энергія, только очутившись лицомъ къ лицу съ практической стороною моей работы, когда мнѣ самому пришлось испытать подъемъ и спускъ на *планеръ* и почувствовать, что требовалось отъ управляющаго имъ человѣка...

Аэропланъ быстро пробудилъ меня. Мнѣ предстояло

узнать, какъ летаютъ по воздуху эти приборы, и для этого былъ только одинъ способъ—полетѣть въ немъ самому. Нѣкоторое время я не рѣшался на это. Книга различае въ этомъ отношеніи, и потому я могу здѣсь откровенно передать (чего я никогда не въ состояніи былъ сдѣлать кому-нибудь лично), какія страшныя мученія мнѣ пришлось испытать прежде, чѣмъ я рѣшился на то, что, какъ мнѣ казалось, могъ бы продѣлать чуть не каждый мальчикъ изъ вестъ-индскихъ туземцевъ—ринуться въ мой первый полетъ по вѣтру. Конечно, первый опытъ былъ труднѣе всего; я рисковалъ тутъ жизнью, и шансы успѣха смерти или искалѣченія, какъ мнѣ казалось, были равны. Все это мнѣ представилось совершенно ясно. Мой первый опытъ былъ съ *планеромъ*, построеннымъ, какъ я полагалъ, по типу, выработанному братьями Райтъ, но я не былъ увѣренъ въ этомъ. Онъ могъ перевернуться, я самъ могъ его опрокинуть. Онъ могъ въ концѣ спуска удариться носомъ о землю и разбиться вмѣстѣ со мною. Условія полета требовали самаго бдительнаго вниманія; это не было скачкомъ въ пространство съ зажмуренными глазами. Здѣсь человѣку предстояло поддерживать равновѣсіе при помощи своего собственнаго тѣла. Когда я, наконецъ, сдѣлалъ это, въ теченіе десяти секундъ я испыталъ нѣчто ужасное. Въ продолженіе этихъ десяти секундъ, полныхъ невыразимаго безпомощнаго ужаса, я летѣлъ по воздуху, растяннувшись въ моей адской клѣткѣ, тогда какъ вѣтеръ билъ мнѣ въ лицо и земля съ невообразимой быстротой неслась подо мною; я чувствовалъ біеніе какого-то перемѣжающагося тока въ мозгу и въ позвоночникѣ и громко застонать. Я крѣпко стиснулъ зубы и опять застонать. Этотъ стонъ невольно вырвался у меня, несмотря на все мои усилія. Ощущеніе ужаса достигло своего *высшаго предѣла*.

И вдругъ все кончилось!

Охватившій меня ужасъ внезапно прекратился. Я плавно неся по воздуху, и со мною ничего не случилось. Меня проникало чувство какой-то необычайной жизненности, и мои нервы были напряжены, какъ тетива лука. Я далъ поворотъ рычага, меня слегка качнуло, и я испустилъ крикъ не то испуга, не то торжества, когда возстановилось правильное движеніе.

Мнѣ показалось, что я наткнулся на ворону, которая пересѣкала мнѣ путь—не знаю, откуда она взялась, и она закричала, какъ безумный: «прочь съ дороги!» Птица какъ-то сжалась, принявъ форму обращенной буквы *v*, хлопнула крыльями и сразу полетѣла въ сторону, исчезнувъ въ про-

странствѣ! Затѣмъ я увидѣлъ передъ собою тѣнь моего аэроплана, какъ будто неподвижную, и убѣгавшій отъ него лугъ. Но движеніе уже не было быстро.

Въ то время, какъ я спускался на ровную поверхность выбраннаго мною дуга, я чувствовалъ себя столь же спокойнымъ и хладнокровнымъ, какъ клеркъ изъ *Сити*, слѣзавшій съ имперіала омнибуса на ходу; и въ этотъ моментъ я сознавалъ, что научился чему-то гораздо болѣе важному, чѣмъ подъему на аэропланѣ. Въ надлежащій моментъ я поднялъ носовую часть прибора, потомъ опять опустилъ и сѣлъ на землю, какъ свѣжика въ тихій день. Нѣсколько мгновеній я пролежалъ на спинѣ, потомъ поднялся на колѣни и всталъ на ноги, весь дрожа, но совершенно довольный собою. Я увидѣлъ Котопа, бѣжавшаго ко мнѣ по оклоу холмаламъ, и началъ тренировать себя, что продол-

жалось нѣсколько мѣсяцевъ полъ рядъ. Въ теченіе шести недѣль я откладывалъ подлѣ разными предлогами дальнѣйшіе опыты полетовъ, потому что меня еще преслѣдовало воспоминаніе тѣхъ ужасныхъ моментовъ, которые я переживалъ при первой пробѣ, и я еще чувствовалъ себя слабымъ и недугомъ, и тѣломъ. Но я стыдился своей трусости. Я боялся, что у Котопа могутъ явиться подозрѣнія. Я рѣшилъ, что этого болѣе не будетъ.

Я бросилъ вино, пересталъ курить, былъ умѣренно и постоянно старался закалить свои нервы и упражнять мускулы. Я часто дѣлалъ небольшіе подъемы на планерѣ. Отказавшись отъ желѣзной дороги, я сталъ ѣздить въ Лондонъ на мотоциклетѣ, подвергаясь всякому риску въ загроможденных движеніемъ его дѣловыхъ кварталахъ. Я даже пробовалъ для полученія сильныхъ ощущеній отчаянную верховую ѣзду. Но выѣзженные лошади были въ моихъ глазахъ далеко не такъ опасны, какъ летательные механизмы. Я ходилъ также по верхушкѣ высокой стѣны, окружавшей садъ леди Гровъ. Если, благодаря этимъ упражненіямъ, я окончательно и не избавился отъ инстинктивной боязни пространства, то, во всякомъ случаѣ, закалялъ свою волю; а это было главное. И вскорѣ послѣ того меня не только покинула всякая боязнь полетовъ на аэропланѣ, но мнѣ захотѣлось подняться на большую высоту, и сорокафутовый подъемъ на планерѣ показался мнѣ уже шуточнымъ дѣломъ. Я сталъ мечтать о дальнихъ полетахъ надъ вершинами окружавшихъ меня буковъ и, чтобы удовлетворить это желаніе, хотя ближайшая задача моихъ изслѣдованій и не требовала того, я принялся за разработку

вопроса о дирижабляхъ, на что уходила большая часть моихъ доходовъ.

II.

Начальныя фазисы моихъ опытовъ давно кончились. Мнѣ пришлось испытать два крушенія, и моя тетка ухаживала за мною, въ то время, какъ я лежалъ съ переломленнымъ ребромъ. Мое имя становилось извѣстнымъ въ мірѣ аэронавтовъ, когда въ моей жизни, какъ будто она никогда ее и не покидала, опять появилась достопочтенная Беатрисъ Норманди. Я увидѣлъ ее верхомъ на большой вороной лошади, ѣдущей по тропѣ черезъ заросли пониже Леди-Гровъ, въ сопровожденіи графа Карнаби и Арчи Гарвеля. Передъ тѣмъ мой дядя затащилъ меня въ Крестъ-Гиллъ по поводу какихъ-то трубъ для водяного отопленія, и мы неожиданно столкнулись съ ними на обратномъ пути. Сознавая, что они заѣхали въ чужія владѣнія, старый Карнаби остановился и заговорилъ съ нами.

Сперва я не замѣтилъ Беатрисъ. Меня интересовалъ Карнаби, который представлялъ теперь развалину и отъ котораго такъ много ожидали въ молодости. Я много слышалъ о немъ, но мнѣ никогда не приходилось его видѣть. Помня, какую онъ велъ бурную жизнь, при чемъ была окончательно разрушена предстоявшая ему блестящая политическая карьера, я нашла, что этотъ шестидесятипяти лѣтній старикъ имѣлъ еще совсѣмъ бодрый видъ. Это былъ маленькій человѣкъ, съ сѣро-голубыми глазами на смугломъ лицѣ, и его выдавалъ только надтреснутый голосъ.

— Надѣюсь, вы не сердитесь на насъ, Пондерво, что мы забрались на вашу дорогу,—воскликнулъ онъ.

— Нисколько, милордъ,—отвѣчалъ мой дядя, любившій звукъ титула.—Очень радъ, что вы воспользовались ею.

— Вы возводите тамъ на холмѣ большую постройку?—замѣтилъ Карнаби.

— Да, рѣшилъ, наконецъ, разойтись во всю,—отвѣчалъ мой дядя.—Она кажется большой, потому что раскинулась на солнечную сторону.

— Воздухъ и солнце—чѣмъ больше, тѣмъ лучше,—сказалъ графъ.—Но въ старыя времена при постройкѣ имѣли въ виду только надежный кровъ отъ непогоды и большую дорогу...

Тутъ, въ безмолвной женской фигурѣ на лошади, я призналъ Беатрисъ. Я такъ мало думалъ о ней, что на первый взглядъ она какъ будто вовсе не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ ее дѣтскую фигуру изъ

за платья леди Дрю. Она смотрѣла на меня, и ея красивый лобъ, видѣвшійся изъ подъ широкихъ полей сѣрой шляпы, былъ слегка наморщенъ, какъ будто она старалась припомнить, гдѣ она видѣла меня. Когда ея глаза встрѣтились съ моими, я прочелъ въ нихъ тотъ же вопросъ.

Мнѣ казалось просто невѣроятнымъ, что она не узнавала меня.

Гарвелъ поглаживалъ шею своей лошади, которая играла подъ нимъ, и не обращалъ на меня вниманія. Когда они тронулись, онъ слегка кивнулъ головою черезъ плечо. Это движеніе какъ будто пробудило что то въ ея памяти. Она взглянула на него, потомъ посмотрѣла на меня, и на ея лицѣ показалась улыбка. Она узнала меня. Они тронулись далѣе легкой рысью, и она болѣе не оборачивалась. Нѣсколько времени я простоялъ на перекресткѣ, слѣдя за удалявшеюся кавалькадой; потомъ я вспомнилъ, что отсталъ отъ дяди, и нагналъ его.

Всѣ мои мысли были поглощены неожиданнымъ появленіемъ Беатрисъ; я помнилъ только, что ея фамилія была Норманди, но совершенно позабылъ, что Гарвелъ былъ сынъ, а она—падчерица нашей сосѣдки леди Аспрей, я позабылъ въ это время и о существованіи такой сосѣдки. Меня страшно поразило появленіе Беатрисъ въ Соррей; она представлялась мнѣ такой, какою была двадцать лѣтъ тому назадъ въ Бледсоверскомъ паркѣ, находившимся за сорокъ миль отъ этого мѣста. И вотъ, она стояла предо мною живая и даже какъ будто не измѣнилась! Тотъ же свѣжій румянецъ пробивался на ея щекахъ. Казалось, что еще только вчера мы цѣловались съ нею въ папоротникахъ...

— Э?—спросилъ я, не разслышавъ словъ моего дяди.

— Ты можешь бранить аристократію, сколько тебѣ угодно, Джорджъ,—сказалъ мой дядя,—но лордъ Карнаби это—настоящій представитель стараго дворянства... Точно газонъ на Оксфордскихъ лугахъ; въ годъ не вырастишь. И не понимаю, откуда это у нихъ берется? Должно быть, широкое житье, Джорджъ. Это въ нихъ сидитъ съ самаго начала.

— Она точно сошла съ картины Ромнея,—сказалъ я про себя, думая про Беатрисъ.

— Они много о немъ болтають,—продолжалъ дядя,—но что это значить въ концѣ концовъ?

— Но какъ я могъ все это позабыть!—разсуждалъ я про себя. Этотъ рисунокъ бровей и шаловливая искра въ глазахъ, и какъ она вдругъ улыбается!

— Я не порицаю его,—сказалъ дядя.—Тутъ много виновато воображеніе. Также и бездѣлье, Джорджъ. Когда я

былъ молодъ, у меня было достаточно дѣла. Да и у тебя также. Но и при этомъ...

Меня особенно озадачивало то обстоятельство, что встрѣча съ Гарвелемъ не вызвала во мнѣ никакихъ воспоминаній о Беатрисъ, и я вспомнилъ при этомъ только наши мальчишескія столкновенія и драку. Теперь же, когда всѣ мои мысли были поглощены ею, это мнѣ казалось просто невѣроятнымъ...

III.

— Вотъ такъ штука!—воскликнула тетка, прочитавъ полученное ею письмо, сидя за кофейникомъ.—Отъ молодой дѣвицы, Джорджъ.

Мы сидѣли за завтракомъ въ углубленіи большого окна надъ клумбами ириса, въ Леди-Гровъ; дядя былъ въ Лондонѣ.

Я издалъ вопросительный звукъ въ ожиданіи продолженія.

— Кто такая Беатрисъ Норманди?—спросила тетка.—Никогда не слыхала о ней.

— Это она и есть молодая дѣвица?

— Да. Говорить, что знаетъ тебя. Я не знатокъ по части этикета, Джорджъ, но эта записка что то совсѣмъ необыкновенное. Въ сущности, она говоритъ, что ея мать...

— То есть махиха?

— Ты, кажется, все о ней знаешь. Она говоритъ, что ея „мать“—Леди Оспрей. Какъ ни какъ, они собираются сдѣлать мнѣ визитъ въ слѣдующую среду въ четыре, и ты долженъ быть къ чаю.

— Что?

— Да, къ чаю... Она была не безъ характера, когда я ее знала.

Я замѣтилъ, что тетка съ любопытствомъ посматриваетъ на меня изъ за кофейника. Когда наши взгляды встрѣтились, я почувствовалъ себя неловко, покраснѣлъ и засмѣялся.

— Я зналъ ее еще до васъ,—сказалъ я и передалъ ей подробно все.

Тетка не спускала съ меня глазъ изъ за кофейника, пока я рассказывалъ. Она была сильно заинтересована и задала мнѣ нѣсколько вопросовъ.

— Почему ты ничего не сказалъ мнѣ тогда, когда ее встрѣтилъ? Ты думалъ о ней всю недѣлю,—сказала она.

— Дѣйствительно, странно, что я упустилъ это,—согласился я съ нею.

— Ты думалъ, что я напущусь на нее. Вотъ въ чемъ

дѣло,—рѣшительнымъ тономъ сказала тетка и принялась за чтеніе другихъ писемъ.

Двѣ дамы, дѣйствительно, пріѣхали аккуратно въ назначенный часъ, въ маленькомъ фэзтонѣ, запряженномъ паромъ пони, и мнѣ пришлось въ первый разъ созерцать, какъ тетка принимала свѣтскій визитъ. Мы пили чай на террасѣ подъ кедромъ; леди Оспрей была такая закоренѣлая протестантка, что никогда не видѣла внутренности этого (католическаго) дома, и намъ пришлось обойти его съ гостями, что напомнило мнѣ первое мое посѣщеніе этого мѣста. Хотя все мое вниманіе было поглощено Беатрисъ, но у меня сохранилось воспоминаніе о контрастѣ, который представляли между собою двѣ другія женщины. Съ одной стороны, моя тетка, высокая, худощавая, неловкая, въ синемъ домашнемъ платьѣ, страстная любительница чтенія и не лишенная остроумія; съ другой—дама знатнаго происхожденія, маленькая и пухлая, нарядно одѣтая, жившая на интеллектуальномъ уровнѣ приличныхъ романовъ, розовая и нѣсколько смущенная странностями моей тетки. Одна изъ нихъ, казалось, была сдѣлана изъ китоваго уса, другая — изъ тѣста. Моя тетка была взволнована, отчасти вслѣдствіе непривычной трудности ея положенія, не зная, какъ держать себя съ незнакомой важной дамой, отчасти потому, что ей ужасно хотѣлось наблюдать за нами съ Беатрисъ. И ея нервное настроеніе приняло свойственную ей форму угловатыхъ жестовъ и крайне странныхъ выраженій, приводившихъ въ полное недоумѣніе титулованную даму. Я увѣренъ, что леди Оспрей выражалась о ней потомъ, какъ о „самой эксцентричной особѣ“.

Это уже можно было предвидѣть по ея манерѣ во время визита.

На Беатрисъ было скромное коричневое платьѣ и смѣлаго пошиба шляпа съ широкими полями; и мнѣ казалось страннымъ—видѣть ее взрослой. Она руководила своей махихой при началѣ свиданія, старательно рассматривала мою тетку и направила насъ въ обходъ дома; потомъ, съ веселой улыбкой на лицѣ, она сосредоточила все свое вниманіе на мнѣ.

— Мы съ вами не встрѣчались,—сказала она,—съ тѣхъ поръ...

— Это было въ Уорренѣ.

— Конечно, въ Уорренѣ, — сказала она. — Я помню все, кромѣ названія... Мнѣ было тогда восемь лѣтъ.

Ея улыбающіеся глаза вопросительно смогрѣли. Я смѣло встрѣтилъ ея взглядъ, только не зналъ, что мнѣ сказать.

— Я безсовѣстно тогда васъ предала, — сказала она

задумчиво взглянувъ мнѣ въ лицо. — А потомъ я выдала Арчи.

Она смотрѣла въ сторону, и ея голосъ сдѣлался тише.

— Его приколотили за вранье!—сказала она, какъ будто съ удовольствіемъ вспоминая объ этомъ.—А послѣ того я пошла въ нашъ вигвамъ. Помните нашъ вигвамъ?

— Въ Вестъ-Вудъ?

— Да, и плакала, сознавая, сколько я вамъ сдѣлала зла... Я часто думала объ этомъ потомъ...

Леди Оспрей остановилась, пока мы не подошли.

— Какая чудная галерея, моя дорогая! — сказала она, совсѣмъ ужъ безцеремонно уставясь на меня глазами и видимо недоумѣвая, кто я такой.

— Мнѣ говорили, что эта дубовая лѣстница очень хороша,—сказала тетка, показывая дорогу.

Въ то время, какъ леди Оспрей, подобравъ свое платье, собиралась подняться на галерею, она повернула голову и бросила самый многозначительный взглядъ на свою падчерицу. Главное его значеніе, несомнѣнно, заключалось въ предостереженіи относительно моей особы. Мнѣ удалось уловить отраженіе въ зеркалѣ отвѣтнаго взгляда Беатрисъ, представлявшаго собою быстро промелькнувшую ядовитую гримасу. Леди Оспрей слегка покраснѣла и онѣмѣла отъ негодованія; было очевидно, что она отказывалась отъ всякой отвѣтственности, подымаясь по лѣстницѣ вслѣдъ за моею теткой.

— Здѣсь темно, но тутъ есть своего рода величіе,—громко сказала Беатрисъ, окидывая спокойнымъ взглядомъ залъ и замедляя шагъ, чтобы отстать отъ другихъ. Она стояла въ это время ступенькою выше, такъ что смотрѣла мнѣ черезъ голову.

Когда шедшіе впереди, по ея мнѣнію, уже не могли насъ разслышать, она внезапно повернулась ко мнѣ.

— Но какъ вы сюда попали?—спросила она.

— Сюда?

— Ну да, въ это мѣсто. — И она выразительнымъ жестомъ руки охватила залъ, съ его высокими окнами, и освѣщенную солнцемъ террасу.—Вѣдь ваша мать была тогда экономкой?

— Повезло. Мой дядя сдѣлался большимъ финансистомъ. Прежде онъ былъ мелкимъ аптекаремъ въ городкѣ за двадцать миль отъ Бледсовера. Теперь мы стоимъ во главѣ большихъ дѣлъ, устраиваемъ акціонерныя кампаніи,—большіе люди, по новому образцу.

— Я понимаю,—и она посмотрѣла на меня заинтересованными глазами, очевидно, соображая все это.

— И вы меня узнали?

— Да, черезъ нѣсколько секундъ. Я замѣтила, что вы узнали меня. Я также вспомнила, что вы мнѣ знакомы, но не знала—кто вы. Благодаря присутствію Арчи, я припомнила.

— Я очень радъ, что встрѣтился съ вами, — рѣшился я сказать. — Я васъ не забылъ.

— Дѣтскія времена никогда не забываются.

Мы взглянули другъ на друга, видимо довольные нашей встрѣчей. Я не знаю, какъ это выразить. Но намъ было пріятно быть вмѣстѣ. Мы оба чувствовали это. Между нами сразу установились простыя пріятельскія отношенія.

— Какъ все это красиво! — слышался голосъ сверху и потомъ: — Беа-трисъ!

— Мнѣ столько нужно узнать о васъ, — сказала она съ дружескою интимностью, когда мы поднимались по лѣстницѣ.

Когда мы вчетверомъ сидѣли за чаемъ подъ кедромъ, она навела разговоръ на мою аэронавтику. Моя тетка при этомъ упомянула о переломленныхъ ребрахъ. Леди Оспрей, видимо, относилась несочувственно къ воздухоплаванію, какъ предмету разгора: это было, по ея мнѣнію, какимъ-то кощунственнымъ вторженіемъ въ сферу ангеловъ.

— Пока мы еще не вполнѣ летаемъ, — объяснилъ я.

— Да этого никогда и не будетъ, — отрѣзала она.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ я, — сдѣлаемъ, что можно.

Маленькая дама показала своей, облеченной въ перчатку, рукой высоту, фута на четыре отъ полу.

— Вотъ столько, — сказала она, — и не больше. — При этомъ она выразительно покраснѣла и утвердительно повторила: „Нѣтъ“, отрывисто кашлянувъ при этомъ.

Она отказалась отъ предложеннаго ей печенья. Обращенные на меня глаза Беатрисъ были полны веселаго смѣха. Я лежалъ на травѣ, и, должно быть, это навело леди Оспрей на цитату изъ библіи, которую она слегка перепутала.

— И будешь ходить на чревѣ своемъ во всѣ дни жизни, — торжественно произнесла она.

Послѣ того мы прекратили разговоръ объ аэронавтикѣ.

Беатрисъ сидѣла, какъ то съевъ, въ своемъ садомъ креслѣ и смотрѣла на меня съ тѣмъ же нѣсколько агрессивнымъ любопытствомъ, какъ и въ старыя времена за чайнымъ столомъ въ комнатѣ моей матери. Она поразительно напоминала мнѣ мою прежнюю маленькую Бледсоверскую принцессу: тѣ же непокорные выбивающіеся во-

лосы, тотъ же голосъ,—все это, къ удивленію моему, осталось безъ перемѣны. Ея планы создавались также быстро, и она приводила ихъ въ исполненіе съ такою же рѣшительностью.

Она внезапно встала.

— Что тамъ за террасой?—спросила она,—и я тотчасъ же очутился возлѣ нея.

Я придумалъ несуществующій видъ. Она преспокойно усѣлась на обросшемъ мхомъ каменномъ паркетѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ террасы.

— Ну, рассказывайте мнѣ теперь о себѣ,—сказала она.— Я хочу знать о васъ. Всѣ знакомые мнѣ мужчины пусто-головые! Всѣ они повторяютъ одно и то же. Какъ вы попали сюда? Всѣ *тѣ* родились и выросли въ такихъ мѣстахъ. Иначе, имъ никогда бы сюда не попастьъ. Имъ бы и въ голову не пришло. Вы же поднялись.

— Да, если только это подъемъ?—сказалъ я.

Она сразу повернула на другую тему.

— Я не знаю, поймете ли вы, — но мнѣ такъ интересно опять встрѣтиться съ вами. Я всегда помнила васъ,—ужъ не знаю почему. Вы для меня играли роль манекена, когда я придумывала разныя исторіи. Но вы какъ то неукладывались въ моихъ исторіяхъ, когда я облакала васъ въ готовое платье представителя рабочихъ въ Палатѣ, или Брадло, или кого-нибудь въ этомъ родѣ. Это совсѣмъ на васъ не похоже. А вмѣстѣ съ тѣмъ, что то есть! — И она опять посмотрѣла на меня.

— Вамъ пришлось много бороться? Такъ говорятъ, я не знаю почему.

— Меня выбросилъ сюда простой случай,—сказалъ я.— Никакой борьбы не было. Развѣ, чтобы не сдѣлаться мошенникомъ,—да и тутъ не вполнѣ. Мы съ дядей просто намѣшали какой то аптечный составъ, и онъ вынесъ насъ. Какая тутъ заслуга! Но вы все время оставались здѣсь? Расскажите мнѣ, что вы дѣлали, съ самаго начала.

— Одного мы не сдѣлали. — И она задумалась на моментъ.

— Что?—спросилъ я.

— Не сумѣли выставить наслѣдника въ Бледсоверъ. Такъ онъ и попалъ въ руки Фильбриковъ. И они его сдали въ наемъ. Мы съ мачихой также сдали. И теперь живемъ въ маленькомъ домѣ.

Она кивнула головой черезъ плечо и опять обратилась ко мнѣ.

— Ну, пусть это будетъ дѣломъ случая. Все равно, вы здѣсь! А разъ вы здѣсь, что вы думаете дѣлать? Вы мо-

лоды. Можетъ быть, собираетесь попасть въ парламентъ? Я какъ то слышала о васъ еще раньше, чѣмъ узнала, что это вы. И объ васъ именно говорили, что вамъ слѣдуетъ...

И тутъ она пустилась, видимо крайне заинтересованная, въ обсужденіе моихъ дальнѣйшихъ намѣреній. Это мнѣ напомнило тѣ времена, когда она хотѣла, чтобы я сдѣлался военнымъ.

— Вы хотите устроить летательную машину,—продолжала Беатрисъ.—А если вы полетите? Что же тогда? Имѣете вы въ виду военныя цѣли?

Я разсказалъ ей кое-что о моихъ опытахъ. Она никогда не слыхала о летающихъ аэропланахъ; все это возбудило ея воображеніе и сильно заинтересовало. Она думала, что до сихъ поръ дѣло ограничивалось только неосуществимыми проектами, и не подозрѣвала, что были такіе люди, какъ Пильчеръ и Лилиенталь, которые не даромъ пожертвовали для этого дѣла своею жизнью.

— Но это опасно! — сказала она такимъ тономъ, какъ будто этого еще не знали.

— Да, опасно...

— Беатрисъ!—позвала леди Оспрей.

Беатрисъ опустила съ стѣны.

— Гдѣ вы дѣлаете эти полеты?

— За Барроусъ. Къ востоку отъ Крестъ-Гилля и лѣса.

— Вы ничего не будете имѣть, если къ вамъ придутъ посмотрѣть?

— Когда хотите, только дайте мнѣ знать.

— Какъ нибудь приду на рискъ. И пожалуй скоро.— Она задумчиво посмотрѣла на меня, улыбнулась и нашъ разговоръ кончился.

IV.

Всѣ мои позднѣйшія работы по аэронавтикѣ связываются въ моихъ воспоминаніяхъ съ Беатрисъ, съ ея посѣщеніями, съ тѣмъ, что она говорила и дѣлала при этомъ, и съ моими собственными мыслями по отношенію къ ней.

Весною этого года я выработалъ типъ летательной машины, которой, повидимому, не доставало только устойчивости въ направленіи ея продольной оси. Моя модель носилась по воздуху, какъ птица, но, пролетѣвъ двѣсти или триста футовъ, начинала нырять носомъ и расшибала его объ землю, или еще чаще—опускалась кормой, скользила назадъ и разбивала свой двигатель. Извѣстный ритмъ въ этихъ колебаніяхъ былъ долго для меня загадкою. Я чувствовалъ, что они подчиняются какому-то, еще не выясненному закону.

Поэтому на нѣкоторое время я занялся теоріей и изученіемъ литературы вопроса, и это привело меня къ открытію, такъ называемаго *Принципа Пондерво*, за что меня выбрали въ члены Королевскаго Общества, гдѣ я сдѣлалъ три простран- ныхъ сообщенія по этому вопросу. Въ то-же время я констру- ировалъ нѣсколько моделей и напалъ на идею соединенія планера съ газовыми мѣшками. Воздушные шары представ- ляли для меня новое дѣло. Я сдѣлалъ два подъема на шарѣ Аэро-Клуба, прежде чѣмъ приступить къ устройству газометра и къ постановкѣ новыхъ навѣсовъ; я также помѣстилъ для практики Котона на два мѣсяца къ Сэръ Питеру Рѣмчезу. Часть денегъ, потребовавшихся на развитіе этого дѣла, я получилъ отъ дяди; онъ заинтересовался имъ, особенно послѣ объявленія о призывѣ лорда Бума и въ виду рекламы. И, по его желанію, я назвалъ свой первый дирижабль Лор- домъ Робертсомъ *альфа*.

Лордъ Робертсъ α чуть не положилъ конца всѣмъ моимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. У меня была идея примѣ- нить въ его конструкціи, а потомъ и въ его болѣе удач- номъ и извѣстномъ преемникѣ Лордѣ Робертсѣ β —сжи- мавшійся газовый мѣшокъ съ плоскимъ твердымъ осно- ваніемъ, имѣвшій форму опрокинутой лодки, который долженъ былъ поддерживать на воздухѣ весь приборъ. Га- зовый мѣшокъ состоялъ изъ отдѣльныхъ камеръ, какъ обы- ковенно принято, но безъ внутренняго баллона. Главная трудность заключалась въ томъ, чтобы все это могло сжи- маться. Я старался достигнуть этого, укрѣпивъ надъ нимъ длинную шелковую сѣть, свертывавшуюся на двухъ про- должныхъ прутахъ. Короче говоря, я сжималъ мой длинный газовый мѣшокъ, придавливая его сѣтью къ плоскому осно- ванію. Устройство его концовъ слишкомъ сложно для опи- санія, но я тщательно обдумалъ ихъ конструкцію. Лордъ Робертсъ α былъ снабженъ большимъ ординарнымъ винтомъ спереди и рулемъ позади. Двигатель помѣщался въ одной плоскости съ газовымъ мѣшкомъ. Я лежалъ прямо подъ нимъ на рамѣ, построенной, какъ у *планера*, вдали отъ дви- гателя и руля, которыми я управлялъ посредствомъ прово-лочныхъ оттяжекъ, конструированныхъ по принципу из- вѣстнаго велосипедистамъ тормазу Боудена.

Но Лордъ Робертсъ α уже былъ подробно описанъ въ разныхъ изданіяхъ, посвященныхъ воздухоплаванію. Его не- предвидѣнный недостатокъ оказался въ шелковой сѣткѣ. Она порвалась, какъ только я началъ сжимать газовый мѣ- шокъ, и два послѣдніе его сегмента высунулись въ отверстіе, какъ бываетъ съ внутренней трубкой поврежденной пневма- тической шины; потомъ острымъ краемъ надорванной сѣти

былъ прорѣзанъ промасленный шелкъ по слабому шву растянутого послѣдняго сегмента *баллона*, и онъ лопнулъ съ страшнымъ шумомъ.

До тѣхъ поръ все шло отлично. Пока я не сталъ сжимать газовый мѣшокъ, Лордъ Робертъ *α*, какъ дирижабль, не оставлялъ желать ничего лучшаго. Онъ двинулся изъ подъ навѣса со скоростью девяти или десяти миль въ часъ и, не смотря на противный вѣтеръ, сталъ подыматься и повернулъ ему на встрѣчу, не уступая любому судну.

Я лежалъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи, вытянувшись, съ опущеннымъ внизъ лицомъ; всѣ механическія детали прибора въ этомъ положеніи были для меня невидимы, и у меня получалось необычайное впечатлѣніе самостоятельнаго полета. Только повернувъ голову и взглянувъ вверхъ, я могъ видѣть плоскую нижнюю поверхность газового мѣшка и быстро вращавшійся винтъ. Я описалъ большой кругъ надъ Леди-Гровомъ и Доффильдомъ и благополучно сталъ возвращаться къ точкѣ отправленія.

Внизу освѣщенная лучами октябрьскаго солнца, стояла маленькая группа приглашенныхъ посмотреть на мой подъемъ; у всѣхъ лица были обращены кверху и многіе были вооружены биноклями. Я могъ разглядѣть Карнаби и Бетрисъ верхами и съ ними еще двухъ незнакомыхъ мнѣ дѣвицъ, Котопа и трехъ или четырехъ служившихъ у меня рабочихъ, мою тетку и гостившую у нея м-рисъ Левинштейнъ, ветеринара Диммока и двухъ-трехъ другихъ лицъ. Въ Леди-Гровѣ вся прислуга высыпала на лужайку, и площадка Доффильдской школы была покрыта дѣтьми, которыя, впрочемъ, оставались равнодушными къ аэронавтикѣ и продолжали свои игры. Но мѣстность по направленію къ Кресть-Гиллю имѣла какой-то неприглядный унылый видъ сверху; вездѣ виднѣлись группы и вереницы рабочихъ, бросившихъ свое дѣло и глазѣвшихъ въ вышину. Я висѣлъ нѣсколько моментовъ въ воздухѣ, наслаждаясь непривычнымъ чувствомъ паренія въ пространствѣ, потомъ, взявъ направленіе къ открытому плоскогорью, пустилъ двигатель полнымъ ходомъ и привелъ въ дѣйствіе приборъ для свертыванія сѣти и сжатія газового мѣшка. Моментально скорость движенія увеличилась, при замѣтно уменьшившемся сопротивленіи...

Но тутъ вдругъ произошло внезапное замедленіе хода, за которымъ моментально слѣдовалъ уклонъ передней части аппарата. Я до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ съ ужасомъ. Я рѣшительно не могъ себя представить, что случилось. Это было явѣ что таинственное и необъяснимое. Приборъ совершенно вышелъ изъ подъ контроля и сталъ нырять по-

сомъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался ударъ, и я почувствовалъ, что быстро падаю.

Я до того былъ пораженъ неожиданностью всего случившагося, что не въ состояніи былъ подумать о причинѣ удара. Вѣроятно, у меня было опасеніе, столь распространенное между современными аэронавтами, что искра отъ двигателя какъ нибудь сообщилась газовому баллону. Но я не былъ охваченъ пламенемъ, и, слѣдовательно, этого не могло быть. Но каковы бы ни были мои впечатлѣнія того момента, я отдалъ нажимы сѣти, что дало возможность расшириться газу въ мѣшкѣ, и это отчасти способствовало къ облегченію паденія. Я хорошенъко и не помню, что тутъ произошло. У меня сохранилось только головокружительное впечатлѣніе ландшафта, пока я быстро падалъ по какой-то плоской спирали; съ лѣвой стороны мимо меня неслись поля, коттеджи, деревья, а сверху меня точно придавливали разныя части аппарата. Я и не пытался застопорить двигатель. Винтъ продолжалъ вертѣться...

Котопъ зналъ гораздо болѣе меня о моемъ паденіи. Онъ рассказывалъ мнѣ потомъ о подъемѣ, объ уклонѣ передней части и послѣдовавшемъ затѣмъ взрывѣ точно надутаго пузыря. Послѣ того я понесся внизъ быстро, но по наклонной— „градусовъ въ двадцать, тридцать“ по его словамъ. Отъ него-же я узналъ, что отдалъ сѣть и тѣмъ облегчилъ паденіе. По его-же словамъ, я сохранилъ болѣе самообладанія, чѣмъ мнѣ казалось. Но странно, что я ничего не помню объ этомъ. У него осталось впечатлѣніе, что я направлялъ аппаратъ, съ намѣреніемъ опуститься въ буковой рощѣ у Фартинга.

— Вы ударились объ деревья, — говорилъ онъ, — и вся штука повисла внизъ носомъ и постепенно съежилась. Я видѣлъ, что васъ должно выбросить и, не дожидаясь далѣе, шобѣжалъ за моимъ велосипедомъ.

Въ дѣйствительности, это была чистая случайность, что я попалъ въ рощу. Я убѣжденъ, что я настолько же былъ въ состояніи контролировать приборъ, какъ предметъ, лежавшій въ мѣшкѣ. Я помню, что когда мимо меня неслись деревья, я съ ужасомъ ожидалъ послѣдняго момента: — „Вотъ сейчасъ!“ думалось мнѣ. Потомъ винтъ разбился на куски, все остановилось, при страшномъ толчкѣ, и я почувствовалъ, что падаю въ массу пожелтѣвшихъ листьевъ, между тѣмъ какъ *Лордъ Робертсъ а*, мнѣ казалось, — опять уносился въ небо.

Я чувствовалъ, какъ меня колотили вѣтки по лицу, но не ощущалъ боли; я ухватывался за что-то ломавшееся подъ моею тяжестью, и падалъ далѣе въ какую-то желто-зеленую

массу, пока, наткнувшись на сукъ, не повисъ на одной изъ вѣтвей.

Въ головѣ у меня какъ-то особенно прояснилось, и я почувствовалъ необычайную ловкость. Продержавшись моментъ за вѣтвь, я оглядѣлся, ухватился за другую и добрался до надежнаго сука, и потомъ, перекинувъ ногу, сталъ постепенно спускаться. Когда до земли оставалось футовъ десять, я опустился съ послѣдней вѣтви и сталъ на ноги. „Пока все ладно“, сказалъ я, стараясь разглядѣть между вѣтвями висѣвшіе на нихъ, въ видѣ бахромы, остатки того, что было когда-то Лордомъ Робертсомъ а.

— Боги!—воскликнулъ я,—вотъ такъ кувыркнулся!

Я сталъ оттирать какую-то мокроту съ своего лица и ужасно удивился, увидѣвъ, что вся моя рука была въ крови. Я осмотрѣлъ себя и также замѣтилъ значительное количество крови, сбѣгавшей съ плеча по рукѣ. Я замѣтилъ, что и ротъ у меня былъ полонъ крови. Я испытывалъ странное ощущеніе человѣка, сознающаго, что онъ сильно пораненъ, но еще хорошенько не знающаго, гдѣ и насколько. Я сталъ тщательно ощупывать свое лицо и нашелъ что-то незнакомое въ его очертаніяхъ съ лѣвой стороны. Оказалось, что конецъ сломаннаго сука пробилъ мнѣ насквозь щеку и повредилъ зубы и десны, при чемъ обломокъ его застрялъ гдѣ-то въ челюсти. Въ этомъ, кромѣ помятаго запястья руки, и заключались всѣ мои поврежденія. Но крови было столько, точно меня изрубили на куски, и мнѣ казалось, что мое лицо было точно вдавлено. Я не могу передать, до чего все это мнѣ показалось отвратительнымъ.

— Кровь нужно какъ-нибудь остановить,—проговорилъ я бессмысленно.—Гдѣ бы достать паутины?—Это было единственное средство, которое почему-то мнѣ пришло въ голову.

Вѣроятно, у меня была какая-то смутная идея добраться пѣшкомъ до дому, но, сдѣлавъ шаговъ тридцать отъ дерева, я свалился на землю.

Потомъ въ глазахъ у меня появилось какое-то черное пятно, постепенно застилавшее все окружающее. Я хорошенько и не помню, когда я упалъ. Я лишился чувствъ отъ крайняго возбужденія и потери крови и лежалъ, пока меня не нашелъ Котопъ.

Онъ первый увидѣлъ меня, когда мчался на велосипедѣ, спустившись съ холма и перескакивая заросли на землѣ Карнаби. Въ то время, какъ онъ старался привести меня въ чувство, примѣняя всѣ извѣстные ему методы, къ намъ подскакала верхомъ, въ сопровожденіи лорда Карнаби,

Беатрисъ. Она была безъ шляпы, блѣдна какъ смерть, и въ грязи отъ паденія съ лошади.

— И спокойная, какъ огурчикъ,—добавилъ къ своему разсказу Котопъ.

(У нихъ хоть и мало подъ часъ въ головѣ, но за то онѣ ея не теряютъ,—сказалъ при этомъ Котопъ, пускаясь въ общія разсужденія о женскомъ полѣ).

Онъ также замѣтилъ, какою рѣшительностью отличались всѣ ея дѣйствія при этомъ. Вопросъ шелъ о томъ, куда меня перенести,—въ домъ ли, занимаемый ея мачихой въ Бедлей Корнеръ, или въ усадьбу лорда Карнаби, въ Истингъ. У Беатрисъ не было никакого сомнѣнія на этотъ счетъ, потому что она рѣшила ходить за мною, пока я лежалъ. А Карнаби этого не хотѣлось.

— Она настаивала, что тутъ вдвое ближе,—говорилъ Котопъ.—И поставила на своемъ... Я терпѣть не могу голословныхъ утверждений. Потомъ я провѣрилъ разстояніе педометромъ, и оказалось ровно на сорокъ три ярда дальше.

— Лордъ Карнаби пристально посмотрѣлъ на нее,—заключилъ онъ свое описаніе,—и потомъ уступилъ.

V.

Но я перескочилъ въ своемъ разсказѣ съ іюня на октябрь, и за это время мои отношенія къ Беатрисъ, въ ихъ есельской обстановкѣ, получили новое развитіе. Она двигалась въ своей обычной орбитѣ, которая мнѣ была незнакома; уѣзжала въ Лондонъ и Парижъ, въ Валисъ и Нормамптонъ; ея мачиха также періодически появлялась и опять исчезала. Въ своей домашней жизни онѣ подчинялись порядкамъ, установленнымъ проживавшей у нихъ старой дѣвой Шарлотой; въ то же время Беатрисъ распоряжалась, какъ хозяйка, въ обширныхъ конюшняхъ Карнаби. Она съ самаго начала не скрывала того интереса, какой проявляла къ моимъ дѣламъ. Она стала посѣщать мои мастерскія и навѣсы и сдѣлалась любительницей аэронавтики, хотя въ этомъ отношеніи и не встрѣчала поощренія со стороны Котопа. Она появлялась у насъ то утромъ, то послѣ обѣда, то вечеромъ, то пѣшкомъ, въ сопровожденіи ирландскаго *терріера*. Иногда мы видѣлись три, четыре дня подъ рядъ; потомъ она вдругъ исчезала на двѣ или на три недѣли, и затѣмъ опять появлялась.

Очень скоро я уже сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать ея посѣщеній. Съ самаго начала она меня чрезвычайно заинтересовала. Для меня это былъ совершенно новый

женскій типъ. Я уже достаточно выяснилъ, какъ мало мнѣ вообще были знакомы женщины. Но, кромѣ того, онѣ пробудили во мнѣ и новый интересъ къ самому себѣ и внесли нѣчто новое въ тотъ міръ, въ которомъ я жилъ. Не знаю, какъ лучше выразиться,—но она сдѣлалась для меня какъ бы аудиторіей. Съ тѣхъ поръ, какъ уже были пережиты эволюціонныя стороны моего сближенія съ Беатрисъ, я много думалъ объ этомъ случаѣ, и мнѣ кажется, что роль такой взаимной аудиторіи между мужчинами и женщинами имѣетъ своего рода значеніе въ ихъ жизни. Для нѣкоторыхъ это является первой необходимостью, подобно пищѣ; другіе,—и въ числѣ ихъ мой дядя,—могутъ фигурировать и предъ воображаемой публикой. Мнѣ кажется, что я въ своей жизни обходился и могу обходиться безъ этого. Въ юности я самъ былъ своей аудиторіей. Въ продолженіе многихъ лѣтъ я забывалъ о себѣ и отдавался наукѣ. Пока я не встрѣтился опять съ Беатрисъ и не замѣтилъ, съ какимъ сочувствіемъ похвалою и поощреніемъ она относилась къ моей дѣятельности, я жилъ для одной работы, и всѣ мои интересы имѣли безличный характеръ. Теперь преобладающею стороною моей жизни сдѣлалось то впечатлѣніе, которое я производилъ на нее. Она была моею публикой, которой я старался понравиться. Я сталъ придумывать, въ связи съ этимъ, разныя эффектныя положенія и группировки, въ которыхъ она являлась центральной фигурой.

Я останавливаюсь на этихъ вещахъ потому, что онѣ являются для меня загадкой. Я думаю, что я былъ влюбленъ въ Беатрисъ,—какъ это обыкновенно понимается, но эта любовь совсѣмъ не походила на мою страсть къ Маріонъ, или чувственное влеченіе къ Эффи. То были инстинктивныя, эгоистическія чувства, вполне искреннія, какъ прыжокъ тигра. Но пока у насъ съ Беатрисъ дѣло не дошло до кризиса, въ немъ не малую роль играли воображеніе и порывы совершенно другого характера. Я говорю здѣсь серьезно (можетъ быть, это и нелѣпо съ моей стороны) о такихъ вещахъ, которыя въ глазахъ большинства представляются самыми обыденными и элементарными. Мнѣ кажется,—и я говорю это со всею осторожностью,—что наша любовь въ основѣ имѣла романтическій характеръ. Несчастная, порванная въ самомъ началѣ, исторія моего дяди съ м-рисъ Скримджеръ отчасти принадлежала къ той же категоріи, хотя и разнилась отъ первой по существу. Я долженъ это признать. Факторъ аудиторіи игралъ большую роль и въ томъ, и въ другомъ случаѣ.

Подъ вліяніемъ моего сближенія съ Беатрисъ, я почувствовалъ себя снова юнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Во мнѣ пробудилось какое-то честолюбіе, мнѣ хотѣлось свершить что-то высокое и красивое, проявить мужество и безстрашіе; на столько эта любовь, несомнѣнно, возвысила и облагородила меня. Но, съ другой стороны, она наводила меня на многое вульгарное и показное. Въ корнѣ ей не хватало искренности; она внесла въ мою жизнь нѣкоторый театралъный элементъ,—съ одной стороны, зрители, съ другой—сцена, гдѣ многое было скрыто отъ публики. Качество моей работы отъ этого не мало пострадало. И я во многомъ обрѣзалъ ея части, требовавшія кропотливаго, усидчиваго труда ради привлекавшихъ Беатрисъ (да и меня самого) показныхъ эффектовъ воздушныхъ полетовъ. Кромѣ того, во мнѣ какъ-то притупилось сознание нелѣпости всего этого...

Но этимъ не исчерпывались наши отношенія. Въ нихъ также былъ и основной элементарный мотивъ. И это обнаружилось совсѣмъ неожиданно.

Дѣло было лѣтомъ, не помню, въ іюлѣ или августѣ. Я испытывалъ новый аэропланъ, по своей конструкціи ближе подходившій къ птицѣ, съ изогнутыми крыльями, заимствованными у Лилиенталя, Пильчера и Филлипса, которыя должны были, по моимъ соображеніямъ, устранить неправильныя колебанія при полетѣ прибора. Я совершалъ полетъ на довольно значительное разстояніе, по направленію отъ моихъ сараевъ къ Тинкеръ Корнеру. Мѣстность представляла собою почти открытое плоскогорье, за исключеніемъ двухъ или трехъ зарослей бука и терновника, вправо отъ линіи моего пути. Я былъ весь поглощенъ моимъ опытомъ и внимательно слѣдилъ за дѣйствіемъ крыльевъ. Какъ вдругъ, совершенно неожиданно, на моемъ пути показалась верхомъ Беатрисъ, очевидно, ѣхавшая ко мнѣ. Она увидѣла меня черезъ плечо, пустила лошадь въ галопъ, и та бросилась въ сторону, прямо навстрѣчу низко летѣвшему прибору.

Былъ моментъ, когда мнѣ казалось, что мы должны неизбежно столкнуться. Мнѣ предстояло на выборъ: или подняться и потомъ сразу опуститься, при чемъ я рисковалъ упасть на нее, или подняться противъ вѣтра и перелетѣть черезъ нее. Я избралъ послѣднее. Она уже успѣла сдержать лошадь и, склонившись къ ея шеѣ, смотрѣла вверхъ, тогда какъ я, съ распростертыми крыльями прибора, переносился черезъ нее, при чемъ былъ напряженъ каждый нервъ въ моемъ тѣлѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА КРАЮ ЖИЗНИ.

Посвящается
Петру Филипповичу Якубовичу.

I.

Поселокъ былъ небольшой, въ нѣсколько дворовъ, и сѣлъ онъ своими черными слѣпыми избами на краю крѣпи, неширокой косою вдававшейся въ огромныя болота. Куда-то уходили эти сѣрыя поросшія корявой березкой зыби, и отъ однообразнаго скучнаго вида ихъ казалось, что имъ нѣтъ конца, какъ нѣтъ въ нихъ жизни: вѣчно сѣрыя, однообразныя и неподвижныя, равнодушно смѣняющія острый и холодный блескъ снѣга на тусклую, словно посыпанную пепломъ зелень.

И лѣсъ, отъ котораго стлались они, застылъ въ молчаніи. Въ немъ была, вѣроятно, жизнь, но она пряталась въ темныхъ дебряхъ его, таилась въ гущерѣ, а опушки были мертвы, и сурово и холодно смотрѣли старыя сосны густыя, вѣтвистыя и неподвижныя, потерявшія счетъ времени и равнодушныя къ нему, какъ къ теплу и холоду, снѣгу и солнцу.

Слѣпымъ, приниженнымъ звѣремъ выползъ изъ лѣса поселокъ, больнымъ и старымъ, уже безнадежнымъ, уже забывшимъ силу и молодость, старой привычкой дотягивающимъ темные дни. Выползъ на пригорокъ въ послѣднемъ усилии уйти отъ темной звѣриной тоски, уперся въ безкрайныя болота и легъ, тупо уставившись въ низкое небо, и сталъ ждать смерти.

Уже ничего не ждалъ отъ холодной смѣны дней, потому что не было радости въ нихъ, и съ угрюмымъ равнодушіемъ принималъ все, что посылали они ему.

Когда ссыльный Илья Торнъ, гуляя съ своей беременной и больной женой по единственной, ведущей въ поселокъ дорогѣ, смотрѣлъ издали на кучу почернѣвшихъ отъ непо-

годы избѣ, нервное, изжелта блѣдное лицо его морщилось напряженной, мучительной гримасой.

Онъ говорилъ:

— Здѣсь нельзя жить. Жизнь возможна здѣсь только для тѣхъ, въ комъ опустѣла душа, кто самъ трупъ. Смотри, Анна: вѣдь это звѣрь, темный, умирающій звѣрь. Смотри, изба, гдѣ живетъ Поповъ и Шутовъ — это голова и глазъ: видишь, мутный, потускнѣвшій отъ холодной старости глазъ. А гдѣ Рымша и Крендельщиковъ — спина: сѣрая, сѣдая, старая, облѣзлый хребетъ сивой соломы.

Анна смотрѣла сѣрыми, потухшими отъ страданій болѣзненной беременностью глазами, похожими на глаза измученной, покорной лошади, и, стараясь разбудить въ себѣ такъ недавно и странно ушедшую бодрость, отвѣчала:

— Я знаю, я вижу, я все понимаю, Элли, — она звала его такъ, какъ звали Торна въ дѣтствѣ, когда онъ былъ мальчикомъ бѣдной еврейской семьи, ей нравилась интимная мягкость этого звука чуждой и мало знакомой рѣчи, — я чувствую все, что ты думаешь... И когда я такая, когда не больно, я такъ вижу... такъ вижу...

Она заглядывала ему въ лицо — сбоку и снизу, — и слабая извиняющаяся улыбка свѣтилась въ робкихъ глазахъ, и вся она казалась моложе.

Торнъ пожималъ локтемъ лежавшую на его рукѣ блѣдную, исхудавшую руку, и ему становилось стыдно.

— Ты прости меня, Анна; я вѣчно ворчу, вѣчно разстраиваю тебя; я ужасный эгоистъ. Но подумай, подумай сама: вѣдь это звѣрь, настоящій звѣрь съ непонятной намъ дикой психологіей, способный равнодушно и спокойно задавить насъ, какъ давить петлями своихъ силковъ другихъ звѣрей. Онъ чуждъ всему, чѣмъ живемъ мы, и въ своей животной, угрюмой подозрительности слѣдитъ за каждымъ нашимъ шагомъ и ждетъ чего-то... И копить злобу на то, что мы здѣсь, что мы мѣшаемъ ему жить своимъ присутствіемъ, какъ будто мы виноваты, что насъ заслали сюда...

Онъ вдругъ вспыхивалъ и загорался живымъ, перебѣгающимъ огнемъ, какъ всегда, когда вспоминалъ объ обстоятельствахъ своей ссылки. И не говорилъ уже, а почти кричалъ, отбросивъ руку жены и въ страстномъ безсиліи цѣпляясь тонкими, нервными пальцами за отвороты пиджака, какъ будто желая оттянуть ихъ.

— Заслали! — кричалъ онъ. — Ты понимаешь, Анна, когда Рилину арестовали, я понялъ, что я готовъ... Видѣлъ, что уже не уйти и ничего нельзя сдѣлать! Тогда началась эта исторія! Медленно, вѣрно и неуклонно сжимался какой-то кругъ, и я былъ въ центрѣ и видѣлъ, что все кончено...

И понимаешь, что ужасно: я видѣлъ, что сжимался онъ не отдѣльной волей отдѣльныхъ людей, а самъ собою, выталкивая меня вверхъ, такъ что я становился все виднѣе и виднѣе, все замѣтнѣе... Сжимался городъ; уже нельзя было ѣздить ни въ Лѣсное, ни въ Финляндію, сжимались улицы—на Подрѣзовую, на Пески, на Фарфоровый заводъ тоже уже нельзя было показаться; потомъ стали сжиматься дома... И люди... Понимаешь, было такое впечатлѣніе, какъ будто это не они меня ловятъ и во что бы то ни стало хотятъ поймать, а кто-то невидимый прячется за ними и дергаетъ невидимыя ниточки, а они двигаются безвольно, механически, и все ближе, все уже... Это такъ странно... И потомъ я такъ усталъ, такъ измучился, не спалъ по три ночи, что моментами нападалъ на меня ужасъ... Знаешь—нелѣпный, кошмарный ужасъ, и я не зналъ, чего я боялся... Т. е. я зналъ, я понималъ отлично, но я не того боялся, не то пугало меня, а что-то другое, вотъ то самое, что пряталось, невидимое, тайной волею котораго двигались жандармы, шпики, полиція, дворники...

— Потомъ провалы — одинъ, другой, третій; наконецъ, полный разгромъ... Иногда хотѣлось просто опустить руки и, впутавшись въ какую-нибудь дикую, пьяную исторію, отдаться... Потомъ, тюрьма...

Онъ опять заволновался и заблестѣлъ глазами, черными и сухими, всегда напряженными глубокимъ внутреннимъ огнемъ.

— Эта тюрьма... — началъ было онъ, но Анна дотронулась до его локтя.

— Что, опять?—перебивая себя, тревожно спросилъ онъ.

— Да... опять! Темно въ глазахъ, и ноги дрожатъ...—она говорила слабо и по затуманившемуся взору видно было, что она едва стоитъ на ногахъ. Торнъ подхватилъ ее и безпомощно оглянулся. Никого не было, и сѣсть даже было негдѣ, потому что дорога была грязна, и большія лужи выступившей отъ весеннихъ дождей болотной воды покрывали ее.

— Ахъ, что же это... какъ же!—растерянно бормоталъ Торнъ, мучительно сморщившись и закусивъ губу, чувствуя, что тѣло жены тяжѣетъ.—Какъ же такъ?..

Но она уже оправилась, открыла глаза и прошептала что-то.

— Что, что такое?—не разслышалъ онъ.

— Ничего, прошло, это такъ...—и съ мечтательной, изумленной улыбкой далекому и таинственному, что чувствовала въ себѣ, съ странной улыбкой на исхудавшемъ, блѣдномъ лицѣ, она добавила: „Такой сильный! Какъ засосетъ, засосетъ, такъ даже душно дѣлается...“

Она помолчала и, еще разъ улыбнувшись, наивно и трогательно, какъ ребенокъ, который хочетъ казаться большимъ и понимающимъ, сказала еще:

— Ему нужно!..

Они пошли дальше, а навстрѣчу имъ шла ночь. Глубокой синевой подымалась отъ горизонта, съ мертвыхъ болотъ и сѣрыхъ тѣни стлала по мшистымъ кочкамъ, опутывала дымкой низкорослыя березки—сухія и сморщенные, не выдающія молодости старушки,—и струилась холоднымъ блескомъ въ чистыхъ отъ мха окнищахъ.

Ближе былъ поселокъ, но слились избы въ одну кучу, прижались другъ къ другу и ждали ночь покорно и молчаливо, замкнувшись въ своей непонятной жизни.

Въ одной избѣ вспыхнулъ блѣдный свѣтъ, приникъ и опять вспыхнулъ жидкимъ перелетнымъ золотомъ.

— Смотри, Римма огонь зажгла, — тихо проговорилъ Торнъ,—самоваръ ставить, должно быть...

Анна не отвѣтила. Ей было холодно отъ сырого тумана, подымавшагося съ болота; она боялась простуды, такъ какъ болѣзнь грозила осложненіями въ ея положеніи, и куталась въ сѣрый, старый до того, что онъ сталъ разлѣзаться прорѣхами, платокъ.

Когда входили въ поселокъ, два сельчанина, черноволосые и рослые, въ одинаковыхъ сѣрыхъ асямахъ, отороченныхъ по воротнику и поламъ съ разводами и звѣздами черной бархатной тесьмы,—молча и какъ-будто угрюмо посмотрѣли на нихъ.

И когда Торнъ съ женой проходили мимо,—прямо въ лицо, но совершенно не думая о томъ, что его слышать, одинъ сказалъ другому:

— Гулявши...

— Такъ...—отозвался другой, переводя на него тяжелый и неподвижный взглядъ.

И опять оба замолчали и такъ стояли возлѣ посѣвшей на бокъ городьбы, въ темной и смутной думѣ.

II.

Римма, дѣйствительно, поставила уже самоваръ, и когда пришли Торнъ съ Анной, она возилась съ рыбой—единственное, что по весеннему времени можно было достать здѣсь.

Огромный до того, что, казалось, заполнялъ собою всю невысокую избу до потолка, непоротливый и тяжелый, Шутовъ помогалъ ей: щепалъ лучину и разводилъ на припечкѣ огонь подъ таганомъ.

По первому впечатлѣнію онъ могъ показаться тяжелымъ и суровымъ, а сѣрой отъ проступавшей сѣдины щеткой густыхъ низко остриженныхъ волосъ—старымъ, но достаточно было посмотреть въ маленькіе медвѣжьи глазки, весело и чуть-чуть насмѣшливо глядѣвшіе съ полного, но дѣтски-розоваго лица, взглянуть, какъ свободно и легко, съ сдержанной силой, носилъ онъ свое громадное тѣло, чтобъ тотчасъ же понять, что этотъ человѣкъ веселъ, добродушенъ и молодъ той особенной вѣчной молодостью, которой не могутъ угасить ни сѣдины, ни болѣзни, ни горе.

Съ серьезнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ онъ раскалывалъ толстое, сырое полѣно, дѣйствуя тяжелымъ топоромъ, какъ перочиннымъ ножикомъ, и рассказывалъ что-то, чему Римма смѣялась весело. Временами она поднимала голову и, опираясь согнутой кистью руки, выпачканной въ рыбьей шелухѣ налѣзавшіе волосы поглядывала на него длинно прорѣзанными матовыми глазами.

Она была очень похожа на брата, но сухая, нервная напряженность лица Торна сглаживалась въ ней особой дѣвической мягкостью, неясной и легкой, какъ смутное ожиданіе.

Несмотря на то, что Торнъ, ранѣе или позднѣе, все равно былъ бы арестованъ и сосланъ, а при плохо сложившихся обстоятельствахъ возможно что и повѣшенъ—его судили по двумъ дѣламъ, а въ третьемъ, наиболѣе серьезномъ, участіе его осталось нераскрытымъ,—Римма порою думала, что своимъ арестомъ она способствовала заарестованію брата, и всею жизнью въ ссылкѣ какъ бы искупала свою вину.

Не было такой черной работы, за которую она первая не ухватилась бы, и каждый день ея былъ полонъ тѣмъ, чтобы доставить ему наиболѣе удобствъ, сдѣлать наименѣе замѣтной тягость ссылки.

Дѣлала она это не по заранѣе обдуманному плану, можетъ быть, не по сознанію даже, а по внутреннему влеченію, по особому чутью огромной, всеобъемлющей любви. То, что она способствовала аресту брата, попавшись сама, было только исходной точкой, посылкой сознанія, на самомъ же дѣлѣ она не могла не заботиться о братѣ, его женѣ и товарищахъ, какъ не могла, несмотря на все неудобство и трудность этого въ условіяхъ ссылки, не мѣнять часто бѣлья, не одѣваться опрятно и красиво.

— Да, вотъ вы смѣтаетесь,—говорилъ Шутовъ, стараясь соорудить подъ таганомъ маленькій костеръ изъ наколотой лучины,—а эти два господина, устраивая какую-нибудь штуку туземнымъ обывателямъ, тѣмъ самымъ подрываютъ довѣріе къ намъ.

Онъ говорилъ о двухъ ссыльныхъ, случайно попавшихъ въ ссылку вмѣсто арестантскихъ ротъ и по недоразумѣнію считавшихся политиками.

— Но вѣдь должны же они понять,—возражала Римма,—что Крендельщиковъ и Римша совсѣмъ другіе? Вѣдь это же видно сразу...

— Вотъ, по нашему съ вами, должны, а они не видятъ и не понимаютъ,—усмѣхнулся Шутовъ.

Вошли Торнъ и Анна. Огонекъ на припечкѣ былъ слабъ и не ярокъ, но и при немъ бросалась въ глаза блѣдность Анны.

Едва войдя, она тяжело опустилась на придѣланную къ стѣнѣ скамью и сидѣла въ усталой и безсиьной позѣ, разложивъ руки на колѣняхъ и склонивъ голову.

— Вамъ худо? Да, худо?—подошла къ ней Римма:—опять дурнота?

Анна подняла голову и улыбнулась.

— Устала!—какъ бы извиняясь, проговорила она,—это сейчасъ пройдетъ...

Торнъ стоялъ возлѣ, закусивъ губу.

— Это я, это я виновать,—бормоталъ онъ, шевеля бровями,—всегда я виновать... Пошли далеко, вотъ и худо...

— Пустяки, прошло!—опять улыбнулась Анна и съ усиленіемъ встала.—И чѣмъ ты виновать? Я сама хотѣла...

— Нѣтъ, я, я, я...—твердилъ онъ, тревожно поглядывая на жену и все шевеля густыми, почти срастающимися на переносицѣ, бровями, что бывало съ нимъ, когда онъ волновался.

Въ ссылкѣ онъ изнервничался и быстро переходилъ отъ настроенія къ настроенію, волнуясь по малѣйшему поводу и всегда и во всемъ виня себя, свою несдержанность и эгоистичность.

— Васъ послушать, такъ можно подумать, что вы главнымъ образомъ виноваты въ томъ, что всѣ мы живемъ здѣсь,—замѣтилъ Шутовъ.

Торнъ быстро обернулся къ нему.

— Я...—началъ было онъ, но Шутовъ замахалъ на него руками.

— Знаю, знаю, что скажете, даже—что думаете, знаю! И слушать не буду: пора электричество зажигать...

Электричествомъ звали лучину. Въ крохотномъ заброшенномъ на край земли поселкѣ нельзя было достать керосину. Заготавливали лучину, сушили ее и по вечерамъ жгли, юмористически относясь къ дыму и гари, какъ и къ трепетному, неровному свѣту.

При огнѣ стало уютнѣе. Спряталась въ мелькающихъ

тѣняхъ убогая бѣдность обстановки, не такъ угрюмы были черныя стѣны курной избы, и запахъ дыма отъ тагана сталъ какъ-будто легче.

Анна сѣла на кровать и, пристроивъ за спину подушку, задремала. На нее часто нападала эта легкая, призрачная дремота, въ которой сонъ и явь странно и удивительно путались.

Должно быть, очень обезсилѣла она, потому что въ ушахъ шумѣло и начинала болѣть голова: медленно, какъ-будто не осмѣливаясь, сжимала боль правый високъ, и въ странной связи съ нею похолодѣли руки и въ концахъ пальцевъ было такое ощущеніе, будто они затекли и теперь медленно отходятъ.

— Мигрень...—съ тоской подумала она и хотѣла испугаться предстоящей мучительной боли, но, задыхаясь, и въ чуткой дремѣ видѣла и то, что дѣлалось въ комнатѣ, и еще что-то болѣе важное и близкое.

Суетливо, шаркая слишкомъ большими сапогами, ходила отъ печки къ столу Римма, звенѣла посудой, и звонъ металлической ложки, толкнувшейся о стаканъ, казался длиннымъ, острымъ и свѣтлымъ, а дробное бренчанье качающейся на шаткомъ столѣ чашки представлялось рядомъ постепенно уменьшающихся стеклянныхъ шариковъ, разсыпавшихся по полу.

Торнъ говорилъ что-то—милый Элли!—и какъ всегда сухими быстрыми пальцами тянулъ отвороты пиджака. Что говорить онъ? Ахъ да, забыли!.. Насъ забыли! Живутъ, ходятъ въ театры, читаютъ газеты, ужинаютъ и спорятъ, а насъ забыли...

Сладкая истома охватила ее, и если бы не усиливающаяся боль въ вискѣ и этотъ непріятный зудъ въ пальцахъ—было бы совсѣмъ хорошо.

Она заснула неожиданно и крѣпко но не больше, какъ минутъ на десять. И проснулась отъ усилившейся головной боли. Напряженно и угрожающе билась въ правомъ вискѣ какая-то жилка, и было такое впечатлѣніе, какъ будто тамъ стучалъ острый, сверкающій молотокъ и такъ больно, что за каждымъ разомъ жмурились глаза.

Что-то измѣнилось въ избѣ, и сначала трудно было понять, что именно. Больше было народу: пришли Римма и Крендельщиковъ, съ которыми Торнъ занимался по вечерамъ. Анна не любила ихъ за то, что это были люди совсѣмъ другого міра, котораго она не знала и, выросшая въ богатой семьѣ въ большомъ городѣ, привыкла бояться. Съ дѣтства ее оберегали отъ этого міра, не позволяя идти вечеромъ по улицѣ безъ провожатаго, и все окружавшее ее, начиная съ близ-

кихъ и кончая газетами, прививало ей недовѣріе къ нему—темному и неизвѣстному, прячущемуся гдѣ-то въ чердакахъ и подвалахъ, боящемуся дня и выползающему на шумныя улицы только ночью и для ночи.

Какую-то враждебность чувствовала она въ немъ, быть можетъ—особую правду свою, непохожую на другія правды, жестокую и скрытную. И не вѣрила этимъ двумъ молодымъ и здоровымъ парнямъ, вышедшимъ изъ того міра и случайностью брошеннымъ въ ссылку. Они приходили заниматься и рѣшали задачи, писали подѣ диктовку и слушали, какъ Элли, волнуясь и увлекаясь, рассказывалъ имъ исторію, а ей казалось, что приходятъ они только для того, чтобы напиться чаю и поѣсть, и, въ сущности, смѣются надъ наивнымъ и добрымъ Элли.

И не вѣрила, когда Крендельщниковъ, широкоплечій, краснолицій, съ низкимъ мясистымъ лбомъ, нависающимъ надъ узкими сѣрыми глазками, жаловался на боль въ груди и кашлялъ, прикрываясь для вѣжливости рукою...

Еще кто-то былъ въ избѣ. Не открывая глазъ, Анна прислушалась и по шепоту догадалась—кто. Это пришелъ Поповъ, сожитель Шутова, студентъ и теперь сидитъ съ Риммой въ дальнемъ углу, и говорятъ они шепотомъ, чтобы не мѣшать занятіямъ за столомъ.

Они видятся каждый день, и всегда у нихъ есть о чемъ говорить, и никогда имъ не скучно вдвоемъ. Это отъ молодости: она всегда и вездѣ одинакова, даже въ такой дырѣ, какъ эта Несь..

— Несь, какое странное названіе! Нелѣпное слово, которое ничего не значить... И зачѣмъ эти старовѣры называли такъ свой поселокъ? И вообще—зачѣмъ они живутъ здѣсь? Пашни у нихъ мало и то далеко, лѣсъ тоже далеко, рѣка тоже... Зачѣмъ они влѣзли сюда, въ болото и поселились? Ничего нельзя понять. А зачѣмъ они, ссыльные, здѣсь? Тоже непонятно! Привезли и бросили и всѣ забыли ихъ. Да, это вѣрно говорить Элли, забыли, ходятъ въ театры, читаютъ газеты и забыли... Вѣдь свои же близкіе, а забыли. Ничего, ничего нельзя понять!...

Это было такъ неожиданно горько, что всѣ забыли,—что Анна застонала, тихо и протяжно.

У стола сразу смолкъ голосъ Торпа, и что-то темное нагнулось на нее. Съ усиленіемъ и болью она открыла глаза и увидѣла чернѣйшій силуэтъ мужа, склонившійся надъ нею, и его тревожное, взволнованное лицо.

— Что, голова болитъ? Опять болитъ? —спрашивалъ онъ: —можетъ быть, полотенце помочить?

Она смотрѣла въ черные, чуть мерцавшіе глаза и соби-

ралась отвѣтить, но опять застонала жалобно и слабо. И только послѣ этого сказала:

— Нѣтъ, погоди; можетъ быть, пройдетъ еще...

И опять закрыла глаза, отдаваясь смутной и сладкой дремѣ, что опутывала тѣло тугой и тяжелой паутиной.

Снова пришелъ сонъ, такой же неожиданный и быстрый и это было знакомъ того, что ночь будетъ безъ сна, мучительно-длинная и страшная отъ непрестанно нарастающей боли.

Шутовъ первый поднялся.

— Что вы такъ рано?—шепотомъ, поглядывая на жену, спросилъ Торнъ.

— Голова у Анны Васильевны,—также шепотомъ отвѣтилъ тотъ и протянулъ руку.

Съ нимъ ушли и Крендельщиковъ съ Римшей. Поповъ остался на нѣкоторое время. Ему пріятно было побыть хоть нѣсколько минутъ наединѣ съ Риммой.

— Я сейчасъ уйду,—прошепталъ онъ, какъ бы извиняясь.

Римма посмотрѣла на него сбоку большимъ, длинно про-
рѣзаннымъ глазомъ и сейчасъ же опустила вѣки. Она не хотѣла, чтобы студентъ видѣлъ, что она пеняла его, быть можетъ, не такъ, какъ хотѣлъ сказать онъ.

— У меня тоска,—продолжалъ шептать онъ, слѣдя за тѣмъ, какъ Торнъ, не переносившій даже временнаго бездѣлья, принялся за тетрадь въ черномъ клеепчатомъ переплетѣ, куда онъ записывалъ все, что могъ извлечь изъ ссылки интереснаго ему, какъ статистику-экономисту.—У меня тоска,—шепталъ Поповъ, глядя на нахмуренный, плотно обтянутый сухой, блѣдной кожей лобъ Торна и чувствуя, что эта тоска, какъ будто, шла отъ этого сухого, высокого лба и черного, по угламъ облупившагося переплета тетради въ рукахъ Торна.—Я знаю, что это нелѣпо и не должно быть, и не надо быть такимъ, но мнѣ тяжело и больно... Когда я подумаю, что пройдутъ дни и много дней, и много мѣсяцевъ, а я все буду сидѣть въ этой идиотской Неси безъ книгъ, безъ газетъ, въ грязи и голодѣ, безъ интереснаго дѣла—меня охватываетъ ужасъ... Я кисну... и мнѣ надо идти домой,—закончилъ онъ и съ грустной насмѣшкой надъ собою поглядѣлъ на Римму.

— Это такъ, это ничего,—заговорила она и не кончила. Она боялась сказать, что это пустяки и не важно, боясь обидѣть легкомысленнымъ отношеніемъ его чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось ободрить его чѣмъ-нибудь, а словъ не было.

Онъ поднялся, молча пожалъ руку Торну и пошелъ въ сѣни. Римма вышла проводить его.

Ночь уже была; но была она блѣдная сѣверная ночь, холодная и свѣтлая отъ вздымавшагося съ болотъ тумана, странная этимъ блесымъ, мертвеннымъ свѣтомъ. Изба ихъ была крайней въ поселкѣ, и прямо за ней разстилалась печальная равнина болотъ, теперь похожихъ на ровныя, безплодныя поля. Бѣлый блестящій мѣсяцъ стоялъ высоко въ свѣтломъ небѣ, чуждый и далекій, равнодушно слѣпой ко всему, что было подъ нимъ. Не робкое, не чуткое, не напряженное, а глубоко безнадежное молчаніе лежало на всемъ необозримомъ пространствѣ колеблющихся въ туманѣ болотъ: не свистали птицы, не слышалось осторожной поступи звѣря, даже лягушекъ не было. И когда вспоминалось, что эта свѣтлая, прозрачная ночь разлеглась на необозримомъ пространствѣ, что сколько бы ни идти въ нее—все будетъ только она безъ звуковъ и жизни и становилось жутко.

— Тоска, тоска! — проговорилъ Поповъ и снизу — онъ стоялъ уже на послѣдней ступенькѣ крыльца, а Римма была на верху—посмотрѣлъ на нее. Въ смутномъ ночномъ свѣтѣ лицо его было блѣдно и ново и на немъ странно-ярко темнѣли глаза.

Онъ смотрѣлъ на нее и, какъ будто, ждалъ чего-то, а она боялась догадаться и не знала, чѣмъ помочь ему. Такъ жалко было, что этотъ крѣпкій молодой мужчина гаснетъ здѣсь, такой сильный и временами веселый тоскуетъ и скучно ему, и нельзя помочь.

Поповъ еще разъ взглянулъ на дѣвушку ожидающимъ, неувѣреннымъ взглядомъ, слабо пожалъ ея тонкія, загрубѣвшія въ черной работѣ пальцы и пошелъ по улицѣ.

А она долго еще стояла на крыльцѣ, прижавшись головою къ невысокому столбику, поддерживающему навѣсъ, и думала.

Уже незамѣтными, тайными путями влилось въ молочносѣдую ночь утро, выше стало небо, и мѣсяцъ висѣлъ въ немъ еще болѣе бѣлый и холодный, и синія тѣни протянулись по блестящему диску его, какъ по безстрастному, мертвому лицу.

Стало холоднѣе и сильнѣе запахло сыростью прѣющихъ болотныхъ растений и размокшей, не успѣвающей вобрать въ себя всей сырости, земель.

Римма поймала себя на мысли о Поповѣ и нахмурилась. Ей казалось, что она не имѣетъ права думать о такихъ, касающихся лично себя, вещахъ, и что позорно думать о немъ такъ, когда онъ, можетъ быть, совершенно не думаетъ и не

думалъ, и хотѣлъ просто подѣлиться съ товарищемъ по несчастью тяжелой минутой.

Она сморщила лобъ, отчего ея блѣдное въ утреннемъ полусвѣтѣ, тонкое и казавшееся прозрачнымъ лицо странно и трогательно напомнило подвижное и страстное лицо брата,— и пошла въ домъ.

Въ избѣ пахло дымомъ и рыбой, которую днемъ сушили на вѣтру подъ стрѣхою, а на ночь вносили въ домъ отъ сырости и тумана. У сельчанъ шелъ лозъ на дальнихъ тонахъ, и рыбу закупали на цѣлый годъ, развѣсивая ее причудливыми гирляндами подъ потолкомъ, у печки, по стѣнамъ.

Торнъ съ Анной не спали, хотя лучина была погашена, и они лежали уже въ постеляхъ. Раздвѣваясь, Римма прислушалась, о чемъ они говорили,—и съ болью поняла, что у нихъ опять идетъ одно изъ тѣхъ мучительныхъ и безцѣльныхъ объясненій, которыя съ нѣкотораго времени стали повторяться чаще и чаще.

Сдерживаясь, но уже волнуясь и безпокойно поскрипывая кроватью, Торнъ пытался сказать что-то, но безнадежный, прерывающійся всхлипываніями, голосъ Анны перебивалъ его и сыпалъ обиженныя, безсильныя слова, какъ торопливыя, частыя слезы.

— Нѣтъ, ты не говори, я знаю, я вижу, и не нужно говорить этого: тебѣ тяжело со мной... Я такая больная, беременная, худая... Нѣтъ, нѣтъ, не говори, я понимаю это! И отъ этого ты хочешь уйти отсюда, ты не любишь меня, я тебѣ въ тягость такая...

— Боже мой, Анна...—пытался возразить Торнъ, но она не слушала и говорила свое, сейчасъ ею выдуманное, чему она порывисто и страстно повѣрила, измученная тяжелой беременностью, тоской и ломающей болью въ правой сторонѣ головы.

— Молчи, молчи, я вижу, я все понимаю... Я тебѣ надоѣла, тебѣ тяжело со мной, надо возиться, а я больная... Ты хочешь уйти отъ меня, бросить меня... Тамъ жизнь, тамъ женщины...

— Анна!—болѣзненно вскрикнулъ Торнъ, и слышно было, какъ вскинулся на кровати.—Какую пошлость ты...

Онъ хотѣлъ сказать: „какую пошлость ты во мнѣ предполагаешь“, а она поняла, что онъ хочетъ сказать: „какую пошлость ты говоришь!“—и ей стало еще больнѣе, что тотъ самый Элли, котораго она такъ любить и боится потерять и который такъ недавно любилъ ее и говорить ей объ этомъ, теперь бранится грубо и жестоко.

— Ну да, пошлость, да, теперь и пошлость уже... Я

пошлая, я грязная, я не нужна тебѣ!—прерываясь обидными и большими слезами, бормотала она, съ ужасомъ чувствуя, что она говоритъ не то и не такъ и не въ силахъ остановиться,—а ты умный, благородный и не пошлый и бросаешь меня, хочешь побѣга, какъ освобожденія не отъ ссылки, а отъ больной, некрасивой, беременной, опротивѣвшей жены...

Римма видѣла, какъ Торнтъ, весь въ бѣломъ, худой и высокій, въ синемъ свѣтѣ утра шагаетъ, схватившись руками за голову, по избѣ, натыкаясь на столы и скамьи, вплотную подходя къ печкѣ и упираясь въ нее согнутыми локтями, въ страдающей, безысходной позѣ.

Ей хотѣлось вмѣшаться, сказать, что произошло недоразумѣніе, что Анна больна и отъ болѣзни ненормальна, что на нее нельзя сердиться или обижаться, какъ нельзя придавать значеніе словамъ сумасшедшаго, но она боялась вступиться. Все ея маленькое сердце трепетало страшной жалостью и болью, и моментами ей казалось, что вся мертвая тоска безжизненныхъ, мертвыхъ болотъ, застывшихъ въ холодномъ молчаніи мертваго, не свѣтящаго мѣсяца, вошла синимъ утреннимъ свѣтомъ въ черную, тѣсную избу, гдѣ странными ожерельями висѣли надъ потолкомъ распластанныя рыбы, пахло дымомъ и гарью, и два человѣка такъ ненужно, безцѣльно и тяжело страдаютъ...

III.

Засучивъ рукава на загорѣлыхъ, огромныхъ рукахъ безъ пиджака и въ передникѣ, Шутовъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева и большимъ остро отточеннымъ ножомъ пластовалъ на другомъ обрубкѣ, замѣнявшемъ ему столъ, большую бѣлую рыбу, что удалось сегодня купить отъ вернувшихся съ тоней сельчанъ.

Время отъ времени онъ подымалъ голову, щурилъ маленькіе глаза на жидкое золото утренняго солнца и осторожно, стараясь не коснуться выпачканной въ крови и разсолѣ рукой лица, сгонялъ мошкарку, назойливо лѣзшую всюду, гдѣ была хоть маленькая тѣнь.

Распластавъ продольнымъ разрѣзомъ со спины рыбу, онъ нѣсколькими движеніями вычищалъ внутренности, сбрасывалъ ихъ на землю, а рыбу кидалъ въ кадушку съ разсоломъ и тамъ выскабливалъ рукой всякія пленки. Разсолъ былъ крѣпкій; Шутовъ работалъ давно, кожа на рукахъ потрескалась, и когда онъ опускалъ руку въ кадку, въ ранахъ ощущалось впечатлѣніе обжога. Но онъ не бросалъ, какъ

Поповъ, помогавшій ему сначала, а, щурясь и моргая, отчего полное, слегка одутловатое лицо его какъ будто улыбалось чему-то, неторопливо, но быстро продолжалъ пластовать одну рыбу за другой, готовя запасъ на всю партію ссыльных на долгую, голодную зиму.

Рядомъ, за невысокой городьбой, сосѣдняго двора развѣшивала выстиранное бѣлье дѣвушка-старовѣрка и искоса, стараясь не показать этого, поглядывала на Шутова.

Онъ зналъ ее, изо дня въ день наблюдая, какъ тонкая, еще не совсѣмъ сложившаяся фигурка ея мелькала то на дворѣ, то на улицѣ, всегда чѣмъ-нибудь обремененная, — то тяжкимъ водоносомъ, то кучей мокраго бѣлья большой рабочей семьи, то корзиной съ травой, которую ходили рѣзать серпами къ дальнему лѣсу. Казалось, она вставала раньше всѣхъ и ложилась послѣдней и все время была занята суетливымъ и незамѣтнымъ трудомъ, весело и тоже какъ будто незамѣтно неся его.

Несомнѣнно, что сама по себѣ она ничего не имѣла противъ этихъ новыхъ, невѣдомыхъ ей, воровъ и разбойниковъ, которыхъ царь прислалъ въ ея родную Несь въ наказаніе тяжкихъ преступленій, но строгій режимъ суровой старовѣрческой семьи, запуганной урядниками, стражниками и становыми, не позволялъ ей не только заговорить съ кѣмъ-либо изъ этихъ воровъ, но даже и быть близко отъ того мѣста, гдѣ они могли случиться.

Шутовъ зналъ отношеніе населенія къ ссыльнымъ и не пытался заговаривать съ ней, сдерживая свою добродушную общительность. Тамъ дома у него осталась семья — жена и дѣти — и была одна дочь, четверо-классница гимназистка, которую эта старовѣрочка чѣмъ-то неумовимо и близко напоминала.

Онъ опять посмотрѣлъ, какъ она, не торопясь, развѣшивала на изгороди рубахи и порты, и чуть-чуть усмѣхнулся.

И, не глядя на нее, уставившись глазами въ свѣтлую и какъ-то по особенному блѣдную отъ невысокаго, но уже грѣющаго солнца, даль, стараясь подражать мѣстному грубому говору, сказалъ, повидимому, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ я рыбу пластавши, а такъ ли, нѣтъ ли — Богъ знаетъ, и обсказать мнѣ, чужому, некому...

Дѣвушка вздрогнула при первыхъ словахъ и подалась назадъ, какъ внезапно вспугнутый чуждымъ звукомъ звѣрекъ, но, видя, что обращаются не къ ней, успокоилась и продолжала свое дѣло. И только спустя нѣкоторое время къ сознанію ея дошелъ смыслъ брошенныхъ въ воздухъ

словъ, и тѣнь легкой и быстрой усмѣшки мелькнула на животѣ, остренькомъ личикѣ.

Она оглянулась нѣсколько разъ на закрытую какимъ-то сараемъ свою избу, потомъ на дорогу, въ которую упиралась городьба и, оправляя уже развѣшанное бѣлье, замурлыкала какую-то пѣсенку. Потомъ, какъ будто рассказывая старую сказку, заговорила торопливо, выпѣвая и скрадывая окончанія словъ.

Не подавая виду, что онъ слушаетъ, Шутовъ старался разобрать сплетавшіяся въ незатѣйливомъ напѣвѣ слова и, наконецъ, разобралъ:

— Пѣвля Дудиковъ привезши рыбу съ тоней,—напѣвала дѣвушка, тщательно, съ особымъ стараніемъ разглаживая складки мокрой длинной рубахи, — вѣтровою сушкой дѣлавши... Сухой солью посыпавши, подъ стрѣхою лычкомъ вѣшавши... Такъ чтобъ солнца не было, вѣтромъ продувавши... А тую, моченую, сваривши ѣсть! — закончила она, очевидно, не выдержавъ былиннаго сказа.

И вдругъ, подхвативъ бадейку, въ которой принесла мокрое бѣлье, убѣжала за сарай, къ себѣ на дворъ.

Шутовъ глядѣлъ ей вслѣдъ и весело, заразительно смѣялся. Когда онъ смѣялся такъ, у глазъ его образовывались мелкія, частыя морщинки и, несмотря на еще сильнѣе выступавшее сходство съ наивнымъ и веселымъ ребенкомъ, все-таки въ это время видно было, что онъ уже почти старикъ, и что у него есть дѣти, которыхъ онъ, должно быть, очень любитъ и которымъ такъ добродушно и весело смѣется.

Онъ еще смѣялся, когда щеколда калитки брякнула, и во дворъ вошелъ большебородый, прокаленный солнцемъ и обычнымъ земельнымъ трудомъ мужикъ въ праздничномъ новомъ картузѣ и кумачевой рубахѣ подъ кафтаномъ.

Это былъ тоже ссыльный, крестьянинъ Тверской губерніи Семоженковъ, сосланный за аграрные безпорядки, но, какъ онъ говорилъ,—по ошибкѣ. Поселили его въ сосѣднемъ поселкѣ верстъ за пятнадцать въ глухомъ непроѣздномъ лѣсу. Поселокъ былъ крохотный—три-четыре семьи—и существовалъ зимою звѣроловствомъ, весною и лѣтомъ сплавомъ лѣса, для чего жители уходили за триста съ лишкомъ верстъ съ половодья почти до осени.

Расположенъ былъ этотъ поселокъ въ такой дебри, что туда не было дороги, по которой можно было бы проѣхать, и урядникъ со стражниками доставилъ туда Семоженкова частью на лодкѣ, частью пѣшкомъ.

Всякому другому поселиться въ такомъ мѣстѣ значило бы умирать медленной, голодной смертію, но Семоженковъ былъ крестьянинъ, какъ онъ себя называлъ—Осташъ, т. е.

изъ Осташковского уѣзда Тверской губ., мѣста тоже суроваго, лѣснаго и воднаго, и какими-то ему одному извѣстными путями сумѣлъ не только не умереть съ голоду, но даже жить сытѣе и лучше другихъ ссыльныхъ.

Совершенно незамѣтно ни для себя, ни для окружающихъ онъ вошелъ въ ихъ жизнь, помогая работой, безъ которой ему было скучно и тягостно, входя въ интересы тѣхъ, съ кѣмъ жилъ, и безъ участія желанія или воли, просто, потому что приходилось какъ-нибудь жить (а жить хорошо было выгоднѣе, чѣмъ плохо), одной только необъятной привычкой приспособливаться и примѣняться ко всякимъ условіямъ, онъ устраивалъ свою жизнь крѣпко, плотно и хорошо, какъ будто строилъ прочный и удобный домъ.

То, что можно было перетащить сюда изъ привычекъ и обычаевъ своего края, онъ хранилъ свято и нерушимо, соблюдая вѣковыя традиции серьезнаго крестьянства. По субботамъ парился въ печкѣ, за неимѣніемъ бани, по праздникамъ одѣвался въ лучшее платье и шелъ „въ гости“ провождать поселенныхъ за пятнадцать верстъ „земляковъ“. Въ престолъ своего далекаго прихода онъ съ изумительной ловкостью доставалъ откуда-то водки, пилъ съ полдня, когда, по его расчету, на селѣ въ Осташковскомъ уѣздѣ должна была отойти обѣдня, и, напившись, безобразно оралъ пѣсни, ругался и гулялъ по улицѣ короче воробынаго носа, тыкаясь въ избы и загороди, пытаясь плясать и безсильно мотая непослушными руками.

Отъ того, чего нельзя было пронести сквозь тюрьму, этапы, пересыльные и ссылку, онъ свободно отказывался, не сомнѣваясь и не упорствуя, съ чистой совѣстью спокойнаго духа и героической выдержанностью стоика.

Такъ, онъ не соблюдалъ постовъ, потому что это невозможно было ни въ тюрьмахъ, ни въ ссылкѣ, — и не считалъ это за грѣхъ.

— Ежели бы я не хотѣлъ, а то и хочешь, да не вскопишь, — говорилъ онъ и ѣлъ въ великій постъ мясо и молоко. — Пуще грѣхъ, какъ уморить себя изъ-за поста!..

Онъ былъ завязанъ курильщикомъ, но въ ссылкѣ трудно и дорого было доставать табакъ, и онъ твердо выносилъ табачный постъ, балуя себя только въ рѣдкія посѣщенія „земляковъ“.

И жилъ, соблюдая въ себѣ особое, твердое начало, словно неся свою устойчивую правду.

Приходя, Семоженковъ снималъ картузъ, высоко поднималъ его надъ расчесанной, обильно смазанной масломъ, головой и говорилъ громко:

— Съ праздникомъ, православные! — не обращая вни-

манія на то, были ли тутъ дѣйствительно православные, Шутовъ и Поповъ или полякъ Рымша или еврей Торнъ.

И въ этотъ разъ онъ поднялъ картузь, улыбнулся и, обтеревъ ротъ рукавомъ, какъ будто собирался цѣловаться, выкрикнулъ:

— Съ праздникомъ, православные!

— А развѣ сегодня праздникъ?—спросилъ Шутовъ, все еще смѣясь и здороваясь съ нимъ.

— Ай ты не крещенный?—удивился Семоженковъ.—Вотъ народъ, прости Господи! Это все отъ ума,—заклучилъ онъ, садясь возлѣ обрубка, на которомъ лежала распластанная рыба,—у тебя, дядя, отъ ума память отшибать стало, да!

Шутова онъ считалъ очень умнымъ и звалъ всегда дядей, восторгаясь огромной фигурой и силой этого человѣка. Иногда, видя, какъ тотъ свободно и безъ видимаго усилія подымалъ что-либо тяжелое, ворочалъ десятипудовыя кадки съ солониной или таскалъ бревна, Семоженковъ говорилъ какъ бы съ тайной завистью:

— Харчъ тебѣ съ малолѣтства хорошій шелъ, вотъ ты и забрался силой... Эва тебя расперло-то, дубъ дубомъ!..

Между ними существовали тѣ особыя—шутливо-дружескія отношенія, при которыхъ обоимъ было весело и легко. Съ Шутовымъ Семоженковъ шелъ этапами всю дорогу до ссылки и привыкъ цѣнить и уважать добродушную прямоу его. И всегда, когда приходилось ему гдѣ-нибудь говорить о немъ, онъ убѣжденно и твердо повторялъ: „Правильный человѣкъ, справедливый человѣкъ!..“

И былъ съ нимъ откровеннѣе и проще, чѣмъ съ другими.

Торна онъ боялся и въ тайнѣ, можетъ быть, посмѣивался надъ нимъ. Ему казалась странной нервная приподнятость Торна, его постоянное волненіе, а пытливый, всегда горящій, всегда ищущій взглядъ пугалъ его скрытымъ внутреннимъ огнемъ и болѣзненнымъ блескомъ.

Семоженковъ смотрѣлъ, какъ пласталъ рыбу Шутовъ, откладывая въ сторону одну, бралъ другую. Вертѣлъ въ рукахъ новый праздничный картузь и очевидно хотѣлъ сказать что-то и не рѣшался.

— Ты что жмешься-то, племянничекъ!—усмѣхнулся Шутовъ:—узналъ что нибудь?

— Узналъ? Что мнѣ узнать, какъ я въ берлогѣ сижу,—отвѣчалъ Семоженковъ,—мы люди темные, въ лѣсу живемъ, липозому пню молимся... Что и слышишь, такъ не разберешь!..

— Да говори, говори, что кряhtiшь-то!

— Что кряhtiшь—кряhtiтъ нечего, да и говорить нечего. Такъ, народъ болтаетъ...

— Что болтаетъ-то?

— Такъ, пустое... Извѣстно, пни липовые, лихая капуста имъ! Тоже народъ! „Ходивши, вязавши, срубивши, поваливши“,—передразнилъ онъ сельчанъ,—рыла суконныя какия-то, прости Господи!..

— Ну, а все-жъ—что болтають-то?..

— Всякое.—Онъ наклонился и вдругъ понизилъ голосъ:—ты гляди! Главное дѣло—эти два... Крендельщикъ да полякъ этотъ, что съ нимъ. Гляди, не вышло бы чего. Народъ ослабшій, народъ безъ совѣсти—гляди. Они и туда, и сюда—кишка слабая, ну и подается... И насчетъ этого Ильи Яковлевича тоже...

— Что на счетъ Ильи Яковлевича, говори толкомъ?

— Говорю, кишка слабая—подается, ну и болтають... Будто какъ вродѣ въ бѣги онъ вдариться хочетъ, или еще что...

— Да ты отъ кого слыхалъ-то?

— Говорять.

— Кто говорить-то?

— Разные... Даве вонъ стражникъ болталъ, я ему клѣтъ ставилъ, и онъ тоже. Извѣстно, отъ глупости, а все же. Безпокоится онъ гораздъ. Такъ говорить надо: какой онъ стражникъ—мужикъ мужикомъ... а беспокоится. Извѣстно, ему не-пріятности.

Шутовъ задумался. Вопросъ о побѣгѣ Торна еще не обсуждался, даже не былъ поставленъ, и самъ Торнъ не зналъ, побѣжить онъ или нѣтъ, хотя мечталъ объ этомъ и рвался изъ ссылки, гдѣ гасъ безъ привычной, нервной и рискованной борьбы.

Шутовъ подумалъ, что, вѣроятно, Торнъ какъ-нибудь неосторожно упомянулъ о побѣгѣ при Крендельщиковѣ и Рымшѣ, и тѣ разболтали.

— Экій наивный человекъ,—думалъ онъ,—вѣчно довѣряется, вѣчно идеализируетъ, не вѣритъ тому, что есть, а только тому, что ему хочется видѣть... Надо предупредить!—рѣшилъ онъ.

— Зря болтають!—бросилъ онъ и, поднявшись, сталъ вытирать передникомъ руки.—Куда тутъ побѣжишь? Пойдемъ чай пить лучше, племянничекъ!

— А есть?—удивился Семоженковъ.

— Что это—чай-то? Есть. Поповъ заварилъ ужъ вѣрно.

— Эва какъ! Чудное дѣло! Ты тутъ ровно песь—головы почесать нечѣмъ, а у нихъ на—чай!

Поповъ, дѣйствительно, уже возился съ чаемъ, который заваривали въ чайникъ съ отбитымъ носкомъ, а воду для него кипятили на таганѣ. На столѣ уже стоялъ знаменитый чугунокъ, посуда и лежалъ хлѣбъ, черный и твердый, съ большой примѣсью сушенанаго и истолченнаго мха и древесной

коры. Чистаго хлѣба здѣсь невозможно было достать, а случаи поѣздокъ въ „городъ“—мѣстечко съ полуторами тысячей жителей, гдѣ жилъ становой и находились двѣ лавки—были рѣдки, и трудно было пользоваться ими. Ничего нельзя было достать въ дикомъ нищенскомъ поселкѣ, старовѣрческое населеніе котораго даже то, что имѣло, продавало неохотно, какъ вообще неохотно входило въ какія бы то ни было сношенія съ ссыльными.

Боялись и присматривались подозрительно, пугались смертельно и, какъ будто, не понимали, когда къ нимъ обращались, и послѣ каждаго посѣщенія какимъ-либо ссыльнымъ избы мыли порогъ и то мѣсто пола, гдѣ онъ стоялъ, съ молитвой, смѣшанной съ ругательствами.

— А, ошибочный!—встрѣтилъ Поповъ входившаго за Шутевымъ Семоженкова,—какъ живешь-можешь?

Ошибочнымъ онъ звалъ его за то, что Семоженковъ всегда, когда заходила рѣчь о причинѣ его ссылки, заявлялъ и бурно доказывалъ, что сосланъ по недоразумѣнію, за другого.

— Ошибочка, видишь, у нихъ тамъ вышла... Извѣстно дѣла много, однѣхъ бумагъ—страсти Господни, ну и обманулись! У насъ, видишь ли, на селѣ нашемъ приходскомъ тоже былъ Давыдъ Ивановъ, только прозвище ему по нашему, по уличному Шкуркинъ было, а моя Семоженковъ, ну и спутали. Тотъ еще сдогадался: какъ, говорятъ, зовутъ? Шкуркинъ, говорить,—ну и ступай, намъ такихъ не надо. А я сказалъ: Давыдъ Ивановъ, ну вотъ они и обрадовались! Давай его сюда, намъ Давыда Иванова-то и требуется! Говорю, ошибочка вышла...

Онъ рассказывалъ, хитро и лукаво подмигивая маленькими, прячущимися въ коричневыхъ складкахъ обожженнаго солнцемъ лица, глазами, и слова были такіе, что имъ можно было вѣрить и не вѣрить. Похоже было, будто онъ шутилъ и желаетъ посмѣшить веселой исторіей своей, въ которой правда переплеталась съ выдумкой; а отъ того, что онъ каждый разъ, пользуясь удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, повторялъ эту исторію, получалось такое впечатлѣніе, что онъ усиленно хочетъ увѣрить всѣхъ въ томъ, чему и самъ не вѣрилъ.

— Ладно, ошибочка, знаемъ мы ваши ошибочки!—смѣялся Поповъ, наливая чай изъ разбитаго чайника и доливая его изъ чугуна кипяткомъ, который черпалъ большой деревянной поварешкой,—тебя послушать, такъ и мы всѣ сюда по ошибочкѣ попали!..

— А извѣстно, ошибочно,—горячо подхватывалъ Семоженковъ, по прежнему лукаво подмигивая и щурясь, такъ что нельзя было разобрать, смѣется онъ или говорить серьезно.—

Развѣ жъ они тамъ самыхъ, что ни на есть, виноватыхъ по-
выхватили да заслали? Такъ виновнѣ тебя тамъ и не оста-
лось? Ты, да вотъ Михайлъ Дмитричъ, да Илья Яковлевичъ,
да эти двое? Видимое дѣло—ошибка, потому я считаю—и
тамъ хоть отбавляй, промежъ нихъ вертятся, только что не
пойманы...

— Не пойманъ—не воръ!

— Ну, это оставь! Оставь это, потому это ужъ пустое
дѣло... И зря ты это говоришь, будто что не пойманъ,—не
воръ. Конечно, есть такое присловье, а только что ни къ
чему оно!.. Какъ же это такъ: ежели я укралъ, да меня никто
не видалъ, такъ и не воръ? А краденое ежели у меня, такъ
все же не воръ? Нѣтъ, зряшное ты говоришь, такъ по мо-
лодости развѣ только...

Онъ сердился, но опять таки не то серьезно, не то шу-
ливо, дѣлалъ сердитое лицо и морщилъ густыя, жесткія
брови, а маленькіе глазки надъ ними сверкали весело и
смѣшливо.

— Такъ-то, братъ!—закончилъ онъ и принялся за чай,
отгрызая крохотные кусочки сахару и по привычкѣ, и по
уваженію къ драгоценному продукту, доставать который
было трудно и дорого.

— Какъ пчелки-то, Митричъ?—обратился онъ къ Шу-
тову, считая, что прежній разговоръ оконченъ, и можно, какъ
подобаетъ вѣжливому гостю, справиться о дѣлахъ хозяевъ.

— Что жъ пчелы—плохо! Взять нечего, болото, взятокъ
далеко, да и летъ главный въ бору, а въ бору что возъ-
мешь... Да и климатъ для нихъ плохой...

Шутовъ съ неимовѣрными трудностями и затратами добылъ
изъ губернскаго города рой пчель, самъ сдѣлалъ амери-
канскій рамочный улей и выхаживалъ семью со всей стара-
тельностью и вниманіемъ, на которыя былъ способенъ. Но
семья ослабѣла, за дорогу много пропало, время стояло
холодное, и мало что можно было взять въ суровыхъ, неуют-
ныхъ мѣстахъ. Приходилось постоянно подкармливать, а
это стоило дорого, какъ и вся затѣя завести пасѣку.

— Теперь по нашимъ мѣстамъ имъ самый боръ,—гово-
рилъ Семоженковъ, выпивая четвертую чашку съ тѣмъ же
крохотнымъ и уже совершенно обгрызеннымъ кусочкомъ
сахару.—Поди—мало-мало и уже рои отходить должны,
только карауль!...

Какъ зажиточный и серьезный хозяинъ у себя дома, онъ
зналъ все и всѣмъ интересовался. Затѣю Шутова завести
пчель въ ссылкѣ одобрялъ и даже мечталъ, какъ будетъ
приходить въ праздники и пить чай съ медомъ.

Шутовъ интересовался всѣмъ, и это влекло къ нему
Октябрь. Отдѣлъ I.

Семоженкова такъ же, какъ и то, что тотъ былъ предсѣдателемъ одного союза, за что и попалъ въ ссылку.

Пришелъ Торнъ, съ недавняго времени переселившійся заниматься съ Крендельщиковымъ и Рымшей въ избу Шутова и Попова, такъ какъ жена его непрерывно хворала, и всякій шумъ былъ ей тягостенъ.

Онъ поздоровался со всѣми, разложилъ книги и тетради и, пользуясь свободнымъ временемъ до занятій, сталъ составлять конспектъ программы, по которой хотѣлъ пройти курсъ общественныхъ наукъ со своими учениками. У него не было книгъ, не было пособій, и съ конспектомъ этимъ онъ возился давно, не довѣряя себѣ и часто пересматривая, добавляя и вычеркивая.

И порою хватался за голову, полный безсильнаго сожалѣнія о томъ, что плохо и поверхностно учился когда-то, когда могъ приобрѣсти серьезныя знанія, что ушли годы даромъ, бесполезно, и нельзя наверстать того, что упущено.

Тогда особенно невыносима была ему ссылка, особенно рвался онъ изъ нея и мечталъ о томъ, какъ сталъ бы работать тамъ.

Семоженковъ долго смотрѣлъ, какъ писалъ, перечеркивалъ и теръ лобъ Торнъ. Раза два Торнъ взглядывалъ на него быстро и пытливо, но Семоженковъ отводилъ глаза или опускалъ ихъ и морщился. Съ Торномъ онъ никогда не шутилъ и, несмотря на то, что тотъ пугалъ его своею порывистостью, какое-то странное сожалѣніе, похожее на то, что выказываютъ крестьяне по отношенію къ убогимъ и юродивымъ, проглядывало въ обращеніи его съ Торномъ.

— Вы что, Давыдъ Ивановичъ?—спросилъ разъ тотъ, поймавъ на себѣ взглядъ маленькихъ, прыгающихъ подъ густыми, кустоватыми бровями, глазъ.

Семоженковъ весь двинулся и заерзалъ, какъ пойманный.

— Мы ужъ такъ, ничего, Илья Яковлевичъ, сами по себѣ...—негромко кашлянувъ, отвѣчалъ онъ,—простите, ежели что...

— Вы все посматриваете на меня, я думалъ, сказать что хотите...

— Оно извѣстно...—мялся Семоженковъ,

— Что извѣстно-то?

— Да такъ... Жалко намъ васъ, очень даже жалко! Понапрасну вы это все!

— Что понапрасну?

— Да вотъ занимаетесь, уроки эти самые...

— Почему понапрасну-то?

— Такъ, зря... Не въ коня кормъ. Отлично хорошо мы ихъ также знаемъ, народъ-то этотъ, и ни къ чему все это.

Торнъ отложилъ перо и внимательно посмотрѣлъ на Семоженкова.

— Я думаю,—проговорилъ онъ,—что хоть малое, хоть что-нибудь знаешь, хоть плохо знаешь и передаешь свои познанія другому—это уже не зря. И дѣлать это надо.

Семоженковъ заерзалъ, задвигался и закивалъ, какъ бы выполнѣ соглашаясь, и вслѣснулъ даже руками.

— Да я развѣ что?—воскликнулъ онъ:—развѣ я не понимаю? Извѣстно, вы господинъ добрый, хотите, какъ лучше, развѣ мы безъ понятія? А только что...—онъ опять не кончилъ и махнулъ рукой. И, доставъ изъ картуза новый синій съ бѣлыми клѣтками, платокъ, сталъ обтирать выступившій отъ горячаго чаю потъ.

— Что только-то, только-то что?—заволновался Торнъ и заблестѣлъ сухими черными глазами.

— Да что ты тянешь-то,—вступился Поповъ,—вѣчная эта манера у васъ мужицкая вертѣться вокругъ да около, и то и се, а по настоящему сказать—нѣтъ васъ.

Семоженковъ глянулъ на него и подмигнулъ.

— Мы что-жъ? Мы, конечно, мужики, это мы знаемъ—темный народъ. А только зря они занимаются съ этими двумя артистами, главнѣе потому, что тѣ не туда глядятъ. Сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ. И ничего ты съ имъ не подѣлаешь. Они вотъ сейчасъ ходятъ, слушаютъ, какъ имъ господинъ Торнъ науки разныя объясняютъ, чтобы они, дубье, поняли, что къ чему, и хоть на крохтинку умкѣй стали, а они только и глядятъ, какъ бы сожрать что, да нельзя ли выклянчить чего, а то и спереть просто... Знаемъ мы ихъ тоже достаточно, видали всякихъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ съ какимъ-то раздраженіемъ, даже злобой какъ будто, и тотчасъ же пропалъ весь его добродушно-веселый обликъ. Сидѣлъ, угрюмо нахмурившись, тяжелый и темный и всѣмъ одинаково невѣдомый ни своей смѣшливой шутивостью, ни своей темной, гдѣ-то таящейся жестокостью, которую не высказывалъ, но которая чувствовалась въ этомъ невысокомъ и крѣпкомъ, словно связанномъ изъ сухихъ твердыхъ корней, тѣлѣ.

Казалось, ничего особеннаго не сказалъ этотъ привычно добродушный мужикъ, но всѣмъ стало неловко, словно они заглянули глубже, чѣмъ смотрѣли обычно, и рядомъ съ извѣстнымъ и привычнымъ, увидѣли нѣчто новое, чего не предполагали до сихъ поръ.

Студентъ Поповъ былъ молодъ, ему было двадцать четыре года, и выросъ онъ въ доброй, мягкой городской семьѣ, гдѣ любовь и вниманіе ограждали его отъ жизни, и

когда ему пришлось столкнуться самому съ нею, — она пугала его своею неизвѣстностью и смутно ощущаемой жестокостью.

Во время ареста, въ тюрьмѣ и потомъ въ ссылкѣ (его выслали административнымъ порядкомъ безъ суда и почти безъ допросовъ) вся исторія эта, въ которую онъ попалъ почти случайно, произвела на него гнетущее, тягостное впечатлѣніе. Грубая и нелѣпая сила ворвалась въ его молодую и радостную своею молодостью жизнь, вырвала ее и швырнула сначала въ тюрьму, потомъ въ ссылку и придавила своей безсмысленной, неразумяющей силой.

И слабый, не рожденный для борьбы и не воспитанный ею, онъ приникъ, покорно и тихо тоскуя, мучась своею слабостью и неприспособленностью, презирая себя за то, что не могъ найти въ душѣ своей непримиримой смѣлости и ненависти. И темный, непонятный страхъ чувствовалъ передъ всѣмъ, неизвѣстнымъ раньше, что сталкивалось съ его жизнью и грозило ей невѣдомыми, но тяжелыми ударами.

Какъ и всѣ, онъ не понялъ новаго, что вдругъ выглянуло въ знакомомъ и безобидномъ существѣ Семоженкова, но вѣяніе иного, незнакомаго міра коснулось его. И, склонивъ голову, покручивая рѣдкую черную бородку, думалъ онъ, не слушая, что говорятъ, о чемъ спорять въ избѣ, почему Семоженковъ, опять привычный, старый, лукаво-добродушный Саможенковъ, кланяется и зоветъ кого-то.

„Вѣдь если такъ, — упорно и настойчиво думалъ Поповъ, — то всѣ мы жили тамъ, окруженные невидимой и враждебной жизнью, непонятной, неизвѣстной и темной, и мнѣ не было страшно только потому, что я не зналъ. Или я не понимаю, и все это не такъ? Я ничего не знаю, но мнѣ кажется, я думаю, я вижу, я чувствую, что здѣсь около, гдѣ-то сбоку, кромѣ моей и мнѣ понятной жизни, идетъ другая непонятная и страшная жизнь, которой я противопоставить ничего не могу... Ахъ, это не то, совсѣмъ не то, и я ничего не могу понять, даже думать не могу!“

Онъ отошелъ въ сторону, прислонился спиной къ печкѣ и хотѣлъ прислушаться, о чемъ говорятъ. Но ничего не услышалъ, потому что назойливое и старое воспоминаніе всплыло въ душѣ, какъ пятно масла на мутной водѣ, знакомое и старое, надѣвшее тѣмъ, что оно періодически приходило, оставляя послѣ себя неясную, тянущую тоску.

Это было въ дѣтствѣ, такъ давно, что онъ забылъ, сколько ему было лѣтъ тогда, гдѣ онъ тогда жилъ, но ясно, до мелочей ясно помнилъ онъ обстановку большой высокой комнаты, затянутой темными штофными обоями, съ большими, полукруглыми вверху окнами, перекрещенными по старинному переплетами рамъ.

Стояла мебель, тяжелая, красного дерева, каких-то широких кресла, кожаный диванъ съ подлокотниками въ видѣ изогнувшихъ шеи лебедей, поблескивавшихъ въ полусвѣтѣ сумерекъ красной полировкой, пузатыя бюро и комоды, а можетъ быть, и не комоды, а конторки. Маленькій столикъ въ углу между диваномъ и нелѣпо высокимъ бюро, на немъ кожаный, вышитый бисеромъ, кисеть для табаку и бумажный картузь съ крупнымъ трубочнымъ табакомъ.

И два зеркала—въ простѣнкахъ между тремя полукруглыми вверху окнами, дѣлившими на маленькіе квадратики уходящій внизъ садъ съ правильными дорожками, звѣздообразно расходившимися отъ усыпанной желтымъ пескомъ круглой площадки. Два огромныхъ, уходящихъ подъ потолокъ, зеркала, въ рамкахъ потемнѣвшаго отъ старости красного дерева, уже не красного, а бураго, но все еще сохранившаго тусклый блескъ лакировки.

Онъ долго стоялъ передъ однимъ изъ этихъ зеркалъ, напряженно вглядываясь въ темную, уходящую въ стекло, какъ въ узкую высокую дверь, перспективу иной, таинственной комнаты, посреди которой, у свѣтлаго, блестящаго отраженіемъ желтой ясовой двери входа стоитъ мальчикъ съ длинными до плечъ волосами, въ бархатномъ черномъ костюмчикѣ, на которомъ рѣзко выдѣляется вокругъ тонкой, дѣтски слабой шеи бѣлый ажурный воротничекъ.

Знакомый и чуждый. Онъ зналъ въ этомъ мальчикѣ каждый локонъ завивающихся на концахъ волосъ, каждую родинку на испуганномъ, удивленномъ лицѣ, каждую пуговку на траурно-бархатномъ костюмчикѣ, и страннымъ, и чудеснымъ былъ этотъ второй, точь въ точь такой же, какъ онъ самъ, мальчикъ, пытливо и испуганно глядѣвшій на него изъ таинственной, безжизненно-холодной стеклянной двери. Онъ одинъ въ высокой, мрачноватой комнатѣ, но ихъ два, они до смѣшного похожи другъ на друга и различны, какъ форма, въ которой отлита фигура и самая фигура. Чѣмъ больше онъ глядитъ на второго мальчика, тѣмъ больше жуткій холодокъ, предвѣстникъ безумнаго ужаса темной старинной комнаты съ огромными полукруглыми вверху окнами, заставленной древней, словно выкрашенной старой потемнѣвшей кровью, мебелью, охватываетъ его. И страшнѣе, безумнѣе всего то, что его правая рука, напряженнымъ движеніемъ схватившаяся за край бархатной курточки, у него, у того страшнаго мальчика—лѣвая, и родинка, знакомая извѣстная родинка на щекѣ подѣ правымъ глазомъ, та самая родинка, про которую бабушка говоритъ, что она счастливая, потому что онъ самъ ее не можетъ видѣть, у него, у того—на лѣвой щекѣ, подѣ лѣвымъ глазомъ!..

Онъ дѣлаетъ движеніе, взмахиваетъ порывисто и судорожно лѣвой рукой—и съ безумнымъ, мертвымъ по внезапно разлившейся блѣдности лицомъ чуждый мальчикъ съ несчастливой, потому что она на лѣвой щекѣ и онъ ее видитъ, родинкой, такъ же порывисто и болѣзненно, взмахиваетъ правой...

Гдѣ, когда это было, въ чьемъ домѣ, какъ видно богатомъ и старинномъ,—онъ не зналъ, и когда рассказывалъ этотъ случай роднымъ, тѣ качали головами, припоминали всѣ немногіе годы его жизни, такъ памятные до мелочей имъ, и смѣялись:

— Ты во снѣ видѣлъ, милый, такой комнаты не было у насъ, и никогда не жили мы въ такомъ домѣ!..

— А длинные волосы, а костюмъ: черная бархатная курточка и штанишки, и бѣлый кружевной воротничекъ, и черные чулки выше колѣнъ, и туфли съ черными стальными пряжками?

— Это было, какже. Послѣ смерти дѣдушки Никиты Павловича трауръ носили, очень хорошо помню даже, еще въ деревню привезли черного шелку и бархату—два костюмчика и сшили, бархатный первое время траура, а шелковый—потомъ носить...

Комнаты, зеркалъ огромнѣйшихъ, уходящихъ въ тѣму потолка, штофной обивки высокихъ стѣнъ, кисета, шитаго бисеромъ, на маленькомъ столикѣ—не было, а костюмъ, ажурный кружевной воротничекъ и ужасъ, смертельный страшный ужасъ—былъ. Что же, было и чего не было? И счастливая родинка, или несчастная? И зачѣмъ, зачѣмъ второй, таинственный мальчикъ, знакомый и враждебный, передъ мертвымъ стекломъ—таинственной дверью въ невѣдомый и страшный міръ?

— Бабе суевѣріе, нелѣпость бабьяго воспитанія, расшатывающаго нервы у ребенка,—такъ говорилъ онъ самъ, уже взрослый, наталкиваясь въ жизни на это воспоминаніе, но глубокій, скрытый, какъ подземный источникъ, ужасъ былъ въ душѣ, и, самъ понимая нелѣпость имъ же хранимаго суевѣрія, онъ считалъ появленіе этого воспоминанія предвѣстникомъ несчастья.

Въ тюрьмѣ это воспоминаніе преслѣдовало его неотвязнымъ кошмаромъ, отъ котораго невозможно было отдѣлаться...

— ...Такъ задумался, что и не слышитъ ничего! — далекимъ и чуждымъ звукомъ донеслось до его слуха, и, только сдѣлавъ надъ собой усиліе, Поповъ понялъ, что говорятъ ему.

— О чемъ вы?—улыбался Шутовъ.

— Такъ, пустякъ,—слегка смутившись, отвѣчалъ Поповъ,—а что такое?

Онъ оглянулся—все было по прежнему. Старый, веселолукавый Семоженковъ горячо говорилъ что-то Торну, а тотъ внимательно, склонивъ выпуклый костлявый лобъ на бокъ, слушалъ.

— Сами поглядите: мыслимое ли это дѣло! Господи, да я развѣ...—говорилъ Семоженковъ, взмахивая корявой, черной отъ загара и не смывающейся рабочей грязи рукой убѣжденно и отчаянно:—вотъ поглядите сами: что-жъ тутъ пятнадцать верстъ, долго-ль дойти...

— У меня жена вотъ...—нерѣшительно протестовалъ Торнъ,—больная она!..

— Господи, да Александръ Никитичъ,—рази они коли что... Говорю: нонче туда, а завтра съ утречка и назадъ—далеко-ль туда...

— Развѣ что Александръ Никитичъ...—соглашался Торнъ и посмотрѣлъ на Попова.

— Въ чемъ дѣло?—подошелъ тотъ. Онъ все еще не могъ отдѣлаться отъ назойливаго и неожиданнаго воспоминанія, подавлявшаго его своимъ темнымъ и непонятнымъ ужасомъ.

Выяснилось, что Семоженковъ, съ какими-то ему одному понятными цѣлями, усиленно звалъ къ себѣ Торна и Шутова. Онъ не говорилъ, зачѣмъ это нужно, но видно было, что зоветъ не просто въ гости, а имѣетъ свою, тайную мысль. И, остро поблескивая прячущимися въ складкахъ набухшихъ вѣкъ глазками, кланялся, просилъ и убѣждалъ, какъ будто бы отъ этого зависѣло что-то очень важное и нужное.

Торнъ просилъ, въ случаѣ надобности, помочь его женѣ и Риммѣ дома. И когда Поповъ согласился, онъ нѣсколько разъ, заглядывая въ глаза и какъ бы смущаясь, повторилъ:

— Пожалуйста, если что-нибудь...

Въ тотъ же день послѣ обѣда они ушли. Поповъ, Анна и Римма проводили ихъ за поселокъ до гати загроможденнаго огромными бревнами мостища, проложеннаго по болоту въ „окня“, пространствѣ чистомъ отъ мха, и вернулись назадъ.

Послѣдовавъ пригласенію вечеромъ пить чай, Поповъ прошелъ къ себѣ.

Онъ рѣдко теперь бывалъ одинъ, и это постоянное присутствіе хорошихъ и добрыхъ, но все таки чужихъ людей угнетало его, какъ когда-то, когда онъ сидѣлъ въ отдѣльной камерѣ тюрьмы, томило одиночество.

Въ особенной, новой типинѣ пустой и просторной избы, такъ недавно полной звука голосовъ, уже темнѣющей и сумрачной слѣдыми окнами, онъ прибиралъ разбросанныя послѣ ухода Шутова вещи, вѣшалъ по стѣнамъ, ставилъ въ поставцы.

Потомъ вымелъ соръ за порогъ, потеръ полъ мѣстами и остановился въ странной и темной задумчивости посреди избы.

Уже залегли вечернія сѣрыя тѣни въ углахъ и подъ лавками, скопились клубкомъ на печи, гдѣ свалены были груды высохшей рыбы, распространявшей острый и неприятный соленый запахъ, и только окна свѣтились больнымъ и блѣднымъ полусумракомъ надвигавшейся сѣверной ночи.

Поповъ оглянулся—и вздрогнулъ.

Пустое, равнодушно жестокое и живое чужой нечеловѣческой жизнью неподвижно ждало въ этихъ неясныхъ томящихся тѣняхъ, въ непривычной тишинѣ, въ терпкомъ запахѣ вяленой рыбы.

Онъ тряхнулъ головой и постарался отогнать это впечатлѣніе, но оно не проходило и, странно мѣшаясь съ давнишнимъ близкимъ и темнымъ, воспоминаніе пустой и мертвой комнаты, давило мозгъ большой тревогой.

— Ахъ, опять, опять это...—тоскливо морщась и вздыхая, какъ отъ знакомой тянущей боли, зашепталъ Поповъ и двинулся по избѣ изъ угла въ уголъ.

Но шаги раздались глухо и разрозненно, отдаленно пугающимъ эхомъ въ пустотѣ, и онъ остановился.

И опять уже безъ звука, однимъ губами, не зная, къ чему относилось это,—къ непривычной ли и жуткой тишинѣ одиночества, или старому, волнующему воспоминанію, прошепталъ:

— Ахъ, опять, опять это!..

И почувствовалъ, какъ внезапнымъ и щекочущимъ холодомъ растеть и подымается сзади равнодушный, живой непонятной челоуѣку жизнью пустой ужасъ.

Онъ не зналъ его, не зналъ, чѣмъ грозитъ онъ и откуда явился, и еще боролся съ нимъ остатками подламывающейся воли, но уже боялся двинуться, и испуганная трепетная мысль судорожно цѣплялась за знакомые и близкіе образы и бросала ихъ, и снова схватывала.

— Я уйду, — безпорядочно и пугливо думалъ онъ, — но это останется и такъ же холодно, такъ же равнодушно будетъ ждать меня... И я приду... Не сейчасъ, не сегодня, но вернуться—и тогда оно схватить...

Онъ представилъ себѣ безформенныя цѣпкія лапы скользаго и страшнаго чудовища, котораго не могъ вообразить во всей полнотѣ, и затрясся мелкой и частой дрожью.

И былъ моментъ, когда, скорчившись въ напряженной позѣ, съ выльзающими изъ орбитъ глазами, боясь сдѣлать хоть одно движеніе, шевельнуть пальцемъ или повернуть голову и весь трясясь напряженной лихорадочной дрожью,

онъ готовъ былъ закричать дикимъ и безумнымъ крикомъ, какъ животное предъ внезапной и неизбежной смертью.

И въ этотъ моментъ слышалъ на дворѣ гулъ нѣсколькихъ голосовъ, стукъ тяжелыхъ сапогъ по ступенямъ крыльца и громыханье туго отстающей двери.

Въ избу, со стукомъ и грохотомъ, ввалилось три человѣка и что-то закричали, заговорили торопливо и быстро, при томъ всѣ разомъ, такъ что разобрать, что они говорятъ, было невозможно. Они окружили Попова и кричали, близко наклоняясь къ нему, размахивали руками, и похоже было, что они чѣмъ то необыкновенно обозлевы и вотъ, вотъ примутся бить его.

Поповъ хотѣлъ податься назадъ, но натолкнулся еще на одного, вошедшаго за поднятымъ шумомъ незамѣтно и тоже кричавшаго что-то.

Ему стало страшно,—но это былъ совсѣмъ другой страхъ, опредѣленный и знакомый, страхъ насилія, которому онъ не могъ противопоставить такую же силу.

— Что вы, что вы, что вы?!—растерянно бормоталъ онъ, чувствуя, что нужно что-то сдѣлать, какъ-то не позволить имъ кричать на него, такъ грубо ругаться и грозить, и, не зная, что нужно сдѣлать.—Что вамъ нужно отъ меня?

— А, ты... матери твоей такъ! За одно, все знавши!—кричалъ одинъ изъ мужиковъ, наступая на него и размахивая сжатыми въ кулаки руками, на которыя слишкомъ длинныя рукава азяма налѣзали, и онъ то и дѣло поддергивалъ ихъ быстрымъ движеніемъ:—все знавши, а мы въ отвѣтъ!..

Другой, такой же черноволосый и черноглазый, какъ и первый, только съ провалившимся совсѣмъ носомъ, такъ что на мѣстѣ его видѣлась лишь трехъугольная дырочка, злобно и тяжело топтался на одномъ мѣстѣ и что-то гнусилъ, чего за общимъ гамомъ нельзя было понять. И когда Поповъ вдругъ понялъ, что выкрикиваетъ онъ коротко и гнусаво,—онъ весь сжался и безпомощнымъ дѣтскимъ движеніемъ схватился за голову.

— Бей его, бей его, бей его!—опредѣленно и, каждый разъ притопывая огромнымъ рыбацкимъ сапогомъ, повторялъ безносый, сверкая гноящимися злобными глазами.

— Онъ покрывавши, а мы въ отвѣтъ... Приѣдетъ начальникъ—съ мужиковъ спросъ!—гудѣлъ третій такого огромнаго роста, что подходилъ головой подъ самый потолокъ.—Они въ бѣги, а съ насъ—куда дѣвши?!

Съ трудомъ изъ отрывочныхъ замѣчаній, главнымъ образомъ, этого высокаго, Поповъ догадался, что сельчане думаютъ, что Шутовъ и Торнь убѣжали, и боятся отвѣтственности.

Онъ хотѣлъ объяснить, что они вернутся завтра, что

бѣжать никто и не думалъ, но ему не давали сказать слова, кричали и ругались, размахивали предъ лицомъ кулаками, а безносый по прежнему упрямо топтался на мѣстѣ и гнулся:

— Бей его, бей его, бей его!.. — при чемъ у него выходило: „бай ебо, бай ебо, бай ебо...“

Четвертый, вошедшій позднѣе, кинулся обыскивать комнату, сталъ перетряхивать вещи, сорвалъ на полъ постель вмѣстѣ съ одеялами и подушками, заглянулъ на печь.

Поповъ чувствовалъ, что надо самому закричать на нихъ, погнать ихъ вонъ, но не могъ двинуться съ мѣста и все пытался объяснить что-то, чего никто не слушалъ.

И только когда мужики, накричавшись вдоволь и наругавшись, перевернувъ все вверхъ дномъ въ избѣ, вывалились по прежнему шумной и крикливой кучей, — огромный давящій стыдъ налегъ на него.

Онъ вдругъ ярко и беспощадно представилъ себѣ весь позоръ происшедшаго, того, что онъ ничѣмъ не протестовалъ, не попытался даже помѣшать насилію, и, весь сжавшись отъ тоскливаго сознанія этого позора, заметался по избѣ.

— Прибратъ, прибратъ, чтобъ не видно было, чтобъ не знали... Никого нѣтъ, не узнаютъ! — мелькало въ головѣ, въ то время, какъ стыдъ теперь уже за то, что онъ думалъ, еще сильнѣе налегалъ на него, и лицо невыносимо горѣло.

Онъ быстро, безпорядочно толкаясь изъ стороны въ сторону, собралъ раскиданныя вещи, постлалъ постель, схватилъ вѣникъ и подмахнулъ полъ, на которомъ остались грязные слѣды. И когда трясушимися руками складывалъ разбросанные по комнатѣ высокіе сапоги и зимніе пимы, вдругъ остановился, пораженный внезапнымъ предположеніемъ.

— Вѣдь, значить, и тамъ, у Риммы и жены Торна было то же самое, а онѣ одиѣ, и онъ не пришелъ къ нимъ, хотя прежде всего долженъ былъ придти, такъ какъ общалъ, и на него надѣялся Торнъ...

Онъ постарался представить себѣ, какъ защищались онѣ: одна больная, другая слабая, какъ должны были слушать грязную, грубую ругань, какъ испугалась больная, беременная Анна, и, бросивъ не собранными сапоги и пимы, совершенно уничтоженный, поползъ къ лавкѣ и сѣлъ.

И тутъ, не въ первый уже разъ за свою недолгую жизнь, но ярче и острѣе, чѣмъ прежде, задумался о странной и ужасной раздвоенности, которая была въ немъ. Онъ попробовалъ вспомнить, почему онъ не протестовалъ, не кричалъ, не дрался съ этими ворвавшимися мужиками, но когда представилъ себѣ позорный и дикій страхъ, отъ котораго бессильно по-дѣтски закрылъ лицо и чуть не за-

плакалъ, — ощущение, похожее на тошноту, сморщило его лицо въ гримасу.

Это было такъ гадко и такъ стыдно, что не хотѣлось вѣрить въ дѣйствительность всего! Такъ бываетъ только во снѣ, въ нелѣпомъ кошмарѣ, когда совсѣмъ обнаженному приходится прятаться за какимъ-нибудь камнемъ отъ толпы людей, а всѣ видятъ и смѣются и показываютъ пальцемъ, и нечѣмъ прикрыть свою наготу...

Онъ долго сидѣлъ и думалъ, время отъ времени стоналъ и истерически по-женски заламывалъ руки, хотѣлъ и не могъ рѣшиться пойти къ Риммѣ и Аннѣ.

Но когда уже совсѣмъ наступила ночь, заперъ домъ и поплелся къ нимъ. Шелъ долго и медленно, останавливаясь и возвращаясь, не въ силахъ вообразить, съ какимъ лицомъ онъ войдетъ и заговорить съ ними.

Недалеко отъ своей избы онъ услышалъ, какъ старый сѣдой сельчанинъ бранилъ молчаливую бабу:

— И портки они стащивши, ворье бездушное, новые портки, а ты зѣвавши больше...

И ругался сквернымъ словомъ.

Поповъ подошелъ къ избѣ Торновъ, когда тамъ уже пылала мерцающимъ свѣтомъ лучина. Онъ долго стоялъ возлѣ крыльца, не рѣшаясь взойти на него, и эти немногія минуты передъ грязными, затоптанными многими шагами, ступеньками были самымъ мучительнымъ временемъ всего дня.

Въ тревожной тоскѣ, похожей на тоску предательства, глядѣлъ онъ на высокое свѣтившееся краснымъ перебѣгающимъ огнемъ окно и, обезсиленный, не могъ сдѣлать движенія впередъ. Была минута, когда онъ хотѣлъ махнуть рукой на все и вернуться домой, лечь въ постель, укрыться съ головой и заснуть, забыть все и не думать ни о чемъ — и уже повернулся, но тотчасъ же остановился. И съ еще большимъ, давящимъ презрѣніемъ къ себѣ, онъ взошелъ на крыльцо.

— Ахъ все равно, все равно! — шепталъ онъ, чувствуя, какъ холодное и тупое безразличіе охватываетъ его, предчувствуя, что въ этомъ „все равно“ было нѣчто больше, и страшное для слабой раздвоенной жизни его, чѣмъ предстоящее объясненіе съ Риммой и Анной...

Онъ только что взялся за скобу двери, какъ дверь сама отворилась, и высокая женская фигура въ широкомъ капотѣ встала передъ нимъ.

— Кто тутъ? Ты, Эл... — начала было Анна, но узнала Попова и разочарованнымъ, усталымъ голосомъ сказала: — ахъ, это вы, здравствуйте!..

Она протянула руку, и Поповъ на мгновенье почувство-

валъ въ своей рукѣ тонкія и странно безсильныя ея пальцы.

— А ихъ нѣтъ...—проговорила Анна странно-безучастно:— ушли, и нѣтъ...

Поповъ не сразу сообразилъ, о комъ она говоритъ. Онъ все еще стоялъ у порога, и Анна по-прежнему вопросительно глядѣла на него.

— Ахъ, вы о нихъ! Да, нѣту еще, — повялъ онъ, — запоздали что то!

Онъ говорилъ и смотрѣлъ въ далекіе, какъ бы ушедшіе куда-то, глубоко внутрь глаза и въ этомъ взглядѣ, въ тонъ голоса, въ словахъ искалъ отзвука тому, о чемъ сейчасъ думалъ и мучился, и не находилъ.

Казалось, Анна таила что-то про себя, но это было совсемъ не то, о чемъ думалъ Поповъ. Это было важнѣе и ближе ей, и этого она еще ждала, а то уже прошло.

— Да, запоздали...—безучастно повторила она, очевидно думая о своемъ, чего ждала, и все еще стоя въ дверяхъ, словно прислушиваясь къ чему-то. — Какъ вы думаете, почему они запоздали?

— Я не знаю... Они и не собирались, кажется, рано придти...

— Ахъ, я не знаю!—нетерпѣливо перебила она его и двинулась въ комнату, — я ничего не знаю!..

Вышла Римма и поздоровалась съ Поповымъ.

— Я не знаю, съ чего ты ихъ сегодня ждешь, — заговорила она, и могло показаться, что она говоритъ сердито, — вѣдь онъ же сказалъ, что придетъ завтра...

— Сказалъ, сказалъ,—повторила Анна и посмотрѣла на нее ожидающимъ и просящимъ чего-то взглядомъ, какъ давеча на Попова.—Вѣдь знаетъ же онъ...

Она хотѣла сказать: „что я беспокоюсь, мучусь“, но подумала и сказала:

— Что я больна!..

— Странная ты, право! Неужели ты думаешь, что онъ долженъ сидѣть все время возлѣ тебя, никуда не отходя!..

— Странная, странная, — бормотала Анна и опустилась на лавку, протянувъ руки на колѣняхъ и склонивъ голову на бокъ.

И вдругъ крупныя, частыя слезы большими мерцающими каплями посыпались по ея лицу.

— Я странная, я знаю, я больная, — бормотала она, не двигаясь и не вытирая катившихся слезъ, — а онъ ушелъ, онъ бросилъ... онъ давно хотѣлъ уйти и теперь ушелъ...

Римма кинулась къ ней, обхватила ее руками и стала успокаивать. Она говорила что-то, и слова были безпоря-

дочныя и, какъ будто, сердитыя, но подѣ ними, какъ дно подѣ водой, видно было, что ей мучительно жаль Анну, и она страдаетъ отъ того, что не знаетъ, чѣмъ ее успокоить.

Поповъ растерянно смотрѣлъ на нихъ. Передъ нимъ происходило нѣчто неизмѣримо болѣе важное, чѣмъ то, чего онъ боялся, когда шелъ сюда. Если оно и было, то на него не обратили вниманія предѣ этимъ большимъ,—по крайней мѣрѣ Анна, которая, очевидно, и не думала теперь о ссорѣ съ сельчанами, какъ не думаютъ о примелькавшихся, обыденныхъ вещахъ, незамѣтныхъ въ каждомъ днѣ обыденной жизни.

И тутъ только въ первый разъ онъ понялъ, что Анна, дѣйствительно, больна.

Она сидѣла въ безсильной, опустившейся позѣ, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, похудѣвшая до того, что кожа плотно обтянула кости черепа и собралась внизу щекъ неподвижными, безсильными складками. И странно чужимъ и нелѣпымъ былъ на этомъ исхудавшемъ, больномъ тѣлѣ огромный, круглый животъ, плотно обтянутый полинявшимъ ситцемъ домашняго платья, — видимо тугой и тяжелый, перетягивавшій хрупкое тѣло съ такими тонкими дѣтски-слабыми руками и колеблющимся станомъ.

Какъ будто все, что было въ этомъ тѣлѣ здороваго и сильнаго, ушло въ этотъ вздувшійся пузырь, жестокимъ бездушнымъ закономъ, во имя новой образовавшейся жизни мучащій существующую.

Брегливую жалость испытывалъ онъ, глядя на нее, на худое истомленное лицо Анны, на ея какъ бы выцвѣтшія, потерявшія живость и остроту глаза, на сморщенные гримасой губы.

Она была молода, но уже похожа на старыхъ, много-рождавшихъ деревенскихъ бабъ, отупѣвшихъ въ терпѣливомъ страданіи, захлебывающихся въ мутномъ болотѣ коротенькихъ себялюбивыхъ мыслей, злыхъ ко всему, что не касается ихъ и ихъ дѣтенышей.

И, съ наивной жестокостью молодости и холостой свободы, Поповъ съ любопытствомъ и немного презрительно разсматривалъ Анну, удивляясь, какъ можетъ Римма, чуткая и изящная дѣвушка, которая, несмотря на все неудобство, грязь и бѣдность жизни въ ссылкѣ, находить возможность оставаться влекущей и безукоризненно-чистой, находить силу заботливо ухаживать за этимъ тяжелымъ, больнымъ и, вѣроятно, неопытнымъ въ своей болѣзни тѣломъ.

Анна успокоилась немного и прилегла на кровать. У нея опять началась головная боль, и, обвязавъ голову мокрымъ

полотенцемъ, она лежала еще болѣе жалкая и болѣзненная въ невѣрномъ свѣтѣ дымившей лучины.

И время отъ времени, съ трудомъ приподнимаясь съ подушекъ, чутко прислушивалась и ждала.

Поповъ шепотомъ разговаривалъ съ Риммой. Онъ осторожно выпросилъ, были ли у нихъ сегодня мужики, и узналъ, что Римма, завидѣвъ ихъ, заблаговременно заперла дверь и не пустила даже въ сѣни. На всѣ крики и угрозы она отвѣчала, что никого нѣтъ, а что завтра всѣ будутъ.

Попову было жаль, что онъ не сумѣлъ поступить такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ радъ, что никто не узнаетъ о происшедшемъ у него. Онъ сказалъ Риммѣ, что тоже отдѣлался пустымъ объясненіемъ; воспоминаніе о томъ, какъ было все въ дѣйствительности, казалось ему теперь далекимъ и неправдоподобнымъ; сознаніе и стыдъ лжи исчезли, и онъ почувствовалъ огромное облегченіе.

В. Муйжель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Темное небо. Черныя тучи...

Грустно деревья стонуть и плачутъ...

Волны, взбѣгая, бьются о кручи,

Бѣлыя брызги на берегъ скачутъ.

Вѣтеръ бушуетъ, яростно воетъ,

Старыя ивы гнутся, какъ лозы...

Сердце тревожно бьется и ноетъ,

Прочь улетѣли свѣтлыя грезы.

Скучная осень, время ненастья,

Время раздумья, горькихъ мечтаній...

Сколько сгубила ты свѣтлаго счастья,

Радостей свѣтлыхъ и упованій!..

Леонидъ Б.

ЕГИПЕТЪ.

I.

Половина русскаго февраля. Я сплю съ открытымъ окномъ, надъ кроватью спущенъ пологъ отъ москитовъ. Меня будить горячее солнце, будить утренній воздухъ, вливающийся въ окно.

Онъ особенный, египетскій. Я знаю, что кругомъ меня почти миллионный городъ, и уже видѣлъ классическую восточную грязь въ этихъ неимоვნно узкихъ и неимоვნно искривленныхъ переулочкахъ съ непрестанными тупиками, съ крутыми поворотами, гдѣ не можетъ вентилироваться воздухъ,—и удивляюсь, какъ въ этомъ огромномъ, тѣсномъ и грязномъ городѣ можетъ быть такой свѣжій, чистый, пьянящій воздухъ, отъ котораго невольно широко открывается грудь, который глотаешь долгими и сильными вздохами. Я долго стою у окна и ищу глазами пустыню, Нилъ, откуда только и можетъ идти этотъ чудесный воздухъ,—ихъ не видно, подо мной только крыши домовъ. Подо мной,—такъ какъ я живу въ пятомъ этажѣ, и мой номеръ выходитъ на широкую, плоскую крышу, гдѣ спитъ прислуга отеля, гдѣ еще не убраны и сейчасъ столы и стулья, должно быть, отъ вчерашняго ужина. И кругомъ, на сколько хватаетъ глазъ,—все такія же плоскія крыши и круглые куполы, и между ними легко и свободно несущіеся въ синее небо острые, изящные шпили минаретовъ.

Яркое солнце, синее небо и прозрачная даль, въ которой такъ отчетливо вырисовываются минареты, и куполы, и плоскія крыши...

Сверху кажется, что крыши полны жизни. Я вижу цѣлыя хозяйства, кровати, очевидно, только что покинутыя, столы и стулья, и посуду на столахъ, и развѣшанныя одежды. Ниже балконы, полуоткрытыя и закрытыя жалюзы оконъ и балконныхъ дверей,—солнце въ Каирѣ горячо и въ 10 час. утра. Обезьянка прыгаетъ по балкону, кричатъ попугаи... А еще ниже,—подъ моимъ окномъ—широкій дворъ съ высокими стѣнами, съ ярко зелеными кронами пальмъ, съ гирляндами незнакомыхъ мнѣ синихъ и лиловыхъ цвѣтовъ, сплошь увившихъ колонны террасы. Черные люди въ ослѣпительно бѣлыхъ одеждахъ ходятъ по террасѣ, сметаютъ пыль, перетираютъ стекла,

какая-то женщина въ темныхъ одеждахъ, съ закрытымъ лицомъ, идетъ съ лиловой террасы черезъ дворъ къ утопающему въ синихъ, желтыхъ и красныхъ цвѣтахъ низенькому домику. Изъ домика выходитъ арабъ съ красивыми черными усами, и на мгновеніе мелькаетъ оттуда между синими цвѣтами ослѣпительно бѣлое лицо съ тонкимъ изгибомъ черныхъ бровей... Почтительно разступаются черные слуги и высокій важный старикъ въ бѣлой чалмѣ, съ сѣдой, словно спущенной бѣлымъ инеемъ, курчавой бородой,—съ низкимъ поклономъ отпираетъ ворота своему владыкѣ.

Коршуны вьются, тонутъ въ синемъ небѣ и падаютъ внизъ,—и снова вздымаются. Тамъ Эзбикіэ, садъ въ центрѣ Каира, гдѣ весь день гуляютъ люди и гдѣ никто не мѣшаетъ спать коршунамъ.

Нельзя сидѣть въ номерѣ, нельзя читать, думать, чѣмъ-нибудь заниматься, тянетъ къ себѣ ослѣпительное солнце, синее небо, буйно сильный воздухъ, коршуны, что рѣютъ вдали, тянетъ улица, таинственная, неизвѣстная.

Я долго не могъ разобраться въ ней. Великолѣпный автомобиль съ великолѣпными иностранцами,—и навстрѣчу ему на горѣ ящиковъ, нагруженныхъ на громаднаго верблюда, скалитъ зубы полуголый негртенокъ. Вотъ цѣлый караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, медленно движется по улицамъ Каира.

Должно быть, издалека, изъ глубинъ пустыни: такъ крѣпко увязаны тюки, такъ устало вытягиваютъ шеи верблюды, такъ пыльны одежды проводниковъ... Проскакалъ маленькій ссликъ, бѣленькій, изящный осликъ, какого я не видалъ въ Европѣ, и на шеѣ у него голубыя и синія бусы и на лбу синяя перевязь, а на ляжкахъ шерсть выстрижена красивымъ узоромъ. Потомъ шагаетъ другой осликъ, такой же маленький съ тонкими ногами, и везетъ платформу, на которой сидятъ десять женщинъ, окутанныхъ въ темное, съ закрытыми лицами.

А рядомъ мчатся трамваи, летятъ автомобили, ландо съ разодѣтыми иностранцами, скачутъ великолѣпныя арабскія верховыя лошади...

Въ странныхъ комбинаціяхъ встаетъ иногда жизнь... Длинная свадебная процессія тянется по улицамъ Каира. Впереди бѣгутъ два саиса въ расшитыхъ золотомъ курткахъ, съ бѣлоснѣжными широкими рукавами, съ голыми ногами,—красивые, какъ бѣлоснѣжные ангелы съ широкими крыльями, за ними музыканты, съ странными скрипками, съ духовыми инструментами, съ блестящими барабанами; за ними *шестзуетъ*, такъ какъ долженъ ѣхать шагомъ, великолѣпный автомобиль, послѣднее чудо итальянскаго искусства, гдѣ сидятъ женихъ и провожающіе его друзья; за автомобилемъ карета, наглухо закрытая, вся увѣшанная драгоцѣнными коврами, подъ которыми, должно быть, такъ душно невѣстѣ съ ея подругами, и

еще такая же укутанная коврами карета, а за каретой—осликъ съ платформой, нагруженной женщинами, которыя что-то поютъ, что-то кричатъ и яростно жестикулируютъ. А за осликомъ—рядъ великолѣпныхъ колясокъ съ превосходными арабами въ фескахъ, но въ безукоризненныхъ европейскихъ костюмахъ.

А кругомъ вывѣски французскія, итальянскія, англійскія, нѣмецкія, греческія, арабскія. Многоязычный гомонъ стоитъ надъ толпой, и мнѣ долго кажется, что это какой то сборный языкъ, въ который вкраплены и гдѣ чередуются всѣ языки стараго міра.

Когда я всматриваюсь въ эту единственную въ мірѣ Каирскую толпу, мнѣ кажется что весь старый свѣтъ собрался въ лоно земли, въ эту «середину» міра между Европой, Азіей и Африкой, пріѣхали представители всего свѣта, чтобы поклониться лону земли, старымъ могиламъ человѣчества, тѣмъ первымъ людямъ стараго міра которые написали первую книгу, дали первый законъ, устроили первое государство и сказали первое и огромное слово въ культурѣ человѣчества.

Тутъ вся Европа. Англичане и американцы съ великолѣпными каменными лицами, французы, чувствующие себя какъ дома, громоздкіе, шумливые и крикливые нѣмцы, шустрые и подвижные греки, итальянцы съ великолѣпными лицами и рѣшительными жестами, тутъ русскіе «подъ всѣ народы». Тутъ и вся Африка. Негры центральной Африки съ блестящей черной лакированной кожей, въ которую можно смотрѣться, какъ въ зеркало, бѣдные и полуголые и богатые, шикарно одѣтые, съ разноцвѣтными булавками въ яркихъ галстукахъ, съ серебряными и золотыми набалдашниками палокъ,—но всѣ милые, веселые съ ласковыми улыбками. Тутъ суровые суданскіе негры съ темнобронзовыми лицами съ крупными мускулами, съ глубокими рубцами на щекахъ, тутъ сомалійцы, граціозные берберины, изъ которыхъ состоитъ вся прислуга моего отеля,—веселые, ласковые съ красивыми лицами, которыхъ я назвалъ про себя французами Африки, тутъ городскіе арабы—помѣсь съ египтянами и люди пустыни въ широкихъ бѣлыхъ бурнусахъ, съ прищуренными глазами, съ вырѣзанными точно изъ темнаго камня лицами. Тутъ Азія съ сирійцами, съ турками, съ людьми Палестины, съ индусами, съ евреями древней испанской культуры, въ странныхъ одеждахъ, съ странными лицами, какихъ я не видалъ въ Россіи.

Воютъ автомобили. Кричатъ газетчики, продающіе французскія, англійскія, итальянскія, греческія, арабскія газеты, кричатъ погонщики ословъ, уличные торговцы, свистятъ хлысты кучеровъ, звонятъ трамваи,—разноязычный говоръ непрерывнымъ гомономъ стоитъ надъ улицей.

И сквозь всѣ эти шаршавые, рваные звуки каирской улицы

прорывается звонкая и нѣжная мелодія. Высокій, красивый, египтянинъ въ короткой курткѣ съ расшитымъ красивымъ узоромъ воротомъ рубашки, въ длинной юбкѣ, перехваченной разноцвѣтнымъ шарфомъ, спускающимся до земли, придерживаетъ лѣвой рукой висящій черезъ шею на широкомъ ремнѣ узорчатый, раскрашенный кувшинъ причудливой формы со свѣжей водой, со «сладкой водой» — и кусокъ льда лежитъ на горлышкѣ кувшина и таетъ холодными сладкими каплями вглубь кувшина, а правой рукой поигрываетъ мѣдными пластинками звонкую, веселую, далеко слышную мелодію, такъ напоминающую мнѣ перезвонъ маленькихъ колоколовъ въ русскіе пасхальные дни. Онъ бродитъ между трамваями и открытыми на улицу лавками и столами — кабинетами тѣхъ писцовъ, коптовъ, — наслѣдниковъ древнихъ египетскихъ «скрибовъ», что длинными рядами устроились около зданія почты и пишутъ письма и прошенія и неграмъ, и суданцамъ, и берберинамъ, и всѣмъ другимъ темнымъ людямъ, не знающимъ письма. И когда я вспоминаю теперь далеко ушедшую отъ меня каирскую улицу, я слышу милую и веселую пасхальную мелодію мѣдныхъ тарелочекъ и вижу красивую фигуру египтянина, продающего свѣжую воду, сладкую воду людямъ востока, которые такъ любятъ свѣжую, чистую воду.

Повидимому, Каиръ весь день на улицѣ. Весь день полны кофейни и заняты столики, разставленные на тротуарахъ и на улицѣ, вездѣ кофе и газеты. Должно быть, здѣсь биржа и дѣлаются «дѣла», здѣсь свиданіе друзей и знакомыхъ. Въ особенности людно отъ 6 до 8. Тогда обѣдаютъ. Ближайшая ко мнѣ широкая и длинная улица «Vagh el Birket», гдѣ нѣтъ магазиновъ и только рестораны и кабарэ и арабскія столовыя, полна народу. Проѣздъ почти прекращается. Всѣ тротуары заняты столиками, во всю ширину улицы движется непрерывная толпа. Тутъ все. Разносятъ варенныя яйца, хлѣбъ, готовый кебабъ, жареныхъ воробьевъ, насаженныхъ на длинные желѣзные стержни, большія варенныя креветки, какихъ я не видалъ на Ривьерѣ, крабы, устрицы, омары, варенные египетскіе бобы, острые и пикантные, огурцы, жаренные фисташки, безконечное число различныхъ сортовъ финиковъ, мороженное, апельсины, мандарины, огромные какъ апельсины, землянику... Все это пронзительными криками заявляетъ о своемъ существованіи. Тутъ же все съѣдается. Изъ кафэ подаютъ тарелки, ножи и вилки и свѣжую воду, великолѣпный господинъ съ брилліантовой булавкой въ галстухѣ покупаетъ жареннаго воробья и креветокъ, тутъ же моетъ великолѣпный египетскій салатъ «Хассъ» и съ наслажденіемъ ѣстъ бѣлые сочные листья его. Идетъ человекъ-кухня. На перевязи предъ нимъ широкій жестяной подносъ, тамъ зажигается огонь и тутъ же предъ покупателемъ поджариваются маленькія палочки съ шашлыками и кебабъ и что-то вродѣ колба-

сокъ,—и босоногіе мальчишки обступили человека-кухню и на маленькія, совсѣмъ маленькія мѣдныя монеты покупають колбаски и шашлыки.

А на другой сторонѣ улицы открытыя двери сирійскихъ и арабскихъ столовыхъ. Въ дверяхъ у входа желѣзный шкапчикъ, съ горячими угольями, предъ которыми медленно поворачивается желѣзный стержень съ насаженными на немъ до верху кусками мяса. Я вижу, какъ подходит важный старикъ мусульманинъ съ сѣдой бородой, въ широкихъ шелковыхъ одеждахъ, съ повязкой на тюрбанѣ, свидѣтельствующей, что онъ постилъ уже Мекку,—и я наблюдаю, какъ отпускають ему обѣдъ. Надрѣзываютъ большую лепешку и сыплють въ нее, какъ въ мѣшочекъ, только что срѣзанные обжарившіеся кусочки мяса со стержня и посыпають какой то травой и чѣмъ то поливають, и важный старикъ садится за столикъ въ сосѣднемъ кафѣ, ѣстъ свою лепешку-обѣдъ, пьетъ сладкій турецкій кофе и закуриваетъ наргилѣ, что ставятъ предъ его столикомъ. Это такъ вкусно, что я иду въ столовую. Мнѣ подають круглую мягкую лепешку изъ кислаго тѣста такую, какую я ѣлъ въ дѣтствѣ въ своей Владимірской губ., и чрезвычайно похожую на ту самую лепешку древняго Египта, которую я видѣлъ въ Каирскомъ музеѣ. Я ѣмъ мясо со стержня, обильно посыпанное кисловатой острой травой, вродѣ нашего щавеля, и чудесную простоквашу, въ круглой восточной чашечкѣ, пью палестинское вино и улачиваю 40 коп. за свой обѣдъ.

И опять другая картина улицы...

Мнѣ кажется, что всѣ магазины и лавки затѣмъ и закрылись, чтобы выйти съ своими товарами на улицу. Тутъ цѣлыя лавки на рукахъ, на спинахъ, на головахъ. Тутъ все. Куски матерій, сорочки, галстуки, запонки, восточные ковры, ленты, зонтики, маленькіе микроскопы, очки, зеркала, картъ-постали, альбомы Каира, цѣлыя книжныя лавки, бусы «подъ-египетъ», чудныя суданскія палки изъ драгоцѣннаго эбеноваго дерева, удивительныя бѣлыя и черныя чадры, усыпанныя серебряными блестками, что выдѣлываются въ Сіу въ верхнемъ Египтѣ. Все это кричитъ, зоветъ, настаиваетъ... И тѣ жетучи чистильщиковъ сапогъ,—маленькіе берберины, большіе негры.

Все рѣже и рѣже звучитъ милая и ласковая мелодія Каирскаго водоноса... Ыда кончается, понемногу уходятъ съ тротуара магазины и лавки. Темнѣетъ на улицахъ, зажигаются электрическіе фонари.

Проходитъ маленькая тоненькая женщина въ темныхъ широкихъ одеждахъ, съ корзиной цвѣтовъ. Она очаровательна. На вискахъ у нея синія птички и цвѣточекъ изъ расходящихся вѣеромъ трехъ синихъ лилій на подбородкѣ и такой же синій цвѣточекъ поднимается на лбу между бровями. Обведенныя синей полосой

глаза кажутся огромными въ свѣтѣ электрическихъ фонарей, и матовый, смуглый и блѣдный овалъ лица кажется таинственнымъ. Она медленно наклоняется и пристально заглядываетъ въ лицо, словно разыскиваетъ знакомаго, и молча протягиваетъ маленькіе букетики изъ большихъ синихъ фіалокъ, кроваво-красныя розы. Ей предлагаютъ вопросы на французскомъ, на арабскомъ языкѣ,—она молчитъ и ждетъ, и дальше идетъ, медленно и пристально заглядывая въ другія лица, и слышно, какъ стучать по камнямъ ея деревянныя башмачки, и видно, какъ голыя пятки выглядываютъ изъ подъ ея одежды. Издали доносится и постепенно приближается музыка. Длинная необыкновенная скрипка съ одной струной поетъ жалобную и тихую мелодію, и что-то вродѣ тыквы съ натянутой кожей громко и рѣшительно говоритъ: «бумъ-бумъ-бумъ!» Женщина въ широкихъ темныхъ одеждахъ,—у нея нѣтъ синихъ птичекъ и только синія цвѣточки на подбородкѣ и надъ бровями, и такіе же обведенные глаза на блѣдномъ смугломъ лицѣ — поетъ вмѣстѣ со скрипкой короткую и жалобную мелодію, а сѣдой старый человѣкъ твердо и неукоснительно повторяетъ: бумъ-бумъ-бумъ!.. Черненькій негритенокъ въ курточкѣ съ блестящими позументами куврыается и ходитъ на рукахъ, отецъ его, съ сѣдыми волосами, жонглируетъ шарами, ножами и бутылками... Пляшутъ обезьянки вмѣстѣ съ собаками на тротуарѣ, пронзительно кричитъ попугай на противоположномъ балконѣ... Проходитъ слѣпая и поетъ какой то печальный гимнъ-молитву, а потомъ слѣпой, черезъ нѣсколько минутъ еще и еще.—Сколько ихъ, слѣпыхъ людей, въ Египтѣ!

За сосѣднимъ столикомъ сидитъ бедуинъ. Онъ въ широкомъ бѣломъ бурнусѣ, бѣлый шелковый платокъ схваченъ на головѣ двумя волосяными обручами, перевитыми золотыми нитками. Онъ сидитъ одинокій съ своимъ кофе и безконечно дымящимся наргилѣ. Никто къ нему не подходитъ, ни къ кому онъ не обращается и, кажется, онъ не видитъ и не слышитъ ничего, что происходитъ кругомъ. И чувствовались подъ широкимъ бурнусомъ худое тѣло и сухія жилистыя крючковатыя ноги, и весь онъ съ горбатымъ носомъ, короткой рѣденькой бородкой и обведенными темнымъ кругомъ глазами, казавшимися страшно черными и бездонными, былъ, какъ хищная птица, залетѣвшая изъ пустыни, какъ птица ночи съ немигающими глазами въ яркомъ свѣтѣ дня. Мнѣ кажется, я узналъ его, должно быть, это былъ тотъ проводникъ или хозяинъ, я не знаю, котораго я встрѣтилъ утромъ на площади вмѣстѣ съ караваномъ верблюдовъ. У меня осталось въ памяти тогда это словно вырѣзанное на бѣлой эмали лицо камен, и вся фигура хищной птицы на сѣрой лошадекѣ съ точеными ножками, съ изящной тонкой шеей, съ блестящими умными глазами, которая казалось одна не устала изъ всего каравана. И теперь, когда я смотрѣлъ на бедуина, мнѣ все казалось, что вотъ онъ

сейчас снимется и взлетитъ на сѣдло и полетитъ, какъ птица, на своемъ сѣромъ конѣ съ лебединой шеей и чудесными умными глазами, къ звѣздамъ пустыни, которую онъ такъ хорошо знаетъ, въ свои бѣлыя палатки, тамъ далеко въ пустынѣ, подъ открытыя полы которыхъ дуетъ вѣтеръ, проносится желтый песокъ пустыни...

Ночь спустилась надъ Каиромъ, загорѣлись огромныя, какъ разноцвѣтные камни, египетскія звѣзды... Улица все такъ же полна народу, и какой-то другой темпъ на улицѣ: быстрѣе шаги, громче голоса, веселѣе смѣхъ... Грemitъ вѣяскій оркестръ на моей европейской половинѣ улицы, какой-то прокислый теноръ тянетъ кислую и ржавую европейскую мелодію; появляются женщины съ открытыми бюстами, съ ярко выкрашенными лицами. А напротивъ загораются фонари арабскихъ и сирійскихъ кафешантановъ, безчисленные разноцвѣтные флаги вѣютъ надъ входами въ дома увеселеній и несутся оттуда странныя мелодіи и чуждый гомонъ музыкальных инструментовъ и человѣческихъ голосовъ, и все покрываетъ глухой задуманный звукъ: бумъ-бумъ-бумъ...

Мы идемъ съ знакомымъ арабомъ, жителемъ Каира, смотрѣть танцы живота. Мы уходимъ съ широкихъ освѣщенныхъ улицъ, идемъ узкими, темными, извилистыми переулками... Весь потолокъ увѣшанъ, какъ въ ламповомъ магазинѣ, самыми яркими разноцвѣтными люстрами, какими-то хрустальными канделябрами, которые не горятъ и не могутъ горѣть, такъ какъ они только «для красоты», какъ объяснилъ мнѣ мой спутникъ, для того, чтобы пышно отражались настоящія лампы и дѣйствительные канделябры. Все великолѣпно. Бѣлый мраморный фонтанъ смутно журчитъ въ срединѣ зала, кругомъ сидятъ арабы съ папиросами, европейскими сигарами и съ длинными наргиле, которыя курятся нѣсколько часовъ безъ перерыва и куда только время отъ времени прибавляются горячіе угольки на горку табаку. По угламъ сидятъ женщины въ широкихъ темныхъ одеждахъ, съ закрытыми лицами, гдѣ только глаза свѣтятся сквозь спускающійся на лицо темный вуаль.

Странная мелодія несется съ эстрады. Тамъ шесть, семь инструментовъ, странная смѣсь Европы и Азии, и двѣнадцать пѣвцовъ въ широкихъ египетскихъ одеждахъ, поджавши ноги, сидятъ на длинныхъ диванахъ, и ихъ туфли лежатъ на полу передъ ними...

— Какую они пѣсню поютъ?—спрашиваю я моего спутника.

Онъ смотритъ на меня удивленно и говоритъ:

— Никакой пѣсни... Они импровизируютъ. — И поясняетъ: — Кто же сталъ бы ходить, если бы всякій день одну и ту же пѣсню пѣли.

Онъ тутъ же переводитъ мнѣ эту импровизацію, которой

пѣвцы и музыканты вызывали царипу бала, танцовщицу танцевъ живота.

— «Я ждалъ тебя, ты не приходила ко мнѣ. Я не видѣлъ тѣни твоей, я не слышалъ звука шаговъ твоихъ, не доносилось до меня шелеста одеждъ твоихъ... Приди ко мнѣ, красавица моя! Солнце, братъ твой, и луна, сестра твоя, только они одни могутъ спорить съ тобой въ красотѣ... Приди, приди, красавица моя, возлюбленная моя!!!»

Она пришла, наконецъ, на эстраду, сестра солнца и сестра луны. Въ яркихъ одеждахъ, съ подведенными синими глазами, съ браслетами на рукахъ и на ногахъ, съ золотыми кольцами въ ушахъ, съ яркимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, спускающимся до полу, и начала свои лунные танцы живота.

Старый египтянинъ, сухой и длинный, въ широкихъ одеждахъ стоитъ у эстрады и громко кричитъ:

— Молчите! Молчите! Слушайте.

И когда танцовщица танцуетъ самое экстренное па, онъ одобрительно говорить:

— Хорошо, очень хорошо!

А когда ослабѣваетъ усердіе пѣвцовъ или уменьшается вниманіе слушателей, онъ кричитъ:

— Пойте! Пойте!—И къ залѣ:—Молчите! Слушайте!

Они не были тѣ «откровенные» танцы голыхъ животовъ, какіе мнѣ приходилось видѣть какъ-то на нижегородской ярмаркѣ, тѣ, которые преподносятся на разныхъ выставкахъ европейской публикѣ, но, должно быть, нужно пропитаться духомъ народа, проникнуть въ чужую душу, чтобы оцѣнить это несомнѣнно народное танцевальное творчество, эти, показавшіеся мнѣ такими скучными, танцы живота, чтобы понять то настроеніе мѣстной публики, когда безъ приказовъ стараго египтянина, этого хора арабскаго кафе-театра, люди оставляли свои папиросы и сигары и наргилѣ и всѣ, какъ одинъ, наблюдали развертывавшуюся и усложнявшуюся картину танцевъ живота...

И въ полночь отовсюду гремитъ музыка... Ярko освѣщены и широко открыты кафѣ и рестораны... Маленькій кабачекъ въ узенькомъ переулочкѣ. Красные англійскіе солдаты сидятъ, обнявшись съ бѣлыми и смуглыми дѣвушками, и одинокій солдатикъ съ дѣвичьимъ лицомъ наигрываетъ на роялѣ жалостную англійскую пѣсню. Итальянскій, французскій, греческій говоръ несется изъ ресторановъ, улицы пусты, и только бѣлый платокъ съ золотыми обручами все сидитъ на тротуарѣ и черные бездонные глаза куда-то смотрятъ вдоль улицы и вспыхиваютъ горячіе угольки его наргилѣ.

И когда я раздѣваюсь и ложусь спать, подъ моимъ окномъ гремитъ музыка въ «Варіетѣ», гдѣ изжившіе себя и пропѣвши свои голоса парижскіе «нумера» и «этуали» до трехъ часовъ

ночи увеселяють изголодавшуюся по Парижу французскую каирскую публику...

II.

Безхозяйная улица... И «безхозяйной улицей» кажется мнѣ не только Каиръ, но и весь Египетъ. Не видно хозяина, нельзя разобратъ, гдѣ гости и гдѣ хозяева, и долгое время думается, что именно гости и есть хозяева...

Я зналъ, конечно, что есть, такъ сказать, историческій хозяинъ, хедивъ, законнѣйшій наслѣдникъ беззаконнѣйшаго Магомета-Али-когда-то, такъ недавно, впрочемъ, воровскимъ, разбойнымъ манеромъ превратившагося изъ гостя, албанскаго человѣка, въ хозяин-Египта.

Почти ежедневно, между 10—11 часовъ утра, мимо оконъ моего отеля проѣзжалъ хедивъ. Все какъ въ хорошихъ домахъ... Конные люди скакали впереди, конные люди скакали сзади, адъютантъ сидѣлъ въ коляскѣ. И все будто взаправду, въ самомъ дѣлѣ... Газеты ежедневно сообщали, что его величество хедивъ присутствовалъ на засѣданіи совѣта министровъ и рѣшалъ государственныя дѣла, что онъ милостиво давалъ аудіенціи знатымъ иностранцамъ, путешественникамъ: англійскому или нѣмецкому принцу крови, принцу англійской, французской или американской промышленности, принцу англійской или французской прессы. Я вижу даже казармы и настоящія въ сам-дѣлишныя хедивскія войска, парадныя и расфранченныя, будто въ серьезъ производящія на плацу разнообразныя военныя экзерциціи; но я понимаю, что это все фато-моргана, миражъ, который такъ часто встаетъ въ египетской пустынѣ и создаетъ незнакому путешественнику впечатлѣніе городовъ, дворцовъ и крѣпостей тамъ, гдѣ только пустое мѣсто, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ зыблющагося желтаго, переносящагося съ мѣста на мѣсто песка...

И тотъ другой, еще болѣе «историческій» хозяинъ, турецкій султанъ, которому по сіе время Египетъ платитъ дань,—тоже миражъ, полузабытый отзвукъ далекой пѣсни...

Мѣстные люди скоро объяснили мнѣ, что хедивъ хозяйственный человѣкъ и, въ предвидѣніи брѣвности существующаго строя на землѣ, занимается не управленіемъ Египта, которое европейскіе гости великодушно взяли на себя, а промышленными предпріятіями, земельными спекуляціями, скупкою участковъ, подлежащихъ орошенію въ первую очередь... Мнѣ извѣстно было, что онъ не брезгуетъ скупкой пшеницы, сорго, хлопка.

— А въ нынѣшнемъ году всю цибулу скупилъ въ Египтѣ,—пояснялъ мнѣ русскій, давно живущій въ Каирѣ, еще не забывшій своего южно-русскаго языка.

Одно время мнѣ показалось, что я нашелъ настоящаго хозяина, и рѣшилъ, что настоящій хозяинъ — англичанинъ. Въ цитадели Магомета-Али, что возвышается и царствуетъ надъ Каиромъ, въ обширномъ дворѣ стоялъ рядъ коровъ, которыхъ тщательно чистили какіе-то темные туземные люди въ бѣлыхъ длинныхъ рубашкахъ.

— Это коровы англійскихъ солдатъ,—пояснилъ мнѣ мой спутникъ.— Мѣстные люди ихъ доятъ, кормятъ и чистятъ, и они же моютъ полы и убираютъ въ комнатахъ солдатъ.

— Это дѣти англійскихъ солдатъ,—пояснялъ онъ мнѣ, когда я увидѣлъ вверху около мечети Магометъ-Али игравшихъ дѣтей, изящно одѣтыхъ, съ завитыми локонами.

А потомъ я увидѣлъ солдатскихъ женъ, превосходныхъ леди съ чудесными зонтиками, въ модныхъ шляпахъ, которыя прогуливались на террасѣ мечети. Съ ними были мужья, съ хлыстиками въ рукахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, одѣтые въ безукоризненно чистые красные мундиры.

И лучшіе отели отъ двадцати франковъ—англійскіе отели. И когда я смотрю на эти черныя суданскія лица удивительно корректныхъ полицейскихъ, такъ напоминающихъ по манерамъ лондонскихъ боби, я начинаю думать, что я нашелъ хозяина, что хозяинъ—англичанинъ.

Но англичанина не слышно и не видно въ Каирѣ, по крайней мѣрѣ, не мечется онъ въ глаза при поверхностномъ знакомствѣ съ улицей. И—быть можетъ, таково свойство англійскаго хозяйскаго характера,—что именно англичанина не видно и не слышно и кажется, что все дѣлается какъ-то само собой безъ его участія. Русскій докторъ изъ Гелуана, довольно крупнаго поселенія въ полупустынной по желѣзной дорогѣ отъ Каира, рассказывалъ мнѣ, какая тишина и спокойствіе въ Гелуанѣ, говорилъ, что не бываетъ не только убійствъ и разбоевъ, но и воровства, и на мой вопросъ, какая у нихъ полиція, кромѣ тѣхъ немногихъ чернокожихъ боби, которыхъ я видалъ на улицахъ Гелуана, отвѣчалъ:

— Никакой... Пріѣзжаетъ разъ въ недѣлю какой-то англичанинъ удостовѣриться, все ли въ порядкѣ...

Этого мало для моего опредѣленія хозяина, и мнѣ начинаетъ думать, что англичанинъ хотя и хозяинъ, но въ то же время случайный гость, а настоящій хозяинъ, прочно укрѣпившійся въ странѣ—французъ. Онъ вездѣ и всюду, и его присутствіе чувствуется на каждомъ шагѣ. Названіе улицъ въ Каирѣ пишется только на французскомъ и арабскомъ языкѣ; въ большинствѣ случаевъ вокзальные надписи также только на французскомъ и арабскомъ языкахъ, и въ высшихъ школахъ Каира неизбѣжный французскій языкъ, и въ лучшихъ кофейняхъ и ресторанахъ французскій говоръ, и въ окнахъ книжныхъ магазиновъ пестрятъ французскіе романы и тѣ иллюстрированныя французскія нелѣпости,

которые Парижъ выпускаетъ въ несмѣтномъ количествѣ. И французскіе романы въ нотныхъ магазинахъ, и французскія шансонетки въ наиболѣе посѣщаемыхъ кафе-шантанахъ, и французскихъ газетъ въ Египтѣ больше, чѣмъ всѣхъ другихъ европейскихъ газетъ *). Свѣдущіе каирскіе жители говорятъ мнѣ, что французскій языкъ и французская культура—языкъ и культура всего высшаго каирскаго и вообще египетскаго высшаго общества, и говорить безукоризненно и даже изысканно на французскомъ языкѣ—честь и гордость культурнаго арабскаго общества, а въ гаремахъ высшаго свѣта любимецъ—Пьеръ Лоти, и гаремныя дамы томно вздыхаютъ, зачитываясь Пьеромъ Лоти.

А потомъ мнѣ начинаетъ казаться, что хозяева итальянцы, что именно они составляютъ центръ каирской и въ особенности александрийской улицы, что именно они занимаютъ центральную позицію между высшими слоями европейцевъ и низшими слоями туземнаго населенія. Въ маленькихъ отеляхъ въ скромныхъ столовыхъ—итальянская кухня и итальянскій языкъ, въ кофейняхъ, въ небольшихъ ресторанахъ, которые разсыпаны на каждомъ шагу въ Каирѣ, въ магазинахъ и лавкахъ, у кондукторовъ трамвая, у полицейскихъ, на базарахъ, въ уличной толпѣ постоянно слышишь итальянскій языкъ.

А еще ниже, въ самыхъ низахъ—греки. Они и въ верхахъ—вся табачная промышленность въ Египтѣ въ греческихъ рукахъ, у нихъ банки и конторы и оптовая морская торговля, но ихъ сила именно въ низахъ, въ томъ, что они вонзаются туда, куда не могутъ проникнуть ни итальянцы, ни французы, ни армяне, ни евреи, ни сирійцы,—въ томъ, что они вплотную подошли къ египтянину. Въ Каирѣ постоянно повторяютъ знаменитую фразу бывшаго англійскаго вице-короля лорда Кромера: «если уѣхать отъ Нила въ пустыню за сто миль и поднять камень, подъ нимъ окажется грекъ» *).

Мнѣ говорили, что нѣтъ феллахской деревни, маленькаго городка, гдѣ не было бы греческаго кабачка, греческой кофейни, греческой лавки. Я бывалъ въ нихъ. Тамъ внутри бѣдно и скудно, табакъ и папиросы, хлѣбъ и мыло и дурныя греческія вина, но дѣло не въ лавкѣ и кабакѣ, а въ кредитѣ, который распространяется изъ кабачка и лавки на феллахскую деревню, на ея скотъ и землю и на продукты земли...

Если англичане, французы и нѣмцы въ крупныхъ городахъ и, вообще, въ верхахъ египетской жизни занимаются капиталистиче-

*) Въ Египтѣ издается: арабскихъ 41 газета, французскихъ 25, греческихъ 13, англійскихъ 10, итальянскихъ 4, нѣмецкихъ 2 и одна армянская газета.

**) Фраза, очевидно, заимствована лордомъ Кромеромъ: почти въ тѣхъ же выраженіяхъ мнѣ передалъ ее, въ Константинополѣ, какъ народную поговорку, младотурецкій офицеръ.

ской крупной «обрабатывающей» Египетъ промышленностью, то здѣсь, въ низахъ, развертывается, такъ сказать, стадія первоначальнаго накопленія. Выражаясь безсмертными словами Глѣба Успенскаго, если болѣе знатные европейцы берутъ «рубль на рубль», то скромные греки довольствуются «копѣчкой на копѣчку».

А потомъ идутъ прослойки нѣмцевъ, евреевъ, армянъ, сирійцевъ. И всѣ они занимаютъ опредѣленное мѣсто въ египетской жизни, иногда значительное, важное.

Тѣ же сирійцы... Незначительные по количеству, они по общему отзыву играютъ крупную роль въ странѣ. Смѣшаннаго происхожденія,—съ того постоялаго двора, по которому проходили Ассуръ и Камбизы, и иудейскіе цари, и фараоны, и Александры Македонскіе, и крестоносцы изъ всей Европы,—арабы по языку, но говорящіе и по-турецки и на одномъ или двухъ европейскихъ языкахъ, — мусульмане, католики и ортодоксы по религіи, способные и энергичные,—они какъ бы самой судьбой предназначены играть роль своего рода средостѣнія въ томъ конгломератѣ языковъ и національностей, который представляетъ изъ себя теперешній Египетъ. Они играютъ значительную роль въ конторахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, въ администраціи англійской и хедивской.

Сирійцы до извѣстной степени хозяева въ мѣстной прессѣ,—не въ европейской, гдѣ хозяева французы и итальянцы, а въ мѣстной, арабской. Если во главѣ арабской газеты стоитъ и египтянинъ и пишетъ передовыя статьи, задаетъ общій тонъ газетѣ, то главные сотрудники—сирійцы, а иностранный отдѣлъ почти исключительно обслуживается ими. Я видѣлъ ихъ въ редакціи одной изъ наиболѣе крупныхъ арабскихъ газетъ Каира. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ мнѣ, что онъ работалъ и въ константинопольскихъ газетахъ, и въ сирійскихъ газетахъ Америки, гдѣ, повидимому, идетъ возрожденіе Сиріи, какъ и возрожденіе Литвы.

Французы, итальянцы, греки, армяне, сирійцы... Долгое время они казались мнѣ какъ таковые, какъ обособленные національныя группы. А потомъ путаница началась въ моей головѣ отъ этихъ точныхъ опредѣленій... Да, въ верхахъ этихъ группъ, быть можетъ, еще отграничено. Мнѣ приходилось бывать во французскомъ семействѣ, гдѣ за обѣдами собирались дѣловые и интеллигентные французы, жители Каира. Тамъ была Франція. Во всемъ,—въ обстановкѣ квартиры, въ этихъ неизбежныхъ бездѣлушкахъ, въ картинахъ и фотографіяхъ, въ манерахъ, въ кухнѣ, въ общемъ тонѣ... И за обѣдомъ мы обсуждали французскія дѣла—въ то время захватывала насъ почтово-телеграфная забастовка,—и французскія новости литературы, театра и музыки и бездѣлушки французской жизни, послѣдніе парижскіе скандалы и анекдоты. И сразу чув-

ствовалось, что тутъ все гости, временные жители Египта, и что тамъ, во Франціи—ихъ души, ихъ мысли.

Въ первый же день прїѣзда въ Александрію я познакомился съ другими французами. Я отправился съ пристани пѣшкомъ разыскивать отель, который мнѣ рекомендовали, и обратился съ разспросами къ молодому человѣку, показавшемуся мнѣ симпатичнымъ. Онъ предложилъ проводить меня до сквера, откуда будетъ виденъ путь.

— Вы иностранецъ? Русскій? И вы были въ Парижѣ? Неправда ли Парижъ красивъ?.. Конечно, Лондонъ больше, но вотъ именно, какъ вы говорите,—Парижъ красивѣе... Говорятъ, онъ очень теперь украсился. Мостъ Александра III... Говорятъ, Метрополитенъ удивительно устроенъ—неправда ли?

Мой спутникъ, корректный молодой человѣкъ, съ великолѣпными черными усами, засыпаетъ меня вопросами, на которые я еле успѣваю отвѣчать. И слово Парижъ не сходитъ съ его губъ.

— Только четыре дня прожили вы въ Парижѣ?..— не то съ сожалѣніемъ и удивленіемъ, не то съ упрекомъ говоритъ онъ мнѣ.

— Неправда ли выставка была великолѣпна? И теперь столько театровъ... И большіе бульвары... Скажите, всѣ русскіе такъ быстро ходятъ, какъ вы?

Я извиняюсь, иду тише, и разговоръ нашъ становится медлительнѣе, раздумчивѣе и интимнѣе. Онъ забылъ, что обѣщалъ проводить только до угла, и мы идемъ черезъ всю Александрію. Онъ сообщаетъ мнѣ, что черезъ недѣлю онъ женится и дѣлаетъ свадебную поѣздку во Францію, поѣдетъ показывать женѣ Парижъ.

— Давно ли вы изъ Парижа?—спрашиваю я его.

— О, нѣтъ. Я въ первый разъ въ Парижѣ,—извиняющимся тономъ говоритъ онъ мнѣ,—но мой отецъ въ молодости работалъ въ Парижѣ, пока не переселился въ Египетъ,—машинистомъ на строившуюся тогда желѣзную дорогу.—И прибавляетъ, оправдываясь:

— Но я превосходно знаю Парижъ... Сѣну и Place de la Concorde, большіе бульвары, Grande Opera и Notre Dame и Сень-Жерменскій бульваръ. Мнѣ только закрыть глаза, и я себя представляю весь Парижъ... Моя невеста? Да, она французенка, но она мѣстная («du pays») и она тоже все мечтала видѣть Парижъ. Ея отецъ и мать родились въ Египтѣ.

Онъ проводилъ меня вплоть до отеля и мы долго-долго прощались, горячо пожимая другъ другу руки: все ему не хотѣлось расставаться съ человѣкомъ, который такъ недавно былъ въ Парижѣ, въ самомъ Парижѣ...

И Marcolongo, твердо помнить, что онъ—Marcolongo, какъ значится на вывѣскѣ его сапожной мастерской, гдѣ онъ съ сыномъ изображаетъ хозяина и работника и что его пра-прадѣдъ, а можетъ, и пра-пра-прадѣдъ, вышелъ изъ Венеціи, но время исхода совершенно не удается установить. Онъ знаетъ, когда они съ отцомъ

пріѣхали въ Египетъ изъ Константинополя, гдѣ жилъ его дѣдъ, но твердо помнитъ, что и дѣдъ его никогда не бывалъ въ Италіи. И бабушка его армянка, а мать его сирійка, но онъ все-таки *colongo*...

Я пью кофе въ маленькой кофейнѣ на окраинѣ города... Хозяинъ отвѣчаетъ на мои вопросы по-французски, потомъ переходитъ на итальянскій языкъ, потомъ на греческій. Въ кофейнѣ пусто, онъ радъ поболтать и говорить мнѣ:

— Мы на всѣхъ языкахъ... Такъ приходится. Какой главный? Пожалуй,—арабскій.—Онъ тоже рассказываетъ мнѣ сложную перепутанную генеологію своего рода, гдѣ были и итальянки, и сирійки, и гречанки, и бабушка болгарка, и гдѣ сохранилась только французская фамилія.

— Кто же вы?—Онъ вынимаетъ трубку изъ рта, долго думаетъ и говоритъ:

— *L'homme du pays*... (Мѣстный, тутошній)...

И мнѣ приходится дѣлать крупныя поправки въ понятіи «европеецъ», вѣраже, «иностранецъ», въ Египтѣ. Да, есть *верхніе* французы, нѣмцы, итальянцы, англичане, которые создаютъ себѣ карьеру въ Египтѣ, для которыхъ все время свѣтитъ солнце Лондона, Парижа, Берлина и Рима, и которые все время думаютъ только о томъ, чтобы вернуться на свою родину; но огромное большинство заграничныхъ людей, изъ которыхъ создается иностранная улица Каира, осѣдаютъ тамъ навсегда. Долго еще грезится имъ Парижъ, Венеція, Римъ, а потомъ воспоминанія тухнуть, и отцовскія воспоминанія смѣшиваются съ материнскими и бабушкиными воспоминаніями, и люди становятся «мѣстными», «тутошними», но и не египтянами.

И нѣтъ имъ возврата на свою родину, потому что у нихъ нѣтъ родины, потому что въ этой невообразимой смѣси націй встрѣчаются всѣ родины и ни одна не остается родиной. Они уже не французы, не итальянцы, не сирійцы и не греки, не нѣмцы, они люди безъ отечества, люди безъ роду, безъ племени. И люди безъ языка. У нихъ нѣтъ языка своей родины, родимаго языка, который растетъ изъ земли, какъ дерево, поднимается къ небу, ширится, покрывается все новыми и новыми листьями, который цвѣтетъ и пахнетъ, какъ цвѣты родной страны, на которомъ громъ гремитъ, лѣсъ шумитъ, тростникъ шепчетъ, вѣтеръ сказки говорить, птицы пѣсни поютъ, которымъ говорить весь народъ страны, въ которомъ вся душа его...

Учитель школы, гдѣ учатся дѣти этихъ разноплеменныхъ иностранцевъ, рассказывалъ мнѣ о нихъ. Дома дѣти говорятъ на разноязычныхъ языкахъ семьи, гдѣ часто отецъ, мать, бабушка разныхъ націй, они говорятъ неизбѣжно на арабскомъ языкѣ, языкѣ Каира, они говорятъ на языкѣ квартала, смотря по тому, кѣмъ больше населенъ онъ—итальянцами или греками, на какомъ

говорять на мѣстныхъ базарахъ, въ лавкахъ околodka. И въ школѣ они учатся непременно французскому языку, безъ котораго нельзя жить въ Каирѣ, и имъ нужно знать хоть немножко англійскій языкъ. Имъ нужно, такъ какъ они—дѣти бѣдныхъ родителей, ремесленниковъ, мелкихъ лавочниковъ, мелкихъ служащихъ, и имъ придется обслуживать разноязычную жизнь Каира, работать въ банкахъ, конторахъ, приказчиками магазиновъ, служащими въ ресторанахъ, чиновниками въ мѣстномъ управленіи. Учитель рассказывалъ мнѣ про своихъ учениковъ, которые уже теперь наполняютъ банки, магазины, конторы, что у его учениковъ нѣтъ настоящаго, коренного языка, языка души ихъ,—всѣ языки понемножку и ни одного вполнѣ; что они не могутъ вести длинный, сложный разговоръ на одномъ языкѣ, что они не могутъ написать серьезнаго доклада, обстоятельнаго отчета на одномъ языкѣ, чтобы они были литературны. Французскіе бульварные романы—ихъ пища, международная душа каирской улицы—ихъ душа.

И не эти сироты безъ родины, безъ родимаго языка, безъ души, которую даетъ совокупность всего того, что называется родиной,—не они будутъ творить новую египетскую жизнь. Они не хозяева и не гости,—они слуги, только винты въ международной злой и жестокой египетской жизни,—эти своего рода «паровые цыплята» Глѣба Успенскаго, «безъ души», безъ способности творчества жизни, которой нѣтъ у паровыхъ цыплятъ.

Быть можетъ, изъ этихъ раньше времени объявившихся «все-человѣковъ», изъ этого конгломерата опустошенныхъ душъ и безъязычныхъ людей выработается въ будущемъ какая-нибудь коллективность съ опредѣленной печатью, съ новой душой, но пока это одно изъ самыхъ горестныхъ явленій человѣчества...

III.

Я нашелъ, наконецъ, хозяевъ и, когда нашелъ, удивился, что не замѣтилъ ихъ раньше. Среди этой огромной толпы разноплеменныхъ представителей Европы, Азіи и Африки, въ этой неопи-суемой смѣси одеждъ и манеръ, среди этихъ лицъ всѣхъ оттѣн-ковъ между бѣлымъ и чернымъ, долго сливавшихся для меня въ раскрашенное многоцвѣтное пятно,—группами по трое, по четверо двигались люди очень высокаго роста, съ могучими шеями, съ горой мускуловъ на плечахъ, съ темными, словно долго и сильно загорѣвшими лицами, съ широко открытыми большими глазами, глядѣвшими ясно и,—я не умѣю лучше выразиться—благоклонно. Въ темныхъ и синихъ широкихъ одеждахъ, какъ тоги надѣтыхъ поверхъ ярко-цвѣтныхъ длинныхъ кафтановъ, охваченныхъ широ-кимъ поясомъ, они шли, важные и величественные, какъ короли среди этой пестрой, шумливой, суетливой толпы пришлыхъ людей,

и обмотанные кругомъ великолѣпно и гордо поставленныхъ головъ тюрбаны, какъ короны, вѣнчали людей-королей.

Я встрѣчалъ ихъ изрѣдка и раньше въ толпѣ, но почему-то думалъ, что это пріѣзжіе издалека люди, вродѣ такого же великолѣпнаго алжирца, какого я разъ встрѣтилъ на улицѣ, и только въ этотъ разъ спросилъ моего спутника, каирскаго жителя, что это за люди. Онъ отвѣтилъ, и на мои удивленные вопросы, пояснилъ:

— Нѣтъ, не арабы, а именно, египтяне... Вѣроятно, пріѣзжіе изъ деревень, состоятельные феллахи, быть можетъ, старшины. Не думаю, чтобы въ нихъ была арабская кровь,—во всякомъ случаѣ, это настоящіе египтяне.

И когда я жадно всматривался въ эту необыкновенную разновидность каирской толпы, я удивлялся, что не узналъ ихъ,—это были—они, люди изъ каирскаго музея древностей. Предо мной вставали люди съ барельефовъ храмовъ, оживали огромныя каменные, необыкновенныхъ размѣровъ, фигуры боговъ и фараоновъ и всякихъ людей стараго Египта.

И я скоро сталъ различать тѣ два типа, которые рѣзко выдѣляются на барельефахъ и въ статуяхъ, людей съ удлинненными тонкими одухотворенными, изящными лицами, и людей съ круглыми важными лицами, съ широкими твердыми подбородками, такъ невольно, уже тамъ въ музеѣ, поразившихъ меня сходствомъ съ римскими сенаторами. И тамъ, въ музеѣ, меня тоже поразило это необыкновенное главенствующее выраженіе тѣхъ удлинненныхъ и круглыхъ лицъ,—мягкость, повторяю, я не умѣю выразиться лучше—какая-то благосклонность. И смутная печаль лежала въ улыбающихся губахъ, въ ясныхъ широко-открытыхъ глазахъ...

Я видѣлъ потомъ ихъ, египтянъ, на мѣстахъ, въ пальмовыхъ лѣсахъ, среди полей, въ ихъ деревняхъ,—они были не сытые, плохо одѣтые, у нихъ были худыя лица, и тощія тѣла, но они всѣ были высокіе, стройные, съ могучими длинными шеями, съ крупными мышцами, съ тѣми же величественными медлительными движеніями. И съ тѣми же благосклоннымъ и яснымъ выраженіемъ широко открытыхъ глазъ, и только больше грусти, больше покорной печали лежало на круглыхъ и удлинненныхъ худыхъ лицахъ...

И удивительное дѣло, словно мнѣ нужно было сдѣлать это «открытіе» египтянъ и уловить ихъ сходство съ старыми людьми музея, чтобы начать понимать окружающую меня жизнь, чтобы отдѣльные явленія и факты Каирской улицы, мимо которыхъ я проходилъ иногда удивленно, чаще равнодушно, встали предо мной въ новомъ освѣщеніи,—чтобы я понялъ ихъ.

И совсѣмъ иначе показались мнѣ даже ястреба, что вились всѣ дни въ несмѣтномъ количествѣ надъ миллионнымъ городомъ и мирно почевали въ центрѣ его на деревьяхъ городского сада. Меня

только удивляло и казалось страннымъ, что никто не трогалъ ихъ, а теперь мнѣ вспомнились царственные, божественные ястреба древняго Египта. И иначе освѣтился мнѣ «странный» фактъ первой ночи моей въ Александріи. Всю ночь въ коридорахъ возились кошки, выли, визжали, царапались, и когда я утромъ спросилъ вполнѣ европейскаго вида метръ д'отеля, какъ они допускаютъ въ своемъ отелѣ такія непріятныя для постояльцевъ приключенія кошекъ, онъ, извиняясь и растерянно разводя руками, объявилъ, что египетская прислуга отеля не допуститъ, чтобы выгнали кошекъ. Тогда мнѣ показалось эго только страннымъ, а теперь я вспомнилъ, что кошка была тоже богиня въ древнемъ Египтѣ, вспомнилъ, что еще такъ недавно для стараго Египта,—какихъ нибудь двѣ тысячи лѣтъ назадъ, во времена римскаго протектората, александрійская толпа разорвала на куски римлянина, подлиннаго «*civès romainus*» только за то, что онъ случайно убилъ кошку. И совершенно особенно освѣтились мнѣ чучела крокодиловъ, висяція надъ старыми домами въ удаленныхъ отъ центра улицахъ Каира.

И вся улица, ея жизнь, мелкіе факты ея окрасились мнѣ иначе, заинтересовали меня новымъ содержаніемъ. Я видалъ похоронныя процессіи и раньше, онѣ такъ же торжественны и импозантны, какъ и свадьбы, но теперь я пристально всматриваюсь въ нихъ и съ удивленіемъ открываю, что гробъ имѣетъ видъ лодки, можетъ быть, смутное, можетъ быть, очень отдаленное воспоминаніе той лодки, на которой нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ перевозили черезъ Ниль въ Абидосъ муміи мертвецовъ и которую я тоже видѣлъ въ музеѣ. И также букетъ цвѣтовъ былъ на высоко поднятомъ носу гроба-лодки.

А когда я вижу украшенные рисунками лица и обведенныя глаза, я вспоминаю великолѣпную изумительную статую Scrib'a въ Каирскомъ музеѣ, жившаго 5—6 тысячъ лѣтъ назадъ, глаза котораго обведены зеленой краской и кажутся оттого особенно живыми, особенно большими и значительными. Я вспоминаю, что и тогда, пять тысячъ лѣтъ назадъ, обводили глаза зеленой и синей краской, составленной изъ смѣси сюръмы съ мелко истолченнымъ древеснымъ углемъ, вспоминаю, что и тогда также много было слѣпыхъ и больныхъ глазами. И совсѣмъ особенно звучать въ моей душѣ жалобные звуки однострунной скрипки и рѣшительные удары тыквы-барабана: «бумъ-бумъ-бумъ!...»

И европейскіе дома раздвинулись предо мной, вся это томительно-сучная буфетно-отельная архитектура уходитъ отъ меня, и передо мной встаютъ странныя очертанія старыхъ домовъ, изящныя линіи рѣзныхъ колоннокъ входовъ и балконовъ, тонкій красивый рисунокъ деревянныхъ рѣшетокъ оконъ и балконовъ, и всѣ эти узорные поэтическіе мотивы дерева и камня, которые разрозненными кусками я видѣлъ когда то и гдѣ то, встаютъ предо мной въ

цѣльной и связанной красотѣ. Съ удивленіемъ я разсматриваю старый, старый домъ съ точеными рѣзными каменными колоннами, словно пересаженный изъ большого канала Венеціи, съ неменьшимъ удивленіемъ я нахожу въ Каирѣ мотивы Бахчисарайскаго дворца, которыхъ долго не понималъ.

Самое обыденное, будничное иначе встало передо мной. Иначе встали, по другому смотрѣли на меня финиковыя пальмы, которыя такъ надѣли, казались мнѣ такими скучными въ Ниццѣ,—съ поддерживавшими ихъ желѣзными обручами,—онѣ встали здѣсь, какъ необходимая принадлежность пейзажа, какъ родныя дѣти родины и, странное дѣло, какъ родныя мнѣ, какъ давняя смутная мечта дѣтскихъ лѣтъ.

Я вспомнилъ о лотосѣ и папирусѣ, о которыхъ забыть было—я пошелъ искать ихъ и нашелъ ихъ.

Я нашелъ не только хозяевъ Египта, я нашелъ самый Египетъ. Я почувствовалъ себя въ Египтѣ...

Двѣ жизни текутъ въ Египтѣ рядомъ, не сливаясь, не смѣшиваясь: жизнь европейцевъ и вообще иностранцевъ и жизнь туземцевъ, какъ двѣ стѣны, стоятъ онѣ другъ противъ друга, враждебныя, настороженныя...

«Куда идутъ египетскія деньги?» — на разные лады спрашиваютъ арабскія газеты. И отвѣчаютъ: «на оккупационную англійскую армію, въ иностранныя банкирскія конторы, гдѣ заложены Египетъ, на англійскій Суданъ идутъ деньги, собираемыя съ Египта...» Да, проводятся каналы, но чьи земли орошаютъ они?—Земли хедива, которыми распоряжаются европейцы, земли богатыхъ помѣщиковъ и тѣхъ европейцевъ, которые заранѣе знаютъ и заранѣе скупаютъ назначенныя къ орошенію земли.

Европейцы... Пьяный европеецъ сѣлъ безъ билета въ городской трамвай и, когда кондукторъ предложилъ ему предъявить билетъ, избилъ кондуктора... Судъ былъ. Европейца присудили къ штрафу въ пять рублей (на наши деньги), кондуктора на 15 р. Для поддержания престижа бѣлыхъ передъ туземными, темными людьми... И десятки случаевъ такой европейской правды рассказываютъ мнѣ мои Каирскіе знакомые... И негодованіе несется изъ среды мѣстныхъ людей: «Такъ дальше продолжаться не можетъ, мы не въ состояніи болѣе терпѣть»,—прочиталъ я выдержку изъ арабской газеты по поводу одного изъ такихъ случаевъ. Хозяева волнуются, и смутное броженіе идетъ въ странѣ... Въ толщу древнихъ, вѣковѣчныхъ, незабытыхъ словъ покорности и смиренія врываются новыя слова и входятъ въ жизнь новыя понятія. Слова неясныя, смутныя, несогласованныя, понятія, не успѣвшія отстояться, оформиться, не архитектурныя, противорѣчивыя, въ которыхъ трудно

разбираться прїѣзжему, постороннему человѣку, но которыя вѣютъ новой жизнью, несутъ новыя желанія...

Можно сказать первое «внутреннее извѣстіе» изъ египетской жизни, прочитанное мной въ той же Александріи въ мѣстной итальянской газетѣ, было сообщеніе о волненіи среди студенчества Эль-Азарскаго университета, и одно изъ первыхъ моихъ Каирскихъ впечатлѣній былъ тотъ же волнующійся Эль-Азарскій университетъ. Мои знакомые Каирскіе французы показывали мнѣ городъ. Мы безпрепятственно осмотрѣли нѣсколько мечетей, но когда пришли къ Эль-Азарской мечети, гдѣ помѣщается университетъ, двери оказались закрытыми, и подошедшій къ воротамъ студентъ объяснилъ намъ, что идетъ сходка и что студнты *tror excités*, и что иностранцамъ не удобно теперь осматривать мечеть.. Я успѣлъ только мелькомъ взглянуть на многотысячную толпу, сплошь заполнившую огромный внутренній дворъ и коллонаду зданія.

Мнѣ долго не удавалось понять характеръ этого студенческаго движенія, и мнѣ нужно было содѣйствіе мѣстныхъ людей, не европейцевъ, чтобы разобратся въ истинной подкладкѣ его. Годъ тому назадъ задумана была реформа Эль-Азарскаго университета. Она сводилась въ существѣ дѣла къ измѣненію того стараго характера университета, при которомъ онъ являлся, несмотря на преподаваніе математики и арабской литературы и мусульманскаго законовѣднія, почти исключительно богословскимъ факультетомъ, гдѣ изучался Коранъ и многочисленныя комментаріи къ нему и богословскія сочиненія, явившіяся послѣ Корана; гдѣ ничего не было регламентировано какими-нибудь нормами, опредѣленными курсами, гдѣ люди оставались по 10, 15 и даже 20 лѣтъ, изучая богословскую литературу. И реформа сводилась къ приближенію стараго университета къ типу европейскихъ университетовъ съ факультетами, съ правильными и научно поставленными курсами отдѣльныхъ предметовъ.

Противъ этого то новшества и сохраненія за университетомъ чисто мусульманскаго и богословскаго характера и ратовало Эль-Азарское студенчество...

А рядомъ по всякому поводу и безъ всякихъ поводовъ происходили тысячныя сходки на площадяхъ, въ общественныхъ садахъ Каира съ опредѣленно конститудіонными резолюціями, съ требованіемъ именно новшества, именно приближенія египетской жизни къ западно-европейской.. И арабскія газеты (я слѣдилъ за ними по выдержкамъ, помѣщавшимся во французскихъ газетахъ, и по сообщеніямъ мѣстныхъ людей) рѣзко раздѣлились на два лагеря, постоянно полемизировавшіе другъ съ другомъ, нерѣдко прямо враждебные. Однѣ, чисто націоналистическія и шовинистскія, стояли за студенческія требованія, другія, прямо называвшія требованія студентовъ реакціонными, вредными для Египта, рѣзко высказывались противъ націоналистическаго и шовинистическаго

теченія и опредѣленно ставили либерально-конституціонныя требованія. И именно конституціонныя газеты были наиболѣе распространены и имѣли наибольшее вліяніе.

Кое что о конституціонномъ движеніи въ Египтѣ я зналъ еще до пріѣзда въ Египетъ изъ иностранныхъ газетъ. У меня получилось представленіе, что въ кругъ его вовлечены только городскіе слои культурнаго арабскаго общества; я зналъ нѣсколько именъ инициаторовъ этого движенія, пріѣзжавшихъ въ Парижъ и дѣлавшихъ тамъ конференсы и близко соприкасавшихся съ младотурецкими эмигрантскими кругами,—и именно поэтому не представлялъ себѣ серьезнымъ все это движеніе. Быть можетъ, и мои личныя впечатлѣнія не измѣнили бы этого моего отношенія, если бы я не почувствовалъ, что всѣмъ этимъ движеніемъ серьезно обезпокоились англичане, такъ всегда освѣдомленные, такъ точно учитывающіе положеніе вещей. Появились слухи объ увеличеніи оккупационной англійской арміи въ Египтѣ чуть ли не вдвое и, сначала тоже въ видѣ слуховъ, а потомъ совершенно реально всталъ новый законъ о печати, котораго двадцать пять лѣтъ не было въ Египтѣ,—такъ хорошо знакомый намъ, русскимъ, законъ о двухъ предостереженіяхъ и послѣдующемъ за ними закрытіи газеты.

И все таки больше, чѣмъ сходки, чѣмъ арабскія газеты разныхъ направленій, интересуеть меня Ай-Азорскій университетъ, его эволюція.

Въ глазахъ египтянъ онъ—истинный университетъ. Въ Каирѣ есть высшая медицинская школа, высшая школа правъ, нѣчто вродѣ нашего юридическаго факультета, но высшимъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній является и по сіе время въ общественномъ сознаніи египтянъ Эль-Азарскій университетъ. Но еще болѣе интересуеть онъ меня съ другой стороны. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ нѣтъ равнаго по значенію центра мусульманскаго религіознаго и литературнаго образованія, какъ этотъ Каирскій университетъ. Между десятью-двадцатью тысячами студентовъ *) (иногда достигающихъ, говорятъ до 30-ти тыс.) встрѣчаются, кажется, представители всего мусульманскаго міра. Тутъ есть суданскіе негры, представители племенъ центральной Африки, тутъ есть самолійцы, индусы, мусульмане средней Азіи, турки. Мнѣ говорили, что есть отдѣльное землячество около 60 чел., состоящее изъ казанскихъ татаръ, уфимскихъ башкиръ и оренбургскихъ киргизовъ. При томъ «пробужденіи мертвыхъ», которое охватило сейчасъ весь востокъ и до извѣстной степени перемѣщаетъ туда центръ міровой жизни,—эволюція Ай-Азорскаго университета мнѣ показалась особенно значительной и знаменательной.

И, должно быть, таково благотѣльное дѣйствіе репрессій,—

*) Преподаваніе въ университетѣ бесплатное. И, кромѣ того, студенты получаютъ комнату, воду и хлѣбъ даромъ.

именно опубликованіе закона о печати, повидимому, опредѣлило эволюцію Каирскаго студенчества. Въ единодушномъ негодованіи, вызванномъ опубликованіемъ закона, объединились разнообразныя группы населенія, и студенты вышли изъ внутренняго двора своей мечети и вмѣстѣ съ гражданами начали участвовать въ тѣхъ, чуть не ежедневныхъ многотысячныхъ митингахъ, которые собирались въ первое время послѣ опубликованія закона о печати. И тѣ же студенты горячо вѣтировали за свободу словъ и за конституцію и за все то новое, что ставили на своемъ знамени конституціонныя группы населенія. И послѣднее извѣстіе, которое я получилъ передъ своимъ отъѣздомъ, которое было напечатано въ газетахъ,—къ хе-диву являлась депутація студентовъ съ просьбой ввести именно тѣ реформы, противъ которыхъ бунтовали они...

По Каирскимъ французскимъ газетамъ нельзя судить о томъ, что дѣлается въ странѣ: туземная жизнь преломляется въ нихъ, какъ въ кривомъ зеркалѣ. Онѣ прежде всего европейскія газеты и подъ угломъ зрѣнія европейскихъ интересовъ освѣщаютъ жизнь. По поводу новаго закона о печати онѣ прежде всего успокоительно завѣрили своихъ читателей, что онѣ получили точныя свѣдѣнія, что новый законъ не будетъ примѣняться къ европейскимъ газетамъ, а только къ мѣстнымъ арабскимъ.

Мнѣ удалось познакомиться съ вполне освѣдомленнымъ человекомъ. Сиріецъ, онъ болѣе десяти лѣтъ живетъ въ Каирѣ, сотрудничаетъ въ арабскихъ газетахъ и даетъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ уроки арабскаго языка. Каирскіе профессора считаютъ его знатокомъ арабскаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ владѣетъ русскимъ языкомъ,—онъ написалъ на арабскомъ языкѣ книжку о конституціи и младотурецкомъ движеніи, съ портретами главныхъ дѣятелей младотурокъ, перевелъ съ русскаго на арабскій «Воскресеніе» Толстого и «Исповѣдь» Горькаго. По субботамъ, когда онъ освобождается отъ своего неустаннаго труда, мы ходимъ по окрестностямъ или пьемъ кофе въ одной изъ людвыхъ улицъ. Я узнаю, какое огромное значеніе имѣла для Египта и для всего Востока буря русской революціи, какая непрерывная диффузія людьми и идеями существовала и существуетъ между Константинополемъ и Каиромъ, какое глубокое захватывающее толщу населенія движеніе идетъ въ настоящее время на Востокъ вообще и въ Египтъ въ частности. Онъ рассказываетъ мнѣ, какъ хорошо пошли его переводы съ русскаго и какъ интересуются въ Египтѣ Толстымъ, какой особенный успѣхъ имѣла его книжка о конституціи и младотурецкомъ движеніи. И,—что меня въ особенности заинтересовало,—оказалось, что книжка о конституціи распространяется главнымъ образомъ въ низахъ городского населенія и деревняхъ, среди феллаховъ,—именно въ тѣхъ слояхъ, гдѣ отрицательно относятся

къ проповѣди узкаго націонализма и наибольшее распространѣніе имѣють арабскія конституціонныя газеты *).

Какъ-то разъ онъ началъ мнѣ рассказывать о наблюдающимся теперь возрожденіи литературы въ Египтѣ и вдругъ громко позвалъ кого-то изъ толпы. Къ намъ подошелъ высокій мускулистый молодой, темно-бронзовый суданскій негръ, съ тремя глубокими надрѣзами на каждой щекѣ. Къ сожалѣнію, мы не могли разговориться и только обмѣнялись рукопожатіями: негръ спѣшилъ къ своимъ спутникамъ.

— Нашъ новый поэтъ!—рекомендовалъ мнѣ мой собесѣдникъ и, послѣ его ухода, на мои вопросы разъяснилъ:

— У нихъ въ Каирѣ три поэта. Одинъ состоитъ при хедивѣ, онъ воспѣваетъ въ стихахъ всѣ происшествія, совершающіяся въ хедивской жизни. Другой просто поэтъ, старикъ, всѣми уважаемый. Оба поэта въ старомъ арабскомъ стилѣ, продолжатели старыхъ арабскихъ традицій. А этотъ—новый, смѣлый дерзкій, черпающій въ другихъ родникахъ свое вдохновеніе. Онъ написалъ прекрасную большую поэму о телеграфѣ... Да, о телеграфѣ, и потомъ о телефонѣ и о желѣзной дорогѣ. Всѣ читають и всѣ очень одобряють... Но знаменитостью онъ сдѣлался послѣ одного совсѣмъ небольшого стихотворенія. Видите-ли, отецъ его дворникомъ былъ у паша одного въ Каирѣ, и остались они съ сестрой послѣ смерти отца совсѣмъ бѣдные—бѣдные, и сталъ онъ стихи писать... Совсѣмъ недавно,—ему только 26 лѣтъ. Ну, а стихами жить трудно: здѣсь за стихи, что въ газетахъ печатаются, не платятъ,—это честь. А вотъ родится у паша сынъ—наслѣдникъ, поэтъ оду напишетъ на рожденіе наслѣдника. Или отецъ умретъ, или женится молодой паша, онъ тоже оды пишетъ.

И платятъ ему и два фунта, и три фунта, бываетъ и пять (50 руб.). И вотъ какъ то, должно быть, никто не родился, никто не женился, никто не умеръ изъ тѣхъ, кому нужны оды поэта, и не ѣлъ онъ и домой не принесъ, чтобы накормить сестру. И грустенъ былъ, тяжело было ему... И вотъ сестра стала утѣшать его.

— Ну, скажите, какія мысли, какія особенныя слова можетъ сказать самая простая, самая обыкновенная негритянская дѣвушка въ 16 лѣтъ? А онъ такъ написалъ о томъ, какъ сестра брата утѣшаетъ, что весь городъ наизусть знаетъ это стихотвореніе: и носильщикъ, и погонщикъ, и вотъ этотъ чистильщикъ сапогъ, и водоносъ—всякій. И когда простые люди читають это стихотвореніе,—плачуть...

Я жалѣю, что не успѣлъ разсмотрѣть молодого новаго египетскаго поэта и, у меня сохранилась только его внѣшность. Должно быть, сестрѣ не приходится больше утѣшать его. Онъ былъ корректно

*) Повидимому, націоналистическое движеніе исходитъ изъ среды духовенства и нѣкоторыхъ словъ воинствующаго арабства.

одѣтъ: и булавка была воткнута въ его красный галстухъ, и палка съ серебрянымъ набалдашникомъ была въ его рукѣ. И остались у меня въ памяти живые блестящіе глаза, такъ весело освѣщавшіе темно-бронзовое лицо съ глубокими шрамами на щекахъ.

И вспомнилось мнѣ, какъ здоровенный архангельскій мужикъ когда-то писалъ у насъ поэму о пользѣ стекла.

С. Елпатьевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОЛЕСО.

Романъ. Иоганна Генсена.

Переводъ Т. А. Богдановичъ.

(Продолженіе).

Нѣсколько дней спустя послѣ этой встрѣчи, въ Чикаго разразилась крупная желѣзнодорожная стачка. А на слѣдующей недѣлѣ Канцеръ выступилъ открыто въ качествѣ проповѣдника.

Оба движенія развивались и сближались другъ съ другомъ съ неудержимой быстротой. Сегодня Канцеръ говорилъ еще передъ небольшимъ сборищемъ безработныхъ, въ своей лавочкѣ на Устеръ-стритъ, а на завтра онъ уже выступалъ въ большемъ помѣщеніи съ оркестріономъ на Стэтъ-стритъ и проповѣдывалъ о царствѣ Божіемъ, о проклятіи работы, о паденіи капитализма передъ пятью тысячами кондукторовъ. Въ теченіе одной ночи онъ окружилъ себя цѣлымъ штабомъ апостоловъ, въ нѣсколько часовъ онъ организовалъ настоящее войско нищихъ. Онъ положительно дѣлалъ чудеса, онъ былъ вездѣсущъ, нѣсколько дней и ночей подрядъ онъ не умолкалъ, онъ взывалъ, молился и пѣлъ безостановочно и оглушительно, пока его не переслушалъ весь городъ; онъ говорилъ то въ залѣ, то на площадкѣ лѣстницы, то съ крыши трамвая, покинутого кондукторомъ и вагоновожатымъ посреди улицы. Онъ былъ вездѣ, гдѣ начиналось волненіе, его зычный голосъ раздавался повсюду, гдѣ скоплялась толпа. Стачка росла, какъ лавина, и Канцеръ носился надъ ней, точно ураганъ, поднятый самой лавиной и втягивающій въ нее все новыя массы.

Волненія начались небольшой забастовкой служащихъ на воздушной дорогѣ и распространились на городскія желѣзныя дороги и разныя транспортныя общества. Къ Рождеству стачечники подготавливали всеобщую большую забастовку.

ставку, рассчитанную на прекращение всего движения Чикаго. Одновременно съ этимъ предприниматели, съ м-ромъ А. Гронау во главѣ, тоже собирались выступить противъ нихъ. Они вызвали О'Флайна, извѣстнаго наемнаго организатора борьбы со стачечниками. Онъ явился еще до Рождества съ толпой въ нѣсколько тысячъ вооруженныхъ штрейкбрехеровъ. Съ этого начался кризисъ.

Какъ разъ въ эти тяжелые дни выпалъ большой снѣгъ, и разыгралась мятель. Точно долгая, полярная ночь опустилась надъ городомъ.

Мы не будемъ здѣсь излагать всѣхъ перипетій стачки; телеграммы достаточно знакомятъ весь мѣръ съ такого рода явленіями. Чикаго почти каждый годъ переживаетъ стачку, и всегда она представляетъ собой ту же картину: безудержное возмущение и грубое усмирение, агитація противъ насилія—и бросанье камней и выстрѣлы изъ револьверовъ на улицахъ, бѣдствующіе стачечники, избиваемые съ позоромъ штрейкбрехеры.

Отличительный характеръ этой стачки заключался въ томъ, что она не ограничилась столкновениемъ между профессиональными союзами и работодателями, ея теченіе въ значительной степени опредѣлялось вмѣшательствомъ А. О. Канцера. Былъ моментъ, когда казалось, что этотъ властный пророкъ держать въ своихъ рукахъ судьбу всего рабочаго вопроса въ Чикаго.

Благодаря разнымъ обстоятельствамъ, недостаточной подготовкѣ обѣихъ сторонъ, близости Рождества, стачка попала въ тупикъ. Всякое посредничество казалось невозможнымъ. Обѣ стороны взяли своимъ лозунгомъ: „Все или ничего“. Въ одинъ моментъ тысячи людей впали въ нужду, въ жестокую нужду. Голодъ и холодъ стучались въ ихъ двери.

Канцеру баснословно везло. Безработица, предпраздничная суматоха, въ соединеніи со снѣжной бурей, создавали панику, отчаяніе, граничащее съ безуміемъ, которое онъ спѣшилъ использовать. У него было громадное преимущество, заключавшееся въ томъ, что между двумя лагерями упрямыхъ противниковъ раздавался одинъ его объединяющій голосъ. Онъ игралъ роль щедрого божества, божества исполненнаго благоволенія; не было ничего такого, чего бы онъ не рѣшался обѣщать. Даже царство небесное, которое кажется людямъ такимъ далекимъ, онъ рисовалъ совсемъ близко, и люди шли за нимъ. Голодные, гибнущіе стачечники думать не хотѣли о томъ, чтобы просить милостыни, хлѣба насущнаго у богатыхъ и имущихъ, но этотъ чловѣкъ предлагалъ имъ помощь. И то подаваніе, въ которомъ работодатели отказали бы недовольнымъ рабочимъ, просив-

шимъ работу, они не смѣли не дать религіозному бунтовщику.

Канцеръ со своимъ войскомъ нищихъ ходилъ между двумя лагерями. И все, что собиралось въ кассѣ, онъ раздавалъ бѣднымъ; пока онъ вкладывалъ каждый центъ въ дѣло.

Стачка шла съ колебаніями: то рабочіе теряли мужество, то капиталисты испытывали страхъ, но Канцеръ росъ точно дерево подѣтропиками. Половина народа шла за нимъ, остальные принуждены были съ нимъ считаться.

Канцеръ завладѣлъ Чикаго своимъ неумолкаемымъ, назойливымъ краснорѣчіемъ. Онъ производилъ впечатлѣніе; его рѣчи приобретали силу благодаря какому то внутреннему проникновенію въ мѣстные условія, которое онъ примѣнялъ съ осторожностью и холоднымъ расчетомъ незаинтересованнаго человѣка. Казалось, будто онъ находится въ тѣснѣйшемъ общеніи съ тайной, исконной душой Чикаго, будто онъ держитъ въ своей рукѣ сердце, біеніе котораго давало ему власть надъ жизненнымъ пульсомъ Чикаго. Должно быть, онъ создалъ себѣ гдѣ-нибудь въ глубинахъ связь съ самыми первоисточниками. Онъ каждый день обновлялся, каждый день у него были новыя свѣдѣнія о томъ, къ чему влекло этотъ городъ, и какъ можно использовать это влеченіе. Онъ говорилъ съ Чикаго мистическимъ и сильнымъ языкомъ нервовъ. Людямъ онъ казался такимъ знакомымъ, своимъ. Вѣдь всѣ они жили въ городскомъ дыму и всѣ берегли въ душѣ тайную мечту о елисейскихъ поляхъ блаженства. Канцеръ общалъ ихъ имъ, общалъ вообще все, чего они хотѣли, одинаково охотно и старую, и новую Атлантиду. Всѣ они родились съ представленіемъ о будущемъ, великомъ, лучезарномъ спасителѣ: Канцеръ общалъ показывать имъ Бога. Въ ожиданіи они могли подготовляться къ наступленію царства небснаго съ помощью забастовки. И до этихъ поръ все шло хорошо.

Въ томъ, что стачка приняла такой непримиримый характеръ, былъ виноватъ почти что одинъ м-ръ А. Гронау. Какъ дѣловой человѣкъ, онъ не могъ покориться, онъ былъ достаточно богатъ, чтобы выдержать остановку всего своего производства, и въ то же время онъ имѣлъ большое вліяніе на поведеніе остальныхъ капиталистовъ. М-ръ А. Гронау, пользовавшійся раньше большою популярностью и извѣстный за разумнаго предпринимателя, на этотъ разъ не желалъ уступить. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало сломить стачку.

— Эта неосновательная стачка,—заявилъ онъ одному интервьюеру.—За ней прячется какой-то мошенникъ. Я пред-

лагаю прочный заработокъ, и если кто принимаетъ мое предложеніе, значитъ, между мной и имъ состоялось соглашеніе; а кто нарушаетъ свое слово, того я увольняю. Мое производство, конечно, рассчитано на предпринимательскую прибыль. Люди знаютъ, на что они идутъ. Если я прекращу свое производство, они останутся безъ хлѣба. Я создалъ ту работу, которая теперь оказывается недостаточно хороша. Когда я явился въ эту мѣстность, здѣсь была голая прерія, я превратилъ ее въ арену труда. Я началъ плотникомъ. Въ Иллинойсѣ я засталъ еще омнибусы на волахъ,—желѣзная дорога, которую я провелъ, свидѣтельствуетъ о моемъ значеніи для этого края. Всякій разъ, когда я получалъ больше дохода, чѣмъ могъ забрать, я повышалъ заработокъ рабочихъ, но работа моя. Я борюсь сейчасъ не за свои доллары, а за свое право собственности. Я выдѣлываю сталь, теперь я брошу ее, пусть она ржавѣетъ, пока ржавчина не пробьетъ ее насквозь, я продамъ восемьсотъ вагоновъ городской желѣзной дороги на топливо, и пусть жители Чикаго путешествуютъ пѣшкомъ. Клянусь Богомъ, скорѣе я возьму опять топоръ въ руки и надѣну рабочую блузу, чѣмъ отступлюсь отъ права распоряжаться своей собственностью.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ заявленіемъ стараго капиталиста, въ газетахъ появилось интервью съ однимъ изъ вожаковъ профессиональныхъ союзовъ. Тотъ держался другого, болѣе соответствующаго моменту образа мыслей, и выразился несравненно дипломатичнѣе. Въ той же самой газетѣ,—это былъ „День“—передавался разговоръ съ вновь появившимся пророкомъ и народнымъ вождемъ, А. О. Канцеромъ, который резюмировалъ свои взгляды въ слѣдующей, украденной у Прудона, формулѣ: „La propriété c'est le vol.“, т. е. „собственность есть кража“.

Когда явился О'Флайнъ со своей ордой рѣшительныхъ, презирающихъ смерть штрейкбрехеровъ и взялся подъ бдительной охраной полиціи за самую необходимую работу, стачка приняла болѣе мрачный и отчаянный характеръ. Дошло до насилій, до баррикадъ на улицахъ, безработные нападали на вагоны желѣзныхъ дорогъ и ихъ встрѣчали выстрѣлами. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ маленькихъ семьяхъ, гдѣ прежде всего сказывается голоданье, нужда дошла до крайняго предѣла. А зима становилась все суровѣе.

За нѣсколько дней до Рождества, когда бѣдствіе принимало ужасающій характеръ, м-ръ А. Гронау внезапно сдался. О причинахъ, вызвавшихъ это, ничего не было извѣстно. Только „День“ далъ описаніе происшествія, разыгравшагося на Лакъ-Шоръ-Драйвъ, и которое, быть можетъ, оказало

рѣшающее дѣйствіе на милліонера. На счастье газеты, одинъ изъ ея репортеровъ оказался какъ разъ на мѣстѣ дѣйствія, и она сообщала слѣдующее въ статьѣ, написанной съ жаромъ и увлеченьемъ.

М-РЪ А. ГРОНАУ.

и

ГОЛОДЪ.

Историческое происшествіе на Лакъ-Шоръ-Драйвъ.—Мать потрясаетъ его сердце.—М-ръ А. Гронау теряетъ зубы.—Въ свалкѣ одинъ человекъ убитъ и многіе ранены.

„Сегодня утромъ на Лакъ-Шоръ-Драйвъ, передъ дворцомъ м-ра А. Гронау разыгралось драматическое происшествіе. Милліонеръ съ дочерью собирался сѣсть въ карету и уѣхать, какъ вдругъ одна женщина съ тремя дѣтьми прорвала цѣпь полицейскихъ, которые въ эти дни постоянно охраняютъ жилище милліонера отъ собирающейся около него толпы, и кинулась къ м-ру Гронау. Съ сѣвера несло и крутило снѣгъ.

Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ помѣшать, изъ толпы выдѣлилась бѣдная женщина, толкнула въ грудь полицейскаго, помчалась къ каретѣ и

упала въ снѣгъ со своими малютками,

потомъ встала и съ плачемъ кинулась прямо подъ ноги лошадей м-ра Гронау, такъ что лошади встали на дыбы. Это была исхудалая молодая женщина въ жалкой одеждѣ, съ непокрытой головой и засыпанными снѣгомъ волосами, ноги въ стоптанныхъ мужскихъ ботинкахъ, были

безъ чулокъ,

и вѣтеръ развѣвалъ ея жалкія лохмотья. Одной рукой она тащила трехлѣтняго ребенка, личико котораго совершенно посинѣло отъ холода и сжалось въ кулачекъ, а ножки волочились по снѣгу; на другой рукѣ у нея былъ грудной младенецъ, завернутый въ какія-то тряпки и прижатый ради согрѣванья къ груди. Сзади за юбку матери въ отчаяніи вѣшнулась длинная худенькая ручка четырехъ-пяти-лѣтней дѣвочки,

дико кричащей,

съ чертами, неказенными такимъ ужасомъ, какой только въ состояніи выразить дѣтское личико.—Нѣсколько мгновеній эта группа остается подъ ногами взвившихся на дыбы лошадей, потомъ въ какомъ-то безуміи отчаянія бросается къ

подножкѣ кареты, на которую какъ разъ вступаетъ м-ръ А. Гронау, пропустившій впередъ дочь.

— *Дайте намъ хоть немного хлѣба,*—

восклицаетъ несчастная, разражаясь страшными рыданьями; отчаяніе мѣшаетъ ей спокойно стоять, слезы застилаютъ глаза, она кричитъ и стонетъ, ей не хватаетъ воздуха, она съ усиліемъ втягиваетъ его въ себя, и этотъ вздохъ тоже похожъ на крикъ, она проталкиваетъ впередъ обоихъ старшихъ дѣтей и дрожащими руками протягиваетъ къ м-ру Гронау грудного младенца.

— Чего-нибудь поѣсть! Эти дѣти ничего не ѣли! У меня нѣтъ ничего... дайте имъ что-нибудь! Правда-ли, что вашъ сынъ подбираетъ корки хлѣба на улицѣ? Дайте намъ поѣсть! Смотрите! У меня вѣдь правда, нѣтъ ничего, ничего, ничего...

И всѣ четверо разражаются раздражающими душу рыданьями, а толпа, позади нихъ, хранившая до тѣхъ поръ молчаніе, начинаетъ роптать и наступаетъ на полицейскихъ, которые принуждены вынуть сабли, чтобы сдержать напоръ.

М-ръ А. Гронау стоитъ и смотритъ на несчастную мать и ея жалкихъ малютокъ; онъ не говоритъ ни слова, не измѣняетъ выраженія лица. Но вдругъ онъ поднимаетъ голову, и какъ будто улыбается, изо рта его падаетъ какой-то блестящій предметъ. Это

зубы м-ра А. Гронау.

Они падаютъ на снѣгъ. М-ръ Гронау нагибается и поднимаетъ ихъ; это цѣлая челюсть на золотѣ, онъ протягиваетъ ее молодой женщинѣ, улыбаясь ей беззубымъ ртомъ, улыбаясь улыбкой трупа.

— Купите себѣ на это что-нибудь! — говоритъ онъ. Потомъ онъ поворачивается къ гигантскому полицейскому, стоящему рядомъ съ нимъ, и движеніемъ головы приказываетъ ему:

„Прогоните этотъ сбродъ!“

Нѣсколько часовъ спустя газеты принесли извѣстіе, что м-ръ А. Гронау сдѣлалъ нѣкоторые шаги навстрѣчу рабочимъ, чтобы прекратить стачку. Всѣ встрѣтили это, какъ счастливую вѣсть. Напряжение ослабѣло, у обѣихъ сторонъ пробудились человѣческія чувства. Въ этотъ вечеръ во всемъ Чикаго царилъ радость. Безработные тратили свои послѣдніе гроши, они надѣялись теперь на лучшіе дни.

Но на слѣдующее утро случилось нѣчто невѣроятное, — м-ръ А. Гронау взялъ назадъ свое рѣшеніе.

Причину этого газетамъ не удалось установить, не уда-

лось даже „Дню“. М-ръ Гронау отказывался теперь сказать что бы то ни было, кромѣ того, что онъ хочетъ сломить стачку, и что онъ не желаетъ больше ни съ кѣмъ говорить объ этомъ. Никто не могъ понять, что такое случилось. Но вѣдь должна же была быть какая-нибудь причина того, что м-ръ А. Гронау такъ непослѣдовательно проявлялъ свою непреклонность, вѣдь дѣло шло о жизни и смерти. Во всякомъ случаѣ, въ данную минуту это было фактомъ, хотя и крайне печальнымъ.

Стачечники пришли благодаря этому въ настоящую ярость, они хотѣли во что бы то ни стало сломить капиталъ, прекративъ всякую работу въ данной мѣстности, т. е. вызвавъ всеобщую забастовку. Къ этому ихъ побуждалъ Канцеръ, который сталъ теперь полновластнымъ диктаторомъ. За два дня до Рождества все движеніе въ Чикаго прекратилось. Въ этотъ день волненіе приняло такой характеръ, что оно угрожало полной остановкой всей городской жизни.

XI.

Вечеромъ того же дня Лв убилъ Эванстона. Утромъ Ли получилъ письмо, въ которомъ Эванстонъ настойчиво просилъ его придти къ нему по важному дѣлу въ 11 часовъ вечера, и рѣшилъ пойти.

Цѣлый день Ли безцѣльно бродилъ по улицамъ. Иногда онъ чувствовалъ такое возбужденіе отъ ожиданія, что ноги его едва касались земли, и онъ долженъ былъ бѣжать, чтобъ не задохнуться, иногда его охватывало такое отчаяніе, что онъ останавливался и едва могъ держаться на ногахъ.

Стояла жестокая непогода. Всю предыдущую ночь снѣгъ шелъ, не останавливаясь, и теперь на улицахъ онъ лежалъ на цѣлый футъ; въ то же время съ сѣвера налетѣлъ ураганъ и съ каждымъ часомъ свирѣпствовалъ все сильнѣе. Высокіе дома были охвачены бушующимъ пожаромъ снѣжной мятели. Въ глубокихъ ущельяхъ между домами стоялъ снѣжный туманъ, а на углахъ бѣлый отъ снѣга воздухъ поднимался вверхъ и образовалъ снѣжные вихри и водовороты. Въ другихъ мѣстахъ ураганъ подхватывалъ снѣгъ съ крышъ и съ такой силой швырялъ его внизъ, что онъ сразу заносилъ все, что ему попадалось, сводя съ ума людей и животныхъ и заставляя ихъ ползкомъ пробираться по землѣ.

Къ полудню въ Чикаго настала такая тьма, что не только въ домахъ, а и на улицахъ надо было зажечь огонь. Про-

бывающийся сквозь снѣжный воздухъ свѣтъ пріобрѣталъ какой то зловѣщій сѣро-желтый оттѣнокъ и ничего не освѣщалъ; электрическіе фонари, горѣвшіе на улицахъ, напоминали фосфорическіе вѣнчики въ склепѣ.

Изъ домахъ виднѣлся свѣтъ, цѣлые ряды оконъ, этажъ надъ этажемъ; въ эту непогоду они тоже казались красными и больными.

Зеркальныя стекла магазиновъ, покрышіеся точно кожей стъ снѣга и мороза, тускло поблескивали, а лавки за ними зѣвали, точно разинутыя пасти, въ которыхъ ряды бѣлыхъ лампочекъ сверкали, какъ зубы. Лежащіе внизу магазины со стекляннымъ потолкомъ и блестящими столами казались преисподней, освѣщенной бенгальскими огнями, люди двигались въ нихъ беззвучно. Они безтолково толпились также и на улицѣ; на лицахъ у всѣхъ было робкое и безжизненное выраженіе, но, несмотря на все это, благодаря близости Рождества работа въ магазинахъ такъ и кипѣла.

Каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, продавалъ, завертывалъ и въ то же время поглядывалъ на улицу, думая про себя:

— Какъ-то я попаду домой сегодня вечеромъ, когда закроютъ магазинъ? Будутъ ли трамваи?

Да, это былъ насущный вопросъ для всѣхъ. Уже накануне добраться куда либо было довольно трудно; сегодня же все стало. Послѣ полудня служащіе трамвая начали такими массами покидать работу, что все движеніе остановилось. И когда къ шести часамъ вечера магазины стали закрываться, и десятки тысячъ людей вышли на улицу, чтобы отправиться домой,—сѣверный вѣтеръ и снѣжная мятель одни носились по городу, все остальное движеніе было остановлено. Ни воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ, ни трамваевъ, никакихъ способовъ передвиженія. Люди стояли на мѣстѣ. Большинству до дома было не меньше полъ мили, а многимъ и цѣлая миля. Нѣкоторые годами жили въ Чикаго и еще ни разу не прошли пѣшкомъ до дому, они, пожалуй, не могли бы найти дорогу. Такъ они стояли и толкались на улицахъ, ослѣпленные снѣгомъ, ошеломленные всѣмъ происходившимъ, готовые поддаться той паникѣ, какую наводитъ на людей толпа. Это была та же самая публика, которая обыкновенно злится и собирается Богъ вѣсть кому жаловаться, если трамвай запоздаетъ на цѣлую минуту, теперь она стояла тутъ совершенно лишенная того, что каждый добрый гражданинъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ,—за 10 центовъ быть доставленнымъ, куда ему угодно.

Вдругъ это прекратилось. Не только прекратилось, но стачечники оказывали безумное противоѣдѣніе всякимъ попыткамъ привести въ движеніе какой бы то ни было экипажъ. На улицахъ, надъ головами обезумѣвшей толпы раздавались ружейные выстрѣлы, заглушаемые наполнявшимся воздухомъ снѣгомъ и казавшіеся какой-то беззвучной трескотней. Но все же это были настоящіе выстрѣлы, пули прорывали густой воздухъ, и отъ этого люди вдвойнѣ чувствовали холодъ. Вагоны, на которыхъ работали О'Флайнъ и его штрейкбрехеры, не могли забрать многихъ, и, кромѣ того, сѣсть въ нихъ было все равно, что принять участіе въ сраженіи. Нѣсколько вагоновъ одинъ за другимъ ползгали въ густой толпѣ, подъ выстрѣлами, среди нарастающаго безумія. Вагоны съ срочными товарами двигались съ помощью грубой силы, несмотря на негодованіе стачечниковъ, забрасывавшихъ ихъ камнями и стрѣлявшихъ изъ револьверовъ. То тутъ, то тамъ какой-нибудь кучеръ падалъ съ козель, убитый пулей, и люди съ камнями въ рукахъ окружались полицейскими точно стадо животныхъ.

Среди этого невѣроятнаго смятенія, овладѣвшаго городомъ, вѣсти о всякомъ нарастаніи паники распространялись съ быстротой молніи; разносчики экстренныхъ прибавленій къ газетамъ кричали во весь голосъ, въ окнахъ редакцій появлялись транспаранты. „День“ сообщалъ новости ежеминутно, несмотря на непогоду, съ помощью гигантскаго прожектора; а что нельзя было увидѣть или прочесть, то люди передавали изъ устъ въ уста, кричали, ревѣли, вопили другъ другу на ухо. Людская масса стояла плотно, какъ грозовая туча, которую слухи прорѣзали, какъ молніи.

„Освѣтительные рабочіе собираются бастовать, хотятъ примкнуть къ безработнымъ; всѣ фонари, все электричество въ Чикаго погаснетъ! Наступитъ тьма!

„Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ хотятъ забастовать! Ни одинъ поѣздъ не придетъ больше въ Чикаго и не выйдетъ изъ него! Городъ будетъ запертъ!

„Канцеръ тутъ, онъ гремитъ, обращаясь къ своей аудиторіи—къ Чикаго: все, что даетъ движеніе въ Чикаго,—паръ и электричество, должно остановиться, и стоять до тѣхъ поръ, пока миллионеры не появятся на своихъ алтаряхъ и не выбросятъ въ снѣжную бурю своихъ чековъ, акцій и облигацій!

„Телеграфъ и телефонъ будутъ прерваны! Газеты останавливаются! Канцеръ хотеть отрѣзать Чикаго! Чикаго долженъ быть изолированъ отъ всѣхъ четырехъ странъ свѣта, пока не вернется тишина, тишина, которую принесетъ съ собой пришествіе Бога!

„Канцеръ хочетъ отдать Чикаго бѣднымъ!

„Еще до наступленія ночи Богъ явится въ Чикаго!“

Ну—ну! Большая часть публики пожимала плечами, и, убѣдившись, что ни одинъ трамвай, дѣйствительно, не идетъ, начинала расходиться, жестоко оскорбленная тѣмъ, что приходится отправляться домой пѣшкомъ.

Будничный человѣкъ не легко выходитъ изъ равновѣсія, даже если въ игрѣ задѣты очень важныя вещи. Онъ быстро умѣетъ смекнуть, насколько все это затрогиваетъ его личное существованіе. Въ немъ самомъ ничего не происходитъ, все это разыгрывается во-внѣ, Онъ „благоразуменъ“, онъ идетъ домой, и, если на завтра онъ получить свою утреннюю газету, значитъ, всѣ, кому слѣдовало, ночью работали, и вообще все устроилось, какъ должно было. Публика расходилась.

Но была одна голова, въ которой паника всего города собралась, какъ въ фокусѣ. Эта голова на плечахъ своего обладателя странствовала по улицамъ, но сила ея творческаго воображенія относилась теченіе событій къ такому пункту, который лежалъ очень далеко отъ пути трезваго мышленія.

Ли былъ на улицѣ въ эту снѣжную бурю, въ толчеѣ обезумѣвшихъ людей; и въ жестокомъ ураганѣ, бушевавшемъ въ его душѣ, видѣлъ напередъ, что должно случиться,—видѣніе, отъ котораго леденѣло его тѣло, и весь онъ замерзалъ, точно его окунули въ эфиръ.

Онъ видѣлъ, какъ внезапно гаснуть всѣ огни Чикаго... тьма спускается надъ городомъ, мракъ, какъ лавина, обрушивается на его дома и улицы, и люди стоятъ въ немъ, какъ обожженные, протягивающія руки дѣти, и выкрикиваютъ, въ пространство свои вопросы. Чикаго лежитъ во тьмѣ, черный и пустынный, какъ полярная ночь.

Всѣ маховыя колеса, которыя вращались въ Чикаго, поддерживая въ немъ тепло и свѣтъ, и походили на солнце,—вдругъ замедляютъ свое движеніе, дѣлаютъ еще нѣсколько поворотовъ, такъ медленно, что можно пересчитать ихъ спицы, и вотъ уже они останавливаются, и виднѣются отчетливо, какъ охладѣвшія звѣзды.

Огонь гаснетъ подъ котлами, и вода замерзаетъ и осѣдаетъ снѣгомъ на стѣнкахъ цилиндровъ. Локомотивы стоятъ въ депо, покрытые инеемъ и холодные, съ бахромой сосулекъ на трубахъ.

Вода въ подземныхъ трубахъ замерзаетъ и разрываетъ кровы канализаціи. Ледъ выступаетъ изъ-подъ тротуаровъ, изъ дверей покинутыхъ домовъ, весь городъ каменѣетъ.

Зима врывается въ Чикаго, врывается сѣверный вѣтеръ

во всемъ своемъ жестокомъ величіи; онъ воздвигаетъ на улицахъ укрѣпленія изъ обледепѣвшихъ снѣжныхъ насыпей, загромаждаетъ снѣгомъ масонскій храмъ, превращаетъ аллеи парка и кварталы города въ снѣжныя пустыни, заполняетъ выемку Иллинойской желѣзной дороги, погребаетъ всѣ вокзалы, облепляетъ снѣгомъ всѣ окна и двери, забиваетъ всѣ щели и скважины, наполняетъ всѣ покинутыя мастерскія и конторы. Снѣгъ, снѣгъ вездѣ, снѣгъ носится среди этого дикаго мрака, всѣ дома отъ подваловъ до чердаковъ наполняются снѣгомъ, до трубъ и флюгеровъ, и надъ всѣмъ погребеннымъ городомъ въ дикой пляскѣ кружатся непогода и ночь.

Наконецъ, мятель стихаетъ, встаетъ зимнее солнце, не затемненное болѣе дымомъ и копотью, не мѣдно-красное сквозь дыханіе рабочаго дня, но ясное и сіяющее, какъ рассыпавшаяся снѣжная глыба, и оно плыветъ надъ мертвымъ городомъ, надъ этимъ снѣжнымъ ландшафтомъ, сохраняющимъ причудливую форму отъ погребенныхъ подъ нимъ большихъ и маленькихъ домовъ... вотъ она, наконецъ, божественная тишина, къ которой такъ сладко прислушиваться, лежа тамъ подъ снѣгомъ съ обледепѣвшими глазами, точно холодная каменная глыба...

Да, да... но вѣдь это можетъ еще и не случиться. Хотя къ этому идетъ, хотя вполнѣ возможно остановить все движеніе, весь машинный организмъ современнаго города и открыть городъ дѣйствию мороза. Развѣ это не можетъ случиться? Нѣтъ, это невѣроятно! Этого никогда не бываетъ! Нѣтъ, этому помѣшаютъ!

Этого не будетъ, потому что этому помѣшаютъ,—думалъ Ли, идя по улицамъ, и онъ остановился, оглушенный всѣми этими мыслями, и почувствовалъ, что его какъ будто влечетъ взлетѣть вверхъ въ воздухъ.

Разумѣется, подобныхъ несчастій не бываетъ, такъ какъ покушеніе на жизнь всѣхъ всегда вызываетъ противодѣйствіе. Разрушительная сила не можетъ проявиться, не вызвавъ равную силу полярно противоположнаго характера. Если вслѣдствіе опаснаго эгоизма одного единственнаго человѣка всему обществу угрожаетъ катастрофа, то всегда въ извѣстный моментъ явится другой человѣкъ, который скажетъ ему: стой.

Да, и этотъ человѣкъ—я,—думалъ Ли. На этотъ разъ это долженъ сдѣлать онъ. Остальные отправились домой, они довольно скептически относятся ко всему этому. Едва ли что-нибудь произойдетъ! Завтра видно будетъ, какъ все повернется. Всегда найдется тотъ или другой человѣкъ,—думали всѣ „порядочные люди“, отправляясь домой,—который

нанесетъ ударъ тамъ, гдѣ будетъ нужно—и „порядочные люди“ были правы. Ли долженъ былъ отдать имъ справедливость. Да, изъ всѣхъ людей, живущихъ въ Чикаго, даже во всемъ мірѣ, именно онъ былъ тѣмъ единственнымъ, которому суждено нанести ударъ.

Въ эту минуту исторія Чикаго проходила черезъ сердце Ли. Рѣшеніе, которое онъ принялъ, превратило его въ непосредственное орудіе даннаго момента.

Онъ шелъ по улицѣ, не торопясь, но и не останавливаясь, равномерными шагами шелъ онъ по своему городу.

Когда часы пробили одиннадцать, онъ очутился у отеля на Лакъ-Шоръ-Драйвъ, гдѣ устроилъ свою штабъ-квартиру Канцеръ, въ знаменательномъ и грозномъ сосѣдствѣ съ м-ромъ А. Гронау.

Канцеръ былъ занятъ. Швейцаръ доложилъ, что уважаемый м-ръ Канцеръ ведетъ въ настоящее время важное собесѣдованіе со своими апостолами. Не можетъ ли мистеръ Ли придти черезъ часъ.

Ли сказалъ, что придетъ черезъ часъ.

Въ ожиданіи онъ сдѣлалъ прогулку по берегу Мичигана, замерзшая поверхность котораго тонула теперь во мракѣ и снѣжномъ туманѣ. Оттуда, съ этой многомильной ледяной равнины, ограниченной каменнымъ берегомъ, дулъ съ невѣроятной силой ледяной ураганъ, заряженный острыми, безжалостно хлеставшими снѣжинками. Отъ жестокаго мороза и неодолимаго урагана ледяная поверхность попалась, одинъ за другимъ на далекомъ протяженіи раздавался трескъ, все дальше и дальше, наконецъ, страшно далеко, наконецъ, совсѣмъ за предѣлами слуха, до тѣхъ поръ пока изъ глубины равнины не рождалось навстрѣчу ему туманное, грохочущее эхо. Оно звучало, какъ грозный рокоть закованнаго озера, какъ громовый отзвукъ подземныхъ силъ, которыя связаны, но ропщутъ и грозятъ во мракѣ. Выстрѣлъ за выстрѣломъ доносился съ гранитнаго два озера. Ледъ трещалъ точно подъ ударами молніи на пространствѣ многихъ миль, и этотъ трескъ пугалъ своей первобытной мощью. Это доносились звуки самой земли, это она вздыхала сквозь сонъ, стонала, погруженная въ зимнія грезы; и это порождало невѣроятные образы того, что лежитъ подъ поверхностью природы, что можетъ вдругъ проявиться. Снова оглушительный выстрѣлъ, громовой залпъ, дснасшійся со льда, раскатившійся на многія мили и потерявшійся среди вздоховъ и хохота урагана: это хохотали дѣвы-великанши, это боролись подо льдомъ силы природы.

Это была первобытная дикая зимняя ночь, точно ночь при началѣ бытія. Ни ласкающаго порханья снѣжинокъ, ни веселыхъ рождественскихъ пѣсенокъ о елочкахъ, съ ватой и конфектами, ни сладкихъ гимновъ о путеводной звѣздѣ, о ясляхъ, о младенцѣ Иисусѣ. Никакой ангелъ не парилъ надъ печными трубами, нѣтъ, тутъ одиноко носился на просторѣ ураганъ, дикій и холодный отъ своего родства съ сѣверной звѣздой и грохочущимъ льдомъ. И въ ураганѣ мчалась Грила, въ снѣжныхъ волнахъ плыла Грила съ конскимъ хвостомъ, пожирающая людей, мать всѣхъ семи разлетающихся Фимбулъ, жестокая Грила, которая будетъ бороться съ тобой, пока у тебя не брызнетъ кровь изъ ноздрей, будетъ бороться за твой хлѣбъ, за домъ, за дѣтей.

Это была откровенная, готовая на борьбу ночь, она укрѣпляла духъ своей языческой разнузданностью, той силою, съ какой непогода расточала себя.

Ли ощущалъ, что этотъ холодъ и безудержность погоды родственны его природѣ, что онъ сливается со всѣмъ этимъ. Онъ понялъ, что лежащій позади него городъ достигъ настоящаго уровня культуры лишь въ борьбѣ съ зимнимъ холодомъ и тьмой. То, что городъ сталъ теперь подобенъ единой большой высоко усовершенствованной машинѣ, было достигнуто, отвоевано въ трудной борьбѣ. Изъ этого проистекало неотъемлемое право собственности, право творящаго, утверждать и защищать которое онъ считалъ себя призваннымъ.

Здѣсь, гдѣ потомки сѣверныхъ людей воздвигли паровыя машины и динамо-машины для совмѣстной защиты отъ неблагопріятнаго климата, здѣсь было преступленіемъ увлекать людей баснями о царящемъ гдѣ-то тамъ на югѣ или вверху подъ звѣздами вѣчномъ праздникѣ. Здѣсь было грабежомъ отрывать средняго человѣка отъ его работы, баюкая его лѣсными сказками, тоской по „югѣ“, по равенству всѣхъ, по братской любви, по всей этой заигранной музыкѣ.

Ли особенно сильно чувствовалъ неизбежность для него на правахъ сѣвернаго человѣка взять на себя все это дѣло: вѣдь именно онъ, на комъ прежде всего лежала отвѣтственность, далъ поколебать свою твердость и поддался посторонней силѣ, которая пробралась къ нему, подъ маской его грёзъ воспользовавшись его символами. Ли чувствовалъ себя виновнымъ въ невѣрности своему городу и своимъ согражданамъ, такъ какъ онъ допустилъ общеніе съ человѣкомъ, который хотѣлъ только опустошить его душу, чтобы этимъ способомъ создать себѣ возможность опустошить городъ. Въ приливъ неразумной общительности онъ обнаружилъ свое

внутреннее я и этимъ путемъ впустилъ въ свои владѣнія жаднаго паразита.

Теперь Ли ясно видѣлъ ту ошибку, которая съ самаго начала обусловила его поражение въ его столкновении съ Эванстономъ. Онъ воображалъ, что могъ приспособить свою личность къ тому, чтобы овладѣть этимъ человѣкомъ, несмотря на то, что тотъ по самому существу своему былъ разрушителемъ. Онъ далъ совершенно вывести себя изъ равновѣсія, взбуроражилъ свою нервную систему борьбой съ человѣкомъ, котораго окрыляла слабость противника. Единственное средство борьбы, которымъ можетъ пользоваться цивилизованный человѣкъ—свободное проявленіе своей собственной личности, въ данномъ случаѣ оказалось бесплоднымъ. Почему? Почему онъ счелъ невозможнымъ удержатъ Эванстона, дать ему мѣсто въ томъ обществѣ, солдатомъ котораго считалъ себя Ли? Почему былъ это невозможно? Даже спустившись до него и идя на все, чтобы понять его, почему было невозможно принудить его обнаружить истинную цѣну своей личности?

Потому что въ Эванстонѣ не было никакихъ собственныхъ первоначальныхъ свойствъ, потому что онъ былъ прирожденный паразитъ. Единственное свойство, дававшее ему преимущество надъ другими, заключалось въ томъ, что онъ погружалъ свой хоботъ во всякій творческій духъ, терпѣвшій его близость, и парализовалъ его своей дружбой.

Его нельзя было удержатъ, оказывая ему довѣріе, это только помогало ему ориентироваться, онъ жирѣлъ отъ этого. Самому ему нечего было давать, нечего было терять. А если кто выходилъ къ нему навстрѣчу, какъ защитникъ общества, онъ не принималъ битвы, онъ складывалъ оружіе; онъ дѣйствовалъ противъ этого своими косматыми щупальцами, безконечной болтовней по поводу нѣжности и вѣчнаго мира, царящаго въ муравьиной кучѣ, пока ему не удавалось увернуться и укрѣпиться внизу на личинкахъ.

Нѣтъ, ассимилироваться Эванстонъ не могъ, онъ былъ паразитъ, пресмыкающееся животное прежней эпохи, на которое не повліяли переваривающіе соки общества.

Именно потому, что онъ, отжившій типъ, оказывался внѣ общества и не могъ участвовать въ его работѣ, онъ и стоялъ со всѣми своими силами одинъ, оттого-то онъ и превратился въ оголенный аппетитъ; производительное общество не могло оградить себя отъ него. Единственная возможность была удалитъ его отъ себя. Вполнѣ справедливо было устранился изъ поля дѣйствія его жала.

Со времени встрѣчи Ли съ Эванстономъ на мосту, Ли снова и снова убѣждался, что пробудить въ Эванстонѣ то, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, немислимо. Они встрѣчались каждый день. Эванстонъ искалъ Ли, а тотъ чувствовалъ себя вынужденнымъ находиться вблизи отъ Эванстона. Какъ совершенно справедливо предсказалъ Эванстонъ, онъ не могъ обойтись безъ него. Ли долженъ былъ каждый день искать удовлетворенія, тамъ, гдѣ онъ каждый день терпѣлъ поражение и гдѣ ему каждый день наносились оскорбленія. Онъ очутился въ болѣзненной зависимости отъ Эванстона, такъ какъ тотъ поглотилъ его и былъ единственнымъ человекомъ, отъ котораго онъ надѣялся вырвать себя обратно. Просто отойти отъ него, оглянуться на себя самого и удалиться отъ Эванстона, какъ сдѣлать бы всякій благовоспитанный человекъ, — Ли не приходило въ голову. Онъ видѣлъ свое призваніе въ томъ, чтобы выносить Эванстона. И съ каждымъ новымъ днемъ Эванстонъ все больше въѣдался въ него.

У Эванстона была замѣчательная способность проникать во время разговора въ идею другого, часто при помощи противорѣчій, а потомъ, по истеченіи нѣкотораго времени, выступать самому съ этой идеей, точно она его собственная. Чутье Эванстона въ этомъ отношеніи было настолько же тонко, насколько самъ онъ былъ грубъ. Въ тѣ минуты, когда онъ грабилъ собесѣдника, на языкѣ у него всегда было готово слово о людской щедрости, что должно было обезоруживать. Онъ не имѣлъ обыкновенія прислушиваться дальше, онъ самъ говорилъ неумолчно, часто въ вопросительной формѣ, но никогда не ждалъ отвѣтовъ на свои вопросы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Ли хранилъ упорное молчаніе, Эванстонъ низвергалъ на его голову цѣлый потокъ словъ, и умѣлъ своимъ сверлящимъ взглядомъ добывать изъ его головы мысли и пытаться его фантазіей.

Вотъ почему Эванстонъ произносилъ въ эти дни потрясающія рѣчи, вотъ почему онъ проникалъ въ самое сердце Чикаго. Онъ каждый день раньше пробовалъ себя на Ли, руководился инстинктами Ли. Общественное чувство Ли, его пониманіе города, въ которомъ онъ выросъ, и сліяніе съ нимъ, всегда выводили его на вѣрный путь; исключительная нервная впечатлительность Ли позволяла ему слѣдить за овладѣвшимъ Чикаго напряженіемъ до самыхъ тончайшихъ его изгибовъ. Онъ игралъ на расовыхъ инстинктахъ города и никогда не впадалъ въ ошибку, такъ какъ онъ основывался на воспріятіяхъ Ли. Онъ находилъ путь къ слабостямъ здоровыхъ и крѣпкихъ людей, такъ какъ благо-

даря Ли онъ зналъ всю глубину ихъ тоски: чѣмъ сильнѣе были люди, тѣмъ глубже тоска—и онъ пользовался своимъ знаніемъ съ искусствомъ художника.

Въ то же время Ли чувствовалъ, точно изъ него постепенно выпивали жизнь. Въмѣсто того, чтобы своимъ присутствіемъ, безмолвнымъ контролемъ своей личности держать Эванстона въ нѣкоторой зависимости, Ли сознавалъ, что его шагъ за шагомъ выживаютъ изъ его собственной души. И не только это; онъ чувствовалъ, какъ постепенно въ его душѣ уничтожается любовь къ людямъ и превращается въ хладнокровное ненавистническое злоумышленіе противъ того общества, въ которое онъ вѣрилъ, о которомъ онъ такъ хорошо мечталъ. Это терзало его, обращало всѣ его чувства внутрь, подрывало его способность къ сопротивленію.

Дѣло зашло слишкомъ далеко. Въ смыслѣ оскорбленій онъ терпѣлъ гораздо больше, чѣмъ долженъ терпѣть нормальный человѣкъ. Эванстонъ поддвигался къ нему все ближе и ближе, и если Ли удавалось еще до сихъ поръ удерживать его на шагъ отъ себя, то, какъ онъ догадывался, происходило это оттого, что Эванстонъ расчетливо хотѣлъ какъ можно сильнѣе возбудить его нервы раньше, чѣмъ окончательно завладѣть имъ, а не оттого, что у Ли хватало силы противостоять ему. Все это имѣло не особенно хорошій видъ.

Такъ обстояли дѣла до нынѣшняго дня. Но теперь событія вдругъ явились для Ли замѣной утеряннаго міровоззрѣнія. Крупныя явленія, происходившія на его глазахъ, и еще болѣе крупныя, угрожавшія въ будущемъ, овладѣли его воображеніемъ, вдохнули въ него новое содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпили его силы. Онъ увидѣлъ вдругъ, что не все еще потеряно, даже если онъ будетъ вынужденъ покончить съ тѣмъ, что онъ называлъ своимъ міровоззрѣніемъ, покончить оттого, что оно отравлено и употреблено во зло. Вѣдь онъ еще былъ живъ, вѣдь онъ могъ еще создать другую Атлантиду на этой удивительной землѣ. Да, еще одно открытіе богатой Америки, вселенная въ ея грозной первобытности, еще разъ новый міръ... и именно тотъ, въ которомъ мы живемъ.

Развѣ міровоззрѣніе чтонибудь иное или большее, чѣмъ варіація мотивовъ прошлаго? Развѣ когда-нибудь взгляды на міръ коренились въ чемънибудь, кромѣ своего рода незрѣлости, отсталости отъ своего времени? Неужели утрата этихъ внутреннихъ, чисто личныхъ формъ мышленія до такой степени невознагражима? Само существованіе вѣдь не подвергается опасности; если потеряно представленіе о

немъ, развѣ это не можетъ повести къ тому, чтобы ближе подойти къ самому существованію и составить себѣ о немъ новое представленіе? Если васъ ограбили, ну, что же, можно начать съ начала? Если у васъ не осталось больше никакой окрыленной вѣры, ну, что жъ, можно идти и по землѣ, опираясь на тѣ или другіе установленные факты. Если вы потерпѣли неудачу въ вашей попыткѣ обнять все человѣчество, можно попробовать проложить себѣ дорогу топоромъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать выборъ между тѣми людьми, которымъ собираешься расточать свои дружескія чувства. И если для человѣка необходимое условіе видѣть вещи въ определенной взаимной связи, то самое лучшее собственной рукой перетасовать вещи, пока онѣ не примутъ желательнаго вида.

Такъ думалъ Ли, идя зимнимъ вечеромъ по берегу Мичигана, и чувствовалъ, что его „міросозерцаніе“ беспомощно лежитъ позади него. И въ немъ самомъ, и вокругъ не было ничего, кромѣ борьбы элементовъ,—льда на озерѣ, который выстрѣлъ за выстрѣломъ поднималъ его настроеніе—и его сердца, которое свободно билось со всей силой, какую даетъ забвеніе.

Да, онъ оставилъ свое міровоззрѣніе, онъ оторвался отъ него почти органически. Позади него остался, дѣйствительно, туманъ. Вся колоссальная историческая картина, которую онъ видѣлъ передъ собой, переселеніе арійцевъ, воинственные кличи викинговъ, ихъ воздушные замки, ихъ морскія странствія, ихъ завоеванія, ихъ лиры и охоты, ихъ смерть подъ звуки пѣсенъ,—все это потеряло краски, все поблѣднѣло передъ дѣйствительностью, передъ впечатлѣніемъ сегодняшняго дня. Чудное видѣнье прошлаго, которое жило въ его душѣ, въ формѣ первозданнаго пловучаго острова, лежало теперь позади, точно руины какого то творенія изъ первобытныхъ временъ, творенія, казавшагося теперь сказочнымъ и давно забытымъ преувеличеніемъ.

Но именно это чувство прошлаго у Ли открывало возможность религіознаго зараженія, составляло его слабое мѣсто, которое отдавало его во власть низменнаго человѣка. Тутъ къ нему и подобрался Эванстонъ со своими обезьяньими инстинктами. Къ чорту фантазіи и сокровища мечтаній, пока мы живемъ на землѣ! Къ чорту Атлантида и Пѣснь Нибелунговъ, и Эдда, и далекое прошлое, и скитанія расъ на протяженіи исторіи, и весь этотъ рядъ мистическихъ призраковъ! Если родъ человѣческій производилъ въ прошломъ великія дѣла, то онъ можетъ ихъ и повторить, и не зачѣмъ ему смотрѣться въ зеркало, чтобы собраться съ

силами. Прочь сказки; и безъ нихъ можно достаточно обнажить душу, открыть ее для дѣйствія, можно увянуть и отъ другой эстетики.

Прочь прошедшее! Къ чорту духовную жизнь Америки! Нѣтъ никакой другой духовной жизни, кромѣ работы. Духъ Америки въ работѣ. Душой сѣверныхъ народовъ всегда была работа и борьба. Духъ сѣверныхъ народовъ и Америки никогда не проявлялся въ щекочущихъ воображеніе фантазіяхъ, въ картинныхъ полетахъ изъ области жизни, къ Богу или къ кому угодно, онъ и сегодня, какъ тысячу лѣтъ назадъ, заключался въ самой жизни, исключительно въ формахъ земного существованія, какъ оно складывается у сѣверныхъ народовъ, въ законахъ повседневной жизни и работы въ сѣверныхъ странахъ. И всѣ попытки привести въ систему внутреннія свойства сѣверныхъ людей свидѣтельствовали только объ отсталости, о недостаткѣ созвучія съ временемъ, если онѣ возникали въ средѣ самого народа; или онѣ были просто искусственными построеніями безсильныхъ и внѣ стоящихъ умовъ...

Здѣсь именно смутное представленіе Ли о религіи и дало пищу Эванстону. Но теперь Канцеръ долженъ уплатить по счету за то, что онъ взялъ, теперь онъ долженъ остаться ни съ чѣмъ, такъ какъ онъ завладѣлъ наслѣдственнымъ богатствомъ Ли... семь футовъ земли на поверхности и три фута въ глубину, и крестъ наверху...

Да будетъ, да будетъ!

Духовная жизнь... въ послѣднемъ счетѣ вѣдь это тоже только извѣстная тактика въ борьбѣ за существованіе, какъ окраска въ мірѣ животныхъ. Безсмысленно говорить о душѣ, какъ о своего рода инвентарѣ, который ея владѣлецъ можетъ обмѣнять. Человѣкъ есть то, что онъ есть, и никто не можетъ обогатить свою личность за счетъ другого. Люди, которые какъ будто совершенно лишены души, само собой разумѣется, самые жизненные изъ всѣхъ. Теперь Эванстонъ занялъ у Ли краски, чтобы создать себѣ доступъ въ его міръ, и по поводу этого ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что это очень практично. Это наша собственная иллюзія считать безусловно необходимымъ самому физиологически выносить въ себѣ то или другое, вмѣсто того чтобы создать свое право, замѣстивъ себя другой, болѣе тонко чувствующей личностью. Въ томъ и проклятіе нашей творческой плодовитости, что мы продолжали борьбу съ безплоднымъ „я“, которое жило только тѣмъ, что прививало другимъ свой цинизмъ. Если мы допустили до того, что такъ долго его питали и такъ долго сами по собачьи

выносили это, оставалось только продолжать въ томъ же родѣ, нагромождать гири на вѣсы, вмѣсто того, чтобы толкать самый рычагъ. Разумѣется, Ли не могъ сравнивать себя съ Эванстономъ въ отношеніи злонамѣренности, но развѣ это былъ единственный мыслимый способъ нравственнаго освобожденія. Ли не обладалъ ни малѣйшей способностью къ ироніи; дѣйствительно, въ немъ не было ни тѣни ироніи, его природѣ было совершенно несвойственно поставить себя на мѣсто—и при томъ на грязное мѣсто—другого, онъ не могъ платить злоупотребленіемъ за злоупотребленіе, онъ не могъ осмѣивать вещи, которыя онъ не считалъ простыми. Онъ воспринималъ все чрезвычайно серьезно, такъ какъ онъ былъ человѣкъ прямой; и онъ ничего не прощалъ, такъ какъ и самъ онъ не принималъ прощенія.

Теперь онъ хотѣлъ еще разъ попробовать свои силы на Эванстонѣ. Но глубоко подъ неплотъ его размышлений тлѣло кровавое рѣшеніе.

ХІІ.

* На обратномъ пути въ отель Ли пришлось идти мимо дома м-ра А. Гронау. Окна всѣ были черныя, неосвѣщенные. Онъ прошелъ съ твердою мыслью, что никогда больше туда не вступить. Съ того дня, какъ онъ впервые встрѣтился съ Эванстономъ, онъ не видалъ больше Маргариты. Онъ зналъ, и по другой причинѣ, что онъ никогда больше ея не увидитъ.

Невдалекѣ отъ отеля изъ снѣжной мятели вдругъ выступилъ человѣкъ и заговорилъ съ Ли. Это былъ Масонъ, переодѣтый безработнымъ.

— Добрый вечеръ, мистеръ Ли,—сказалъ онъ; чтобы не кричать, заглушая вѣтеръ, онъ приблизился вплотную къ Ли.—Какъ вы поживаете? Это я.

— А, благодарю васъ,—коротко отвѣтилъ Ли, но все-таки остановился. Въ голосѣ полицейскаго ему послышалась надтреснутость и уныніе. Они простояли такъ молча нѣсколько секундъ, нагнувъ головы, точно двѣ лошади въ непогоду. Потомъ Масонъ съ глубокой серьезностью спросилъ:

— Вы идете туда, къ нему?

И когда Ли промолчалъ, онъ вскричалъ огорченнымъ тономъ.

— Вы пойдете къ нему, мистеръ Ли! Да, мнѣ это извѣстно. Отъ кого? Отъ швейцара, который только что про-

силъ васъ вернуться. Впрочемъ, это все равно... Мистеръ Ли, согласны вы на одну только минуту зайти со мной въ какое-нибудь защищенное отъ вѣтра мѣсто, хоть здѣсь за уголъ, мнѣ необходимо съ вами переговорить; есть вещи, которыя мнѣ нужно знать ради васъ самого...

Когда они зашли за уголъ и были до нѣкоторой степени укрыты отъ урагана, Масонъ сдѣлалъ по своему обыкновенію эффектную паузу. Кромѣ его всевѣдѣнія, здѣсь играло роль и то, что онъ долженъ былъ предохнуть, что онъ и сдѣлалъ, быстро и носомъ, и ртомъ вобравъ въ себя воздухъ. Потомъ онъ заговорилъ:

— Что я говорилъ? Что я говорилъ въ тотъ день, когда вы сочли себя вынужденнымъ отказаться отъ меня и отъ моей помощи? Развѣ я не передсказывалъ, что этотъ человекъ выбѣдетъ и еще лихвенной процентъ возьметъ? Теперь онъ наверху, на большой лошади, конечно, никто этого такъ хорошо не знаетъ, какъ вы. Онъ намѣренъ стать однимъ изъ тѣхъ, которымъ все дозволено, такъ какъ они все могутъ. Черезъ недѣлю онъ будетъ не преступникъ, не негодяй, а бичъ Божій, слышите ли вы, бичъ, прожорливый Вавилонскій идолъ, точно онъ и не лапалъ по карманамъ въ молодости, такъ какъ величіе имѣетъ вѣдь и обратную силу—и тогда, какъ вы думаете, сможемъ мы искать отъ него защиты въ смиренномъ домѣ? а? Ну, вы торопитесь, но послушайте, Ли, мнѣ нужно спросить васъ только объ одномъ... вы можете не отвѣчать, если не хотите. Не думайте только, что я заблуждаюсь относительно положенія вещей, я отлично знаю, что вы первый помощникъ Канцера, и что все это ваше дѣло... сохрани Богъ, какую вы кашу заварили въ послѣдніе дни. Я и не жду ни одной минуты, чтобы вы предали вашего сотоварища, само собою разумѣется, нѣтъ. У меня совсѣмъ другое на сердцѣ. Вы смотрите удивленно, вы дѣлаете видъ, что вы ни о чемъ не догадываетесь. О, знаете, не нужно особенно тонкой проницательности, чтобы увидѣть, что вы тайно связаны съ Канцеромъ и вмѣстѣ съ нимъ стремитесь парализовать все производство Чикаго... стоитъ только купить одну изъ вашихъ книгъ, чтобы установить связь между бурными рѣчами Канцера и вашими, довольно, правда, смутными произведеніями... ваша поэзія, мистеръ Ли, вѣдь стала общественной собственностью, иначе это бы меня такъ не угнетало. Кромѣ того, всякій желающій могъ бы безъ особаго труда убѣдиться, что вы каждый день навѣщали Канцера, иначе Эванстона, и что онъ имѣлъ съ вами дѣла... но это меня тоже не касается..., я говорю только: помогите вамъ Богъ, помогите

вамъ Богъ! Какъ вы себя чувствуете, мистеръ Ли? Я вѣдь зналъ васъ, и вы должны знать, что я жалѣлъ васъ. О, да, я жалѣлъ васъ... я вѣдь все знаю...

Здѣсь Ли сдѣлалъ рѣзкое движеніе головой, заставившее Масона отступить на шагъ, и значительно ослабившее его сочувствіе.

— Да, да, мистеръ Ли,—повторилъ онъ нѣсколько обиженно.—Я вовсе не хочу вмѣшиваться въ вашу частную жизнь, ни въ какомъ случаѣ. Частная жизнь, само собою разумѣется, священна... въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Кстати, если васъ это можетъ заинтересовать, полицейскій на Уотеръ-стритъ безутѣшенъ съ тѣхъ поръ, какъ Канцеръ выросъ и приобрѣлъ болѣе тонкій вкусъ. Да, онъ безутѣшенъ, онъ ходитъ взадъ и впередъ мимо закрытой лавочки и сокрушается, насколько ли вы счастливы, что это можетъ увеличить ваше счастье? Фу... Извините. Долженъ вамъ сказать, что именно благодаря этому полицейскому я попалъ на слѣдъ склонности Эванстона къ... гм... удовольствіямъ, я безъ особыхъ затрудненій завоевалъ его довѣріе; онъ плотный ирландецъ, этотъ полицейскій, и онъ плакалъ настоящими солеными слезами о томъ, что его оттолкнули... ради кого? Но удивительнѣе всего то, что я до сихъ поръ ничего не зналъ объ этой характерной особенностях въ послужномъ спискѣ Эванстона. Можете повѣрить, что мнѣ пришлось поломать надъ этимъ голову... здѣсь, быть можетъ, ключъ къ нечеловѣческимъ чертамъ въ характерѣ Эванстона, и вслушайтесь, мистеръ Ли, чтобы намъ не пришлось касаться вашихъ тайнъ... я васъ утомляю, я говорю о вещахъ, которыя вы слишкомъ хорошо знаете, онѣ не могутъ васъ интересовать. У васъ земля подъ ногами горитъ, вамъ нужно наверхъ, къ нему, вы тоскуете... Мистеръ Ли, позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ...

Масонъ однимъ прыжкомъ, точно комъ снѣга, снова приблизился къ Эванстону и спросилъ съ удареніемъ, видимо, рассчитывая поразить неожиданностью:

— Гдѣ Миріамъ Карекинъ?

И Ли, дѣйствительно, былъ потрясенъ, онъ невольно опустил голову и прислонился къ стѣнѣ.

— Идите!—грубо приказалъ Масонъ и потащилъ его еще дальше въ защищенный уголокъ, гдѣ снѣгъ лежалъ густымъ слоемъ.

Ли рѣзко отдернулъ свою руку отъ полицейскаго, крѣпко сжавшаго ее выше локтя, но остался на мѣстѣ, и такъ они

простояли нѣсколько времени молча. Снѣгъ доходилъ имъ до щиколотки и тихо падалъ на нихъ сверху.

Имя Миріамъ Карекинъ до такой степени взволновало Ли благодаря воспоминанію объ одномъ удивительномъ и трагическомъ столкновеніи съ молодой армянкой.

Это было на слѣдующій день послѣ его встрѣчи съ Эванстономъ. Когда онъ поздно вечеромъ пришелъ домой, проведя весь день на воздухѣ, чтобы нѣсколько успокоить нервное возбужденіе послѣ посѣщенія Уотеръ-стритъ, когда онъ, усталый и больной, вернулся, наконецъ, къ себѣ и зажегъ лампу, въ его комнатѣ сидѣла Миріамъ Карекинъ. Онъ только разъ передъ тѣмъ видѣлъ ее въ Нью-Йоркѣ, во время того достопамятнаго сеанса, но онъ сейчасъ же узналъ ее. То, что она сидѣла тутъ со своими черными глазами, которые, казалось, ничего не видѣли и не блеснули даже, когда вспыхнулъ свѣтъ, само по себѣ было достаточно краснорѣчиво. Какое-то таинственное существо просвѣчивало сквозь ея тѣло, ея беззвучное присутствіе заставляло ощущать близость духа, при ней все куда-то отступало: представление о времени, о пространствѣ, вообще вся дѣйствительность. Существовали только одни ея глаза... она одно мгновеніе смотрѣла на Ли, потомъ медленно поднялась и обняла его за шею, и онъ прижалъ ее къ себѣ, не думая ни о чемъ, кромѣ того, что онъ одинокъ и несчастливъ. Никогда еще двое людей не черпали въ душѣ другъ у друга болѣе глубокаго страданія, чѣмъ они оба во время нѣмого свиданья въ ту ночь. Она, казалось, пришла къ нему, уступая какому-то давленію, о которомъ она ничего не знала, кромѣ того, что она обязана ему повиноваться, точно это была какая-то миссія, которая была ей навязана противъ ея воли и въ то же время была ей дороже самой жизни. Она прижалась къ Ли, точно не своей силой, сама же она совсѣмъ угасла, она неутолимо приникала къ нему все ближе и ближе, и въ то же время оставалась холодной и одинокой, какъ мертвая. Она и въ самомъ дѣлѣ была мертва, лишенная души; онъ прижалъ къ себѣ ея трупъ, въ образѣ высокой, темноволосой дѣвушки, съ жгучими объятьями и глядящимъ изъ пустого лица безуміемъ, совсѣмъ еще молодой дѣвушки, кожа которой, если ближе всмотрѣться, была покрыта сѣтью тончайшихъ морщинъ, какъ у древней старухи. Но не это было самое печальное. Самое печальное было, когда она вдругъ ожила въ его объятьяхъ. Это случилось, когда она замѣтила, до какой степени онъ самъ былъ несчастенъ, какъ невыразимо онъ страдалъ; тогда она вдругъ затихла, по иному открыла глаза, вздох-

нула и, глядя на него, заплакала... Но это было нехорошо, такъ какъ, когда она согрѣлась, она его тронула, и онъ овладѣлъ ею, и тогда, когда эта бѣдная искорка счастья, вспыхнувшая въ ея глазахъ, потухла, она осталась такой смертельно разбитой, такой неизмѣримо печальной при воспоминаніи о чемъ-то, что она не могла даже плакать, а лежала молча; ничто не могло ей помочь, никто въ цѣломъ мірѣ не былъ такъ несчастенъ, какъ она, когда она лежала тутъ и не могла пошевелиться отъ душевной тоски, съ большими, широко открытыми глазами, въ которыхъ застыли слезы.

Да, такъ встрѣтился съ ней Ли. Гдѣ она теперь? Объ этомъ именно спрашивалъ полицейскій агентъ.

— Гдѣ Миріамъ Карекинъ?—повторилъ Масонъ, рѣшивъ, что у Ли было достаточно времени, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ попался. И теперь онъ спрашивалъ сухимъ тономъ: остальное вѣдь были сущіе пустяки.

— Гдѣ Миріамъ Карекинъ?

— Я не знаю этого,—сказалъ Ли, едва переводя дыханіе.—Уѣхала ли она или исчезла?

— Уѣхала ли она... и еще какъ уѣхала! Ли... довольно пустыхъ отговорокъ. Вы слишкомъ откровенно вздрогнули за минуту передъ тѣмъ, порядочный человѣкъ не станетъ послѣ этого отпираться. Вы прекрасно все знаете. Ну, итакъ, что же вы съ ней сдѣлали? Что?

Ли медленно приподнялъ плечи:

— Я не могу дать никакихъ свѣдѣній относительно миссъ Карекинъ,—сказалъ онъ.—Развѣ вы думаете, что съ ней что нибудь случилось?

Масонъ премолчалъ, склонивъ слегка голову. Онъ уловилъ искренній звукъ въ словахъ Ли, но все еще не зналъ, чему вѣрить. На всякій случай онъ попробовалъ сдѣлать еще одинъ выстрѣлъ.

— Да, съ ней нѣчто случилось. По всѣмъ вѣроятіямъ. Уже недѣля, какъ она безслѣдно исчезла, и при очень странныхъ обстоятельствахъ. Она... вы слушаете, Ли?... исчезла въ тотъ день, когда она съ 9 часовъ 52 минутъ вечера до 6 часовъ 15 минутъ утра провела въ вашей квартирѣ... А? Что вы скажете?

— Возможно ли это?—пробормоталъ Ли.—Что это можетъ значить! Откуда вы знаете, что она исчезла?

— Чортъ возьми! Я это знаю! Гдѣ же она?

Ли покачалъ головой:

— Я ее съ тѣхъ поръ не видѣлъ, мистеръ Масонъ. Дѣйствительно, не видѣлъ. Но меня чрезвычайно огорчаетъ

мысль, что съ ней что нибудь случилось. Не расскажете ли вы мнѣ объ этомъ подробнѣе?

Масонъ переступалъ съ ноги на ногу въ снѣгу, его выводило изъ себя, что онъ ничего не могъ разузнать. Но вдругъ онъ остановился. Его поразила одна мысль, и онъ стоялъ, притаившись, какъ мышь, между тѣмъ какъ внутри у него такъ и ходило. Наконецъ, онъ вскинулъ головой, собираясь заговорить, но перемѣнилъ рѣшеніе. Онъ раза два громко фыркнулъ, чтобы дать исходъ своему волненію. Когда онъ заговорилъ, голосъ его звучалъ очень тихо, но чрезвычайно значительно.

— Мистеръ Ли, все это, оказывается, имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ мы съ вами думали... я очень боюсь, что произошло нѣчто невѣроятно скверное: самое скверное. Боже! Боже! Я долженъ спѣшить. Я попалъ на ложный слѣдъ... я получилъ анонимное письмо, чтобы я обратилъ вниманіе на васъ и Миріамъ Карекинъ, и я все время не могъ понять, откуда это было это письмо. Ли, я былъ неправъ передъ вами. Это письмо отъ Эванстона... о, дьяволъ, о... Вѣдь это опять та же исторія съ Эли Джонсонъ и Эдмундомъ Галлемъ... ну, теперь я убѣжденъ, что Миріамъ Карекинъ убита. Онъ убилъ ее... Иисусе Христе! И васъ, Ли, онъ хочетъ выдать за убійцу! Вы и не подозреваете, а у васъ, навѣрно, находится одинъ изъ ея членовъ... и онъ хочетъ, чтобы я нашелъ его, и тогда вы погибли точь въ точь, какъ Эдмундъ Галль... Понимаете вы это?

Масонъ ужъ больше не задерживалъ дыханія, онъ говорилъ полнымъ голосомъ, хотя каждый волосъ на его голѣвъ шевелился.

— Боже милостивый! да видите ли вы этотъ ужасный планъ! Неужели у васъ не кружится голова отъ этого его бррр... чертовскаго замысла?

Да, теперь Ли все понялъ. Онъ давно предвидѣлъ нѣчто подобное. Но въ эту минуту его больше всего терзала мысль о тѣхъ мученіяхъ, которыя должна была вынести Миріамъ Карекинъ, и которыя онъ такъ хорошо понималъ. Она, значитъ, противъ своей воли была послана Эванстономъ, чтобы погубить его, отказаться отъ этого она не могла, но она чувствовала, насколько гнусно и отвратительно то, что она принуждена была дѣлать, и это причинило ей первое горе. Сама во власти безумія и нечеловѣческаго отвращенія, она должна была возбуждать Ли, пока не превратилась въ его жертву. И тогда случилось то, что власть надъ ней Эванстона уступила тому дѣйствію, какое произвелъ на нее Ли, и Ли овладѣлъ ею. И вмѣсто того, чтобы погубить и его, и

себя самую, она стала искать у него спасенія, разумѣется, только затѣмъ, чтобы сейчасъ же увидѣть, какъ это невозможно и безнадежно,—и это было ея второе еще болѣе глубокое горе. О, и только тѣмъ, что онъ погоревалъ вмѣстѣ съ нею, что онъ не много приласкалъ это несчастное существо, онъ превратилъ слѣпое, алчнаго оборотня въ человѣка—и это спасло его самого! Онъ сдѣлалъ невольное движеніе, точно ему хотѣлось пойти куда нибудь, чтобы заплакать вмѣстѣ съ ней и укрыть ее въ безопасное мѣсто...

— Вы вздрагиваете,—сказалъ Масонъ,—вы содрагаетесь при мысли, какой опасности вы подвергались — радуйтесь теперь, что она миновала. Ли, вѣдь это ужасно, ужасно! Мнѣ нужно спѣшить. Послушайте только вотъ что...

Ли стоялъ передъ нимъ, поблескивая глазами и, не отрываясь, смотрѣлъ на уголь, гдѣ крутящійся свѣтъ, освѣщенный электрическимъ фонаремъ, казался какимъ-то водоворотомъ; тамъ, въ томъ пунктѣ, гдѣ вѣтеръ особенно свирѣпствовалъ, обнажились камни мостовой; онъ смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока все это стало ему казаться какой-то красной колонной, идущей отъ земли къ черному небу, и снизу озаренной огнемъ... и благодаря какой-то мистической ассоціаціи, эта картина слилась у него съ его настроеніемъ, такъ что онъ думалъ о ней, какъ о самомъ печальномъ, что только можетъ быть на свѣтѣ.

— Вы не слушаете, что я вамъ говорю, Ли? — гудѣлъ ему на ухо Масонъ. — Куда вы унеслись? Время намъ дорого. Я вамъ сказалъ, что я лечу теперь въ городъ, чтобы попытаться разыскать слѣды Мириамъ... Эти слѣды приведутъ меня къ рѣкѣ, могу васъ увѣрить. Ея трупъ, навѣрно, теперь тамъ, въ какомъ-нибудь мѣшкѣ... но тогда, заклинаю васъ небомъ, вы должны приняться за Эванстона. Слушайте! Вы съ нимъ въ компаніи... Богъ его знаетъ, какъ все это цѣпляется другъ за друга... и почему вы не хотите мнѣ довѣриться, почему все это должно быть облечено въ такую тайну? Но вѣдь теперь вы видите, что онъ злоумышляетъ на вашу жизнь, онъ вашъ злѣйшій врагъ, помимо всего, что вы воображаете. Что же васъ связываетъ? Ахъ! и только подумать, что вы не хотите мнѣ это сказать!

Масонъ даже застоналъ отъ нетерпѣнія.

— Но я все-таки полагаюсь на васъ, мистеръ Ли, что-то мнѣ говорить, что я могу довѣриться вамъ. Въ самой глубинѣ души вы честный человѣкъ, я даже думаю, что вы на моей сторонѣ, хотя въ силу какихъ-то соображеній вы не хотите выдать мнѣ Эванстона. Но держите его крѣпко, хоть до тѣхъ поръ, когда я явлюсь и смогу забрать его, пока я

не найду мѣшка. Теперь вы идете къ нему наверхъ... Ли, это ужасная ночь, я предвижу, что предстоятъ страшныя вещи!.. Мы задыхаемся въ снѣгу, а сегодняшніе раненые стонутъ въ больницахъ, и мы оскорбляемъ другъ друга, и ни одинъ экипажъ не ѣдетъ, и все это его вина, и какъ это можетъ быть, что вы его сообщникъ? А если вы не сообщникъ его, какъ же вы рѣшаетесь идти теперь къ нему, когда у него, какъ у сатаны, руки въ крови отъ совершенныхъ злодѣяній, а на умѣ планы завтрашнихъ убійствъ и обмановъ. И только подумать, что это въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ отсюда! Ахъ, если бъ это я шель!.. если бъ это я шель къ нему съ револьверомъ въ рукѣ, который я во имя закона приставилъ бы ему ко лбу и шесть констеблей за мной съ новыми наручниками... О, Ли! о, Ли!.. дома въ Англіи у меня есть маленькій домикъ съ садикомъ, онъ уже много лѣтъ принадлежитъ мнѣ, я думалъ современемъ поселиться въ немъ... онъ будетъ вашъ, я отдамъ вамъ домъ, вы можете его продать или сдѣлать съ нимъ все, что хотите, если вы только мнѣ скажете, что у васъ общаго съ Эванстономъ, и если вы мнѣ пообщаете не упустить его, пока я не вернусь, пока у меня не будетъ возможности связать его... все-таки нѣтъ? вы качаете головой, кажется, вы смѣетесь!.. или вы что-то сказали? Нѣтъ, вы не хотите, я идиотъ! Я уже былъ разъ идиотомъ, когда заподозрилъ васъ по поводу новаго убійства Эванстона... но вамъ окончательно пора уходить. Ли, мнѣ непріятно, что я васъ подозрѣвалъ, я признаюсь, я былъ сбить съ толка видимостью, довольны ли вы? Но все-таки долженъ вамъ сказать, что въ послѣднее время вы давали поводъ къ подозрѣніямъ, я вѣдь не спускалъ съ васъ глазъ, я ходилъ за вами по улицамъ, и... вы нехорошо ходите, усвоили себѣ скверную походку, Ли! Да, отчего бы то ни было, но вы прихрамываете, вы волочите ногу, или вы тащите на себѣ свинецъ, точно водолазъ, на васъ тяжело смотрѣть, вѣдь вы атлетъ, вы спортсменъ; если ваши ноги отказываются служить, это хуже, чѣмъ у другихъ людей,—вы точно идете по дорогѣ между тюрьмой и домомъ для умалишенныхъ, милый мой Ли! И это мнѣ больно, потому что я васъ люблю, что бы вы обо мнѣ ни думали. Мнѣ было больно видѣть, что вы оставляете неотчетливые слѣды! И меня бы въ самое сердце поразило, если бъ я оказался правъ въ своихъ худшихъ подозрѣніяхъ относительно васъ и Канцера. Ну, идите же теперь къ нему! Ли, дайте мнѣ вашу руку! Спокойной ночи! Я не вѣрю, чтобы вы были преступникомъ, убей меня Богъ, если я этому вѣрю! Ли! Ну, идите же... и да хранитъ васъ Богъ!

Масонъ выскочилъ изъ снѣжнаго сугроба и въ слѣдующую минуту исчезъ среди непогоды. При той неудержимой быстротѣ, съ какой онъ сыпалъ словами, весь разговоръ занялъ не болѣе пяти минутъ. Но онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Ли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Германіи.

(Двадцать двѣ династіи).

I.

Многіе жалуются на однообразіе и шаблонность современной культуры. Все, какъ у всѣхъ и вездѣ, какъ всюду. И только природа, поскольку ее еще можно замѣтить сквозь щели и окна со всѣхъ сторонъ охватывающей насъ обстановки, даетъ разные оттѣнки внѣшней средѣ. Одинаковые улицы и дома, одинаковые шляпы и костюмы, одинаково подстриженные головы, на одинъ фасонъ настроенныя лица—это ли не торжество вѣка съ его фабричнымъ производствомъ, миллионнымъ потребителемъ, съ его стирающей всѣ границы быстротою обмѣна и демократизмомъ котелка, пиджака и бумажной манишки?

Правда, чуткій глазъ способенъ установить довольно рѣзкое различіе между котелкомъ въ Парижѣ и котелкомъ въ Лондонѣ. Берлинская наемная казарма, пожалуй, даже во многомъ окажется лучше такой же казармы парижской. Можно даже прочувствовать и установить особыя типичныя черты въ общемъ обликѣ и настроеніи горячаго и красиваго французскаго города въ отличіе отъ холоднаго и дѣловаго нѣмецкаго,—но принципъ, основа, главная линія остается все та же: царство механическаго однообразія, фабричнаго шаблона, всеглаживающаго, всестирающаго и непрестаннаго движенія.

Неудивительно, что, съ одной стороны, въ современномъ обществѣ явилась страсть къ природѣ, влеченіе, которое заставляетъ массы людей хоть временно сбрасывать съ себя культурныя цѣпи и бѣгать на четверенькахъ, а съ другой—такая же страсть ко всяческому излому, кривизнѣ и капризу, который разбиваетъ царство прямой линіи, ставитъ на мѣсто принудительнаго шаблона на первый взглядъ дикую анархическую волю къ извращенію, отрицанію, искривленію.

Само собою разумѣется, что оба стремленія немедленно же попадаютъ въ руки капиталиста-производителя, который сейчасъ же приступаетъ къ соотвѣтственной фабрикаціи и природы, и всякаго

«оргиастическаго» культа извращенія и излома. Любопытно наблюдать, какъ живо организуются всевозможныя купанья, солнечныя лѣченія, горныя путешествія и проживанія на лонѣ природы при помощи соотвѣтственной рекламы, дешеваго транспорта, особыхъ, шаблонныхъ же, тирольскихъ костюмовъ—особыхъ методовъ, при помощи конхъ гарантируется самое быстрое и самое дешевое возвращеніе къ первобытному состоянію, рощенію хвоста и хожденію на четверенькахъ. Если же вамъ угодно обратиться къ другой крайности, то и тутъ уже все готово. Всяческое извращеніе и на всякую цѣну. Изломъ въ 20°, въ 40°, въ 80°—и при томъ—на любой карманъ. Изламывайтесь, извращайтесь, выкручивайтесь, но знайте, что всегда и вездѣ сопровождаетъ васъ попечительная поддержка современнаго фабриканта и торговца, которые изготовятъ по первому требованію столько шаблонныхъ извращеній, сколько только понадобится...

Однако я думаю, что боязнь однообразія и шаблона, по крайней мѣрѣ, для старой континентальной Европы—нѣсколько преувеличена или, по крайней мѣрѣ, преждевременна. И это происходитъ оттого, что большинство наблюдателей наблюдаютъ ужъ очень поверхностно и просто: изъ окна вагона, съ балкона отеля или какого-нибудь другого монрепо «съ пансіономъ и безъ онаго». И современная капиталистическая культура, которая сверху такъ плотно обволакиваетъ всю жизнь человѣка, оказывается далеко не такой плотной и всепроникающей. Дѣло обстоитъ много сложнее.

И въ особенности это замѣтно въ области идейной и социальной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь на первый взглядъ тамъ же полное царство шаблона и однообразія. Съ тѣхъ поръ, какъ родилась въ буквальный смыслъ общечеловѣческая мировая литература, всѣ стали читать одно и то же, думать объ одномъ и томъ же, писать одно и то же. Сравните библиотечку нѣмца и француза, англичанина и шведа—вездѣ тотъ же Толстой и Ницше, Ибсенъ и Мопассанъ, Достоевскій и Аннунціо, въ одной странѣ немногимъ больше одного, въ другой другого; и если вы сопоставите художественно-критическіе журналы на нѣсколькихъ языкахъ, вы увидите, что всѣ пишутъ и думаютъ объ одномъ и даже въ значительной степени одинаково. И какое-нибудь новое литературное или философское теченіе такъ же способно стать дѣломъ моды, какъ новыя фасоны шляпокъ, брюкъ или сапогъ. Сейчасъ такимъ дѣломъ моды становится въ Германіи Риккертско-Виндельбантовская философія, и недалеко то время, когда наши духовныхъ дѣлъ заграничники импортируютъ эту новую моду въ сферу нашего петербургскаго литературнаго потребленія. Возможно, что та же судьба постигнетъ и Джемсовскій прагматизмъ...

Въ сферѣ общественной жизни дѣло обстоитъ, какъ кажется, еще хуже. Одинаковыя учрежденія, одинаковыя экономическія условія, одинъ и тотъ же багажъ политической и социальной тради-

слилъ всю Европу буйвально въ одну страну. Словно передъ нами одно государство съ отдѣльными провинціями, при чемъ въ одной немножко больше свободы, въ другой меньше, въ одномъ мѣстѣ больше социалистовъ, въ другомъ меньше, а главы государствъ различаются не столько по своимъ правамъ, сколько по тому, что одни ходятъ во фракахъ и зовутся превосходительствами, а другіе въ мундирахъ съ эполетами и называются величествами, высочествами, свѣтлостями и т. д. И, судя по газетамъ, во-истину не такъ трудно смѣшать Столыпина и Бюлова, Клемансо и Криспи, не говоримъ уже о различныхъ партійныхъ вождяхъ, которые до такой степени при аналогичныхъ случаяхъ говорятъ одно и то же, что часто подъ рѣчью одного смѣло могъ бы подписаться другой, и т. д.

Но, повторяемъ, такъ кажется только тому, кто, дѣйствительно, слѣдить и за духовной, и за политической жизнью только постолку, поскольку она течетъ и разливается на торжищахъ и трибунахъ, на безконечныхъ газетныхъ столбцахъ и на томъ новомъ рынкѣ, который организуетъ сейчасъ духовное потребление на манеръ производства и распространенія усовершенствованныхъ сортовъ мыла и пишущихъ машинъ. Въ дѣйствительности и въ этой сферѣ жизнь не исчерпывается однимъ общимъ и для всѣхъ обязательнымъ шаблономъ.

При болѣе внимательномъ изученіи окружающаго, мы можемъ найти уклоненія, и очень рѣзкія, съ одной стороны, по направленію впередъ, съ другой—назадъ. И эти уклоненія не только велики, они громадны. Только тотъ, кто умышленно закрываетъ глаза, можетъ не видѣть того новаго міра, который складывается подъ знаменемъ социализма; только безнадежно односторонній доктринеръ не замѣтитъ цѣлыхъ залежей прошлаго, которое цвѣтеть и ширится подъ общимъ покровомъ его отрицающей новизны.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ обратить вниманіе какъ разъ на такое нѣмецкое прошлое, которое живетъ лучше всякаго настоящаго, и при томъ несмотря на многоразличныя похороны. По правдѣ сказать, мы здѣсь встрѣчаемся съ довольно таки мнимыми мертвецами. Это было всегда въ духѣ либеральнаго доктринерства хоронить живыхъ вмѣсто того, чтобы бороться съ ними. И мы не разъ уже встрѣчались съ либеральными похоронами тамъ, гдѣ до смерти еще было очень далеко. Подобно тому, какъ въ XVIII в. либерализмъ объявилъ упраздненными всѣ религіозныя суевѣрія и предразсудки, такъ въ XIX онъ похоронилъ старую монархію божіей милостью, патримоніальныхъ принцевъ и принцессъ. Но какъ предразсудки остались жить, несмотря на весь трескъ и громъ современнаго капитализма, такъ остались преблагополучно существовать и старыя династіи подъ кровомъ новѣйшаго конституціонализма. И если либеральная юриспруденція хочетъ увѣрить насъ, что въ Германіи есть только «moderner Staat» или «moderne Mo-

parchie», то этому такъ же можно вѣрить, какъ царству разума и свободы въ современномъ католическомъ мѣрѣ.

Это, конечно, большое утѣшеніе для тѣхъ, кто ищетъ спасенія отъ шаблона, жаждетъ выхода изъ царства чиселъ и прямыхъ линій. Въ нашихъ глазахъ это добавленіе старой тяготы къ новой—лишнее препятствіе на пути грядущей свободы. Но романтиковъ и снобовъ, тоскующихъ между конторкой и Варьетэ, мы можемъ обрадовать самымъ настоящимъ манеромъ. Пусть только они послѣдуютъ за нами изъ большихъ городовъ въ уединенные дворцы и бургы, пусть только смѣнятъ распушенное и вмѣстѣ холодное общество дѣловой Европы на знакомство съ тѣми, кто и сейчасъ сумѣлъ отгородиться высокими стѣнами отъ плебейской суеты, отъ сліянія съ черной мужицкой и красной мѣщанской кровью.

И нѣтъ для такого экскурса болѣе благодарной страны, чѣмъ Германія. На первый взглядъ и здѣсь кажется многое, какъ у всѣхъ. А Пруссія—это ли не современное государство въ общепринятомъ стилѣ. Но уже имперская конституція насъ наведетъ на инныя мысли. Несмотря на всѣ сопоставленія Германіи съ другими союзными государствами вродѣ Швейцаріи и Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, все же здѣсь бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ составъ Германіи входитъ не менѣе двадцати двухъ монархій *), а высшая правительственная коллегія состоитъ какъ разъ изъ уполномоченныхъ отъ монарховъ, которые и официально именуются, какъ «соединенныя правительства». И не даромъ среди нѣмецкихъ ученыхъ все большую популярность приобрѣтаютъ слова Бисмарка о томъ, что на вѣрности союзу нѣмецкихъ монарховъ основана въ сущности вся имперія—этотъ «вѣчный союзъ для защиты союзной территоріи и права, господствующаго въ ея предѣлахъ, а также для попеченій о благѣ нѣмецкаго народа».

Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать роль союзнаго совѣта Германіи, этого непосредственнаго органа еще существующихъ и царствующихъ отцовъ германскаго отечества. Однако нужно указать, что значеніе этого органа союза чрезвычайно велико. Правда, объединеннымъ монархамъ противостоитъ въ видѣ рейхстага объединенный народъ. Но согласно нѣмецкой общепринятой теоріи послѣдній только принимаетъ «участіе» въ законодательствѣ, главное же мѣсто отводится не ему, а монархамъ. Это республика сувереновъ, а не народа. Союзный совѣтъ въ виду этого не только высшая законодательная инстанція, въ его рукахъ сосредоточена и наиболѣе важная правительственная власть. И если велика въ имперіи власть Пруссіи, то не столько благодаря прусскому королю въ качествѣ императора или, иначе говоря, исполнительнаго органа

*) Въ составъ имперіи кромѣ нихъ входятъ только три городскіихъ республики.

совѣта, а какъ разъ въ качествѣ державы, имѣющей въ самомъ совѣтѣ наибольшее значеніе и силу.

Не надо забывать далѣе и другого обстоятельства: за каждымъ изъ двадцати двухъ монарховъ, царящихъ надъ союзомъ, имѣется еще собственная монархія въ видѣ отдѣльнаго, составляющаго союзъ государства. У cadaго изъ монарховъ есть еще своя большая или маленькая монархія. И въ каждой монархіи имѣется своя династія и дворъ, и всякіе цивиль-листы и удѣлы, кабинетныя земли и имущества, и всѣ эти дворы и династіи образованы совершенно такъ же, какъ аналогичныя учрежденія въ другихъ, большихъ монархіяхъ, и всѣмъ этимъ монархамъ и династіямъ присвоены совершенно такія же права, какъ вообще во всякихъ другихъ государствахъ съ наследственнымъ и безответственнымъ главою.

Германія съ точки зрѣнія социологическаго интереса представляетъ собой по истинѣ замѣчательную страну. Нигдѣ во всемъ мірѣ мы не найдемъ другого аналогичнаго явленія. Народъ, считающій всего около 62 мил. населенія, имѣетъ двадцать двѣ царствующія династіи. Однако, данный фактъ получаетъ еще другой смыслъ, если мы обратимся къ разсмотрѣнію ихъ положенія въ частности. Монархія вѣдь оплачивается очень высоко...

Самымъ большимъ государствомъ является Пруссія, которая считаетъ двѣ линіи въ своей династіи: одну царствующую, другую не царствующую, но тѣмъ не менѣе достаточно обеспеченную для приличнаго, соотвѣтственнаго положенію, образа жизни. Въ этомъ государствѣ, по даннымъ послѣдней переписи 1905 г., считалось около 38 милліоновъ жителей, при чемъ общій бюджетъ въ послѣднее время (1909 г.) доходилъ до 3,362 милліоновъ марокъ; при такомъ бюджетѣ содержаніе династіи въ количествѣ около 50 человѣкъ не можетъ представляться особенно чрезмѣрнымъ для монархической страны, которая тратитъ въ общей сложности болѣе 15,7 милліоновъ марокъ на свой царствующій домъ, не считая тѣхъ недвижимыхъ имуществъ, которыя находятся въ исключительномъ обладаніи династіи.

Уже иная пропорція складывается въ Баваріи; здѣсь число жителей значительно меньше, чѣмъ въ Пруссіи. Населеніе по послѣдней переписи здѣсь не превышало $6\frac{1}{2}$ милліоновъ человѣкъ. Бюджетъ достигаетъ всего 548 милліоновъ съ небольшимъ. А между тѣмъ и здѣсь содержаніе династіи приблизительно въ 50 человѣкъ, считая и королевскую, и герцогскую линіи, обходится не менѣе $5\frac{1}{2}$ милліоновъ марокъ. Нельзя не замѣтить, что по сравненію съ Пруссіей здѣсь каждый отдѣльный членъ династіи стоитъ относительно гораздо дороже, такъ какъ поглощаетъ большую часть бюджета.

Саксонія представляетъ собой третье по величинѣ королевство.

Здѣсь на 10 человѣкъ династіи приходится $4\frac{1}{2}$ милліона жителей. И изъ 346 мил. бюджета почти 4 милліона марокъ расходуется на содержаніе династіи.

Вюртембергъ—последнее королевство въ ряду нѣмецкихъ монархій. Этому государству, которое по переписи насчитывало $2\frac{1}{2}$ мил. жителей при общемъ бюджетѣ въ 95,5 мил. марокъ, пришлось тратить на свой царствующій домъ въ 20 человѣкъ, считая королевскую и герцогскую линіи, болѣе 2-хъ мил. марокъ. Королевское достоинство такимъ образомъ не дешево обходится такому маленькому государству.

Затѣмъ слѣдуютъ династіи великогерцогскія съ титуломъ поменьше, онѣ уже именуются не величествами, а королевскими высочествами. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ Баденъ съ населеніемъ, едва ли превышающимъ одну русскую губернію. На 2 мил. жителей здѣсь имѣется 95 мил. бюджета и на 6 человѣкъ династіи около 2-хъ милл. разныхъ расходовъ. За Баденомъ идетъ Гессенъ съ 1,3 милл. жителей, гдѣ на 16 человѣкъ династіи при бюджетѣ въ 61 мил. расходуется 1,3 мил. марокъ. Затѣмъ великое герцогство Ольденбургское съ полмилліономъ жителей, оплачивающее 6 человѣкъ династіи съ ихъ дворомъ 1 милліономъ марокъ; великое герцогство Мекленбургъ-Шверинъ съ 0,63 мил. жителей, не имѣющее вовсе государственнаго бюджета, а только валовой княжескій въ 18 мил. марокъ, на который существуетъ 10 человѣкъ царствующаго дома; Мекленбургъ-Стрелицъ, гдѣ имѣются 3 человѣка велико-герцогской семьи, получающіе достаточный доходъ съ имуществъ, охватывающихъ $\frac{2}{5}$ всей государственной территоріи Саксенъ-Веймаръ, который съ 388 тысячъ жителей даетъ доходъ своему велико-герцогскому дому въ 6 человѣкъ не менѣе, какъ въ 1.020.000 марокъ.

Таковы «великія» герцогства. Затѣмъ слѣдуютъ герцогства княжества уже совсѣмъ миниатюрныя, которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ свои династіи съ титулами высочествъ и свѣтлостей, вмѣстѣ и съ соответственнымъ содержаніемъ. Эти крохотныя опоры монархическаго духа заслуживаютъ не меньшаго вниманія.

Вотъ передъ нами пока вакантное герцогство Брауншвейгское. Здѣсь въ качествѣ регента сидѣлъ сначала прусскій принцъ теперь принцъ Мекленбургскій. Настоящій прирожденный герцогъ и господинъ, потомокъ Вельфовъ, изгнанныхъ Пруссіей и Ганновера и Брауншвейга, до сихъ поръ не желаетъ подписать отреченія отъ своихъ династическихъ правъ и общанія вѣрность Имперіи и посему временно считается въ «невозможности» занять прародительскій престолъ. Самъ Брауншвейгъ, подавши поводъ къ великимъ осложненіямъ, представляетъ, однако, изъ себѣ страну въ четыреста съ небольшимъ тысячъ жителей, государственный расходъ котораго доходитъ всего до 14,6 милліоновъ марокъ. Но, несмотря на регентство, здѣсь тѣмъ не менѣе су-

ствуешь герцогскій цивильный листъ въ 1.125.323 марокъ, которые цѣликомъ взимаются съ государственныхъ имуществъ...

Саксенъ-Мейнингенъ, столь прославившійся своей театральной труппой, представляетъ изъ себя тоже цѣлое государство, несмотря на то, что на его территоріи имѣется всего на всего около трехъ сотъ тысячъ жителей. Этого количества подданныхъ, однако, достаточно для того, чтобы имѣть особаго монарха съ династіей и дворомъ, который получаетъ на 11 человѣкъ царствующаго дома около четырехъ сотъ тысячъ марокъ цивильнаго листа, да еще половину всѣхъ чистыхъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, что тоже составляетъ тысячу пятьсотъ. Такъ образуется довольно круглая сумма около 900.000 марокъ, что для страны въ 300.000 жителей составляетъ довольно основательный расходъ.

Въ Саксенъ-Альтенбургскомъ герцогствѣ, которое еще меньше по числу жителей,—здѣсь количество вѣрноподанныхъ его свѣтлости не превышаетъ 200.000 челов.—дѣло устроилось нѣсколько проще. $\frac{2}{3}$ государственныхъ имуществъ здѣсь прямо отданы въ полную собственность династіи, и съ этого удѣльнаго имущества или, говоря нѣмецкимъ терминомъ, съ этого «фиденкомиснаго домена» герцогскаго дома Саксенъ-Альтенбурга кормится вся царствующая семья въ составѣ 10 человѣкъ. Весь государственный бюджетъ здѣсь съ небольшимъ 4,7 милліона.

Государство Саксенъ-Кобургъ-Гота нѣсколько больше Альтенбурга. Здѣсь считалось по переписи 242.432 челов. Но за то здѣсь и больше доходовъ у царствующаго дома. И здѣсь династія имѣетъ половину чистаго дохода со всѣхъ госуд. имуществъ; съ 1919 г. эта часть должна еще увеличиться, а часть, причитающаяся государству, уменьшится до $\frac{1}{3}$. Всего считается сейчасъ доходовъ герцогскаго дома до 600.000 марокъ. Въ составѣ герцогскаго заповѣднаго имущества здѣсь входитъ знаменитый Шмалькальденскій лѣсъ, который былъ подаренъ прусскимъ королемъ герцогу въ вознагражденіе его убытковъ и расходовъ во время войны 1866 года. Дѣло въ томъ, что Саксенъ-Веймарскій герцогъ былъ вѣрнымъ другомъ Пруссіи и въ это время отдалъ ей своихъ солдатъ. Въ награду за это онъ и получилъ для своей династіи лѣса изъ земель экспроприированнаго Гессенскаго курфюрста. Теперь, впрочемъ, изъ этихъ лѣсовъ половину дохода герцогъ отдаетъ своимъ государствамъ, при чемъ $\frac{1}{4}$ получаетъ Кобургъ, а другую $\frac{1}{4}$ —Гота.

Ангальтъ представляетъ собой среди герцогствъ довольно большую страну: въ немъ 328.029 жителей. Здѣсь государственный имуществъ составляютъ также одну изъ главнѣйшихъ статей дохода: съ нихъ получается около 10,3% всѣхъ доходовъ. Чистый доходъ одного герцогскаго фиденкомиса принесъ 1,8 милл. марокъ. На 12 человѣкъ царствующаго дома этихъ доходовъ, конечно, хватаетъ. И можно даже сказать, что врядъ ли вообще можно получить больше денегъ изъ такой маленькой страны.

Ангальтомъ заканчивается рядъ нѣмецкихъ герцогствъ. Затѣмъ слѣдуютъ уже княжества съ ихъ свѣтлостями во главѣ. Относительно этихъ маленькихъ государствъ, однако, нельзя сейчасъ представить достаточно подробныхъ данныхъ. Въ нихъ такъ перемѣшаны элементы частно-хозяйственные и государственные, что очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается государь, какъ помѣщикъ, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія—«Fideicommissgrundbesizer»—и гдѣ начинается государь или монархъ въ современномъ смыслѣ слова, какъ «Landesherr». Въ виду этого мы ограничимся только общимъ фактическимъ очеркомъ.

По величинѣ самымъ большимъ является княжество Липпе съ 145,577 жит., самымъ маленькимъ княжество Шаумбургъ-Липпе, съ 45,000 жит.; между ними располагаются Рейсъ младшей линіи (144584), Шварцбургъ-Рудольштадтъ (96835), Шварцбургъ-Зондергаузенъ (85152), Рейсъ старшей линіи (70603) и Вальдекъ (60000). Въ послѣднемъ государствѣ въ столицѣ княжества имѣется всего 2811 жит. Таковъ знаменитый городокъ Арольсенъ, резиденція свѣтлѣйшихъ и владѣтельныхъ князей Вальдекъ и Пирмонтъ, монарховъ и повелителей вальдекско-пирмонтскаго народа. Во всѣхъ этихъ государствахъ династіи содержатся на счетъ государственныхъ земель и доменовъ, при чемъ власть помѣщика здѣсь цѣлкомъ сливается съ властью монарха.

Только относительно нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ, государствъ этого типа можно установить хоть нѣкоторыя данныя относительно размѣровъ княжескаго хозяйства. Такъ, напр., въ крохотномъ Шварцбургъ-Рудольштадтѣ при общемъ бюджетѣ въ 2¹/₂ милл. мар. всего государства княжескіе домены имѣютъ бюджетъ въ 336,667 мар. Въ Шварцбургъ-Зондергаузенѣ, при общемъ бюджетѣ въ 3 милл. съ небольшимъ, княж. домены даютъ 517.420 мар., однако здѣсь князь удѣляетъ кое-что и на госуд. нужды; такъ, на уплату госуд. долговъ, которые были сдѣланы не безъ помощи князя, ежегодно изъ доменовъ дается 36.000 мар., а въ случаѣ, если бы доходъ поднялся болѣе 832.000, то тогда еще даются на ту же цѣль 30.000 м., остальное же идетъ на князя и его дворъ.

Что касается, далѣе, самаго состава династій, то онъ весьма различенъ. Въ Липпе мы имѣемъ, считая самого владѣтельнаго князя, 22 человекъ, въ Рейсъ младшей линіи — 45 челов., въ Шварцбургъ-Рудольштадтѣ — 9 челов., Шварцбургъ-Зондергаузенѣ — 3 челов., Рейсъ старшей линіи — 4 челов., Вальдекъ — 21 челов. и въ самомъ маленькомъ—Шаумбургъ-Липпе—28 челов., считая и младшую линію, которая обезпечена имѣніями въ Чехіи. Особенно, конечно, поражаетъ своею многочисленностью Рейсъ младшей линіи, гдѣ очень большое количество незамужнихъ старыхъ дѣвицъ. Громадное количество принцевъ Рейсъ состоитъ генералами въ королевско-прусской арміи. Въ старшей линіи Рейсъ дѣвицы, очевидно, были менѣе разборчивы и имѣли больше при-

даного. И если имъ не удалось выйти замужъ за коронованныхъ особъ или принцевъ, то онѣ пристроились за богатыми помѣщиками баронскаго и фонскаго званія.

Если попробовать теперь сдѣлать минимальный приблизительный расчетъ того, что стоятъ нѣмецкой націи содержаніе ея двадцати двухъ династій, то по самому скромному расчету ежегодно расходуется до сорока двухъ милліоновъ марокъ на всѣ царствующія династіи, такъ что въ среднемъ одна династія стоитъ около 2-хъ милліоновъ ежегодно, если не считать, конечно, всѣхъ тѣхъ дворцовъ, парковъ, охотничьихъ домиковъ, загородныхъ помѣщеній, придворныхъ театровъ, капеллъ, музеевъ, галлерей и т. п., что представляетъ собою цѣнность многихъ милліардовъ и находится въ полномъ обладаніи царствующихъ семействъ. Точно также мы совершенно не считаемъ здѣсь тѣхъ многочисленныхъ и опять-таки весьма высокихъ окладовъ, которые получаютъ всѣ принцы, рѣшившіе возложить на себя бремя военной службы или дипломатическаго представительства. Въ общемъ выводъ можно, пожалуй, признать, что общая сумма содержанія династій сравнительно не велика. И если бы можно было всю территорію Германіи раздѣлить на двадцать двѣ провинціи или губерніи сообразно числу жителей и въ каждую губернію посадить на царство по одной династіи, то для такой богатой и романтической страны было бы совсѣмъ ужъ не такъ дорого имѣть по одному царствующему дому съ двухъ-милліоннымъ содержаніемъ на каждые 3 милліона жителей *).

Несчастьемъ Германіи является, однако, какъ разъ чрезвычайно неравномѣрное распредѣленіе династій. Одна изъ нихъ имѣетъ 15 милл. дохода и 38 милл. вѣрноподанныхъ, тогда какъ другая должна довольствоваться жалкими двумя или тремястами тысячъ при наличности всего 50.000 подданныхъ, которые принуждены вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ арендаторовъ и рабочихъ непосредственно содержать своихъ всепресвѣтлѣйшихъ господъ. Здѣсь неравномѣрности распредѣленія принцевъ соответствуетъ и такая же неравномѣрность ихъ содержанія, а это врядъ ли можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія государственной романтики.

Нельзя не подивиться вмѣстѣ съ тѣмъ той силѣ монархическаго духа и патріотическаго убѣжденія, которая заставляетъ населеніе вести изрядныя тягости, только-бы имѣть счастье быть подданнымъ какого-нибудь своего особаго царствующаго дома. Насколько — въ интересахъ самого управленія — всѣ эти маленькіе династы оказываются излишними, показываетъ хотя-бы простой примѣръ Вальдека. Здѣсь царствующій князь пришелъ къ совершенно правиль-

*) Источниками для составленія вышеприведенныхъ вычисленій послужили, главнымъ образомъ, Gothaischer Genealogischer Hofkalender 1909 г. такъ же соотвѣтственныя данныя изъ Wörterbuch der Staatswissenschaften v. Elster, B. I, 1906 и Marquardsen'sкаго Handbuch'a.

ному заключенію, что онъ вполне удовлетворить своему призванію, если только будетъ царствовать, но не управлять. Въ виду этого онъ рѣшилъ ограничиться только однимъ представительствомъ и полученіемъ присвоенныхъ его званію доходовъ, а управление и судъ передать въ другія руки. И это было тѣмъ болѣе удобно, что у сосѣдней Пруссіи имѣются отличные чиновники и суды. И путемъ торжественнѣйшаго международнаго договора между его величествомъ, королемъ Пруссіи, и его свѣтлостью, владѣтельнымъ княземъ Вальдекъ-Пирмонта, сдѣлка состоялась, на что потомъ было испрошено согласіе народныхъ представительствъ обоихъ государствъ. А князя въ дѣлѣ управленія его 60.000 подданными замѣнилъ гораздо болѣе подходящий прусскій губернаторъ со званіемъ «Landes-Direktor'a», а его свѣтлость занялся такими высокими дѣлами, какъ охотой, спортомъ и т. д.

Но тутъ надо сдѣлать маленькое замѣчаніе. Степень монархическаго одушевленія у нѣмецкаго народа была не всегда одинакова, было одно время—печальная эпоха всеобщаго потрясенія основъ,—когда и долготерпѣливый Михель сдѣлалъ было попытку замѣнить исправниками своихъ многочисленныхъ князей, герцоговъ и королей. Крамола пустила въ 1848 году такіе сильные ростки, что многіе отцы отечества подъ давленіемъ обстоятельствъ и въ избыткѣ «великодушія» отказывались даже отъ права исключительной собственности на государственныя земли и возвращали народу его достояніе. И народъ тогда не отличался излишней жадностью; цѣлый рядъ конституцій и договоровъ, заключенныхъ между народами и князьями въ періодъ «сумасшедшаго» года, показываетъ намъ, что народъ удовлетворился очень малымъ. Онъ даже не желалъ полнаго изгнанія своихъ сувереновъ и отцовъ—только въ нѣкоторыхъ, особенно революціонныхъ мѣстностяхъ дѣло заходило такъ далеко; въ большинствѣ же случаевъ дѣло ограничивалось возвращеніемъ доменовъ государству и назначеніемъ казеннаго содержанія суверену и его династіи въ видѣ вотируемаго палатами или сословіями цивильнаго листа и апанажей... Само собою разумѣется, однако, что такая крамола, съ одной стороны, и великодушіе—съ другой продолжались весьма недолго. И послѣ соотвѣтственныхъ разстрѣловъ и усмиреній династы опять получили обратно въ свои руки домены, а народъ удовлетворился тѣмъ, что нѣкоторые монархи все-же хотъ часть своихъ доходовъ рѣшили удѣлять, между прочимъ, и на государственныя нужды. Въ нѣкоторыхъ «пересмотрѣнныхъ» послѣ 1852 г. конституціяхъ, какъ мы уже познакомились съ этимъ выше, было даже принято, чтобы князья цѣлую половину доходовъ съ доменовъ отдали на благо и процвѣтаніе своего любезнаго народа и этимъ обезпечили казнѣ хотъ нѣкоторый притокъ необходимыхъ средствъ.

Но пора бунта и крамолы прошла. И если кто серьезно занялся экспроприаціей династій, то это никто иной, какъ Бисмаркъ

и его министерства особенно въ періодъ 1866 года. Революціонный народъ по сравненію съ Бисмаркомъ оказался воплощеніемъ кротости и доброты. Въ 1848 г. народъ желалъ только возвратить отнятые у государства домены, монархамъ же обеспечивалъ полное содержаніе. Не такъ дѣйствовалъ желѣзный канцлеръ. Когда гессенскій курфюрстъ былъ выгнанъ изъ Кургессена за свою приверженность къ Австріи, побѣдители не поцеремонились отобрать у него буквально все, что только можно было, и лишь отказомъ отъ всякихъ правъ на престолъ купилъ себѣ кое что изъ экспропрированного добра ближайшій родственникъ низвергнутаго курфюрста. Тутъ уже ни о какихъ цивилизныхъ листахъ не было ни малѣйшей рѣчи. То же было сдѣлано съ Нассау и Ганноверомъ. Что было названо «преступленіемъ» со стороны народа, то оказалось патріотическимъ подвигомъ со стороны бисмарковской Пруссіи и ея штыковъ.

Во всякомъ случаѣ, въ составъ новой имперіи, и за утратой трехъ династій, вошло цѣлыхъ двадцать-двѣ, и нѣмецкимъ подданнымъ въ достаточной степени обезпечена возможность проявлять свой легитимизмъ. Надо прибавить, что, кромѣ царствующихъ династій, сохранилась еще цѣлая масса не царствующихъ, оставшихся еще отъ наполеоновскаго хозяйства. Какъ извѣстно, до знаменитаго «Reichsdeputationshauptschluss'a» 1803 г. въ Германіи считались монархіи не десятками, а сотнями, и чуть-ли не на каждаго десяти тысячъ подданныхъ приходилось по одной династіи «Божіей милостью». Среди этихъ династовъ было достаточное количество духовныхъ государей, царей-епископовъ и герцоговъ-монаховъ. Благодѣтельная волна наполеоновскихъ нашествій, къ счастью для Германіи, смыла цѣлые десятки духовныхъ и свѣтскихъ коронъ съ лица земли и замѣнила по принадлежности исправниками вѣнчаныхъ монарховъ. Однако, и эта «революція» вмѣстѣ съ торжествомъ корейканскаго антихриста отошла въ область преданій. Настала опять эпоха монархизма и легитимизма. По существу слѣдовало возвратить по принадлежности земли экспропрированнымъ монархамъ. Но принципъ хотя-бы и самый высокій—одно, выгода—другое. И медиатизованные владыки были вознаграждены болѣе «духовнымъ» образомъ. По статьѣ XIV союзныхъ постановленій изъ бывшихъ сувереновъ создано особое привилегированное сословіе «Standesherren» или высокаго дворянства—«des hohen Adels». За ними признаны права равнородства съ царствующими фамиліями, а самое главное—имъ были оставлены громадныя владѣнія въ предѣлахъ ихъ бывшихъ монархій. Такъ создался привилегированный классъ не царствующихъ династій.

И ужъ если измѣрять силу романтизма или просто долготерпѣнія въ нѣмецкомъ народѣ, силу консерватизма и правовой традиціи среди его господствующихъ классовъ, то воистину къ царствующимъ династіямъ въ извѣстномъ смыслѣ должно причислить всѣхъ бывшихъ владыкъ съ ихъ замками и фиденкоммисами, съ

ихъ привилегіями и равнородствомъ, свободой отъ важнѣйшихъ повинностей и колоссальнымъ имуществомъ. У нихъ права наслѣдованія идутъ такъ же, какъ права престолонаслѣдія у царей, и у нихъ родъ, династія, домъ имѣютъ характеръ особой корпораціи. Нечего и говорить, что потомками этихъ бывшихъ монарховъ переполнены высшія придворныя, военныя и дипломатическія должности, такъ же, какъ высшія мѣста по гражданской службѣ.

Всего такихъ медиатизированныхъ сейчасъ сохранилось 55 семей *) изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ на рѣдкость многочисленную и развѣтвленную родню, распадутся на старшія и младшія линіи и состоятъ въ близкомъ родствѣ особенно съ мелкими, царствующими въ Германіи, домами. Большая часть этихъ бывшихъ династій пристроена въ Германіи, хотя нѣкоторыя нашли себѣ пріютъ и обезпеченіе въ Австріи.

Итакъ, двадцать два величества, высочества и свѣтлостей царствующихъ, пятьдесятъ нятъ медиатизированныхъ свѣтлостей и сіятельствъ и цѣлыя тысячи владѣтельныхъ и невладетельныхъ принцевъ и принцессъ... Ужъ какой тутъ капиталистическій шаблонъ, гдѣ тутъ капитализмъ, когда на всѣхъ путяхъ его поднимаются старыя фидеикоммисы, а неотчуждаемая, неприкосновенная, неподлежащая ни долгамъ, ни раздробленію собственность гордо возноситъ свои патримоніальныя устои...

Нѣтъ, рано еще жаловаться на однообразіе и шаблонъ современности. Живъ еще міръ королей и герцоговъ, міръ пажей и придворныхъ дамъ, міръ пестрой жизни геральдическихъ символовъ и генеалогическихъ катастрофъ! Прошлое слишкомъ рано похоронили: оно еще живетъ.

II.

Германія вообще страна титулярнаго романтизма. Здѣсь положительно нѣтъ простыхъ смертныхъ. Только развѣ одни социалисты да рабочіе называютъ другъ друга г-нъ Мейеръ, г-нъ Шульцъ. Все остальное титуловано. Едва только достигнетъ молодой чело-

*) Вотъ эти фамиліи въ порядкѣ Готскаго календаря, это: Аренбергъ, Ауершпергъ, Бентгеймъ, Вентинкъ, Кастелль, Коллоредо-Маннсфельдъ, Крои (Кроу), Дитрихштейнъ, Ербахъ, Естергази, Фуггеръ, Фюрстенбергъ, Гихъ, Гаррахъ, Гогенлоэ, Изенбургъ, Кевенгюллеръ-Мечъ, Кенигсэггъ-Аулендорфъ, Кнефштейнъ, Лейнингенъ, Лейнингенъ-Вестербургъ, Лейенъ, Лобковицъ, Лоозъ и Корсваремъ, Левенштейнъ-Вертгеймъ, Меттернихъ-Виннебургъ, Рейшпергъ, Эттингенъ, Ортенбургъ, Паппенгеймъ, Платенъ-Галермундъ, Пюклеръ-Лимпургъ, Квадтъ-Выкрадтъ-Исны, Рехбергъ и Ротен-левенъ, Рехтеченъ-Лимпургъ, Розенбергъ, Сальмъ, Сайнъ и Витгенштейнъ, Шэсбергъ, Шлицъ, Шёнборнъ, Шёнбургъ, Шварценбергъ, Сольмъ, Штарембергъ, Штольбергъ, Турнъ и Таксисъ, Тёррингъ, Траутмансдорфъ, Вальдботтъ, Вальдбургъ, Видъ, Виндишъ-Грецъ, Вурмбрандтъ.

вѣкъ 22—23 лѣтъ, онъ уже предупредительно возводится всѣми въ званіе «господина доктора», сирѣчь окончившаго высшее учебное заведеніе. И какъ только дѣйствительно совершился этотъ великій актъ въ жизни человѣка, мы уже имѣемъ одинъ изъ первыхъ титуловъ и предикатовъ, украшающихъ страну. Съ окончаніемъ ученія Мейеръ становится неоспоримымъ господиномъ докторомъ, жена его становится госпожей докторшей и только дѣти почему-то не называются господами и госпожами докторями.

Подобное-же пристрастіе къ титуламъ находимъ мы и въ торгово-промышленной, и просто бюргерской средѣ. Господинъ купецъ, господинъ архитекторъ, господинъ владѣлецъ рыцарскаго имѣнія, господинъ помѣщикъ, господинъ директоръ, господинъ начальникъ и т. п. представляютъ собой пышный цвѣтникъ титуловъ, которые съ успѣхомъ замѣняютъ собой демократическаго Мюллера или Шмидта. Особеннымъ успѣхомъ, конечно, пользуется «господинъ директоръ»: таковой имѣется и въ акціонерной компаніи, и въ странствующей труппѣ, и въ кассѣ ссудъ.

Малѣйшее официальное положеніе даетъ титулъ: тутъ и господинъ счетный совѣтникъ, и г. почтовый секретарь, и г. ректоръ (городскаго училища), и г. бургомистръ, и г. членъ ревизіонной комиссіи и т. д. безъ конца. Замѣчательно, между прочимъ, что въ качествѣ особой привилегіи медиатизированнымъ фамиліямъ дано право давать своимъ приказчикамъ и управляющимъ особые титулы лѣсныхъ совѣтниковъ, горныхъ секретарей, камерныхъ ревизоровъ, хозяйственныхъ инспекторовъ и т. п. Въ видѣ особой милости жалуются и городамъ право называть своихъ членовъ управы муниципальными совѣтниками, а служащихъ—секретарями и счетными совѣтниками.

Нечего и говорить, что сколько-нибудь замѣтный служебный чинъ здѣсь производитъ настоящую сенсацію. Надворный совѣтникъ это уже великая фигура, старшій административный совѣтникъ, судебный совѣтникъ, это—что наши генералы, а тайный—вѣнецъ мечтаній всякаго служащаго, занимающаго любой постъ, нѣмца. Неудивительно отсюда, что наши благополучные россияне, пріѣзжая сюда по всякимъ лѣчебнымъ и увеселительнымъ дѣламъ, производятъ здѣсь великій фуроръ. Обозначенный на визитной карточкѣ чинъ надворнаго, и тѣмъ болѣе статскаго совѣтника заставляютъ погружаться нѣмцаго обывателя въ настоящую катаlepsію восторга и благоговѣнія. Но больше всего здѣсь преуспѣваютъ наши штатскіе «генералы». Предикатъ «превосходительства» здѣсь всегда предметъ особаго пожалованія, и его не имѣютъ даже тайные совѣтники. И когда изъ Россіи является юный статскій совѣтникъ и ради шику приписываетъ себѣ дѣйствительнаго съ превосходительствомъ, то успѣхамъ его въ Германіи нѣтъ конца. Между прочимъ, въ исторіи съ пресловутымъ Гартингомъ, бывшимъ начальникомъ русской піонирской полиціи въ Берлинѣ, нѣмцевъ поразило особенно то, что

бывшій агентъ-провокаторъ и по должности шпіонъ былъ — о, ужасъ!—русскимъ статскимъ совѣтникомъ на линіи штатскаго превосходительства. Къ сожалѣнію, это совѣтъ не анекдотъ, а самая настоящая правда, что даже заслуженнѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ здѣшнихъ ученыхъ требуютъ какъ разъ государственной титулатуры и обижаются, когда ихъ называютъ просто г. профессоръ. Такъ было съ покойнымъ Куно Фишеромъ, который на обращеніе: «г. профессоръ»?—отвѣтилъ съ гнѣвомъ: «я—ваше превосходительство, а не профессоръ!»

Не менѣе магическое дѣйствіе имѣютъ здѣсь ордена. Изъ двадцати двухъ монархій, входящихъ въ составъ имперіи, каждая имѣетъ по одному, а то и по поддюжинѣ орденовъ. Тутъ черные и красные орлы, и перингенскіе львы и всевозможные медвѣди, грифы и драконы, и весь календарь святыхъ, начиная съ Людвига и кончая Фридрихомъ, и желѣзные кресты, и гражданскія заслуги. И, удивительное дѣло, эти знаки отличія до сихъ поръ не пріѣлись и не надоѣли нѣмцамъ. Напротивъ, это цѣлое событіе, когда къ какому-нибудь крестнику специально жалуется еще вѣночекъ и корона: съ гордостью чувствуетъ себя гражданинъ великой имперіи на вершокъ выше людей, лишенныхъ и ленточки, и вѣночка, и короны. И здѣсь опять таки намъ, русскимъ, везетъ. У насъ ордена выслуживаются такъ легко, и въ обществѣ имъ придается такое малое значеніе, что у насъ совѣтъ не рѣдкость «un jeune homme si bien decoré», особенно среди юныхъ дипломатовъ. И, конечно, такой увѣшанный Станиславами господинъ можетъ разсчитывать здѣсь на самую исключительную услужливость и вниманіе.

Поражаетъ иностранца, особенно русскаго, въ Германіи и другое обстоятельство. Это исключительное пристрастіе къ наименованію королевскій, императорскій, княжескій и т. п. Это объясняется очень легко исторически, такъ какъ не далека еще эпоха, когда не существовало людей самихъ по себѣ, но были только люди, начальству по гробъ жизни принадлежащіе. Удивительно, однако, что и по сію пору люди, которые, казалось-бы, уже никому въ качествѣ собственности не принадлежатъ, все еще считаютъ себя на положеніи какихъ-то личныхъ служащихъ того или иного монарха и именуютъ себя не государственными, не національными, не общественными или народными слугами, а именно государевыми, хозяйскими. Странно слышать, когда профессоръ называетъ себя королевскимъ или велико-герцогскимъ, когда чиновникъ оказывается императорскимъ или графскимъ, народный учитель — княжескимъ или герцогскимъ, и даже стрѣлочникъ или кондукторъ на желѣзной дорогѣ королевскимъ или княжескимъ. Впрочемъ, здѣсь и самыя желѣзныя дороги—королевскія или герцогскія, словно онѣ принадлежатъ не странѣ, а непосредственно его величеству или высочеству.

Въ такой странѣ титулярнаго романтизма, какой является Гер-

манія, само собой, сословныя различія играютъ совершенно исключительную роль. И тотъ, кто къ своей фамилии можетъ прибавить «фонъ», «ауфъ» «цу» — «von», «auf» «und zu» — чувствуетъ себя человѣкомъ совершенно изъ другого тѣста, нежели какой-нибудь человѣкъ безъ этихъ частицъ — «Partikelchen». Правда, и здѣсь мы можемъ отмѣтить нѣкоторое распространеніе дворянскихъ привилегій на всю массу плебейскаго, по крайней мѣрѣ бюргерскаго, населенія. Это въ особенности можно замѣтить относительно «благородія» и «высокоблагородія». Когда-то эти предикаты — «Wohlgeboren» и «Hochwohlgeboren» примѣнялись только въ обращеніи къ графамъ и князьямъ. Теперь все нѣмецкое общество въ изобилии и съ наслажденіемъ титулуется другъ друга «высокоблагородіемъ»... И тѣмъ не менѣе среди бюргерства такъ велико еще обаяніе дворянства, что всякій мошенникъ, который охотится на простаковъ, также необходимо рядится здѣсь въ графа и барона, какъ въ Америкѣ въ крупнаго финансиста. Почти ежегодно разбирающіеся процессы показываютъ, что приманка на титулъ еще далеко не потеряла своего значенія, и обывательская рыбка охотно идетъ на фонскаго и баронскаго червячка.

Впрочемъ, и дворянство здѣсь на рѣдкость замкнутое, обезпеченное и іерархически организованное. Принципъ равнородства, т. е. браковъ съ равными по происхожденію лицами, держится еще довольно твердо, въ чемъ имѣетъ поддержку особенно со стороны высшаго дворянства. Поземельныя владѣнія и придворная служба, военная карьера и гражданскія должности до сихъ поръ въ рукахъ дворянства, которое на военной службѣ пользуется положительно монополіей. Но главное, конечно, майораты и фидеикоммисы, заповѣдныя и родовыя имѣнія, во многомъ сохранившія старыя вотчинныя права и патримоніальную власть...

И на этой основѣ слѣдующая іерархія: внизу простые «von», «auf» и «zu» — дворяне съ частицами; затѣмъ простые бароны и графы безъ предиката; затѣмъ имперскіе бароны, графы и князья или безъ предикатовъ, или съ предикатомъ «высокородія» — «Hochgeboren» — и княжеской милости — «fürstlicher Gnaden»; затѣмъ еще выше медиатизированные графы и князья изъ бывшихъ владѣтельныхъ «Standesherrn» съ титулами вплоть до герцога и принца и съ предикатами «сіятельства» — «Erlaucht» и «свѣтлости» — «Durchlaucht». И только надъ ними уже красуются царствующія или, увы! переставшія царствовать въ 1866 году династіи съ своими титулами и предикатами. Развѣ не великолѣпная пирамида все возвышающагося блеска и пышности, развѣ не достаточно ея для полнаго ослѣпленія и обалдѣнія смиреннаго Müller'a или Schmidt'a, снизу взирающаго на это переливающееся всеми цвѣтами фантастическое зданіе патентованнаго благородства?

Конечно, если бы какой-нибудь русскій ученый попробовалъ написать серьезнѣйшее изслѣдованіе въ видѣ объемистаго тома на

тому о титулахъ и предикатахъ русскаго дворянства, это не имѣло бы ни малѣйшаго практическаго значенія и вызвало бы только нареканія, что, де, ученые занимаются ни для кого не интересными предметами. Но когда извѣстный государствовѣдъ проф. Г. Ремъ пишетъ такое изслѣдованіе въ Германіи, книга выходитъ высоко современной и интересной. И не даромъ такой посѣдѣвшій въ генеалогической пыли ученый, какъ Кекулэ фонъ Страдоницъ, прямо упрекаетъ нѣмецкихъ государственниковъ, что они слишкомъ мало занимаются такой практически важной вещью, какъ генеалогическія таблицы и семейныя хроники свѣтлостей и высочествъ.

Но мы должны согласиться съ Кекулэ,—и даже съ точки зрѣнія иностранца. Дѣло въ томъ, что нѣмецкія династіи имѣютъ далеко не одно мѣстное значеніе. Это вовсе не туземные курьезы, которые могутъ привлечь только праздное любопытство. Дѣло въ томъ, что нѣмецкія династіи владѣютъ совсѣмъ не одной Германіей. Напротивъ того, въ существѣ своемъ онѣ вовсе не такъ связаны съ Германіей и вообще съ отдѣльнымъ государствомъ, какъ это можетъ показаться. Германія посылаетъ свои династіи и за-границу. И отнюдь не одни только нѣмцы съ благоговѣніемъ взираютъ на своихъ принцевъ и принцессъ.

Если мы сначала прослѣдимъ только отдѣльныя династіи въ мужской линіи, мы не можемъ не замѣтить весьма интересныхъ вещей. Есть династіи, которыя царствуютъ сразу въ нѣсколькихъ государствахъ. Такъ, въ предѣлахъ самой Германіи Веттины властвуютъ не только въ Саксоніи, но и во всѣхъ маленькихъ саксонскихъ государствахъ, въ Саксенъ-Веймарѣ, Саксенъ-Мейнингенѣ, Саксенъ-Альтенбургѣ и Саксенъ-Кобургъ-Готѣ. Кромѣ того, та же саксонская династія черезъ посредство саксенъ-кобургъ-готской линіи вышла далеко за предѣлы имперіи.

Благодаря многимъ счастливымъ обстоятельствамъ, этой династіи удалось дать англійской королевѣ Викторіи ея возлюбленнаго супруга, принца Альберта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посадить на англійскій престолъ своихъ потомковъ. Такъ, Веттины сдѣлались королями Великобританіи и императорами Индіи. Столь же счастливо вѣдрился и другой принцъ той же династіи въ другое королевство. Это—принцъ Фердинандъ, который сталъ не менѣе счастливымъ супругомъ португальской королевы Маріи II да Глоріа, а съ тѣмъ вмѣстѣ не только самъ получилъ титулъ короля, но и наградилъ Португалію хорошей нѣмецкой кровью Саксенъ-Кобургъ-Готы. Такія двѣ удачныя женитьбы, очевидно, достаточно оправдали способности саксонскихъ принцевъ, и Бельгія призвала одного изъ нихъ въ качествѣ своего короля, Леопольда, а Болгарія послѣ того, какъ разсталась съ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ, пригласила къ себѣ саксенъ-кобургъ-готскаго принца Фердинанда на свой сначала княжескій, а теперь королевскій престолъ. Такимъ образомъ, саксонская династія Веттиновъ владѣетъ Англійей,

Бельгіей, Португаліей, Болгаріей, Саксоніей, Саксенъ-Веймаромъ, Саксенъ-Мейнингеномъ и Саксенъ-Альтенбургомъ,—итого, пятью королевствами и тремя герцогствами.

Почти столь же счастливой является другая нѣмецкая династія, а именно, Шлезвигъ-Гольштейнъ въ своихъ важнѣйшихъ линіяхъ.

Остальныя нѣмецкія династіи далеко не могутъ похвалиться такимъ международнымъ успѣхомъ. Гогенцоллерны, напримѣръ, имѣютъ пока только два королевства: Пруссію и Румынію; Виттельсбахи, кромѣ Баваріи, не сумѣли утвердиться даже въ Греціи.

Послѣ этихъ соображеній мы возвращаемся съ удвоеннымъ интересомъ къ германскимъ династіямъ: ихъ организація и отношеніе къ государству получаютъ не только теоретическое, но и практическое значеніе. Но прежде надо хоть отчасти выяснитъ ту общественную основу, на которой такъ пышно развиваются царствующія и не царствующія нѣмецкія династіи. Выше мы уже отмѣтили финансовую и землевладѣльческую почву, обезпечивающую принцевъ и принцессъ въ ихъ приличномъ сану положеніи. Теперь нельзя не упомянуть о той чисто-психической атмосферѣ, которая окружаетъ ихъ со стороны бюргерской среды.

Какъ уже не безъ труда можно догадаться, здѣсь въ широкіхъ кругахъ средняго класса царитъ самое настоящее обожаніе и низкопоклонство по отношенію къ династіямъ и ихъ фамиліямъ. На безчисленныхъ открыткахъ популяризируются самыя ничтожныя событія изъ семейной жизни принцевъ и государей. Добрая половина иллюстрацій въ журналахъ отводится для ихъ портретовъ и всяческихъ торжествъ, гдѣ высочество или свѣтлость открываютъ памятники, ѣздятъ на автомобиляхъ, участвуютъ въ гонкахъ, играютъ въ лаунъ-теннисъ, поднимаются на воздушныхъ шарахъ, стрѣляютъ зайцевъ и фазановъ, встрѣчаются и прощаются, обнимаются и расходятся, крестятъ своихъ дѣтей или сопровождаютъ мертвыхъ на мѣсто послѣдняго успокоенія. Но правдѣ сказать, всѣ эти принцы и принцессы, герцоги и короли проводятъ добрую половину своей жизни на какой-то постоянной выставкѣ подъ стекломъ, гдѣ за ними постоянно слѣдитъ не только полиціантъ, охраняющій ихъ безопасность, но и репортеръ придворнаго отдѣла, фотографъ отъ иллюстрированнаго журнала, фотографъ же для кинематографической ленты, хроникеръ спорта и безчисленное множество бюргерства, которое перевариваетъ затѣмъ всѣ эти иллюстраціи и замѣтки, сообщенія и телеграммы.

Въ послѣднее время въ либеральной прессѣ обратили вниманіе на очень интересный бытовой фактъ. Тѣ принцы, которые посѣщаютъ нѣмецкіе университеты, не помѣщаются въ общіе алфавитные, печатные списки студентовъ на ряду со всѣми. Изъ присущаго нѣмцамъ византизма ихъ выдѣляютъ впередъ, ставятъ ихъ внѣ «а» и «б», печатаютъ причудливо жирнымъ шрифтомъ ихъ имена, титулы, званія и предикаты. По этому поводу даже состоялась

маленькая анкета. Однако тѣ же либеральныя газеты не упускаютъ случая сообщить своимъ читателямъ такую радостную вѣсть, что одинъ изъ многочисленныхъ Рейсовъ соизволилъ присутствовать тамъ-то и тамъ-то на торжествѣ освященія знаменъ какого-нибудь клуба престарѣлыхъ атлетовъ и при этомъ поднялъ бокалъ за процвѣтаніе великаго отечества, или что къ наличному составу медиатизированнаго Гогенлоэ прибавился путемъ законнаго рожденія еще юный, но уже полноправный и равноправный принцъ съ титуломъ его княжеской милости.

При такомъ настроеніи бюргерства естественно образуется настоящая теплица для взращиванія сословной отчужденности, корпоративной замкнутости и превосходства. Создается мистицизмъ крови и происхожденія. Воскрешается легенда объ истинно-германскомъ правѣ, которое освящаетъ чистоту княжеской крови и защищаетъ ея источникъ отъ грязи плебейскаго зараженія. Услужливые антропологи, вродѣ Аммона, создаютъ цѣлое ученіе объ особыхъ таинственныхъ свойствахъ этой крови. Противъ новой государственности идутъ въ бой такіе государственники и юристы, какъ Арндтъ и Колеръ, и ниспровергаютъ либеральную крамолу въ видѣ ученій Еллинека, Аншюца и Г. Мейера. Мало того, рядомъ съ государствомъ, внѣ его или, по крайней мѣрѣ, внѣ массы простыхъ подданныхъ, создается какой-то мистическій орденъ крови, замкнутая корпорація избранныхъ и прирожденныхъ владыкъ. Уже не короли царствуютъ надъ народами, а династіи, и ихъ законъ не только изъемлется отъ подчиненія общему государственному закону, но во многомъ конкурируетъ съ нимъ и побѣждаетъ его.

Надо сказать, что всѣ эти ученія имѣютъ свое оправданіе не только въ психологін современнаго общества, но и въ юридическомъ положеніи династій. Меньше всего, однако, можно здѣсь опираться на исконныя начала германскаго духа или традиціи стараго нѣмецкаго права. И то, и другое здѣсь совершенно не при чемъ.

Первоначальныя различія въ старомъ нѣмецкомъ обществѣ менѣе всего были похожи на нынѣшнія. Тамъ было одно различіе свободныхъ и несвободныхъ, и первые всѣ считались другъ другу равными — какъ разъ по крови. Только въ позднѣйшей исторіи создались различныя ступени или градусы свободы, и въ Швабскомъ Зерцалѣ мы находимъ уже попытку раздѣлить по крови самыхъ свободныхъ — *semperfrei* — отъ средне-свободныхъ — *mittelfrei* — и просто свободныхъ — *frei*, и запретить браки между ними. Но такая тенденція продолжалась сравнительно недолго. Господство римскаго права и новыя понятія свободной собственности и свободного брака разбили рамки между отдѣльными группами свободныхъ, и до второй половины XVI вѣка происходитъ всеобщій «*mesalliance*» нѣмецкихъ господъ, которые въ это время не только не гнушаются грязной бюргерской крови, но возводятъ на свой владѣтельный тронъ—*horribiele dictu*—даже доче-

рей мужиковъ и лакеевъ. Вотъ это-то и былъ тотъ по-истинѣ печальный для нынѣшнихъ патріотовъ періодъ, когда широкимъ потокомъ красная кровь плебеевъ, не говоримъ уже о низшемъ дворянствѣ, слилась съ голубою кровью господъ и на вѣки лишила ее вождѣльной чистоты.

Но съ XVI в. дѣло пошло совершенно иначе. И этотъ новый процессъ какъ разъ въ XVIII вѣкѣ достигъ своего завершенія. Было это возрожденіе германскаго духа? старого, гдѣ-то въ тайникахъ скрывавшагося, права? Отнюдь нѣтъ. Если и на самомъ дѣлѣ въ эту эпоху совершается процессъ сознательнаго и планомѣрнаго раздѣленія сословій, а въ высшемъ, властвующемъ слоѣ, наряду съ единонаслѣдіемъ, вводится принципъ равнородства—*Ebenbürtigkeit*,—который совершенно устраняетъ возможность браковъ внѣ предѣловъ своего сословія, то это происходитъ въ силу совершенно новыхъ явленій. Такими должно считать образованіе уже не феодальныхъ, а патримоніальныхъ, частнохозяйственныхъ комплексовъ землевладѣнія и приобрѣтеніе суверенитета этими новыми помѣщиками въ качествѣ государей на своихъ земляхъ. Въ XVIII вѣкѣ заканчивается это преобразованіе стараго *feudum* въ *allodium*, или условной собственности въ полную, при чемъ послѣдняя получаетъ извнѣ государственную независимость. Не нѣмецкое древнее право, а очень опредѣленно и рѣзко выраженное опасеніе раздробленія вотчины-государства легло въ основу исключительности владѣтельной крови, и не наслѣдіе героическаго духа, а забота о блескѣ, процвѣтаніи и богатствѣ династіи привела къ требованію женитьбы на равнородныхъ или иначе изъ того же обезпеченнаго круга происходящихъ особахъ.

Совершенно тотъ же мотивъ встрѣчаемъ мы вездѣ, гдѣ родители стремятся обезпечить дѣтямъ и потомству извѣстный матеріальный достатокъ. Вездѣ въ состоятельныхъ кругахъ смотрятъ косо на безприданницу, на разныхъ «выскачекъ» изъ низшаго класса, которыя такъ мало склонны беречь не ими накопленное и имъ даромъ доставшееся имущество. Особенно чувствуется такая тенденція въ землевладѣльческой средѣ. Здѣсь излишнее количество наслѣдниковъ можетъ погубить все имѣніе и навсегда затянуть его въ долговую петлю, если даже не производится формальный раздѣлъ имущества. Очень наивно и откровенно этотъ мотивъ высказываютъ многочисленныя завѣщанія патримоніальныхъ династовъ XVIII вѣка. «Чтобы не было слишкомъ много необезпеченныхъ наслѣдниковъ»—въ этомъ была ихъ главная забота, и лучшимъ средствомъ здѣсь было запрещеніе браковъ «*cum persona plebeja*» или «*mit gemeinem bürgerlichem Frauenzimmer*». Браки морганатическіе, съ лѣвой руки, при этомъ даже поощрялись: вѣдь такая жена и дѣти не имѣли никакихъ правъ на родовое имѣніе, на семейную собственность отца и супруга. Другое дѣло, если неравнородная супруга изъ низшаго дворянства или даже изъ бюр-

герской семьи обладала хорошими капиталами. Тогда дѣло устранилось очень просто, спрашивались всѣ заинтересованные родственники, за ихъ согласіемъ, конечно, остановки не было, а затѣмъ за опредѣленное вознагражденіе (по особой довольно дорогой тактѣ) священное римское величество нѣмецкой націи выдавало нужный патентъ, и неравнородная супруга, украшенная болѣе или менѣе звонкими титулами, становилась родоначальницей будущихъ свѣтлостей или высочествъ.

Съ исторической точки зрѣнія поэты династической миеологіи совершенно не правы. И мы собственно не понимаемъ, затѣмъ здѣсь нужна во чтобы то ни стало легенда во вкусѣ московской хронологіи, производившей русскихъ царей отъ Августа. Намъ кажется, что гораздо проще можно обосновать сверхъ государственное положеніе новыхъ династій, если прямо ознакомиться съ ихъ современнымъ юридическимъ положеніемъ.

А такое представляетъ много интереснаго.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія такъ называемая автономія династической корпораціи. Последняя совершенно не связана съ опредѣленнымъ государствомъ и его территоріей. Понятіе династіи охватываетъ собой всѣхъ лицъ, происходящихъ въ мужскомъ потомствѣ по прямой линіи отъ родоначальника, безразлично отъ того, гдѣ они пребываютъ или царствуютъ. Въ виду этого членами голштинскаго дома одинаково считаются и герцогъ ольденбургскій, и датскіе принцы, и принцы греческіе. Мало того, высшій глава или шефъ опредѣленной династіи можетъ быть вмѣстѣ государемъ одной страны, а ему подчиненные члены—правителями или членами царствующаго дома совершенно другой.

Характерную черту современнаго династическаго права составляетъ и другое явленіе. Престолонаслѣдіе и распоряженіе вакантными престолами, несмотря на все конституціонное законодательство по этому вопросу, все же въ концѣ концовъ регулируется имѣющими право на престолъ родственниками, находящимися въ самыхъ различныхъ странахъ. Такъ, англійскіе принцы путемъ договоровъ и отказовъ отъ правъ на Саксенъ-Кобургъ-Готскій престолъ обезпечили его одному изъ своихъ родственниковъ. Это необходимо вытекаетъ изъ понятія права на престолъ, которое принадлежитъ монарху въ силу его кровнаго происхожденія отъ опредѣленныхъ предковъ. И конституціи здѣсь очень мало могутъ помочь. Съ одной стороны, монархъ всегда можетъ воспользоваться правомъ veto, а съ другой—право на престолъ есть все же право, а не обязанность. А своимъ правомъ каждый воленъ распоряжаться, поскольку это не связано съ ущербомъ для другихъ, тоже управомоченныхъ, лицъ. И никто не можетъ помѣшать членамъ опредѣленной династіи, сидящимъ въ разныхъ государствахъ, путемъ ряда соглашеній и отказовъ посадить на престолъ въ данную страну какъ разъ того родственника, котораго они желаютъ.

Не менѣе замѣчательно другое обстоятельство. Когда какой-нибудь иностранный принцъ становится супругомъ царствующей въ государствѣ королевы, онъ, по общему правилу, предварительно натурализуется, т. е. путемъ особаго акта становится сначала гражданиномъ той страны, на главѣ которой онъ женится. Наоборотъ, въ случаѣ перехода престола по наслѣдству къ иностранному принцу, послѣдній вовсе не нуждается въ особомъ процессѣ натурализаціи. Будучи иностранцемъ, онъ прямо садится на доставшійся ему тронъ.

Своеобразныя черты представляетъ собой и такъ называемое семейное законодательство. Оно возникло еще въ ту благодатную эпоху, когда въ составѣ княжескаго имуществъ не дѣлалось никакого различія между лѣсными угодьями и правомъ на отправленіе суда, между поступленіями съ пахотной земли и ярмарочнымъ сборомъ. Несмотря на публичный характеръ отношеній къ «Land und Leute», они цѣликомъ трактовались въ составѣ частнаго владѣнія князей и также передавались по наслѣдству, по договорамъ и т. п. Такъ образовалось особое частное княжеское право, сложились обычаи и традиціи, которые и нашли свое выраженіе въ многочисленныхъ завѣщаніяхъ, договорахъ о раздѣлѣ и наслѣдованіи княжествъ, леновъ и аллодовъ, въ такъ называемыхъ братскихъ договорахъ о наслѣдствѣ—*Erbverbrüderungen* и т. п. И когда пришло новое государство съ отмѣною частнаго владѣнія на «землю и людей», то, казалось бы, старый порядокъ долженъ былъ исчезнуть безъ слѣда. На дѣлѣ, однако, вышло иначе.

Правда, во время господства абсолютизма мы видимъ, какъ отдѣльные деспоты пытаются цѣликомъ замѣнить фамиліальное право исключительно велѣніемъ своей державной воли. Можно даже подумать, что старая династія, какъ корпорація родственниковъ, перестала существовать. Новые положенія и статуты о королевской или герцогской фамиліи уже издаются безъ малѣйшаго участія и согласія родственниковъ, старые обычаи—*Observanzen*—болѣе не соблюдаются, завѣщанія и договоры предковъ отмѣняются однимъ почеркомъ суверенной руки. Однако съ введеніемъ конституціоннаго строя оживаютъ, какъ это ни покажется страннымъ, фамиліальныя и патримоніальныя традиціи. Суверенъ, противопоставленный народному представительству, ищетъ опоры въ легитимизмѣ и династіи. Монархъ, затмившій было династическій принципъ, опять возвращается къ нему, и рѣзко обрисовывается въ качествѣ государственно-существеннаго фактора не государь, а династія, фамилія, домъ.

Съ возрожденіемъ династій, конечно, получили опять значеніе и старые источники фамиліальнаго права. Во многихъ нѣмецкихъ государствахъ договоры между родственниками и по соглашенію съ ними изданные семейные статуты до сихъ поръ регулируютъ такія въ высшей степени важныя области государства, какъ порядокъ

престолонаслѣдія, регентства, семейной дисциплины, особой подсудности членовъ династій и т. п. Въ другихъ нѣмецкихъ монархіяхъ сохранилось довольно оригинальное сочетаніе семейнаго и государственнаго законодательства, при чемъ для перемѣны или измѣненія фамилнаго статута и монархическаго права требуется, съ одной стороны, согласіе всѣхъ взрослыхъ и полноправныхъ членовъ царствующаго рода, съ другой—согласіе народнаго представительства.

Только въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ или очень было сильно демократическое движеніе 1848 г., или гдѣ особенно сильны традиции абсолютизма, государству удалось взять цѣликомъ въ свои руки династическое право. Если здѣсь и оставлено за главой государства право регулировать фамилныя отношенія путемъ изданія особыхъ узаконеній и положеній, то они имѣютъ силу простыхъ административныхъ распоряженій и въ силу этого не должны противорѣчить государственнымъ законамъ. Въ такихъ государствахъ фамилный статутъ обыкновенно долженъ быть проведенъ въ порядкѣ обыкновеннаго законодательства.

Послѣдней чертой, которая рѣзко отдѣляетъ династію отъ простыхъ и даже самыхъ высокотитулованныхъ подданныхъ, являются, наконецъ, тѣ положенія дѣйствующаго права, которыя снабжаютъ усиленной защитой и своего рода безотвѣтственностью членовъ династїи. Эти особыя права такъ значительны и серьезны, что не такъ не правы писатели, полагающіе, что члены династїи вообще не могутъ быть признаны «подданными», а скорѣе особымъ коллективнымъ «органомъ» власти, стоящимъ внѣ государственныхъ подданныхъ вообще.

Въ самомъ дѣлѣ, что обозначаетъ такъ называемая усиленная уголовная защита или усиленная неприкосновенность сама по себѣ? Просто здѣсь идетъ дѣло о такой защитѣ, которая присуща династїи, какъ чему-то особенно дорогому и высокому для націи, такому, что во что-бы то ни стало должно быть высоко поставлено и ограждено отъ всякой, даже дозволительной по отношенію ко всякому другому, прикосновенности. Въ меньшей степени такую особую защиту находимъ мы по отношенію къ различнымъ носителямъ власти, представителямъ государства. Но тамъ исключительное положеніе компенсируется усиленными обязанностями даннаго лица и его необходимой отвѣтственностью. По отношенію къ членамъ династїи нѣчто совсѣмъ другое. На нихъ не лежитъ никакихъ государственныхъ обязанностей, и они не только не подлежатъ усиленной служебной или должностной отвѣтственности, наоборотъ, они въ уголовномъ и дисциплинарномъ порядкѣ совершенно изъяты отъ всякаго регулярнаго или даже высшаго государственнаго суда. Они судятся особымъ семейнымъ судомъ или семейнымъ главою, при чемъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ такого суда семейной совѣтъ—*Familiengerat*—династїи.

Всѣ эти привилегіи въ связи съ освобожденіемъ отъ такихъ для каждаго гражданина «священныхъ» повинностей, какъ воинская, отъ несенія такихъ «высокихъ» обязанностей, какъ уплата податей и налоговъ, дѣйствительно, отрѣзаетъ династію отъ всѣхъ остальныхъ гражданъ и дѣлаетъ изъ нея выѣ и надъ государствомъ стоящій союзъ, особую священную и неприкосновенную корпорацію, не знающую ни границъ государственной территоріи, ни подчиненія общимъ государственнымъ законамъ, ни несенія общихъ гражданскихъ повинностей. Припомнимъ, а на примѣрѣ германскихъ династій это можно видѣть какъ разъ съ наибольшей ясностью, что присущъ еще и космополитическій, интернаціональный характеръ. Герцоги голиштинскіе, стормарнскіе и дитмарисенскіе, герцоги саксонскіе, мейсенскіе и тюрингенскіе, герцоги кобургскіе и готскіе, маркграфы бранденбургскіе, Асканіи и Веттины, Гогенцоллерны и Виттельсбахи, Габсбурги и Вельфы и всѣ безчисленные не менѣ славныя и древнія династіи—вотъ та сила, которая создаетъ свое государство надъ государствами и, несмотря на всѣ международныя столкновенія и войны, образуетъ одинъ высоко-привилегированный классъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣсно сплоченную кровью и традиціями семью.

III.

Порядокъ наслѣдства въ мужскомъ потомствѣ по прямой линіи въ порядкѣ первородства, это — основной, исторически выработанный, аппаратъ, лучше всего предохраняющій родовое добро отъ раздѣла и расточенія, и этотъ порядокъ перешелъ съ имущества на государство и тутъ отлично оправдалъ себя. Кровь и создала соотвѣтственную идеологію. Отъ «отца» она заимствуетъ свои понятія и создаетъ фикцію отца въ лицѣ каждаго наличнаго главы семьи или дома; и этого вѣчносмыняющагося «отца» фамиліная этика дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своихъ велѣній. Ему и любовь, и преданность, и послушаніе, и благоговѣніе, и высшее руководство, и почетъ. И не за страхъ, а за совѣсть. Главѣ фамиліи, какъ отцу, принадлежитъ высшій надзоръ за воспитаніемъ всего молодого поколѣнія династіи, и ему присвоенъ особый надзоръ или дисциплинарная власть надъ «любезными» родственниками, о тишинѣ, мирѣ, порядкѣ и благосостояніи которыхъ глава династіи призванъ прежде всего заботиться. Отецъ, прародитель, родитель—это первый центръ, отъ котораго въ порядкѣ послѣдовательныхъ поколѣній кругами расходитя другъ друга смыняющее потомство.

Бракъ совершенно теряетъ свой нравственный характеръ и меньше всего становится союзомъ любви, да это и не нужно, такъ какъ любовь въ качествѣ официально признанной нормы уже перешла

на весь родъ, какъ искусственную, большую и важнѣйшую семью. И если женятся и выходятъ замужъ принцы и принцессы, то по соображеніямъ блеска и интереса династіи или даже—въ рѣдкихъ случаяхъ—въ интересахъ государства, гдѣ властвуетъ династія. Вотъ почему мы встрѣчаемъ такъ много морганатическихъ браковъ, всевозможныхъ романтическихъ исторій и трагическихъ конфликтовъ. Въ Германіи положительно нѣтъ ни одного царствующаго дома, гдѣ не было бы какойнибудь подчасъ очень тяжелой любовной исторіи. У всѣхъ еще въ памяти исторія несчастной саксонской кронпринцессы, которая бѣжала отъ счастья официальной, открытой всѣмъ взорамъ любви и рѣшила искать себѣ хоть немного счастья для самой себя. Но такова участь прирожденной принцессы: даже въ частную жизнь ея послѣ отъказа отъ всѣхъ титуловъ и званій послѣдовали за ней въ качествѣ графини Монтиньозо и фамилійный сыскъ, и репортерское любопытство.

Морганатическіе браки могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ взяты, какъ образецъ другой характерной черты династической этики и права. Когда женится морганатическимъ бракомъ или, какъ это называли въ старину, «съ лѣвой руки» какойнибудь принцъ, то самъ онъ все же своего званія не лишается, хотя и сочетается съ неравнородной особой. Последняя, если ей не жалуются какогонибудь титула, остается «урожденной» госпожей такой-то. Но обыкновенно все же титулы жалуются. Такъ, въ Гессенѣ мы имѣемъ такую супругу въ видѣ графини Нидда, въ Баденѣ имѣются графини Рейна и Рена, въ Ольденбургѣ—г-жа Джапародзе съ титуломъ графини Царнекау и т. д. Но вотъ спрашивается теперь, можетъ ли принцесса тоже выйти замужъ морганатическимъ бракомъ, оставаясь принцессой такого-то дома, высочествомъ, свѣтлостью и т. д.?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. И вотъ почему. Кровь передается мужчиной, а не женщиной. Мужчина въ каждой династіи представляетъ собой настоящий источникъ всѣхъ правъ и особенно правъ наслѣдства. Женщина только орудіе для цѣлей рода. Поэтому только принцы, а не принцессы составляютъ корпорацію фамиліи, которая и рѣшаетъ по принципу единогласія всѣ династическія дѣла. Мужчина всегда здѣсь глава и начальникъ, женщина—существо неполноправное и подчиненное; поэтому, когда она выходитъ замужъ за неравнороднаго человѣка, она теряетъ свой титулъ и права, которыя и послѣ смерти ея бюргерскаго мужа не всегда ей возвращаются. Конечно, для тѣхъ принцессъ, которыя задыхаются въ своей золоченой клѣткѣ принудительной любви и официальныхъ чувствъ, такая возможность совсѣмъ уйти въ интимную настоящую семью болѣе, чѣмъ желательна. Такъ, несомнѣнно, очень хорошо себя чувствуетъ та виртембергская принцесса, которая вышла за-

мужъ по любви за врача Мельхиора Виллима и не думаетъ возвратиться на прежнія высоты, или доставить мужу какой-нибудь важный постъ. Г. Виллимъ благополучно практикуетъ себя и дальше. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дѣло дѣлается значительно проще, чѣмъ съ принцами. Последніе, чтобы уйти отъ дворцовыхъ ушей и глазъ, отъ этикета и придворнаго лицемерія должны — по примѣру габсбургскихъ принцевъ — формально и съ разрѣшенія главы семьи превратиться въ какогонибудь Іоанна Орта или Леспольда Вольфинга.

Неравенство мужчинъ и женщинъ въ династіяхъ и главенство сильной стороны человѣческаго рода приводитъ иногда къ самымъ комическимъ и трагикомическимъ положеніямъ. Такъ бываетъ въ случаяхъ, когда какая-нибудь царствующая королева-дѣвица беретъ себя принца въ мужья съ исключительной цѣлью сдѣлать его отцомъ своихъ будущихъ дѣтей. Какъ тутъ согласовать его мужскую власть и необходимость подчиненія царственной супругѣ?

Ужъ здѣсь-то онъ не глава, а только орудіе чужой и притомъ властвующей женской воли. Приходится искать спасенія исключительно въ тактѣ принца-супруга, приставленнаго къ своему щекотливому дѣлу. Но за то въ потомствѣ вознаграждаетъ онъ себя вполне. Его дѣти уже считаются происхожденіемъ по нему, а не по матери, и его линія въ концѣ концовъ, благодаря «жертвѣ» отца, оказывается занявшей новый престолъ. Само собою разумѣется, что всѣ принцессы, вышедшія замужъ, этимъ самымъ цѣликомъ входятъ въ другой родъ, и здѣсь уже безразлично, выходятъ ли онѣ за равнородныхъ или нѣтъ. Графиня Лонай, вышедшая за своего теперешняго мужа послѣ смерти принца Рудольфа габсбургскаго, уже не пользуется никакими правами ни саксенъ-кобургской, ни габсбургской принцессы. Разница между такимъ замужествомъ и бракомъ съ равнороднымъ лишь та, что въ послѣднемъ случаѣ прирожденный предикатъ, если онъ былъ высшій, остается.

Династія убиваетъ семью. Мы не говоримъ о воспитаніи дѣтей, такъ какъ ихъ здѣсь въ семьѣ не воспитываютъ, и меньше всего могутъ этимъ дѣломъ заниматься родители. Слишкомъ рано здѣсь отнимаютъ ребенка у матери, чѣмъ и лишаютъ ее, можетъ быть, единственной, доступной ей, привязанности. Но династическія отношенія не въ меньшей степени убиваютъ и сколько-нибудь искреннюю, нравственную связь между членами рода. Не надо забывать, что здѣсь всѣ семейныя событія, особенно измѣненія, весьма чувствительно отражаются и на самомъ главномъ, на имущественномъ и политическомъ интересѣ. И это наиболѣе рѣзко сказывается прежде всего тамъ, гдѣ обезпеченіе династіи разъ на всегда опредѣлено въ доходахъ съ опредѣленнаго имущества. Здѣсь рожденіе каждаго лишняго ребенка, каждый новый бракъ полноправнаго принца несетъ съ собой уменьшеніе

денежныхъ доходовъ другихъ членовъ рода. Вотъ почему такъ много скандальныхъ процессовъ и раздоровъ происходитъ особенно въ маленькихъ нѣмецкихъ династіяхъ изъ-за апанажей, которыя выплачиваются съ фидекомисса. О какой любви «любезныхъ» родственниковъ, «возлюбленныхъ» дядюшекъ и тетюшекъ можетъ мечтать тотъ счастливый принцъ, который съ гордостью взираетъ человѣкъ на десять здоровыхъ мальчишекъ своего потомства?! Будутъ ли апанажи выплачиваться только послѣ смерти отца, какъ это въ Баваріи, Саксоніи и Вальдекѣ, или пожизненно, какъ это въ Баденѣ, Мекленбургѣ и Ольденбургѣ, или даже будетъ назначенъ минимальный размѣръ такой выплаты, какъ въ Вюртембергѣ,—все равно, излишнее увеличеніе фамиліи, особенно въ ея новыхъ, наиболѣе близкихъ къ царствующему монарху, поколѣніяхъ—это всегда ущербъ для старшихъ и отдаленныхъ линій. Не любовь, а обида и зависть, не миръ, а постоянные споры и раздоры въ сокрытой отъ публики глубинѣ—такова истинная атмосфера нѣмецкой фамиліи жизни, приведшая къ изданію особенно подробныхъ и мелочныхъ постановленій фамиліаго права какъ разъ на тему объ удѣлахъ и удѣльномъ имуществѣ, объ апанажахъ и иномъ денежномъ содержаніи членовъ семьи, о приданомъ, о вдовьемъ содержаніи и т. д. Однако даже эти постановленія не спасаютъ отъ процессовъ, которые сразу показываютъ намъ всю настоящую подкладку высокихъ чувствъ, такъ щедро изливаемыхъ въ торжественныхъ деклараціяхъ.

Въ особенности же силенъ бываетъ взрывъ скрытыхъ страстей въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ не только объ апанажахъ, но о такой заманчивой вещи, какъ владѣніе престоломъ каковаго-нибудь государства.

Если у династіи оказывается наслѣдникомъ безнадежно-больной или неспособное къ царствованію дитя, или даже просто послѣ смерти отца ожидается рожденіе ребенка, какъ и въ частномъ правѣ, на сцену выступаетъ опекунъ или регентъ, — ближайшій способный къ управленію агнатъ, — который и вступаетъ въ завѣдываніе государствомъ, какое ему послалъ случай рожденія. Многія конституціи и семейные статуты и на этотъ случай дѣлаютъ постановленія, въ которыхъ выражено весьма недвусмысленное недовѣріе къ силѣ любви регента къ замѣняемому имъ родственнику. Такой характеръ, во всякомъ случаѣ, носятъ запрещенія регенту измѣнять въ чемъ-либо порядокъ конституціи и главное—престолонаслѣдія. И это вполне понятно. Престолъ, благополучное завѣдываніе которымъ не требуетъ никакой специальной подготовки или специальныхъ способностей, даетъ слишкомъ много правъ и привилегій, чтобы можно было легко отъ него отказаться.

Когда возникаютъ споры о престолонаслѣдіи, то самая цѣнность объекта спора вполне оправдываетъ тѣ страсти, которыя при этомъ неминуемо разгораются. Если аргументація спорящихъ

сторонѣ иногда принимаетъ чрезвычайно непріятно на постороннихъ дѣйствующій характеръ, то и здѣсь нѣтъ особенной вины борющихся партій. Дѣло въ томъ, что вся аргументація по-неволѣ принимаетъ характеръ взаимныхъ семейныхъ разоблаченій. Въдѣ здѣсь единственный сильно-дѣйствующій аргументъ, это — указаніе на дефекты въ происхожденіи того или другого претендента. Отсюда необходимость копаться въ самыхъ интимныхъ деталяхъ того или иного семейнаго прошлаго, главное же, въ области супружескихъ и вообще спальныхъ отношеній.

Въ доброе старое время подобные споры очень часто разрѣшались силой оружія. Исторіи извѣстны цѣлый рядъ войнъ за наслѣдство. Въ современной Германіи, благодаря союзному строю, такія войны уже не возможны, и ихъ замѣняетъ открытая борьба при помощи газетъ, юристовъ и различныхъ процессовъ передъ третейскими и иными исключительными судами. Въ послѣднее время нѣмецкому народу пришлось быть свидѣтелемъ цѣлаго ряда такихъ споровъ и столкновеній.

Любопытнымъ образчикомъ такихъ столкновеній можетъ служить недавній споръ изъ-за престолонаслѣдія въ княжествѣ Липпе. Здѣсь мы имѣемъ цѣлыхъ три линіи, которыя оспариваютъ право обладанія владѣтельной короной и связанной съ нею крупной поземельной собственностью. И здѣсь дѣло далеко не ограничилось одними протестами на основаніи конституціи. Напротивъ того, каждая изъ линій выставила противъ другой всѣ аргументы, которые только можно было найти въ семейныхъ архивахъ.

Три линіи, спорившія изъ-за престола были: Липпе-Бистерфельдъ, какъ нынѣ царствующая, Липпе-Вейссенфельдъ и Шаумбург-Липпе. Противъ первой ея противниками выдвинуты были, главнымъ образомъ, обвиненія въ незаконномъ и неравнородномъ происхожденіи. И въ самомъ дѣлѣ, одной изъ прабабушекъ Бистерфельдовъ была баронесса Унру. Сама баронесса, какъ оказывается, вела себя прилично, и ей никакого дефекта непосредственно приписать нельзя. Но вотъ въ чемъ бѣда. У этой баронессы, по имени Модесты, былъ отецъ. Относительно отца и возникаетъ въ высшей степени важный вопросъ, а именно, былъ ли, во первыхъ, онъ барономъ ко времени рожденія своей дочери или нѣтъ, и во-вторыхъ, не родился ли онъ самъ слишкомъ скоро послѣ свадьбы своихъ уважаемыхъ родителей. Если для законности ребенка низкаго званія достаточно, если его родители покроютъ свой грѣхъ вѣнцомъ, то для княжеской крови этого совершенно недостаточно: здѣсь зачатіе хотя и отъ тѣхъ же самыхъ родителей должно быть совершенно математически точно послѣ вѣнчанія, иначе такой младенецъ для наслѣдованія родительскаго престола совершенно не годится. Само собой разумѣется, что подробныя изслѣдованія тонкостей зачатія и рожденія, являясь необходимостью для системы, построенной на кровномъ началѣ, въ то же самое время могутъ повести только

къ паденію вѣры въ семейныя добродѣтели династіи и всѣхъ ея представителей. Въ такихъ обвиненіяхъ нѣтъ ни любви, ни великодушія, ни простой и естественной стыдливости.

Но и другіе члены династіи не остались безъ соотвѣтственнаго освѣщенія. Вспомнили кстати, что среди Бистерфельдовъ и раньше замѣчалась склонность къ унижительнымъ смѣшеніямъ съ неблагородной хамской кровью. Развѣ это былъ не Бистерфельдъ, который въ 1786 году женился на дочкѣ простого мѣщанина, по фамиліи Кельнеръ, и даже попробовалъ было эту «урожденную Кельнеръ» титуловать графиней Липпе, а своихъ дѣтей отъ этого преступнаго брака графами и графинями? Къ счастью, тогда торжество злонаправія во время было прекращено, и рѣшеніемъ рейхсгофрата означенное безобразіе было въ корни пресѣчено: родственники съ наслажденіемъ изгнали изъ благородной семьи «урожденную Кельнершу», на которую писали доносъ въ высокій гофратъ. Правда, впоследствии дѣтямъ Кельнерши былъ пожалованъ титулъ графовъ Фалькенфлухтъ. Но на престолъ знаменитаго княжества Липпе такъ кельнершиныхъ ребятъ и не пустили.

При такой взаимной разборкѣ всякихъ родословныхъ досталось, конечно, и Вейссенфельдамъ. *A la guerre comme à la guerre*—ужь если воевать, то безъ церемоній и сентиментальности, нечего изображать изъ себя «возлюбленныхъ» родственниковъ. И вотъ мы видимъ, какъ и противъ Вейссенфельдовъ выдвигаются самые различные аргументы. Самое главное,—это то, что они никогда спокойно дома не сидѣли, старшему въ родѣ не подчинялись, были вѣчно за границей, никакихъ обязанностей по отношенію къ своему царствующему роду не несли и, слѣдовательно, должны считаться изгоями, отщепенцами, тѣмъ болѣе, что они брачались, хоть и съ равнородными особами, да за то безъ испрашиванія каждый разъ разрѣшенія у царствующаго главы. И если тамъ не годится Модеста Унру, то и здѣсь есть бабушка, которая, хоть и изъ хорошаго дома, да вступила въ бракъ, надлежаще не разрѣшенный. Это графиня Кастель. Ясно отсюда, что и ея потомки для трона не годятся.

Однако и третья линія претендентовъ, домъ Шаумбургъ-Липпе, несмотря на близкое родство съ императоромъ, тоже получила свою долю разоблаченій. И здѣсь тоже оказалась одна сомнительная прабабушка, которую добрые родственники вытащили изъ пыли вѣковъ на свѣтъ Божій. Это простая дворянка Елизавета Фризенгаузенъ, на которой женился одинъ изъ прадѣдушекъ въ XVIII вѣкѣ.

Правда, и ее произвелъ въ свое время императоръ въ графское званіе, «какъ будто она была графиней отъ рожденія съ четырьмя предками по матери и отцу», но вѣдь и графиня Кастель была не хуже, такъ какъ была графиней отъ рожденія, да и Унру тоже была дочь императорскаго пожалованія. Которая прабабушка лучше,—вотъ вопросъ!

Въ такія траги-комическія формы выливаются современныя формы борьбы за наслѣдство въ Германіи. И пусть не думаетъ русскій читатель, что такія войны проходятъ для страны безъ всякаго слѣда. Въ спорахъ о зачатіи Унру или равнородности Фризенгаузенъ принимаютъ участіе и высшіе суды, и вся наличная государственная правовая наука, и цѣлые факультеты, а въ печати цѣлыя страницы посвящаются вопросу о правахъ того или другого претендента. Страна двадцати двухъ династій съ интересомъ слѣдитъ за взаимными разоблаченіями свѣтлѣйшихъ и никому не бросается въ глаза вся грубость и цинизмъ, съ которыми перетряхиваются старыя кости, никто не задумывается надъ колоссальнымъ лицемеріемъ родственнаго лѣтета и любви, а когда, опираясь на бабушку Фризенгаузенъ или Унру, вступаетъ на престолъ новый обожаемый князь и обращается къ своему «горячо любимому, доброму и преданному народу»,—улицы Детмольда или Арольсена разцвѣчиваются флагами, а на слѣдующій день грамотная часть двухтысячнаго населенія «столицы» наслаждается описаніемъ шествія одного обергофмаршала, одного оберцеремонійместера, одного оберкаммбергера и двухъ егермейстеровъ, за которыми слѣдовалъ его свѣтлость, всемилостивѣйшій государь и наслѣдственный князь, обладатель княжества Липпе—Фридрихъ или Леопольдъ.

Отмѣтимъ кстати, что среди двадцати двухъ царствующихъ въ Германіи домовъ есть два принадлежащихъ къ одной династіи, которые весьма образно знаменуютъ безсмертіе и исключительность, а вмѣстѣ и полное безличіе родового монархическаго преемства. Это династія Рейсъ—старшей и младшей линіи. По странному совпаденію эта династія носитъ наиболѣе славянское или русское имя, такъ какъ Рейсъ значитъ то же, что Русь или Русскій (Ruzze, Ruthene, Reuss). Въ этой династіи для мужского потомства, имѣющаго права на престолъ, или иначе для всѣхъ мужчинъ рода не существуетъ даже индивидуальнаго имени. Они всѣ различаются по номерамъ. И эти номерованные князья называются всѣ Генрихами — Генрихъ I—X—XX—L—C—первый, десятый, двадцатый и т. д. до ста, когда снова счетъ начинается сначала...

Мы думаемъ, что для лицъ, утомленныхъ однообразіемъ современной культуры, большимъ утѣшеніемъ могутъ служить такіе оригинальные и красочные остатки добраго стараго прошлаго...

Рейсъ.

Разгаръ борьбы.

(Изъ Англии).

I.

Какъ плательщикъ подоходнаго и квартирнаго налоговъ, я получаю ежедневно пачки брошюръ, листовъ, рисунковъ и карикатуръ, призывающія меня негодовать, возмущаться и трепетать по поводу того, что правительство «захвачено социалистами», ведущими Англию къ гибели. Я вижу на рисункахъ связаннаго по рукамъ и по ногамъ Джона Булля (на веревкахъ надпись: «свободная торговля»), испуганнаго, взъерошеннаго, безъ классическаго краснаго фрака. Бѣднаго Джона Булля выталкиваютъ изъ собственнаго дома французъ, нѣмецъ, австріякъ, американецъ и... русскій при помощи Ллойда-Джорджа и волокутъ къ пропасти съ надписью «революція». На другомъ рисункѣ я вижу нагруженнаго работника, сгибающагося подъ тяжестью свитка—бюджета. На свиткѣ значатся: «16 милл. ф. ст. налоговъ на съѣстные продукты; 52 милл. ф. ст. налоговъ на табакъ и на водку. Бѣдный работникъ! У тебя грабятъ единственную утѣху: трубочку и стаканъ пива!» Эти же рисунки, но только въ колоссальныхъ размѣрахъ, мелькаютъ въ глазахъ на стѣнахъ, въ подземныхъ станціяхъ электрическихъ дорогъ и въ окнахъ кабаковъ. Вся эта обширная литература выпущена «Лигой протеста противъ бюджета». Она издаетъ спеціальнѣйшій еже-недѣльный журналъ, расходящійся въ пятидесяти тысячахъ экземпляровъ (Budget from day to day). Она же выпустила, въ общей сложности, до двадцати миллионовъ экземпляровъ листовъ всякаго рода. По размѣрамъ этой литературы отчасти можно себѣ составить представленіе о томъ, на сколько бюджетъ этого года (см. статью въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства») глубоко взволновалъ населеніе. Передъ нами историческое явленіе первой важности. Пройдетъ ли этотъ бюджетъ или потерпитъ крушеніе, это въ одинаковой степени, какъ постараюсь выяснитъ дальше, будетъ означать важный переворотъ. Бюджетъ, предлагающій обложеніе незаработаннаго приращенія и пустующей земли, а также повышеніе налоговъ на большіе доходы и на наслѣдства, привелъ въ ярость лордовъ, значительную часть банкировъ и протекціонистовъ. Ярость наслѣдственныхъ законодателей вполне понятна: они, прежде всего, являются крупными помѣщиками, которымъ принадлежитъ четвертая часть всей земли въ Соединенномъ королевствѣ. Двадцать два герцога имѣютъ каждый не меньше 142,564 акровъ; на долю маркизовъ приходится по 47,500 акровъ на ка-

ждаго; на каждого графа—30,217 акровъ; на виконта—15,324 акра, на барона—14,152 акра. Верхняя палата, прежде всего, клубъ крупныхъ помѣщиковъ. Герцогу Нортумбэрлэндскому принадлежатъ 150 тысячъ акровъ земли. Владѣнія его уходятъ на три мили подъ моремъ (угольные шахты). Герцогъ при эксплуатаціи своихъ угольныхъ шахтъ не рискуетъ ничѣмъ: онъ дозволяетъ только другимъ разрабатывать копи и жертвовать своимъ капиталомъ. Герцогъ Нортумбэрлэндскій, какъ и другіе помѣщики, имѣетъ точныя представленія о незаработанномъ приращеніи. Когда, напр., въ прошломъ году графскому совѣту понадобилось выстроить школу, для чего потребовалось отчужденіе земли, принадлежащей герцогу, онъ потребовалъ по 900 ф. ст. за акръ, сдававшейся до тѣхъ поръ по 30 шил. въ годъ. За право добывать уголь на его землѣ герцогъ получаетъ въ видѣ royalties пять тысячъ ф. ст. въ годъ. Черезъ 48 лѣтъ всѣ шахты должны стать собственностью помѣщика. Герцогъ Портлендскій получаетъ за то же право 50 тысячъ ф. ст. въ годъ.

Размѣры незаработаннаго приращенія лучше всего можно наблюдать въ Лондонѣ. Герцогу Вестминстерскому принадлежить въ центральномъ Лондонѣ площадь въ 400 акровъ, приносящая въ видѣ ренты 3 милл. ф. ст. въ годъ, или 30 милл. рублей. Рента эта автоматически растетъ, по мѣрѣ того, какъ трудолюбіе, богатство и энергія населенія растутъ. Въ западномъ Лондонѣ, въ Кенсингтонѣ, тамъ, гдѣ музей Альберта и Викторіи, графу Кадогану принадлежатъ 200 акровъ земли, приносящіе въ видѣ ренты 1½ милл. ф. ст. въ годъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ тутъ были пустыри и рвы. Земля приносила не больше двухъ тысячъ ф. ст. въ годъ. Населеніе выровняло почву, проложило улицы, выстроило роскошные магазины и громадныя отели. Графъ Кадоганъ позволялъ только строиться на своей землѣ. И вотъ въ 50 лѣтъ рента увеличилась въ 750 разъ. Графы Кадоганы стали миллионерами «во снѣ». Въ сѣверо-восточномъ Лондонѣ лорду Нортхэмптону принадлежатъ 260 акровъ земли. Семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ тутъ были болота. Земля не имѣла никакой цѣнности. Теперь тутъ фабрики и трущобы. Этотъ участокъ земли приноситъ 1.600,000 ф. ст., или шестнадцать миллионъвъ рублей въ годъ. Отъ Оксфордской улицы на сѣверъ, въ центральномъ Лондонѣ идутъ владѣнія барона Говарда де Вальдена. Двѣсти девяносто два акра приносятъ въ годъ двадцать миллионъвъ рублей. И рента тутъ прогрессивно растетъ, несмотря на то, что на землѣ барона нѣтъ ни крупныхъ фабрикъ, ни роскошныхъ магазиновъ, ни великолѣпныхъ отелей. За то тутъ находится улица Гарлей. Передъ нами любопытная особенность лондонской жизни. Всѣ дома на Гарлей-стритъ заняты врачами-специалистами. Въ иныхъ домахъ живутъ два, три специалиста, имѣющіе тутъ только свои кабинеты. Врачъ на Гарлей-стритъ получаетъ по двѣ гиней (20 руб.) за консультацію, если больной

явится къ доктору. Двѣ гинеи это точно установленный минимальный гонораръ. Операция, свершенная на Гарлей-стритѣ, оплачивается гонорарами, о которыхъ континентальные врачи не слыхали даже: оперированіе глаукомы (глазная операция, продолжающаяся минуты двѣ)—50 гиней, аппендицита—100 гиней и пр. Попасть на Гарлей-стритъ—предѣлъ честолюбія для англійскаго врача. Съ годами образовался своеобразный подборъ, въ силу котораго больные знаютъ, что найдутъ лучшихъ хирурговъ и специалистовъ на Гарлей-стритѣ. Можно представить себѣ, какъ высока квартирная плата на этой улицѣ, если является рядъ людей, отлично зарабатывающихъ и готовыхъ платить сколько угодно за помѣщеніе. Баронъ Говардъ де Вальденъ самъ не строитъ домовъ, а разрѣшаетъ только другимъ строиться на его землѣ; но самъ онъ широко пользуется тѣмъ, что по его владѣніямъ протянулась Гарлей-стритъ. «Незаработанное приращеніе» бароновъ стремительно увеличивается. Приѣзжающимъ въ Лондонъ русскимъ хорошо извѣстенъ Британскій музей со всѣми прилегающими улицами, обстроенными дешевыми отелями и Boarding houses (пансіонами). Тутъ герцогу Бэдфордскому принадлежитъ 250 акровъ. Земля приноситъ въ годъ 25 мил. рублей. Отъ Трафальгарской площади на востокъ идетъ одна изъ самыхъ бойкихъ улицъ въ Лондонѣ—Страндъ. Во времена Диккенса тутъ не было улицы, а только берегъ Темзы, заливаемый во время приливовъ. Земля принадлежитъ герцогу Норфолькскому. При Диккенсѣ цѣна этой земли была ничтожна. Тутъ ютились въ бочкахъ бездомные бродяги. Трудолюбивое, талантливое, умное, предприимчивое населеніе превратило болото въ богатую улицу. Герцогъ не тратилъ ни гроша на улучшеніе земли. Онъ давалъ только *разрѣшеніе* населенію трудиться. Теперь земля приноситъ герцогу 2 $\frac{1}{2}$ мил. ф. ст. въ годъ. Лорды, владѣющіе землей, на которой выстроенъ Лондонъ, получаютъ съ населенія 200 мил. руб. въ годъ, не давая ему ничего въ замѣнъ, кромѣ разрѣшенія строиться. По-вѣрно, какой вопль должны были поднять всѣ эти помѣщики, когда имъ предложили отдать пятую часть «незаработаннаго приращенія». Налоги на большіе «не заработанные» доходы и на наслѣдства тоже въ значительной степени падаютъ на крупныхъ помѣщиковъ.

Кромѣ наслѣдственныхъ законодателей, какъ я сказалъ, въ ярость пришли протекціонисты. Я пытался нѣсколько разъ выяснитъ на страницахъ «Русскаго Богатства» тѣ причины, которыя повели къ возрожденію протекціонизма въ Англій. Движеніе это зародилось въ мірѣ, обрабатывающемъ не-волокнистыя вещества, т. е. въ тѣхъ графствахъ, столицей которыхъ является Бирмингемъ. Этотъ промышленный міръ, въ силу разныхъ причинъ, которыя были рассмотрѣны мною раньше *), больше всего пострадалъ отъ

*) См. Діонео, „Очерки Современной Англій“. Новый фазисъ.

конкуренціи Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ. Иностранные конкуренты не только отбили у Бирмингэма его промышленныхъ вассаловъ, но присылаютъ свои фабрикаты въ Англію и вытѣсняють его, такимъ образомъ, на внутреннемъ рынкѣ. Міръ, обрабатывающій не-волокнистыя вещества, ухватился тогда, какъ за послѣднее средство, за протекціонизмъ. Бирмингэмъ (точнѣе, тѣ графства, центромъ которыхъ городъ является) полагаетъ, что таможенные тарифы возродятъ его промышленность. Такъ какъ [безъ содѣйствія массъ ни одна партія не можетъ одержать побѣды на выборахъ, то протекціонисты изо дня въ день убѣждаютъ работниковъ, что «тарифная реформа» важна для нихъ. Только тарифы,—увѣряли протекціонисты,—могутъ доставить казнѣ достаточныя суммы для осуществленія социальныхъ реформъ и для защиты Англіи.

Если теперь бюджетъ пройдетъ, «незаработанное приращеніе» станетъ богатымъ источникомъ дохода для казны. Такимъ образомъ, исчезнетъ единственный благовидный предлогъ для введенія протекціонизма. А такъ какъ въ возвращеніи къ протекціонизму цѣлый промышленный міръ, группирующійся вокругъ Бирмингэма, видитъ свое единственное спасеніе, то понятно, какъ сильно долженъ былъ возстать онъ противъ бюджета. «Бюджетъ,—пишетъ Чэмберленъ,—является послѣднимъ усиліемъ финансистовъ-фритредеровъ найти нѣчто замѣщающее тарифную реформу и имѣть явные намѣренія уничтожить послѣднюю. Я лично убѣжденъ, что тарифная реформа абсолютно необходима для борьбы съ безработицей. Безъ этой реформы мы ничего не можемъ сдѣлать... Я надѣюсь поэтому, что лорды постараются устроить общіе выборы и не сомнѣваюсь въ результатахъ, если выборы состоятся» *).

Средніе классы и массы не имѣютъ основанія жаловаться на бюджетъ. Какъ я писалъ уже въ первой статьѣ о бюджетѣ, плательщики, имѣющие доходъ ниже 500 ф. ст. въ годъ, получаютъ большую льготу, если имѣютъ дѣтей. И вотъ протестующіе противъ бюджета стараются заручиться поддержкой среднихъ классовъ и работниковъ. Достигается это, прежде всего, воплемъ: «мы идемъ къ социальной революціи». На сцену выдвигается красный призракъ. Кабинетъ захваченъ теперь социалистами,—твердитъ изо-дня въ день Лига протеста противъ бюджета. Знаете ли вы, что такое социализмъ? Это—всеобщій грабежъ, поощреніе лѣнтяевъ и наказаніе трудолюбивыхъ. Это—разрушеніе религіи, монархіи, собственности, семьи, словомъ, всего. «Непріятель стоитъ у воротъ,—пишетъ Ellis Barker. — Великобританія — единственная страна во всемъ мірѣ, управляемая социалистическимъ кабинетомъ. Британское правительство—единственное въ мірѣ, задумавшее послѣдовательной конфи-

*) Изъ письма, прочитаннаго на митингѣ Бальфура въ Бирмингэмѣ, въ сентябрѣ этого года.

скаціей націонализировать землю... Нѣсколько коварныхъ демагоговъ замыслили замѣнить народное правительство социалистической камарильей. Бюджетъ—самая гигантская попытка на политическій разбой изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ исторіи» *). Въ «Fortnightly Review», J. L. Garvin разсматриваетъ бюджетъ, какъ европейскій кризисъ. По мнѣнію автора, социальная революція идетъ быстрыми шагами въ Германіи и во Франціи; что же касается Англіи, то она мчится галопомъ. Доказательствомъ, конечно, является бюджетъ, привѣтствованный всѣми иностранными социалистами, въ томъ числѣ Жоресомъ. Соціализмъ стремится націонализировать собственность при помощи высокихъ налоговъ. Это именно наблюдается въ бюджетѣ **). Если такъ выражаются серьезные ежемѣсячные журналы, то можно себя представить, какимъ языкомъ говоритъ мелкая пресса, находящаяся на службѣ у крупныхъ помѣщиковъ и протекціонистовъ. Можно себя представить, къ какимъ выраженіямъ прибѣгаетъ наиболѣе заинтересованная сторона, т. е. наслѣдственные законодатели. Я приведу два-три примѣра. Вотъ герцогъ Ретлэндскій, владѣлецъ семидесяти тысячъ акровъ. На этой землѣ находятся города, деревни, фабрики, шахты. «Премьеръ увѣряетъ, что это не социалистическій бюджетъ,—сказалъ герцогъ на митингѣ, впервые собранномъ во дворѣ его наслѣдственного замка. Мистеръ Асквитъ не заикнулся, однако, про то, что вожди всѣхъ социалистическихъ партій въ Европѣ восторженно привѣтствовали бюджетъ. Нѣкоторые изъ социалистическихъ вождей откровенно признались даже, что бюджетъ явился результатомъ ихъ давленія на министерство. Мистеръ Асквитъ не счелъ нужнымъ сказать, что всѣ видные французскіе и нѣмецкіе социалисты, не говоря уже про англійскихъ, ликуютъ теперь. Премьеръ продолжаетъ насъ увѣрять, что его бюджетъ—не социалистическій. Мистеръ Асквитъ находится въ положеніи отца очень многочисленной и крайне невоспитанной семьи. Онъ не знаетъ, что сказать въ защиту своихъ грубіановъ-сыновей, постоянно попадающихъ въ бѣду и болтающихъ вещи, которыя не слѣдуетъ говорить. Отецъ ума не приложитъ, какъ извиниться передъ честнымъ народомъ за своихъ чадъ... Англійскій государственный корабль будетъ находиться въ большей безопасности, когда во главѣ экипажа станутъ не пираты-дохмотники (tatterdemalions), старающіеся спрятать подъ знаменемъ либерализма красный социалистическій флагъ, а мистеръ Бальфуръ и лордъ Лэнсдаунъ».

Вслѣдъ за герцогомъ Ретлэндскимъ противъ бюджета ополчается лордъ Розбери, самый талантливый и блестящій изъ родовитыхъ наслѣдственныхъ законодателей. Не такъ давно остро-

*) „Nineteenth Century“ October, 1909.

**) „Fortnightly Review“, October.

умный редакторъ консервативнаго журнала «Saturday Review» помѣстилъ въ «National Review» интересную характеристику лорда Розбери. Авторъ доказываетъ, что есть не одинъ, а семь лордовъ Розбери: Розбери-гладстоніанецъ, Розбери-юніонистъ, Розбери-независимый политикъ, Розбери-литераторъ, спортсменъ и т. д. Теперь мы видимъ еще восьмого лорда Розбери — крупнаго землевладѣльца, пророчащаго гибель Англіи по поводу обложенія незаработаннаго приращенія. «Бюджетъ бросилъ всю судьбу Великобританіи въ пламенный тигль. Финансовая мѣра эта представляетъ собою революцію. Я не знаю, благодѣтельная ли то революція или гибельная. Мнѣ вѣдомо только, что министерство не получило прямого полномочія отъ народа на осуществленіе подобной революціи... Правительство шалитъ съ социализмомъ. Существой у меня какое-нибудь сомнѣніе по этому поводу, оно было бы разсѣяно рѣчами нѣкоторыхъ министровъ въ защиту бюджета. Рѣчи эти—соціалистическія. Онѣ обращены къ социалистамъ съ просьбой поддержки бюджета, проникнутаго духомъ социализма. Существой у меня какое-нибудь сомнѣніе, оно было бы разсѣяно тѣмъ ликованіемъ, съ которымъ въ социалистическихъ кругахъ принять бюджетъ и рѣчи министровъ въ его защиту. И если вы заискиваете у социалистовъ, то не можете избавиться отъ ихъ компрометирующихъ обѣщаній... Одинъ или два министра явные социалисты, гордящіеся исповѣдуемыми ими принципами. Эти министры заявляютъ, что радикальная партія дошла до раздѣленія дорогъ. «Теперь необходимо, говорятъ министры-социалисты,—потащить за собою колеблющихся, испуганныхъ и упирающихся либераловъ. Мы, дѣйствительно, должны раздѣляться... Правительство идетъ теперь по социалистическому пути. Какъ далеко намѣрено оно пойти впередъ, я не знаю. Мнѣ вѣдомо только, что я не могу слѣдовать за ними, хотя бы на одинъ дюймъ. Всякая форма протекціонизма—бѣдствіе; но социализмъ—это конецъ всему. Это отрицаніе религіи, семьи, собственности, монархіи, имперіи»). «Съ безжалостной логикой развивалъ лордъ Розбери свои аргументы,—комментировалъ эту рѣчь «Observer», представляющій собою органъ самыхъ непримиримыхъ враговъ бюджета. Благородный ораторъ доказывалъ, что если бюджетъ не будетъ отвергнутъ, то за новой Domesday Book, содержащей списокъ всѣхъ помѣщиковъ, подлежащихъ обложенію, неминуемо послѣдуетъ Черная книга съ именами всѣхъ капиталистовъ. До сихъ поръ сборщики налоговъ спрашивали: «Какое у васъ состояніе?» Теперь, если вѣрять самому молодому и наиболѣе безстыдному изъ всѣхъ демагоговъ**), имѣющимъ собственность будутъ задавать вопросъ: «Какъ вы приобрѣли ее?» А это, конечно, подра-

*) Рѣчь лорда Розбери въ Глазго, 10 октября 1909 года. (Verbatim Report. Published by the «Daily Mail». P. p. 2, 8.

**) Рѣчь идетъ о министрѣ Черчелѣ.

зумѣваетъ Черную книгу и сыскъ, подобнаго которому не знаетъ ни одна цивилизованная страна. Принятіе доктрины: «какъ вы приобрѣли вашу собственность?» отдастъ каждого гражданина въ полную власть демагоговъ, если они станутъ министрами. Бюджетъ поведетъ къ установленію безумной тиранніи, которая убьетъ нашу промышленность и разрушитъ имперію. Если сборщикамъ налоговъ дозволено будетъ спрашивать: «какъ вы приобрѣли собственность», то это поведетъ къ составленію настоящаго социалистическаго регистра. Неужели мы подчинимся этому? Неужели лорды потерпятъ такой бюджетъ?» *).

Массы разсуждаютъ такимъ образомъ: «мы не освѣдомлены въ финансовыхъ вопросахъ, но разъ лорды негодуютъ и «брыкаются» (kick), значить бюджетъ для насъ самый подходящій». И вотъ лорды, а также газеты, выражающія интересы помѣщиковъ, пытаются увѣрить работниковъ, что налогъ на незаработанное приращеніе и большія наслѣдства невыгоденъ, главнымъ образомъ, для массъ. Какимъ образомъ? Очень просто: высокіе налоги на капиталъ заставятъ его эмигрировать за границу. Капиталъ можно перевести теперь при помощи телеграммы или заказного письма. Капиталистъ все равно будетъ получать свои доходы, даже если его деньги помѣщены на континентѣ или въ другой части свѣта. А вотъ британскіе работники, если капиталъ вынужденъ будетъ эмигрировать вслѣдствіе высокихъ налоговъ, останутся безъ заработка,—пугаютъ лорды и газеты. «Бюджетъ нанеситъ сильный ударъ капиталу,—сказалъ лордъ Розбери въ Глазго.—Государство собирается потребовать четвертую часть очень большихъ наслѣдствъ. Представимъ себѣ торговца, оставляющаго послѣ себя наслѣдство въ миллионъ фунтовъ стерл. Въ наше время миллионъ фунтовъ ст. не очень большое состояніе для торговца. Наслѣдникъ обязанъ отдать казнѣ въ видѣ налоговъ 250.000 ф. ст. и продолжать дѣло съ $\frac{3}{4}$ первоначальнаго капитала. Умираетъ и этотъ владѣлецъ фирмы. Наслѣдникъ его долженъ уплатить 230.000 ф. ст. налоговъ. Такимъ образомъ, двумя платежами первоначальный капиталъ уменьшенъ на 480.000 ф. ст. Что это такое: обложеніе или секвестръ? Зловѣщее въ этихъ налогахъ на большія наслѣдства заключается вотъ въ чемъ. Они существуютъ только пятнадцать лѣтъ и все увеличиваются. Послѣдствіемъ является уменьшеніе числа большихъ наслѣдствъ. Въ числѣ крупныхъ состояній фигурируютъ теперь, большею частью, имущества, оцѣненные отъ 100.000 до 500.000 ф. ст.... Уменьшеніе крупныхъ капиталовъ должно неминуемо отразиться на заработной платѣ бѣдняковъ. *Prima facie* кажется очень правдоподобнымъ утвержденіе, что богачей облагаютъ налогами для того, чтобы бѣдняки платили возможно меньше,—продолжаетъ лордъ Розбери.—Въ дѣйстви-

*) «Observer», September 12, 1909.

ности же высокіе налоги на богачей бьютъ непосредственно бѣдняковъ. Подоходный налогъ, обложеніе большихъ наслѣдствъ и незаработаннаго приращенія причиняютъ нѣкоторыя неудобства богатымъ людямъ, но бѣднякамъ они грозятъ голодной смертію» *). Такимъ образомъ, лордъ Розбери идетъ дальше, чѣмъ некрасовскій цензоръ, выведенный въ «Газетной». Цензоръ утверждаетъ, что «народъ любитъ большіе налоги», а лордъ Розбери доказываетъ, что *самое выгодное* для массъ, если вся тяжесть фискальныхъ обложеній падаетъ на нихъ, а не на богатыхъ людей. Богачи, подавленные высокими налогами на большія наслѣдства и на незаработанные доходы, вынуждены будутъ, даже если не перекочуютъ изъ Англіи въ другую страну, сократить штатъ дворцкихъ, объѣзджиковъ, охотниковъ, лѣсныхъ сторожей, жокеевъ и проч. Такимъ образомъ,—продолжаютъ лорды,—число безработныхъ увеличится. Крупные помѣщики, кромѣ того, участвуютъ въ благотворительныхъ подпискахъ.

Если бюджетъ пройдетъ, лорды,—увѣряютъ протекціонисты,—перестанутъ давать деньги на госпитали и на содержаніе спортивныхъ клубовъ. Мало того, лорды, раззоренные налогами, доведены будутъ чуть ли не до нищеты. И тутъ въ Англіи мы видимъ повтореніе того, что случилось съ проектами «молодцовъ, не знающихъ, куда преклонить голову», которые, по Щедрину, группируются вокругъ «ежедневнаго прибѣжища Шалопай». Дѣйствительность осуществила фантастическіе проекты «децентрализаціи», предложенные отставнымъ корнетомъ Петромъ Толстолобовымъ и ветлужскимъ помѣщикомъ Поскудниковымъ. Мало того. Герой одного изъ произведеній русскаго сатирика восклицаетъ съ тоской по поводу проектовъ: «Ужели, однако-жъ, и сего не довольно? Ужели на смѣну нынѣшней уничтожительно-консервативной партіи грядетъ изъ мрака партія, которую придется назвать наиуничтожительнѣйше-консервативнѣйшею? А эта послѣдняя партія, вслѣдствіе окончательной безграмотности, даже не дастъ себѣ труда писать проекты объ уничтоженіи, а просто будетъ зря махать руками направо и налево?» Мы всѣ знаемъ, что эта «наиуничтожительнѣйше-консервативнѣйшая» партія не только явилась изъ мрака, но даже стала хозяиномъ положенія. Когда шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ въ Англіи впервые былъ введенъ подоходный налогъ, *Punch* помѣстилъ пародію на вопли богатыхъ людей, что ихъ собираются раззорить. «Times» приводитъ печальные факты, — читаемъ мы въ юмористическомъ журналѣ, — свидѣтельствующіе о бѣдственномъ положеніи Вэстъ-энда. Газета проектируетъ даже открытыя убѣжища для бездомныхъ богачей. Нашъ собственный корреспондентъ доставилъ намъ въ свою очередь свѣдѣнія, свидѣтельствующія о разбѣрахъ нищеты среди высшихъ классовъ. Подход-

*) Verbatim Report. P. p. 8.

ный налогъ явился поводомъ для многихъ сокращеній бюджета. «Милыя мои!—сказала вдовствующая леди Хукрингъ своимъ тремъ дочкамъ-невѣстамъ.—Въ этомъ году мы не можемъ и думать о томъ, чтобы жить въ Лондонѣ во время сезона. Покуда этотъ отвратительный подоходный налогъ существуетъ, я положительно должна отказаться вамъ въ поѣздѣ. Негодующія дѣвицы добились компромисса, въ силу котораго рѣшено поѣхать, но съ тѣмъ, чтобы снять въ Лондонѣ только несчастную меблированную квартиру въ Итонъ-скверѣ по 25 гиней въ недѣлю. За то рѣшено уволить гувернантку, получающую чрезмѣрно высокое жалованье въ сорокъ фунтовъ въ годъ. Наряду съ печальными сообщеніями о столь великихъ лишеніяхъ, отрадно слышать объ энергичныхъ попыткахъ экономничать. Графиня Н., наприимѣръ, надѣвавшая каждый вечеръ въ оперу новый токъ стоимостью въ пять гиней, становившійся потомъ достояніемъ горничной—рѣшила теперь, въ видахъ экономіи, не ѣздить въ оперу по четвергамъ. Въ силу этого, матеріально страдать будутъ не только горничныя, но также модистки и ихъ мастерицы. Многія титулованныя дамы, похвально соперничая съ супругами въ дѣлахъ экономіи, рѣшили прекратить свои пожертвованія въ пользу благотворительныхъ учреждений. Мужья ихъ, желая вознаградить женъ, сдѣлали то же самое. Крупные помѣщики особенно страдаютъ. Вотъ почему они болѣе не жертвуютъ на одѣяла и уголь для бѣдняковъ» *). Теперь фантазія *Понча* осуществилась. Одни крупные помѣщики съ доходомъ въ миллионъ рублей въ годъ заявляютъ, что они такъ раззорены бюджетомъ, что должно прекратить пожертвованіе въ размѣрѣ 2 ф. въ годъ въ пользу деревенскаго спортивнаго клуба. Герцогъ Рэтлендскій объявляетъ въ газетѣ, что нашелъ способъ, какъ заставить своихъ лакеевъ, дворецкихъ, кучеровъ и садовниковъ почувствовать «несправедливость разбойничьяго бюджета». Герцогъ созвалъ свою дворню и сказалъ ей: «соціалистическое правительство собирается ограбить меня, введя налогъ въ размѣрѣ лишнихъ шести пенсовъ на фунтъ. Я уменьшаю поэтому ваше жалованье на шесть пенсовъ на фунтъ. Если хотите получать полный фунтъ, голосуйте на ближайшихъ выборахъ противъ соціалистовъ, разбойниковъ и революціонеровъ». Лордъ Розбери въ своей рѣчи въ Глазго рисовалъ несчастныхъ герцоговъ, которыхъ налогъ на большія наслѣдства и обложеніе незаработаннаго приращенія доведетъ чуть ли не до нищеты. Одинъ изъ защитниковъ бюджета, краснорѣчивый священникъ Кэмпбелль, о которомъ я писалъ въ прошломъ письмѣ (*Рефлексъ дѣйствительности*, «Русское Богатство», сентябрь), пародируя Розбери, предлагаетъ теперь «устроить богадѣльню для несчастныхъ герцоговъ, доведенныхъ до нищеты налогами на громадныя наслѣдства. Богадѣльня эта должна быть выстроена изъ

*) «Punch», February 10, 1844.

мрамора, какъ дворцы, въ которыхъ жили герцоги. Туда надо пригласить, конечно, повара француза. Лордъ Лондондерри возьмется снабжать обнищавшихъ герцоговъ куропатками и фазанами» и т. д. *).

II.

Необходимость разобраться въ бюджетѣ заставила не только средніе классы, но и работниковъ изучить самые сложные экономическіе вопросы. Кто разобрался въ нихъ, считаетъ своимъ долгомъ подѣлиться съ другими гражданами. И вотъ теперь не только форумъ, т. е. Гайдъ-паркъ, но каждая площадь въ Лондонѣ по вечерамъ превращается въ вольную школу, гдѣ подъ открытымъ небомъ обсуждаются вопросы о справедливомъ обложеніи, о вліяніи тѣхъ или иныхъ налоговъ, о причинахъ безработицы въ государствѣ и пр. За преподавателями дѣло не стоитъ. Протекціонисты, напр., выставляютъ тезисъ, что бюджетъ съ его налогами на землю и большіе доходы неминуемо поведетъ къ увеличенію безработицы и къ раззоренію Англіи; но за то подъ «деревьями реформы» у мраморной арки въ Гайдъ-паркѣ каждый вечеръ можно встрѣтить оратора-добровольца, выясняющаго своимъ согражданамъ неосновательность такихъ утверждений. Ораторъ объясняетъ, что всѣ 16 милл. ф. ст., полученные путемъ новыхъ обложеній, будутъ израсходованы такъ, что дадутъ заработокъ массамъ. Нація не только не раззоряется вслѣдствіе существованія свободной торговли, а напротивъ, ея богатства быстро возрастаютъ. Это доказывается,—объясняетъ ораторъ,—слѣдующими фактами:

Национальный доходъ превышаетъ теперь колоссальную сумму въ 2.000.000.000 ф. ст. Цифра эта постоянно растетъ. Нація сберегаетъ ежегодно 30.000.000 ф. ст., которые прибавляются къ основному капиталу.

Богатство всего населенія исчисляется теперь въ 70.000.000.000 ф. ст. Оно увеличивается ежегодно на тридцать милліоновъ ф. ст.

Кромѣ лекцій по политической экономіи, на форумѣ идутъ теперь гаданія: рѣшатся ли лорды отвергнуть бюджетъ или нѣтъ? Эти гаданія слышатся также постоянно въ печати и въ обществѣ. «Morning Post», «Observer», «Standart», «Daily Telegraph», «Daily Express» и «Globe» съ самаго начала настоятельно убѣждали лордовъ «спасти націю» и отвергнуть бюджетъ. «Times» и «Daily Mail» долго колебались то въ одну, то въ другую сторону. Первая газета, напр., мѣсяцъ тому назадъ доказывала, что Верхняя палата свершить актъ безумія, если рѣшится на такой революціонный шагъ, какъ отклоненіе бюджета. Наконецъ, въ самое послѣднее

*) См. «Daily News», October 1, 1909.

время «Times» окончательно присоединился къ тѣмъ, которые утверждаютъ, что лордамъ не остается ничего другого, какъ только отклонить «соціалистическій» и «революціонный» бюджетъ. Надо сказать что въ рядахъ консерваторовъ есть многіе, которыхъ пугаетъ революціонный шагъ Верхней палаты, рекомендуемый, какъ протекціонистами, такъ и крупными помѣщиками. Приведу нѣсколько предостереженій, исходящихъ отъ консерваторовъ. «Будемъ откровенны,—пишетъ одна изъ самыхъ вліятельныхъ провинціальныхъ консервативныхъ газетъ «Glasgow Herald».—Если послѣ новыхъ выборовъ нынѣшнее правительство станетъ снова у власти, то въ британской политикѣ откроется новая глава, такъ какъ, безъ сомнѣнія, министерство немедленно приступитъ къ опредѣленію правъ лордовъ относительно финансовъ страны. Опасность заключается въ томъ, что побѣда либераловъ, хотя бы и не такая блестящая, какъ въ 1906 году, можетъ повести къ однопалатной системѣ. Вотъ почему то рѣшеніе, которое вынесутъ лорды по поводу бюджета, будетъ принадлежать къ наиболѣе важнымъ событіямъ въ парламентской исторіи Англіи. Рѣшеніе это на столько серьезно, что на него не должны имѣть вліянія ни убѣжденія политиковъ, желающихъ борьбы во чтобы то ни стало, ни подговоры лицъ, матеріальные интересы которыхъ затронуты бюджетомъ... Должна быть рѣшительная борьба, но пусть руководятъ ею ответственные вожди, а не рядовые борцы, раздраженные новыми налогами» *). А вотъ предостереженія, которыя дѣлаетъ лордъ, принадлежащій къ консервативной партіи. «Палубы убраны теперь для боя,—пишетъ наслѣдственный законодатель.—Покуда еще не раздался первый выстрѣлъ, вождямъ-юніонистамъ не мѣшаетъ заглянуть впередъ. Вопросъ заключается вотъ въ чемъ. Если состоятся общіе выборы (т. е. если лорды отвергнутъ бюджетъ), —могутъ ли консерваторы рассчитывать на побѣду? Въ настоящее время партіи въ парламентѣ представлены такъ. Министерская партія располагаетъ:

		Оппозиція.
въ Англіи . .	337 мѣстами.	123
» Ирландіи .	84 »	19
» Шотландіи	61 »	11
» Уэльсѣ . .	30 »	0

Въ случаѣ выборовъ, въ Ирландіи, Шотландіи и Уэльсѣ врядъ ли произойдутъ большія перемѣны въ настроеніи избирателей. Шотландія, быть можетъ, пошлетъ въ парламентъ еще трехъ консерваторовъ, а Уэльсъ, въ лучшемъ случаѣ, двухъ. Такимъ образомъ, окраины дадутъ вмѣстѣ съ 19 ольстерцами, вождю консервативной партіи 34 сторонника. Чтобы стать у власти, консерваторы, значить, должны побѣдить не окраины, а Англію. Но что

*) «Glasgow Herald», September 13, 1909.

требуется для побѣды? Въ палатѣ общинъ 670 коммонеровъ, изъ которыхъ 475 представляютъ Англію. Чтобы имѣть возможность законодательствовать, министерство должно располагать большинствомъ, по крайней мѣрѣ, въ сорокъ человекъ. Для этого Бальфуру необходимо имѣть въ Нижней палатѣ партію въ 355 человекъ. Такъ какъ окраины дадутъ 34 консерватора, то Англія должна выбрать 320 юніонистовъ изъ общаго числа коммонеровъ (465). Можно ли разсчитывать на это? Възвѣсимъ всѣ шансы, — продолжаетъ лордъ-консерваторъ.

Теперь Англія представлена въ парламентѣ только 128 юніонистами. Какія данныя за то, что въ настроеніи избирателей произойдетъ рѣшительная перемѣна? Въ сомнѣнія, что «массы» симпатизируютъ теперь бюджету и стоятъ противъ «классовъ», враждебно относящихся къ финансовой реформѣ. Начиная съ 1884 года, рѣшающее вліяніе на исходъ общихъ выборовъ имѣютъ именно массы. Предположимъ теперь, что произойдутъ выборы вслѣдствіе того, что лорды отвергнутъ денежный билль. Сочувственно ли отнесутся къ подобному необычному шагу наслѣдственныхъ законодателей массы? Боюсь, что на этотъ вопросъ надо дать отрицательный отвѣтъ. Теперь дальше. Каждая партія должна имѣть на выборахъ точный и опредѣленный боевой кличъ. Вождь либеральной партіи высказался смѣло и открыто въ своемъ бюджетѣ. Теперь вождь консервативной партіи долженъ также прямо сказать: стоитъ ли онъ за налоги на съѣстные продукты или нѣтъ. Если онъ выскажется за такіе налоги, промышленныя графства не послѣдуютъ за нимъ. Если Бальфуръ отречется отъ налоговъ на хлѣбъ и на мясо, то протекціонисты вернуться отъ него. Прежде, чѣмъ отвергать бюджетъ, осторожные люди должны хорошо обдумать этотъ шагъ. Дѣло идетъ не о судьбѣ бюджета, не о сомнительномъ возвращеніи консерваторовъ къ власти, а о самомъ существованіи палаты лордовъ, быть можетъ, конституціи въ настоящемъ ея видѣ *).

Въ Times'ѣ консерваторъ предостерегаетъ лордовъ не дѣлать опрометчиваго шага. «Я вполне понимаю всю важность кризиса, — пишетъ W. Stutters, — и желаніе бороться съ предложеніемъ правительства. Героизмъ бороться за политическіе принципы, но чистое безуміе идти въ бой, когда нѣтъ никакой надежды на побѣду. Я хорошо знаю, что наиболѣе молодые наслѣдственные законодатели горячо стоятъ за отклоненіе бюджета. Молодые придворные Ровоама были увѣрены, что подадутъ ему очень хорошіе совѣты, а между тѣмъ послѣдствіемъ ихъ было распаденіе царства. *Quem deus vult perdere, prius dementat*. Теперь время дѣйствовать крайне осторожно. Если наша партія потерпитъ неудачу на выборахъ, то это будетъ имѣть такіа страшныя послѣдствія, которыя

*) „Westminster Gazette“, September 26, 1909.

трудно даже охватить теперь. Я усиленно настаиваю на томъ, что въ странѣ нѣтъ взрыва негодованія противъ бюджета; мы не забываемъ горячихъ симпатій со стороны массъ къ лицамъ, борющимся противъ бюджета. Только при наличности такихъ симпатій можно было бы назвать благоразумнымъ совѣтъ обратиться къ избирателямъ. Не имѣя надежды на побѣду на выборахъ, безумно со стороны консерваторовъ совѣтовать лордамъ, чтобы они отвергли бюджетъ» *).

Въ англійской печати можно встрѣтить категорическія утверждения, что лорды отвергнутъ бюджетъ, и столь же рѣшительныя увѣренія, что ничего не будетъ. Возьму два крайнихъ мнѣнія.

«Лорды отвергнутъ бюджетъ, какъ мы заявили это уже много мѣсяцевъ тому назадъ, — пишетъ Боттомли въ своемъ журналѣ. — Мы подразумеваемъ, что наследственные законодатели откажутся утвердить бюджетъ до тѣхъ поръ, покада населеніе не выскажется по этому поводу на выборахъ. Лорды заявятъ, что правительство стремится путемъ фискальных мѣръ провести законы, отвергнутые уже раньше **); кромѣ того, оно построило бюджетъ на новыхъ финансовыхъ принципахъ, по поводу которыхъ населеніе еще не высказалось на общихъ выборахъ. Вотъ почему, — скажутъ лорды, — бюджетъ будетъ только тогда утвержденъ Верхней палатой, когда правительство получить спеціальныя полномочія отъ избирателей. Когда рѣшеніе по поводу бюджета будетъ отложено, министерство немедленно выйдетъ въ отставку, и король распуститъ парламентъ. Единственный вопросъ, возникающій теперь, это — по какимъ спискамъ произойдутъ выборы: по старымъ или по новымъ? Новые списки будутъ готовы только въ ноябрѣ. Такимъ образомъ, общіе выборы состоятся въ январѣ ***). Такое же мнѣніе высказываетъ теперь подавляющее большинство англійскихъ газетъ, какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ. Діаметрально противоположнаго взгляда придерживается г. Стэдъ. Надо прибавить здѣсь, что его мнѣніе основано на данныхъ, добытыхъ не совсѣмъ обычнымъ путемъ. Г. Стэдъ давно уже пытается завязать правильныя почтовые сношенія съ міромъ, лежащимъ по ту сторону познаваемого. У редактора «Review of Reviews» тамъ есть сильная «рука»: его пріятельница миссъ Джулія А. Эмсъ, скончавшаяся пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ этой миссъ Джуліей г. Стэдъ совѣтуется постоянно, какъ по личной инициативѣ, такъ и по просьбѣ благодѣтелей и милостивцевъ англійскаго журналиста. Адресный столъ на томъ свѣтѣ въ отличномъ порядкѣ, и миссъ Джулія, по просьбѣ г. Стэда, берется разыскать въ мірѣ тѣней въ самое короткое время кого угодно. Въ послѣднемъ (октябромъ) номерѣ «Review

*) „Times“, September 15, 1909.

**) Дѣло идетъ о налогахъ на патенты, принятыхъ коммонерами въ 1908 году и отвергнутыхъ лордами.

***) „John Bull“, September 11, 1909.

of Reviews» г. Стэдъ рассказываетъ, какъ миссъ Джулія много разъ убѣждала его открыть своего рода правильную почтовую контору для сношенія живыхъ съ мертвыми. И вотъ теперь эта контора открыта въ редакціи стэдовскаго журнала. Контора называется «Julia's Bureau of Intercommunication», т. е. «Бюро Джуліи для сношенія между двумя мірами».

Въ конторѣ засѣдаютъ постоянно два клѣрка, г. Стэдъ, а въ пріемные часы невидимо миссъ Джулія. Клиенту даютъ для заполнения печатный бланкъ, содержаніе котораго передается потомъ Джуліи, извѣляющей путемъ стука свое принципиальное согласіе навести справки на томъ свѣтѣ и разыскать требуемое лицо. Два дня спустя миссъ Джулія, черезъ посредство медиума, передаетъ результаты своей бесѣды съ старой бабушкой клиента, съ Аристотелемъ, Ноемъ, Наполеономъ или кѣмъ угодно. Отвѣтъ стенографируется, отпечатывается на машинкѣ и вручается клиенту. Определенной таксы нѣтъ: въ Англіи существуетъ очень непріятный для ясновидящихъ, медиумовъ и хиромантовъ старинный законъ, признающій всѣхъ берущихъ деньги за гаданіе и предсказываніе «негодяями и бродягами» (Rogues and vagabonds). Хотя за справками въ «контору Джуліи» обращаются съ континента милостивцы и благодѣтели г. Стэда, сидящіе даже выше, чѣмъ сказочная дѣвица съ солнцемъ во лбу и мѣсяцемъ подъ косой,—но законы въ Англіи писаны для всѣхъ.

И вотъ въ конторѣ Джуліи правильной почтовой таксы для сношеній съ тѣмъ свѣтомъ не существуетъ. Клиентомъ становится тотъ, кто уплатитъ гинею (10 руб.) въ видѣ подписки на чтеніе спиритическихъ брошюръ, имѣющихся тутъ же въ конторѣ. Желаящіе могутъ жертвовать и больше. «Точно такъ, какъ клѣркъ, получающій инструкціи по телефону отъ своего хозяина, не можетъ сомнѣваться въ томъ, кто даетъ распоряженія, — въ нашей конторѣ мы не сомнѣваемся, что направляющей душой является невидимая миссъ Джулія», — пишетъ г. Стэдъ. Англіійскій журналистъ постоянно получаетъ для своихъ благодѣтелей и милостивцевъ сообщенія съ того свѣта. Миссъ Джулія разыскиваетъ тамъ родителей и предковъ милостивцевъ и приноситъ отъ нихъ совѣты. Черезъ посредство того же духа, повидимому, получены политическія предсказанія, помѣщенные въ сентябрьской книжкѣ «Review of Reviews».

«Лорды не рѣшатся на бой съ палатой общинъ,—пишетъ г. Стэдъ,—потому что они англичане и, слѣдовательно, пойдутъ на компромиссъ. Верхняя палата только потому и существуетъ, что она умѣетъ понимать значеніе момента. Безъ этого наслѣдственные законодатели давно исчезли бы. У лордовъ очень силенъ инстинктъ самосохраненія. Я не думаю, что инстинктъ обманетъ ихъ и на этотъ разъ. Многіе радикалы страстно желали бы, чтобы лорды отвергли бюджетъ, такъ какъ не видятъ иного исхода, кромѣ ко-

роткой, рѣшительной, революціонной схватки съ наслѣдственными законодателями. Но именно тотъ фактъ, что крайніе радикалы тоскуютъ по борьбѣ съ парами на почвѣ бюджета, даетъ основаніе сомнѣваться, чтобы наиболѣе сознательные изъ лордовъ рѣшились на революціонное выступленіе» *).

III.

Я упомянулъ уже, что партіи, которыя желаютъ, чтобы бюджетъ былъ отвергнутъ, т. е. крупные помѣщики и протекціонисты, отлично сознаютъ, что безъ поддержки массъ ничего не могутъ сдѣлать. Было время,—оно давно прошло,—когда лорды, отстаивая свои интересы, выставляли себя, по примѣру дворянства во всѣхъ странахъ, посредниками между короной и народомъ. По поводу этихъ притязаній желчный Шанфоръ сказалъ: «La noblesse, disent les nobles, est un intermédiaire entre le roi et le peuple... Oui, comme le chien de chasse est un intermédiaire entre le chasseur et les lièvres» (т. е. «Дворянство,—говорятъ дворяне,—является посредникомъ между королемъ и народомъ... Да, въ такой степени, въ какой охотничья собака служить посредникомъ между охотникомъ и зайцами»). Лорды потомъ оставили роль мнимыхъ посредниковъ, когда власть короля уменьшилась, и съ грубой откровенностью стали отстаивать свои собственные интересы. Наслѣдственные законодатели возставали противъ каждаго новаго закона, имѣвшаго цѣлью демократизацію парламента. Только при помощи угрозъ можно было заставить пэровъ утвердить билли о реформахъ 1832, 1867 и 1884 годовъ. Съ крайней неохотой наслѣдственные законодатели приняли билли о муниципальномъ управленіи въ Ирландіи, объ узаконеніи «сниманія» и неприкосновенности фондовъ трэдъ-юніоновъ (законы 1906 года) и грандіозный законъ объ Old Age pension 1908 года. Лорды боялись всегда демократіи, ненавидѣли ее и глумились надъ ней, если находили это безопаснымъ. Теперь мы видимъ наслѣдственныхъ законодателей въ новой роли послушныхъ исполнителей народной воли, въ видѣ защитниковъ массъ, чутко прислушивающихся къ тому, что прикажутъ имъ избиратели. «Мы отвергаемъ бюджетъ не потому, что тамъ есть налогъ на незаработанное приращеніе, — говорятъ лорды, — а потому, что министерство не взяло у народа полномочія на осуществленіе національной революціи. Мы хотимъ только, чтобы народъ высказалъ свою волю». «Верховная власть принадлежитъ только народу,—читаемъ мы въ «Observer'ѣ», излагающемъ взгляды крупныхъ помѣщиковъ.—Пусть же народъ выскажется. Никто не имѣетъ права узурпировать то, что принадлежитъ народу. Никто

*) Review of Reviews, September, 1909.

не смѣть говорить отъ его имени, не получивъ на то полномочій. Партизанское чревовѣщательство не можетъ никого обмануть. Народъ долженъ самъ высказаться. Для того, чтобы дать націю возможность высказать свой приговоръ, и только для этого, лорды должны стать между имперіей и демагогами. Они должны наложить свое veto на бюджетъ». Патріотизмъ требуетъ того. Это долгъ паровъ. Это думалъ сказать лордъ Розбери, заявившій въ Глазго: «Передъ нами не бюджетъ, а революція» *). Другія газеты, отстаивающія интересы лордовъ, пытаются увѣрить народъ, что наслѣдственные законодатели побуждаемы только любовью къ демократическимъ принципамъ. «Всѣ толки про то, что лорды, отвергнувъ бюджетъ, захватываютъ непринадлежащее имъ право и сдѣлаютъ революціонное выступленіе, лишены всякаго основанія,—говоритъ «Standard».—Пэры, отклонивъ бюджетъ, отнюдь не сдѣлаютъ покушенія на право народа контролировать финансы. Лорды не имѣютъ ни малѣйшаго желанія присвоить себѣ это право. Совсѣмъ даже напротивъ. Не только лорды не намѣрены оспаривать привилегій народа, но желаютъ даже бороться за нихъ. «Узурпація» правъ демократіи существуетъ только въ воображеніи публицистовъ, употребляющихъ этотъ терминъ. Если ужъ пользоваться терминологіей этихъ писателей, то надо сказать, что пэры борются за демократію противъ узурпаціи. Наслѣдственные законодатели утверждаютъ, что, если нужна революція (ибо бюджетъ, обнимающій обложеніе земли и разныя другія важныя мѣры, есть революція), то она должна быть осуществлена только на основаніи точно выраженной воли народа. Радикалы притворяются, будто новый бюджетъ только схема обложенія налогами. Лорды, однако, видятъ всю суть дѣла и желаютъ исполнить свой долгъ... Пэры рѣшили, чтобы революція была введена послѣ того, какъ народъ выскажется на выборахъ, но не раньше. Въ этомъ рѣшеніи нѣтъ ничего не демократическаго, ничего таковаго, что говорило бы объ аристократическомъ высокомѣріи» **).

«Министерская партія была избрана въ 1906 г. на основаніи совсѣмъ другой программы,—говоритъ та же газета.—Теперь кабинетъ обязанъ будетъ отдать на судъ избирателей свою социалистическую систему общаго грабежа. Правда, министерство замаскировало свою разбойничью систему смѣтой на 1910 годъ; но это доказываетъ только злонамѣренность демагоговъ, стоящихъ у власти. Лорды не обязаны отрекаться отъ своего права veto; они не должны покорно скрѣплять революціонную мѣру, если она преподнесена въ видѣ бюджета.. Сторонники министерской партіи говорятъ, что нельзя дать лордамъ право по своему желанію заставить правительство прибѣгать къ референдуму. Отвѣтомъ на

*) «Observer», September, 12, 1909.

**) «Standard», September, 29, 1909.

это является то, что рѣчь теперь идетъ не просто о налогахъ, но о радикальномъ измѣненіи всей нашей соціальной системы». «Daily Mail» долго колебалась, какую сторону принять въ борьбѣ за бюджетъ. Какъ органъ протекціонистовъ, газета относилась крайне враждебно къ финансовой мѣрѣ, которая должна снять надолго, если не навсегда, съ очереди вопросъ о тарифныхъ реформахъ. Съ другой стороны, газета получала извѣстія, что бюджетъ популяренъ въ странѣ. Одно время «Daily Mail» объявила даже, что приходится примириться съ дѣйствительностью. Но въ самое послѣднее время газета снова стала на сторону лордовъ. Своимъ читателямъ она доказываетъ, что наслѣдственные законодатели—единственные защитники суверенитета правъ народа. «Радикальная партія вопитъ теперь по поводу *тиранніи* Верхней палаты,—пишетъ «Daily Mail».—Она обличаетъ покушенія на конституцію, которыя будто бы намѣрены сдѣлать лорды... Все это—чистая бессмыслица. Отдача бюджета на судъ избирателей отнюдь не доказываетъ «тиранніи» пэровъ. Избиратели всегда останутся верховными судьями. Въ ихъ рукахъ находится сундукъ съ общественными деньгами. И если избиратели снова подадутъ голосъ за партію, внесшую бюджетъ, то на этомъ весь споръ будетъ законченъ»^{*)}. А вотъ какъ мотивируютъ сами лорды возможное отклоненіе бюджета. «Пэры обязаны протестовать противъ *тиранніи* партіи, располагающей теперь абсолютнымъ большинствомъ въ Нижней палатѣ. Лорды выполнять свой долгъ по отношенію къ народу». Это изъ рѣчи лорда Ридли. «Ни правительство, ни радикальная партія не пользуются больше довѣріемъ народа,—пишетъ лордъ Непеаге. Ни Нижняя палата, ни лорды не имѣютъ права вводить социальную и финансовую революцію до тѣхъ поръ, покуда народъ не далъ на то своего согласія.

Я не сомнѣваюсь, что народъ, когда его спросятъ, выскажется также, какъ Чэмберленъ въ своемъ письмѣ, прочитанномъ на митингѣ въ Бирмингемѣ. Другими словами, народъ скажетъ, что Верхняя палата обязана останавливать социалистическія мѣры, на которыя правительство не получило полномочій»^{**)}.

Горячими защитниками народа выступаютъ также протекціонисты. Они хотятъ ввести «тарифныя реформы», т. е. пошлыны на хлѣбъ, на мясо и на иностранные товары. Но почему? Только потому, что ихъ огорчаютъ низкая заработная плата англійскихъ работниковъ, большое количество рабочихъ часовъ у однихъ и отсутствіе работы у другихъ. «Въ книгѣ, лежащей теперь передъ читателемъ, мы пытаемся доказать, что существуетъ тѣсная связь между фискальной системой страны и благосостояніемъ рабочихъ классовъ,—говоритъ Джорджъ Коатсъ. —Наша такъ называемая

^{*)} «Daily Mail», September, 28, 1909.

^{**)} Times. September, 30.

система свободной торговли является главной причиной той безработицы, отъ которой теперь страдает Англія. Мы пытаемся доказать, что введеніе научнаго тарифа, во всякомъ случаѣ, дастъ возможность трудящимся классамъ снова получить тѣ занятія, которыя они потеряли вслѣдствіе свободной торговли... Благоденствіе массъ въ каждой странѣ находится въ зависимости отъ возможности получить соотвѣтственную работу и подходящую плату за нее, достаточную на жизнь (living wage). Вотъ почему Англія перестанетъ быть великой и богатой страной, если она не найдетъ средствъ бороться съ безработицей, подрывающей въ послѣдніе годы благосостояніе трудящихся классовъ. Загадка сфинкса, на которую Англія должна теперь или отвѣтить, или погибнуть, заключается въ слѣдующемъ: «Какъ найти занятіе для работниковъ»? Мы говоримъ тутъ о правѣ на трудъ... Это право подразумеваетъ, что каждый гражданинъ имѣетъ преимущественное передъ иностранцемъ право выполнять работу, необходимую для страны» *). Невольно приходитъ въ голову, прежде всего, что партія, отстаивающая такъ краснорѣчиво «право на трудъ»,—всѣми силами боролась противъ профессиональных союзовъ и поддерживала, такъ называемыхъ, «вольныхъ работниковъ», сбивающихъ плату, установленную трэдъ-юніонами. Партія, доказывающая, что «каждый гражданинъ имѣетъ преимущественное передъ иностранцемъ право выполнять работу, необходимую для страны», — защищала ввозъ китайскихъ кули, которые должны были на южно-африканскихъ пріискахъ сбить на $\frac{3}{4}$ плату, получаемую англичанами. Авторъ книги, выставляющій такъ рѣшительно тезисъ, что свободная торговля ведетъ къ пониженію заработной платы, а «научные тарифы», т. е. обложеніе предметовъ первой необходимости,—къ повышенію ея, утверждаетъ какъ разъ противоположное тому, что говорить факты. Официальные свѣдѣнія, напримѣръ, говорятъ, что въ пятнадцать отрасляхъ промышленности недѣльная заработная плата выражается слѣдующими цифрами:

	Въ столич- цахъ.	Въ провинц. городахъ.
Въ Соединенномъ королевствѣ	42 шил.	36 ш.
„ Германіи	24 „	22 „ 6 п.
„ Франціи	36 „	22 „ 10 п.

Такимъ образомъ, технически обученные рабочіе получаютъ въ Англіи безусловно больше, чѣмъ въ странахъ, гдѣ существуютъ «научные» тарифы. То же самое можно сказать о не квалифицированныхъ рабочихъ. Безработица не находится также въ зависимости отъ системы свободной торговли, потому что въ Соединенныхъ Штатахъ, охраняемыхъ высокими тарифами, безработ-

*) George Coates, Free Trade and Tariff Reform. London. 1909. P. 1—2.

ныхъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ Англіи. Народная перепись 1890 года констатируетъ въ Соединенныхъ Штатахъ 15,1% безработныхъ, а по переписи 1900 г. безработныхъ уже 22,3%. Приведу еще табличку изъ той же переписи. Лицъ, находившихся безъ работы отъ

1 до 3 мѣсяцевъ	было въ 1900 году	3.177.753
4 " 6 "	" " " "	2.554.925
7 " 12 "	" " " "	736.286

Въ Нью-Йоркѣ процентъ безработныхъ среди трэдъ-юніонистовъ колеблется отъ 6,7 (въ декабрѣ 1905 г.) до 34,2 (въ декабрѣ 1907 года). Процентъ безработныхъ среди трэдъ-юніонистовъ въ Англіи колеблется отъ 2,2% до 9% (зимою 1908—1909 гг.).

Возвратимся, однако, къ книгѣ Джорджа Коатеа. «Доставляемъ ли мы нашимъ работникамъ всю ту сумму занятій, которую можетъ дать нація?»—спрашиваетъ авторъ. — Фритредеры отвѣчаютъ на это утвердительно. Они увѣряютъ, что такъ какъ одна только свободная торговля является здоровой экономической политикой, то всякій переходъ отъ этой системы къ протекціонизму можетъ повести только къ ухудшенію положенія массъ. Фритредеры утверждаютъ также, что пошлины, сокращающія импортъ, должны въ такой же степени уменьшить и экспортъ. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, увеличится спросъ на рабочія руки вслѣдствіе расширенія отечественнаго производства на счетъ импорта, то съ другой—сокращеніе экспорта поведетъ къ пониженію спроса на трудъ. Въ то же время стоимость предметовъ первой необходимости вздорожаетъ. Тарифные реформаторы, напротивъ, утверждаютъ, что такъ называемая свободная торговля не научна и антинаціональна, ибо даетъ заработокъ иностранцамъ тамъ, гдѣ могли бы работать англичане. Отмѣнивъ эту вредную систему и принявъ научно продуманный протекціонизмъ, мы уничтожимъ безработицу и увеличимъ благосостояніе рабочихъ классовъ». Протекціонисты внезапно оказываются въ несвойственной имъ роли печальниковъ рабочаго класса. «Задача, лежащая теперь передъ Англіей, какъ націей, заключается не въ томъ, чтобы сдѣлать фабрикантовъ возможно богаче, а въ томъ, чтобы найти достаточную работу для массъ, дать имъ приличную заработную плату и, по возможности, поднять уровень потребностей бѣдняковъ. Въ настоящій моментъ только это составляетъ вопросъ жизни или смерти. Только этотъ вопросъ требуетъ немедленнаго отвѣта. И тутъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что отличаетъ тарифныхъ реформаторовъ отъ либераловъ. Юніонисты и империалисты стоятъ за тарифныя реформы потому, что считаютъ государство выше индивидуума, и что первое включаетъ въ себя второе. Поэтому, полагаютъ протекціонисты, что хорошо для націи, какъ для цѣлаго, выгодно также для большинства индивидуумовъ,

изъ которыхъ она состоитъ. Фритредеры, т. е. либералы и индивидуалисты разсматриваютъ вопросъ съ противоположной точки зрѣнія. Они утверждаютъ, что такъ какъ нація состоитъ изъ индивидуумовъ, то самое лучшее для нея будетъ, если каждый индивидуумъ будетъ искать свою собственную выгоду.

Вотъ почему государственная политика должна быть согласована съ желаніями большинства индивидуумовъ, преслѣдующихъ свои собственные интересы. Индивидуалисты очень послѣдовательны и логичны въ своемъ заключеніи. Они говорятъ, что такъ какъ государство не можетъ понимать интересовъ индивидуумовъ такъ хорошо, какъ они сами, то самое лучшее для него возможно меньше вмѣшиваться въ экономическую жизнь страны. Надо принять, — учатъ индивидуалисты, — политику *laissez faire* и не мѣшать естественному ходу вещей... Тарифные реформаторы, съ другой стороны, утверждаютъ, что путемъ соответственныхъ пошлинъ *) можно такъ направить развитіе промышленности и торговли, что рабочимъ будетъ гарантирована бѣлая возможность занятія, чѣмъ въ фритредерскихъ странахъ». Еще одна выдержка, и мы отпустимъ съ миромъ нашего философа протекціонизма. «Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что благосостояніе націи, какъ цѣлаго, и рабочихъ классовъ въ частности, зависитъ исключительно отъ введенія научнаго тарифа. Главною причиною безработицы, отъ которой теперь страдаетъ нація, является наша приверженность къ устарѣлой фискальной системѣ, извѣстной подъ названіемъ *свободная торговля*. Единственнымъ вѣрнымъ противоядіемъ противъ безработицы является научный тарифъ, охраняющій отечественную промышленность и дающій возможность заключать торговые договоры съ колоніями. И отъ этого противоядія нынѣшнее правительство рѣшительно отвертывается. Вотъ почему существованіе имперіи зависитъ всецѣло отъ призванія къ власти протекціонистовъ. Символь вѣры этой партіи, основанный на долгѣ каждаго индивидуума къ своему ближнему и къ своей странѣ, неизмѣримо выше *credo* либераловъ, сущностью котораго является, такъ называемый, просвѣщенный эгоизмъ и слѣдная вѣра въ судьбу**). Когда явился бюджетъ, «индивидуалисты» оказались «соціалистами». А «соціалисты» по интерпретаціи протекціонистовъ это — не только разрушители семьи, религіи и имперіи, но еще и разбойники, собирающіеся ограбить работниковъ. Въ седьмомъ номерѣ журнала «The Budget Week by Week», издаваемого протекціонистами, мы находимъ рисунокъ съ подписью «Политическіе апаша». За угломъ притаились два разбойника: одинъ съ дубиной, — Черчель, а другой съ ножомъ — Ллойдъ-Джорджъ. На ножѣ надпись:

*) Ученый экономистъ не находитъ нужнымъ сказать массамъ, интересы которыхъ защищаетъ, что подъ «соответственными пошлинами» и «научнымъ тарифомъ» подразумѣвается налогъ на хлѣбъ и на мясо.

**) G Coates, M. A., M. D. „Free Trade and Tariff Reform“. P. 32.

«бюджетъ». Они подстерегаютъ ничего не подозревающаго прохожаго, несущаго въ рукахъ сумку съ надписью: «Сбереженія рабочихъ».

Такимъ образомъ, протекціонисты и лордъ сознавая, что исходъ выборовъ зависить только отъ массъ, стараются представить народу дѣло въ такомъ видѣ. Министерство, захваченное разбойниками-соціалистами, собирается ограбить разбойниковъ. Лорды и протекціонисты, болѣя душой за народъ, желаютъ спасти его отъ бюджета. Представители рабочихъ въ парламентѣ и трэдъ-юніонѣ на послѣднемъ конгрессѣ въ Ипсвичѣ, правда, высказались за бюджетъ и предостерегаютъ массы отъ неожиданныхъ радѣтелей, но въ «The Budget Week by Week» появляется нѣкто, подписывающійся «Работникъ», который называетъ своихъ товарищей «слѣпцами».

Въ послѣднемъ номерѣ «Punch» мы находимъ пародію на рѣчи и на статьи протекціонистовъ. «Тарифная реформа означаетъ стремительный прогрессъ впередъ... Тарифная реформа означаетъ говядину для всѣхъ къ Рождеству... Теперь относительно герцоговъ,—продолжаетъ ораторъ, пародируемый сатирическимъ журналомъ.—Предположимъ, герцогъ получаетъ въ годъ 200 тысячъ ф. ст. за свою службу странѣ. На первый взглядъ это кажется громадной суммой. Не умѣющіе научно мыслить говорятъ: «обложимъ доходы этого человѣка; онъ такъ богатъ!» Остановимся на минуту и подумаемъ хорошенько. Что герцогъ дѣлаетъ со своими деньгами? Онъ не закапываетъ ихъ въ землю и не бросаетъ въ колодезь. Нѣтъ, герцогъ расходуетъ ихъ. Расходуя деньги, онъ этимъ самымъ даетъ населенію Англіи заработокъ, въ которомъ оно такъ сильно нуждается. Предположимъ, мы отнимемъ въ видѣ налога у герцога десять тысячъ ф. ст. Каковъ будетъ результатъ? Конечно, тотъ, что герцогъ израсходуетъ на десять тысячъ ф. ст. въ годъ меньше. Другими словами, бѣдные люди потеряютъ работу, стоимостью въ 10 тысячъ ф. ст. Такимъ образомъ, облагая налогомъ доходы герцога, министерство въ дѣйствительности грабитъ вдовъ и сиротъ. Вотируйте за тарифныя реформы. Онѣ означаютъ большее число счастливыхъ герцоговъ». Дальше «Punch» пародируетъ ораторовъ, опредѣляющихъ, что такое соціализмъ. «Соціализмъ означаетъ націонализацию орудій производства и обмѣна. Соціализмъ означаетъ атеизмъ, свободную любовь и смертный приговоръ Эдуарду VII. Соціализмъ это все, что заключается въ бюджетѣ. Тарифная реформа означаетъ: «Боже, храни короля!» *). Противъ статьи «Punch» можно сказать только то, что она слишкомъ мало похожа на пародію и слишкомъ близко напоминаетъ дѣйствительность. Почти такія же статьи, но только въ серьезъ, появляются теперь въ каждомъ номерѣ «Daily Express».

*) «Punch», October, 2, 1909.

«Observer», «Standard», «Daily Telegraph», а въ особенности въ «Budget Week by Week».

IV.

Борьба за бюджетъ до такой степени захватила всѣ классы и всѣ партіи, что въ настоящій моментъ рѣшительно невозможно предсказать исходъ ея. Постараюсь только выяснитъ возможные результаты въ случаѣ побѣды той или другой партіи. Предположимъ, что верхъ одержатъ либералы, то есть, что Палата лордовъ, въ концѣ концовъ, не рѣшится отвергнуть бюджетъ. Послѣдствія будутъ слѣдующія. Наслѣдственные законодатели, утвердивъ бюджетъ 1909 года, этимъ самымъ навсегда откажутся отъ теоретически принадлежавшаго имъ права накладывать свое veto на денежные биллы. Этимъ теоретическимъ правомъ, какъ извѣстно, лорды не пользовались со времени революціи. Принятіе бюджета будетъ означать также смерть протекціонизма. Во всякомъ случаѣ, движеніе замретъ на очень много лѣтъ. Предположимъ, однако, что лорды отвергнуть бюджетъ. Сдѣлаютъ они это подъ давленіемъ протекціонистовъ и лордовъ «не политиковъ», въ обычное время никогда не появляющихся въ Верхней палатѣ. «Не политики» не признаютъ партійной дисциплины, плохо отдаютъ себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ въ Англіи, соображаются съ настроеніемъ и личными интересами. Выступаютъ эти лорды чрезвычайно рѣдко, быть можетъ, разъ въ 40—50 лѣтъ; но тогда ваятъ ордой. Если бюджетъ будетъ отвергнутъ лордами или, что то же самое, отложено до тѣхъ поръ, покуда выскажется страна,—должны немедленно послѣдовать общіе выборы. По значенію своему это будутъ самые важные выборы въ Англіи за послѣднія триста лѣтъ. Предположимъ, страна утвердитъ бюджетъ и возвратитъ къ власти либераловъ. Радикальное министерство не можетъ стать у власти, послѣ того, какъ лорды сдѣлаютъ свое революціонное выступленіе, если не возьмутъ у страны полномочій покончить съ палатой наслѣдственныхъ законодателей. Въ противномъ случаѣ, лорды каждый годъ могутъ заставить министерство выйти въ отставку. Для этого имъ надо будетъ только отвергнуть бюджетъ. Прецедентъ будетъ установленъ. Вопросъ этотъ хорошо выясненъ на-дняхъ въ «Westminster Gazette». «При такомъ положеніи дѣлъ, какъ теперь, предстоящіе выборы не могутъ быть простымъ референдумомъ по поводу бюджета. Выборы, конечно, рѣшатъ судьбу его; но они должны также опредѣлить судьбу Палаты лордовъ. Насъ всячески стараются увѣрить теперь, что лорды, отвергая бюджетъ, не покушаются узурпировать контроль надъ финансами, а только желаютъ дать странѣ возможность высказаться, Напрасно говорятъ намъ, что лорды хотятъ не отвергнуть финансовый билль,

а только «отсрочить» его. Каждый билль, отвергнутый лордами, въ сущности, только «отсроченъ». Если бюджетъ будетъ убитъ, то всѣ сочтутъ это за требованіе со стороны лордовъ права для себя отклонять вообще смѣту. Всѣ партіи считали, что подобное право лордовъ пришло въ забвеніе, такъ какъ не примѣнялось уже три вѣка. Такъ какъ въ Англіи нѣтъ писанной конституціи, то право однихъ коммонеровъ контролировать финансы страны держалось на обычаѣ, на лояльности къ установленному прецеденту. Либералы, прежде чѣмъ возвращаться къ власти, должны взять у страны полномочія *письменно* установить, что лорды не имѣютъ права вмѣшиваться въ финансы страны. Такимъ образомъ, лорды своимъ выступленіемъ разрушатъ неписанную конституцію Соединеннаго королевства. Англія поставлена будетъ въ необходимость выработать писанную конституцію, въ которой точно опредѣлялись бы и ограничивались права Верхней палаты.

«Пожелаетъ ли демократическая страна принять писанную конституцію съ наслѣдственной Верхней палатой? Захочетъ ли Англія, чтобы наслѣдственные законодатели, вербуемые исключительно изъ среды крупныхъ помѣщиковъ и капиталистовъ, могли отказать въ средствахъ Нижней палатѣ, выбранной всѣмъ населеніемъ? Таковъ тотъ единственный вопросъ, который предстанетъ передъ избирателями, если лорды дѣйствительно выполнятъ, что грозятъ. Въ сомнѣнія, что на поставленный выше вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ, развѣ только предположить, что характеръ англичанъ сразу измѣнится. Главнымъ пунктомъ программы во время предстоящей борьбы будетъ вопросъ о наслѣдственныхъ законодателяхъ. Утвержденіе, что лорды, отклоняя бюджетъ, хотя бы только обратиться къ референдуму, не устраняетъ вышепоставленнаго вопроса. Британская конституція, несмотря на свой демократизмъ, не основана на плебисцитѣ. Ничто не можетъ быть болѣе фатально для демократіи, какъ предоставленіе привилегированному классу права каждый разъ, когда ему не нравится бюджетъ, — распускать палату. Дѣйствительнымъ послѣдствіемъ было бы то, что ни одно либеральное министерство не могло бы просуществовать болѣе года. Только консервативная партія будетъ имѣть возможность стоять у власти семь лѣтъ. Либеральному министру финансовъ оставалось бы только составлять бюджетъ такъ, чтобы онъ могъ быть угоденъ лордамъ. Иначе странѣ пришлось бы каждый годъ бороться за бюджетъ. Верхняя палата будетъ накладывать свое *вето* на всѣ налоги, негодные крупнымъ помѣщикамъ и капиталистамъ, заставляя такимъ образомъ министерство прибѣгать къ косвеннымъ налогамъ, падающимъ на неимущихъ. До сихъ поръ признавалось, что одной Нижней палатѣ принадлежитъ абсолютное право назначать и распределять налоги. Вслѣдствіе этого новые налоги взымались съ того момента, какъ бюджетъ поступалъ въ палату, такъ какъ всѣ были увѣрены, что смѣта

пройдесть. Теперь налоговъ нельзя будетъ собирать до того момента, покуда наследственные законодатели не утвердятъ финансового билля. Безъ полномочій на уничтоженіе палаты наследственныхъ законодателей либеральное министерство можетъ снова стать у власти» *).

Письменное опредѣленіе правъ Верхней палаты, которое должно послѣдовать, если либералы возвратятся къ власти послѣ выборовъ, будетъ имѣть послѣдствіемъ не только уничтоженіе принципа наследственного законодательства. Писанная конституція должна опредѣлить также точно права короны. И это точное формулированіе правъ одинаково неудобно, какъ для короны, такъ и для парламента. Неписанный обычай былъ лучше: коронѣ оставленъ былъ весь призрачный престижъ, а парламентъ фактически имѣлъ всю власть. Если выразить на бумагѣ то, что существовало въ силу освященнаго вѣками обычая,—то получится нѣчто, задѣвающее самолюбіе короны. Вотъ почему, повидимому, корона теперь противъ революціоннаго выступленія Верхней палаты, хотя, въ то же время, король такъ же лояленъ странѣ, какъ она ему. Итакъ, побѣда либераловъ на выборахъ поведетъ къ составленію писанной конституціи, къ уничтоженію наследственной Верхней палаты и къ смерти протекціонизма. Побѣда возможна только тогда, когда массы поддержать нынѣшнее министерство. Это значитъ, что къ власти возвратится партія, въ которой радикальные элементы будутъ еще больше преобладать, чѣмъ въ 1906 году. Народится «новый либерализмъ», какъ сказалъ министръ финансовъ, который въ рядѣ рѣчей опредѣлилъ цѣли и задачи партіи. «Въ эту сессию, — сказалъ Ллойд-Джорджъ на большомъ митингѣ въ Суонси, устроенномъ перваго октября 1908 года, — мы осуществили величайшую социальную реформу послѣдняго времени (т. е. пенсія для стариковъ); но это только первый снопъ давно созрѣвшей жатвы, ожидающей жнецовъ. Жатва созрѣла, но не убиралась покуда, такъ какъ время неблагоприятно... Законъ о государственной пенсіи для стариковъ только начало. Законодательство подобнаго рода глубоко справедливо, и упрекомъ для нашей цивилизаціи является то, что государство лишь теперь начало выдавать пенсію работникамъ, отдавшимъ свою молодость на созданіе національныхъ богатствъ. Въ Соединенномъ Королевствѣ сорокъ три милліона населенія. Всѣ эти люди явились сюда не по своему выбору. Не имъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ томъ, въ какой странѣ родиться. Если сотни тысячъ этихъ людей умираютъ съ голоду или всю жизнь борются съ нищетою, то въ этомъ нельзя винить Провидѣніе. Въ Соединенномъ Королевствѣ мы имѣемъ обиліе естественныхъ богатствъ, которыя могутъ доставить пищу, платье и кровь не только нынѣшнему населенію, но также еще нѣсколькимъ мил-

*] «Westminster Gazette», October, 4, 1909.

ліонамъ, если только сдѣлать изъ этихъ богатствъ соответственное употребленіе. Почему же въ Англіи такъ много нуждающихся и страдающихъ? Нѣкоторые неглубокіе критики говорятъ, что во всемъ виновата система свободной торговли. Утвержденіе это совершенно лишено основанія. Что мы видимъ въ странахъ протекціонистскихъ? Великобританія подъ вліяніемъ свободной торговли стала самой богатой страной въ мірѣ. Не проходитъ десятилѣтія безъ того, чтобы къ національнымъ богатствамъ ея не прибавилось бы еще нѣсколько сотенъ милліоновъ ф. ст. Мы, поэтому, должны искать другія причины, обуславливающія страданія и нищету части населенія. Бѣдность бываетъ результатомъ дурного поведенія или несчастій. Государство не много можетъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если бѣдность обуславливается виной индивидуума. Все, что въ силахъ государство въ такомъ случаѣ,—это защитить индивидуума. Но государство должно рѣшительно выступить впередъ въ томъ случаѣ, когда бѣдность индивидуума обуславливается причинами, лежащими внѣ контроля его. Оно обязано спасти его. Возьмемъ, напр., случай, когда бѣдность человѣка обуславливается его поведеніемъ: пьянствомъ, азартной игрой, лѣнью или другими дурными привычками. Государство можетъ сдѣлать кое что, устранивъ искушенія, улучшивъ жизнь индивидуума и сдѣлавъ ее болѣе свѣтлой и интересной. Съ этой именно цѣлью внесены билли противъ азартныхъ игръ и пари, противъ пьянства и законопроектъ о дешевыхъ, удобныхъ и красивыхъ жилищахъ. Лѣнь представляетъ собою болѣе трудную проблему, чѣмъ пьянство; но явленіе это, вѣроятно, обуславливается ослабленіемъ жизненной энергіи вслѣдствіе недостаточнаго питанія и сѣрыхъ окружающихъ условий. Эти причины отнимаютъ у человѣка силу и охоту упорно работать. Улучшеніе условий, при которыхъ живутъ массы, уменьшить количество лѣнтяевъ, стоящихъ на противоположныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Государство не можетъ поддерживать ни тѣхъ, ни другихъ и должно принять энергичныя мѣры, чтобы избавиться, какъ отъ бѣдныхъ, такъ и отъ богатыхъ лѣнтяевъ. Они представляютъ одинаковое бремя и одинаковый источникъ опасности.

«Но есть еще бѣдняки, страданія которыхъ обуславливаются не ихъ виною. Они при всемъ желаніи не въ состояніи заработать насущный хлѣбъ для себя и для зависящихъ отъ нихъ. Здѣсь—безработные, потомъ старики, слабосильные и больные. Вопросъ о престарѣлыхъ рабочихъ уже разрѣшенъ въ Англіи. Теперь передъ нами гигантская работа: облегченіе положенія безработныхъ, больныхъ, вдовъ и сиротъ. Государство не можетъ считаться цивилизованнымъ до тѣхъ поръ, покуда въ немъ есть голодающіе. Уже много вѣковъ, какъ государство перестало карать голодомъ даже своихъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ. А между тѣмъ безработные въ свое время не только не были его врагами, но соз-

давали его богатства. Въ самыя жестокия времена государство не осуждало на голодную смерть дѣтей своихъ враговъ, а между тѣмъ оно спокойно относится теперь къ тому, что дѣти безработныхъ и сироты голодаютъ. Что мы наблюдаемъ теперь въ работѣ великой экономической машины?—продолжаетъ дальше Ллойдъ-Джорджъ.—Работникъ въ разцвѣтѣ надрывается и теряетъ способность зарабатывать средства къ существованію. Онъ всѣми силами способствовалъ увеличенію національныхъ богатствъ и ничего больше сдѣлать не можетъ. Какое право мы имѣемъ оставлять на произволъ судьбы его и дѣтей, то есть на голодную смерть, когда наша страна такъ богата? Умираетъ работникъ. Онъ по отношенію къ своей родинѣ такъ же честно выполнилъ свой долгъ, какъ и солдатъ, павшій на полѣ битвы. Онъ отдалъ безъ остатка всѣ свои силы и способности на созданіе богатства страны. Обязанностью государства является забота о томъ, чтобы оставшіяся дѣти и вдова работника не голодали бы.

«Возьмемъ другой примѣръ. Хорошій работникъ потерялъ работу. Чья это вина? Быть можетъ, виноваты жадные спекуляторы. Быть можетъ, совершенно въ другой странѣ капиталисты, стремясь составить сразу миллионное состояніе, пустились въ бѣшеную спекуляцію. Наступаетъ крахъ. За нимъ слѣдуетъ паника. Торговые пути загромождены обломками. Въ разныхъ странахъ сотни тысячъ, а иногда и миллионы работниковъ выброшены на улицы и вынуждены сидѣть праздно, покуда расчищены будутъ пути и установится опять правильная торговля. Работникъ, оставшійся безъ работы, ни въ чемъ не виноватъ... Уже не далеко то время,—продолжаетъ Ллойдъ-Джорджъ,—когда въ Англіи будутъ содрогаться при воспоминаніи, что страна допускала людей голодать, несмотря на громадныя богатства государства. Бездушное отношеніе къ работнику не только безчеловѣчно, но оно заключаетъ въ себѣ еще всѣ элементы грабежа. Государство конфискуетъ у работника его долю богатства страны. Въ годы разцвѣта промышленности, слѣдующіе за кризисомъ, работники помогаютъ создать тѣ громадныя источники богатства, которые мы видимъ. Въ семь «сытыхъ лѣтъ» сотни миллионовъ прибавляются къ національнымъ богатствамъ. Безъ сомнѣнія, можно вполне удѣлить изъ нихъ нѣсколько миллионовъ, чтобы спасти отъ голода людей, отдавшихъ свои силы націи» *). Въ рѣчи, произнесенной осенью прошлаго года въ Кардифъ, Ллойдъ-Джорджъ еще болѣе подробно опредѣляетъ задачи «новаго либерализма». Прежде всего — «полное религиозное равенство», подъ которымъ министръ финансовъ подразумеваетъ отдѣленіе церкви отъ государства. Затѣмъ «эманси-

---

*) Сборникъ рѣчей Ллойдъ-Джорджа: «The New Liberalism», London 1909. P. p. 57—66.

пація уэльскаго крестьянина *), уэльскаго работника и уэльскаго углекопа отъ устарѣлой, унижительной и тяжелой земельной системы». Занятіе спортомъ, которому отдаются богатые классы, отнимають у работниковъ доступъ къ землѣ, которая имъ такъ необходима.

«Въ настоящее время благоденствіе цѣлой деревни зависитъ отъ каприза одного человѣка. Безъ сомнѣнія, такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться дольше, — говорилъ министръ финансовъ. — Требуется рѣшительныя реформы». Я приведу одну иллюстрацію къ положенію, высказанному Ллойдъ-Джорджемъ. На послѣднемъ конгрессѣ трэдъ-юніонистовъ въ Ипсвичѣ былъ также делегатъ отъ новаго союза сельскихъ работниковъ въ западныхъ графствахъ. Этотъ делегатъ прочиталъ арендный договоръ, заключенный между помѣщикомъ и сельскимъ работникомъ. Послѣдній, подѣ страхомъ быть изгнаннымъ изъ арендуемаго коттеджа, обязуется не давать приѣзжихъ у себя *членамъ семьи*, замѣченными въ непристойномъ поведеніи или вообще въ непочтительности. Это означаетъ слѣдующее. Если дочь сельскаго работника забеременѣетъ; если сынъ его будетъ замѣченъ потомъ въ нехожденіи въ церковь; если братъ работника будетъ заподозрѣнъ, что на общихъ выборахъ голосовалъ за радикала, а не за кандидата, указанного сквайромъ, — то ихъ слѣдуетъ немедленно прогнать изъ дома. Въ противномъ случаѣ самъ работникъ будетъ выгнанъ изъ коттеджа.

«Вы въ городѣ, — продолжалъ делегатъ, — не можете себѣ даже и представить, что означаетъ изгнаніе изъ коттеджа въ деревнѣ. Въ городѣ вы легко найдете домикъ на сосѣдней улицѣ. Изгнаніе изъ коттеджа въ деревнѣ, гдѣ все дома принадлежать помѣщику, равносильно изгнанію изъ деревни». Обратимся теперь снова къ рѣчи Ллойдъ-Джорджа. «Закрытіе доступа къ землѣ и подчиненное положеніе сельскаго работника, — гонять его изъ деревни въ городъ; но и здѣсь его преслѣдуетъ помѣщикъ. Вслѣдствіе наличности земельной монополіи, прибывшіе изъ деревни вынуждены селиться въ душныхъ, вредныхъ для здоровья, грязныхъ трущобахъ, гдѣ дѣти работниковъ вырождаются. Новый либерализмъ, поэтому, означаетъ уничтоженіе земельной монополіи и возвращеніе земли народу. Дальше слѣдуетъ вопросъ о народномъ образованіи. Государство обязано открыть свободный доступъ къ среднему и высшему образованію для самыхъ бѣдныхъ дѣтей, если только они желаютъ». Хорошее образованіе дастъ возможность массамъ бороться за существованіе. Увѣнчаніемъ зданія является самоуправленіе для окраинъ, то есть областныя сеймы для Шотландіи,

---

*) Въ Кардифѣ Ллойдъ-Джорджъ говоритъ передъ аудиторіей, состоящей изъ валійцевъ.

Уэльса и Ирландіи *). Итакъ, программой «новаго либерализма», съ которой явится радикальная партія, если станетъ у власти, будетъ, кромѣ уничтоженія палаты наслѣдственныхъ законодателей: 1) государственная страховка рабочихъ и, быть можетъ, всѣхъ квартирнанимателей съ доходомъ ниже извѣстной границы (напр., въ 200 ф. ст. въ годъ) отъ безработицы и болѣзни; 2) государственная страховка на случай смерти; 3) уничтоженіе земельной монополіи; 4) широкая система бесплатнаго народнаго образованія; 5) широкая реформа жилищнаго вопроса; 6) самоуправленіе окраинъ; 7) отдѣленіе церкви отъ государства.

V.

Предположимъ теперь, что массы, повѣривъ протекціонистамъ, подадутъ на выборахъ голосъ за консерваторовъ. Посмотримъ, что это будетъ означать. Прежде всего возвращеніе консерваторовъ будетъ равносильно одобренію поступка лордовъ, отклонившихъ бюджетъ. Избиратели дадутъ тогда согласіе на революцію, которая возвратитъ Англію, въ одномъ отношеніи, къ періоду до 1678 года. Въ самомъ дѣлѣ, третьяго іюля 1678 года Нижняя палата приняла слѣдующую резолюцію. «Только коммонеры отпускаютъ средства, необходимыя парламенту. Всѣ билли, разрѣшающіе подобныя суммы, должны получать начало въ Палатѣ общинъ. Только коммонерамъ принадлежитъ несомнѣнное и единственное право направлять, ограничивать и опредѣлять денежныя билли, которые не должны быть ни измѣняемы, ни сокращаемы Палатой лордовъ». Обратимся теперь къ авторамъ, которыхъ громадный авторитетъ въ парламентскихъ вопросахъ признается одинаково, какъ либералами, такъ и консерваторами. «Коммонеры потребовали, чтобы лорды высказывали только свое общее согласіе по поводу денежныхъ биллей, но ни въ коемъ случаѣ не измѣняли бы ихъ,—говоритъ Тодъ въ «Parliamentary Government». Хотя лорды формально не приняли резолюціи Нижней палаты отъ 3 іюля 1678 года, какъ законъ, но фактически подчинились ей». «Нижняя палата предъявляетъ требованіе, чтобы абсолютный контроль надъ финансами принадлежалъ только ей одной»,—говоритъ Эрскинъ Мэй въ «Constitutional History». Палата лордовъ имѣетъ теоретическое право отвергать денежные билли, точно такъ же, какъ за короной признается теоретическое право отклонять вообще всякіе билли; подобный фактъ, если бы случился, признанъ былъ бы важнымъ нарушеніемъ конституціи. Въ 1894 году, когда сэръ Вильямъ Гаркортъ внесъ свой билль о прогрессивномъ налогѣ на наслѣдства, Верхняя палата тоже грозила отвергнуть бюджетъ. По

*) New Liberalism, P. 74—75.

этому поводу лордъ Солсбри, вождь консервативной партіи, бывшей тогда въ оппозиціи, сказалъ: «Верхняя палата вотъ уже три вѣка не вмѣшивалась фактически въ контроль надъ финансами страны. Причина заключается въ томъ, что лорды не имѣютъ права мѣнять правительства. Отклонивъ же бюджетъ, но оставивъ правительство, лорды завели бы страну въ такой тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода». Въ 1894 году Верхняя палата, въ силу упомянутыхъ соображеній, приняла бюджетъ. Теперь, если избиратели возвратятъ консерваторовъ, — страна этимъ самымъ признаетъ резолюцію 1678 года недействительной. Лорды получаютъ санкцію не только контролировать финансы, но и смѣщать министерство. «Контроль надъ финансами, находящійся исключительно въ рукахъ выборнаго собранія, это краеугольный камень, которымъ держится вся наша нынѣшняя конституція. Если вынуть этотъ камень, то рухнетъ весь сводъ. Только вслѣдствіе полного контроля надъ денежнымъ ящикомъ и при умѣломъ примѣненіи этого контроля, Англія за послѣднія 200 лѣтъ, не прибѣгая къ кровавымъ революціямъ, превратилась изъ средневѣковой олигархіи въ демократическое государство, правительство котораго призывается къ власти волей 7.000.000 избирателей. Отнимите у Нижней палаты абсолютный контроль надъ финансами, и вся правительственная система разлетится, какъ картонный домикъ. Отклонивъ бюджетъ, лорды не просто остановятъ денежный билль, они не только вычеркнутъ проектъ нѣкоторыхъ налоговъ, неугодныхъ высшимъ классамъ. Нѣтъ, наследственные законодатели своимъ выступленіемъ потребуютъ себѣ право ставить у власти и отправлять въ отставку министерства. Признаніе за наследственной палатой подобнаго права будетъ означать, что лорды станутъ рѣшающей силой въ Соединенномъ королевствѣ» *).

Такимъ образомъ, уже одно избраніе консерваторовъ, если лорды отклонятъ бюджетъ, будетъ равносильно революціи. Новое министерство, ставъ у власти, немедленно должно будетъ изыскать новые источники дохода. «Государственный доходъ теперь 164 милл. ф. ст. Юніонитское министерство, ставъ у власти, должно выработать планъ, какъ собрать 180 мил. ф. ст.,» — говоритъ «Observer». У либеральнаго министерства получился дефицитъ въ 16 мил. ф. ст., потому что введена пенсія для стариковъ, заложены новые *дрэдноты* и проектируется государственная страховка отъ безработицы. Консервативное министерство не дерзнетъ уничтожить пенсію для стариковъ. Оппозиція требуетъ, чтобы сооружали еще больше *дрэднотовъ*, чѣмъ теперь. Что касается государственной страховки отъ безработицы, то и консервативное министерство *должно* будетъ ввести реформу. Такимъ образомъ, новому министерству по-

*) Изъ рѣчи министра торговли и промышленности Черчеля. «Times». October 9, 1909.

требуется столько же денегъ, сколько и нынѣшнему либеральному правительству. Пожалуй, даже гораздо больше: крупные капиталисты, помѣщики и «пивные короли», составляющие оплотъ консервативной партіи, питаютъ твердую надежду, что «ихъ» правительство уменьшитъ подоходный налогъ и сократитъ акцизный сборъ. Въ распоряженіи новаго правительства будетъ только одинъ источникъ дохода: тарифы. Избраніе консерваторовъ будетъ равносильно возвращенію Англіи къ протекціонизму. И это будетъ вторая революція». Постараемся выяснитъ нѣкоторыя явленія, неразрывно связанныя съ возвращеніемъ къ протекціонизму. Въ каждомъ номерѣ консервативной газеты, въ каждой брошюрѣ, выпущенной протекціонистами, мы находимъ такого рода тезисъ. «Тарифныя реформы выгодны потому, что: 1) развиваютъ отечественную промышленность и повышаютъ, такимъ образомъ, спросъ на рабочія руки; 2) даютъ государству возможность собрать большую сумму съ иностранцевъ, привозящихъ свои товары въ Англію. Тарифныя реформы, такимъ образомъ, означаютъ работу для всѣхъ и обложеніе иностранцевъ. Трудно соединить вмѣстѣ два положенія, которыя бы больше противорѣчили другъ другу, какъ первый и второй параграфы приведеннаго выше тезиса. Въ самомъ дѣлѣ. Чтобы развивалась отечественная промышленность (если принять, что теорія протекціонистовъ вѣрна), необходимо по возможности больше оградить ее отъ иностранныхъ конкурентовъ. Логическимъ послѣдствіемъ предпосылокъ, выставленныхъ сторонниками тарифныхъ реформъ («тарифы поощряютъ отечественную промышленность»), были бы запретительные тарифы, наложенные, скажемъ, на германскіе фабрики. Съ другой стороны, чтобы таможенные пошлины могли стать обильнымъ источникомъ дохода; чтобы на основаніи этихъ доходовъ можно было строить много *дреднотовъ*, уменьшать подоходный налогъ и вводить социальныя реформы, какъ государственная страховка отъ безработицы,—необходимо, чтобы иностранныхъ товаровъ ввозилось въ Англію возможно больше. Такимъ образомъ, тезисъ, кажущійся довольно убѣдительнымъ на первый взглядъ, сводится къ колоссальной нелѣпости: для осуществленія перваго параграфа тезиса требуется полное изгнаніе лукаваго «иностранца»; для осуществленія втораго параграфа необходимо, напротивъ, всѣми силами заманивать его на внутренній англійскій рынокъ.

Протекціонисты только тогда станутъ у власти, если массы поддадутъ за нихъ голосъ, повѣривъ, что «тарифныя реформы означаютъ защиту работниковъ отъ иностранныхъ конкурентовъ» и что «тарифныя реформы означаютъ лучшую заработную плату» *).

Для успѣха протекціонистовъ на выборахъ необходимо, чтобы массы

*) См. «Hundred and one Points against Free Trade», Элліса Баркера. стр. 4. Брошюра эта особенно усиленно распространяется протекціонистами.

прониклись утверждениями вродѣ слѣдующихъ. «Заработная плата гораздо выше во всѣхъ протекціонныхъ англо-саксонскихъ странахъ, чѣмъ въ фритрадерской Великобританіи. Каждый англійскій тредъ-юніонистъ можетъ легко убѣдиться въ этомъ, справившись у секретаря своего союза. Наши главные профессиональные союзы имѣютъ отдѣленія въ Соединенныхъ Штатахъ и въ колоніяхъ и публикуютъ ежемѣсячные отчеты, показывающіе размѣры заработной платы тамъ. Возьмемъ отчетъ Объединеннаго Союза столяровъ и плотниковъ за октябрь 1908 года. Тамъ находимъ мы слѣдующую таблицу, показывающую, какъ состояніе промышленности въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и размѣры заработной платы въ обѣихъ странахъ. Вотъ сколько, въ среднемъ, получаютъ столяры и плотники въ часъ въ Англіи и за океаномъ:

Въ Лондонѣ	10 $\frac{1}{2}$ пен.	Въ Бостонѣ	1 ш. 10 п.
» Манчестрѣ	9 $\frac{1}{2}$ »	» Чикаго	2 ш. 4 »
» Ливерпульѣ	10 »	» Нью-Йоркѣ	2 ш. 7 »
» Эдинбургѣ	9 »	» Филадельфіи	2 ш.
» Глазго	9 $\frac{1}{4}$ »	» С.-Франциско	2 ш. 7 »
» Дублинѣ	8 $\frac{1}{2}$ »	» Вашингтонѣ	2 ш. 7 »
Въ среднемъ 9 $\frac{1}{4}$ п.		Въ среднемъ—2 ш. 3 п.	

Таблица эта показываетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ заработная плата въ три раза выше, чѣмъ въ Великобританіи. Конечно, заработная плата не могла бы быть такъ высока въ Соединенныхъ Штатахъ, будь тамъ система свободной торговли, т. е. если работникамъ тамъ приходилось бы конкурировать со всѣмъ свѣтомъ *). Если англійскія массы подадутъ на выборахъ голосъ за консерваторовъ, то это потому, что онѣ будутъ ждать, что ихъ заработная плата при протекціонизмѣ увеличится втрое. «Въ американскихъ фабричныхъ городахъ,—убѣждаютъ протекціонисты,—предметы первой необходимости стоятъ не дороже, чѣмъ въ Ланкаширѣ. И тамъ, и здѣсь рабочіе одѣваются совершенно одинаково. Больше того, американскіе ткачи живутъ лучше своихъ ланкаширскихъ товарищей; лучше, чѣмъ часть среднихъ классовъ въ Англіи. Американцы, имѣя большій доходъ, создали себѣ высшій уровень жизни, чѣмъ англичане. Американскій работникъ имѣетъ большія потребности и лучшую возможность осуществить ихъ, чѣмъ, напримѣръ, даже ланкаширскій ткачъ. Онъ лучше одѣвается, ѣстъ вкуснѣе и разнообразнѣе, больше читаетъ и путешествуетъ... Въ Соединенныхъ Штатахъ рабочіе классы живутъ великолѣпно. Пауперизмъ существуетъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, гдѣ населеніе сильно пьетъ или состоитъ, въ значительной степени, изъ эмигрантовъ, недавно только переселившихся изъ Европы. Но за предѣлами этихъ городовъ мы не видимъ

*] Изъ брошюры „Hundred and one Points against Free Trade“, стр. 5.

ничего, кромѣ комфорта и благоденствія. Въ Коннектикутѣ и въ Массачузетсѣ ткачи промышленныхъ городовъ ведутъ болѣе довольную, сытную и интересную жизнь, чѣмъ клерки или лавочники въ Англіи и во Франціи *)). Такимъ образомъ, чернорабочіе изъ Бетналъ-гринъ или другого дикаго квартала въ Лондонѣ и Глазго, подавъ голосъ за консерваторовъ, будутъ ждать, что протекціонизмъ принесетъ имъ, во всякомъ случаѣ, такую же сытную, хорошую жизнь, какую ведутъ ланкаширскіе ткачи, получающіе отъ 2—10 фунтовъ въ недѣлю. Горькое разочарованіе ждетъ работниковъ, повѣрившихъ протекціонистамъ. Въ Англіи заработная плата, конечно, ниже, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но гораздо выше, чѣмъ всюду въ Европѣ. Если заработная плата находилась бы дѣйствительно въ зависимости отъ размѣра пошлинъ, то въ Испаніи и въ Россіи, гдѣ тарифы наиболѣе высоки, работникамъ и крестьянамъ должно было бы жить великолѣпно. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности мы видимъ совершенно иное. Ни въ одной культурной странѣ мы не видимъ такого низкаго уровня жизненныхъ потребностей, какъ въ Россіи. Не только ирландскіе крестьяне, но даже земледѣльцы въ Марокко живутъ роскошно въ сравненіи съ нашими мужиками. Что касается аргумента относительно дешевизны пищевыхъ продуктовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то явленіе обуславливается тѣмъ, что населеніе, занимающее громадный континентъ съ разнообразными климатами, до тропическаго включительно, имѣетъ неистощимый запасъ хлѣба, мяса, молочныхъ продуктовъ и фруктовъ. Англія же должна ввозить эти продукты. По проекту протекціонистовъ эти продукты всѣ должны быть обложены пошлиной.

Выше я пытался доказать, что обложеніе иностранныхъ фабрикатовъ съ цѣлью поощрить отечественную промышленность невозможно сочетать съ обложеніемъ фабрикатовъ съ цѣлью пополнить государственную казну. Вотъ почему, если бюджетъ «тарифныхъ реформаторовъ» будетъ основанъ на протекціонизмѣ, то, главнымъ образомъ, на обложеніи не иностранныхъ фабрикатовъ, а хлѣба, мяса, молочныхъ продуктовъ и другихъ предметовъ первой необходимости. Результаты будутъ слѣдующіе:

1. Заработная плата не увеличится, а число безработныхъ не уменьшится, потому что въ протекціонныхъ странахъ на континентѣ плата ниже, а безработныхъ больше, чѣмъ въ Англіи.

2. Вслѣдствіе обложенія предметовъ первой необходимости, хлѣбъ, мясо, сыръ, масло и пр. вздорожаютъ. Многіе продукты, какъ бѣлый хлѣбъ, баранина, сиропъ, фрукты, кофе и пр., ставшіе теперь предметомъ первой необходимости въ домѣ даже чернорабочаго,—превратятся снова въ предметъ роскоши, какъ на континентѣ, или какъ было въ Англіи въ сороковыхъ годахъ.

*) Ib., стр. 43.

3. Возвращеніе къ протекціонизму, быть можетъ, выгодно промышленному міру, обрабатывающему не волокнистыя вещества, и крупнымъ капиталистамъ, рассчитывающимъ на уменьшеніе подоходнаго налога. Оно абсолютно губительно для міра, обрабатывающаго волокнистыя вещества. Послѣдствіемъ возвращенія къ протекціонизму неминуемо должно быть сильное и бурное броженіе среди разочаровавшихся массъ, которыя убѣдятся, что ихъ обманули и что ихъ положеніе ухудшилось.

VI.

Можно усомниться даже въ томъ, что протекціонизмъ условно выгоденъ для міра, обрабатывающаго не волокнистыя вещества, то есть для тѣхъ графствъ, центромъ которыхъ является Бирмингемъ (Здѣсь, какъ извѣстно, зародилось протекціонное движеніе. Здѣсь оно имѣетъ больше всего сторонниковъ). Возьму одинъ конкретный случай. Протекціонисты, желая показать, какимъ образомъ свободная торговля убиваетъ англійскую промышленность, указываетъ на анилиновыя краски, открытыя впервые въ Англіи. И вотъ теперь протекціонная Германія вывозитъ ежегодно этихъ красокъ на 75 милліоновъ рублей, тогда какъ фритрэдерская Англія только на $\frac{1}{2}$ мил. Чѣмъ объяснить это явленіе? Протекціонисты говорятъ, что передъ нами классическій примѣръ того, какъ гибнетъ вслѣдствіе иностранной конкуренціи промышленность, не защищенная тарифами. Даже при поверхностномъ ознакомленіи съ фактами мы убѣждаемся, что дѣйствительность совсѣмъ не такова, какъ изображаютъ ее протекціонисты. Мы узнаемъ, напр., что Германія дозволяетъ ввозить *безпошлинно* анилиновыя краски, ализаринъ, затѣмъ индиго, какъ натуральное, такъ и искусственное. Такимъ образомъ, никакой тарифъ не препятствуетъ британскому заводчику ввозить анилиновыя краски въ Германію. Испанія беретъ 75 франковъ золотомъ пошлины за ввозъ центнера анилиновыхъ красокъ. Тѣмъ не менѣе, не она вывозитъ ихъ, а въ нее ввозятъ. Такимъ образомъ, будто бы, «классическій примѣръ» совсѣмъ не доказываетъ того, что утверждаютъ протекціонисты. Передъ нами монополія, установленная не запрѣтельными тарифами, а знаніемъ. Впервые нѣмецкій химикъ замѣтилъ, что если обрабатывать безцвѣтный анилинъ щелочной солью, то онъ приметъ яркую окраску; но практическую анилиновую окраску добылъ раньше всѣхъ англичанинъ Перкинъ въ 1856 году. Другой англичанинъ, — Пулларъ, — первый примѣнилъ анилиновую краску на фабрикѣ. Производство анилиновыхъ красокъ не развилось въ Англіи вслѣдствіе косности фабрикантовъ и вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія англичанъ къ теоретическимъ изысканіямъ. Съ анилиновыми красками повторилось то же

самое, что со способомъ бесмеривованія стали, тоже открытымъ въ Англіи. Идею взяли и разработали на континентѣ. Въ Германіи фабриканты завели лабораторіи, въ которыхъ безпрерывно работали надъ анилиновыми красками химики. Въ Англіи пользовались только тѣмъ, что уже найдено другими. И вотъ изъ разныхъ продуктовъ, добываемыхъ изъ каменноугольнаго дегтя, германскіе химики получили цѣлый рядъ красокъ, примѣненныхъ на ткацкихъ фабрикахъ. Вслѣдствіе открытія анилиновыхъ красокъ разведение марены почти прекратилось, а культура индиго—значительно сократилась. Въ 1868 году Грѣбъ и Либерманъ добыли изъ антрацита—ализаринъ, который раньше извлекался изъ корня марены. То былъ первый примѣръ добыванія путемъ синтеза въ лабораторіи растительной краски *). Ализаринъ, добытый въ лабораторіи, былъ не только торжествомъ химіи, но сталъ также важной отраслью германской промышленности. Въ 1870 году другой нѣмецъ—Байеръ—открылъ способъ искусственнаго приготовленія индиго. Въ Германіи открытіе это было такъ разработано, что культура растенія индиго значительно сократилась. Девять десятыхъ индиго, употребляемаго теперь на земномъ шарѣ, доставляется германскими фабрикантами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Индія вывозила на нѣсколько милліоновъ ф. ст. индиго. Теперь весь экспортъ этотъ оцѣнивается только въ 500 тысячъ ф. ст. Какъ мы видѣли, Германія дозволяетъ ввозить беспошлинно индиго. Такимъ образомъ, мы видимъ, что производство анилиновыхъ, красокъ, открытыхъ и примѣненныхъ впервые въ Англіи, убито не отсутствіемъ протекціонизма. Примѣръ этотъ даетъ право усомниться, чтобы въ тѣхъ графствахъ, гдѣ обрабатываются не волокнистыя вещества, возродились подъ защитой протекціонизма другія отрасли промышленности, пошатнувшіяся теперь вслѣдствіе конкуренціи иностранцевъ, лучше вооруженныхъ теоретическимъ знаніемъ, чѣмъ англичане.

Мнѣ хотѣлось бы указать въ заключеніе еще на одно возможное послѣдствіе возвращенія Англіи къ протекціонизму. Въ настоящее время промышленность Германіи такъ стремительно развивается, что страна эта вынуждена искать рынковъ. Послѣдствіемъ стремительнаго развитія германской промышленности является, между прочимъ, процессъ «сваливанія», на который такъ сильно жалуются бирмингемскіе заводчики: германскіе производители ввозятъ въ Англію машины и продаютъ по цѣнѣ стоимости въ производствѣ, а иногда и ниже. Необходимо во что бы то ни стало избавиться отъ машины. Какъ послѣдствіе стремительнаго роста промышленности, явилась колоніальная политика Германіи

*) Грѣбе и Либерманъ нашли, что ализаринъ при накаливаніи съ цинковой пылью, переходитъ въ антрацитъ-углеводородъ, находящійся въ каменноугольномъ дегтѣ. Тогда осталось только антрацитъ превратить обратно въ ализаринъ.

И такъ какъ ея африканскія колоніи не представляютъ никакой цѣнности (во всякомъ случаѣ, Германія не умѣетъ ихъ использовать), то является потребность въ колоніяхъ-рынкахъ, въ колоніяхъ съ культурнымъ зажиточнымъ населеніемъ. Въ настоящій моментъ большинство колоній подобнаго типа находится въ рукахъ Великобританіи. И вотъ въ послѣдніе три года идутъ гигантскія военныя подготовленія въ Германіи. Она сооружаетъ громаднѣйшій флотъ, чрезмѣрно великій для защиты ея береговъ. Германія расходуетъ на этотъ флотъ такія колоссальныя суммы, что богатая страна сводитъ теперь бюджетъ съ постояннымъ дефицитомъ. Специалисты говорятъ, что не позднѣе 1912 года Германія должна будетъ или сразу сократить военныя подготовленія, или идти на кризисъ. Мы знаемъ, что стремительныя военныя подготовленія Германіи вызвали панику въ Англіи, подъ вліяніемъ которой заложено въ одинъ годъ восемь новыхъ *дредноутовъ*. Теперь представимъ себѣ, что Англія возвратится къ протекціонизму. Англіійскій рынокъ, на который Германія вывозитъ ежегодно на 600 милліоновъ марокъ, закроется для нея. Это обстоятельство заставитъ Германію еще интенсивнѣе искать колоніи. Тогда кризисъ, то есть великое столкновеніе изъ-за рынковъ, можетъ произойти и раньше 1912 года. Мы видимъ теперь, какую громадную важность имѣетъ исходъ борьбы за бюджетъ.

Діонео.

Изъ иностранной жизни и литературы.

(Пробужденіе Китая).

I.

Текущая политика продолжаетъ забрасывать насъ фактами, которые даютъ и въ области общественныхъ наукъ рѣшительный перевѣсъ теоріи эволюціонизма надъ теоріей устойчивости и независимости видовъ. Давно ли защитники допотопныхъ политическихъ устоевъ съ пренебреженіемъ относились къ закону человѣческаго развитія, гордо утверждая, что какъ въ мірѣ физическомъ отъ вѣка существовали высшіе и низшіе организмы, такъ и въ мірѣ нравственномъ есть неизмѣнныя высшіе и низшіе типы учреждений. И какъ разъ самыя отсталыя разновидности политическихъ формъ, обильные примѣры которыхъ давали Востокъ Европы и громадная часть Азіи являлись для этихъ архаическихъ социологовъ представителями «высшаго типа» политическихъ учреждений. Япо-

ня считалась исключеніемъ, которое только подтверждаетъ правило: ея конституція разсматривалась за простое обезьянничаніе Западной Европы, не идущее дальше поверхности и лишь формально напоминающее начало отвѣтственности правительства передъ народомъ.

Но вотъ, отчасти въ результатъ столкновенія съ конституціонной Японіей, рухнулъ,—рухнулъ по крайней мѣрѣ въ принципѣ,—старый бюрократически-неограниченный строй Русской имперіи. За нимъ великое потрясеніе опрокинуло основы персидскаго абсолютизма, повалило зданіе оттоманской деспотіи. Наконецъ, вопросъ о радикальномъ политическомъ преобразованіи сталъ на очередь и для стараго-престарелаго Срединнаго царства, для того самаго оригинальнаго политическаго организма, который слылъ образцомъ ксности и тысячелѣтней устойчивости; который у нашего Пушкина съ великолѣпною энергіей охарактеризованъ стихомъ о «стѣнахъ недвижнаго Китая»; который заставлялъ англійскаго поэта восклицать: лучше пятьдесятъ лѣтъ въ Европѣ, чѣмъ цѣлый циклъ въ Китаѣ,—

Better fifty years in Europe than a cycle of Cathay;—

который для мыслящаго и благороднаго Милля, а по его слѣдамъ и для Герцена, этого великаго борца за человѣческую личность, являлся грознымъ предостереженіемъ, какъ бы вся Европа, «несмотря на свои благородные антецеденты и исповѣдуемое ею христіанство» (its professed Christianity), не сдѣлалась другимъ Китаемъ», царствомъ застоя въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Какъ ни какъ, но стѣны недвижнаго Китая тоже двинулись и готовы рухнуть колоссальнымъ историческимъ фактомъ на голову послѣднихъ могикановъ и защитниковъ принципа неизмѣнности и обособленности политическихъ формъ. Главныя бреши въ этихъ стѣнахъ были пробиты тѣмъ самымъ элементомъ, о которомъ вспоминаетъ въ уже цитированномъ мѣстѣ (изъ «On Liberty») и Милль, предполагая, что если «когда либо китайцы сдѣлаютъ дальнѣйшіе успѣхи, то это должно случиться лишь при помощи иностранцевъ» (if they are ever to be farther improved, it must be by foreigners). Иностранцы, въ значительной мѣрѣ сами того не желая, были дѣйствительно, одной изъ главныхъ причинъ «пробужденія» или «возрожденія» Китая, какъ гласитъ теперь всего чаще употребляемый въ печати и политикѣ терминъ для обозначенія того реформаціоннаго пыла, какимъ охвачена Срединная имперія.

Говоря такъ, я хочу сказать, что если виѣшнее вліяніе играетъ большую роль въ современномъ китайскомъ движеніи, то все же эта причина не есть единственная; и что не давай почва самого Китая пищи все растущимъ и усиливающимся, какъ матеріальнымъ, такъ и моральнымъ факторамъ недовольства, огромная восточно-азиатская монархія продолжала бы коснѣть въ привычныхъ рамкахъ

крайне продолжительнаго національнаго существованія. Воздѣйствіе иностранцевъ было важно въ томъ смыслѣ, что оно ускорило выработку, среди наиболѣе передовыхъ и чуткихъ элементовъ страны, сознанія невозможности для великаго народа жить обособленно отъ другихъ національностей жизнью и оставаться на той стадіи историческаго развитія, которая давно пройдена болѣе сильными и честолюбивыми конкурентами въ международной борьбѣ за существованіе. Но и внутри самихъ стѣнъ недвижнаго Китая должно было происходить и мало-по-малу увеличиваться самостоятельное броженіе умовъ, пробужденныхъ растущимъ же несоотвѣтствіемъ между жизненными задачами современной эпохи и архаическими способами ихъ рѣшенія, какіе только и имѣла въ своемъ распоряженіи расхлябанная политическая машина.

Что иностранное вмѣшательство въ китайскія дѣла носило всего чаще характеръ физическаго или, въ лучшемъ случаѣ, нравственнаго насилія, объ этомъ знаетъ всякій мало-мальски безпристрастный наблюдатель сношеній «цивилизованныхъ» государствъ обоихъ полушарій со Срединной имперіей. Миссіонеръ съ библіей, торговецъ съ опиумомъ, дипломатъ съ пушкой были не особенно существенными разновидностями одного типа: угнетателя, поработителя, самое меньшее надменнаго пришлеца, который съ презрѣніемъ попираетъ обычаи пріютившей его страны и третировалъ, какъ низшія существа, самихъ жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большой эффектъ произвела переведенная на главные языки Европы булада одного просвѣщеннаго патріота-китайца, который приблизительно такъ изображалъ впечатлѣніе, получаемое обитателемъ Срединной имперіи отъ вторгающихся въ его родину иноземцевъ: «Сначала ко мнѣ приходитъ человѣкъ въ черномъ съ книгой (миссіонеръ) и говоритъ: люби меня, какъ брата, или я пошлю тебя жариться на томъ свѣтѣ въ огромной печи. Затѣмъ приходитъ ко мнѣ человѣкъ въ пестромъ съ товаромъ и говоритъ: покупай у меня эту дрянъ подороже, а то я на тебя пожалуюсь человѣку въ красномъ съ большимъ ружьемъ. Приходитъ, наконецъ, и этотъ человѣкъ въ красномъ и говоритъ: а, ты не хочешь любить, какъ брата, человѣка въ черномъ? а, ты не желаешь покупать товары на вѣсъ золота у человѣка въ пестромъ? ну такъ убирайся отсюда и оставь домъ и поле человѣку въ черномъ и человѣку въ пестромъ—или я тебя убью... Но онъ убиваетъ меня прежде даже, чѣмъ я успѣлъ раскрыть ротъ, и всѣ они втроемъ хозяйничаютъ надъ моимъ трупомъ: одинъ брызгаетъ на меня водой, другой опустошаетъ мои карманы, третій бросаетъ мое тѣло собакамъ. А затѣмъ всѣ они забираютъ мой домъ, мою землю, мою жену, моихъ дѣтей и священныя изображенія моихъ предковъ».

Конечно, это—шаржъ, но шаржъ, въ которомъ, къ сожалѣнію, заключается большая доля правды. Мы знаемъ, напр., какимъ чудовищнымъ нарушеніемъ международнаго и просто человѣческаго

права были неоднократно пускавшіеся въ ходъ европейцами приемы насильственного ввоза опиума въ Китай. Прислушайтесь къ нотамъ, которые до сихъ поръ звучатъ при опѣнкахъ этой постыдной политики европейскими публицистами. Вотъ, напр., что пишетъ по поводу противоопіумнаго указа, изданнаго китайскимъ правительствомъ въ сентябрѣ 1906 года, одинъ изъ редакторовъ недавно начавшаго выходить во Франціи международнаго политическаго ежегодника. Сначала ретроспективный взглядъ: «Страсть всѣхъ китайцевъ къ этому роду наслажденія, крупные барыши, которые извлекались торговцами изъ ввоза опиума, а мандаринами изъ ихъ участія, превратили эту привычку въ національный порокъ, эксплуатировавшійся Остъ-Индской Компаніей, затѣмъ нѣсколькими англійскими фирмами, продолжавшими въ Кантонѣ ея дѣло; самонадѣянность (sic! Н. К.) китайскаго правительства вынудила Англію объявить войну, въ результатъ которой получились свобода торговли опиумомъ (въ 1842 г.) и, какъ слѣдствіе ея, распространеніе во всѣхъ китайскихъ провинціяхъ культуры мака. Считаютъ, что, по крайней мѣрѣ, треть населенія предается куренію опиума» *).

Довольный такимъ блестящимъ «результатомъ» пресловутой «свободы торговли» въ прошломъ, авторъ обзорѣнія не измѣняетъ этого тона и при описаніи настоящаго. По поводу послѣдняго указа онъ пишетъ: Итакъ, въ теченіе десяти лѣтъ культура опиума должна будетъ исчезнуть; въ продолженіе шести мѣсяцевъ должны были закрыться всѣ лавочки и курильни, и всѣми была отмѣчена точность, съ какой это закрытіе было выполнено въ Тьенъ-Тсинѣ, Шангаѣ, Фукеу и т. д. Британскій торговый міръ взволновался вслѣдствіе такого положенія вещей и вопль законно (! Н. К.) потребовалъ, чтобъ запрещеніе ввоза было постепеннымъ... 25 августа англійское правительство заявило въ палатѣ общинъ, что оно согласилось на требованіе постепеннаго уменьшенія» *).

Этихъ строкъ и духа, въ какомъ онѣ писаны, достаточно, чтобы читатель могъ судить, какой «цивилизаторской» миссіей въ Китаѣ заняты представители бѣлой расы, взирающіе сверху внизъ на желтую. Время идеалистовъ великой французской революціи, провозглашавшихъ: «пусть погибнуть колоніи—лишь бы оставался цѣлымъ принципъ», прошло для ихъ буржуазныхъ преемниковъ и прошло безвозвратно. Они готовы воскликнуть вмѣстѣ съ Ювеналомъ:

...Lucri bonus est odor ex re
Qualibet, —

«всякій барышъ пахнетъ хорошо». Пусть ядъ отравляетъ сотни милліоновъ людей,—свобода отравленія, взвинчивающая прибыль

*) См. выходящій подъ редакціей Achille Viallate сборникъ *La vie politique dans les Deux Mondes*; Парижъ, 1908, годъ первый, стр. 438 — 439 (статья Maurice Courant, *Extrême Orient: Chine, Japon, Philippines, Siam*).

**) Ibid., стр. 439—440, *passim*.

купца до невѣроятныхъ размѣровъ, будетъ поддержана авторитетнымъ гуломъ пушекъ. И современный публицистъ находитъ «вполнѣ законнымъ» такой порядокъ вещей.

Но именно эти безцеремонные приемы, пробивавшіе бреши въ старомъ изолированномъ отъ внѣшняго міра государствѣ, должны были усилить ростъ китайскаго сознанія и придать болѣе быстрый темпъ естественной эволюціи страны, которая, если и развивалась, то такъ медленно, что столѣтія на ея историческихъ часахъ не передвигали на замѣтную величину стрѣлку прогресса. Миссіонерскія, торговыя и военныя сношенія; открытіе свободныхъ портовъ; проведеніе желѣзныхъ дорогъ; насильственное ознакомленіе китайцевъ съ техникой бѣлыхъ расъ на полѣ брани и за купеческой конторкой,—все это въ концѣ концовъ вывело изъ устойчиваго равновѣсія міръ китайской культуры и, давая на матеріальные и идейные интересы желтой расы, дало сильный толчокъ реформистскимъ стремленіямъ лучшихъ людей Срединной имперіи. Не забираясь особенно въ глубь прошлаго, мы можемъ сказать, что столкновенія Китая съ Французской республикой изъ-за Танкино (1884—1885), съ Японіей изъ-за Кореи (1894), возстаніе боксеровъ, послужившее поводомъ къ вмѣшательству державъ (1900), косвенное, но могущественное воздѣйствіе побѣды Японіи надъ Россіей (1904—1905) вызвали въ Китаѣ сильное теченіе въ пользу обновленія строя, становившагося историческимъ анахронизмомъ среди современныхъ государствъ. Отсюда и реформаціонныя тенденціи правительства, которыя, однако, по мнѣнію всѣхъ серьезныхъ наблюдателей жизни крайняго Востока, далеко не удовлетворяютъ потребностямъ въ коренномъ общественномъ и политическомъ преобразованіи, живо ощущаемымъ лучшей частью націи. И даже сквозь призму большой европейской прессы, находящейся подъ сильнымъ вліяніемъ имущихъ и правящихъ классовъ и потому старающейся высокоумѣрно-скептически относиться къ прогрессивнымъ теченіямъ среди китайцевъ, можно видѣть размѣры и напряженность того идейнаго броженія, которое потрясаетъ устои этой старѣйшей изъ первоначальныхъ великихъ монархій. Мы коснемся лишь самыхъ главныхъ проявленій этой тяги къ реформамъ вверху и внизу.

Лѣтомъ 1898 г., неожиданно для всѣхъ тѣхъ, кто не былъ близко знакомъ съ вѣяніемъ новаго духа въ Китаѣ, императоръ Тсай-Тіень, болѣе извѣстный подъ царственнымъ именемъ Куангъ-Сюя, издалъ цѣлый рядъ указовъ, обѣщавшихъ преобразованіе системы экзаменовъ, установленіе однообразной для всей имперіи счетной монетной единицы, основаніе университета на современный ладъ въ Пекинѣ, наконецъ, коренное измѣненіе правительственнаго режима вплоть до введенія въ будущемъ народнаго представительства. Номинальнымъ авторомъ указовъ былъ уже упомянутый императоръ Куангъ-Сюй, слабохарактерный, но не лишенный благородныхъ порывовъ молодой человѣкъ, которому въ то

время было 27 лѣтъ; дѣйствительнымъ же составителемъ ихъ былъ тридцатилѣтній чиновникъ министерства общественныхъ работъ нѣкій Кангъ-Ю-Уэй, имѣвшій сильное вліяніе на монарха. Планъ преобразованій, намѣченныхъ смѣлой рукой Кангъ-Ю-Уэя, котораго можно считать родоначальникомъ современнаго конституціоннаго движенія въ Китаѣ, затрагивалъ самые могущественные интересы и предрассудки людей стараго порядка. Немудрено, что онъ встрѣтилъ почти сейчасъ же по своему обнародованію жестокое сопротивленіе со стороны всѣхъ консервативныхъ элементовъ, во главѣ которыхъ стала сошедшая было временно съ политической сцены вдовствующая императрица Тси-Хи, или Ци-Хси.

Ци-Хси, приходившаяся по матери теткой молодому императору, представляла собою необыкновенно энергичную и способную личность. Пауль Рорбахъ, авторъ небольшого, но довольно интереснаго этюда о «пробужденіи Китая», только что появившагося въ нѣмецкой печати, изображаетъ ее такими чертами: «До провозглашенія совершеннолѣтія Куангъ-Сюя, регентшей Китая была императрица Тси-Хи, вдова императора Хіенгъ-Фенга, который умеръ во время бѣгства по разграбленіи Лѣтняго дворца французами (въ 1861 г.). Генераль Гордонъ еще въ эпоху возстанія тайпинговъ охарактеризовалъ ее рельефно вычеканеннымъ словомъ: the only man in China (единственный мужчина во всемъ Китаѣ). Съ самаго 1861 г. бремя правленія лежало, главнымъ образомъ, на ней. Она была, несомнѣнно, одной изъ самыхъ выдающихся женщинъ Китая и, можетъ быть, вообще, исторіи, и когда европейскіе юмористическіе листки не находили ничего лучшаго, во время боксерскихъ безпорядковъ и т. п., какъ изображать ее въ видѣ комическаго китайскаго дракона, то это только служило признакомъ полнѣйшаго отсутствія у нихъ пониманія» *).

Пусть себѣ, дѣйствительно, представитъ читатель, какой умъ и характеръ нужны были императрицѣ, чтобы стать у руля правленія въ Китаѣ, гдѣ женщина занимаетъ крайне низкое общественное положеніе, гдѣ человѣкъ, у котораго есть три дочери, говоритъ, что у него нѣтъ дѣтей, гдѣ дочерямъ даются не имена, а номера: первая, вторая, третья **), гдѣ мужъ продаетъ переставшую нравиться ему жену, гдѣ, словомъ, до сихъ поръ царить въ жизни строжайшій афоризмъ: «жена должна быть лишь тѣнью и эхомъ мужа» ***). Первые годы правленія Куангъ-Сюя, эта китайская Семирамида жила въ глубинѣ Лѣтняго дворца въ Пекинѣ, занимаясь уходомъ за своими любимыми цвѣтами, піонами. Но

*) Paul Rohrbach, *Das Erwachen Chinas*; „Die neue Rundschau“, 1909, № 9 (сентябрь), стр. 1298.

**) Ch. Letourneau, *L'évolution du mariage et de la famille*; Парижъ, 1888, стр. 145.

***) Elisée (et Onésime) Reclus, *L'Empire du Milieu. Le climat, le sol, les races, la richesse de la Chine*; Парижъ, 1902, 133—134, passim.

когда она увидѣла, что императоръ, подталкиваемый либеральнымъ совѣтникомъ, рѣшилъ порвать связь съ политическимъ прошлымъ, насчитывавшимъ столько тысячелѣтій существованія, она снова взяла власть въ свои руки. Воспользовавшись тѣмъ, что крупный сановникъ Юанъ-Ши-Кай донесъ ей о замышлявшемся покушеніи на ея жизнь, покушеніи, исполненіе котораго императоръ и его фаворитъ поручали именно этому чиновнику, Тси-Хи произвела *coup d'Etat*, объявила Куангъ-Сюя снова несовершеннолѣтнимъ, а себя провозгласила регентшей. Реформаторъ Куангъ-Ю-Уэй едва успѣлъ избѣжать наказанія, скрывшись въ Японію. Актъ, помѣченный 22-мъ сентября н. с. 1898 г. и узаконявшій этотъ переворотъ, открывалъ эру реакціи противъ проектировавшихся преобразованій. Но—и въ этомъ сказывался недюжинный умъ правительницы—эта реакція скоро была направлена не столько противъ самаго принципа реформъ, сколько противъ поспѣшности ихъ проведенія. Какъ ни привыкла честолюбивая женщина управлять огромной страной при помощи стараго механизма, она не могла не видѣть, что сохранить архаическія учрежденія во всей ихъ чистотѣ было уже невысказано. Неудачи еще зажить райы, полученныя Китаемъ въ войнѣ съ Японіей, которая безо всякаго труда разгромила армію и флотъ Средней имперіи, напоминали о необходимости влить жизнь и свѣжесть въ допотопную организацію государства. А этого нельзя было сдѣлать, не подновивъ одряхлѣвшаго строя.

Самъ Юанъ-Ши-Кай, сдѣлавшійся приближеннымъ императрицы, стоялъ за преобразованія, но со свойственною типичнымъ китайцамъ любовью къ освященнымъ старинною традиціямъ рекомендовалъ осторожность и постепенность и лишь въ послѣдствіи высказался за болѣе быстрый ходъ реформъ. Какъ бы то ни было, въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, императрица сочла необходимымъ послать за границу съ цѣлью изученія тамошнихъ учреждений и условій «принца» Тсай-Чэна. Посѣтивъ Европу и Америку, онъ возвратился въ 1902 г. и представилъ регентшѣ слѣдующій планъ реформъ, касавшійся почти исключительно народнаго просвѣщенія и военнаго дѣла: обязательное обученіе всѣхъ дѣтей мужского пола, начиная съ 10 лѣтъ; обращеніе буддійскихъ и таоистскихъ храмовъ въ школы; основаніе профессиональных школъ во всѣхъ административныхъ центрахъ; учрежденіе высшихъ школъ съ факультетами юридическимъ и государственнаго права, по одной на провинцію; образовательныя путешествія за границу всѣхъ чиновниковъ, начиная со втораго класса и выше; всеобщая воинская повинность, съ обязательной службой въ арміи членовъ императорской фамиліи и знатнѣйшихъ манчжурскихъ семей; устройство арсеналовъ и фабрикъ; организація общеперсской полиціи. Этотъ проектъ преобразованій, какъ видитъ читатель, не касался самихъ основъ строя. Даже въ области народнаго просвѣщенія, которая подлежала, согласно плану, наибольшему воздѣйствію реформатора,

оставалась еще въ силѣ обязательность знанія старинной китайской литературы для лицъ, приготовляющихся къ государственной службѣ.

Такія половинчатая реформы не могли уже удовлетворять, однако, гораздо болѣе радикально настроенную передовую часть китайской интеллигенции. Новыя вѣянія неудержимо прорывались сквозь ограду архаическихъ учреждений и предрасудковъ, и шумъ умственного броженія все яснѣе и яснѣе доходилъ до ступенекъ трона, на которомъ возсѣдала правительница, рѣшившаяся дѣлать такія уступки духу времени, какія покажутся ей совмѣстимыми съ ея понятіями о характерѣ и объемѣ императорской власти. Фактъ знаменательный: въ 1903 г., на вышнихъ государственныхъ экзаменахъ, одинъ изъ подвергавшихся испытанію, молодой ученый, по имени Янгъ-Ту, избралъ темой своего сочиненія какъ разъ реформу государственнаго управленія и горячо проводилъ ту мысль, что для спасенія отечества отъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій остается только одно средство: введеніе въ Китаѣ конституціи по образцу «западныхъ народовъ». Императрица, которая, какъ-то полагается по стародавнему китайскому обычаю для носителей верховной власти, читала работы лицъ, подвергавшихся высшему экзамену, выразила крайнее неудовольствіе по поводу идей сочиненія, а самого автора послала въ тюрьму. Янгъ-Ту удалось, однако, убѣжать въ Японію. Тамъ онъ основалъ союзъ «Хсienъ-Чангъ-Кіангъ-Си», т. е. «Общество для серьезнаго изученія конституціи» и бросился въ оппозиціонную публицистику, дѣлательно пропагандируя идеи «новаго», «молодого Китая».

А между тѣмъ въ непосредственной близости и даже на территоріи самой Срединной имперіи уже готовы были совершиться великія событія, прошедшія по всему міру волной колоссальнаго возбужденія. Безпримѣрныя пораженія, которыя конституціонная Японія нанесла на сушѣ и на морѣ бюрократической Россіи, недвусмысленно говорили о томъ, что даже внѣшняя мощь государствъ зависитъ отъ того, въ какой степени правительство подлежитъ контролю націи. Конституція въ западномъ смыслѣ, за проповѣдь которой гнѣвъ правительницы обрушился всего какой-нибудь годъ тому назадъ на голову продерзностнаго Янгъ-Ту, оказывалась очень серьезнымъ факторомъ общаго государственнаго величія, такимъ факторомъ, который давалъ желтой расѣ преимущественно даже надъ традиціоннымъ военнымъ превосходствомъ «блѣдныхъ варваровъ». Императрица серьезно задумалась надъ коренной реформой строя и снова послала за границу, въ іюль 1905 г., комиссію изъ четырехъ членовъ для изученія въ Европѣ и Америкѣ государственныхъ учреждений, военнаго, образовательнаго, монетнаго дѣла, правосудія и т. п.

Черезъ годъ комиссія вернулась, но среди ея членовъ не было полнаго единодушія относительно практическихъ выводовъ

изъ только что продѣланной научной экскурсіи. Стоявшій во главѣ ея «герцогъ» (по-китайски «кунъ» или «гунъ») Тай-Тсз, принадлежавшій къ императорскому дому, въ своемъ докладѣ ссылался на примѣръ побѣдоносной Японіи и доказывалъ необходимость немедленнаго же введенія конституціи. Наоборотъ, три другіе члена коммисіи, выбранные изъ среды высшей бюрократіи, не отрицали въ принципѣ важности конституціонныхъ учрежденій, указывали на «незрѣлость» страны и рекомендовали подготовить ее къ пользованію свободными учрежденіями въ теченіе десяти лѣтъ, а пока расширить политическое значеніе провинціального и муниципальнаго выборнаго представительства.

Въ сентябрѣ 1906 г. появился правительственный указъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что верховная власть становилась на сторону умѣреннаго реформаторскаго направленія. Этотъ актъ откладывалъ введеніе конституціи и выборы въ китайскій парламентъ до 1917 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ учреждалась специальная коммисія для выработки конституціи и разсмотрѣнія ближайшихъ реформъ, подъ предѣлательствомъ брата императора. Одинъ изъ наиболѣе подробныхъ проектовъ конституціи, представленныхъ въ это время на усмотрѣніе верховной власти, говорилъ о собраніи народныхъ представителей изъ 130 членовъ, при чемъ 10 должны быть избраны дворянствомъ, включая сюда и родственную престолу знать; 54 — крупными правительственными учрежденіями и мандаринами; 66 назначены автономными генераль-губернаторами областей (*Тсонгъ-Ту*, которыхъ европейцы неправильно называютъ «вице-королями») по представленію мандариновъ и мѣстныхъ нотаблей. Подъ тѣмъ предлогомъ, что страна еще не созрѣла, принципъ всеобщаго народнаго представительства былъ, какъ видѣть читатель, отброшенъ китайскими умѣренными реформаторами сверху.

Вскорѣ (ноябрь 1906 г.) подверглись дѣйствительному измѣненію и прежніе совѣщательные органы при неограниченной императорской власти. Такъ, Великій государственный совѣтъ (*Киунъ-Ки-Чу*), состоящій изъ ближайшихъ и наиболѣе вліятельныхъ совѣтниковъ богдыхана, долженъ заключать теперь не болѣе четырехъ членовъ: трехъ министровъ и одного товарища министра. Кабинетъ министровъ, все больше и больше присвоивавшій себѣ функціи и историческое названіе другого органа *Нэй-Ко* (или «Дворцовой канцеляріи», которая превращалась окончательно въ фиктивное, лишь почетное для своихъ членовъ учрежденіе), слагается изъ двѣнадцати главъ различныхъ вѣдомствъ. Въ 1907 былъ образованъ сенатъ (по китайски *Тсу-Ченгъ-Юанъ*), въ которомъ должны засѣдать члены всѣхъ трехъ только что упомянутыхъ органовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ проектировалось создать повсюду въ административныхъ центрахъ новыя трибуналы и мѣстныя выборныя собранія тоже на новыхъ началахъ. Эти послѣднія мѣры были предло-

жены на обсужденіе генераль-губернаторовъ, которые противопоставили и этой умѣренной попыткѣ реформъ силу пассивнаго сопротивления. Зная, что все, ослабляющее ихъ громадную власть въ областяхъ, больно ударитъ по ихъ интересамъ, они очень недружно и со страшными проволочками появлялись въ Пекинѣ, куда ихъ приглашали на совѣщаніе по дѣлу реорганизаціи мѣстныхъ учреждений циркуляры центральнаго правительства. Они до сихъ поръ сводятъ на нѣтъ самыя робкія преобразовательныя усилія реформаторовъ сверху.

Съ другой стороны, передовые слои китайской интеллигенціи, возмущенные этою половинчатостью и медленностью официальной преобразовательной тактики, нетерпѣливо рвутся впередъ, разливаютъ въ странѣ духъ революціоннаго недовольства и, при помощи издавна чрезвычайно распространенныхъ въ Китаѣ тайныхъ обществъ, поднимаютъ то тамъ, то здѣсь знамя возстанія. Всякія болѣе или менѣе крупныя событія внѣшней и внутренней политики, смѣна правящаго персонала, безпрестанныя интриги враждующихъ между собою сановниковъ и самихъ членовъ императорскаго дома умѣло утилизируются дѣятелями «молодого Китая», которые твердо рѣшили приобщить свое отечество къ семьѣ современныхъ культурныхъ народовъ и не останавливаются передъ перспективой гражданской войны. Такъ внезапная смерть императора Куангъ-Сюя (14 ноября н. с. 1908 г.), бывшаго воистину «китайской тѣнью», и послѣдовавшая почти сейчасъ же за нею кончина (15 ноября) уже знакомой читателю императрицы-регентши усилили революціонное броженіе въ южныхъ провинціяхъ Имперіи. Съ тѣхъ поръ, несмотря на обѣщанія реформъ со стороны новаго регента, принца Чуна, который управляетъ отъ имени своего двухлѣтняго сына Сюанъ-Тунга, партія искреннихъ друзей прогресса и свободы не перестаетъ вербовать себѣ многочисленныхъ сторонниковъ и, вѣроятно, успеетъ значительно сократить пресловутый десятилѣтній срокъ для введенія конституціи. Правительство же, какъ и всѣ порожденные старымъ режимомъ правительства, въ свою очередь направляетъ всѣ усилія, чтобы подавить радикальныя стремленія послѣдовательныхъ конституціоналистовъ и продолжаетъ пускать въ ходъ всѣ тѣ приемы репрессій, которые практиковались еще «единственнымъ мужчиной въ Китаѣ».

Въ числѣ этихъ мѣръ слѣдуетъ отмѣтить тактику борьбы съ революціонной эмиграціей и вообще съ подданными Срединной имперіи, живущими за границей. Она представляетъ собою сколокъ съ тѣхъ мѣропріятій, къ какимъ прибѣгали въ свое время и еще теперь прибѣгаютъ разныя деспотическія правительства, чувствующія, что почва подъ ними шатается и мнящія полицейскими и шпионскими кунштюками оттянуть смертный приговоръ, произнесенный надъ ними исторіей. Ничто не ново подъ луной, и ки-

тайское правительство, вынужденное ходомъ событій призвать къ управленію страной само населеніе, тѣмъ не менѣе старается приписать ростъ недовольства среди своихъ подданныхъ не разочарованію, которое развивается у нихъ подъ вліяніемъ двусмысленной политики верховной власти, а вліянію профессиональных агитаторовъ, только, молъ, мѣшающихъ своимъ преступнымъ нетерпѣніемъ преобразовательнымъ намѣреніямъ правителей. Сообразно съ этимъ оно тѣмъ же старается окружать свободомыслящихъ китайцевъ съѣтъю исключительныхъ мѣръ и очень большое вниманіе удѣляетъ тѣмъ, кто живетъ за предѣлами Средняго имперіи.

Такъ усердными не по разуму генераль-губернаторами посылались въ разные мѣста, напр. въ Сингапуръ, агенты, на которыхъ была возложена миссія произвести специальную «анкету» относительно образа жизни и степени лояльности находящихся тамъ китайцевъ. Въ результатѣ получались зачастую столкновенія этихъ двухъ категорій подданныхъ, столкновенія, которыя отнюдь не прибавляли престижа власти богдыхана за границей. Прямѣе, но еще наивнѣе былъ пріемъ, нашедшій свое выраженіе въ императорскомъ указѣ (августъ 1906 г.), который приглашалъ вернуться въ отечество всѣхъ тѣхъ «вѣрноподданныхъ», что поселились въ Малайскомъ Архипелагѣ, Сіамѣ и т. п., и обѣщалъ имъ въ награду за послушаніе «покровительство трона» и различные чины. Такъ какъ большинство лицъ, поселившихся въ упомянутыхъ мѣстахъ, уже приобрѣло извѣстное положеніе въ торговомъ и финансовомъ мірахъ, то спрашивается, въ состояніи ли будетъ китайское правительство, само столь нуждающееся въ денежной и другой поддержкѣ, вознаградить какъ слѣдуетъ лоялизмъ лицъ, нустившихъ корни за границей, а теперь принужденныхъ сразу пересадить себя на почву родины и нанести тѣмъ самымъ несомнѣнный ущербъ своимъ существеннымъ интересамъ.

Что касается до Японіи, то китайскія власти смотрятъ на нее, какъ реакціонныя правительства Европы смотрятъ на Швейцарію, Францію, или Англію. Для нихъ этотъ ступившій на путь европейской цивилизаціи край является очагомъ революціи, у котораго грѣются китайскіе эмигранты-революціонеры и искры котораго могутъ возжечь великій пожаръ въ умахъ жителей Средняго имперіи. Въ Японію убѣгаютъ, дѣйствительно, всѣ тѣ, кто оказался скомпрометированнымъ въ освободительномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ. Въ Японіи китайскіе революціонные публицисты учатся искусству писать удобочитаемые политическіе памфлеты и создавать вліятельную агитаціонную прессу. Изъ Японіи вожакъ непримиримой оппозиціи вступаютъ въ общеніе съ своими единомышленниками, оставшимися и работающими въ Китаѣ. Таковъ, напр., извѣстный революціонеръ Суэнь-И-Сіанъ, арестъ котораго на экстратерриториальной почвѣ китайскаго посольства въ свое время (въ 1896 г.) надѣлалъ столько шуму въ Лондонѣ. Теперь

онъ живетъ въ Токио и оттуда разсылаетъ въ Китай свои жадно читаемые манифесты, оттуда поддерживаетъ сношенія съ членами секретныхъ обществъ Ко-Ла-Хуэй, Санъ-Тіанъ-Хуэй, Чуангъ-Хо-Хуэй, оттуда помогаетъ ввозу оружія въ становящійся все болѣе и болѣе безпокойнымъ и анти-династическимъ Китай, и организуетъ возстанія. Его революціонная программа включаетъ три главные пункты: изгнаніе манчжуровъ; основаніе республики; опредѣленіе цѣнности земли, при чемъ все будущее «приращеніе земельной цѣнности должно принадлежать государству съ цѣлью воспрепятствовать обогащенію частныхъ лицъ» *).

Совѣтники богдыхана съ крайней подозрительностью и страхомъ смотрятъ на китайскихъ студентовъ, возвращающихся изъ высшихъ школъ Японіи. Подъ предлогомъ проверить серьезность и доброкачественность научныхъ занятій, доступъ къ которымъ открытъ китайцамъ въ трехъ японскихъ университетахъ и большомъ количествѣ среднихъ общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школъ, правительство Срединной имперіи вручило своему посланнику въ Токио функціи главнаго инспектора китайскихъ студентовъ и подчинило ему восемнадцать мандариновъ, посланныхъ специально изъ Китая и играющихъ роль субъ-инспекторовъ. Возвращаясь изъ Японіи, студентъ-китаецъ долженъ при вѣздѣ представить свой паспортъ и «немедленно же отправиться на мѣсто своего первоначальнаго жительства», такъ какъ правительство боится, какъ бы онъ «не вошелъ въ соприкосновеніе съ эmissарами революціонныхъ обществъ» **). Вслѣдствіе этихъ мѣръ число студентовъ въ Японіи, доходившее до 10.000, значительно упало. Стараясь затруднить сношенія между интеллигенціей обѣихъ странъ, китайское правительство даже закрыло курсы японскаго языка въ пекинскомъ университетѣ: этотъ языкъ является каналомъ, по которому чаще всего текутъ въ умъ китаецъ зловредныя идеи современной цивилизаціи,—такъ думаютъ, и не безъ основанія, власти Срединной имперіи.

Какъ бы то ни было, и несмотря на всевозможныя мѣры, строгости, которыя китайское правительство принимаетъ противъ распространенія революціонныхъ идей въ странѣ, бунты и болѣе серьезные возстанія не перестаютъ потрясать дѣлающуюся все болѣе вулканической почву Китая. Особенно упорными эти волненія были на югѣ страны, въ провинціяхъ Куангъ-Тунгъ, Куангъ-Си; и идя отсюда въ центръ страны, въ провинціяхъ Ху-Нанъ и Ху-Пе; но также на юго-западѣ, въ Юнь-Нанѣ, и Ссэ-Чуанѣ; на сѣверовостокѣ, въ Шанъ-Тунгѣ и даже въ провинціи Пе-Чи-Ли, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ столицей.

*) Achille Viallate *La vie politique* etc., годъ второй; Парижъ, 1909 стр. 446.

**) *La vie politique* etc., годъ первый, стр. 445.

Конечно, возстанія—вещь обычная въ Китаѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. возстаніе тайпинговъ въ 50-хъ—60-хъ годахъ, направленные противъ манчжурской династїи, захватывали огромныя пространства. Но что ново въ послѣднихъ движеніяхъ, такъ это, что ихъ главною особенностью является не религіозно-антидинастическая сторона, какъ въ только что упомянутомъ великомъ мятежѣ тайпинговъ, и не націоналистическое раздраженіе противъ иностранцевъ, какъ въ боксерскихъ безпорядкахъ, а стремленіе населенія сбросить съ себя гнетъ старой государственной машины и ограничить произволъ и хищенія властей. Это еще не та дѣльная «идеологія» конституціонализма, которая глубоко запала теперь въ душу передовыхъ китайцевъ и превращаетъ ихъ въ принципиальныхъ враговъ абсолютизма. Но это уже болѣе или менѣе ясное сознаніе въ массахъ, что старые порядки черезчуръ попираютъ личность и трудъ человѣка.

Такъ какъ въ большой европейской и американской прессѣ, слишкомъ поработенной людьми капитала и владѣнія, принято уменьшать значеніе назрѣвающей въ Китаѣ революціи и настаивать едва ли даже не больше, чѣмъ то дѣлаетъ само правительство богдыхана, на неподготовленности страны къ конституціонному режиму, то не мѣшаетъ указать читателю, какимъ реальнымъ потребностямъ населенія отвѣчаетъ надвигающійся переворотъ, и что осязательно полезнаго принесетъ онъ среднему обывателю съ собою. Только въ этомъ случаѣ можетъ быть дѣйствительно прочна коренная реформа китайскихъ учреждений. Ибо какъ бы живо ни чувствовался ихъ возмутительной анахронизмъ интеллигенціей Китая, она не можетъ вынести на своихъ плечахъ всей тяжести переворота, если не будетъ поддержана массами. Къ этому мы теперь и переходимъ.

II.

Конституція, видите ли, не можетъ ни въ какомъ случаѣ прійтись въ Китаѣ: обитатель Небесной имперіи привыкъ къ абсолютизму верховной власти, которая воплощается въ личности государя и, функціонируя въ теченіе тысячелѣтїй, парализовала у подданныхъ самонаимѣншее проявленіе инициативы въ общественныхъ вопросахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко проникнутая принципами патріархальнаго истинно отеческаго управленія, императорская власть удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ законнаго и мирнаго режима, какія только можетъ предъявлять къ правительству своей страны хорошій китайскій гражданинъ. Таковы разсужденія и внутри Имперіи и за границей лицъ, которые заинтересованы въ сохраненіи стараго порядка вещей въ Китаѣ.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли китайцамъ совершенно чуждо понятіе объ отвѣтственности власти? Мы сейчасъ увидимъ, какія по-

правки приходится вводить въ ходъ представленія европейцевъ, о характерѣ императорскаго абсолютизма въ Китаѣ. Серьезные изслѣдователи китайской жизни уже довольно давно отмѣтили тотъ фактъ, что на политическихъ воззрѣніяхъ страны сказывается двойственность началъ, обнаруживающихся въ теченіе очень длинной исторической эволюціи Срединной имперіи. Непрерывность и сравнительно крайняя медленность развитія Китая, испытывающаго, однако, неоднократныя революціи въ продолженіе тысячелѣтій своего существованія, имѣли своимъ результатомъ, что на почвѣ архаическаго республиканскаго клана, основаннаго на отцовской власти *), выросла абсолютная монархическая власть, которой приходилось приспосабливаться къ болѣе ранней родовой демократической организаціи.

Отсюда, съ одной стороны, самое, казалось-бы, крайнее возвеличеніе, обоготвореніе императора: монархъ. *Хуангъ-Ти*, по опредѣленію комментаторовъ, есть «священнѣйшій владыка, тотъ, кто обладаетъ всей полнотой добродѣтели и способностью дѣйствовать сообразно съ божественными принципами», какъ о томъ гласитъ длинный рядъ его именъ и титуловъ. Съ энергіей наивнаго убѣжденія, истолкователи древнихъ завитовъ утверждаютъ даже, что это не зависитъ отъ личныхъ свойствъ государя: «Какъ бы ни былъ старъ колпакъ, имъ прикрываютъ голову, — говоритъ старинная теорія, — и какъ-бы ни были чисты сапоги, ихъ все же надѣваютъ только на ноги. Кію и Чеу были преступными злодѣями и всетаки королями; Чингъ-Тангъ и У-Вангъ — великими и святыми людьми, но простыми подданными». Даже въ мірѣ божествъ китайскій императоръ ниже лишь одного верховнаго существа, *Шангъ-Ти*, «Великаго Бога Неба». Всѣмъ остальнымъ богамъ и геніямъ, духамъ солнца и луны, и земли «Сынъ Неба», — таковъ одинъ изъ титуловъ владыки, — отдаетъ приказанія, какъ своимъ подчиненнымъ. Уже не говоря о людяхъ, ему повинуются законы естества: «и орелъ — рыба, когда такъ повелѣлъ императоръ», — гласитъ традиціонная поговорка.

Но, съ другой стороны, эта постепенно сложившаяся исторически, освященная грандіозной теоріей абсолютизма сила ограничена обычаями и воззрѣніями, которые являются выраженіемъ первобытной родовой демократіи. Императоръ есть «отецъ» подданныхъ, но какъ-былъ такимъ отцомъ родичей патріархальный вождь любого изъ республиканскихъ клановъ, за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. еще выбиравшихъ своихъ политическихъ главъ. Патріархальныя отно-

*) Китайцы, впрочемъ, подобно столькимъ народамъ, прошли въ доисторическій періодъ черезъ стадію материнства: „раньше эпохи. Фо-Хи. — говорятъ старыя книги, — люди знали свою мать и не вѣдали, кто былъ ихъ отцомъ“. См. Reclus, *L'Empire du Milieu*, стр. 133. Нынѣ отъ этого матриарха осталось очень мало слѣдовъ.

шенія монарха къ простымъ гражданамъ являются психологическимъ мостомъ, при помощи котораго древнѣйшій республиканскій принципъ равенства примирился въ сознаниі китайца съ выросшей впоследствии до гигантскихъ размѣровъ императорской властью. Какъ отецъ-патріархъ, носитель верховнаго суверенитета является нравственно отвѣтственнымъ не только за свои добрыя, но и за злыя дѣла, мало того, за чисто стихійныя бѣдствія, которыя судьба обрушиваетъ на его подданныхъ. Цѣлый рядъ афоризмовъ и ученій мудрецовъ, идущихъ, очевидно, въ послѣднемъ счетѣ отъ временъ архаическаго республиканства, говорятъ и о болѣе непосредственной и осознательной отвѣтственности монарха передъ управляемымъ народомъ. Основное равенство всѣхъ людей между собою; право ихъ, даже обязанность отвѣчать силою на угнетенія владыки, которому могущество дано, молъ, лишь для блага подданныхъ и т. п.—всѣ эти воззрѣнія, любопытнымъ образомъ напоминающія намъ взгляды наиболѣе культурныхъ народовъ Запада, находятъ краснорѣчивую формулировку въ образцахъ той самой классической отечественной литературы, знаніе которой обязательно для всякаго образованнаго китайца.

Сплошь и рядомъ въ указахъ вы встрѣчаетесь съ слѣдующими идущими изъ сѣдой древности афоризмами: «хотя люди и занимаютъ различныя положенія, все же по природѣ они совершенно равны... Что же? Развѣ даже вотъ этотъ рабъ не есть сынъ человѣка и самъ, стало быть, вполне человѣкъ». *) Конфуцій, этотъ популярнѣйшій философъ Китая, говоритъ: «самое главное правило поведения для монарха—это обращать вниманіе на чувства своего народа». **). Въ трактатахъ его ученика, Мэнгъ-Тсэ, вошедшихъ, наравнѣ съ сочиненіями самого Конфуція, въ нравственный и политическій обиходъ просвѣщенной части націи, встрѣчаются еще болѣе рѣзкія и отнюдь не единичныя мѣста: «Самое драгоцѣнное въ мірѣ, это—народъ; лишь за нимъ слѣдуютъ по достоинству геніи земли, и только напоследокъ государь». И далѣе: «Всѣ люди равны,—зачѣмъ въ такомъ случаѣ существуютъ великіе и малые?.. Когда вкусныя блюда готовятся на царской кухнѣ, когда царскія конюшни полны прекрасными лошадьми, а народъ мретъ съ голода и усыиваетъ трупами большія дороги, развѣ не управляемся мы тогда дикими звѣрями, которые рвутъ на части людей.. Когда хищныя животныя пожираютъ другъ друга, это зрѣлище отвратительно. Но когда императоръ, отецъ народа, присоединяется къ стаду дикихъ звѣрей, то развѣ можно его называть отцомъ своихъ подданныхъ?.. Если мой императоръ не обладаетъ необходимыми для правленія способностями, я имѣю право расправиться

*) Ch. Letourneau, *L'évolution de la morale*; Парижъ, 1887, стр. 303.

**) Ibid., стр. 301.

съ нимъ какъ съ разбойникомъ» *)—и китайскій мудрецъ заключаетъ къ царевубійству въ томъ случаѣ, если «императоръ обкрадываетъ справедливость», «ибо нѣтъ никакой разницы въ томъ, какъ убить человѣка: мечомъ или дурнымъ управленіемъ».

Впрочемъ, сами носители верховной власти проникнуты этимъ принципомъ отвѣтственности за бѣды и несчастія, испытываемыя ихъ подданными. Исторія и правоучительныя сказанія кишатъ примѣрами императоровъ, открыто каившихся въ своихъ преступленіяхъ передъ страной. «Холодно-ли народу? восклицалъ императоръ Яо, я тому причиною. Голодаетъ-ли онъ? То—моя вина. Стряслось-ли надъ нимъ какое горе? Опять-таки надо обвинять меня».—«Я единственный виновникъ, сѣтовалъ императоръ Чингъ-Тангъ, оплакивая злоключенія государства; и я, единственно я долженъ быть принесенъ въ жертву» *).

Мы видимъ такимъ образомъ, что тѣ самыя традиціи, на которыя столь часто ссылаются приверженцы стараго режима въ Китаѣ, подготовили жителя Срединной имперіи къ воспріятію того, что называется отвѣтственностью власти передъ народомъ. Недаромъ, нѣкоторые знатоки китайской литературы замѣчаютъ, что въ ней нетрудно найти массу такихъ энергичныхъ мѣстъ, въ родѣ доказательства правъ на возстаніе народа или насильственного устраненія неспособнаго или жестокаго монарха, которыя могутъ показаться «превратными» въ странахъ, даже издавна пользующихся политической свободой.

Не нужно, кромѣ того, забывать, что даже согласно китайской теоріи абсолютизма, «императоръ и простой подданный, нарушающіе законъ, оба одинаковы преступны». Неограниченная власть монарха, опять таки согласно этой теоріи, должна двигаться въ рамкахъ учрежденій и обычаевъ, считающихся существенною частью государственнаго управленія. Извѣстный путешественникъ по Китаю, Когунъ (Cochon), уже десять лѣтъ тому назадъ писалъ: «Имѣя видимость абсолютнаго владыки, китайскій императоръ править, однако, не болѣе деспотически, чѣмъ любой конституціонный монархъ или президентъ республики. На представляемые его усмотрѣнію законопроекты онъ отвѣчаетъ *да* или *нѣтъ*, но въ то же самое время онъ отсылаетъ эти предложенія въ соотвѣтствующее министерство съ просьбою вновь подвергнуть ихъ тщательному разсмотрѣнію. Онъ, несомнѣнно, обладаетъ правомъ инициативы, но почти никогда не пользуется имъ». Съ своей стороны, знаменитый французскій географъ пишетъ: «руководимой цензорами, которые должны напоминать ему предписанія Конфуція, стѣсненный со всѣхъ сторонъ неумолимыми правилами этикета, заполняю-

*) Léon Metchnikoff, *La civilisation et les grands fleuves historiques*; Парижъ, 1889, стр. 335, 336—337, *passim*.

*) Elisée Reclus. I. c., стр. 585—586.

шими цѣлыхъ двѣсти томовъ книгъ, сопровождаемый двадцатью двумя исторіографами, ежедневно записывающими то, что Его Величеству было угодно сказать, сдѣлать или повелѣть, китайскій императоръ долженъ почти фатально потерять всякую оригинальность, всякую личную инициативу и стать лишь орудіемъ отдѣльнаго лица и партіи» *).

Необыкновенно широко развитая и тонко-педантически организованная бюрократія является въ различныхъ своихъ учрежденіяхъ и функціяхъ дѣйствительной властительницей Китая. Подчиненное въ теоріи контролю своихъ же безчисленныхъ колесъ, на практикѣ подсиживающее на почвѣ взаимныхъ интригъ своихъ отдѣльныхъ представителей, но въ цѣломъ обблѣющее свои совокупныя дѣянія, какъ бы преступны они ни были, китайское чиновничество представляетъ собою цѣлую армію угнетателей и хищниковъ, питающихся соками и кровью народа. Достаточно сказать, что страшная корпорація «цензоровъ», надзору и внимательству которой должно было бы все подлежать въ Срединной имперіи, начиная отъ императора и кончая послѣднимъ нищимъ, превратилась въ своеобразное страховое отъ контроля и преслѣдованій общество для мандариновъ, правильно дѣлящихся своими поборами и взятками съ «великими доносителями».

Въ особенности финансы страны являются излюбленною областью для хищническихъ подвиговъ чиновниковъ. Обладая широко автономіею во всѣхъ дѣлахъ, касающихся вѣренной имъ территории, китайская бюрократія, начиная отъ генераль-губернаторовъ или «вице-королей» (*Тсонгъ-Ту*) и кончая самомалѣйшимъ начальникомъ волости (*Че-Хсиенгъ*), нещадно стрижетъ населеніе и при этомъ лишь очень скудно питаетъ выколачиваемыми податями казначейство Имперіи. То, что писалось 10—12 лѣтъ тому назадъ въ специальномъ статистико-географическомъ изслѣдованіи о Китаѣ, выполняѣ примѣнимо и къ теперешней переходной эпохѣ: «рѣдко можетъ быть получена вся сумма налоговъ; треть или даже половина остается въ дорогѣ, за исключеніемъ, конечно, доходовъ морскихъ таможенъ (организованныхъ на европейскій ладъ и долго управлявшихся англичаниномъ, сэромъ Робертомъ Хартомъ. Н. К.). Въ особенности подлежатъ сомнѣнію цифры налоговъ натурою (зерномъ и сѣномъ), ибо большинство губернаторовъ провинцій, которымъ поручено,—но безъ контроля,—наполнять ежегодно общественные магазины, довольствуется тѣмъ, что, продѣлываетъ эту операцію исключительно на бумагѣ, оставляя склады почти совершенно пустыми. Такъ, въ іюль 1890 г., послѣ ужасныхъ наводненій, оставившихъ безъ крова и пищи болѣе 4 милліоновъ людей въ провинціи Пе-Чи-Ли, правительство отдало приказъ открыть государственные магазины для снабженія провіантомъ толпы несча-

*) Elisée Reclus, l. c., стр. 585.

етныхъ. Но каково же было удивленіе посланцевъ императора, когда, открывъ первый складъ въ Пекинѣ, они констатировали исчезновеніе 400 центнеровъ рису, который онъ долженъ былъ по документамъ заключать! Если дѣло обстоитъ такъ въ столицѣ, на глазахъ у императора, то чего же можно ожидать въ магазинахъ отдаленныхъ городовъ» *).

Правосудіе является также любимой ареной упражненія въ хищничествѣ мандариновъ. Пользуясь тѣмъ, что законы страны издавно позволяютъ откупаться штрафами отъ ужасныхъ наказаній, столь распространенныхъ въ Китаѣ, судьи получаютъ огромные доходы отъ злоупотребленій этимъ выкупомъ, обращая львиную долю его въ свою пользу. Но не одни судьи, а все вообще китайское чиновничество поражаетъ своею продажною и отсутствіемъ какого бы то ни было понятія о долгѣ, справедливости, а сплошь и рядомъ и о самой элементарной честности. Сама практика назначенія бюрократовъ способствуетъ деморализаціи этого слоя. Прежде всего правительство продаетъ по опредѣленной таксѣ всѣ низшія мѣста, вродѣ должностей уѣзднаго судьи или второстепенныхъ контролеровъ соляного налога. Затѣмъ оно продаетъ за дорогую цѣну и различныя «почетныя» мѣста и отличія, которыя если и не даютъ права на должность, то до извѣстной степени приравниваютъ купившаго ихъ къ мандаринату и льстятъ честолюбію состоятельныхъ гражданъ. Даже пресловутая, лишь четыре года тому назадъ измѣненная система послѣдовательныхъ все болѣе и болѣе трудныхъ экзаменовъ для готовящихся къ бюрократической карьерѣ, эта гордость традиціоннаго Китая, чтящаго якобы не золото и не происхожденіе, а «личныя достоинства», даже и эта система искажается въ самомъ основаніи фискальными интересами государства: можно купить право не подвергаться первой серіи испытаній, а прямо явиться на вторую. Уволенный со службы мандаринъ, лишь бы онъ не обвинялся въ тяжеломъ преступленіи, можетъ снова получить должность, потерянную за нерадѣніе или служебныя проступки, если внесетъ извѣстную сумму, соотвѣтствующую его чину.

И, замѣтите, мы говоримъ пока о томъ, что узаконено и дѣлается совершенно правильно и открыто. А прибавьте къ этому негласную мощь взятокъ, при помощи которыхъ можно получить себѣ любую должность и цифру которыхъ съ лихвой чиновникъ возмѣщаетъ поборами съ населенія. Такъ должность *тао-тая*, или губернатора, даетъ около 10000 рублей официальнаго жалованья въ годъ. Но чтобы быть назначеннымъ на это мѣсто, приходится издержать на «подарки» представителямъ центральныхъ учреждений не менѣе 400000—500000 рублей на наши деньги. И,

*) Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, *Nouveau dictionnaire de Géographie universelle, Supplément* № 7; Парижъ, 1897, статья „Chine“.

однако, находится очень много желающих понести эти издержки, хотя, по правилу, губернаторъ остается на своемъ посту лишь въ теченіе трехъ лѣтъ: нужно же дать «кормиться» и другимъ. Можно представить себѣ, съ какой энергіей сановникъ долженъ выжимать соки изъ жителей ввѣренной его заботамъ территоріи, чтобы не только не потерять, но даже приумножить крупный капиталъ, затраченный имъ на эту своеобразную операцію.

Сказаннаго довольно, чтобы читатель понялъ, какимъ великимъ благодѣяніемъ для страны будетъ конституціонный режимъ, который введетъ контроль представителей націи и замѣнитъ строгою бюджетною отчетностью колоссальную оргію бюрократическаго хищничества. Эта нота встрѣчается, дѣйствительно, всего чаще въ прокламаціяхъ и манифестахъ послѣдовательныхъ конституціоналистовъ Китая и находитъ самый громкій отголосокъ въ умахъ все болѣе и болѣе пробуждающагося къ сознательной политической жизни населенія.

Но, спрашивается, можно ли рассчитывать, что въ самомъ населеніи Срединной имперіи найдется достаточно умѣнья и инициативы, чтобы участвовать въ управленіи страной? Защитники стараго режима и въ Китаѣ, и за границей увѣряютъ, что нѣтъ, что средній обыватель привыкъ только подчиняться, но отнюдь не способенъ къ самой элементарной общественной дѣятельности. Но при этомъ сторонники архаическихъ порядковъ игнорируютъ, однако, крупную особенность китайской жизни, особенность, которая идетъ съ незапамятныхъ временъ и которая можетъ служить прекрасной гарантіей того, что распоряженіе народа своими судьбами осуществится въ Срединной имперіи, пожалуй, еще легче, чѣмъ въ иномъ «культурномъ» государствѣ. Дѣло въ томъ, что теоретическій абсолютизмъ центральной власти и практическая автономія всѣхъ мѣстныхъ органовъ бюрократіи не могли истребить стариннаго демократическаго принципа самоуправленія родовъ. Семейно-родовая организація, которая до сихъ поръ такъ живуча въ Китаѣ, продолжаетъ создавать такія формы общенія людей, которыя причають ихъ къ обсужденію ближайшихъ, существенныхъ интересовъ. Съ этой многовѣковой тягой къ родовой и сосѣдской, вообще, мѣстной ассоціаціи приходится считаться и самому правительству, которое, въ сущности, даже и не могло бы проводить свои мѣры на мѣстахъ, если бы не встрѣчало здѣсь естественно выросшихъ группъ населенія, прекрасно справляющихся со своими дѣлами и умѣло пользующихся знаніемъ непосредственно ихъ окружающихъ условий.

Прежде всего всѣ семейныя дѣла вершатся внутри каждой родственной ячейки, и на этихъ совѣщаніяхъ,—фактъ довольно знаменательный и напоминающій первобытные порядки,—участвуютъ не только мужчины, но и женщины. Далѣе, каждая деревня избираетъ свой органъ управленія изъ главъ семействъ,—здѣсь вступаетъ уже въ силу патріархальное начало,—съ мѣромъ и дру-

гими коммунальными должностными лицами во главѣ, которыя играютъ роль и нотаріуса при заключеніи контрактовъ, и судьи для улаживанія мѣстныхъ распрій, и распредѣлителя податей, и агента общественныхъ работъ, и т. д. Въ болѣе значительныхъ центрахъ главы семей слагаются въ органы управленія, состоящіе изъ 60 и даже до 100 членовъ и, кромѣ уже упомянутыхъ, завѣдующихъ военными функціями, напр., организаціей мѣстныхъ милицій. Даже въ самыхъ крупныхъ административныхъ центрахъ, напр., *фу* (нашихъ губернскихъ городахъ), бюрократія встрѣчается съ естественно возросшими представительными органами населенія, которымъ охотно поручаетъ всѣ, собственно, такъ называемыя питательныя функціи мѣстной жизни, доставляя себѣ только привилегированную роль хищниковъ и паразитовъ. Но отъ времени до времени и эти мирныя собранія гражданъ охватываются духомъ возмущенія, «кланяются», въ согласіи съ формулами архаическаго церемоніала, задѣвшему ихъ за живое административному тирану и «униженно просятъ» его «сѣсть въ паланкинъ», т. е. удалиться изъ города въ сопровожденіи блестящей свиты, на каковое приглашеніе мандаринъ обыкновенно соглашается съ большою готовностью, такъ какъ при крайней административной децентрализаціи Китая и слабости мѣстныхъ войскъ у него очень часто нѣтъ возможности подавить возстаніе.

Одинъ изъ путешественниковъ по Срединной имперіи, нѣкто Грунцель, былъ просто пораженъ необыкновенно широкимъ распространеніемъ принципа самоуправленія между населеніемъ и умѣньемъ его справляться со всѣми вопросами мѣстной жизни. Любопытно, что даже живущіе за границей китайцы слагаются въ группы и выбираютъ, какъ на родинѣ, своихъ представителей для того, чтобы защищать свои интересы. Вполнѣ естественно поэтому предположить, что какъ только съ пробуждающейся націи будетъ снята гнетущая ее покрывка административнаго произвола и хищничества, представительный строй найдетъ вполнѣ подходящіе элементы для своего правильнаго функціонированія въ безчисленныхъ болѣе или менѣе крупныхъ органахъ мѣстнаго самоуправленія, съ незапамятныхъ временъ приучившаго китайца полагаться на силу членовъ своей ассоціаціи и умѣло рѣшать всѣ жизненные вопросы.

Именно въ этомъ расширенномъ смыслѣ самодѣтельности населенія можно согласиться съ мнѣніемъ уже извѣстнаго читателю Когуна, только что возвратившагося въ англійской періодической печати къ старой своей темѣ о «возрожденіи Китая». Авторъ полагаетъ, что «нація эта дѣйствительно реформируется, и не сверху книзу, какъ было въ Японіи, а съ основанія кверху, какъ то приличествуетъ старѣйшей и самой подлинной демократіи» *).

*) Archibald Colquhoun, *China in Transformation*; «The Fortnightly Review», 1909, сентябрь, стр. 459.

добно столь многимъ европейскимъ писателямъ, Когунъ видитъ это «основаніе», этотъ «низъ» не въ томъ, въ чемъ должно его видѣть искреннимъ друзьямъ молодого Китая. Реформа арміи, существовавшей въ Срединной имперіи больше на бумагѣ, и реформа «образованія» съ замѣной схоластической дрессировки ума современнымъ научнымъ и профессиональнымъ образованіемъ на европейскій ладъ—вотъ, насколько можно понять изъ нѣскольکو разтрепанной и теряющейся въ деталяхъ статьи Когуна, съ чего нужно начинать, по его мнѣнію, прогрессирующему Китаю. Но точно ли это «основаніе»? Дѣйствительно ли военная и образовательная реформы являются для населенія Срединной имперіи коренными преобразованіями «снизу»?

Никто не будетъ отрицать громаднаго значенія образованія, опирающагося на основы дѣйствительнаго знанія, а не на педагогическое пережевываніе фантастическихъ и въ лучшемъ случаѣ имѣющихъ лишь антикварскій смыслъ ученій старины. Въ этомъ отношеніи можно только привѣтствовать сильное тяготѣніе націи къ современной западной наукѣ, которое нашло выраженіе и въ императорскомъ указѣ отъ 3-го сентября 1905 г., отмѣнившемъ державшуюся столько вѣковъ систему схоластическихъ экзаменовъ. Въ настоящее время въ Пекинѣ существуетъ императорскій университетъ съ кафедрами иностранныхъ языковъ, математическихъ и естественныхъ наукъ и т. п., а также высшая медицинская школа, основанная въ 1906 усиліями англичанъ. Въ Тьень-Тсинѣ функционируетъ китайскій университетъ, англо-китайскій «колледжъ», профессиональная школа и нѣсколько медицинскихъ и иныхъ учебныхъ заведеній. Въ 15 главныхъ городахъ провинціи основаны школы типа «колледжей». Повсюду вырастаютъ механическія, земледѣльческія, военныя и даже «полицейскія» школы. Когунъ замѣчаетъ, что первоначальныя и среднія образовательныя учрежденія плодятся теперь «какъ грибы», но къ сожалѣнію, «количество» ихъ значительно перевѣшиваетъ «качество». Присоедините къ этому различныя школы, основанныя миссіонерами, которые по необходимости, кромѣ вѣроисповѣдныхъ интересовъ, принуждены обращать вниманіе на распространеніе западной науки. Словомъ, по всей Китайской имперіи идетъ теперь самая оживленная работа въ области просвѣщенія.

И, однако, если вы хорошенько вдумаетесь въ то, какой де сихъ поръ сравнительно малый процентъ громаднаго китайскаго населенія получаетъ образованіе на западный образецъ, то вы легко поймете, что не этимъ путемъ распространенія школьныхъ знаній произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ приобщеніе Китая къ исторической жизни культурныхъ странъ. Для Срединной имперіи стоитъ теперь на очереди великій конституціонный вопросъ. Нація должна быть призвана къ управленію своими судьбами прежде, чѣмъ западная наука войдетъ въ обиходъ каждаго

средняго китайца. Кромѣ школьной науки есть наука жизненная, обученіе при помощи фактовъ дѣйствительности. И нѣтъ сомнѣнія, что стоитъ только свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ смѣнить допотопный абсолютизмъ центральной власти и «автономный» произволъ органовъ областной администраціи, какъ населеніе Китая, издавна привыкшее, какъ мы видѣли, къ мѣстному самоуправленію и умѣлому веденію своихъ непосредственныхъ общественныхъ дѣлъ, разовьетъ политическую дѣятельность, можетъ быть гораздо болѣе энергичную и цѣлесообразную, чѣмъ та, на какую способно населеніе крайне централизованныхъ государствъ Запада.

Въ этомъ смыслѣ позволительно даже надѣяться, что именно такая самодѣятельность всевозможныхъ мѣстныхъ группъ будетъ воздѣйствовать «снизу вверхъ» на общеперскія учрежденія и придастъ китайскому конституціонному строю характеръ не столько унитарнаго, сколько федеральнаго государства. Та децентрализація, которая при теперешнихъ условіяхъ поддерживаетъ въ Имперіи только ужасающій произволъ провинціальной бюрократіи, въ свободномъ «молодомъ Китаѣ» будетъ служить залогомъ дѣятельной политической жизни болѣе или менѣе обширныхъ мѣстныхъ единицъ и противовѣсомъ могущему черезчуръ усиливаться давленію центральной власти. Съ этой точки зрѣнія можно говорить о «реформѣ снизу». Но эта реформа предполагаетъ введеніе представительнаго правленія въ центрѣ, опирающагося на самодѣятельность населенія во всѣхъ сферахъ мѣстной жизни. «Верхъ» и «низъ» подають здѣсь другъ другу руки, и «старѣйшая демократія» Когунъ можетъ съ успѣхомъ осуществить требованія современнаго конституціоннаго государства, лишь оставаясь вѣрна многовѣковымъ привычкамъ самоуправления въ областной, уѣздной, муниципальной и общинной сферахъ.

Что касается до другой реформы, военной, которую Когунъ тоже называетъ «реформой снизу» въ томъ спеціальному смыслѣ, что здѣсь дѣло идетъ объ измѣненіи психологіи, самой души китайскаго солдата, то тутъ можно усомниться въ успѣшности результатовъ, которыхъ думаютъ добиться «цивилизаторы» Китая. И здѣсь, по пути къ этимъ сомнительно-прогрессивнымъ преобразованіямъ лежатъ вѣковыя привычки населенія. Историческая жизнь Китая складывалась такъ, что въ сознаніи его обитателей не выработалась та пагубная идеализація военщины, которая кошмаромъ давить на развитіе современныхъ самыхъ культурныхъ государствъ. Въ этой странѣ земледѣльцевъ-крестьянъ, гдѣ мелкая собственность, выросшая на развалинахъ старинной общины, успѣла въ общемъ отдѣлаться отъ послѣдующаго гнета феодализма, война считается несчастіемъ и позоромъ. Въмѣсто воинственныхъ плѣсень «цивилизованныхъ» народовъ здѣшній солдатъ, вспоминая свою прежнюю жизнь, жизнь пахаря и огородника, поетъ и подѣ

знаменемъ: «когда мы пошли въ походъ, ростки прозябали, а вернулись мы, они уже засохли. Сколько незаслуженныхъ бѣдъ перенесъ я, съ тѣхъ поръ какъ взялъ въ руки оружіе, оставивъ соху». Человѣку изъ народа вторить философъ, энергично восклицая: «Воздавайте побѣдителямъ лишь похоронныя почести; встрѣчайте ихъ плачемъ и столами въ память о совершенныхъ ими убійствахъ».

Конечно, все болѣе и болѣе раздражаемый жадностью культурныхъ народовъ, Китай изъ опасенія иностраннаго нашествія принужденъ «реформировать» свою армію, насчитывающую болѣе милліона солдатъ на бумагѣ, а въ дѣйствительности состоящую врядъ ли изъ 100.000 съ небольшимъ человѣкъ провинціальныхъ войскъ, вооруженныхъ «болѣе или менѣе современнымъ оружіемъ» *). Но эта «реформа» арміи (и флота), предпринятая въ январѣ 1905 г. и рассчитанная на долгій срокъ,—она должна быть закончена въ 1922 г.,—хоть и обойдется въ 400 милліоновъ рублей, врядъ ли измѣнитъ существеннымъ образомъ народную душу, какъ того желали бы инструкторы различныхъ націй, конкурирующіе между собою за честь поскорѣе превратить Китай въ милитаристскую имперію.

Они, конечно, заслуживали бы, чтобы страна, насчитывающая болѣе 400 милліоновъ жителей, выучилась военному искусству и примѣнила бы его прежде всего къ своимъ учителямъ, изгнавъ ихъ изъ эксплуатируемой и угнетаемой ими страны. Но «желтая опасность», вѣроятно, такъ и останется существовать въ корыстномъ воображеніи современныхъ конкистадоровъ Европы и Америки, пускающихъ въ ходъ этотъ призракъ для оправданія своей завоевательной колониальной политики на крайнемъ Востока.

Не убаюкивая себя иллюзіями относительно скорѣйшаго прекращенія международныхъ войнъ, мы все таки можемъ надѣяться, что проповѣдь интернаціональнаго общенія между трудящимися классами всѣхъ странъ не совсѣмъ бесплодна, и что мирному великому народу Китая удастся войти въ семью цивилизованныхъ націй не сквозь дымъ пожаровъ и не среди зловѣщаго гула пушекъ, а путемъ коренного глубоко назрѣвшаго преобразованія своихъ одряхлѣвшихъ политическихъ учреждений и замѣны ихъ свободнымъ строемъ.

Н. Е. Кудринъ.

---

*) J. Scott Keltie, *The Statesman's Year-Book for the Year 1909*; Лондонъ, 1909, стр. 690.

П о л и т и к а.

Новыя челоѣкоубійственныя изобрѣтенія и ихъ политическое значеніе.—Казнь Феррера въ Испаніи.—Греческій кризисъ.—Текущія событія: рѣчь Бріана, англійскій бюджетъ. Дальній Востокъ.

I.

Совсѣмъ недавно, этиѣ лѣтомъ, на этиѣ страницахъ мы говорили о томъ огромномъ военномъ и политическомъ значеніи, которое предстоитъ воздушнымъ и подводнымъ флотамъ. Они не въ состояніи были бы избавить челоѣчество отъ войнъ и кровопролитія, какъ полагаютъ нѣкоторые оптимисты. Они только перенесли бы столкновение въ другую среду и тотъ, кто побѣдилъ бы на воздухѣ, оказался бы тѣмъ самымъ побѣдителемъ на землѣ и на водѣ. Потерявъ воздушный флотъ, воюющая сторона не могла бы защищать ни крѣпостей, ни складовъ, ни транспортовъ, ни лагерей, ни кораблей... Успѣхи аэронавтики и авіатики дозволяютъ имѣть эти предвидѣнія, но явились имъ въ догонку новыя изобрѣтенія и, если подтвердятся проникшіе въ печать слухи, то и они окажутся огромнаго военно-политическаго значенія, отчасти заслонивъ значеніе воздушнаго, но особенно подводнаго флота.

Впрочемъ, объ историческомъ значеніи новыхъ изобрѣтеній побесѣдуемъ послѣ, а теперь о самихъ изобрѣтеніяхъ.

Въ печати появилось коротенькое извѣстіе объ изобрѣтеніи инженеромъ Соковымъ прибора для взрыва на разстояніи безъ проводовъ. 18 сентября въ инженерномъ замкѣ будетъ демонстрироваться, при участіи представителей военного министерства и по предложенію послѣдняго, взрыватель минъ безъ проводовъ, изобрѣтенный А. Н. Соковымъ. Это краткое извѣстіе дополнялось свѣдѣніями, сообщенными интервьюеру самимъ изобрѣтателемъ: «Лѣтомъ этого года, говорилъ г. Соковъ, я демонстрировалъ свой аппаратъ въ Москвѣ передъ американскими инженерами, представителями крупнѣйшей американской фирмы. Опытъ удался, какъ нельзя лучше. Въ краткихъ словахъ устройство аппарата таково. Онъ имѣетъ 2 станціи: отправленія и полученія (взрыватель). Станціи полученія можетъ быть нѣсколько. Тотъ или иной № взрывателя (лей) можетъ быть взорванъ по желанію командира станціи отправленія, въ томъ конечно случаѣ, если ему извѣстенъ пароль. Такимъ образомъ, лицо не посвященное взорвать не можетъ, даже при наличности аппарата станціи отправленія. Аппаратъ годенъ для употребленія какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Вся такъ сказать *солъ*, тайна аппарата—заключается въ томъ,

что при посредствѣ особаго аппарата (трансформатора моей системы) получаютъ не затухающія волны максимальной чистоты, которыя, выходя изъ вибратора (тоже моей системы), направляются въ особый приборъ (когереръ) на станціи получения, гдѣ для усиленія электро-магнитной волны включается мѣстная батарея (при помощи электро-мотора Феле). Такимъ образомъ, приводится въ дѣйствіе механизмъ взрывателя. Взрывы, вѣрнѣе разстояніе, на которомъ они могутъ происходить, зависятъ отъ мощности станціи отправленія и чувствительности когерера. Максимальное разстояніе—500 верстъ, а при наличности хорошей динамы и спирали вдвое больше».

Когереръ или Кохереръ—извѣстный аппаратъ, изобрѣтенный въ 1893 году Лоджемъ и Менхиномъ (послѣ открытія въ 1888 году Герцомъ электрическихъ волнъ). Онъ служитъ для обнаруженія электрическихъ волнъ, которыя возбуждаютъ въ Кохерерѣ электрическіе токи, безъ дѣйствія электрической вибраціи не существующіе. Появленіе токовъ въ Кохерерѣ и обнаруживаетъ присутствіе электрическихъ волнъ въ окружающей средѣ. Но токи, однажды они возбуждены, конечно, могутъ быть утилизваны и для другихъ цѣлей, для беспроволочнаго телеграфированія въ томъ числѣ и для взрыва минъ, такъ или иначе соединенныхъ съ Кохереромъ. Совершенно неясны слова о «паролѣ», но до полученія патента какой же изобрѣтатель бываетъ ясенъ?

Что же касается разстоянія въ 500 и даже 1000 верстъ, на которомъ возможно беспроволочное взрываніе, то мы этому не очень удивимся, если вспомнимъ, что беспроволочное телеграфированіе съ успѣхомъ производилось черезъ Атлантическій океанъ между Англіей (Ирландіей) и Соединенными Штатами. Впрочемъ, покуда это не важно: едва ли придется взрывать на такихъ разстояніяхъ.

Мѣсяцемъ или двумя раньше появленія свѣдѣній объ изобрѣтеніи г. Сокова, проникли въ печать слухи о совершенно аналогичномъ изобрѣтеніи инженера Свентоховскаго (сынъ крупнаго польскаго писателя Александра Свентоховскаго), тоже соорудившаго аппаратъ для беспроволочнаго взрыванія минъ на разстояніи. Такое совпаденіе понятно. Послѣ открытія Герца примѣненіе электрическихъ волнъ для электропередачи стало на очереди. Маркони въ Италіи, а покойный Петровъ въ Россіи одновременно изобрѣли беспроволочный телеграфъ. Затѣмъ явился беспроволочный телефонъ. Теперь беспроволочное взрываніе минъ. Поживемъ, увидимъ многое другое беспроволочное...

Военно-политическое значеніе этихъ новыхъ изобрѣтеній еще не совсѣмъ ясно, благодаря, главнымъ образомъ, недостатку свѣдѣній. Однако, уже теперь можно сказать, что морскіе берега можно будетъ сдѣлать почти неприступными, а слѣдовательно и десанты почти невозможными. Если вспомнимъ, что вся восточная война 1853—1856 гг. велась англо-французами или нападе-

ніями на берега (на Одессу, Очаковъ, Свеаборгъ и т. д.) или десантами (Добруджа, Крымъ, Кинбурнъ, Бомаръ-Зундъ, Мингрелія), то мы оцѣнимъ значеніе новаго оружія. И теперь можно обставиться ударными минами или минами съ проводами, но послѣднія требуютъ сѣть проводовъ, не всегда удобную, а иногда и невозможную въ условіяхъ мѣста и времени, а первыя (ударныя не безопасны и для собственныхъ судовъ (вспомнимъ участь «Енисея» и «Боярина» у Портъ-Артура въ 1904 году) и опасны для мирныхъ коммерческихъ. Всякая такая опасность устраняется изобрѣтеніями гг. Сокова и Свентоховскаго. Можно герметически закрыться отъ непріятельскихъ судовъ и спокойно плавать по всему пространству миннаго загражденія.

Для оборонительной сухопутной войны эти изобрѣтенія тоже могутъ получить серьезное значеніе, заграждая пути вторженія. Значеніе беспроволочнаго взрывація для наступательной войны совершенно неясно, но конечно люди сумѣютъ найти и здѣсь его примѣненіе. Въ цѣляхъ разрушенія люди умѣютъ быть изобрѣтательными.

Электричество взрываетъ мины, но оно такъ же убиваетъ, зажигаетъ, причиняетъ боль, разрушаетъ... Покуда все это дѣлаютъ при помощи проводовъ (совершаютъ смертныя казни, подвергаютъ тѣлесному наказанію и т. д.). Недалеко, вѣроятно, время, когда на случай войны будутъ изобрѣтены беспроволочное убійство, беспроволочный поджогъ и т. д. Люди теперь такъ настроены, такъ перепуганы ожиданіемъ жестокихъ войнъ, что свою изобрѣтательность направляютъ, главнымъ образомъ, въ сторону истребленія и разрушенія... Болѣе двадцати лѣтъ прошло со дня открытія электрическихъ волнъ, и люди уже воспользовались имъ для военныхъ цѣлей, но забыли о культурныхъ задачахъ, о беспроволочномъ освѣщеніи, отопленіи, обеззараживаніи...

II.

Есть въ Испаніи городъ Толедо, основанный еще римлянами. Въ эпоху вестъ-готовъ онъ былъ столицею Испаніи и резиденціей королей. Затѣмъ подъ владычествомъ мавровъ Толедо сталъ средоточіемъ образованности и учености, но съ возвращеніемъ подъ власть христіанскихъ королей наука въ городѣ упразднена. За то Толедо снова сталъ на нѣкоторое время столицей страны и резиденціей королей и примасовъ Испаніи. Короли потомъ оставили Толедо, но примасы сохранили здѣсь свою резиденцію. Здѣсь же на церковномъ соборѣ рѣшено было ввести инквизицію, и отсюда получилъ свою миссію и первый великій инквизиторъ Испаніи знаменитый Томасъ Торквемада. Со времени изгнанія мавровъ и до нашихъ дней Толедо является плацъ дармомъ религіознаго

изувѣрства и самой мрачной клерикальной реакціи. Архіепископъ толедскій и теперь примасъ Испаніи и неограниченный владыка надъ всею испанскою церковью, надъ безчисленною въ Испаніи арміей монаховъ, надъ совѣстью вѣрующихъ... Эта огромная сила всегда стояла и нынѣ стоитъ во всеоружіи противъ всякой культуры и прогресса, противъ свободной мысли и свободной школы, противъ критики и творчества.

Эта сила располагаетъ огромною арміей духовенства, монашества и покорной паствы, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ ненависть въ многочисленныхъ слояхъ населенія. Эта ненависть была одною изъ причинъ, вызвавшихъ недавнее возстаніе въ Барселонѣ, и направила возставшую толпу на разрушеніе монастырей. Изъ Толедо потребовали возмездія. Консервативное правительство съ премьеромъ Маурой во главѣ дало полное удовлетвореніе толедскимъ изувѣрамъ: массовыя казни, переполненныя тюрьмы, исключительныя положенія, военно-полевые суды, административная расправа, полное вознагражденіе потерпѣвшимъ монастырямъ... Чего еще больше желать? Архіепископъ Толедо пожелалъ больше. Онъ захотѣлъ казнить знаменитаго испанскаго культурнаго дѣятеля Франциска Феррера, всю свою жизнь боровшагося противъ клерикализма и успѣвшаго основать не мало свѣтскихъ свободныхъ школъ. Архіепископъ Толедо потребовалъ, Маура безпрекословно исполнилъ, Ферреръ былъ казненъ, весь цивилизованный міръ содрогнулся отъ ужаса и негодованія.

Францискъ Ферреръ родился въ 1857 году въ семействѣ бондаря и получилъ самое элементарное образованіе, которое не удовлетворило ни его пытливости, ни жажды плодотворной общественной дѣятельности. Это стремленіе къ образованію и столкновеніе съ отцомъ, не выносившимъ свободныхъ идей Франциска, заставили его оставить родительскій домъ и поступить кондукторомъ на желѣзную дорогу. Это случилось въ 1879 году, а въ 1885 году онъ оставляетъ желѣзнодорожную службу и отправляется въ Парижъ, гдѣ думалъ легче пополнить свое образованіе, былъ здѣсь секретаремъ извѣстнаго вождя испанской демократіи, Рюиса Зорильи, но недостатокъ средствъ не давалъ ему возможности выполнить свою главную задачу. Скоро онъ оставилъ Парижъ и перебрался въ Мадридъ, гдѣ кормился игрой на мандолинѣ въ кафе и дѣятельно занялся пополненіемъ образованія. Съ большимъ трудомъ и съ большими лишеніями Ферреръ все-таки добился своего и могъ въ началѣ девяностыхъ годовъ XIX в. оставить Мадридъ человѣкомъ систематически образованнымъ. Онъ рѣшилъ облегчить эту задачу для такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ самъ. Онъ поставилъ себѣ новую задачу открыть у себя на родинѣ въ Барселонѣ свободную свѣтскую школу. Не было, однако, средствъ для этого и Ферреро отправился въ Парижъ, гдѣ рассчитывалъ ихъ накопить учительскою дѣятельностью.

«Тѣ, кто слѣдилъ въ тѣ времена (читаемъ въ «Temps») за вечерними курсами въ народномъ клубѣ свѣтскаго обученія и въ филотехнической ассоціаціи, конечно, хорошо помнятъ учителя испанскаго языка, уроки котораго были очень популярны. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ нервною и благородною наружностью, съ замѣчательными глазами и незабываемымъ взоромъ...

Онъ говорилъ хорошо, сильнымъ голосомъ, внятномъ далеко. Это и былъ Ферреръ, образцовый учитель, уроки котораго были хороши, хотя давалъ онъ ихъ нѣсколько оригинальнымъ методомъ. Въ сочиненіяхъ Реклю и въ брошюрахъ, пропагандирующихъ свободомыслящее міропониманіе, онъ черпалъ свои темы, примѣры, упражненія въ чтеніи»...

Ферреръ порядочно зарабатывалъ, но неизвѣстно, когда удалось бы ему накопить необходимыя средства для осуществленія своихъ плановъ, если бы не помогла случайность. Нѣкто Менье была въ числѣ его ученицъ и стала послѣдовательницею его идей. Умирая, она отказала ему домъ въ центрѣ Парижа. Заложивъ домъ за 700 тысячъ франковъ, Ферреръ отправился въ Испанію для осуществленія своей мечты, для основанія свѣтской школы.

Имѣя значительныя средства, Ферреръ успѣлъ въ сравнительно короткое время основать 120 свѣтскихъ школъ въ разныхъ мѣстахъ Каталоніи. Школы были переполнены учащимися, население благословляло самоотверженнаго дѣятеля, затратившаго и свое состояніе, и огромный трудъ на великое просвѣтительное дѣло, конечною цѣлью котораго было перевоспитаніе испанской націи изъ католической въ свободомыслящую. Но не дремала и армія черныхъ рясъ. Когда въ 1906 году произведено было покушеніе на жизнь испанскаго короля, изъ Толедо было указано на Феррера. Маура, и тогда бывшій при власти, велѣлъ схватить Феррера и привлечь къ суду, но судъ его оправдалъ. Во время его предварительнаго заключенія всѣ открытыя имъ свѣтскія школы были закрыты и послѣ оправданія ихъ возобновить ему не было дозволено. Толедскій изувѣръ былъ поддержанъ изувѣромъ ватиканскимъ. Пустившая было ростки на испанской почвѣ свѣтская школа была упразднена насиліемъ и произволомъ покорнаго клерикаламъ консервативнаго правительства. Не дозволено было Ферреру и организовать народный университетъ. Тогда неутомимый Францискъ весь отдался книгоиздательскому дѣлу съ тою же цѣлью борьбы съ клерикализмомъ, этомъ давнишнимъ ярмомъ Испаніи. Цѣлая литература переводовъ свободомыслящихъ авторовъ вышла изъ его издательской фирмы. Казалось, на этомъ поприщѣ Ферреръ могъ не опасаться клериковъ, но эта банда находчива, изобрѣтательна и совершенно не разборчива на средства. Сначала духовенство въ то время, какъ войска усмиряли Барселону, направило отрядъ на книгоиздательство Феррера, которое и было уничтожено, домъ,

склады, типографія, движимое имущество. А затѣмъ толедскому архіепископу удалось снова склонить Мауру привлечь Феррера къ суду за барселонское возстаніе. Его схватили и предали суду. На этотъ разъ не рѣшились отдать его дѣло въ руки обыкновеннаго гражданскаго суда, который однажды уже оправдалъ его. Ферреръ былъ преданъ военному полевому суду былъ обвиненъ и немедленно разстрѣлянъ. Такъ погибъ великій гражданинъ съ возвышеннымъ умомъ и благороднѣйшимъ сердцемъ!

Однако, для Мауры, убійцы Феррера, это преступленіе не прошло безнаказанно. Негодованіе всѣхъ народовъ Западной Европы и косые взгляды западно-европейскихъ правителей побудили Альфонса XIII уволить Мауру и его консервативное министерство и передать власть либеральному кабинету съ Моретомъ во главѣ.

III.

Нехорошія вѣсти идутъ изъ Греціи.

Собрался парламентъ, и кабинетъ Мавромихалиса представилъ ему свою программу. Вотъ резюме этой программы, какъ ее передають иностранныя газеты:

Программа исходитъ изъ того тезиса, что необходимо значительно усилить армію и флотъ, а для этого необходимо найти финансовыя средства. Ихъ надо найти тремя путями: сбереженіями по другимъ вѣдомствамъ, новыми налогами и займомъ.

Сбереженія предположены слѣдующія:

1) По министерству финансовъ—800 тысячъ драхмъ (драхма равняется франку) отъ прекращенія погашенія еще нѣкоторыхъ займовъ и отъ мелкихъ экономій по содержанію низшаго служебнаго персонала финансоваго вѣдомства.

2) По министерству иностранныхъ дѣлъ—1.740.000 драхмъ, преимущественно упраздненіемъ посольствъ и консульствъ, гдѣ это мыслимо, а также на счетъ мелкихъ служащихъ и секретныхъ фондовъ.

3) По министерству юстиціи 856 тысячъ упраздненіемъ нѣкоторыхъ трибуналовъ и за счетъ мелкихъ служащихъ.

4) По министерству внутреннихъ дѣлъ два милліона, источники не указаны, вѣроятно, тѣ же мелкіе служащіе, можетъ быть и секретные фонды, можетъ быть, и благотворительность, и пути сообщенія (находящіеся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ).

5) По министерству народнаго просвѣщенія—1.900.000 драхмъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе преобразованія среднихъ учебныхъ заведеній по новымъ упрощеннымъ и сокращеннымъ программамъ;

и 6) Исключеніе изъ бюджета 3 милліоновъ драхмъ, выдававшихся въ видѣ пособія греческимъ переселенцамъ изъ Болгаріи.

Итого 10.296.000 драхмъ сбереженій.

При бюджетѣ всего въ 100—110 милліоновъ это составитъ 10⁰/₀, а если исключить смѣты министерствъ военнаго и морского, то сокращеніе гражданскихъ бюджетовъ достигнетъ 20⁰/₀, а по народному просвѣщенію даже превыситъ. Такова первая жертва молоху военнаго и національнаго шовинизма: изъ скромныхъ средствъ, хотя немного удовлетворявшихъ медленно развивающуюся культуру, отнимается выше одной пятой этихъ средствъ, чтобы отдать ихъ на ружья и пушки, корабли, на содержаніе непродвижающихся ничего людей...

Далѣе министерская программа предполагаетъ, что болѣе строгій надзоръ за таможенными и болѣе умѣлое использование государственными имуществами принесетъ новыхъ 10 милліоновъ дохода.

Затѣмъ программа предлагаетъ: налогъ на наслѣдства; подоходный налогъ; акцизъ на спиртъ; повышеніе пошлинъ на сырые продукты, идущіе на приготовленіе пороха и динамита; повышеніе акциза на табакъ; и повышеніе паспортнаго сбора за выѣздъ и пребываніе за границую.

Изъ этихъ новыхъ налоговъ министерство предлагаетъ акцизъ на спиртъ, повышеніе акциза на табакъ и пошлины на порохъ и динамитъ обратить на обезпеченіе займа, необходимаго для усиленія арміи и флота.

Программа эта, отказывающаяся отъ культуры и народнаго благосостоянія ради роста вооруженной силы, была принята сочувственно парламентомъ, печатью и офицерами.

Независимость и территоріальная неприкосновенность Греціи гарантированы Англіей, Франціей и Россіей, да и нападать на Грецію никто не нападетъ, если она сама не вызоветъ, какъ то было въ 1897 году! Всѣ эти огромныя жертвы приносятся все той же мечтѣ о Великой Греціи, но ея уже нѣтъ на картѣ земного шара и можно искренно скорбѣть, глядя, какъ талантливая и энергичная нація подкапывается подъ свою собственную будущность... Да проститъ ей исторія эти сновидѣнія и да пробудитъ ее поскорѣ къ бдѣнію и бодрому труду въ условіяхъ мѣста и времени.

Въ парламентѣ, повидимому, обезпечено большинство финансово-вой программѣ министерства. Мы уже говорили въ нашей сентябрьской бесѣдѣ, что парламентъ одобрилъ призывъ льготныхъ двухъ послѣднихъ возрастовъ на дѣйствительную службу. Отнынѣ вовсе не будетъ льготныхъ, т. е. освобождаемыхъ отъ воинской повинности. Всѣ безъ всякаго исключенія должны будутъ отбывать воинскую повинность. Вслѣдъ за этимъ закономъ и за финансовымъ законопроектомъ, о которомъ мы бесѣдовали выше, внесенъ законопроектъ о положеніи королевичей въ арміи. Главное командованіе отнимается и принцъ-наслѣдникъ лишается этого званія, а прочіе принцы лишаются всякихъ преимуществъ при прохожденіи службы. Наслѣдникъ престола, принцъ Константинъ, проживающій теперь въ Германіи, уже подалъ въ отставку изъ военной службы. Его при-

мѣру уже послѣдовалъ королевичъ Христофоръ. Ничего другого не остается и тремъ другимъ королевичамъ, Георгію, Николаю и Андрею, которые покуда числятся въ отпуску. Надо помнить, что офицеры потребовали удаленія принцевъ изъ арміи и флота. Офицеры—теперь господа положенія. Король и королевичи должны повиноваться. Послѣднія извѣстія гласятъ, что въ арміи идетъ агитация о низложеніи династіи и объ избраніи королемъ итальянскаго принца, герцога Абрुцкаго.

Однако, сколько бы королей и династій греки ни перемѣнили, они останутся все-таки слабѣ турокъ и силою у нихъ отнять ничего не могутъ, ни Крита, ни Македоніи, ни Эпира, не говоря объ остальныхъ притязаніяхъ.

Италія—великая держава съ 30 милліонами жителей, но итальянцамъ и въ голову не приходитъ мысль вновь подчинить Риму всѣ страны, которыя нѣкогда составляли части Римской имперіи!

IV.

11 октября въ Перигѣ французскій министръ-президентъ Аристидъ Бріанъ, при открытіи памятника мобилѣмъ (ополченцамъ), павшимъ въ сраженіяхъ, произнесъ большую программную рѣчь. Слѣдуетъ отмѣтить ея болѣе существенныя мѣста, именно, касающіяся социальныхъ реформъ. Отъ премьера, называющаго себя социалистомъ, интересно было узнать его намѣренія. Съ другой стороны департаментъ Дордонъ, въ главномъ городѣ котораго была произнесена рѣчь, принадлежитъ къ очень умѣреннымъ. Надо было найти дорогу къ этимъ умѣреннымъ сердцамъ.

Начавъ съ похвальнаго слова своему предшественнику Клемансо и сожалѣнія, что не онъ, Клемансо, сегодня произноситъ программную рѣчь, Бріанъ переходитъ къ ближайшимъ задачамъ будущаго. Такою задачею онъ находитъ прежде всего внутренній миръ, потому что Франція измучилась отъ эксцессовъ партійной вражды. Отдѣленіе церкви отъ государства уже достигло этой цѣли въ религіозной жизни націи. Политическій строй республики тоже болѣе или менѣе установился и утвердился. Опасность нарушенія внутренняго мира является теперь только со стороны социального вопроса, на постепенное разрѣшеніе котораго и должны быть направлены усилія всей республиканской партіи, всей демократіи.

Затѣмъ премьеръ перечисляетъ реформы ближайшей очереди:

1. Пенсіи рабочимъ и крестьянамъ (paysans) на случай инвалидности и старости.
2. Подходящій налогъ.
3. Кредитъ мелкому производству и мелкому земледѣлію.
4. Предоставленіе рабочимъ ассоціаціямъ и рабочимъ синдикатамъ правъ юридическаго лица, права пріобрѣтать движимую и не-

движимую собственность, права основывать предприятия, права заключать контракты и т. д.

5. Кредитъ рабочимъ ассоціаціямъ и синдикатамъ.

6. Изданіе закона, не вмѣняющаго принудительно въ обязанность, но разрѣшающаго на извѣстныхъ условіяхъ участіе рабочихъ предприятия въ его прибыляхъ и въ его управленіи.

Первыя двѣ реформы уже выработаны прежнимъ кабинетомъ и находятся на обсужденіи парламента. Остальныя же—сама умѣренность, но и это шагъ впередъ, если только Бріану удастся ихъ вырвать у парламента. Набать синдикализма подгоняетъ буржуазныхъ радикаловъ къ реформамъ для привлеченія рабочихъ, хотя другихъ отбрасываетъ направо... Всѣ помнятъ, однако, что весною 1910 года генеральныя выборы въ палату и что надо не съ пустыми руками предстать передъ избирателями.

Бріанъ не забылъ поговорить въ заключеніе о доблестной французской арміи и о патриотизмѣ всѣхъ сыновъ Франціи, чѣмъ вызвалъ бурную овацію со стороны дордонскихъ гражданъ.

Англійскій бюджетъ проходитъ обрядъ третьяго чтенія въ Палатѣ общинъ. Оппозиція еще задерживаетъ окончаніе, но уже скоро, совсѣмъ скоро финансовый билль будетъ въ палатѣ лордовъ... Рискнуть ли лорды его отвергнуть? Самые противорѣчивые слухи волнуютъ британское общественное мнѣніе. Особенно много толковъ вызываетъ вмѣшательство короны, забытое въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій. Одни думаютъ, что король взялся быть посредникомъ и желаетъ устроить компромиссъ. Это очень хотѣлось думать богатымъ классамъ, но то обстоятельство, что министры не волнуются и хранятъ глубокое молчаніе, противорѣчитъ этой версіи. Тогда появилась другая: будто Асквиль предложилъ королю, въ случаѣ сопротивленія лордовъ, массовое назначеніе новыхъ лордовъ, столько, сколько нужно для составленія либеральнаго большинства, но по обычаю король объ этомъ предупреждаетъ лидеровъ оппозиціи. Такова, молъ, цѣль свиданія короля съ лидерами консервативной оппозиціи, Лансдоуномъ и Бальфуромъ. Однако, и лидеры оппозиціи хранятъ глубокое молчаніе, а богатые классы встревожены.

Въ Китаѣ созваны мѣстныя выборныя собранія (въ родѣ нашихъ земскихъ), имѣющія вѣдать хозяйственныя дѣла соотвѣтственныхъ провинцій. Политическихъ правъ эти собранія не имѣютъ, но должны служить подготовительною ступенью къ введенію парламентаризма. Созвать первый парламентъ предполагается въ 1917 году. Конституціонный режимъ вполнѣ удался и успѣшно функционируетъ въ Японіи, ранѣе того совершенно феодальной.

Будетъ ли повторенъ этотъ успѣхъ и въ Китаѣ, правда, бюрократическомъ, но издревле культурномъ?

Ходятъ слухи о продажѣ Манчжурской желѣзной дороги китайцамъ. Будто для этого выѣхалъ министръ финансовъ Коковцевъ на Дальній Востокъ. Предполагается взять съ Китая 300 милліоновъ рублей. Деньги дадутъ европейскіе и американскіе капиталисты. Въ рукахъ русской компаніи дорога приноситъ изъ года въ годъ значительные убытки, которые и уплачиваетъ русская казна въ силу дарованной въ свое время гарантіи. Поэтому съ финансовой точки зрѣнія очень выгодно продать это дѣтище графа Витте. Для русской бюрократіи очень заманчиво также получить триста милліоновъ безъ Думы и распорядится ими безъ думскаго контроля. Съ другой стороны, если слухи эти подтвердятся, то это покажетъ, что отъ всякихъ дальне-восточныхъ авантюръ наша бюрократія категорически отказывается. Или, быть можетъ, только отлагаетъ?

Въ рукахъ иностранцевъ убыточная дорога немедленно превратится въ доходную, а сторона быстро заселится и обогатится. Это было бы не безвыгодно и нашимъ сосѣднимъ областямъ, если бы администрація дала имъ возможность жить, дышать и работать. Будетъ ли это когда нибудь? Проектовъ и командировокъ, дорогихъ сооруженій и гарантированныхъ концессій будетъ много, въ этомъ то никто не сомнѣвается...

С. Южановъ.

О добрыхъ предзнаменованіяхъ.

Недавно между двумя министерствами — военнымъ и внутреннѣмъ дѣлъ — возникла любопытная переписка.

До главнаго военнаго суда дошелъ случай, когда по распоряженію мѣстной администраціи обвиняемый оказался преданнымъ военному суду безъ соблюденія какихъ бы то ни было гарантій, на основаніи простаго полицейскаго дознанія («Русское Слово», 13 сентября).

Военное вѣдомство не рѣшилось признать этотъ порядокъ законнымъ и запросило министра внутреннѣмъ дѣлъ. Послѣдній въ своемъ отвѣтѣ разъяснилъ, что порядокъ, смутившій военно-судебное вѣдомство, вполне законенъ.

Преданіе лицъ гражданскаго вѣдомства военному суду... по актамъ полицейскаго дознанія безъ предварительнаго слѣдствія «вполнѣ допустимо по военно-судебному уставу»... Хотя бы «лишь въ случаяхъ, когда преступленіе совершено при обстановкѣ, устраняющей всякое сомнѣніе въ виновности обвиняемаго»... (Ibid).

Другими словами, — если производившій дознаніе полицейскій чиновникъ не находитъ «сомнѣній въ виновности обвиняемаго», то роль военного суда сводится лишь къ произнесенію приговора по указанной полиціей статьѣ... Не надо забывать, — что

военный судъ имѣетъ право рѣшить дѣло, если свидѣтели, ранѣе допрошенные *), не были даже вызваны на судъ или не явились по какимъ бы то ни было причинамъ. Такимъ образомъ, согласно циркуляру могутъ быть случаи, когда обвинительный приговоръ... можетъ состояться лишь на основаніи одного полицейскаго протокола... (Ibid.)

Толкованіе министерства внутреннихъ дѣлъ легло въ основу особаго циркуляра, разосланнаго къ свѣдѣнію и руководству. Переписка двухъ министерствъ послужила, слѣдовательно, поводомъ къ восстановленію значительной части знаменитаго «временнаго закона о военно-полевыхъ судахъ»... Все хорошо, что хорошо кончается. И особенно, если такой хорошій конецъ, какъ формальное восстановление военно-полевыхъ судебныхъ гарантій, получается подъ шумъ то и дѣло появляющихся въ газетахъ отрадныхъ слуховъ:

По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Думѣ, въ высшихъ сферахъ сдѣлано было недавно указаніе на желательность ближайшаго осуществленія манифеста 17 октября («Биржевыя Вѣдомости» 22 сентября).

Знакомая картина: «по свѣдѣніямъ руководителей думскаго большинства» пахнетъ 17 октября, по циркулярамъ—военно-полевымъ судомъ. Два года мы видимъ все одно и то же. Привыкли и не удивляемся. И если что удивительно въ данномъ случаѣ, такъ лишь черезчуръ ужъ упрощенный порядокъ, въ которомъ получено это новое «усовершенствованіе законности и порядка».

Газеты недавно приводили любопытный подсчетъ дѣлъ, изъятыхъ администраціей изъ общей подсудности и переданныхъ военнымъ судамъ. Оказывается, съ 1905 г. по 1 января 1909 г. такихъ дѣлъ было 5911 по обвиненію 16.333 лицъ. Въ это число вошли лишь дѣла, переданныя военно-окружнымъ судамъ. Дѣла, разсмотрѣнныя военно-полевыми судами, въ общій счетъ не вошли. Разсуждая теоретически, надо бы думать, что относительно каждаго изъ переданныхъ 5911 дѣлъ военная юстиція имѣла сужденіе, на сколько передача закономѣрна и на сколько военный судъ въ правѣ принять и разсмотрѣть то или другое дѣло. Казалось бы, дагѣ, если военный судъ не находитъ передачи дѣла ему обоснованной, онъ въ правѣ не принять его, возвратить для направленія по общей подсудности. Разумѣется, администрація—опять таки если разсуждать теоретически — можетъ не согласиться съ мнѣніемъ военного суда. И возникшій споръ двухъ вѣдомствъ долженъ бы

*) Допрошенные при производствѣ дознанія... Таковыми, какъ извѣстно, нерѣдко являются агенты полиціи. А явка или неявка ихъ въ судъ тоже во многомъ зависитъ отъ полицейской власти.

рѣшаться третьимъ учрежденіемъ. Въ дѣйствительности все выходитъ болѣе просто и болѣе по-домашнему. До свѣдѣнія главного военного суда дошелъ «случай». Главный военный судъ усомнился, можетъ ли «полицейское дознаніе» быть равносительнымъ предварительному слѣдствію. И за разъясненіемъ этого вопроса военные юристы обращаются къ министерству внутреннихъ дѣлъ, т. е. къ той именно администраціи, которая изъѣмлетъ дѣла изъ общей подсудности и производитъ «предварительныя дознанія». Министерство внутреннихъ дѣлъ — Богъ вѣсть, на какомъ основаніи — облачается себя правомъ толковать и разъяснять военно-судебные уставы. Изъ этого толкованія и разъясненія заинтересованной стороны оказывается, что протоколъ полицейскаго урядника ничѣмъ не хуже слѣдствія судебного слѣдователя, и что полицейское начальство лишь въ томъ случаѣ обязано не полагаться на свои дознанія, если оно «сомнѣвается въ виновности обвиняемаго». Это толкованіе облачается въ форму циркуляра, который и становится на мѣсто закона.

«Русское Слово» недоумѣваетъ, какъ можно «ограничиваться дознаніемъ чиновъ обыкновенной полиціи» на военномъ судѣ, гдѣ сплошь и рядомъ рѣчь идетъ о жизни и смерти обвиняемаго.

Полиція слишкомъ близко стоитъ къ обывательской массѣ, и у нея съ обывателями могутъ быть свои счеты.

До сихъ поръ военные суды имѣли—хотя бы теоретически—право не полагаться на «дознанія полицейскихъ чиновъ». Ну, а теперь, послѣ толкованія военно-судебныхъ уставовъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ имѣютъ они это право или не имѣютъ? Главный военный судъ, куда можетъ быть перенесено дѣло въ кассационномъ порядкѣ, обязанъ принять толкованіе министерства внутреннихъ дѣлъ къ непремѣнному руководству, или не обязанъ? По теоріи какъ будто не обязанъ. Но вѣдь по теоріи и министерство внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ права толковать военные уставы и предлагать свои толкованія при помощи циркуляровъ къ обязательному и общему руководству.

Свой жестокой по существу циркуляръ министерство внутреннихъ дѣлъ предпочло облечь въ форму уступительнаго предложенія: хотя полицейское дознаніе равносильно предварительному слѣдствію, но примѣнять этотъ «законъ» слѣдуетъ лишь въ случаяхъ несомнѣнной виновности обвиняемаго. Этой уступительной формой первымъ воспользовался, сколько я могъ замѣтить, «Голосъ Москвы». Не передавая, въ чемъ состоитъ циркуляръ, октябристская газета довела до свѣдѣнія читателей о появленіи новаго распоряженія министра въ смыслѣ смягченія военно-судебныхъ репрессій. Изъ «Голоса Москвы» этотъ «отрадный фактъ» былъ перепечатанъ многими газетами. Нѣсколько вскользь брошенныхъ—въ томъ же органѣ—замѣчаній

о манифестѣ 17 октября дополнили впечатлѣніе. И въ Россіи однимъ «добрымъ предназначеніемъ» «въ смыслѣ плодотворности предстоящей думской сессіи» стало больше... Подумаешь,—какъ мало въ сущности нужно, чтобы получить «доброе предназначеніе». Для этого стоитъ лишь написать циркуляръ о восстановленіи военно-полевой юрисдикціи въ формѣ уступительнаго предложенія... Правда, недѣли черезъ двѣ послѣ первоначальной замѣтки въ «Голосѣ Москвы» открылось, о какомъ циркулярѣ идетъ рѣчь; открылось и то, что отъ циркуляра этого пахнетъ вовсе не манифестомъ 17 октября, а именно военно-полевыми судами. Но вѣдь это открылось настойчивымъ людямъ, пожелавшимъ въ точности узнать, какимъ именно способомъ г. Столыпинъ приказалъ смягчить военно-судебныя репрессіи. Для ненастойчивыхъ же людей, пожалуй, «доброе предназначеніе» такъ и остается «добрымъ предназначеніемъ».

Готовъ допустить, что восторженному чиновнику, такъ сказать, по штату полагается уповать и въ вѣдро и въ ненастье, и по случаю сѣверныхъ вѣтровъ, и по случаю южныхъ. И то надо сказать, что теперь все-таки исчезла прямота и чистосердечіе покойнаго Трепова:

«Патроновъ не жалѣть, холостыхъ залповъ не давать».

Это не значить, разумѣется, будто у насъ стали «жалѣть патроны». Патроновъ, конечно, не жалко. Но мы научились ту же треповскую мысль излагать въ выраженіяхъ пріятныхъ и даже благонамѣренно-либеральныхъ. Напиши министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ циркулярѣ, какъ въ бывшія времена писывалъ Треповъ: признается законнымъ преданіе военному суду на основаніи полицейскаго протокола, — самый восторженный человекъ упалъ бы духомъ. И былъ бы плачь. И были бы стенанія. Между тѣмъ, тотъ же самый по существу приказъ, но изложенный «дипломатичнымъ языкомъ», вызвалъ надежды и упованія. Или возьмите такой случай. Въ 1905 г. особымъ указомъ было повелѣно относительно направленія кассационныхъ жалобъ на приговоры военныхъ судовъ придерживаться правилъ, установленныхъ для обстоятельствъ военнаго времени,—т. е. лишать приговоренныхъ права на кассачію. Во время острыхъ вспышекъ 1905—6 гг. этотъ указъ былъ использованъ очень широко. Но затѣмъ вспышки стали исчезать. Да и само военное положеніе во многихъ мѣстностяхъ формально замѣнено другими видами охраны. Такимъ образомъ, и по существу—въ силу измѣнившихся условій,—и формально вопросъ о примѣненіи указа 1905 г. началъ возбуждать сомнѣнія. Теперь узнаемъ, что военное министерство «проектируетъ» снова подтвердить этотъ указъ, еще разъ указать мѣстнымъ главноначальствующимъ, что они могутъ по прежнему лишать приговоренныхъ права на подачу кассационной жалобы... Это примѣненіе къ не-военнымъ, даже формально, условіямъ жизни зако-

новъ, которые могутъ имѣть силу и оправданіе только во время войны, способно навести оторопь на самого восторженного чело-вѣка. Но... вотъ какъ излагаетъ предполагаемое разъясненіе военного вѣдомства, напримѣръ, «Русское Слово»:

Министерство намѣрено указать, что къ оставленію безъ движенія кассационныхъ жалобъ слѣдуетъ прибѣгать только въ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость произвести устрашающее впечатлѣніе быстротой суда, въ интересахъ охраны въ арміи воинской дисциплины или общественной безопасности.

Четыре ни къ чему не обязывающія слова: «только въ тѣхъ, случаяхъ» придаютъ этому страшному «разъясненію» ограничительную форму. И тѣмъ самымъ способны, оказывается, творить прямо таки чудеса. То же, напримѣръ, «Русское Слово», настолько обольщено ими, что предлагаетъ думской комиссіи о неприкосновенности личности поучиться либерализму у военного министерства *). Циркуляръ министра, уполномочивающій мѣстныя власти примѣнять къ мирному населенію законы войны, оказался достойнымъ подраженія съ точки зрѣнія либерализма!.. Развѣ это не чудо?

Какъ мало нужно, въ сущности, что-бъ восторженная душа уповала.

22 сентября опубликованы новыя правила относительно терпимаго съ точки зрѣнія государственной безопасности процента учениковъ-евреевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По этому поводу въ газетахъ были напечатаны любопытныя справки. Оказывается, правила эти обсуждались въ совѣтѣ министровъ 23 іюня. При этомъ мнѣнія раздѣлились. По расчетамъ предсѣдателя совѣта и большинства членовъ, государство безъ опасныхъ потрясеній можетъ выдержать внѣ черты осѣдлости учениковъ-евреевъ 5%. По расчетамъ же министра народнаго просвѣщенія, государство не можетъ выдержать болѣе 3%. Совѣтъ все-таки остановился на 5%. Это было, повторяю, 23 іюня. Черезъ 2 мѣсяца,—22 августа—когда уже во многихъ учебныхъ заведеніяхъ съ пріемами было покончено, по 3%-ому расчету для евреевъ, постановленіе совѣта было утверждено. А затѣмъ опубликованы, еще спустя мѣсяцъ,—22 сентября. Такимъ образомъ, возмущается, напримѣръ, «Современное Слово»

г. Шварцъ добился своего и опубликовалъ правила тогда, когда пріемъ въ среднія учебныя заведенія закончился и, стало быть, для нынѣшняго года парализовалъ дѣйствіе неугодныхъ ему правилъ („Совр. Ст.“, 24 сентября).

Мѣсяца два восторженнымъ людямъ предоставлялось утѣшаться, что правительство хоть на воробыиный шагъ, а все таки смягчаетъ

*) „Рус. Слово“, 13 сентября.

мѣропріятія относительно евреевъ. Да и теперь такое же отрадное впечатлѣніе остается: правительство хотѣло, а г. Шварцъ «парализовалъ». И кто его вѣдаетъ г-на Шварца,—быть можетъ, и на будущій годъ онъ «парализуетъ»: добьется пересмотра правилъ или еще какія либо мѣры употребить. Правда, ни одинъ Шварцъ до сихъ поръ, кажется, не тормазилъ утвержденнаго постановленія совѣта министровъ, если оно соотвѣтствовало—скажемъ, для примѣра,—желанію г. Пуришкевича. И, наоборотъ, затормазить постановленіе, несогласное съ желаніями г. Пуришкевича, у насъ таки много охотниковъ, и правительство относится къ нимъ на рѣдкость благодушно. Но восторженную душу это мало смущаетъ. Скорбитъ она, конечно, такъ какъ г. Шварцъ затормазилъ. Однако, уповаешь, ибо правительство постановило. И въ смѣси столь разнородныхъ чувствъ, какъ скорбь и упованіе, какимъ-то чудомъ тонетъ болѣе общій вопросъ:

— А почему собственно опредѣленіе правъ населенія на образованіе изъято изъ компетенціи законодательной власти и передано совѣту министровъ? Развѣ у насъ нѣтъ больше Думы? Или отмѣнено «незыблемое правило»: никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ согласія народныхъ представителей? Положимъ, это—право еврейскихъ дѣтей? Но вѣдь точно въ такомъ же порядкѣ утвержденныхъ заключеній комитета министровъ или докладовъ министра народнаго просвѣщенія у насъ опредѣлялись права «кухаркиныхъ дѣтей», крестьянскихъ дѣтей, купеческихъ... Если въ этомъ порядкѣ до сихъ поръ можно установить % для евреевъ, то почему нельзя установить и % для крестьянъ? Почему нельзя сызнова—какъ во времена блаженной памяти министра Уварова—разрабатывать, на примѣръ, мѣропріятія о затрудненіи купеческимъ дѣтямъ доступа въ гимназій?

Не для юридическихъ споровъ подымаю я этотъ вопросъ. Что ужъ тутъ спорить? да и къ чему? Мнѣ просто хочется понять психологію нынѣшнихъ восторженныхъ душъ. И долженъ сказать, удивительная это психологія. Съ одной стороны, онѣ уповаютъ и обнаруживаютъ какъ будто склонность уповать по всякому даже явно неосновательному поводу. А съ другой—и въ то же самое время какъ будто охвачены полной безнадежностью. Беру для примѣра хотя бы «Русское Слово». Эта газета, какъ мы видѣли, уповаешь даже на циркуляръ военнаго министра. Готова уповать, что примѣру послѣдняго станетъ подражать и думское большинство. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что «Русское Слово» ждетъ отъ всего этого утѣшительныхъ результатовъ. Наоборотъ, станетъ ли подражать думская комиссія военному министру или не станетъ по

работоспособность третьей Думы окончательно выяснилась. Думскіе октябристы уже перестали говорить о своихъ трудахъ и больше всего говорятъ о тѣхъ причинахъ, которыя тормазятъ продуктивность думской работы. Въ роли стрѣлочника выставлены такъ называемые мелкіе законо-

проекты. Они сотнями сваливаются въ законодательныя учрежденія, а потому крупныя законодательныя вопросы будто бы волей-неволей приходится отодвигать...

„Жалобы“ эти...—по мнѣнію газеты—„являются своего рода черствой неблагодарностью. Мелкіе законопроекты спасли думское большинство отъ краха, небывалаго въ исторіи законодательныхъ учреждений“ („Русское Слово“, 17 сентября).

Правительственное большинство просто не знаетъ, въ какомъ смыслѣ и какъ рѣшать «крупные вопросы». Оно бы приняло указанія правительства, приложило бы «печать своего согласія и одобренія». Но относительно «крупныхъ вопросовъ», если не считать «закона 9 ноября», и у правительства нѣтъ ничего опредѣленнаго. А на чисто отрицательномъ отношеніи къ правамъ и свободамъ никакой крупной законодательной дѣятельности не построить. И, такимъ образомъ, «законодательная вермишель» является «якоремъ спасенія для думскаго большинства».

Въ сущности, «законодательной вермишелью» крахъ лишь замаскированъ. Дума разочаровала населеніе—пишутъ «Биржевыя Вѣдомости» *): «она до сихъ поръ» не осуществила «почти ничего». Да и какое есть у населенія основаніе надѣяться,—спрашиваетъ третья газета: «Новый Вечеръ»—что Дума осуществитъ желаемое?

Думушка трудится. Казни одобряетъ...

Про народъ ни слова... Деньги получаетъ...

.....

Ужъ не ждешь отъ Думы и деревня толку.

А въ «Рѣчи» кадеты въ слухъ, не втихомолку

Пляшутъ... помыслами чисты:

«Спасена Россія». Эхъ, вы юмористы!.. **)

По весьма понятнымъ причинамъ, въ данномъ случаѣ я останавливаясь на газетахъ, у которыхъ нѣтъ «ни точекъ зрѣнія», «ни доктринъ», ни вообще какого-либо опредѣленнаго социальнополитическаго міровоззрѣнія. Блудятъ онѣ налегкѣ, безъ особаго багажа. За нѣкоторую легкость въ мысляхъ ихъ называютъ «уличными». Да и рассчитаны онѣ на вкусъ именно „улицы“, случайной публики, безформенной обывательской массы. Въ этой массѣ всего больше восторженныхъ душъ. На ея, главнымъ образомъ, непосредственность и рассчитаны тѣ уступительныя и ограничительныя формы предложенія, благодаря которымъ даже поворотъ къ оформленію военно-полевой юрисдикціи можетъ сойти за доброе «предзнаменованіе». Сюда же по преимуществу адресуются разныя «третьи лица», распѣвая отъ имени тѣхъ или иныхъ особъ аріи на мотивъ: «вообразите, я одна, меня никто не понимаетъ». Недавно, напр., такая арія пропѣта отъ имени министра юстиціи г. Щегловитова:

*) № 22 Сентября.

**) «Новый Вечеръ», 24 Сентября.

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ наиболѣе видныхъ ораторовъ Государственной Думы, яркимъ представителемъ оппозиціи... съ горечью И. Г. Щегловитовъ указалъ, что лишь со временемъ, когда улягутся страсти... историки безпристрастно оцѣнятъ, что сдѣлано имъ въ цѣляхъ сохраненія коренныхъ основъ уставовъ Александра II... Изъ разговора выяснилось, между прочимъ, что кювенепскій судъ «былъ спасенъ» И. Г. Щегловитовымъ... *)

Тутъ, въ этой массѣ, на вкусъ и взгляды которой разсчитана «уличная» печать, цитадель обывательскаго легковѣрія и восторженности. Здѣсь, повидимому, «добрыя предзнаменованія» имѣютъ наибольшій кредитъ. И здѣсь же, очевидно, имѣетъ почву разочарованіе и пессимизмъ. Чтобы лучше понять, какъ сочетается пессимизмъ съ добрыми предзнаменованіями, я стараюсь представить себя на мѣстѣ легковѣрнаго, восторженнаго обывателя. И, откровенно говоря, на этомъ мѣстѣ впадаю не только въ пессимизмъ, но и прямо таки въ отчаяніе.

Нѣкто третій увѣряетъ меня, что г. Щегловитовъ все время спасалъ отъ какихъ то враговъ законности и порядка «коренныя основы судебныхъ уставовъ». Дополнительное указаніе, что г. Щегловитовъ спасъ «кювенепскій судъ», объясняетъ мнѣ, что враговъ надо искать гдѣ то поблизости отъ обвиняемыхъ въ убійствѣ Герценштейна. Въ качествѣ легковѣрнаго и восторженнаго обывателя, я, конечно, почитываю романы; какъ легковѣрный и восторженный обыватель, я имѣю грубоватое, но живое воображеніе. И встаетъ передо мною трагедія души, невинно падшей ради спасенія отечества. Такъ вотъ для чего г. Щегловитовъ набилъ биткомъ всѣ мѣста заключенія! Такъ вотъ для чего тюрьмы обращены въ очаги тифа! Ага, теперь я понимаю. Какія, однако, страшныя жертвы принесъ министръ юстиціи, чтобы спасти «коренныя основы». «Съ горечью И. Г. Щегловитовъ указалъ»... Еще бы не съ горечью: вѣдь жертвы то принесъ, а спасти—плохо спасъ, совсѣмъ плохо.

Да, повидимому, отъ страшныхъ враговъ спасалъ отечество г. Щегловитовъ!

Въ качествѣ легковѣрнаго и восторженнаго обывателя, я стараюсь догадаться, кто же эти враги, находящіеся по близости отъ Дубровиныхъ и Гамзѣевъ? Я начинаю припоминать и соображать. Да вѣдь и г. Столыпинъ спасалъ Думу, спасалъ конституцію, спасалъ манифестъ 17 октября, спасалъ цѣною военно-полевыхъ висѣлицъ и неисчислимаго количества жертвъ административной репрессіи. Это былъ точъ въ точъ, какъ и у г. Щегловитова, не то русскій романъ по Дюма, не то русская трагедія по Шиллеру. Намъ, обывателямъ, октябристская, напимѣръ, печать всѣ уши прожужжала объ этомъ не то романъ, не то трагическомъ приключеніи. И страшныхъ враговъ, отъ которыхъ спасалъ, но плохо,

*) «Бирж. Вѣдом.», 24 сентября.

совсѣмъ плохо спасъ отечество г. Столыпинъ, приходится искать тамъ же, гдѣ то около «кювенепскаго суда». Позвольте, наконецъ, не только г. Столыпинъ, а почти всѣ министры спасали насъ отъ тѣхъ же враговъ. Одинъ покойный Треповъ этимъ въ зенитѣ славы своей мало грѣшилъ. А послѣ него, — насъ именно всѣ спасали, начиная съ гр. Витте.

Повторяю, мужественный человѣкъ былъ покойный Треповъ. Конечно, нынѣшніе приказы въ смыслѣ дипломатической ловкости шедевр искусства по сравненію съ треповской прямою мысли и чувства. Однако надо сказать и то, что эта дипломатическая ловкость въ сущности сводится къ легкому кивку въ сторону все тѣхъ же неизвѣстныхъ враговъ. Всѣ эти уступительныя и ограничительныя формы, вся эта либеральная фраза, въ которую облекается жестокая и вовсе не либеральная по существу мысль, собственно означаетъ, что авторы циркуляровъ у насъ предобрѣйшіе, преблагонамѣреннѣйшіе люди. Даже преблагороднѣйшіе, а если жизнь и складывается крайне неблагородно, то, поймите, «развѣ это отъ насъ зависитъ»?.. Не такъ давно одна провинціальная газета—помнится, «Кіевская Мысль»—юмористически напоминала любопытный анекдотъ. Жандармскій ротмистръ, обыскавъ и повергнувъ задержанію нѣкоего неблагонадежнаго студента, рѣшилъ доброжелательно преподать ему отеческое наставленіе:

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ. Учитесь сдерживать ваши благородныя чувства и мысли. Не забывайте, что насъ—единицы, а у нихъ милліоны штыковъ!..

И право же, порою кажется, что нынѣшнее дипломатическое искусство «внутреннихъ политиковъ» сводится къ большому или меньшему подражанію этому жандармскому ротмистру.

И вотъ я представляю себя на мѣстѣ восторженнаго и легковѣрнаго обывателя, на котораго рассчитаны эти оправдательные кивки въ сторону какихъ-то «нашихъ общихъ враговъ». Съ одной стороны, мнѣ, конечно, страшно имѣть дѣло съ этими таинственными врагами, отъ которыхъ, сочувствуя намъ, гражданамъ, и, единомысля съ нами, спасаютъ отечество и министры, и октябристы, и даже жандармы, но спасти все никакъ не могутъ. А съ другой стороны, и отраднo все-таки, что вотъ и среди жандармскихъ ротмистровъ имѣются такіе, которые признаютъ мои мысли благородными, считаютъ себя «нашими»... Руку вашу, г. жандармскій ротмистръ!..

Но неужели дѣйствительно обыватель такъ легковѣренъ? Неужели дѣйствительно въ легковѣріи лежитъ секретъ «отрадныхъ предзнаменованій»? Не разсмѣшить ли его, скорѣе, жандармская уловка?..

Быть можетъ, источникъ «отрадныхъ предзнаменованій» проще всего искать, напримѣръ, въ репортерскомъ легкомысліи.

Бѣжалъ репортеръ по улицѣ. На встрѣчу ему циркуляръ въ

одеждахъ якобы либеральныхъ. Не разобралъ репортеръ, что скрыто подъ одеждами, или не сумѣлъ разобрать, да и некогда было. Скорѣй въ редакцію и давай звонить: мы встрѣтили, наконецъ, отрадное предзнаменованіе. Отзвонилъ, а къ вечеру и самъ вспомнить не можетъ, почему собственно былъ звонъ и ради какой надобности.

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

Соціальныя послѣдствія „землеустройства“.

V.

Реакція не ограничилась тѣмъ только, что овладѣла движеніемъ земельной собственности, толчокъ которому дала революція. Видоизмѣнивъ и затормазивъ это движеніе, она приложила всѣ усилія, чтобы вызвать другое, если не прямо обратное ему, то, во всякомъ случаѣ, идущее съ противоположной стороны. Революція двинула къ крестьянамъ помѣщичьи, удѣльные и казенныя земли. Контръ-революція двинула надѣльные...

Отъ кого и къ кому? Это и предстоитъ намъ выяснить...

Задача—надо напередъ сказать—въ высшей степени трудная. Процессъ надѣльной мобилизаціи протекаетъ въ сословныхъ рамкахъ: земля переходитъ отъ крестьянъ къ крестьянамъ и переходитъ мелкими частичками. Въ сущности, это молекулярное движеніе, происходящее въ предѣлахъ одной и той же соціальной группы. Послѣдствія его для этой группы могутъ быть громадны,—вплоть до того, что она можетъ совершенно видоизмѣниться и даже распасться. Но прослѣдить это движеніе крайне трудно. вмѣстѣ съ тѣмъ результаты, по которымъ можно было бы составить понятіе объ общемъ его направленіи, пока еще очень незначительны: процессъ надѣльной мобилизаціи, можно сказать, только еще начинается. Вдобавокъ, и свѣдѣнія о томъ, какъ онъ протекаетъ, имѣются далеко не достаточныя: официальные данныя—скудны и не достовѣрны, частныя извѣстія—случайны и отрывочны. Во многихъ случаяхъ не только о томъ, что будетъ, приходится гадать, но и о томъ, что уже происходитъ, можно только догадываться. Но я попытаюсь все-таки разбраться въ имѣющихся матеріалахъ, чтобы намѣтить, хотя бы и двойнѣ гадательныя, возможности.

Мнѣ придется начать съ фактовъ, которые, вѣроятно, уже при

мелькались читателямъ въ газетахъ. Я охотно предпочелъ бы не воспроизводить ихъ здѣсь. Но чтобы воспользоваться этими данными для дальнѣйшихъ выводовъ, ихъ необходимо нѣсколько систематизировать... Во всякомъ случаѣ, чтобы не утомлять читателей, я сдѣлаю лишь самый бѣглый обзоръ, стараясь не задерживаться на предметахъ и безъ того извѣстныхъ.

Прежде, чѣмъ *двинуть* надѣльные земли на рынокъ, оказалось необходимымъ *укрѣпить* ихъ,—укрѣпить въ личную собственность и сдѣлать такимъ образомъ невозможнымъ движеніе ихъ на прежней основѣ, на основѣ общинной, а отчасти и семейной собственности.

По отношенію къ тѣмъ надѣльнымъ землямъ, которыя находились въ подворномъ владѣніи, этотъ каламбуръ былъ осуществленъ въ формѣ единовременнаго акта. Указомъ 9 ноября всѣ такіа земли были объявлены личною собственностью тѣхъ домохозяевъ, которые ими въ данный моментъ владѣли. Но прибѣгнуть къ той же мѣрѣ по отношенію къ общиннымъ землямъ правительство не рѣшилось *). Укрѣпленіе этихъ земель въ личную собственность должно осуществиться въ формѣ длящагося—болѣе или менѣе затяжного—процесса. По ходу этого процесса до извѣстной степени можно судить и о томъ, какое направленіе получить движеніе надѣльной земли.

Какіе именно элементы въ средѣ крестьянъ-общинниковъ особенно сильно заинтересованы осуществленіемъ указа 9 ноября, это выяснилось довольно скоро. При этомъ съ полною наглядностью обнаружилось, что укрѣпленіе съ культурными цѣлями—въ расчетъ улучшить такимъ путемъ свое земледѣльческое хозяйство—не играетъ почти никакой роли. Многіе корреспонденты съ первыхъ же дней примѣненія указа 9 ноября настойчиво подчеркивали въ своихъ сообщеніяхъ отсутствіе какихъ бы то ни было агрикультурныхъ соображеній у укрѣпляющихся; другіе, если и упоминали о нихъ, то какъ о рѣдкомъ исключеніи. Планамъ кн. Васильчикова, какіе тотъ развилъ передъ второю Думою,—а именно: «началомъ собственности оплодотворить трудъ земледѣльца» и такимъ путемъ придать ему «ту чудодѣйственную силу, которая способна превратить сыпучіе пески въ золото и голую скалу въ цвѣтущій садъ»,—громадное большинство укрѣпляющихся, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, было, несомнѣнно, чуждо.

Въ дѣйствительности воспользовавшіеся указомъ 9 ноября руководились совсѣмъ иными соображеніями. При этомъ съ точки

*) Третья Дума, какъ извѣстно, пошла въ этомъ отношеніи дальше правительства, приравнявъ общинныя земли, не подвергавшіяся за послѣднія 24 года общимъ передѣламъ, къ землямъ подворнаго владѣнія. Но думскій проектъ еще не получалъ силы закона. Поэтому укрѣпленіе всѣхъ общинныхъ земель происходитъ пока въ порядкѣ указа 9 ноября.

арѣнія интересующей насъ мобилизаціи въ ихъ средѣ сразу же намѣтились двѣ крупныя группы.

Одни, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, не задавались при этомъ непосредственно мобилизаціонными цѣлями; по отношенію къ движенію надѣльной земли они занимали скорѣе консервативную позицію, такъ какъ непосредственною задачею ихъ являлось не измѣненіе, а сохраненіе теперешняго распредѣленія надѣльной земли. Если они поспѣшили воспользоваться указомъ 9 ноября, то не потому, что желали немедленно сбыть землю, а потому, что боялись въ ближайшее время лишиться ея,—не для того, чтобы двинуть ее, а для того, чтобы помѣшать движенію ея на той основѣ, на какой оно происходило до сихъ поръ. Это—такъ называемые «многодушники», т. е. крестьяне, имѣвшіе личную землю противъ того, сколько имъ слѣдовало бы имѣть при данномъ семейномъ составѣ и принятой въ общинѣ разверсткѣ. Указъ 9 ноября открылъ для нихъ возможность присвоить находившуюся въ ихъ «постоянномъ (не арендномъ) пользованіи» землю сосѣдей или родственниковъ,—и они поспѣшили этимъ воспользоваться. «Изъ-за боязни передѣла», «кому выгодно сохранить размѣръ владѣнія», «чтобы удержать надѣлы, приобрѣтенные всякими незаконными путями», «чтобы закрѣпить выгоды даннаго положенія»—таковы выраженія, которыя то и дѣло встрѣчаются въ сообщеніяхъ о томъ, кто и по какимъ соображеніямъ укрѣпляетъ надѣльную землю.

Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ дѣло такъ, что все это сплошь «богатѣи», сильные и зажиточные домохозяева. Напротивъ, среди хозяйствъ, воспользовавшихся указомъ 9 ноября, чтобы задержать въ своемъ владѣніи надѣльную землю, не мало оказалось совершенно слабосильныхъ,—больше того, — уже обреченныхъ на исчезновеніе. Г. С. Об-въ, подвергшій разработкѣ данныя объ укрѣпленіи надѣльных земель въ Устюгскомъ уѣздѣ, пришелъ къ заключенію, что выдѣлившіяся изъ общины хозяйства отличаются очень малымъ семейнымъ составомъ съ рѣзкимъ преобладаніемъ женщинъ въ немъ. Это уже указываетъ на сравнительно низкую работоспособность такихъ хозяйствъ *). Въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи—по сообщенію одного изъ моихъ корреспондентовъ **)—сторонниками укрѣпленія, на ряду съ отхожими про-

*) «Сѣверъ», 1908 г. 19 и 21 февраля.

**) Напомню, что въ мартѣ 1908 г. я помѣстилъ въ «Русскомъ Богатствѣ» и нѣкоторыхъ газетахъ письмо, въ которомъ просилъ лицъ, располагающихъ неопубликованными свѣдѣніями о примѣненіи указа 9 ноября, подѣлиться ими со мною. Послѣ того я получилъ цѣлый рядъ сообщеній изъ разныхъ мѣстъ,—продолжаю я ихъ получать и до сихъ поръ. Собранные такимъ путемъ матеріалы были уже отчасти использованы мною въ «Русскомъ Богатствѣ» и нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ. Въ настоящій разъ, на ряду съ официальными данными и газетными сообщеніями, я тоже пользуюсь матеріалами этой анкеты.

мысленниками, съ самаго начала явились «малосемейные, т. е. у кого жена вовсе не родить или не родить мальчиковъ». Въ Троицкой слободѣ Новгородскаго уѣзда пионерами укрѣпленія явились вдовы, и хотя сходя рѣшительно отказалъ имъ въ своемъ согласіи и даже грозилъ «сослать вдовъ на болота за озеро», земля все-таки была укрѣплена за ними *). Въ с-цѣ Масловкѣ Старороскольскаго уѣзда,—какъ сообщилъ мнѣ г. Сабельниковъ — первыми заявили объ укрѣпленіи «три двора наканунѣ вымиранія», а именно старики: одинъ — зажиточный торговецъ 60 л., имѣющій только жену и дочь 18 л. и обрабатывающій свою землю наймомъ; два другихъ—совершенно одинокіе, въ возрастѣ около 70 лѣтъ, имѣющіе только дочерей, давно уже выданныхъ замужъ въ другія села. «Малосемейные», «бездѣтные», «бобыли», «бобылки» и т. д. не рѣдко упоминаются и въ другихъ сообщеніяхъ объ укрѣпленіи надѣльных земель. Такимъ образомъ, кромѣ «сильныхъ», на которыхъ ведетъ игру правительство, указомъ 9 ноября воспользовался кое-кто и изъ «слабыхъ» (вплоть до стариковъ и старухъ, находящихся въ богадѣльняхъ); предназначенная къ собиранію въ «жизнеспособныя хозяйственныя единицы» надѣльная земля въ довольно многихъ случаяхъ оказалась задержанной—на время, конечно,—«обмирающими» семьями, уже обреченными въ качествѣ хозяйственныхъ единицъ на исчезновеніе.

Другую многочисленную группу, которая сразу же намѣтилась среди лицъ, пользующихся указомъ 9 ноября, составили крестьяне, посидѣвшіе укрѣпить надѣльную землю съ тѣмъ, чтобы немедленно двинуть ее на рынокъ.

Сюда необходимо отнести прежде всего переселенцевъ, которымъ правительство уже въ самомъ началѣ 1907 года рекомендовало продавать свои надѣлы, чтобы получить такимъ путемъ деньги, необходимыя для дороги и устройства на новомъ мѣстѣ. Но въ 1907 году продажа земли переселенцами представляла, повидимому, рѣдкое явленіе, — отчасти, быть можетъ, потому, что крестьяне недостаточно еще освоились съ указомъ 9 ноября, а отчасти и потому, вѣроятно, что у переселенцевъ этого года не было ни времени, ни терпѣнія, чтобы продѣлать всѣ формальности и преодолѣть всѣ тренія, сопряженныя съ укрѣпленіемъ и продажей надѣльной земли на основаніи этого указа. Въ послѣдующіе же годы продажа земли переселенцами практиковалась, несомнѣнно, довольно часто, а въ дальнѣйшемъ она, вѣроятно, сдѣлается и общимъ правиломъ.

Другую,—быть можетъ, еще болѣе многочисленную—категорію пользующихся указомъ 9 ноября съ мобилизаціонными цѣлями представили съ самаго начала промысловыя семьи, вовсе не веду-

---

*) „Рѣчь“, 13 марта 1908 г.

шія земледѣльческаго хозяйства и нерѣдко проживающія въ полномъ составѣ на сторонѣ. Натискъ этихъ элементовъ на общину начался даже раньше, чѣмъ переселенцевъ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне, проживающіе на сторонѣ, и явились первыми вѣстниками укрѣпленія,—сыграли роль «первыхъ ласточекъ», какъ выражается г. Петровский *). Возможность получить сразу большія деньги за землю, которая «ходила въ міру», оставалась «у сродственниковъ» или сдавалась за-дешево въ аренду, на столько соблазнительна, что ради этого и издалека стоитъ пріѣхать. Съ этою цѣлью въ деревнѣ начали появляться даже люди, никому въ ней неизвѣстные, всѣми давно позабытые. Такой случай имѣлъ, наприкладъ, мѣсто въ с. Бузаевѣ Симбирской губ.

Является въ наше село—писалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ—субъектъ, зеркальныхъ дѣлъ мастеръ, по паспорту числится крестьяниномъ с. Бузаева, но никто даже изъ старожилловъ не знаетъ лично его и не помнитъ, когда онъ жилъ въ обществѣ. Вотъ онъ и сталъ требовать, чтобы общество выдѣлило ему въ собственность надѣльную землю, и тутъ же предлагалъ эту землю у него купить по дешевой цѣнѣ. Покупатель, конечно, не нашелся, а крестьяне начали шутить и подсмѣиваться надъ нимъ. Онъ обидѣлся и ушелъ съ угрозой, что сейчасъ пойдетъ къ земскому начальнику съ требованіемъ выдѣлить ему участокъ земли у самой околицы, а покупателя онъ найдетъ...

И въ другихъ мѣстахъ крестьяне спервоначала не склонны были серьезно относиться къ такимъ претендентамъ на надѣльную землю. Но имъ скоро пришлось убѣдиться, что это далеко не шуточная угроза. Правда, даже указъ 9 ноября, казалось бы, даетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторую защиту: укрѣплять въ личную собственность, на основаніи его, можно только тѣ участки надѣльной земли, которые находятся въ постоянномъ пользованіи даннаго домохозяина. Подъ защиту этой статьи закона и пробовали кое-гдѣ встать крестьянскія общества, требуя, чтобы явившіеся со стороны крестьяне, прежде чѣмъ укрѣплять землю, обзавелись хозяйствомъ. Но при томъ рвеніи, какое проявляютъ власти, чтобы скорѣе двинуть надѣльную землю на рынокъ, эта защита оказалась далеко не достаточною. Земскіе начальники обыкновенно предписываютъ въ такихъ случаяхъ немедленно предоставить землю желающимъ укрѣпить ее. Такъ или иначе, на основаніи указа 9 ноября или вопреки ему, но порвавшіе связь съ землею крестьяне въ большинствѣ случаевъ получаютъ возможность укрѣпить ее за собою,—съ тѣмъ, конечно, чтобы тотчасъ же сбыть ее.

Третью — и тоже довольно многочисленную—категорію лицъ, укрѣпляющихъ надѣльную землю съ цѣлью продажи, составили «послѣдніе люди деревни», «голь», «бѣднота», «попробовавшіе легкаго хлѣба», «забуддыги», «пьяницы» и т. д., какъ нерѣдко называютъ ихъ корреспонденты. Другими словами: это опустившіеся

*) „Голосъ“, 11 іюня, 1909 г.

въ силу разныхъ обстоятельствъ домохозяева, стоящіе нерѣдко на крайней уже ступени нищеты и раззоренія. Въ качествѣ иллюстраціи приведу выдержку изъ письма г-жи Калашниковой, которая записала для меня рѣчи, слышавшіяся на одномъ изъ сельскихъ сходовъ Уфимской губерніи, созванномъ для обсужденія первыхъ заявленій объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность.

Вѣдь это кто кричитъ „выдѣлить въ собственность“? Они вотъ на лицо, четверо, все самый что-ни-на-есть отбросъ... Егорка-то Ермиловъ—сколько онъ отцовскаго спустилъ! 17 лошадей было, 8 коровъ, 35 свиней, да свиньи то каждая, почитай, съ корову, да овецъ сколько! А теперь безъ единой лошади остался, а туда же: „домашность поправлю, коли одну душу продамъ“. Ну и продастъ... Скажемъ, у него лишка есть: четыре души, а робятъ только трое. Да вѣдь пить-то онъ не пересталъ. Этого ему, пожалуй, на годъ не хватитъ, а тамъ и другую пропить... А робята-то что должны дѣлать?—въ батраки идти? на фабрику?... Тоже и дядя Спиридонъ... Послѣдній человѣкъ въ обществѣ, — прямо сказать Да и всѣ четверо...

За спинами такихъ кліентовъ указа 9 ноября почти всегда стоятъ будущіе покупатели ихъ земли, которые нерѣдко и являются вдохновителями. Иногда это продѣлывается въ совершенно открытой и грубой формѣ. «Кулаки — какъ пишетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ — спаиваютъ забуддыгъ и подбиваютъ ихъ продавать землю». «Отчего не продать, если начальство разрѣшаетъ» *)... Другихъ, какъ упомянутаго Егорку Ермилова, увлекаетъ, быть можетъ, мечта поправить продажей земли свое хозяйство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, продается лишь часть укрѣпленной земли. Г. К. Як—вичъ, имѣвшій возможность получить относительно Тверской губерніи нѣкоторыя цифровыя данныя по этому вопросу, пишетъ:

Характерна слѣдующая особенность: въ то время, какъ отсутствующіе крестьяне продавали свои надѣлы, за малыми исключеніями, цѣликомъ, осѣдлые не рѣшались сразу разстаться со своей землей, а нерѣдко часть ея оставляли за собою. Эта часть непроданной земли у всѣхъ осѣдлыхъ продавцовъ составляетъ ровно четверть принадлежавшей имъ площади, изъ которой $\frac{3}{4}$ было продано... Детальное же разсмотрѣніе случаевъ продажи надѣловъ показываетъ, что оставляли за собою часть земли не всѣ продавцы, а только приблизительно около трети ихъ **).

По мнѣнію г. К. Як—вича, эти домохозяева, приведя въ отвѣтствіе свою земельную площадь съ рабочими силами семьи и получивъ страшно необходимыя имъ въ хозяйствѣ деньги, еще могутъ оправиться. Но другіе наблюдатели деревенской жизни не склонны раздѣлять эти надежды. Нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, отмѣчаютъ въ своихъ сообщеніяхъ, что попытки упрочить

*) „Сѣверъ“, 18 января 1908 г.

**) „Слово“, 10 апрѣля 1909 г.

хозяйство при помощи такого героическаго средства, какъ продажа земли, уже окончились неудачей. Упомянувъ о томъ, что «выдѣляется большею частью голь, дабы поправить свое экономическое благосостояніе», одинъ изъ корреспондентовъ, доставившихъ мнѣ свѣдѣнія по Александровскому уѣзду, пишетъ: «продавъ землю, эта голь, не имѣя знанія, инициативы, энергіи предается пьянству, поощряемая кулаками, и въ короткое время лишается послѣдняго куска хлѣба». «Закрѣпляютъ — пишетъ другой корреспондентъ изъ того же уѣзда — продаютъ, пробуютъ что-то сдѣлать, но ничего не выходитъ, покупаютъ граммофоны, калоши и... ни денегъ, ни земли». Описавъ такія же послѣдствія укрѣпленія надѣльной земли «забуддыгами», корреспондентъ изъ Таврической губерніи прибавляетъ: «случается, что продавшій свои надѣлы и пропившійся забуддыга является снова на сходъ и проситъ себѣ новаго надѣла, — справедливо разсуждая, что не нищенствовать же ему».

Къ той же группѣ лицъ, укрѣпляющихъ надѣльную землю съ цѣлью немедленной мобилизаціи ея, нужно отнести еще многихъ кліентовъ Крестьянскаго Банка, а именно крестьянъ, согласившихся приобрести у послѣдняго хуторскіе участки. Продажа надѣльной земли ставится въ такихъ случаяхъ Банкомъ — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — какъ обязательное условіе. Къ составу этихъ кліентовъ Банка мнѣ еще придется вернуться. Сейчасъ же я упоминаю о нихъ лишь потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именно они явились пионерами укрѣпленія.

Таковы важнѣйшія категоріи крестьянъ, которые, обыкновенно, раньше другихъ начинаютъ укрѣплять надѣльную землю, — одни съ цѣлью удержать ее, другіе съ цѣлью двинуть *). Характеризуя эти категоріи, я имѣлъ въ виду именно первый періодъ дѣйствія

---

*) Кромѣ указанныхъ мною элементовъ, имѣются, конечно, и другіе. Вообще въ дѣло укрѣпленія надѣльной земли привносились и привносятся самыя разнообразныя соображенія, начиная отъ того, «чтобы держать въ страхѣ дѣтей», и кончая тѣмъ, «чтобы угодить начальству» (ради этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ извѣстно, дѣло доходило даже до «укрѣпленій на прокатъ», — см. объ этомъ у г. Дроздова въ его книжкѣ «Около земли»). Довольно многочисленной въ первое время дѣйствія указа 9 ноября, судя по моимъ матеріаламъ, была группа «безсознательныхъ», какъ ихъ называютъ корреспонденты, т. е. крестьянъ, укрѣпившихъ свои надѣлы по примѣру другихъ или по уговору начальства, ясно не представляя себѣ значенія этого акта. Благодаря имъ, какъ можно думать, укрѣпленіе и получило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сразу массовый характеръ. Кое-гдѣ замѣтно также выдѣлились «рисковые люди», какъ ихъ называютъ въ Смоленской губерніи, т. е. крестьяне, которые руководились, главнымъ образомъ, соображеніемъ, что «хуже не будетъ», а можетъ быть, что и выйдетъ. Я не останавливаюсь на всѣхъ этихъ категоріяхъ, такъ какъ въ виду своей малочисленности онѣ не играли особо видной роли въ процессѣ, или же, какъ «безсознательные» напримѣръ, своимъ участіемъ не опредѣляютъ его направленія.

указа 9 ноября въ той или иной мѣстности, когда объ намѣченныя мною группы особенно рельефно выдѣляются на фонѣ отрицательнаго отношенія къ этому указу со стороны крестьянской массы. Съ теченіемъ времени картина мѣняется...

VI.

Разъ начавшись, процессъ укрѣпленія надѣльныхъ земель въ личную собственность неизбежно захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги крестьянства. Особенно быстро, какъ можно думать, нарастаетъ при этомъ та группа, которая пользуется указомъ 9 ноября, чтобы удержать въ своихъ рукахъ имѣющуюся надѣльную землю. Дѣло въ томъ, что за выходомъ «многодушниковъ» изъ общины, опасность потерять въ случаѣ передѣла часть земли начинаетъ угрожать тѣмъ крестьянамъ, которые при иныхъ условіяхъ сохранили бы при передѣлѣ прежній размѣръ владѣнія и, быть можетъ, даже получили бы прибавку. Чтобы избѣжать этой опасности, и они начинаютъ укрѣплять землю. Но за выходомъ ихъ изъ общины, та же опасность начинаетъ угрожать слѣдующему по размѣрамъ владѣнія слою общинниковъ и т. д.

Но особенно грозной, судя по имѣющимся матеріаламъ, крестьянамъ представляется опасность со стороны отсутствующихъ ихъ однообщественниковъ. Въ случаѣ требованій со стороны послѣднихъ, выдѣлить имъ землю должны вѣдь остающіеся въ общинѣ, отрѣзавъ отъ своихъ надѣловъ. Само собой понятно, что чѣмъ меньше остается крестьянъ въ общинѣ, тѣмъ тяжелѣе для нихъ удовлетворять являющихся со стороны—подъ часъ совсѣмъ неизвѣстныхъ—лицъ. Единственное спасеніе—это всѣмъ укрѣпиться, прежде чѣмъ явились за землей отсутствующіе.

Насколько тяжела эта обязанность парѣзать землю тѣмъ, кому она была не нужна до сихъ поръ и кто требуетъ ее для того только, чтобы тотчасъ же продать, ясно изъ слѣдующаго расчета, сдѣланнаго однимъ изъ моихъ корреспондентовъ. Въ одномъ изъ селъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, по принятому въ общинѣ порядку, отсутствующіе до сихъ поръ вовсе не пользовались надѣлами, теперь же, по требованію земскаго начальника, они надѣляются землею по первому ихъ заявленію о желаніи укрѣпиться. Отсутствующихъ же въ обществѣ настолько много, что если вырѣзать всѣмъ имъ землю,—а за этимъ дѣло не станетъ, такъ какъ требованія поступаютъ одно за другимъ,—то вмѣсто 2 дес. 1600 кв. с., приходящихся на душу теперь, останется меньше 1½ дес., т. е. размѣръ владѣнія наличныхъ хозяйствъ уменьшится почти вдвое. Въ другомъ селѣ того же уѣзда—какъ сообщилъ мнѣ мѣстный крестьянинъ—крестьяне упорно противились укрѣпленію земли въ собственность, вели ожесточенную

борьбу съ тѣми, кто укрѣплялъ все-таки землю, и въ массѣ не поддавались ни на какія увѣщанія землеустроителей. Но когда послѣдніе начали пугать отсутствующими, которымъ общество обязано будетъ выдѣлить землю, то крестьяне сразу заколебались и склонились къ тому, чтобы всѣмъ укрѣпить свои теперешніе надѣлы.

То же происходитъ въ послѣднее время и въ другихъ мѣстностяхъ. «Благодаря закону 9 ноября—пишетъ, напримѣръ, мнѣ г. Богоносъ относительно Ямбургскаго уѣзда—претензіи на землю стали заявлять лица, совсѣмъ позабывшія до того о деревнѣ. Чтобы оградить себя отъ такихъ хищниковъ, пришлось закрѣплять цѣлыми деревнями». Надо сказать, что въ Ямбургскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента, если и практиковались передѣлы, то только качественные, съ сохраненіемъ за каждымъ домохозяиномъ прежняго количества душъ. Такимъ образомъ, даже «многодушники» здѣсь могли оставаться спокойными, не опасаясь, что имъ придется уступить часть земли сосѣдямъ. И все-таки пришлось всѣмъ укрѣпляться...

Говоря о вызванномъ указомъ 9 ноября антагонизмѣ между крестьянами, живущими въ деревнѣ, и крестьянами, живущими въ городѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что отсутствующіе домохозяева, требуя у общества себѣ землю и укрѣпляя ее въ собственность, руководятся не только желаніемъ попользоваться за счетъ общественнаго имущества, благо для этого открылась возможность. Подъ часть ими руководятъ совсѣмъ инныя соображенія.

Упоминавшійся въ одной изъ прежнихъ моихъ статей *) крестьянинъ Б., задѣтый упрекомъ, какой онъ почувствовалъ въ моихъ словахъ, — а именно, что даже принципиальные противники указа 9 ноября не стѣсняются пользоваться имъ и опираться при этомъ на чуждую народному правосознанію силу, — счелъ своимъ долгомъ болѣе подробно написать мнѣ о тѣхъ мотивахъ, которыми руководился онъ въ своей, не доведенной до конца, попыткѣ укрѣпить надѣльную землю (Напомню, что г. Б. сдѣлалъ эту попытку въ качествѣ отсутствующаго: земля находится въ Симбирской губерніи, а самъ онъ служитъ въ Самарѣ).

Скажу откровенно, — пишетъ онъ, — что ваше замѣчаніе меня не касается; наоборотъ, не считая возможнымъ опираться на эту силу, я не пожелалъ осуществить свое намѣреніе: укрѣпить надѣльную землю въ личную собственность. Вѣдь это я могъ бы сдѣлать, «сила» была на моей сторонѣ... И сдѣлать это никакихъ трудовъ не составило бы: заявленія готовы, вотъ бланки — при семъ прилагаю одинъ; даже и сельскому обществу предварительно заявлять не нужно, а взявъ бланкъ, проставилъ количество требуемой земли, подписалъ фамилію и сиди да жди землю.

Цѣль попытки моей была, главнымъ образомъ, узнать мнѣніе общества и тѣмъ заявить ему о своемъ правѣ на случай, если всѣ будутъ укрѣ-

*) См. «Изъ матеріаловъ земельной анкеты», „Русское Богатство“, 1908 г. іюль.

пляться. Приходилось опасаться, что все общество не сегодня—завтра возьмет да укрупнитъ въ личную собственность всю землю; послѣ съ чѣмъ я останусь, откуда можно получить землю? Въ нынѣшнее время положеніе сужающаго настолько шаткое, что не знаешь сегодня, что будетъ завтра. Чуть какое либо подозрѣніе или доносъ — и убирайся, куда хочешь: въ обществѣ земли уже не будетъ, все расхватали, а другой земли взять не откуда... жди у моря погоды, когда еще будетъ, да не знай, будетъ или нѣтъ, а это хоть синица, да въ руки... Хлѣбопашество я оставилъ вовсе не изъ-за нежеланія грубой крестьянской работы, а исключительно изъ-за малоземелья. Какъ я уже сообщалъ въ моемъ прежнемъ письмѣ, имѣя на душу не много болѣе одной десятины, не возможно существовать всему семейству. Будь у меня 7—10 десятинъ на душу надѣльной земли, я бы съ удовольствіемъ вновь обратился къ хлѣбопашеству, даже съ большею пользою, чѣмъ раньше. Куда пріятнѣе обратить свой трудъ въ свою пользу, чѣмъ отдавать его другому!..

Такимъ образомъ, если крестьяне-земледѣльцы опасаются, какъ бы не отняли у нихъ значительную часть земли явившіеся со стороны промышленники, то эти послѣдніе боятся въ свою очередь, какъ бы не расхватали безъ нихъ всю надѣльную землю крестьяне, остающіеся въ деревнѣ. Такъ же характеризуетъ создавшееся положеніе въ одномъ изъ фабричныхъ районовъ Владимірской губерніи г. Комовъ. «Пока не стали поступать заявленія объ укрупненіи надѣльной земли,—пишетъ онъ мнѣ,—безхозяйственные крестьяне (главнымъ образомъ, фабричные рабочіе), живущіе на сторонѣ, не предъявляли никакихъ требованій на землю. Они удовлетворялись сознаніемъ своего права на землю, которое, въ случаѣ надобности, могли реализовать во всякое время, т. е. получить приходящееся на ихъ долю количество земли. Теперь же у нихъ, естественно, возникаетъ опасеніе, что въ случаѣ укрупненія общинной земли въ частную собственность хозяйственными членами общины, живущіе на сторонѣ могутъ лишиться земли и такимъ образомъ потерять право на нее. А это—не шутка. И вотъ подъ вліяніемъ этого тревожнаго настроенія, они мало по малу начинаютъ предъявлять свои требованія на землю. Со своей стороны хозяйственные (не въ кавычкахъ) крестьяне, не отрицая права на землю за живущими на сторонѣ, говорятъ: пусть они сначала поселятся въ своемъ селѣ и обзаведутся домами и хозяйствомъ, тогда и получатъ землю. Условіе для многихъ совершенно невыполнимое. На этой почвѣ нарождается борьба интересовъ хозяйственныхъ и безхозяйственныхъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени эта борьба, несомнѣнно, обострится»...

Надо сказать, что опасенія проживающихъ на сторонѣ крестьянъ, какъ бы остающіеся въ деревнѣ не расхватали всю землю и такимъ образомъ не лишили ихъ права на нее, не безосновательны. Такъ, г. Комовъ отмѣчаетъ, что «у нѣкоторыхъ хозяйственныхъ крестьянъ возникаетъ даже предательская мысль, чтобы по возможности скорѣе укрупнить за собою землю и такимъ образомъ избавиться отъ притязаній безхозяйныхъ членовъ общины». Извѣстны также случаи,

что крестьяне въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ (дачныхъ) мѣстностяхъ, гдѣ земля особенно дорога, успѣли укрѣпить ее, желая предупредить такимъ путемъ набѣгъ проживающихъ на сторонѣ однообщественниковъ.

Указъ 9 ноября противопоставилъ другъ другу крестьянъ, проживающихъ, съ одной стороны, въ деревнѣ, а съ другой—въ городѣ, тѣхъ, которые занимаются земледѣліемъ, и тѣхъ, которые занимаются отхожими промыслами, сшибъ лбами дѣтей одной и той же матери,—можетъ быть, въ равной мѣрѣ нуждающихся,—внесъ подозрительность въ ихъ взаимныя отношенія и вооружилъ обѣ стороны. Борьба въ сущности неизбѣжна. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, кто ее начнетъ въ томъ или другомъ селеніи: тѣ ли, которые боятся, что ихъ лишатъ права на надѣлъ, или тѣ, которые опасаются, что у нихъ отберутъ землю? Кто начнетъ борьбу, и кто опередитъ въ ней?

Въ конечномъ счетѣ опередятъ, камъ можно думать, крестьяне, остающіеся въ деревнѣ. Проживающіе на сторонѣ являются не всѣ сразу, а по одиночкѣ. Сегодня явится одинъ, завтра пріѣдетъ другой, спустя нѣкоторое время, третій... Общество сначала не вѣритъ «такому закону» и подсмѣивается, затѣмъ волнуется и пробуетъ бороться, въ концѣ концовъ убѣждается въ своемъ безсиліи и начинаетъ приспосабливаться. «Предательская мысль», какъ ее называлъ г. Комовъ, является при этомъ сама собою. Когда же она приведена въ исполненіе и вся земля закрѣплена проживающими въ деревнѣ крестьянами, то само собою разумѣется, что на долю всѣхъ остальныхъ отсутствующихъ, не успѣвшихъ явиться во время, ничего не останется. Теперь, когда крестьянство достаточно хорошо освоилось съ сущностью указа 9 ноября, — если не по собственному опыту, то по опыту сосѣдей убѣдилось, что «такой законъ» имѣется, — «предательская мысль» можетъ зародиться и быть осуществлена даже раньше, чѣмъ хотя бы одинъ изъ проживающихъ на сторонѣ однообщественниковъ явится съ требованіемъ выдѣлить ему землю.

Кромѣ только что указанныхъ мною причинъ, въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и другія. Отмѣчу одну изъ нихъ, которая, судя по моимъ матеріаламъ, играетъ далеко не послѣднюю роль въ быстромъ нарастаніи числа укрѣпляющихъ свои надѣлы въ собственность.

Очень ужъ беспокойно стало на счетъ земли въ деревнѣ... Сегодня требуетъ выдѣла «многодушникъ», завтра—какой-нибудь «забулдыга», послѣзавтра — никому невѣдомый «зеркальныхъ дѣлъ мастеръ»... Каждый беспокоитъ общество: приходится волноваться, бороться и убѣждаться въ собственномъ безсиліи. Мало этого, — ни одинъ почти такой случай не обходится безъ болѣе или менѣе энергичнаго вмѣшательства властей, безъ болѣе или менѣе сильнаго съ ихъ стороны «воздѣйствія». И это вмѣшательство не огра-

ничивается только тѣми случаями, когда поводъ для него даетъ кто-нибудь изъ однообщественниковъ. «Землеустроители» являются нерѣдко по собственной инициативѣ, стоняютъ сходы, убѣждаютъ въ преимуществахъ личной собственности и хуторского хозяйства... Убѣжденія нерѣдко переходятъ въ угрозы, теоретическій споръ разрѣшается подѣлъ частью высидкой, а то и ссылкой... Коллективная психика все время находится въ возбужденномъ состояніи. То страхъ беретъ перевѣсъ, то увѣренность въ собственныхъ силахъ; то доводы «за» кажутся болѣе убѣдительными, то доводы «противъ»... Вполнѣ естественно, что въ концѣ концовъ является желаніе кончить какъ-никакъ, прекратить эту «канитель», тѣмъ болѣе, что у укрѣпляющихся есть хоть призрачная мечта, а положеніе не подающихся «землеустройству» становится все болѣе нестерпимымъ.

Отмѣчу одно ухудшеніе, послѣдовавшее въ послѣднее время. Съ самаго начала примѣненія указа 9 ноября я никакъ не могъ уяснить себѣ, на какомъ основаніи земскіе начальники не только укрѣпляютъ надѣльную землю въ личную собственность вопреки желаніямъ общества, но и отводятъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ одному мѣсту. Дѣло въ томъ, что по указу 9 ноября выдѣлъ къ одному мѣсту для общества обязательенъ лишь въ случаѣ общаго передѣла. «Въ тѣхъ же случаяхъ, когда требованіе о выдѣлѣ къ одному мѣсту не совпадаетъ съ общимъ передѣломъ, выдѣлъ же оказывается неудобнымъ или невозможнымъ, обществу предоставляется удовлетворить желающаго выдѣлиться домохозяина деньгами по взаимному соглашенію, а при недостиженіи соглашенія — по оцѣнкѣ, устанавливаемой волостнымъ судомъ» (ст. 13) *). Въ указанномъ мною смыслѣ всѣ и поняли указъ 9 ноября при его появленіи, — сошлюсь на цѣлый рядъ статей: никому и въ голову не приходило, что не только «укрѣпленія», но и «выдѣлы» будутъ производиться въ любой моментъ помимо согласія общества. Однако земскіе начальники, какъ сказано, собственною властью, не ожидая передѣла, начали производить все-таки выдѣлы, выхватывая нерѣдко лучшіе куски общественной земли, и, что еще характернѣе, — уѣздные сѣзды начали утверждать такіе выдѣлы. Повидимому, въ той атмосферѣ произвола, въ какой происходитъ все землеустройство, приведенныя мною слова указа были истолкованы кое-гдѣ въ томъ смыслѣ, что земскій начальникъ не только

*) Третья Дума и въ этомъ отношеніи пошла дальше указа 9 ноября. По принятому ею проекту выдѣлъ къ одному мѣсту обязательенъ для общества, безъ права удовлетворять выдѣляющихся деньгами, и внѣ передѣла: а) «если выдѣла потребуетъ не менѣе $\frac{1}{5}$ части всѣхъ домохозяевъ или не менѣе 50, и б) хотя бы по заявленію одного домохозяина, когда выдѣлъ участка оказывается возможнымъ и несвязаннымъ съ особыми неудобствами». Но думскій проектъ еще не получилъ санкціи, и указъ 9 ноября, казалось бы, обязательенъ къ исполненію.

можетъ признать выдѣлъ удобнымъ и возможнымъ, но и произвести его въ натурѣ, не возбуждая даже вопроса о вознагражденіи желающаго выдѣлиться деньгами.

Но въ первое время примѣненія указа 9 ноября такіе случаи все-таки были рѣдки. Съ теченіемъ же времени они стали все учащаться. Наконецъ, 15 октября 1908 года, по соглашенію трехъ министровъ, были утверждены «временныя правила о выдѣлѣ надѣльной земли къ однимъ мѣстамъ», при чемъ относительно обязательности выдѣла въ нихъ были предвосхищены почти полностью состоявшіяся много позднѣе постановленія третьей Думы и дано указу 9 ноября то истолкованіе, какое ему дали наиболѣе ретивые земскіе начальники и уѣздные сѣзды. Признать выдѣлъ возможнымъ или невозможнымъ—по этимъ правиламъ—всецѣло зависить отъ уѣзднаго сѣзда, при чемъ, если права его въ этомъ отношеніи ограничены, то исключительно въ отказахъ, а не въ разрѣшеніяхъ выдѣла. Нѣсколько позднѣе, а именно, весною нынѣшняго года правительство осѣнила блестящая идея, что «для успѣшной постановки землеустроительнаго дѣла не столько важно количество произведенныхъ работъ, сколько ихъ качество» *), о чемъ оно и поспѣшило оповѣстить землеустроителей. Послѣ этого послѣдніе сосредоточили главное свое вниманіе на «выдѣлахъ»... Количество «укрѣпленій» было вѣдь достаточно, а вотъ на счетъ качества насажденная по указу 9 ноября личная собственность дѣйствительно подгуляла.

Такимъ образомъ, главное средство, на которое многія крестьянскія общества въ борьбѣ съ личными собственниками возлагали свои надежды,—средство, которымъ они кое-гдѣ успѣли и воспользоваться,—оказалось вырваннымъ у нихъ изъ рукъ. Больше того, хозяевами надѣльной земли отнынѣ сдѣлались землеустроители.

Для характеристики того, что происходитъ теперь въ деревнѣ на почвѣ выдѣловъ, приведу только что пересланное мнѣ письмо изъ Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи. Пишетъ крестьянинъ корреспонденту мѣстной газеты.

Прошу васъ ради вопіющаго дѣла напишите въ „Орловскій Вѣстникъ“ и немедленно слѣдующее. Въ деревнѣ Хрепковой Веребской волости сдѣлано насиліе надъ общественной землей. Непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи и податной инспекторъ выдѣлили крестьянина на отрубной участокъ и, такъ какъ крестьянинъ богатъ, они выдѣлили его своею силой, со стражей, а общество въ горѣ: отобрали самую лучшую землю и въ большомъ количествѣ. И такъ вы выразите, что общество было совсѣмъ устранено, они сами проходили межи по собственному усмотрѣнію и все дѣлали такъ, какъ желалъ этотъ крестьянинъ, но не какъ общество...

Пересылая это письмо и сообщая, что «Орловскій Вѣстникъ» оглашать такіе вопли крестьянъ не смѣетъ, корреспондентъ прибавляетъ, что это у нихъ обыкновенный порядокъ выдѣла.

*) Цитирую по «Новому Времени» отъ 26 апрѣля.

«Чтобы выдѣлиться кому-либо изъ общины,—пишетъ онъ,—нужно ея согласіе. Такъ говорить законъ. Но не то дѣлается у насъ. У насъ, напримѣръ, при выдѣлѣ не спрашиваютъ общество, желаетъ ли оно выдѣлить такого-то. Все это обдѣлываютъ очень просто: приѣзжаетъ взводъ казаковъ (численность отряда зависитъ отъ численности общества и отъ настроенія) и отводится участокъ земли, безъ всякаго участія общества, даже въ такомъ мѣстѣ, которое не можетъ быть отдѣляемо. Разговоровъ никакихъ. Если кто вздумаетъ говорить противъ, то, стало быть, бунтъ, а съ бунтовщиками у насъ расправа короткая. Такъ недавно выдѣляли въ д. Трубичиной крестьянина Левшина (члена землеустроительной комиссіи отъ крестьянъ) и въ д. Круглой крестьянина Амелина. Крестьянами поданъ протестъ противъ насилія, учиненнаго надъ ихъ собственностью, но изъ него, конечно, ничего не выйдетъ»...

Представьте же себѣ положеніе общества: приѣзжаетъ землеустроитель съ землефрами и начинаетъ хозяйничать, выкраивать изъ общественной земли кусокъ тому или иному изъ укрѣпившихся; спустя нѣкоторое время, является опять землеустроитель и начинаетъ выкраивать кусокъ другому собственнику и т. д. Крестьянамъ-общинникамъ предоставляется въ такихъ случаяхъ только сжиматься и передвигаться. Легко понять, что вести хозяйство при такихъ условіяхъ невозможно. И вотъ является мысль: всѣмъ укрѣпить землю въ собственность. Послѣ этого выдѣловъ ужъ не допустимъ,—думаютъ крестьяне. Такъ думаютъ, напримѣръ, крестьяне с. Вознесенки (Александровскаго уѣзда, Екатеринбургской губерніи). «Такъ какъ тамъ большинство закрѣпило землю, — пишетъ мнѣ крестьянинъ сосѣдняго села, — то рѣшили всѣмъ сходомъ: разъ насъ начальство заставило свою выкупленную землю укрѣпить, то не начальство теперь надъ ней хозяйнѣ, а общество, и потому никакихъ выдѣловъ не допустимъ»...

Надо сказать, что вознесенскіе крестьяне дѣйствительно не допустили выдѣла,—по крайней мѣрѣ, когда писалъ мой корреспондентъ, вопросъ о немъ оставался спорнымъ.

Одинъ Александровскій кулакъ—разсказываетъ корреспондентъ—скупилъ у разныхъ лицъ сто десятинъ и хотѣлъ чрезъ посредство земскаго начальника и землеустроительной комиссіи выдѣлить въ одинъ участокъ. Но общество этого не допустило. Раза три приѣзжалъ земскій начальникъ и никакъ не могъ уговорить общество вырѣзать эти 100 десятинъ къ одному мѣсту. Теперь кулакъ предлагаетъ обществу, чтобы купили у него эту землю. Общество согласно купить, но только возратить ему ту сумму, которую онъ самъ заплатилъ *).

*) Обращаю вниманіе читателей на ту путаницу понятій, которая, очевидно, царитъ въ головахъ крестьянъ, и на ту сложность отношеній, какая получается при этомъ. Общество считаетъ себя „хозяиномъ“ земли послѣ того, какъ большинство укрѣпило ее въ личную собственность. И обществомъ же, состоящемъ въ большинствѣ изъ личныхъ собственниковъ,

Но вообще-то, какъ я думаю, крестьяне ошибаются: даже при помощи указа 9 ноября имъ не удастся восстановить своихъ хозяйскихъ правъ на надѣльную землю: хозяевами надъ ней останутся чиновники. Но къ этому мы еще вернемся.

Сейчасъ же для меня важно было отмѣтить лишь тѣ причины, благодаря которымъ картина дѣйствія указа 9 ноября постепенно измѣняется. Если въ первомъ періодѣ надѣльную землю укрѣпляютъ въ личную собственность только опредѣленные категоріи крестьянъ, то дальше укрѣпленіе приобретаетъ массовый характеръ. Иное общество долго противится укрѣпленію, упорно борется съ собственниками,—а потомъ тѣ же самые крестьяне чуть не поголовно укрѣпляютъ свои надѣлы. Иной разъ это является до извѣстной степени результатомъ какъ бы коллективнаго рѣшенія, которое вырывается подъ часъ въ формѣ болѣзненнаго крика: «коли такъ, укрѣпляй всѣхъ!» Но чаще, конечно, общество обезсиливаетъ постепенно...

Само собой понятно, что этотъ переломъ въ коллективной психикѣ происходитъ не безъ борьбы и не безъ раздумья. Одолѣваемые тревогой и сомнѣніями, крестьяне не спятъ ночей, ведутъ нескончаемые споры и разговоры, кидаются съ разпросами и за совѣтами въ разныя стороны. «Какъ лучше?» «Какъ бы не прогадать!»... Отдѣльнымъ же лицамъ приходится переживать чуть не драму. Нѣкоторое понятіе объ этомъ можетъ дать хотя бы слѣдующій отрывокъ.

Мнѣ пришлось говорить,—писать одинъ изъ моихъ корреспондентовъ,—съ однимъ изъ сознательныхъ крестьянъ с. И--ки, однимъ изъ тѣхъ, которые все знаютъ, все слышали, однимъ изъ учителей своихъ односельчанъ. Видъ у него весьма симпатичный, онъ хорошо грамотный, даже состоитъ бібліотекаремъ въ сельской бібліотекѣ, читалъ вашу брошюру „Хлѣбъ, свѣтъ и свобода“, знаетъ о существованіи „Русскаго Богатства“ и его направленіи. Это тотъ самый, отъ котораго многое зависѣло въ дни свободъ, къ его словамъ прислушивались, онъ былъ избираемъ неоднократно въ нужныхъ случаяхъ представителемъ цѣлаго села, уполномоченнымъ и т. д. Его выступленія отличались увѣренностью, вѣрой въ лучшее будущее, но въ послѣднихъ событіяхъ онъ совершенно растерялся и не знаетъ, что дѣлать. Онъ пока еще не укрѣпился, но готовъ укрѣпиться въ каждую минуту. Позиція его выжидательная, онъ уже не руководитъ общественной жизнью своего села, на его долю осталось лишь присматриваться къ текущимъ событіямъ и въ критическую минуту спасать свой животъ путемъ укрѣпленія и своего надѣла, въ противномъ случаѣ онъ можетъ остаться почти безъ земли...

Такъ или иначе, но укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность уже получило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ массовой и даже сплошной характеръ. Кое-гдѣ, какъ мы видѣли, укрѣпляютъ землю уже цѣлыми деревнями. Правительство можетъ гордиться достигнутымъ успѣхомъ...

покупаютъ землю. Общинные инстинкты и привычки, очевидно, даютъ себя знать.

«Могу вамъ сообщить, — заявилъ г. Столыпинъ въ своей бесѣдѣ съ редакторомъ газеты «Волга», — что за время дѣйствія новаго закона уже семь миллионѣвъ десятинъ, т. е. цѣлая площадь иного европейскаго государства, перешли къ крестьянамъ на началахъ единоличнаго владѣнія» *).

Это, очевидно, самыя послѣднія свѣдѣнія (бесѣда имѣла мѣсто, повидимому, въ послѣднихъ числахъ сентября). Г. Столыпинъ привелъ только эту круглую цифру. Точныя данныя по вопросу объ укрѣпленіи надѣльных земель мы имѣемъ пока лишь на первое мая нынѣшняго года. Я говорю: точныя — условно, противопоставляя эти данныя, выраженные въ десятинахъ, круглымъ цифрамъ, выражаемымъ въ миллионѣхъ. По существу же свѣдѣнія, которыя я имѣю въ виду, а именно получаемыя по телеграфу отъ губернаторовъ и публикуемыя время отъ времени въ «Извѣстіяхъ Земскаго Отдѣла» **), настолько уже скомпрометированы (припомните прошлогодніе дебаты въ Государственной Думѣ), что трудно даже сказать, въ какой мѣрѣ ихъ можно назвать хотя бы приближительными. Но за отсутствіемъ другихъ данныхъ, приведу какія имѣются.

До 1 мая нынѣшняго года, по свѣдѣніямъ Земскаго Отдѣла, подали заявленія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность 1.352.036 домохозяевъ, изъ нихъ 778.263 уже «окончательно перешли къ личной собственности». Площадь «окончательно укрѣпленной въ личную собственность» земли достигла къ этому времени 5.917.030 дес., т. е. безъ малаго 6 мил. десятинъ. Это, дѣйствительно, «цѣлая площадь иного европейскаго государства».

Впрочемъ, по нашимъ русскимъ масштабамъ приведенныя

*) Цитирую по «Новому Времени» отъ 3 октября.

**) Губернаторами эти свѣдѣнія доставляются ежемѣсячно, но публикуются они, когда вздумается. Напримѣръ, за прошлый годъ свѣдѣнія были даны на 1 февраля, на 1 мая и на 1 іюня; послѣ того послѣдовали перерывъ, и въ нынѣшнемъ году сдѣлана лишь одна публикація — на 1 мая, при чемъ на ряду съ погубернскими данными на это число, приведены общіе итоги по всей Россіи на 1 марта. Можно думать, что эти перерывы въ публикаціяхъ, — по крайней мѣрѣ, послѣдній изъ нихъ, — не совсѣмъ случайны. Чиновники, быть можетъ, рассчитываютъ прикрыть такимъ путемъ явныя несообразности въ цифрахъ, которыя обнаружены были въ прошломъ году нѣкоторыми публицистами путемъ сопоставленія погубернскихъ данныхъ за отдѣльные мѣсяцы. Однако и теперь, несмотря на промежутки почти въ цѣлый годъ, кое-какія несообразности выпираютъ. Напримѣръ, по Кіевской губерніи число укрѣпившихся домохозяевъ на 1 мая нынѣшняго года показано 14.175 (съ 70.626 дес.), тогда какъ на 1 мая прошлаго года ихъ числилось 19.152 (съ 89.645 дес.). Куда они дѣвались? Или укрѣпившіе свою землю опять «раскрѣпостились», т. е. возвратились въ общину? Такіе случаи «раскрѣпощенія» бывають, — въ моихъ матеріалахъ ихъ описано нѣсколько. Но въ данномъ случаѣ убыль въ укрѣпившихся, повидимому, слѣдуетъ отнести на счетъ приемовъ правительственной статистики, берущей, какъ извѣстно, иногда цифры съ потолка.

цифры сами по себѣ не могутъ считаться особенно грандіозными. Площадь надѣльной земли, находившейся въ общинномъ владѣніи, составляла свыше 100 мил. дес. (110—115 мил. дес.) только въ Европейской Россіи. Такимъ образомъ, укрѣпленная въ личную собственность надѣльная земля за 28 мѣсяцевъ дѣйствія указа 9 ноября (съ 1 января 1907 г. по 1 мая 1909 г.) составляетъ всего лишь около 5⁰/₀. Въ среднемъ ежемѣсячно укрѣплялось 211 тыс. десятинъ. Для укрѣпленія всей общинной земли по этому расчету потребовалось бы около 45 лѣтъ.

Но укрѣпленіе въ теченіе протекшихъ 28 мѣсяцевъ шло далеко неравномѣрно: темпъ его все время нарасталъ. Такъ, если мы раздѣлимъ указанный періодъ на части, хотя бы и неравновеликія, а такія, какія допускаютъ чиновничьи публикаціи, то получимъ такія характерныя цифры:

П Е Р И О Д Ы.	Всего мѣся- цевъ	Въ среднемъ въ мѣсяцъ укрѣплялось (въ тысячахъ).	
		Домохоз.	Десят.
1 янв. 1907—1 февр. 1908 г.	13	8,5	66,5
1 февр. 1908—1 мая 1908 г.	3	25,3	197,1
1 мая 1908—1 іюня 1908 г.	1	31,4	238,7
1 іюня 1908—1 марта 1909 г.	9	50,0	384,1
1 марта 1909—1 мая 1909 г.	2	55,3	386,0

Если бы укрѣпленіе шло все время такимъ темпомъ, какъ въ первый годъ дѣйствія указа 9 ноября, то для укрѣпленія всей общинной земли въ личную собственность понадобилось бы около 140 лѣтъ; по тому же, какъ оно шло въ послѣдніе мѣсяцы, для этого нужно менѣе 25. Между тѣмъ имѣются основанія думать, что въ ближайшее время процессъ укрѣпленія надѣльной земли, если ему не будутъ поставлены какія-либо преграды, пойдетъ еще болѣе ускореннымъ темпомъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что не случайно г. Столыпинъ упомянулъ въ своей программной бесѣдѣ о 20 годахъ. «Дайте государству — сказалъ онъ — двадцать лѣтъ покоя, внутренняго и вѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи!» Эти двадцать лѣтъ нужны ему, очевидно, для того, чтобы—какъ онъ выразился—«укрѣпить низы», «корни» («въ нихъ вся сила страны, ихъ болѣе 100 милліоновъ!»), Разсчетъ г. Столыпина, повидимому, основанъ на цифровыхъ данныхъ.

Но это еще не значить, что его расчетъ безошибоченъ, что общинное землевладѣніе въ ближайшіе годы и даже въ ближайшія десятилѣтія окончательно и безслѣдно исчезнетъ. Не такъ легко покончить съ институтомъ, который существовалъ сотни лѣтъ,—даже разбитый, онъ не скоро вывѣтрится и долго еще будетъ существовать, хотя бы и въ обломкахъ. Во многихъ случаяхъ общинное землевладѣніе, вѣроятно, уцѣлѣетъ, приспособившись

такъ или иначе къ указу 9 ноября, да и тамъ, гдѣ вся надѣльная земля будетъ укрѣплена, общинные инстинкты и навыки, несомнѣнно, еще скажутся. Съ другой стороны, и на верхахъ «государственно-правовая точка зрѣнія», какъ ее назвалъ г. Милюковъ, не совсѣмъ, конечно, оставлена. Еще не разъ, вѣроятно, государственная власть, кто бы ни являлся ея носителемъ, на нее вернется...

Въ сущности, трудно даже предугадать, что это будетъ за институтъ, который правительство насаждаетъ теперь подъ именемъ личной собственности. Во всякомъ случаѣ, онъ будетъ далеко не тождественъ съ тѣмъ институтомъ, какой извѣстенъ подъ этимъ именемъ въ римскомъ правѣ. Вѣроятно же всего, что это будетъ нѣкоторый ублюдокъ между личнымъ и коллективнымъ владѣніемъ, между частною и государственною собственностью,—одна изъ тѣхъ промежуточныхъ формъ, къ каковымъ относилась и община. Несомнѣнно, что отъ коллективнаго владѣнія мы подвинемся къ единоличному, но дойдемъ ли до него?—это еще вопросъ: быть можетъ, уйдемъ не дальше подворнаго владѣнія а, можетъ быть, застрянемъ и ближе. И неизвѣстно еще, чья власть надъ землей въ этомъ процессѣ вырастетъ: государственная ли (въ данномъ случаѣ, чиновничья) или частная (крестьянская). Но это вопросъ—особый, и не онъ насъ въ настоящій моментъ интересуетъ. Мы поставили себѣ другую задачу, и пора уже къ ней вернуться...

VII.

«До сихъ поръ—сказалъ г. Столыпинъ во время упомянутой бесѣды—у нашего стомилліоннаго крестьянства, зависимаго всегда отъ другихъ, была одна лишь карьера—карьера мужика-кулака. Теперь передъ нимъ открываются иные, болѣе свѣтлые горизонты. Становясь личнымъ собственникомъ, единоличнымъ кузнецомъ своего счастья, нашъ крестьянинъ получаетъ широкую возможность проявлять свою личную волю и свой личный починъ въ разумномъ устроеніи своей жизни, своего хозяйства».

Отчасти мы уже видѣли ту независимость и ту свободу, какія получило по указу 9 ноября русское стомилліонное крестьянство... Но мы видѣли въ сущности только то, что предшествуетъ укрѣпленію и сопровождаетъ его. Теперь намъ предстоитъ уяснить себѣ, что за нимъ слѣдуетъ, какіе «горизонты» открываются для укрѣпившихся, какая ихъ ожидаетъ «карьера».

Мы видѣли, что укрѣпившіеся дѣлятся на двѣ крупныя группы: одни укрѣпились для того, чтобы удержать въ своихъ рукахъ надѣльную землю, съ консервативными, какъ я сказалъ, цѣлями, другіе—чтобы сбыть ее, съ цѣлями мобилизаціонными. Къ сожалѣнію, официальные данныя не содержатъ въ себѣ почти ника-

кихъ указаній, которыя давали бы возможность, хотя приблизительно, опредѣлить численность той и другой группы.

Кое-какія общія свѣдѣнія по этому вопросу правительствомъ были сообщены, если не ошибаюсь, всего только одинъ разъ, а именно въ прошломъ году Государственной Думѣ тов. министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошинымъ *). По вопросу о томъ, кто именно изъ укрѣпившихъ продаетъ свои надѣлы, послѣдній сообщилъ слѣдующее:

«Вы, между прочимъ, видите тутъ—говорилъ онъ—контингентъ лицъ, который продаетъ свои участки, о нихъ такъ сказать, можно было ранѣе предугадать,—это лица, отбившіяся отъ земли, всякіе швейцары, дворники, у которыхъ гуляла земля въ арендѣ, которые пользовались ею, получая арендные деньги, и которые, воспользовавшись этимъ закономъ, освобождаются отъ земли, такъ какъ она имъ не нужна, земледѣіемъ они не занимаются. Въ значительной части случаевъ пользуются этимъ переселенцы... Наконецъ, воспользовались этою возможностью укрѣплять свои участки и очень малоземельные крестьяне, которые обратились затѣмъ къ землеустроительнымъ комиссіямъ для того, чтобы купить земли чрезъ посредство Крестьянскаго Банка. Были, разумѣется, и другіе случаи, слѣдовательно, я вамъ указываю только на тѣ категоріи, которыя, такъ сказать, болѣе ясно обозначились.

Такимъ образомъ, по официальнымъ даннымъ, продаютъ надѣлы, главнымъ образомъ, отхожіе промышленники, переселенцы и кліенты Крестьянскаго Банка, т. е. тѣ же самыя категоріи, которыя я отнесъ къ мобилизующей группѣ, за исключеніемъ одной, упомянутой мною, а именно, «послѣднихъ людей деревни», «голи», «забудыгъ» и т. д. Наличность ихъ среди продавцовъ надѣльной земли г. Лыкошинъ, пожалуй, не отрицалъ. «По удостовѣренію тѣхъ лицъ, которыя доставили намъ этотъ матеріалъ—говорилъ онъ—въ огромномъ большинствѣ случаевъ земли продаются вовсе не для пропитія, вовсе не зря, вовсе не при отсутствіи какихъ бы то ни было хозяйственныхъ соображеній». Но не въ «огромномъ большинствѣ» такіе случаи, и по его свѣдѣніямъ, очевидно, бываютъ. Что г. Лыкошинъ постарался умалить въ продажѣ земли роль тѣхъ, которые пропиваютъ свои надѣлы, и вовсе замолчать тѣхъ, которые ихъ продаютъ,—это, конечно, понятно. Въ общемъ же правительственные данныя о составѣ мобилизующей группы, какъ видно изъ сказаннаго, совпадаютъ съ тѣми частными свѣдѣніями, которыми пользовались мы.

Что касается численности этой группы, то г. Лыкошинымъ были приведены такія данныя. На 1 августа 1908 года домохозяевъ, укрѣпившихъ свои надѣлы, насчитывалось 300 тысячъ; изъ нихъ продавшихъ укрѣпленную землю, по свѣдѣніямъ на то же число, доставленнымъ губернаторами, было 15.741. По отношенію

---

*) См. «Стенографическій отчетъ». Государственная Дума. Третій созывъ. Сессія II. Засѣданія 5 и 24. Стр. 282, 2047—2049 и 2057.

къ общей цифрѣ укрѣпившихъ, это составитъ пять процентовъ съ небольшимъ. Въ дѣйствительности этотъ процентъ, несомнѣнно, выше. Помимо всего прочаго, продажа надѣльной земли происходитъ позднѣе ея укрѣпленія, и, стало быть, среди 300 тысячъ, оформившихъ укрѣпленіе своихъ надѣловъ на 1 августа 1908 г., вѣроятно, не мало было лицъ, не успѣвшихъ не только оформить, но и совершить ихъ продажу *). Если для сравненія мы возьмемъ цифру укрѣпившихъ не на 1 августа, а на 1 февраля, т. е. на полгода раньше, когда она равнялась 111 тыс., то число продавшихъ свои надѣлы до 1 августа составитъ по отношенію къ ней 14%. Это сопоставленіе, конечно, совершенно произвольное. Но оно, какъ мнѣ кажется, даетъ все таки право сдѣлать нѣкоторый выводъ, а именно: укрѣпившіе надѣльную землю съ цѣлью немедленно продать ее въ общей массѣ воспользовавшихся указомъ 9 ноября, даже въ первый періодъ его дѣйствія, составляли незначительное меньшинство. Даже въ это время рѣшительно преобладали тѣ, которые укрѣпляли надѣлы съ цѣлью удержать ихъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ процессъ укрѣпленія пріобрѣтаетъ массовой характеръ, эта послѣдняя группа должна все увеличиваться. Это ясно уже а priori. Пока надѣльную землю укрѣпляютъ единичные домохозяева, возможно, что всѣ они или въ значительной своей части дѣлаютъ это съ цѣлью продажи. Когда же крестьяне начинаютъ укрѣплять землю цѣлыми деревнями, то такое предположеніе становится невозможнымъ: очевидно, что укрѣпленіе въ этомъ случаѣ имѣетъ иной—по преимуществу консервативный—характеръ.

Мы уже видѣли, что такъ именно и изображаютъ процессъ укрѣпленія наблюдатели деревенской жизни. Крестьяне, охваченные страхомъ, что надѣльная земля въ большей или меньшей своей части ускользнетъ изъ ихъ рукъ—и при томъ ускользнетъ «навѣчно»—впѣляются въ тѣ клочки, которые имѣютъ, не брезгуя при этомъ становиться подъ защиту указа 9 ноября, хотя бы передъ тѣмъ они вели борьбу съ нимъ. Укрѣпленіе въ личную собственность является въ этомъ случаѣ—какъ выражается одинъ изъ моихъ корреспондентовъ—«подтвержденіемъ традиціи», т. е. закрѣпленіемъ даннаго распредѣленія надѣльной земли въ данныхъ ея граняхъ. «Гордость числомъ укрѣпившихся при такихъ условіяхъ—говорить въ своемъ письмѣ г. Богоносъ—напоминаетъ гор-

*) Однородныя свѣдѣнія, заимствованныя, повидимому, изъ того же источника (т. е. изъ губернаторскихъ данныхъ), но относящіяся къ самому послѣднему времени (должно быть, на 1 сентября 1909 г.) мы имѣемъ относительно только одной Тамбовской губерніи. Хотя по одной губерніи трудно дѣлать какія либо заключенія, я все таки приведу эти данныя. По сообщенію корреспондента «Рѣчи» (см. «Рѣчь», 2 октября) въ этой губерніи укрѣпили земли 29.530 домохозяевъ въ количествѣ 140½ тыс. десятинъ (5% всей надѣльной земли губерніи); изъ нихъ продали укрѣпленную землю 3621 домохоз. или 12%.

дость писаной торбой... Этому укрѣпленію не рады теперь и мѣстные «Фаусты», такъ какъ начинаютъ понимать, зачѣмъ крестьяне такъ спѣшатъ укрѣпиться.. Въ послѣднее время—прибавляетъ корреспондентъ—у насъ стараются всѣми мѣрами тормазить укрѣпленіе въ личную собственность иначе, чѣмъ въ одномъ кускѣ. Прозрѣли, но не поздновато ли?...

Прозрѣли въ сущности не мѣстные «Фаусты», а вдохновляющій ихъ «Мефистофель». Я уже упомянулъ, что еще весной землеустроителямъ было предписано: не увлекаясь «количествомъ», заняться «качествомъ». И сейчасъ законопроектъ о «землеустройствѣ» не случайно оказался самымъ спѣшнымъ. Почему думское большинство и правительство такъ сильно заинтересованы этимъ «техническимъ» законопроектомъ, почему они такъ спѣшатъ передвинуть хотя бы хозяйственные грани крестьянской земли,—это вскрылось въ первый же день думскихъ преній. Раздѣлъ земли на хутора и отрубы, — указывали возражавшіе противъ законопроекта, — если и можетъ быть выгоденъ, то только для многоземельныхъ крестьянъ и, во всякомъ случаѣ, для имѣющихъ не меньше извѣстнаго минимума; что касается малоземельныхъ, то, уничтоживъ общія пастбища и другія преимущества совмѣстнаго владѣнія землей, землеустройство грозитъ поставить ихъ въ безвыходное положеніе, сдѣлавъ совершенно невозможнымъ для нихъ веденіе земледѣльческаго хозяйства. Отвѣчая на это, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ г. Кривошеинъ заявилъ:

И для самыхъ мелкихъ хозяевъ существенно важно укрѣпить и свести къ одному мѣсту свою разбитую теперь на мелкіе клочки землю, хотя бы для того, чтобы продать ее *).

Тому, что другихъ пугаетъ, «землеустроители» могутъ только радоваться. Устроивъ хозяйственно-техническую передвинку земли, они облегчатъ,—правильнѣе сказать, вынудятъ этимъ—и социальное-экономическое ея движеніе, переходъ ея отъ однихъ крестьянъ къ другимъ, отъ одного социального слоя къ другому. Послѣ этого понятнымъ становится и тотъ азартъ, который привносится правительствомъ въ техническую часть землеустройства, — азартъ не меньшій, а большій, чѣмъ даже въ укрѣпленіе надѣльной земли. Думское же большинство обнаружило готовность и въ этомъ случаѣ идти гораздо дальше правительства...

Думская коммиссія уже внесла цѣлый рядъ поправокъ къ правительственному законопроекту, при чемъ на много опередила не только правительство, но и самую Думу, хотя та, казалось бы, достаточно далеко ушла со своими поправками къ указу 9 ноября. Такъ, коммиссія рѣшила распространить «землеустройство» не только

*) Отчетъ о засѣданіи Государственной Думы 12 октября. Цитирую по „Новому Времени“ отъ 13 октября.

на надѣльныя, но и на всѣ другія крестьянскія земли. Большая часть прочихъ внесенныхъ ею въ проектъ измѣненій

прозвукнута—какъ характеризировалъ ихъ г. Кривошеинъ—стремленіемъ комиссіи къ болѣе рѣшительному осуществленію землеустроительныхъ цѣлей. Интересамъ разверстанія дано предпочтеніе передъ интересами аренды и залога. Случаи примѣненія обязательнаго обмѣна земель комиссіей расширены и обмѣны эти не стѣснены нормой величины обмѣниваемыхъ участковъ. Полное разверстаніе на отруба цѣлыхъ обществъ допущено въ рядѣ случаевъ по желанію не двухъ третей, а простого большинства голосовъ. Выдѣлъ домохозяевъ рѣшено производить по заявленію не только 50 хозяевъ или одной пятой общаго числа ихъ въ селеніи, а иногда и для десяти домохозяевъ, если послѣдніе выселяются, а иногда и для одного хозяина, если только выдѣлъ не связанъ съ неудобствами для сосѣдей. Наконецъ, самый порядокъ составленія актовъ и разрѣшенія споровъ еще болѣе, чѣмъ предполагалось, упрощенъ и ускоренъ: предоставленіемъ разрѣшенія многихъ вопросовъ вмѣсто коллегіальной комиссіи одному землеустроителю изъ состава ея членовъ.

Вдумайтесь въ это «землеустройство», передъ которымъ должны будутъ отступить на задній планъ даже «аренда» и «залогъ»—эти столь важные для правящихъ классовъ институты, и для васъ ясно станетъ, какъ великъ азартъ, съ которымъ они ведутъ свою игру «на сильнаго». Вдумайтесь, съ другой стороны, въ это «землеустройство», которое будетъ производиться не только по простому большинству голосовъ, но и по требованію ничтожнаго числа домохозяевъ, въ «землеустройство», въ которомъ не будетъ принимать участія не только никакой, хотя бы и самый плохенькій судъ, но во многихъ вопросахъ даже и административная коллегія, въ «землеустройство», которое будетъ производиться по требованію отдѣльнаго домохозяина и усмотрѣнію отдѣльнаго землеустроителя (являющагося, конечно, въ потребныхъ случаяхъ съ достаточнымъ числомъ стражниковъ),—и для васъ ясно станетъ, въ какомъ беззащитномъ положеніи окажется русское стомилліонное крестьянство, — и, надо прибавить, крестьянство, не только остающееся въ общинѣ, но и укрѣпившее уже надѣльную землю въ личную собственность, т. е. выполнившее предначертанную для него программу.

Но думская комиссія не остановилась и на этомъ. Она рѣшила сведенную въ хутора и отрубы надѣльную землю, если къ ней будетъ присоединена при этомъ хотя бы небольшая часть купчей, приравнять къ частновладѣльческой, т. е. отмѣнить по отношенію къ этой землѣ лежащія на ней ограниченія относительно залога и продажи. Само собой понятно, что комиссія прикрылась при этомъ либеральными намереніями, — желаніемъ предоставить крестьянамъ свободу въ распоряженіи своей землей. Каковы могутъ быть послѣдствія проектированной комиссіей мѣры, это указалъ членъ Думы Соколовъ,—мирнообновленецъ и, стало быть, сторонникъ института личной собственности, какъ культурнаго фактора. «Этимъ путемъ—говорилъ онъ—конечно, увеличится въ громадныхъ размѣрахъ мобилизація земельной собственности. Земля будетъ

продаваться, как товар на биржѣ». Что касается дальѣйшихъ послѣдствій задуманной комиссіею «свободы», то ихъ нарисовалъ к.-д. Шингаревъ. «Если мы примемъ разбираемую статью—говорилъ нѣ,—то мы откроемъ для крестьянства огромную ловушку».

Депутатъ Кузовковъ—продолжалъ г. Шингаревъ,—чрезвычайно мало, вѣроятно, знаетъ ту самую свободу, которая именуется свободой умирать съ голоду. Вотъ когда крестьянъ въ массѣ выгонять съ ихъ надѣльныхъ земель, которыя превращаются въ земли частнаго владѣнія, когда у нихъ за долги опишутъ ихъ послѣдніе, кровные земельные участки, когда они выйдутъ на улицу, безъ работы, безъ земли, когда масса крестьянскихъ семей обратится въ нищихъ, когда эта масса будетъ просить у васъ хлѣба и работы,—тогда только депутатъ Кузовковъ пойметъ, что такое свобода про которую онъ говоритъ. Неимущимъ, малообеспеченнымъ мелкимъ земледѣльцамъ предоставлять свободу владѣнія, окончательнаго отчужденія ихъ участковъ, это значитъ—вести ихъ по пути къ свободѣ голоданія *).

«Свобода голоданія», можетъ быть, и не остановила бы землеустроителей. Но предпринять рекомендованную комиссіею мѣру это значило бы—сломать сословную изгородь, которою вмѣстѣ съ надѣльною землею огорожено крестьянство и такимъ образомъ допустить въ его среду «жидовъ», какъ выразился г. Марковъ, т. е. такіе элементы, которые гораздо менѣе, чѣмъ крестьяне, сознаютъ свою «зависимость отъ началъ высшаго порядка».

Правительство согласилось со всѣми, предложенными комиссіею, «измѣненіями, усиливающими и ускоряющими дѣйствіе новаго закона», но отмѣну сословной неотчуждаемости, хотя бы по отношенію къ части только надѣльныхъ земель, оно нашло чересчуръ рискованной мѣрой и, въ лицѣ г. Кривошеина, заявило, что «не считаетъ себя вправе отказаться отъ той осторожности, съ которою оно отнеслось къ этому вопросу» въ своемъ проектѣ. Крайніе правые тоже не рѣшились такъ рисковать. Поправка, предложенная комиссіею, въ концѣ концовъ отвергнута Думой, но только большинствомъ одного голоса. При этомъ получилась крайне характерная группировка: съ одной стороны, трудовики, к.-д. и крайніе правые, съ другой—октябристы, поляки и социаль-демократы. Такъ опредѣлились въ Думѣ противники и сторонники крестьянской пролетаризаціи...

Другой, конечно, вопросъ, осуществима ли эта пролетаризація даже при томъ средствѣ, какое намѣревалась пустить въ ходъ думская комиссія и, быть можетъ, еще пустить Дума, которая при второмъ чтеніи имѣетъ возможность перемѣнить свое рѣшеніе. Какъ бы то ни было, я считалъ не лишнимъ, жертвуя даже стройностью изложенія, воспроизвести здѣсь этотъ послѣдній эпизодъ изъ землеустроительной кампаніи. Въ средѣ игроковъ «на сильнаго» по вопросу о томъ, чѣмъ можно и нельзя рисковать въ

---

*) Отчетъ о засѣданіи Государственной Думы 14 октября. Цитирую по „Нов. Времени“ отъ 15 октября.

ней, оказалось въ данный моментъ нѣкоторое разногласіе. Перевѣсь на этотъ разъ, благодаря вмѣшательству оппозиціи, получили тѣ, которые не желаютъ рисковать сословностью. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ сказаннаго, ресурсы, которыми располагаетъ контръ-революція для того, чтобы привести въ движеніе надѣльные земли, ею далеко еще не исчерпаны. Какъ далеко она зайдетъ въ своей рискованной игрѣ и хватить ли у нея въ концѣ концовъ средствъ, чтобы ее выиграть, это выяснится позднѣе. Пока же можно говорить лишь о томъ, что ею уже сдѣлано. Поэтому, напомнивъ о возможности дальнѣйшихъ агрессивныхъ мѣръ съ ея стороны, вернемся къ послѣдствіямъ тѣхъ мѣропріятій, которыя въ цѣляхъ надѣльной мобилизаціи уже предприняты.

Абсолютное число укрѣпляющихъ свою надѣльную землю съ цѣлью продажи будетъ, конечно, еще увеличиваться, но относительная величина этой группы, не особенно большая даже въ первое время дѣйствія указа 9 ноября, вѣроятно, будетъ, какъ уже сказано, уменьшаться. Можно, далѣе, думать, что и абсолютное число продавцовъ надѣльной земли, достигнувъ довольно скоро своего максимума, пойдетъ затѣмъ на убыль, пока не опустится до того или иного, — возможно, что не очень высокаго, но болѣе или менѣе постояннаго — уровня, около котораго и будетъ затѣмъ колебаться. Эта убыль представляется возможной и даже вѣроятной въ виду слѣдующихъ соображеній.

Видное мѣсто среди теперешнихъ продавцовъ надѣльной земли, какъ мы знаемъ, занимаютъ промысловыя семьи, проживающія въ большей своей части на сторонѣ. Численность этой группы — въ настоящее время очень значительная, составляющая, какъ можно думать, свыше 10% всего крестьянскаго населенія, — представляетъ результатъ движенія послѣдняго между городомъ и деревней за нѣсколько десятилѣтій. Въ теченіе всего пореформеннаго времени происходилъ отходъ крестьянъ на сторону, при чемъ одни изъ нихъ возвращались въ деревню, другіе постепенно осѣдали въ городѣ. Указъ 9 ноября всколыхнулъ и всколыхнетъ этотъ осѣвшій за нѣсколько десятилѣтій слой, а вмѣстѣ съ нимъ приведетъ и приведетъ въ движеніе значительное количество надѣльной земли. Возможно, — мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстны такіе случаи, — что нѣкоторыя проживающія въ городѣ семьи, укрѣпивъ за собою надѣльную землю, удержать ее за собою, но громадная часть ихъ, конечно, немедленно двинетъ ее на рынокъ. Въ значительной своей части это движеніе должно совершиться въ первые же годы дѣйствія указа 9 ноября и, во всякомъ случаѣ, не позже, чѣмъ вся надѣльная земля будетъ укрѣплена въ собственность. Если промысловыя семьи не успѣютъ до этого истребовать и укрѣпить свои надѣлы, то онѣ окажутся *de jure* обезземеленными и предлагать имъ въ продажу будетъ уже нечего. Такимъ образомъ, послѣ того,

какъ мутаціонный періодъ закончится, предложеніе земли со стороны отсутствующихъ семей должно будетъ рѣзко уменьшиться.

Конечно, и послѣ этого отходъ крестьянъ на сторону не прекратится, осѣданіе ихъ тамъ цѣлыми семьями будетъ продолжаться, продажа надѣльной земли переселяющимися въ городъ будетъ производиться. Но все-таки это будетъ совсѣмъ не то, что въ первые годы дѣйствія указа 9 ноября, когда продажа производится и будетъ производиться не только вновь переселяющимися, но и переселившимися въ теченіе предыдущихъ 40—50 лѣтъ.

Допустимъ даже, что теперь, въ виду возможности продавать надѣльную землю и выручать такимъ путемъ сразу довольно большія деньги, переселеніе въ городъ будетъ происходить энергичнѣе, чѣмъ раньше. Однако и за всѣмъ тѣмъ оно будетъ ограничено сравнительно тѣсными предѣлами. Русскій городъ,—по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время,—едва ли будетъ въ состояніи поглощать ежегодно даже одну сотую часть проживающихъ въ настоящее время въ деревнѣ семей! Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ онъ не былъ въ состояніи поглощать даже естественный ихъ приростъ,—число наличныхъ хозяйствъ въ деревнѣ все время увеличивалось. Разсчитывать же на быстрое развитіе городовъ въ ближайшіе годы у насъ нѣтъ никакихъ основаній.

Соблазнъ продать надѣлъ и попытать счастья со всей семьей въ городѣ, несомнѣнно, теперь очень большой. Но... Припомните эпизодъ съ Рыбалкинымъ, описанный г. Коноваловымъ въ «Новомъ помѣщикѣ» *). Прежде чѣмъ Рыбалкинъ, продавшій свою землю, успѣлъ выѣхать изъ деревни, какъ къ нему на руки свалилась цѣлая семья изъ города,—явилась вдова брата, такъ какъ «въ Астрахани ей съ ребятишками смерть неминуемая». Да и раньше отъ продавшихъ свои надѣлы «изъ города приходили неутѣшительныя вѣсти: *даже солдатъ Ѳедотовъ мѣста не находятъ—нигдѣ нѣтъ ваканціи...*» Допустимъ, что на первыхъ порахъ возможностью продать землю довольно многіе домохозяева соблазняются. Но и цѣну этому соблазну крестьяне очень скоро узнаютъ,—и тѣ, которые переживутъ этотъ первый періодъ, вѣроятно, еще крѣпче въ свои надѣльные клочки вцѣплятся,—будутъ держаться за нихъ до послѣдней крайности.

Возможно, что и другая категорія крестьянъ, продающихъ теперь свою надѣльную землю, тоже довольно быстро въ ближайшіе годы вырастетъ, а затѣмъ рѣзко сократится, если не совсѣмъ сойдетъ на нѣтъ. Я имѣю въ виду крестьянъ, переселяющихся на хуторскіе участки, купленные у Крестьянскаго Банка. Послѣдній, какъ мы знаемъ, уже свелъ до минимума покупку новыхъ имѣній, и нельзя разсчитывать, чтобы онъ возобновилъ ее въ прежнемъ масштабѣ. Стало быть, численность данной категоріи продавцовъ

*) См. „Русское Богатство“, сентябрь.
Октябрь. Отдѣлъ II.

надѣльной земли опредѣлится всецѣло размѣрами уже имѣющагося у Банка земельного фонда. Если ликвидація послѣдняго пойдетъ успѣшно, то она быстро вырастетъ и затѣмъ также быстро упадетъ; но если ликвидація будетъ идти такъ же туго, какъ она шла до сихъ поръ, то даже временнаго подъема въ числѣ продающихъ свою надѣльную землю ради банковской не будетъ. Не исключены въ данномъ случаѣ кое-какія и другія возможности. Напримѣръ, Банкъ можетъ оказаться вынужденнымъ значительную часть своего земельного запаса передать крестьянамъ, не предъявляя къ нимъ требованій, чтобы они продали предварительно надѣльную землю. Въ такомъ случаѣ банковская земля будетъ присоединена къ надѣльной, не вызвавъ сколько-нибудь замѣтнаго движенія послѣдней. Какъ бы то ни было, количество надѣльной земли, которое можетъ быть приведено въ движеніе подъ влияніемъ даннаго фактора, ограничено опредѣленными и довольно тѣсными предѣлами.

Нельзя, далѣе, ожидать и того, что значительно увеличится количество надѣльной земли, мобилизуемой переселенцами. Переселенческое движеніе, достигнувъ своего максимума въ 1908 г., уже пошло на убыль. Объясняется это отчасти тѣмъ, что увлеченіе «вольными землями» въ крестьянской средѣ нѣсколько остыло, главное же—тѣми мѣрами, какія приняло и продолжаетъ принимать правительство, чтобы стѣснить движеніе и ввести его въ рамки, опредѣляемыя, съ одной стороны, наличностью заготовленной земли за Ураломъ, а съ другой—наличностью имѣющихся у казны ресурсовъ. Самое большее, чего можно ожидать въ данномъ случаѣ, это—то, что правительству удастся поддерживать переселенческое движеніе на нынѣшнемъ его уровнѣ, не поглощающемъ, какъ извѣстно, и четверти ежегоднаго прироста крестьянскаго населенія.

Остается, такимъ образомъ, только одна категорія, за счетъ которой можно ожидать усиленія надѣльной мобилизаціи. Это полураззорившіеся и опустившіеся домохозяева. Таковыхъ имѣется не мало въ русской деревнѣ, и они дѣйствительно бросились продавать надѣльную землю, какъ только открылась для этого возможность. Одни рассчитываютъ, какъ мы видѣли, продажей своей земли поправить свое хозяйство, другіе продаютъ ее просто для того, чтобы пропить или проѣсть вырученныя деньги, не имѣя въ сущности передъ собой никакихъ опредѣленныхъ плановъ относительно будущаго. Что касается расчетовъ на поправку, то они, вѣроятно, очень скоро будутъ скомпрометированы жизнью, и возможно, что этотъ, увлекающій теперь нѣкоторыхъ, мотивъ, не будетъ потомъ играть въ надѣльной мобилизаціи сколько нибудь замѣтной роли.

Но склонность пропивать надѣлы и тѣмъ болѣе необходимость проѣдать ихъ могутъ усиливаться: улучшенія экономическихъ условій для крестьянской массы и просвѣтленія открывающихся передъ

нею перспективъ ждать вѣдь не приходится. Но продажа надѣльной земли даже для «послѣднихъ людей деревни» останется, конечно, крайнимъ средствомъ,—можно думать, болѣе крайнимъ, чѣмъ была практиковавшаяся кое-гдѣ и раньше условная «продажа» ея, продажа на срокъ или до передѣла. Крестьянинъ, «закладывая» свой надѣлъ, получалъ пустяки, но у него оставалась все-таки надежда, что земля къ нему вернется; теперь онъ можетъ выручить больше, но съ надѣломъ долженъ проститься навѣки. Рѣшиться на это, когда никакихъ другихъ перспективъ жизнь не открываетъ, это почти тоже, что рѣшиться на самоубійство. Можно поэтому думать, что къ продажѣ надѣльной земли крестьяне будутъ прибѣгать не прежде, чѣмъ всѣ средства удержаться на ней—вплоть до залога ея и закабаленія себя—будутъ исчерпаны.

Какъ бы то ни было, ничего невѣроятнаго въ томъ, что уже намѣчаютъ нѣкоторые наблюдатели, нѣтъ: возможно, что вмѣсто оживленнаго движенія, въ процессѣ котораго могли бы быстро кристаллизироваться новые социальные слои, громадная часть надѣльной земли въ результатѣ укрѣпленія ея по указу 9 ноября приобрететъ не только хозяйственную, но и экономическую неподвижность,—даже большую неподвижность, чѣмъ какую она имѣла раньше. Во всякомъ случаѣ, нельзя себѣ представлять дѣло такъ, а къ этому нѣкоторые склонны,—что съ укрѣпленіемъ надѣльных земель въ личную собственность, немедленно начнется быстрая ихъ мобилизація и массовое обезземеленіе крестьянства. Отодрать крестьянскую массу отъ земли удастся, несомнѣнно, не скоро.

Процессъ отдиранья ея будетъ, конечно, происходить,—и мы знаемъ уже, съ какого края. Но это будетъ процессъ мучительный и затянется онъ, несомнѣнно, на долго. И на долго еще русское государство сохранить характеръ страны, по преимуществу крестьянской.

Больше того: характерныя черты крестьянства въ его массѣ останутся, вѣроятно, прежнія. Голодающее и разоряющееся, оно по прежнему будетъ удерживать въ своихъ рукахъ значительную часть земледѣльческаго производства, не давая возможности «сильнымъ» расправитъ въ этой сферѣ свои крылья; усиленно отдираемое отъ земли, оно такъ же, какъ и раньше, будетъ «жадно» за нее хвататься.

Но во внѣшнемъ положеніи крестьянства и во внутреннемъ строеніи извѣстной подъ этимъ именемъ социальной группы, несомнѣнно, произойдутъ значительныя перемѣны. Бесѣду объ этомъ мнѣ придется, однако, отложить до слѣдующаго раза.

Поправка. Въ предыдущей статьѣ вкралась опечатка, искажающая смыслъ, а именно: въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 100-й напечатано: «~~не~~ пользуюсь такими расчетами я въ тѣхъ лишь случаяхъ», а должно быть: «но пользуюсь такими расчетами я въ тѣхъ лишь случаяхъ».

А. Пѣшеоновъ.

Наброски современности.

XXII.

Передъ третьей сессіей третьей Думы.

Въ ряду событій послѣдняго времени довольно видное мѣсто заняли выборы въ Государственную Думу, происходившіе въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. На тускломъ и сѣромъ фонѣ современной нашей общественной жизни эти выборы выдѣлились, если и не очень яркимъ, то все же замѣтнымъ явленіемъ, въ которомъ вдобавокъ нашли себѣ отраженіе нѣкоторыя любопытныя особенности текущаго момента. Съ этой точки зрѣнія небезынтересно, пожалуй, оглянуться назадъ, на ходъ и результаты минувшихъ выборовъ, равно какъ предшествовавшей имъ предвыборной кампаніи, и попытаться вскрыть и оцѣнить значеніе данныхъ ими указаній.

Ставя себѣ такую задачу, нельзя, конечно, обойти молчаніемъ ту обстановку, въ какой совершались выборы. Выборы въ Думу неразрывно связаны у насъ съ рядомъ административныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ стѣсненію политической агитаціи. Такъ повелось еще со времени выборовъ въ первую Думу, такъ продолжается и до сихъ поръ, при чемъ энергія этихъ мѣропріятій въ прямой зависимости отъ выясненія общаго политическаго положенія съ каждымъ новыми выборами все болѣе возрастаетъ. Въ только что минувшихъ выборахъ эта энергія проявилась въ полномъ блескѣ. Въ Петербургѣ, гдѣ предвыборная кампанія развернулась сравнительно наиболѣе широко, ни одна партія не имѣла возможности устроить публичное собраніе по правиламъ 4 марта 1906 г. Ни одно такое собраніе не было разрѣшено администраціей. Разрѣшались ею только собранія избирателей. Впрочемъ, и эти послѣднія собранія не всегда могли благополучно состояться. Порою въ залѣ, гдѣ должно было происходить собраніе, внезапно передъ самымъ открытіемъ его, по свѣдѣніямъ полиціи, оказывалось неисправнымъ электрическое освѣщеніе, только что передъ тѣмъ дѣйствовавшее вполне исправно, и собравшимся было избирателямъ приходилось разбредаться по домамъ. Порою собраніе, назначенное на опредѣленный день, безъ всякаго объясненія причинъ разрѣшалось полиціей не на этотъ, а на другой день, и избирателямъ, понапрасну явившимся къ залу собранія, приходилось утѣшаться лишь тѣмъ, что оно только отсрочено, а не совсѣмъ запрещено. Наконецъ, и тѣ собранія, которыя все же состоялись, ихъ устроителямъ далеко не всегда удавалось благополучно доводить до конца. Полицейскіе чины, присутствовавшіе на собраніяхъ и наблюдавшіе

за порядкомъ на нихъ, обнаруживали чрезвычайно повышенную чувствительность по отношенію къ рѣчамъ и даже къ отдѣльнымъ словамъ выступавшихъ на собраніяхъ ораторовъ. И эта чувствительность, нужно прибавить, проявлялась крайне капризно и неожиданно. Достаточно было подчасъ кому-либо изъ ораторовъ напомнить о томъ, что манифестъ 17 октября явился въ результатъ всеобщей забастовки, упомянуть о царящемъ въ Россіи произволѣ или заявить, что въ Россіи существуетъ конституція и русское государство является конституціонной монархіей,—и присутствовавшій на собраніи приставъ немедленно дѣлалъ предупрежденіе, а то и прямо объявлялъ собраніе закрытымъ. Въ общемъ въ только что минувшей предвыборной кампаніи даже въ Петербургѣ было еще меньше мѣста и возможности для сколько-нибудь свободной и широкой агитаціи, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ кампаніяхъ.

Съ этой характерной чертой минувшей избирательной кампаніи соединилась еще другая, въ своемъ родѣ, пожалуй, не менѣе характерная. Если вниманіе администраціи къ предвыборнымъ собраніямъ и выборамъ приобрѣло еще болѣе напряженный характеръ, то вниманіе къ нимъ со стороны обывательской массы значительно ослабѣло. Въ Петербургѣ, гдѣ выборы производились по второй куріи и, стало быть, захватывали значительную часть городского населенія, первыя предвыборныя собранія далеко не отличались особымъ многолюдствомъ. Лишь постепенно, по мѣрѣ разгара избирательной борьбы, собранія становились болѣе многолюдными, но и при этомъ условіи на нихъ царила довольно холодная атмосфера и не замѣчалось большого энтузіазма, который говорилъ бы о горячемъ вниманіи собравшихся массъ къ обсуждавшемуся передъ ними дѣлу. Не очень много въ сущности наблюдалось такого вниманія даже и со стороны организованныхъ политическихъ группъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ петербургскихъ выборахъ. Предвыборныя собранія въ Петербургѣ начались двумя недѣлями позже того срока, когда они могли начаться по закону, и такимъ образомъ избирательная кампанія, поскольку она выразилась въ собраніяхъ, длилась всего двѣ недѣли вмѣсто мѣсяца. Самыхъ собраній за эти двѣ недѣли было устроено не особенно много, а количество партійныхъ ораторовъ, выступавшихъ на состоявшихся собраніяхъ, являлось чрезвычайно ограниченнымъ. Въ данномъ случаѣ политическія организации, очевидно, лишь отвѣчали тому спросу, какой предъявлялся къ ихъ дѣятельности, и испытывали на себѣ воздѣйствіе той инертности, какая охватила широкія массы избирателей. Эта инертность ярко проявилась и въ послѣднемъ актѣ петербургскихъ выборовъ. Въ нынѣшнихъ выборахъ въ Петербургѣ имѣли право участвовать около 80.000 человекъ. Повѣстки были доставлены, однако, лишь 56.000 избирателей, а изъ нихъ явились на выборы всего 24¹/₂

тысячи человекъ, т. е. 44% всѣхъ получившихъ повѣстки. На общихъ выборахъ 1907 г. повѣстки были доставлены 72.000 избирателей, а приняли участіе въ выборахъ почти 45.000 человекъ или 62% получившихъ повѣстки. Такимъ образомъ абсентеизмъ избирателей принялъ теперь по сравненію съ 1907 годомъ гораздо болѣе значительные размѣры и число избирателей, сильно сокращенное уже заботами администраціи, помимо того подверглось еще дальнѣйшему и очень сильному сокращенію благодаря отсутствію въ обывательской массѣ стремленія къ избирательной урнѣ. Больше половины лицъ, имѣвшихъ право на участіе въ выборахъ, не воспользовалось такимъ правомъ, и въ конечномъ итогѣ побѣдившій въ Петербургѣ кандидатъ прошелъ на выборахъ всего 12½ тысячами голосовъ—цифра, очень небольшая даже по сравненію съ общей цифрой лицъ, имѣвшихъ право участвовать въ выборахъ.

Не будемъ пока дальше останавливаться на этой чертѣ минувшей кампаніи, а перейдемъ еще къ внутреннему содержанию послѣдней. Въ трехъ городахъ, гдѣ происходили выборы, оно было не вполне одинаково. Полнѣе и шире всего, какъ я уже упоминалъ, развернулась предвыборная кампанія въ Петербургѣ, гдѣ выборы совершались по второй куріи и, слѣдовательно, въ нихъ были вовлечены демократическіе слои городского населенія. Петербургская кампанія, въ виду этого, оказалась во многихъ отношеніяхъ наиболѣе поучительной и наиболѣе любопытной. Въ ней, поскольку это позволяли обстоятельства, были наиболѣе широко развернуты и наиболѣе отчетливо продемонстрированы позиціи и силы различныхъ политическихъ группъ, принявшихъ участіе въ избирательной борьбѣ.

Характерно было уже то обстоятельство, что правыя партіи въ Петербургѣ, хотя и выставили своихъ кандидатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не вмѣшивались сколько-нибудь активно въ борьбу. И крайніе правые въ лицѣ союза русскаго народа и русскаго собранія, и октябристы ограничились газетными статьями и объявленіями, приглашавшими голосовать за ихъ кандидатовъ, но и сами не устраивали предвыборныхъ собраній, и на собраніяхъ враждебныхъ имъ партій не показывались, очевидно, не рѣшаясь выступить передъ сколько-нибудь широкими слоями избирателей и принять на ихъ глазахъ открытый бой съ противниками. Возможный исходъ такого боя не возбуждалъ сомнѣнія въ средѣ правыхъ организацій и вѣры въ ихъ побѣду въ сущности совершенно не было даже у нихъ самихъ. Октябристы выставили своимъ кандидатомъ г. Грибоѣдова, но въ самый день объявленія этой кандидатуры пресловутый октябристскій публицистъ г. А. Столыпинъ писалъ о г. Грибоѣдовѣ, какъ о «самоотверженномъ человекѣ, который соглашается отдать себя на предвыборное растерзаніе, выборное пора-

женіе и послѣвыборную критику» *). Крайніе правые были не такъ ужъ откровенны. «Насъ большинство въ Петроградѣ,—говорилось въ ихъ газетныхъ объявленіяхъ—но мы оттого не избираемъ своего единомышленника въ Государственную Думу, что большинство изъ насъ не желаетъ принимать участія въ выборахъ, почему меньшинство изъ инородцевъ и русскихъ отщепенцевъ избираетъ своихъ кандидатовъ изъ кадетъ. Поэтому всѣ русскіе люди идите къ избирательнымъ урнамъ и вы безъ перебаллотировки пошлете въ Государственную Думу Н. Ф. Булацеля» **). Но, призывая «всѣхъ русскихъ людей» голосовать за г. Булацеля и приписывая себѣ «большинство въ Петроградѣ», члены «союза русскаго народа» все же не рѣшились выступить съ защитой своего кандидата на предвыборныхъ собраніяхъ. Слишкомъ ясно было, что такая защита заранѣе обречена на позорный провалъ и что въ сколько-нибудь широкихъ кругахъ городского населенія кандидатъ крайнихъ правыхъ въ еще меньшей степени, чѣмъ кандидатъ октябристовъ, можетъ разсчитывать найти себѣ значительное число сторонниковъ.

За устраненіемъ съ арены избирательной борьбы крайнихъ правыхъ и октябристовъ предвыборная компанія въ Петербургѣ получила по преимуществу характеръ борьбы между конституціоналистами-демократами и лѣвыми. Правда, въ эту борьбу клиномъ врѣзалась еще безпартійная кандидатура В. Д. Кузьмина-Караваева, поддержанная мирнообновленцами и т. н. партіей демократическихъ реформъ, но безпартійному кандидату не удалось сыграть замѣтной роли. При другихъ условіяхъ безпартійная кандидатура, можетъ быть, и была бы въ состояніи получить серьезное значеніе, но г. Кузьминъ-Караваевъ, поставивъ свою кандидатуру, не сумѣлъ придать ей сколько-нибудь яркихъ красокъ. Главные его аргументы, при помощи которыхъ онъ защищалъ свою кандидатуру, сводились къ тому, что въ 1905 году ни одна организація не сумѣла использовать важнаго момента, что въ настоящую минуту необходимо объединеніе всей оппозиціи и что партійныя организаціи не имѣютъ теперь серьезнаго значенія, такъ какъ внутри ихъ невозможна сейчасъ правильная политическая жизнь. Изъяны этой аргументаціи, предназначенной защищать безпартійную кандидатуру, слишкомъ сильно били въ глаза, и послѣ первыхъ же собраній, на которыхъ выступилъ г. Кузьминъ-Караваевъ, для всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей съ полной очевидностью выяснилось, что его кандидатура не только является совершенно безнадёжной, но не привлекаетъ даже большаго вниманія со стороны избирателей.

Главнымъ содержаніемъ предвыборной кампаніи осталась такимъ образомъ борьба между конституціоналистами-демократами, выста-

*) «Новое Время», 6 сентября.

**) «Н. Время», 19 сентября.

вышними кандидатуру г. Кутлера, и лѣвыми партіями. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, социалисты-революціонеры совсѣмъ не приняли участія въ выборахъ. Народные социалисты и трудовики, не представляя своихъ собственныхъ кандидатовъ, одинаково рѣшили поддерживать кандидатуру Н. Д. Соколова, самостоятельно поставленную социаль-демократической партіей. На фонѣ соперничества между к.-д. и с.-д. кандидатами и намѣтились главные позиціи, занятые различными партіями въ предвыборной кампаніи.

Въ началѣ послѣдней дѣятели к.-д. партіи попытались пустить въ ходъ нерѣдко уже практиковавшійся ими пріемъ, заключающійся въ смѣшеніи всѣхъ ихъ возможныхъ противниковъ въ одну безформенную груду.

«Начавшаяся избирательная кампанія—писалъ въ это время въ „Рѣчь“ г. Изгоевъ—уже получила обычный для російскихъ дѣлъ характеръ. Съ двухъ сторонъ, справа и слѣва, съ одинаковымъ усердіемъ стремятся уничтожить единственную существующую у насъ серьезную конституціонную силу. Правительству безразлично, будетъ ли эта задача выполнена руками правыхъ или лѣвыхъ, лишь бы только отколотъ населеніе отъ такой политической группы, которая ставить осуществимыя, а потому и особенно опасныя, конституціонныя дѣла и способна ихъ осуществить».

«Союзники открыто заявили, что въ борьбѣ кадетовъ съ социаль-демократами они станутъ на сторону социалистовъ. Это съ ихъ стороны и послѣдовательно, и разумно. „Новое Время“ и „Голосъ Москвы“, ни на минуту не вѣря въ побѣду октябристовъ, всѣ свои надежды возлагаютъ на „лѣвыхъ“ и откровенно пользуются услугами аферистовъ, обдѣлывающихъ свои грязныя дѣлишки якобы подъ лѣвымъ флагомъ...

«То, что лѣвые и на этотъ разъ безсознательно играютъ въ руку правительству, не удивительно: такова фатальная роль нашихъ „лѣвыхъ“, и это не тайна ни для кого, кто сумѣлъ сдѣлать выводы изъ событій послѣднихъ лѣтъ» *).

За г. Изгоевымъ въ послѣдніе годы прочно укрѣпилась репутація писателя, не особенно заботящагося о чистоплотности своихъ полемическихъ пріемовъ, и въ его устахъ подобныя тирады, пожалуй, были еще понятны. Но надежда добиться успѣха въ предвыборной борьбѣ путемъ смѣшенія своихъ лѣвыхъ противниковъ съ правыми увлекла на тотъ же путь рискованныхъ и беззастѣнчивыхъ утвержденій и такихъ людей, которые, во всякомъ случаѣ, не чета г. Изгоеву.

«Именно партія народной свободы—говорилъ г. Родичевъ на первомъ предвыборномъ собраніи—сосредоточила на себѣ самую искреннюю ненависть третьейюнскаго большинства Думы: общимъ лозунгомъ ихъ государственной мудрости является: „ненавижу к.-д.“ Лозунгъ, къ сожалѣнію, воспринятый въ послѣднее время и лѣвыми. Эта ненависть рождена страхомъ, ненависть къ опасному, не поверженному, не желающему умереть врагу... И вотъ тѣ обьятія, которыя до сихъ поръ раскрывались только для Дубровина, теперь они раскрываются для радикаловъ, лишь бы не Кутлера» **).

*) „Рѣчь“, 19 августа.

**) „Рѣчь“, 7 сентября.

На собраніяхъ, лицомъ къ лицу съ противниками, этотъ эффектный съ перваго взгляда пріемъ не могъ однако явиться особенно удачнымъ. Ораторамъ лѣвыхъ партій не стоило, конечно, большого труда напомнить, какимъ именно способомъ «раскрываются для радикаловъ» объятія дружественныхъ Дубровину сферъ. Для иллюстраціи этого достаточно было, даже не выходя изъ области связанныхъ съ выборами въ Думу вопросовъ, припомнить судьбу социаль-демократической фракціи второй Думы, рядъ разъясненій лѣвыхъ кандидатовъ въ Петербургъ и нѣкоторые другіе аналогичные факты. Точно также представителямъ лѣвыхъ партій не понадобилось большого труда, чтобы вскрыть всю фантастичность утверждений, будто «лѣвые безсознательно играютъ въ руку правительству» и союзники съ октябристами готовы поддерживать лѣвыхъ кандидатовъ, тогда какъ на к.-д. партіи сосредоточена вся ненависть правительства и большинства третьей Думы. Послѣ первыхъ же преній на эту тему, разыгравшихся на собраніяхъ, к.-д. ораторамъ пришлось оставить указанную позицію и занять другую, нѣсколько болѣе соответствовавшую дѣйствительному положенію дѣла.

Такая перемѣна позиціи явилась особенно необходимой послѣ сдѣланныхъ лѣвыми ораторами указаній на то, что конституционно-демократическая партія въ третьей Думѣ не удержалась въ роли послѣдовательной оппозиціи, а, наоборотъ, стремилась какъ разъ къ соглашенію съ октябристами и, добиваясь его, нерѣдко допускала бездѣльные и унижительные компромиссы, то принимая участіе вмѣстѣ съ правыми и октябристами въ оваціи по адресу г. Столыпина, то стараясь приноровить свои законопроекты ко вкусамъ думскаго большинства, то устраивая, опять-таки совмѣстно съ правыми и октябристами, пресловутую лондонскую поѣздку. Хотя дѣятели к.-д. партіи и пытались отрицать справедливость заключававшихся въ такихъ указаніяхъ толкованія фактовъ думской жизни, но сквозь настойчивыя отрицанія прорывалось въ сущности признаніе полной справедливости, если не деталей отдѣльных указаній, то, во всякомъ случаѣ, общаго смысла послѣднихъ.

Г. Соколовъ—писалъ, напримѣръ, г. Милуковъ, отвѣчая на первую рѣчь с.-д. кандидата,—повторяетъ ходячее обвиненіе, что я рукоплескалъ П. А. Столыпину послѣ извѣстныхъ словъ Ѳ. И. Родичева. Рукоплесканій не было. Но я всталъ, чтобы отнять у демонстраціи, затѣянной г. Крупенскимъ, ея политическій смыслъ и присоединиться къ тому, что только что было заявлено Ѳ. И. Родичевымъ: „въ мои намѣренія никакихъ оскорбленій не входило“. Я лично въ своемъ поступкѣ нисколько не раскаиваюсь, но признаю, что объяснить этотъ шагъ широкой публикѣ было не легко. Можно съ этой точки зрѣнія считать мой шагъ политической ошибкой, но не слѣдуетъ приписывать мнѣ намѣреній, которыхъ я не могъ имѣть. Нельзя также вырывать фактъ изъ его обстановки. А обстановка была такая: 13 ноября 1907 года октябристы вмѣстѣ съ лѣвыми дважды отвергли внесеніе въ адресъ термина „самодержавіе“.

16 ноября председатель совѣта министровъ отвѣтилъ на это рѣчь, которую только что напоминала мнѣ „Россія“ по поводу моего заявленія объ ограниченіи власти монарха. По поводу этой рѣчи велись принципиальныя пренія, въ которыхъ октябристы еще готовы были стоять на своей позиціи 13 ноября. Концомъ рѣчи Ѳ. И. Родичева правые хотѣли воспользоваться, чтобы разбить это настроеніе въ свою пользу. Въ такой моментъ я считалъ важнымъ показать, что слова Ѳ. И. нельзя понимать въ смыслѣ желанія нанести главѣ правительства личное оскорбленіе*).

Возраженіе г. Милюкова, какъ видитъ читатель, было написано въ самомъ серьезномъ тонѣ, но врядъ-ли оно отъ этого стало серьезнымъ. Два года тому назадъ всѣ газеты, не исключая и партійныхъ изданій конституціоналистовъ-демократовъ, рассказывали, что г. Милюковъ рукоплескалъ г. Столыпину, и г. Милюковъ не считалъ нужнымъ опровергать это. Теперь г. Милюковъ нашелъ своевременнымъ заѣрить, что «рукоплесканій не было». Онъ не рукоплескалъ г. Столыпину, онъ только для того, «чтобы отнять у демонстраціи, затѣянной г. Крупенскимъ, ея политическій смыслъ», вмѣстѣ съ правыми и октябристами всталъ, когда г. Крупенскій предложилъ выразить «глубокое уваженіе» г. Столыпину. И всталъ онъ потому, что неприсоединеніемъ своимъ и вообще конституціоналистовъ-демократовъ къ ораціи думскаго большинства по адресу г. Столыпина онъ опасался раздражить октябристовъ, только что передъ тѣмъ голосовавшихъ противъ внесенія въ адресъ термина «самодержавіе». Однако въ концѣ-то концовъ октябристы остались въ этомъ адресѣ при выбранномъ ими съ самаго начала двусмысленномъ терминѣ: «обновленный строй», а конституціоналисты-демократы, устами г. Милюкова заявлявшіе сперва, что было бы «преступленіемъ» не назвать этого строя именемъ конституціи, затѣмъ сняли свою поправку, въ которой имѣлся этотъ терминъ, и присоединились къ октябристскому тексту. И вполнѣ понятно заявленіе г. Милюкова, что для него самого «объяснить этотъ шагъ широкой публикѣ было не легко», такъ какъ въ данномъ случаѣ все объясненіе могло бы свестись лишь къ признанію того вялаго и безсильнаго оппортунизма к.-д. фракціи, на какой указывали ея противники слѣва.

Приблизительно такъ же обстояло дѣло и съ другимъ пунктомъ спора. Когда со стороны лѣвыхъ дѣлались указанія на то, что въ вопросахъ законодательнаго свойства к.-д. фракція третьей Думы часто шла на безцѣльные компромиссы съ думскимъ большинствомъ и суживала въ угоду послѣднему свои предположенія, не добиваясь этимъ путемъ никакихъ практическихъ успѣховъ, представители к.-д. партіи возражали, что они заботились не о демонстраціяхъ, а о реальныхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя, по ихъ расчетамъ, и были вполнѣ возможны въ виду настроенія октябристскаго центра Думы. И, однако, тутъ же имъ неизмѣнно

*) „Рѣчь“, 10 сентября.

приходилось прибавлять, что въ своихъ расчетахъ они обманулись и что никакихъ реальныхъ приобретений отъ октябристовъ ждать невозможно. Но—не совсѣмъ послѣдовательно добавляли они—«это было пораженіе послѣ борьбы», а намъ «предлагаютъ занять позицію, на которой предстояло бы пораженіе безъ борьбы» *).

Нѣчто подобное повторилось и въ выдвинутомъ на предвыборныхъ собраніяхъ вопросѣ о лондонской поѣздкѣ делегатовъ третьедумскаго большинства и участіи въ ней к.-д. депутатовъ. Ораторы к.-д. партіи самымъ энергичнымъ образомъ отрицали справедливость утвержденія с.-д. кандидата, будто упомянутая поѣздка была предпринята всецѣло по инициативѣ октябристовъ, которые намѣтили и желательныхъ участниковъ ея изъ среды конституціоналистовъ-демократовъ. Но, опровергая эту деталь, к.-д. ораторы не въ силахъ были опровергнуть утвержденій своихъ противниковъ объ общемъ смыслѣ лондонскаго визита. Указанія на двусмысленность роли, сыгранной при этомъ случаѣ к.-д. депутатами, и на фальшивый тонъ ихъ лондонскихъ заявленій вызывали, правда, со стороны г. Милюкова горячее восхваленіе необыкновенно благотворныхъ результатовъ, получившихся якобы отъ поѣздки депутатовъ за-границу.

«Впервые въ эту поѣздку—заявилъ онъ на первомъ же собраніи избирателей—официальными представителями Россіи признана была конституція. Меня возмущаютъ нападки на эту поѣздку. Я вижу въ этомъ печальный признакъ нашей неподготовленности, доказательство слабого развитія у насъ правового сознанія. Это официальное признаніе конституціи, вѣдь что это собственно значить? Это значить, что я въ данный моментъ съ этой трибуны имѣю право заявить, что въ Россіи нѣтъ болѣе самодержавія, что власть русскаго царя ограничена» **).

Идва, однако, эти слова были произнесены, какъ представитель полиціи предложилъ предсѣдателю остановить оратора, а, встрѣтивъ отказъ въ этомъ, закрылъ собраніе. Этотъ практическій комментарий къ разсужденіямъ г. Милюкова оказался настолько неожиданнымъ и краснорѣчивымъ, что даже партійная к.-д. пресса въ первый моментъ почувствовала себя нѣсколько выбитой изъ колеи.

«Изъ того эпизода,—писала на другой день „Рѣчь“—которымъ закончилось вчерашнее предвыборное собраніе, слѣдуетъ, повидимому, заключить, что существованіе конституціи въ Россіи остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ не только однимъ крайнимъ правымъ и крайнимъ лѣвымъ, но также и представителямъ русской полиціи... Мы не хотимъ вѣрить,—заклучала газета свою написанную въ насмѣшливомъ тонѣ статью—чтобы своя политика была и у петербургскихъ приставовъ. И поэтому мы ждемъ компетентнаго разъясненія къ слѣдующему собранію. Вѣдь до Соляного Городка еще ближе, чѣмъ до Лондона» ***).

*) „Рѣчь“, 10 сентября.

**) Цитирую по „Рѣчи“, 7 сентября.

***) „Рѣчь“, 7 сентября.

«Компетентное разъясненіе» не заставило себя ждать и на вызовъ «Рѣчи» поспѣшила откликнуться офиціозная «Россія».

«Какое право, спрашивается,—писала эта послѣдняя газета—имѣетъ г. Милюковъ утверждать, что русскій государь не самодержавенъ? Въ Россіи, какъ и во всякой странѣ, есть конституція: она изложена въ основныхъ законахъ. Если же г. Милюковъ не желаетъ считаться съ основными законами или если заключающееся въ нихъ онъ желаетъ понимать непремѣнно по своему, а не такъ, какъ это въ законахъ означено, то гг. пристава каждый разъ и впредь будутъ, конечно, давать ему уроки лойяльности, а слѣдовательно, культурности и такта.

«Г. Милюковъ утверждаетъ далѣе, что власть русскаго царя ограничена. Утверждая это, г. Милюковъ тѣмъ самымъ говоритъ, что кто-то, онъ или другіе гг. Милюковы, власть русскаго царя ограничили. Новая ложь, ибо самоограниченіе власти, установленіе для отдѣльных ея проявленій точныхъ и опредѣленныхъ путей, ни юридически, ни фактически не совпадаетъ съ тѣмъ понятіемъ, которое вкладывается г. Милюковымъ въ вышеприведенное его заявленіе» *).

Офиціозный органъ выступилъ такимъ образомъ съ довольно своеобразной юридической теоріей. Согласно этой теоріи, самоограниченіе власти вовсе еще не является ея ограниченіемъ. И такъ какъ русскій монархъ самъ ограничилъ себя, то это нисколько не мѣшаетъ ему оставаться самодержавнымъ и неограниченнымъ. Конституція есть во всякой странѣ. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, она есть и въ Россіи. Примѣненіе этой теоріи къ практическимъ обстоятельствамъ момента вело къ тому выводу, что г. Милюковъ своими лондонскими заявленіями, за которыя тотъ же офиціозъ въ свое время собирался отпустить ему много грѣховъ, проявилъ еще недостаточную степень лойяльности. Отъ него требовалось больше лойяльности и больше такта: онъ долженъ былъ понять, что если въ Лондонѣ можно говорить о русской конституціи, то въ Петербургѣ говорить о ней не слѣдуетъ. А такъ какъ г. Милюковъ не хотѣлъ понять этого, то петербургскимъ приставамъ, по заявленію офиціозной газеты, по необходимости пришлось обучать его лойяльности, культурности и такту.

И обученіе это, надо отдать справедливость петербургскимъ приставамъ, производилось ими съ неослабной энергіей. Каждый разъ, когда г. Милюковъ заявлялъ, что въ результатѣ лондонской поѣздки окончательно выяснилось существованіе конституціи въ Россіи, присутствовавшій приставъ неизмѣнно останавливалъ оратора, а то и закрывалъ собраніе. Г. Милюковъ пытался справиться съ этой энергіей, отказавшись отъ изложенія запретнаго пункта своими словами и приводя взамѣнъ того цитаты изъ учебниковъ консервативныхъ профессоровъ, заключающія въ себѣ утвержденіе, что въ Россіи существуетъ конституціонная монархія. Но и это плохо помогало дѣлу. Иные пристава пропускали эти цитаты безъ протеста, но такихъ было мало, а большинство и въ

*) „Россія“, 8 сентября.

подобныхъ цитатахъ усматривало крамолу и быстро прекращало ихъ чтеніе. Впрочемъ, самъ г. Милюковъ и въ этомъ склоненъ былъ видѣть только лишнее доказательство пользы лондонской поѣздки.

«Вы видите,—обращался онъ къ слушателямъ послѣ одного изъ такихъ инцидентовъ,—что то, что проходитъ благополучно въ учебникѣ, не всегда можно произнести на предвыборномъ собраніи. Когда наступитъ время, что можно будетъ говорить на собраніи у насъ то, что я говорилъ въ Лондонѣ, не нужно будетъ ѣздить туда» *).

Обыкновенная логика требовала какъ будто обратнаго заключенія: разъ въ Петербургѣ нельзя говорить о существованіи русской конституціи, то не стоило ѣздить въ Лондонъ свидѣтельствовать о такомъ существованіи. Но обыкновенная логика являлась не особенно удобной въ тотъ моментъ, когда надо было доказывать, что лондонская поѣздка была не актомъ мелкаго и неразсчитливаго оппортунизма, а своего рода гражданскимъ подвигомъ. Въ чью собственно пользу обернулась эта поѣздка и кому пригодилось участіе въ ней к.-д. депутатовъ,—на этотъ счетъ въ сущности не было, пожалуй, сомнѣній и въ средѣ самой к.-д. партіи. «Прошло,—говорилъ, напримѣръ, въ Екатеринбургѣ членъ этой партіи, прис. пов. Мандельштамъ, защищая привлеченный къ суду мѣстный партійный комитетъ,—безвозвратно прошло то время, когда можно было отдѣлаться китайской стѣной отъ сосѣдей. Займы, финансы, съѣзды—все это ставить всякую страну въ зависимость отъ общественнаго мнѣнія Европы. И наше правительство живѣйшимъ образомъ заинтересовано въ томъ, чтобы Европа считала Россію конституціонной страной, а нашу Думу—палатой, «контролирующей бюджетъ»... Поѣздка нашихъ депутатовъ въ Лондонъ оказала исторической государственной власти громадную услугу. Но еслибы не присутствіе и не заявленія нашего лидера, заявленія, на которыя имѣлъ возможность сослаться англійскій министръ въ палатѣ общинъ, вся поѣздка не имѣла бы ни должнаго авторитета, ни надлежащей полноты» **). Но это мнѣніе членовъ самой к.-д. партіи не выносилось ими на предвыборныя собранія. На послѣднихъ говорилось иное и, когда «громадная услуга», оказанная «исторической государственной власти», передѣлывалась въ актъ «борьбы за конституцію», естественно, нельзя было обойтись обыкновенной логикой и приходилось прибѣгать къ совершенно особымъ пріемамъ, имѣвшимъ весьма мало общаго съ логикой.

Какъ бы то ни было, разъ на предвыборныхъ собраніяхъ развернулся споръ на указанные темы, дѣятели к.-д. партіи уже не могли сохранить первоначальную позицію, занятую было ими въ

*) Цитирую по „Рѣчи“, 14 сентября.

**) „Рѣчь“, 29 сентября.

первый моментъ избирательной кампаніи и сводившуюся къ утвержденію, что к.-д. кандидатура является единственной, отвѣчающей требованіямъ оппозиціонности. Защищая линію своего партійнаго поведения отъ нападковъ слѣва, к.-д. ораторы вынуждены были подробнѣе, чѣмъ сами они того хотѣли, остановиться на нѣкоторыхъ эпизодахъ дѣятельности партіи въ третьей Думѣ. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ этимъ и общія позиціи боровшихся сторонъ приобрѣли болѣе ясный и отчетливый характеръ. Тогда какъ лѣвые, объединившіеся вокругъ с.-д. кандидатуры, не ожидая серьезныхъ положительныхъ результатовъ отъ третьей Думы, настаивали на необходимости принципиальной и послѣдовательной оппозиціи по отношенію къ правительству и думскому большинству, к.-д. ораторы, не скупясь подчасъ на рѣзкія характеристики этого большинства, все же заявляли о возможности соглашенія съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ и рисовали картины—правда, довольно туманныя—болѣе или менѣе серьезныхъ приобретеній, какихъ можно добиться этимъ путемъ и въ третьей Думѣ. Въ то время, какъ лѣвые, не придавая большого вѣса положительной работѣ въ третьей Думѣ, видѣли главное значеніе этой работы въ томъ отраженіи, которое она можетъ получить въ странѣ, к.-д. ораторы убѣждали цѣнить третью Думу самое по себѣ, какъ единственное приобретение, у насъ еще оставшееся, и какъ единственное орудіе, имѣющееся у насъ для преобразованія нашей жизни. «Дума—говорилъ на предвыборныхъ собраніяхъ кандидатъ конституціонно-демократической партіи, г. Кутлеръ,—не то, что мы желали бы. Но въ ней, и только въ ней сосредоточена вся возможность борьбы за лучшее. И въ этомъ задача оппозиціи. Нельзя преобразовать Думу. Ее не заставишь работать въ пользу широкихъ массъ. Но, шагъ за шагомъ отвоевывая уступки, шагъ за шагомъ толкая къ осуществленію манифеста 17 октября, — задача оппозиціи осуществима и ея дѣятельность не безнадежна*). И въ доказательство осуществимости такой задачи г. Кутлеръ, а за нимъ и другіе к.-д. ораторы, неизмѣнно ссылались, съ одной стороны, на вѣроисповѣдный законопроектъ, принятый Думой въ прошлой сессіи, съ другой—на финансовыя вопросы, въ которыхъ якобы обезпечена возможность совмѣстныхъ дѣйствій думскаго большинства съ оппозиціей при надлежащей «дѣловитости» послѣдней. При этомъ дѣлавшіе такія ссылки ораторы какъ будто упускали изъ вида и то, что принятый Думою вѣроисповѣдный законопроектъ имѣетъ весьма мало шансовъ стать закономъ, и то, что въ области финансовыхъ вопросовъ думское большинство до сихъ поръ ровно ничѣмъ не обнаружило своей прогрессивности и готовности слѣдовать за указаніями оппозиціи, если только не обнаружитъ прямо противоположнаго.

*) Цитирую по „Рѣчи“, 7 сентября.

Но объ этомъ к.-д. ораторы предпочитали молчать, а если у экспансивнаго г. Родичева временами и прорывались фразы, свидѣтельствовавшія о полномъ отсутствіи у него какой бы то ни было вѣры въ возможность прогрессивныхъ дѣйствій со стороны думскаго большинства, то и онъ самъ, и въ еще большей мѣрѣ гг. Милюковъ и Кутлеръ немедленно же старались затушевать впечатлѣніе этихъ фразъ увѣреніями, рассчитанными на то, чтобы оживить въ избирателяхъ надежду на возможные успѣхи политики компромиссовъ въ третьей Думѣ.

Въ концѣ концовъ въ спорѣ за кандидатуру между принципиальной и послѣдовательной оппозиціей и оппозиціей, идущей на намѣренной идти путемъ непрерывныхъ компромиссовъ, побѣда досталась послѣдней. Петербургскіе избиратели въ большинствѣ отдали свои голоса конституціоналистамъ-демократамъ, и г. Кутлеръ безъ перебаллотировки прошелъ депутатомъ отъ Петербурга въ третью Думу на мѣсто г. Колубакина. Партиійная к.-д. пресса поспѣшила даже объявить эту побѣду «блестящей». Принимая во вниманіе ограниченное количество избирателей, явившихся на выборы, и незначительное абсолютное большинство голосовъ, поданныхъ за г. Кутлера (послѣдній получилъ на 338 голосовъ больше абсолютнаго большинства), такую квалификацію нельзя не признать чересчуръ сильной. Съ большою долею вѣроятности можно предполагать,—и передъ выборами это допускалъ самъ кандидатъ к.-д. партиі,—что при болѣе широкомъ избирательномъ правѣ исходъ выборовъ былъ бы другой. Но въ наличномъ кругѣ петербургскихъ избирателей большинство, во всякомъ случаѣ, осталось на сторонѣ конституціоналистовъ-демократовъ и представленной ими тактики. Однако, отмѣчая этотъ результатъ избирательной кампаніи въ Петербургѣ, нельзя обойти молчаніемъ и еще одной характерной черты въ конечномъ ея этапѣ. На общихъ выборахъ 1907 г. послѣ побѣдившей к.-д. партиі, собравшей 45,8% всего числа поданныхъ голосовъ, второе мѣсто занимали октябристы, получившіе 19,6% всѣхъ голосовъ, третье—лѣвые, имѣвшіе 18,5% всѣхъ голосовъ, и четвертое—«союзъ русскаго народа», собравшій 9,6% всѣхъ голосовъ; дальше уже слѣдовали индивидуальныя кандидатуры. На нынѣшнихъ выборахъ послѣ к.-д. кандидатуры, собравшей 51,4% всѣхъ голосовъ, второе мѣсто заняла кандидатура с.-д., поддержанная трудовиками и народными социалистами и собравшая 19,2% всѣхъ голосовъ, третье мѣсто досталось октябристамъ, получившимъ лишь 16,3% всѣхъ голосовъ, четвертое мѣсто выпало на долю безпартиійной кандидатуры г. Кузьмина-Караваева, за которую было подано 7,4% голосовъ, и, наконецъ, пятое мѣсто заняли «союзники», получившіе для своего кандидата 5,1% всѣхъ голосовъ. Такимъ образомъ конечный исходъ петербургской избирательной кампаніи позволяетъ констатировать, наряду съ общимъ паденіемъ интереса къ третьей Думѣ, выразившимся въ

значительномъ уменьшеніи числа явившихся къ урнамъ избирателей, еще и сильное полѣвѣніе въ рядахъ тѣхъ избирателей, которые пришли на выборы. Наличность и серьезное симптоматическое значеніе этого послѣдняго факта не рѣшилась отрицать даже упоенная побѣдой к.-д. кандидата «Рѣчь». «Соціалъ-демократическая кандидатура, хотя и привлекавшая всего 19 процентовъ избирателей,—писала названная газета—въ настоящее время стоитъ второй послѣ кадетской, отодвинувши внизъ, на третье мѣсто, октябристовъ, прежде занимавшихъ второе мѣсто. Это—серьезное показаніе, которое игнорировать не слѣдуетъ. Можно даже съ большимъ основаніемъ думать, что, если бы списокъ избирателей былъ обновленъ или если бы для выборовъ былъ назначенъ, даже и при этомъ списокѣ, праздничный день, то число сторонниковъ лѣвой кандидатуры могло бы значительно увеличиться. Разумѣется, не всѣ избиратели Н. Д. Соколова—партіиные соціалъ-демократы... Но одного отрицать нельзя: несомнѣннаго роста недовольства и неудовлетворенности столичнаго населенія настоящимъ моментомъ, которыя выразились въ симпатіяхъ къ лѣвой кандидатурѣ». И к.-д. газета находила даже, что «оппозиція, представляющая и отражающая общественное мнѣніе, должна, конечно, принять этотъ симптомъ во вниманіе и съ нимъ серьезно считаться» *).

То полѣвѣніе избирателей, которое сказалось въ петербургскихъ выборахъ и вызвало эти размышленія и туманныя полубѣщанія со стороны к.-д. офиціоза, дало себя знать и на московскихъ выборахъ. Въ Москвѣ дополнительные выборы, долженствовавшіе дать депутата на мѣсто умершаго Плевако, должны были происходить по первой куріи, т. е. иначе говоря, въ нихъ участвовало только наиболѣе зажиточное, перворазрядное купечество Москвы. Для лѣвыхъ кандидатуръ здѣсь мѣста не было и на выборахъ боролись между собою «союзники», октябристы и конституціоналисты-демократы. Первая курія Москвы, пославшая на общихъ выборахъ 1907 года въ третью Государственную Думу октябристовъ, пользовалась съ той поры репутаціей наиболѣе сильной цитадели октябризма. И эта репутація настолько прочно укрѣпилась за ней, что въ самомъ концѣ нынѣшней предвыборной кампаніи конституціоналисты-демократы, подсчитывая свои шансы, съ нѣкоторой увѣренностью позволяли себѣ рассчитывать только на то, что октябристскій кандидатъ пройдетъ не сразу, а послѣ перебаллотировки, на которой его поддержать черносотенцы. Съ своей стороны октябристы во время этой кампаніи напрягли всѣ свои силы. Г. Гучковъ распинался на предвыборныхъ собраніяхъ, рассказывая о великихъ трудахъ и великихъ подвигахъ, совершенныхъ октябристами въ третьей Думѣ, доказывая, подобно петербургскимъ «союзникамъ», что выбрать к.-д. депутата могутъ

*) «Рѣчь», 23 сентября.

только инородцы, поляки и евреи, и русскіе отщепенцы, и заклиная московскихъ купцовъ не дѣлать такимъ выборомъ непріятности правительству и, въ частности, г. Столыпину, такъ какъ «такого талантливаго, благороднаго, рыцарски-честнаго и мужественнаго государственнаго дѣятеля Россіи еще не знала» *). И, однако, всѣ старанія г. Гучкова и его единомышленниковъ оказались напрасными. Не помогло ни запугиваніе инородцами, ни восхваленіе доблестей г. Столыпина. Изъ 2944 избирателей, явившихся на выборы, 1520 отдали свои голоса кандидату к.-д. партіи г. Щенкину, 1129—октябристскому кандидату г. Щенкову и 272—кандидату «союза русскаго народа» г. Шмакову; 5 записокъ было подано за другихъ кандидатовъ и 18—признано недѣйствительными.

«Сердечно радъ—телеграфировалъ г. Гучкову послѣ того, какъ стали извѣстны эти результаты московскихъ выборовъ, г. Пуришкевичъ—и полагаю, что чувства мои раздѣлитъ вся правая Россія, ибо врагъ открытый менѣе опасенъ родинѣ, чѣмъ октябристъ, шагъ за шагомъ рубящій корни тысячелѣтнаго русскаго дуба и готовящій ему медленную гибель. Выборы въ Москвѣ и Петербургѣ показали, что октябристская партія—миръ и вся она—въ Думѣ».

«Понимаю вашу радость, — по телеграфу же отвѣтилъ г. Гучковъ — такъ какъ всегда считалъ, что въ вашемъ походѣ противъ укрѣпленія у насъ политической свободы лучшими вашими союзниками являются ка-деты. Вашими совмѣстными усиліями удалось и еще удастся замедлить установленіе конституціоннаго строя въ Россіи, но не удастся помѣшать его окончательному торжеству» **).

К.-д. газеты, комментируя эту курьезную переписку, вызванную побѣдой к.-д. кандидата въ Москвѣ, не безъ юмора отмѣчали то «разстройство чувствъ», въ какое, очевидно, повергло г. Гучкова московское пораженіе. При этомъ онѣ только забывали отмѣтить, что въ своемъ «разстройствѣ чувствъ» г. Гучковъ въ сущности лишь пародировалъ г. Милюкова и другихъ конституціоналистовъ-демократовъ, столько разъ повторявшихъ, да и теперь еще при удобномъ случаѣ повторяющихъ, будто союзниками правыхъ въ ихъ «походѣ противъ укрѣпленія у насъ политической свободы» являются лѣвые. Даже въ статьѣ, посвященной телеграммѣ г. Гучкова, «Рѣчь» не упустила случая съ самымъ серьезнымъ видомъ напомнить о «неустанной борьбѣ к.-д. за конституцію противъ крайнихъ фланговъ» ***). Въ дѣйствительности г. Гучковъ, какъ это бывало съ нимъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ уже не разъ, просто пошелъ по стопамъ конституціоналистовъ-демократовъ и, попавъ подъ яростный обстрѣлъ справа, открылъ стрѣльбу по своимъ со-сѣдамъ слѣва, обративъ при этомъ противъ ка-детовъ оружіе, въ свое время изготовленное ими при аналогичныхъ условіяхъ противъ лѣвыхъ. Въ томъ, что это оружіе само по себѣ въ достаточ-

*) Цитирую по «Рѣчи», 27 сент.

**) «Рѣчь», 30 сентября.

***) «Рѣчь», 30 сентября.

пой мѣрѣ нелѣпо, вина уже не одного г. Гучкова, какъ не его вина и въ томъ, что г. Пуришкевичъ, будучи крайнимъ правымъ, считъ нужнымъ выразить «сердечную радость» по поводу пораженія, понесеннаго и крайними правыми, и октябристами, и побѣды, одержанной конституціоналистами-демократами. Во всякомъ случаѣ, «сердечная радость» г. Пуришкевича и «разстройство чувствъ» г. Гучкова едва-ли не съ одинаковой силой подчеркнули значеніе пораженія, испытаннаго правыми организаціями на московскихъ выборахъ.

Въ Москвѣ, гдѣ это пораженіе явилось въ значительной мѣрѣ неожиданностью, гдѣ октябристы считали свою побѣду по первой куріи почти обезпеченной, предвыборная кампанія протекала сравнительно спокойно и стѣсненія избирательной агитаціи въ общемъ не заходили выше средней русской нормы. Иначе обстояло дѣло въ Одессѣ. Здѣсь дополнительные выборы на депутатское мѣсто, оставшееся вакантнымъ за смертью О. Я. Пергамента, также должны были происходить по первой куріи, но въ ней въ виду особенностей населенія Одессы представлялось почти обезпеченнымъ избраніе прогрессивнаго кандидата въ лицѣ принадлежащаго къ к.-д. партіи прис. пов. Бродскаго; соперничавшій съ нимъ кандидатъ правыхъ партій, бар. Рено, по всѣмъ предварительнымъ соображеніямъ, имѣлъ значительно меньше шансовъ. Одесская администрація не могла примириться съ такимъ положеніемъ вещей и приложила съ своей стороны всѣ старанія къ тому, чтобы поднять шансы праваго кандидата, проявивъ въ этомъ направленіи чрезвычайную энергію, далеко превзошедшую даже ту, какая была обнаружена властями во время выборовъ въ Петербургѣ. Одесскимъ прогрессивнымъ газетамъ мѣстнымъ градоначальникомъ г. Толмачевымъ было строжайше воспрещено не только вести какую-либо пропаганду въ пользу кандидатуры г. Бродскаго, но даже упоминать имя этого послѣдняго, и въ виду условій одесской жизни нарушить этотъ запретъ не представлялось возможности, хотя одновременно съ этимъ черносотеннымъ листкамъ была открыта полная свобода поносить г. Бродскаго и его кандидатуру. Предвыборное собраніе одесскимъ избирателямъ удалось устроить за все время избирательной кампаніи только одинъ разъ, да и это единственное собраніе было закрыто полиціей уже черезъ нѣсколько минутъ, послѣ первыхъ же фразъ вступительной рѣчи предсѣдателя, въ которыхъ присутствовавшій на собраніи помощникъ полицеймейстера сразу усмотрѣлъ «рѣзкую критику дѣйствій правительства». Вдобавокъ немедленно послѣ закрытія этого кратковременнаго собранія предсѣдательствовавшій на немъ г. Бальцъ подвергся насилию со стороны какого-то хулигана, оставшагося, по одесскому обычаю, необнаруженнымъ *).

*) „Рѣчь“, 25 августа; 25 и 27 сентября.

Наряду съ одесскою администраціей не щадили своихъ усилій и поддерживаемые ею мѣстные «союзники». Отъ ихъ имени одесскимъ избирателямъ-евреямъ были разосланы особыя воззванія, въ которыхъ имъ предлагалось во избѣжаніе плохихъ послѣдствій не являться на выборы. Одновременно съ этимъ «союзники» прибѣгали и къ болѣе тонкимъ приемамъ. Избирателямъ доставлялись специально поддѣланные избирательные бланки, въ которыхъ была помѣщена фамилія г. Бродскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ было написано не его имя, или же былъ обозначенъ не тотъ избирательный участокъ, въ какомъ онъ жилъ. Въ самый день выборовъ въ одномъ изъ избирательныхъ участковъ были случаи избіенія избирателей, а при окончательномъ подсчетѣ голосовъ были пущены въ ходъ самыя экстренныя мѣры, чтобы уменьшить число записокъ, поданныхъ за г. Бродскаго, и съ этою цѣлью, между прочимъ, были признаны недѣйствительными всѣ записки одного избирательнаго участка *). И, однако, всѣ эти экстренныя мѣропріятія и махинаціи не помогли, вся энергія въ концѣ концовъ оказалась истраченной понапрасну: одесскій избиратель, лишенный газетъ и собраній, запугиваемый администраціей и «союзниками», тѣмъ не менѣе въ свою очередь проявилъ достаточную энергію, и г. Бродскій прошелъ на выборахъ большинствомъ голосовъ.

Въ концѣ концовъ на дополнительныхъ выборахъ въ Думу отъ Петербурга, Москвы и Одессы въ нѣсколько различной обстановкѣ и въ нѣсколько различной формѣ обнаружился одинъ и тотъ же въ своей основѣ фактъ—несомнѣннаго полѣтѣнія избирателей. Какъ показали эти выборы, интересъ къ третьей Думѣ въ странѣ безостановочно падаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже привилегированныя группы населенія не мирятся съ существующимъ положеніемъ вещей. Не только сравнительно широкіе слои петербургскаго населенія, среди которыхъ, естественно, могли съ большею силою проявиться демократическія тенденціи, и наиболѣе зажиточные круги населенія одесскаго, въ которыхъ видное мѣсто занимаетъ угнетенный свыше всякой мѣры еврейскій элементъ, вновь, и съ еще большею рѣшительностью, высказались противъ проводимой правительствомъ политики, но даже и крупная буржуазія Москвы, два года тому назадъ пославшая въ Думу бардовъ этой политики—октябристовъ, теперь отказала имъ въ мандатѣ и присоединила свой голосъ къ осужденію существующаго режима.

При всей серьезности этого факта, краснорѣчиво говорящаго о складывающихся внутри страны настроеніяхъ, не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать его значеніе для правительства. Для послѣдняго выборы въ Думу не могутъ являться чрезвычайными уже потому, что для него самая Дума служить не болѣе, какъ своеобразной декорацией. Было бы, конечно, хорошо, еслибы и въ

*) „Рѣчь“, 29 сентября и 3 октября.

этомъ декоративномъ учрежденіи было поменьше оппозиціонеровъ,— не даромъ къ этому и прилагаются такія энергичныя усилія,— тогда оно будетъ лучше выполнять предназначенную ему роль и меньше встрѣтится помѣхъ на намѣченномъ пути. Но, во всякомъ случаѣ, сколько-нибудь серьезно считаться съ настроеніемъ населенія, проявившимся въ усиленіи оппозиціонныхъ элементовъ на дополнительныхъ выборахъ, было бы странно со стороны правительства, прекрасно знающаго и происхождение имъ самимъ созданнаго большинства третьей Думы, и характеръ взаимныхъ отношеній между этимъ думскимъ большинствомъ и широкими массами населенія. И, дѣйствительно, какъ передъ дополнительными выборами въ Думу, такъ и непосредственно послѣ этихъ выборовъ, лишній разъ вскрывшихъ непрерывно расширяющуюся пропасть между стремленіями страны и правительственной политикой, эта послѣдняя неуклонно продолжала развиваться въ прежнемъ направленіи и самый темпъ такого развитія становился все болѣе напряженнымъ и быстрымъ.

Почти передъ самымъ открытіемъ предвыборной компаніи было опубликовано высочайше утвержденное 24 августа положеніе совѣта министровъ, заключавшее въ себѣ правила о «порядкѣ примѣненія статьи 96 основныхъ государственныхъ законовъ». Эти правила являются ничѣмъ инымъ, какъ изданнымъ помимо Думы толкованіемъ основныхъ законовъ, при томъ толкованіемъ, вводящимъ въ нихъ новые термины и новыя понятія. Въ то время, какъ основные законы знаютъ различіе лишь между областями законодательства и верховнаго управленія, правила 24 августа устанавливаютъ особую область «военнаго законодательства», изымающую изъ вѣдѣнія общей законодательной власти, и предписываютъ направлять въ порядкѣ этого «военнаго законодательства» на утвержденіе верховной власти всѣ «положенія, наказы, штаты и расписанія», опредѣляющіе нужды военнаго и морского вѣдомствъ, не черезъ Думу и Государственный Совѣтъ, а черезъ военный и адмиралтейскій совѣты. Такимъ образомъ финансовыя права Думы, я безъ того уже достаточно узкія, подверглись дальнѣйшему суженію, и это было достигнуто простымъ путемъ толкованія основныхъ законовъ въ порядкѣ верховнаго управленія, при томъ въ то самое время, когда кругомъ велись настоячивые разговоры о новомъ укрѣпленіи русской конституціи въ результатѣ лондонской поѣздки третьедумскихъ депутатовъ.

Впрочемъ, дѣйствительная цѣна этого укрѣпленія конституціи сказалась не только въ приведенномъ фактѣ. Во время избирательной компаніи к.-д. ораторы и публицисты тщетно обращались къ правительству съ призывами подтвердить сдѣланное въ Лондонѣ заявленіе о существованіи русской конституціи. Отвѣтомъ на эти призывы служили лишь факты закрытія собраній, да приведенныя выше разсужденія официозной «Россіи», официально объявленной

«частнымъ изданіемъ». Но прошло нѣкоторое время, затихъ шумъ предвыборной кампаніи, и отвѣтъ на эти призывы, отвѣтъ, не менѣе рѣшительный и категорическій, былъ данъ самимъ предсѣдателемъ совѣта министровъ.

«Какъ будто дѣло въ словахъ?—заявилъ по этому поводу г. Столыпинъ въ опубликованной бесѣдѣ его съ представителемъ саратовской газеты „Волга“.—Какъ будто трудно понять, что манифестомъ 17 октября съ высоты престола предуказано развитіе чисто-русскаго, отвѣчающаго народному духу и историческимъ преданіямъ государственнаго устройства. Государю угодно было призвать народныхъ представителей себѣ въ сотрудники. Можно ли послѣ этого говорить, что народное представительство что-либо „урвало“ отъ царской власти?» *).

Такимъ образомъ дѣло, оказывается, обстоитъ очень просто. Конституція, дѣйствительно, есть въ Россіи постольку, поскольку «конституція есть во всякой странѣ». Но въ сущности «народные представители» у насъ—только «сотрудники» верховной власти, а государственное устройство остается «чисто-русскимъ» и сама верховная власть сохраняетъ видъ и характеръ, закрѣпленные за нею «историческими традиціями». При такихъ условіяхъ, очевидно, нѣтъ нужды особенно стѣсняться въ обращеніи съ законами, хотя бы то были даже законы основные. «Историческія традиціи», къ которымъ въ послѣднемъ счетѣ оказывается сведенной «конституція», вполне допускаютъ и оправдываютъ такое отношеніе къ законамъ, которое свободно отъ чрезмѣрной щепетильности, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ точки зрѣнія этихъ традицій нѣтъ вѣдь и особенно глубокой разницы между законами обыкновенными и основными. Стоитъ только вполне усвоить себѣ это существо дѣла и тогда самъ собою исчезнетъ интересъ къ «безплоднымъ спорамъ о томъ, самодержавіе ли у насъ или конституція», и такъ естественно будетъ обратиться къ людямъ, сохраняющимъ такой интересъ и настойчиво добивающимся опредѣленнаго имени для государственнаго строя, съ глубокомысленнымъ и полнымъ убѣдительности вопросомъ: «какъ будто дѣло въ словахъ?»

Часть нашей либеральной прессы увидѣла въ этихъ заявленіяхъ г. Столыпина нѣчто совершенное новое, раньше имъ не высказывавшееся. Въ дѣйствительности, однако, приведенныя заявленія могли показаться особенною новостью развѣ лишь тѣмъ, кто до сихъ поръ не хотѣлъ или не умѣлъ считаться съ фактами правительственной дѣятельности г. Столыпина. Эта дѣятельность все время шла въ одномъ направленіи, а если порою въ ней какъ будто и наблюдались кой-какіе зигзаги или, вѣрнѣе, къ ней присоединялись нѣкоторыя словесныя украшенія, то не нужно было черезчуръ большой проникаемости, чтобы разгадать ихъ истинный смыслъ и значеніе. Повременамъ въ такой проникаемости

*) „Новое Время“, 3 октября.

не оказывалось недостатка даже въ лагерѣ крайнихъ правыхъ, и еще недавно одинъ изъ сотрудниковъ «Колокола», г. Юзефовичъ, убѣждалъ дѣятелей этого лагеря не подвергать г. Столыпина черезчуръ рѣзкой критикѣ, такъ какъ подобная критика «стѣсняетъ его въ осуществленіи его плановъ и предположеній, несвоевременное раскрытіе которыхъ могло бы лишь повредить ихъ осуществленію» *). То, что было ясно сотруднику «Колокола», въ сущности могло быть ясно всѣмъ, сколько-нибудь внимательно слѣдившимъ за событіями послѣднихъ лѣтъ, и, если даже считать нынѣшнія заявленія г. Столыпина частичнымъ «раскрытіемъ» его «плановъ и предположеній», то все же придется сказать, что это «раскрытіе» больше подтверждаетъ старое, чѣмъ прибавляетъ что-либо новое ко всему извѣстному уже раньше изъ словъ и дѣйствій г. Столыпина. Вся разница въ данномъ случаѣ цѣликомъ сводится къ нѣскольکو большей откровенности употребляемыхъ теперь словъ.

Но до извѣстной степени болѣе откровенными становятся въ послѣднее время и дѣйствія правительства. Въ частности, болѣе откровенными стали они и въ той области, которая имѣетъ наиболѣе непосредственное отношеніе къ занимающей насъ сейчасъ темѣ. Едва успѣла закончиться избирательная кампанія, во время которой и октябристы, и конституціоналисты-демократы, между прочимъ, доказывали избирателямъ важность существованія третьей Думы фактомъ принятія ею сравнительно либеральнаго вѣроисповѣднаго законопроекта, какъ стало извѣстно, что министерство внутреннихъ дѣлъ, не дожидаясь даже открытія сессіи Думы, взяло изъ нея обратно внесенные имъ раньше законопроекты «о вызываемыхъ провозглашенной манифестомъ 17 октября 1905 г. свободой совѣсти измѣненіяхъ въ области семейственныхъ правъ», т. е. о смѣшанныхъ бракахъ, и «объ отношеніи государства къ различнымъ исповѣданіямъ», т. е., о правѣ свободной проповѣди религіозныхъ убѣжденій, поскольку ими не нарушаются уголовные законы государства. Оба эти законопроекта были уже обсуждены въ думской вѣроисповѣдной комиссіи, при чемъ большинство послѣдней, къ которому присоединились и представители министерства внутреннихъ дѣлъ, заняло сравнительно либеральную позицію, тогда какъ меньшинство примкнуло къ представителю синода, высказавшему тотъ взглядъ, что второй изъ этихъ проектовъ неприемлемъ, какъ нарушающій первенствующее положеніе и привилегіи православной церкви, а первый даже выходитъ за предѣлы компетенціи Думы, такъ какъ касается каноническихъ вопросовъ. Изъ комиссіи оба проекта должны были вскорѣ перейти на обсужденіе общаго собранія Думы, но министерство передумало и взяло ихъ обратно, не доведя дѣла до этого обсужденія.

---

*) Цитирую по „Рѣчи“, 4 октября.

«Нельзя—писала по поводу этого шага правительства официальная „Россия“—ставить правительству въ упрекъ, если, приступивъ къ юридической перестройкѣ столь исключительной трудности, въ иныхъ случаяхъ оно впадо даже въ ошибки, не говоримъ уже, въ тѣ или другія неточности или частичныя неправильности... Вполнѣ естественно, что правительство, усмотрѣвъ изъ матеріаловъ, представленныхъ самой же думской комиссіей, всесторонне освѣтившей эти вопросы, допущенныя имъ, по новизнѣ и трудности дѣла, уклоненія отъ своихъ же собственныхъ основныхъ воззрѣній, взяло на себя обязанность на ново переработать соотвѣтствующіе законопроекты» *).

По новизнѣ и трудности дѣла правительство уклонилось отъ своихъ собственныхъ основныхъ воззрѣній. Въ этомъ есть, пожалуй, доля правды, но только это не слѣдуетъ понимать черезчуръ буквально и въ этомъ, во всякомъ случаѣ, далеко не вся правда. Если взять всю правду, дѣло придется изложить иначе. Былъ въ нашей жизни моментъ—такой еще недавній,—когда представлялось рѣшительно невозможнымъ совершенно не идти навстрѣчу властно проявившимся потребностямъ. Тогда-то правительство и уклонилось отъ своихъ собственныхъ основныхъ воззрѣній, уклонилось, между прочимъ, и въ вѣроисповѣдной области, нисколько не разсчитывая, однако, въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ, проводить это уклоненіе совершенно серьезно. Затѣмъ выяснилась возможность отказаться отъ всякихъ уклоненій и при постепенной ликвидаціи ихъ очередь дошла, наконецъ, и до сферы вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Первоначально еще эта область, если не на практикѣ, то въ теоріи, считалась сравнительно болѣе безобидной, но первая же попытка установить въ ней постоянные порядки на почвѣ допущенныхъ «уклоненій» выяснила правительству необходимость и здѣсь брать назадъ и исправлять сдѣланныя было «ошибки». И это обстоятельство открываетъ глаза даже тѣмъ, кто еще недавно не хотѣлъ видѣть, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ.

«Въ чемъ же,—спрашиваетъ теперь «Рѣчь»—случились ошибки? Можно подумать, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь деталяхъ, требующихъ въ самомъ дѣлѣ спеціальнаго техническаго изученія? Можетъ быть, нужны какія-нибудь сложныя научныя изслѣдованія о границахъ государства и церкви?»

«Совсѣмъ нѣтъ. Дѣло идетъ о вопросахъ основныхъ и принципиальныхъ, безъ предварительнаго рѣшенія которыхъ немислимо говорить о какомъ бы то ни было осуществленіи начала свободы совѣсти. Если правительство „ошиблось“, то только въ одномъ—правда, въ самомъ главномъ. Оно ошиблось—и ввело въ заблужденіе общество—будто въ „обновленномъ строѣ“ вообще можно мечтать о свободѣ совѣсти» **).

Чувство горечи, проникающее эту тираду к.-д. газеты, конечно, какъ нельзя болѣе понятно, но содержаніе самой тириды все же требуетъ кое-какихъ поправокъ. Въ самомъ дѣлѣ, правительство едва ли особенно сильно ошибалось на счетъ возможности совмѣ-

*) „Рѣчь“, 13 октября.

**) „Рѣчь“, 16 октября.

щенія «обновленнаго строя» съ практически осуществляемой свободой совѣсти и едва-ли оно очень повинно въ мечтаніяхъ о такой свободѣ. Наоборотъ, врядь-ли можно сколько-нибудь серьезно сомнѣваться въ томъ, что въ «планахъ и предположеніяхъ» правительства свобода совѣсти занимала приблизительно такое же мѣсто, какъ и столь блистательно осуществляемая въ нашей дѣйствительности свобода слова или свобода союзовъ и собраній. Тѣмъ, кто сомнѣвается въ этомъ, стоитъ лишь внимательно оглянуться вокругъ себя и тщательно присмотрѣться къ современнымъ условіямъ религіозной жизни сектантовъ или хотя бы даже старообрядцевъ. Хотя «свобода совѣсти» возвѣщена для нихъ не только манифестомъ 17 октября, но и болѣе раннимъ актомъ 17 апрѣля 1905 года, на практикѣ это нисколько не мѣшаетъ имъ подвергаться разнообразнымъ стѣсненіямъ со стороны администраціи. Не далѣе, какъ въ іюль текущаго года, владимірскій губернаторъ, напримѣръ, распорядился объявить всѣмъ подвѣдомственнымъ ему административнымъ и полицейскимъ чинамъ, что «крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ послѣдователей раскола закономъ воспрещаются» *). Подобнаго рода распоряженія со времени провозглашенія «свободы совѣсти» объявлялись не въ одной только Владимирской губерніи и не только въ нынѣшнемъ году. Не было въ сущности недостатка и въ распоряженіяхъ еще болѣе рѣшительнаго характера. Но если такимъ образомъ не приходится утверждать, будто правительство стремилось насадить въ рамкахъ «обновленнаго строя» начало свободы совѣсти, то совершенно вѣрно, что нѣкоторая часть нашего общества поддалась наивному заблужденію и увѣровала въ возможность такого насажденія. И, между прочимъ, какъ разъ к.-д. ораторы на предвыборныхъ собраніяхъ только что минувшей избирательной кампаніи, настаивая на возможности реальныхъ пріобрѣтеній въ настоящій моментъ при помощи третьей Думы, ни разу не забывали сослаться на принятый этой Думой вѣроисповѣдный законопроектъ. Теперь этому наивному заблужденію нанесенъ тяжелый ударъ. Взявъ обратно изъ Думы остальные вѣроисповѣдныя законопроекты для передѣлки ихъ сообразно указаніямъ синода, правительство какъ нельзя болѣе ясно намѣтило и свой общій путь въ области вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, и судьбу принятаго уже Думой вѣроисповѣднаго законопроекта. вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ конкретномъ примѣрѣ оно дало возможность лишній разъ точно опредѣлить дѣйствительные размѣры «реальныхъ пріобрѣтеній», совершаемыхъ третьей Думой.

Можно, конечно, сомнѣваться въ томъ, чтобы этотъ урокъ, при всей его тяжести, оказался способнымъ окончательно разсѣять вѣру тѣхъ, кто прежде всего хочетъ вѣрить и больше всего вѣрить

*) „Рѣчь“, 15 августа.

въ силу компромисса. Но правительство съ своей стороны, во всякомъ случаѣ, не скупится на подобные уроки. Едва министерство внутреннихъ дѣлъ взяло обратно изъ Думы вѣроисповѣдныя законопроекты, какъ и министерство юстиціи поторопилось взять назадъ внесенный было имъ въ ноябрѣ 1907 г. въ Думу «законопроектъ объ измѣненіи подсудности въ порядкѣ производства дѣлъ о расторженіи браковъ лицъ православнаго исповѣданія вслѣдствіе прелюбодѣянія или неспособности къ брачному сожитію». Все содержаніе этого законопроекта, носящаго столь длинное и несоразное заглавіе, сводится къ тому, что при возникновеніи бракоразводнаго процесса между православными супругами прошеніе о разводѣ должно быть по старому подано въ консисторію и рѣшеніе постановлено ею же, но самое изслѣдованіе факта и допросъ свидѣтелей передаются въ гражданскій судъ. Казалось бы, болѣе скромное улучшеніе въ области бракоразводнаго процесса трудно придумать. Однако въ настоящій моментъ и это до послѣдней степени скромное улучшеніе признано нежелательнымъ и снято съ обсужденія Думы. Не менѣе рѣшительный характеръ несутъ дѣйствія правительства по отношенію къ Думѣ и въ другихъ сторонахъ ея жизни. На просьбу думской бюджетной комиссіи доставить ей въ одномъ экземплярѣ всеподданнѣйшій отчетъ государственнаго контролера за 1908 годъ предсѣдатель совѣта министровъ отвѣтилъ, что этотъ отчетъ не можетъ быть представленъ въ думскую комиссію, такъ какъ онъ «не подлежитъ оглашенію, являясь личнымъ докладомъ государственнаго контролера Его Величеству» *). Иначе говоря, въ той самой области государственнаго хозяйства страны, въ которой люди, вождѣющіе немедленныхъ «реальныхъ приобрѣтеній», общаются особенно серьезные результаты отъ работы третьей Думы, за послѣднюю не признается даже права быть въ достаточной мѣрѣ освѣдомленной. Впрочемъ, за нею не признается этого права и въ другихъ областяхъ, и въ началѣ нынѣшней сессіи думскіе трудовики сочли даже нужнымъ внести особый запросъ по поводу того, что присылаемые изъ-за границы въ думскую бібліотеку печатныя произведенія, вопреки закону, поступаютъ на разсмотрѣніе цензурнаго вѣдомства, которое часть этихъ произведеній, признаваемую имъ запретной, не доставляетъ въ Думу, а отсылаетъ обратно за-границу **).

Взвѣсивая всѣ эти факты, довольно трудно найти въ нихъ какія-либо основанія для того, чтобы раздѣлять оптимистическія ожиданія, согласно которымъ третья Дума будетъ «шагъ за шагомъ отвоёвывать уступки, шагъ за шагомъ толкать къ осуществленію манифеста 17 октября». Въ дѣйствительной жизни происходитъ нѣчто иное. Третья Дума не добивается уступокъ, а дѣлаетъ уступки. Она не толкаетъ правительство къ осуществленію манифеста 17 октября,

*) „Рѣчь“, 4 октября.

**) „Рѣчь“, 15 октября.

наоборотъ, правительство даже въ своихъ отношеніяхъ къ этой Думѣ все дальше отходитъ отъ началъ этого манифеста. И ожидать, что этотъ процессъ будетъ остановленъ силами, имѣющимися внутри Думы или могущими проникнуть въ нее, было бы совершенно напрасно. Но далеко не лишено значенія то обстоятельство, что одновременно съ тѣмъ, какъ развивается этотъ процессъ, самыя разнообразныя группы населенія все дальше отходятъ отъ правительства, и послѣднее остается на занимаемыхъ имъ позиціяхъ все болѣе одинокимъ, отдаляясь даже отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ группъ, съ которыми оно рассчитывало сохранить извѣстную близость.

Фактъ этого одиночества уже теперь не подлежитъ сомнѣнію. Правда, нѣтъ недостатка въ попыткахъ замаскировать его шумомъ «патріотическихъ» организацій, долженствующихъ изображать одобряющій правительственную политику и отстаивающій «историческія традиции» народъ, но всѣ такія попытки удаются довольно плохо. Между прочимъ, и за послѣднее время было устроено нѣсколько «правыхъ» съѣздовъ. Былъ съѣздъ истинно-русскихъ западно-руссковъ въ Кіевѣ, былъ съѣздъ «монархистовъ» въ Москвѣ. Объ обоихъ этихъ съѣздахъ сообщалось, что на нихъ читались привѣтствія и съ нихъ посылались патріотическія телеграммы. Но, когда заходила рѣчь о дальнѣйшей дѣятельности собравшихся на съѣздахъ «организацій», газетныя извѣстія сообщали кратко и многозначительно: «пѣли много разъ гимнъ» *). А съ другой стороны, стоило въ это самое время собраться любой организаціи, въ рамкахъ которой было возможно хотя бы минимальное проявленіе общественной дѣятельности, и она немедленно же ставилась показателемъ глубокаго разобщенія между страной и правительствомъ. Даже съѣздъ такой мертворожденной, такой насквозь пропитанной духомъ угодничества партіи, какъ октябристы, не обошелся безъ воплей по поводу царящаго надъ страной гнета беззаконія и произвола, безъ заявленій о невыносимости исключительныхъ положеній, безъ рѣчей и резолюцій о необходимости скорѣйшаго проведенія законовъ, гарантирующихъ свободы.

Рѣшенія октябристскаго съѣзда, какъ партійнаго учрежденія, конечно, нельзя принимать черезчуръ серьезно. Въ промежутокъ времени между своимъ партійнымъ съѣздомъ и открытіемъ думской сессіи сами октябристы успѣли забыть объ этихъ рѣшеніяхъ и, явившись въ Думу, проявили обычную свою покорность: отложили въ дальній ящикъ вопросы о свободахъ и исключительныхъ положеніяхъ и постановили заняться «землеустройствомъ». Думская оппозиція пыталась было убѣдить ихъ путемъ напоминанія о резолюціяхъ ихъ съѣзда перемѣнить такой порядокъ вопросовъ на обратный, но всѣ ея усилія оказались напрасны. Съ точки зрѣнія «реальныхъ пріобрѣтеній» объ этомъ, пожалуй, не стоитъ

*) „Новое Время“, 28 сентября.

и жалѣть. Въ прошлую сессію оппозиціи удалось, вопреки сопротивленію октябристовъ, поставить на обсужденіе третьей Думы законъ 9 ноября, но толку отъ этого для страны получилось немного, такъ какъ думское большинство, составленное въ первую голову изъ тѣхъ же октябристовъ, не только приняло этотъ законъ, но даже еще ухудшило его первоначальный текстъ. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что и на этотъ разъ, если бы оппозиціи удалось добиться постановки на очередь законопроектовъ о свободахъ и объ исключительныхъ положеніяхъ, результатъ получился бы приблизительно такой же, такъ какъ думскіе октябристы типа г. Гучкова, конечно, сумѣли бы прекрасно сочетать хорошія слова о свободѣ съ полнымъ подчиненіемъ министерскимъ предначертаніямъ. Въ виду этого, повторяю, считаться съ рѣшеніями октябристскаго партійнаго съѣзда, какъ такового, врядъ-ли стоитъ. Но, если откинуть все то хитроумное и вмѣстѣ съ тѣмъ наивное политиканство, какое было проявлено на этомъ съѣздѣ со стороны его главарей, передъ нами все же остается несомнѣнный фактъ, что даже въ настроеніи людей, совершенно серьезно считающихъ себя идущими по одной дорогѣ съ г. Гучковымъ, въ настоящее время прорываются уже нотки искренняго возмущенія современнымъ положеніемъ вещей и глубокаго отчужденія отъ создавшаго это положеніе правительства. И этотъ фактъ въ свою очередь прибавляетъ новый и не лишенный характерности штрихъ къ той картинѣ нарастающаго среди населенія оппозиціоннаго настроенія, какую до нѣкоторой степени освѣтили событія избирательной кампаніи.

Унылый и почти мертвенный характеръ носитъ сейчасъ наша общественная жизнь. Многое въ ней спряталось, ушло въ глубину и яркія краски жизни во многихъ случаяхъ поблекли, уступивъ свое мѣсто ровному сѣрому цвѣту. И тѣмъ не менѣе эту безцвѣтность и мертвенность окружающей насъ дѣйствительности не слѣдуетъ чрезмѣрно преувеличивать. Даже взглядыаясь въ тѣ ея явленія, которыя находятся на поверхности, можно безъ труда подмѣтить въ нихъ процессъ дальнѣйшаго развитія жизни и опредѣлить его направленіе. Стихійныя силы, однажды приведенныя въ движеніе, неустанно продолжаютъ свою работу, и пропасть, вырытая исторіей, съ каждымъ днемъ становится глубже и непроходимѣе.

В. Мякотинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Леонидъ Андреевъ. Анатэма. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1909. Стр. 170. Ц. 1 р.

Какъ и «Фаустъ» Гете, «Анатэма» начинается и кончается гдѣ то у предѣловъ умопостигаемаго міра: у Гете по ту сторону, у Андреева по эту, но дѣла это не мѣняетъ. Тамъ и здѣсь «заклятый» духъ зла и разсудка вступаетъ въ переговоры съ господиномъ вселенной, тамъ и здѣсь онъ пытается на судьбѣ одного человѣка доказать, что онъ правъ, что зло земной жизни есть ея предвѣчный законъ; тамъ и здѣсь онъ терпитъ пораженіе. Онъ ищетъ истины, этотъ Анатэма, этотъ воплощенный земной умъ, проникшій въ суть всѣхъ вещей, знающій законы чиселъ и читающій въ книгѣ судебъ. Но сердца нѣтъ у него, и закрыть для него, мудраго, Великій Разумъ вселенной. Мефистофель представляетъ себя какъ часть той силы, которая неизмѣнно желаетъ зла и неизмѣнно творитъ добро; Анатэма—и эго противоположеніе, конечно, лишь словесное—творитъ зло, но ищетъ добра. «Сильныхъ я убиваю, слабыхъ я заставляю кружиться въ пьяномъ танцѣ—въ безумномъ танцѣ—въ дьявольскомъ танцѣ! Я отравилъ всѣ источники жизни, на всѣхъ ея путяхъ устроилъ я засады—развѣ не доходить до тебя голосъ проклинающихъ?—изнемогающихъ подъ бременемъ зла?—дерзающихъ бесплодно?—тоскующихъ безконечно и страшно».—И онъ молить открыть, назвать ему пути добра: «Назови имя! Освѣти путь Діаволу и Человѣку. Все въ мірѣ хочеть добра—и не знаетъ, гдѣ найти его, все въ мірѣ хочеть жизни—и встрѣчаетъ только смерть. Имя! назови имя добра, назови имя вѣчной жизни». Но нѣтъ имени у того, о чемъ спрашиваетъ Анатэма, оно внѣ земного постиженія, внѣ чиселъ и мѣръ, въ которыхъ бьется маленькій разумъ лишеннаго сердца дьявола—и новая попытка его «метнуть въ гордое небо» печальную жизнь подвижника и побѣдить земнымъ вломъ непонятную ему силу потусторонняго и предвѣчнаго добра—разбивается въ путяхъ Великаго Разума.

Для эксперимента Мефистофель превратилъ маститаго ученаго средневѣковаго Франкфурта въ юношу; Анатэма сдѣлалъ миллионеромъ стараго одесскаго нищаго еврея. Въ метаніяхъ земной жизни ошибался и Давидъ Лейзеръ, — *es irrt der Mensch, so lang er strebt* — и онъ страдалъ, и отъ него въ его исканіяхъ не отходилъ духъ зла, какъ отъ Фауста, и его безпредѣльное самоотверженіе, его любовь, его подвигъ не прояснили земной жизни и явились зародышемъ новаго необъятнаго зла. Людямъ нужны чудеса, не мо-

ральныя, а реальныя, не метафизическія, а физическія: этихъ чудесъ не сотворилъ Давидъ Лейзеръ. И, требуя признанія своего торжества, побѣдоносно спрашиваетъ Анатѣма у того, кто стережетъ предѣлы познаваемого міра: «Не утоливъ голода голодныхъ,—не давъ зрѣнія слѣпымъ—не вернувъ жизни безвинно умершимъ—произведя раздоры, и споръ, и кровопролитіе жестокое, ибо уже поднялись люди другъ на друга и во имя Давида производятъ насилия, убійства и грабежъ—не проявилъ ли Давидъ безсиліе любви, и не сотворилъ ли онъ великое зло, которое числомъ можно исчислить и мѣрою измѣрить?» Но—какъ въ «Фаустѣ»—Высшій Разумъ оправдалъ подвижника:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.

Не погибъ Давидъ, и гибель его не послужитъ для дьявола доказательствомъ безсилія добра: «Давидъ достигъ безсмертія»—возвѣщаетъ «нѣкто, ограждающій входы» мечущемуся Анатѣмъ:—«Не мѣрою измѣряется и не числомъ вычисляется, и не вѣсами взвѣшивается то, чего ты не знаешь, Анатѣма». И бѣдный Діаволь опять—въ который уже разъ—чувствуетъ себя обманутымъ: «О, кто же поможетъ честному Анатѣмъ? Его обманываютъ вѣчно... Ахъ, плачьте, возлюбившіе Діавола, стелайте и горюйте, стремящіеся къ истинѣ, почитающіе умъ,—его обманываютъ вѣчно». Кривляясь, бранится Діаволь и безсильно грозитъ господину, навѣки скрывшему отъ него высшую истину.

Въ этомъ кривляніи Анатѣмы—коренная разница между нимъ и Мефистофелемъ и основной порокъ трагедіи Андреева—да и всей его философіи. «Ты равенъ духу, котораго постигаешь»,—говорится въ томъ же «Фаустѣ». Вотъ Гете былъ всегда равенъ тому, что изображалъ, ибо постигалъ изображаемое до конца. А Андреевъ—не знаетъ: не знаетъ, на какую ногу стать, и изображаетъ колеблющагося дьявола лишь потому, что самъ колеблется, потому, что въ этой двусмысленной позѣ удобнѣе скрывается его собственная нерѣшительность. «Такъ какъ никогда не можетъ быть правдивымъ Діаволь, и нѣтъ предѣла сомнѣніямъ его, то и сюда (въ побѣдоносную позу) онъ вноситъ вѣчную раздвоенность свою: идетъ, какъ побѣдитель, а самъ боится, закидываетъ голову къверху, какъ властелинъ, а самъ смѣется надъ преувеличенной важностью своей». Анатѣма то подхалимствуетъ, то кощунствуетъ предъ господиномъ, то униженно молить хранителя истины, то называетъ его лжецомъ; онъ не знаетъ, какъ отнестись къ высшей силѣ потому, что самъ Андреевъ не знаетъ. А не зная, не годится учить другихъ.

Смѣхъ и боль вызываетъ новая трагедія Андреева. Смѣхъ и боль потому, что невозможно безъ какого то двойственного чувства слѣдить за этими жалкими потугами сильнаго человѣка. Андреевъ, которому удалось сдѣлать компиляцію изъ «Фауста» и Юшкевича—

что может быть безнадежнѣе этого зрѣлища. Тяжела судьба Андреева. Хорошо тѣмъ, кто живетъ изо дня въ день, безъ міровоззрѣнія, безъ тоски по истинѣ. Андреевъ такъ не можетъ: высшіе вопросы жизни, морали и познанія терзаютъ его; все напряженіе своей мысли отдаетъ онъ поискамъ самой большой, первичной истины—и чѣмъ выше высоты, на которыя онъ пытается вскарабкаться или, вѣрнѣе, вскочить, тѣмъ безотраднѣе тѣ провалы, которые неизмѣнно ждутъ его послѣ этихъ безнадежныхъ попытокъ. Онъ не только не рѣшаетъ вопросовъ, онъ и не ставитъ ихъ, не умѣетъ очертить ихъ для самого себя. Что-то смутное, непонятное, въ существѣ своемъ противорѣчивое томить его, но это именно томленіе, а не сила отрицанія. Нѣтъ въ этомъ томленіи ясности, нѣтъ движенія, а есть много беспочвеннаго высокомерія, подобнаго высокомерію Анатѣмы съ его земнымъ разумомъ. Одного презрѣнія мало, чтобы преодолѣть этотъ земной разумъ; нелзя его отвергать безъ частицы разума божественнаго. Вотъ послѣдняго-то и не видно въ сухихъ раціональныхъ построеніяхъ, въ вымученныхъ абстракціяхъ послѣднихъ трагедій Андреева. Важно не то, что ты отрицаешь; важно, ощутилъ ли ты въ полнотѣ и конкретности то, *во имя чего* ты отрицаешь. Этого не чувствуется у Андреева. Онъ хотѣлъ написать трагедію о безсиліи разума, но написалъ трагедію о своемъ безсиліи. Малый разумъ разбитъ въ его изображеніи большимъ, но разбитъ механически, тупо и несмысленно, безъ живого вѣянія большого разума. И оттого его трагедія ни на іоту не приближаетъ насъ къ этому большому «Высшему разуму».

В. Ладыженскій. Далекіе дни. Изд. т-ва «Общественная польза». Спб. 1909. Стр. 205. Ц. 1 р.

Есть книги, написанныя для взрослыхъ, но пригодныя только для дѣтей; Фениморъ Куперъ и Вальтеръ Скоттъ, не собирались быть дѣтскими писателями, но потеряли взрослую аудиторію и остались милымъ достояніемъ подростковъ. Наоборотъ, Андерсенъ писалъ для дѣтей, но сталъ нуженъ большимъ; дѣтскіе рассказы Лѣва Толстого гакже не для однихъ дѣтей. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ воспоминанія г. Ладыженскаго о далекихъ дняхъ его дѣтства и отрочества. Простота его рассказовъ, ихъ элементарный міръ, безыскусственный языкъ и мирное настроеніе, бодрое и ласковое, дѣлаетъ ихъ превосходнымъ дѣтскимъ чтеніемъ; а между тѣмъ и взрослый читатель найдетъ въ этой лирикѣ старой жизни, въ этомъ тепломъ изображеніи ушедшаго въ прошлое строя не мало матеріала для сочувственнаго раздумья. Искусство рассказывать просто и содержательно, безъ симулированной тонкости и поддѣльной глубины встрѣчается все рѣже и рѣже, и въ этомъ гамѣ нервическихъ всхлипываній и вздернутыхъ настроеній съ особенно пріятной отчетливостью вы-

дѣляются такіе тихіе и спокойные голоса, какъ голосъ автора «Далекихъ дней». Никакой притязательности—все съ первыхъ строкъ почти банально: жизнь барчуковъ въ усадьбѣ, лохматый конекъ героя «Долларъ» и кудлатый пудель «Лютра», старый «фалеторъ» Авдошка-дергачъ, бѣшеный самодуръ-дѣдушка, охота на перепеловъ, уженье рыбы—точно повтореніе «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука», странница Аннушка, фигуры иностранныхъ губернаторовъ, первая дѣтская любовь, потомъ пансіонъ въ унылой и дождливой столицѣ, «бенефисы» воспитателямъ, идейныя пріятельницы, школьный журналъ и т. д. Все это въ общей схемѣ, въ типичныхъ чертахъ было намъ извѣстно и казалось уже ненужнымъ, но вотъ оно встаетъ въ конкретности, оживаетъ, прибавляетъ къ тому, что мы знали изъ классическихъ изображеній былой помѣщичьей жизни то одну, то другую черточку. Старая дореформенная Русь, доживающіе остатки которой засталъ еще авторъ, смѣнилась новой, и онъ даетъ ея эскизы, столь же подкупающіе своей непосредственной правдивостью, которая спасаетъ ихъ отъ возможнаго упрека въ малой значительности; сельская учительница Анна Васильевна, истосковавшаяся въ безлюдьи и нищетѣ современной деревни и рвущаяся къ неясной и сладостной новой жизни, является какъ бы символомъ этого порыва къ новой жизни. Есть еще рассказы и еще образы въ книжкѣ о «Далекихъ дняхъ». Она гармонично заканчивается воспоминаніями о Чеховѣ, въ которыхъ авторъ сумѣлъ выставить на первый планъ не свою близость съ покойнымъ писателемъ, но его образъ, настоящій, а не пересозданный согласно съ литературными симпатіями мемуариста. Въ сжатомъ очеркѣ, посвященномъ Чехову—вереница мелкихъ, но цѣнныхъ фактовъ. Кстати, тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о сборникѣ «Хмурые люди», рѣчь, очевидно, идетъ о другомъ, болѣе раннемъ сборникѣ, также изданномъ Сувориннымъ: «Въ сумеркахъ». Въ эпоху «Хмурыхъ людей» Чеховъ уже не писалъ въ «Новомъ Времени».

Ив. Бунинъ. Томъ V. Рассказы. Изд. т—ва „Знаніе“. Спб. 1909. Стр. 233. Ц. 1 р.

Книга называется «Рассказы», но рассказы занимаютъ едва половину ея; остальное—воспоминанія и путевые очерки: обычная у Бунина мягкая лирика, баюкающая чувства и будищая мысль. Жаль, что Бунинъ отстаеетъ отъ беллетристики—или беллетристика отстаеетъ отъ него. Не въ немъ вина, конечно: это повѣтріе, а въ немъ и раньше лирикъ и пейзажистъ превѣшивали беллетриста. Въ его новой книгѣ нѣтъ ни одной опредѣленной и интересной человѣческой фигуры, созданіе которой захватило бы автора: есть милыя сценки и яркіе пейзажи, есть размышленія и трогательныя положенія, есть настроенія и бытовые черточки, но ни одного че-

ловѣка, который остался бы въ вашей памяти, какъ ясный психологическій образъ. Бытовыхъ фигурокъ—сколько угодно; пестрой вереницей мелькаютъ онѣ, разнообразныя, характерныя, отчетливо запечатлѣнныя въ двухъ-трехъ строчкахъ; умирающая помѣщицья Русь сумеречно встаетъ предъ читателемъ, смѣяясь напряженной суматохой константинопольскаго предмѣстья; видишь и мрачнаго мѣщанина, ѣдущаго въ городъ за сто верстъ за докторомъ для умирающей жены, и старика Кологривова, своимъ судомъ заточившаго въ монастырь свою крѣпостную любовницу, пытавшуюся отравить его, и влюбленную дѣвушку, и милаго, капризнаго мальчука, и проводника-Герасима въ старомъ Стамбулѣ, и грек-трактирщика, и пассажирку-мулатку въ японскомъ киримонѣ, и суданскихъ негровъ,—все это мелькаетъ, какъ въ кинематографѣ, чтобы сложиться въ одну—не картину—а безформенную массу настроеній автора. Все это недурно, и тепло, и живописно, но во всемъ Бунинъ остается чистымъ лирикомъ и не идетъ дальше милыхъ «стихотвореній въ прозѣ», и терпитъ фіаско, когда берется за развитой и широко поставленный психологическій образъ, каковъ, напримѣръ, герой самаго большого повѣствованія въ сборникѣ «Астма». Ничего не остается отъ длиннаго повѣствованія о томъ, какъ томила кошмарами злая болѣзнь умирающаго землемѣра. Не представляешь себѣ фигуры героя, не проникаешься ни его ощущеніями, ни обстановкой и—что хуже всего—совершенно не схватываешь намѣреній автора, пониманіе которыхъ могло бы хоть уяснить, если не изгладить темныя точки исполненія, не зажигаешься интересомъ, который и читателя окрыляетъ творческимъ подъемомъ и заставляетъ воссоздавать недосказанное поэтомъ. Природа ближе Бунину, чѣмъ люди, настроеніе понятнѣе ему, чѣмъ движеніе, пассивныя переживанія—его излюбленный мотивъ, а не дѣйствіе; ограниченный этимъ міромъ, онъ, естественно, не можетъ быть ни эникомъ, ни, тѣмъ менѣе, драматургомъ; люди будутъ у него элементомъ пейзажа, отраженіемъ его настроеній, частицей его души. И онъ останется привлекательнымъ поэтомъ, превосходнымъ пейзажистомъ, нѣжнымъ художникомъ туманнаго и безсильнаго пантеизма, чуткимъ пѣвцомъ умирающаго быта и надвигающихся на него новыхъ формъ жизни—и въ этой ограниченной области найдетъ, конечно, своихъ читателей.

В. В. Каллашъ. Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ (Историко-Литературная бібліотека подъ ред. А. В. Грузинскаго. Вып. I) Москва 1909. Стр. XXV+263. Ц. 1 р.

Это не столько монографія, сколько хрестоматія, а между тѣмъ она полезнѣе не одной монографіи; она предназначена для учащихся, но поучительна и для многихъ, которые убѣждены, что закончили свое литературное воспитаніе. Замыселъ «Историко-

литературной бібліотеки» является живымъ откликомъ на господствующую тенденцію нынѣшней педагогики: учить не по изложеньямъ, комментаріямъ и объясненіямъ, а по первоисточникамъ. Приблизить первоисточникъ къ учащемуся, дать ему возможность заглянуть въ ту сокровищницу, которою питаются научныя обобщенія и выводы, навести его на самостоятельную мысль:—такова задача, которую ставитъ себѣ и, судя по первому выпуску, удачно исполняетъ «Библіотека».

Для изученія Гоголя здѣсь дана значительная доля того драгоценнаго матеріала, который заключенъ не въ его сочиненіяхъ: значительная не по внѣшнему объему, но по содержательности. Здѣсь собраны наиболѣе выдающіяся воспоминанія о Гоголѣ его современниковъ и характернѣйшія изъ его писемъ, сведены въ обширныхъ цитатахъ извѣстія о содержаніи погибшаго второго тома «Мертвыхъ Душъ», дана хронологическая канва къ біографіи и исторіи литературнаго творчества Гоголя и краткій, но именно поэтому цѣнный и мотивированный указатель изданій сочиненій Гоголя и литературы о немъ; предпосланныя матеріаламъ вступительныя статьи: біографія писателя и характеристика его переписки вводятъ въ непосредственное знакомство съ первоисточниками. Кой что, конечно, спорно въ выполненіи, есть ненужныя мелочи, есть пропуски, есть эксцессы панегиризма въ бібліографіи. Въ пособіи, имѣющемъ въ виду, конечно, не специалистовъ, а начинающихъ, мы не отвели бы такъ много мѣста сообщеніямъ о второй части «Мертвыхъ Душъ», а въ указателѣ Гоголевской литературы, въ которомъ приводится «только наиболѣе существенное или наиболѣе пригодное для цѣлей самообразованія и школы», упомянули бы Бѣлинскаго и Чернышевскаго; право, они заслуживаютъ упоминанія рядомъ съ г. Мережковскимъ, въ книгѣ котораго «Гоголь и чортъ» составитель нашелъ «оригинальное, высоко-талантливое освѣщеніе религіозныхъ исканій Гоголя и роли «чорта» въ его творествѣ» и «тонкій анализъ чичиковщины и хлестаковщины». Слѣдовало также указать подходящія и болѣе доступныя по цѣнѣ изданія сочиненій Гоголя: три изданія, рекомендуемыя составителями (Тихонравова, Кирпичникова и его самого), очень дороги. Но пробѣлы эти не такъ существенны. И въ нынѣшнемъ видѣ книга г. Каллаша можетъ быть очень полезна тѣмъ, кто не довольствуется знаніями изъ вторыхъ рукъ и видитъ знаніе лишь въ самостоятельномъ сужденіи, основанномъ на непосредственномъ знакомствѣ съ фактами.

Грассе (профес. универ. въ Монпелье). **Физиологическое введение въ изучение философии.** Съ предисловіемъ А. Бенуа (ректора университета въ Монпелье). Перев. съ французск. А. и В. Харитоновыхъ. Спб. 1909. XIV+335 стр., ц. 2 р. 50 к.

Среди профессоровъ университета въ Монпелье возникла прекрасная мысль: выработать рядъ курсовъ, которые были бы прочитаны профессорами однихъ факультетовъ для студентовъ другихъ факультетовъ. У насъ въ подобныхъ курсахъ особенно нуждались бы студенты, изучающіе философію, которая, какъ извѣстно, искусственно связана въ нашихъ университетахъ съ кругомъ историко-филологическихъ наукъ, благодаря чему наши философы и бывають часто совершенно невѣжественны въ вопросахъ естествознанія и математики, т. е., именно въ тѣхъ вопросахъ, ясное пониманіе которыхъ особенно нужно для философа...

Въ Монпелье для студентовъ, изучающихъ философію, былъ организованъ рядъ лекцій по математикѣ, естествознанію, по вопросамъ права и т. п. Разбираемая нами книга и является однимъ изъ такихъ курсовъ: выдающійся невропатологъ, д-ръ Грассе, знакомить здѣсь будущихъ философовъ съ физиологическими основаніями психологіи и философіи.

Такъ какъ эти лекціи читались для людей, не получившихъ спеціальной подготовки, то онѣ и отличаются вполнѣ популярнымъ изложеніемъ, что, однако, отнюдь не дѣлаетъ ихъ поверхностными. Книга разбита на три части. Въ первой части даются общія понятія анатоміи и физиологіи нервной системы. Вторая часть посвящена главнымъ образомъ общему ученію о психической функціи и вопросу о локализаціи психическихъ центровъ. Третья часть посвящена частнымъ вопросамъ: здѣсь изучаются «психомоторныя и психосенсорныя или психосенситивныя функціи».

Мастерское изложеніе предмета портится, по нашему мнѣнію, лишь благодаря одному обстоятельству. Дѣло въ томъ, что докторъ Грассе создалъ свою оригинальную теорію о взаимоотношеніи между высшими и низшими формами психической дѣятельности. Онъ утверждаетъ, что въ мозгу человѣка, въ передне-лобной его доль, существуетъ центръ (называемый имъ «центромъ 0»), который является органомъ самой высшей психической дѣятельности: сознательной личности, свободной воли, отвѣтственнаго я и т. п. Сверхъ этого, такъ сказать, центрального центра, существуютъ, по его мнѣнію, еще центры, расположенные по полигону (многоугольнику), въ мозгу они расположены въ областяхъ теменной и затылочно-височной; они-то и являются органами низшаго психизма. Какова бы ни была научная цѣнность этого ученія о двухъ психизмахъ, высшемъ и полигональномъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что гипотеза эта встрѣтила суровую критику среди специалистовъ, и что автору предстоитъ еще большой трудъ укрѣпленія и развитія этого своего ученія. Поэтому, какъ намъ

кажется, въ популярныхъ лекціяхъ, предназначенныхъ для не специалистовъ, гдѣ нужно въ основу философіи класть лишь общепризнанные фізіологическіе факты, нельзя поступать такъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, который всѣ психическія явленія рассматриваетъ съ точки зрѣнія своей гипотезы полигональнаго психизма. Ибо при подобной трактовкѣ вопроса судьба самихъ фізіологическихъ основъ философіи является какъ бы связанной съ судьбой одной изъ фізіологическихъ гипотезъ.

Карль Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Т. II. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. И. Сомова и Д. В. Айналова. Изд. „Просвѣщеніе“. Спб. 1909. Стр. XX+937. Цѣна 9 р.

Пять лѣтъ прошло съ выхода перваго тома Вермана на русскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ наша литература обогатилась нѣсколькими пособіями по общей исторіи искусствъ, но обширный трудъ директора дрезденской галлерей, конечно, займетъ среди нихъ по праву наиболѣе видное мѣсто, прежде всего уже по тому богатому иллюстраціонному матеріалу, который она даетъ читателю. Конечно, какъ ни обширенъ этотъ матеріалъ, въ немъ всегда чувствуется недостатокъ, когда рѣчь идетъ о пластикѣ, да еще въ томъ пониманіи проблемъ исторіи искусства, которое продиктовано автору лежащаго предъ нами сочиненія нынѣшнимъ состояніемъ этой науки. Не литературные элементы пластическихъ изображеній, не сюжеты картинъ и изваяній представляютъ первичный интересъ для изслѣдователя, какъ было когда то, а приемы и средства исполненія, детали стиля, взаимоотношеніе между традиціей и новшествомъ въ томъ, что презрительно называется иногда техникой и что есть жизненный нервъ пластики. При такихъ условіяхъ, конечно, не могутъ удовлетворить и тѣ пятьсотъ рисунковъ, которыми иллюстрирована книга Вермана, хотя они подобраны превосходно и выполнены благопристойно, а иногда и роскошно. Но въ этомъ повиненъ уже самъ Верманъ. Какъ было уже указано при появленіи перваго тома, его трудъ представляетъ собой не столько исторію, сколько, такъ сказать, географію искусства «всѣхъ временъ и народовъ». Это компендій, это справочникъ, это пособіе для детальнаго обзорѣнія фактовъ—и съ этой стороны Верманъ обезпечилъ читателя всѣмъ, что только требуется нынѣшнимъ состояніемъ знаній: онъ сжатъ и содержателенъ, надеженъ и полонъ, ясенъ и послѣдователенъ. Но читать его нельзя: онъ требуетъ изученія, требуетъ медленнаго перехода отъ одного факта къ другому и тщательнѣйшаго закрѣпленія пройденнаго; иначе—знакомство съ нимъ совершенно бесполезно. Никакихъ большихъ, основныхъ линий историческаго развитія онъ не намѣчаетъ; коротенькія послѣсловія, замыкающія въ его изложеніи каждый періодъ, суммируютъ кой что, но отсутствіе широкихъ перспективъ, обобщающихъ характери-

стикъ, указаній на преемственность дѣлаетъ его книгу по преимуществу сводомъ фактическихъ данныхъ. При наклонности нашего общества довольствоваться поверхностными обобщеніями, было бы особенно полезно изложеніе позитивное, тщательно документированное и убѣждающее не только паѳосомъ краснорѣчія, но и исчерпывающими доказательствами. Къ сожалѣнію, Верманъ никого ни въ чемъ убѣдить не хочетъ; онъ предполагаетъ извѣстные интересы, но не возбуждаетъ онъ. Сухо и дѣловито перечисляетъ онъ имена, даты и работы, слегка освѣщенные сжатыми и содержательными характеристиками. Кто, положивъ книгу Вермана въ основу своей самообразовательной работы, проштудируетъ ее тщательно, стараясь понять и для себя оправдать каждое слово курса, тотъ вынесетъ изъ этого изученія настоящее знаніе тѣхъ фактовъ, которые должны быть положены въ основу «исторіи искусства всѣхъ племенъ и народовъ». Тогда, вѣроятно, онъ захочетъ познакомиться съ самой исторіей, и, пожалуй, не найдетъ ея. Она еще не написана, эта настоящая синтетизирующая, общая исторія искусства, какъ дѣлаго—и кто знаетъ, когда для нея придетъ время. Пока же необходимъ прокладывающій ей путь Верманъ.

Настоящій томъ охватываетъ искусство христіанскихъ народовъ до конца XV столѣтія; все сочиненіе рассчитано на три тома и будетъ большою заслугой автора, если онъ сумѣетъ вмѣстить въ послѣдній томъ весь гигантскій матеріалъ, подлежащій изложенію.

Леонъ Дюги. Соціальное право, индивидуальное право и трансформация государства. Лекціи, читанныя въ 1908 г. въ Высшей Школѣ социальныхъ наукъ въ Парижѣ. Переводъ прив. доц. моск. ун-в. А. Яценко съ предисловіемъ пр. А. С. Алексѣева. Москва 1909 г. стр. 147. Ц. 50 к.

Новая книга Л. Дюги представляетъ такой же интересъ, какъ и другіе его труды. Главныя ея положенія заключаются въ слѣдующемъ. Старое «римское регальное» государство переживаетъ въ настоящее время полнѣйшую трансформацию своихъ функцій, органовъ,—словомъ, всей структуры; на ряду съ государствомъ—«левіаѳаномъ», имѣющимъ дѣло только съ «нылѣю безсильныхъ и безоружныхъ индивидовъ», сходитъ со сцены и вся старая юридическая догматика со своимъ представленіемъ о субъективномъ правѣ и своемъ «фетишизмѣ закона» (стр. 59). «Мѣсто режима, основаннаго на ложной и опасной идеѣ суверенитета и личности государства», начинаетъ занимать новый политическій строй, не на словахъ, а на дѣлѣ способный гарантировать личность отъ произвола, а общество отъ бюрократической рутинѣ. Политической формой, которой принадлежитъ будущее, явится «федерализмъ классовъ, организованныхъ въ синдикаты» (стр. 52); на долю правящихъ

лицъ при этомъ останутся только функціи контроля и надзора. Наше время—начало торжества синдикализма... Пока лишь разгорается его жаръ. Оно наполнить все наше столѣтіе; оно, несомнѣнно, будетъ его характернымъ признакомъ» (стр. 122).

Что касается теоретическихъ взглядовъ Л. Дюги, то въ своемъ социальномъ правѣ онъ стоитъ на той же позиціи, которая получила освѣщеніе въ его прежнихъ научныхъ трудахъ. Нападая на обычные представленія о правѣ, государствѣ, правительственной власти и т. д., авторъ вполне справедливо указываетъ, что традиціонныя ученія слишкомъ легко и охотно создаютъ изъ юридическихъ понятій особыя ипостаси, требующія для себя человѣческихъ жертвъ. Собственныя построенія автора не вызываютъ такого упрека. Тѣмъ не менѣе теоретическій фундаментъ этихъ построеній по прежнему оставляетъ желать многого въ смыслѣ солидности и прочности. Объ этой сторонѣ ученія Дюго намъ приходилось уже говорить подробнѣе при разборѣ его книги о «Конституціонномъ государствѣ» (см. «Р. Б.», 1909, II). Мы видѣли, что попытка Дюги построить понятіе права на принципѣ «общественной солидарности» никакъ не можетъ быть признана удачною. Въ основу права авторъ ставитъ «соціальную норму», которая, въ силу факта взаимной зависимости людей, предписываетъ всѣмъ и каждому дѣлать все, что необходимо для увеличенія общественной солидарности. Но объективное значеніе этой нормы, тотъ властно-двигательный характеръ, который приписываетъ ей Дюги, остались совершенно недоказанными. Свой собственный идеаль Дюги принялъ за дѣйствительный фактъ. Въ результатѣ вся теорія оказалась висящею въ воздухѣ.

Но главная цѣнность «Соціального права» не въ его теоретическихъ положеніяхъ, а въ тѣхъ выводахъ, которые дѣлаетъ авторъ, опираясь на изученіе современной общественной жизни. Мы видѣли его основной выводъ: культурное человѣчество стоитъ на порогѣ новаго общественнаго и политическаго строя. Самъ Л. Дюги лучше всего отвѣчаетъ тѣмъ, кто сталъ бы утверждать, что подобное будущее не болѣе, какъ розовая мечта или, наоборотъ, зловѣщій сонъ: «я, говоритъ онъ, только резюмирую главные элементы эволюціи, совершающейся на нашихъ глазахъ» (стр. 144).

А. А. Леонтьевъ. Крестьянское право. Систематическое изложеніе особенностей законодательства о крестьянахъ. Изданіе книжнаго магазина «Законовѣдніе». Спб. 1909. Стр. 401. Ц. 2 р. 50 к.

Во введеніи къ своему курсу г. Леонтьевъ отмѣчаетъ, между прочимъ,—отмѣчаетъ, какъ «фактъ, который грозитъ лечь тяжелымъ упрекомъ на русскую юридическую науку»,—непростительное игнорированіе ею вопросовъ крестьянскаго права. Въ значительной мѣрѣ этотъ фактъ объясняется, конечно, тѣмъ, что почти всѣ

правовые вопросы крестьянской жизни разрѣшаются у насъ не въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, гдѣ сосредоточены юридическія силы страны, а въ судебно-административныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, составъ которыхъ въ значительной его части не имѣетъ никакого отношенія къ юридической наукѣ. Благодаря этому, русскимъ юристамъ въ ихъ практической дѣятельности съ вопросами крестьянскаго права не приходится почти даже сталкиваться. Нельзя сказать, чтобы и теоретически они были достаточно къ нимъ подготовлены. При той постановкѣ, какую имѣетъ у насъ юридическое образованіе, послѣднее какъ бы специально предназначено для обслуживанія правовыхъ нуждъ правящихъ классовъ, а не широкихъ народныхъ массъ. Какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ: правовые вопросы крестьянской жизни пользовались до сихъ поръ далеко не достаточнымъ вниманіемъ со стороны русской юридической науки. Больше того: самое понятіе о крестьянскомъ правѣ остается въ послѣдней неразработаннымъ, и даже вопросъ о возможности особой дисциплины, которая занималась бы его изученіемъ, — какъ указываетъ г. Леонтьевъ, — считается спорнымъ. Особые нормы, регулирующія правовую жизнь крестьянъ, очень многіе склонны считать анахронизмомъ, который долженъ немедленно и цѣликомъ исчезнуть, какъ только измѣнятся общія политическія условія. «Хотя мое мнѣніе, — пишетъ г. Леонтьевъ, — заключается въ томъ, что не только *надо*, но что и очень легко и просто однимъ почеркомъ пера уничтожить особенности крестьянскаго права, вычеркнуть его изъ дѣйствующаго права для того, чтобы покончить съ нимъ навсегда». Но если даже стать на эту точку зрѣнія, то и въ такомъ случаѣ нельзя забывать, что особые правовые нормы опредѣляютъ жизнь громаднаго большинства многомилліоннаго народа. «Развѣ одно признаніе этого факта, — спрашиваетъ г. Леонтьевъ, — не достаточное основаніе для того, чтобы крестьянское право было признано необходимымъ предметомъ изученія для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ правовыми условіями жизни народа». Но въ дѣйствительности и въ будущемъ не такъ легко будетъ покончить съ особыми правовыми нормами, регулирующими крестьянскую жизнь. «Цѣлая система правоотношеній, составляющихъ существенную часть содержанія крестьянскаго права, — пишетъ г. Леонтьевъ, — правоотношеній гражданскаго характера, такъ тѣсно слита съ условіями земледѣльческаго труда, съ правовыми воззрѣніями народа, эти условія въ себѣ претворившими, что оно будетъ жить и регулировать правовую жизнь народа даже въ томъ случаѣ, если законодатель сверху вздумаетъ, не считаясь съ жизнью, вычеркнуть ихъ изъ закона, изъ дѣйствующаго писаннаго права» (стр. 3). Ассимилировать крестьянское право въ этой его части съ общимъ правомъ, правильнѣе сказать, съ нетрудовымъ правомъ господствующихъ классовъ, удастся не скоро. Съ той же

точки зрѣнія, на которой стоитъ г. Леонтьевъ, такая ассимиляція и недопустима. «Нельзя,—говоритъ онъ,—относиться иначе, какъ отрицательно къ правовой *обособленности* крестьянъ, нельзя иначе относиться, какъ съ непримиримой враждой къ тѣмъ условіямъ, которыя по нашему дѣйствующему праву препятствуютъ крестьянину пользоваться общегражданскими правами и общегражданской свободой, но нельзя эту вражду переносить на *особенности* правовыхъ отношеній крестьянъ, связанныя съ экономическими условіями ихъ труда» (19). *Словныя* ограниченія въ правахъ крестьянъ должны быть уничтожены, но *профессіональныя* ихъ нужды и *классовыя* интересы должны найти себѣ особое выраженіе въ законѣ. Крестьянское право интересуетъ поэтому г. Леонтьева не только въ качествѣ дѣйствующаго права, но и въ качествѣ права будущаго, не только въ качествѣ *legis latae*, но и въ качествѣ *legis ferendae*.

Такова общая точка зрѣнія, съ которой авторъ разсматриваемаго труда подходитъ къ своему предмету и которую нельзя не признать совершенно правильной. Установивъ ее, г. Леонтьевъ тѣмъ самымъ уже расчистилъ до извѣстной степени дорогу другимъ работамъ по крестьянскому праву. Надо, однако, сказать, что самъ онъ удѣляетъ сравнительно мало вниманія установленію, обоснованію и развитію принциповъ, которые должны быть положены въ основу крестьянскаго законодательства, изучаемаго съ точки зрѣнія *legis ferendae*. Въ разсматриваемомъ трудѣ онъ, въ сущности, ограничивается изложеніемъ дѣйствующаго права—«особенностей законодательства о крестьянахъ» въ его нынѣшнемъ видѣ. Эти особенности, хотя и въ главныхъ только чертахъ, охвачены имъ всесторонне. Онъ послѣдовательно излагаетъ особенности въ сферѣ личныхъ правъ крестьянъ, особенности въ сферѣ общественнаго ихъ устройства, особенности въ сферѣ поземельныхъ отношеній (общинное и подворное владѣніе) и, наконецъ, особенности вообще имущественныхъ правъ крестьянъ (семейная собственность, наслѣдственное право, опека). Затронуты авторомъ и тѣ особенности, которыя привнесены въ правовую жизнь крестьянства указами 5 октября и 9 ноября 1906 г. Мы говоримъ: затронуты, имѣя въ виду, что особенности, внесенныя этими указами и тѣмъ болѣе послѣднимъ изъ нихъ, далеко еще не опредѣлились. Крестьянскія поземельныя отношенія, напримѣръ, регулируются въ настоящее время не столько даже указомъ 9 ноября, сколько усмотрѣніемъ всяческаго начальства, начиная отъ самаго высшаго и кончая самымъ низшимъ. Разобраться въ этихъ нормахъ не столько права, сколько произвола, авторъ, конечно, не имѣлъ возможности. Онъ лишь отмѣчаетъ нѣкоторые существенные пробѣлы въ правовой жизни, отстающіеся послѣ изданія названныхъ указовъ безъ законодательнаго опредѣленія. Своему изложенію особенностей крестьянскаго законодательства авторъ во многихъ случаяхъ предпосы-

ласть историческіе очерки или сопровождаетъ его историческими отступленіями, объясняющими возникновеніе и развитіе тѣхъ или иныхъ правовыхъ нормъ. Попутно онъ излагаетъ взгляды, высказывавшіеся въ русской юридической литературѣ по поводу различныхъ институтовъ крестьянскаго права, а также указываетъ литературу, имѣющуюся по данному предмету. Широко пользуется г. Леонтьевъ также сенатскими разъясненіями по крестьянскому дѣлу, обнаруживая рѣдкую для русскаго юриста освѣдомленность въ нихъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отмѣчаетъ и тѣ послѣдствія, которыми сказалась та или иная правовая норма въ жизни. Но изъ круга особенностей нынѣшняго законодательства о крестьянахъ, какъ уже сказано, авторъ не выходитъ. Приступая къ своей работѣ, онъ, несомнѣнно, задавался болѣе широкими планами. Между прочимъ, въ ряду задачъ, которыя онъ себѣ ставилъ, какъ видно изъ введенія, была и такая: намѣтить правовыя нормы, необходимыя для осуществленія блага земледѣльцевъ и идеи соціальной справедливости въ области аграрныхъ отношеній. Но эта задача, равно какъ и нѣкоторыя другія, которыя онъ намѣтилъ себѣ съ точки зрѣнія *legis ferendae*, остались въ настоящей работѣ невыполненными. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ заключить, что мы имѣемъ дѣло съ незаконченнымъ еще трудомъ, хотя прямо объ этомъ въ книгѣ нигдѣ не упомянуто. Воздержаться отъ рѣшенія только что указанныхъ задачъ автора, какъ можно думать, заставило то соображеніе, что нельзя установить принципы и нормы будущаго законодательства, исходя только изъ дѣйствующаго писаннаго права, въ значительной своей части продиктованнаго, какъ извѣстно, фискальными и другими соображеніями, не имѣющими ничего общаго ни съ благомъ крестьянскаго населенія, ни съ идеей соціальной справедливости, ни даже съ особенностями крестьянской жизни. Поэтому же, вѣроятно, послѣднюю главу своей книги авторъ посвящаетъ обычному праву. Не касаясь его содержанія, онъ отмѣчаетъ только видную роль, какую оно играетъ въ жизни въ качествѣ другой отрасли дѣйствующаго крестьянскаго права, и важное значеніе, какое оно должно имѣть для законодательства въ качествѣ правового источника.

Кромѣ отмѣченной нами незаконченности, особенно замѣтной въ виду плана, какимъ задался авторъ, работа его не лишена и нѣкоторыхъ другихъ недостатковъ. Отмѣтимъ, съ одной стороны, неравномѣрность историческихъ экскурсій и теоретическихъ отступленій, какія дѣлаетъ авторъ, благодаря чему они оставляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ впечатлѣніе случайности, съ другой — недостаточную обоснованность нѣкоторыхъ изъ высказываемыхъ имъ взглядовъ, въ силу чего изложеніе, при полной убѣжденности, какою оно проникнуто, мѣстами представляется недостаточно убѣдительнымъ. Можно пожаловаться также и на недостаточную стройность изложенія, благодаря чему къ одной и той же мысли автору

приходится иногда возвращаться нѣсколько разъ. Наконецъ, языкъ, вѣроятно, многимъ покажется тяжеловатымъ и недостаточно сжатымъ. Но мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ первымъ опытомъ изложенія крестьянскаго права и при томъ въ видѣ курса, прочитаннаго авторомъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній (въ экономическомъ отдѣленіи петербургскаго политехникума). Продолжая работать надъ нимъ, г. Леонтьевъ, какъ можно надѣяться, пополнитъ и разовьетъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ придастъ ему и съ внѣшней стороны большую стройность. Во всякомъ случаѣ, и въ теперешнемъ своемъ видѣ его работа можетъ быть рекомендована тѣмъ, «кто желаетъ ознакомиться съ правовыми условіями жизни народа».

В. Соллогубъ и В. Симоновскій. Указатель лучшихъ по отзывамъ печати учебниковъ, наглядныхъ пособій и методическихъ руководствъ. Спб. Изд. т-ва „Общественная Польза“. 1909. Стр. XIX+419. Ц. 2 р.

Худшее въ нашей культурной работѣ то, что она сплошь и рядомъ совершается оцупью. Всякій, кто встрѣчалъ провинціальныхъ труженниковъ на нивѣ образованія, отъ сельскихъ учителей до губернскихъ просвѣтителей, сталкивался, конечно, съ ихъ жалобами не только на разрозненность, на тяжелыя внѣшнія условія и т. д., но подчасъ прежде всего на неосвѣдомленность. Есть гдѣ то надлежащее пособие, есть хорошая книга, но нѣтъ возможности пересмотрѣть все это, выбрать, опѣнить, даже просто узнать. За послѣдніе годы кой что сдѣлано для того, чтобы помочь людямъ разобраться въ этой обширной и необходимой для нихъ литературѣ. Учебная и просвѣтительная библіографія поставлена у насъ лучше, чѣмъ обще-литературная и научная: это характерный показатель и стадія нашего общественнаго развитія, и тенденцій нашего просвѣщенія. Начиная съ «Что читать народу», тянется почтенный рядъ библіографическихъ пособій, далеко не удовлетворяющихъ еще спроса, но самой массой и безспорными достоинствами показывающихъ, какъ широкъ и серьезенъ этотъ спросъ. Къ этой серіи просвѣтительныхъ указателей примыкаетъ предъ нами трудъ гг. Соллогуба и Симоновскаго. Онъ имѣетъ въ виду исключительно такъ называемое низшее образованіе и предназначень для учителей начальныхъ народныхъ, городскихъ, вечернихъ школъ, для первоначальнаго домашняго обученія и т. п. Указатель обширенъ и систематиченъ; онъ обозрѣваетъ соотвѣтственные учебники и руководства на русскомъ и украинскомъ языкахъ, а также наглядныя учебныя пособія; приведена необходимая литература не только по обычнымъ научнымъ предметамъ преподаванія, но также по искусствамъ — музыкѣ и рисованію и по устройству образовательныхъ школьныхъ празднествъ. Пособія и руководства не только указаны

каждое указаніе сопровождается рецензіей, заимствованной изъ какого либо компетентнаго источника: общихъ или педагогическихъ журналовъ, специальныхъ сборниковъ и т. п. Это заимствование рецензій имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны, и намъ представляется, что послѣднія превѣшиваютъ. Конечно, это облегчаетъ трудъ, для котораго при иной, болѣе самостоятельной постановкѣ понадобилась бы обширная группа рецензентовъ-спеціалистовъ; но за те эта группа работала бы надъ однимъ дѣломъ, руководилась бы общими принципами, имѣла бы общую редакцію. При нынѣшней системѣ исполненія, когда перепечатываются отзывы безконечно различныхъ людей, разбѣянные по весьма различнымъ изданіямъ на протяжении чуть не четверти вѣка, о единствѣ оцѣнки, объ опредѣленности критерія, очевидно, говорить трудно. Это смягчается тѣмъ, что громадное большинство отзывовъ носитъ все-таки узко-дѣловой характеръ, сводясь въ концѣ концовъ не столько къ оцѣнкѣ, сколько къ характеристикѣ. Во всякомъ случаѣ, работѣ г.г. Соллогуба и Симоновскаго предстоить, несомнѣнно, широкое распространеніе, а это поведетъ къ дальнѣйшимъ изданіямъ, которые могутъ быть и улучшены.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. **Л. Н. Никоновъ.** Ботаника. Учебникъ для средняго возраста. II. 2 р.—**С. Синегубъ.** Бабочки Россіи. В. III. II. 35 к.—**В. О. Дудинъ, А. П. Стеблевъ и А. С. Толстовъ.** Русская исторія. Учебникъ для мл. кл. средн. учебн. завед., город. училищъ, торгов. школъ и вечерн.-воскр. школъ. Ч. I. II. 90 к.—Вопросы педагогической психологіи: Вып. I. **Jean De-moor.** Ненормальныя дѣти и воспитаніе ихъ дома и въ школъ. Пер. д-ра Райсы Певзнеръ, подъ ред. и съ прим. проф. Г. И. Россолимо.—Вып. II. **В. А. Дай.** Экспериментальная педагогика. Пер. Е. И. Воскресенской подъ ред. пр.-доц. В. Е. Игнатъева.—**Н. Н. Аменицкий.** Физика въ примѣненіи къ обыденнымъ явленіямъ и вопросамъ жизни. Пособіе для м. и ж. средне-учебн. зав. II. 50 к.—**С. И. Шохоръ-Троцкий.** Геометрія на задачахъ.

Вып. II. II. 1 р. 20 к.—**Н. В. Тулуновъ и П. М. Шестаковъ.** Слово. Сборникъ первонач. упражненій для выработки навыковъ правильнаго письма и развитія устной рѣчи. Кн. 1-я. II. 15 к.—**Его же.** Новь. Ч. 2-я. Книга для занятій по рус. языку. II. 50 к.—**П. Ивановъ.** Народный букварь-самоучка по наглядно-сравнительному способу. II. 25 к.

Изд. „Посредникъ“. М. 1909. **Л. Н. Толстой.** Воскресеніе. Романъ. II. 40 к.—**С. Т. Семеновъ.** Крестьянскіе рассказы. Т. I. Съ пред. Л. Н. Толстого. Изд. 3-е. II. 90 к.—**В. В. Рамазовъ,** врачъ. Общедоступный лечебникъ. Изд. 4-е. испр. и доп. II. 90 к.—**Л. Н. Толстой.** На каждый день. Июнь. II. 6 к.—**Л. Николаевъ.** Сто вегетарианскихъ блюдъ. 2-е изд. II. 20 к.—**Н. П. Черенинъ.** Какъ открывать и вести книжную торговлю въ провинціи. II. 10 к.—**Софія Го-**

линская. Товарищество для улучшения сельского хозяйства въ разныхъ земляхъ. Ц. 12 к.—**А. Архангельской.** Какъ переплетать книги безъ особыхъ переплетныхъ инструментовъ? Ц. 20 к.—**Е. Горбунова.** Какъ развести маленький огорождъ. Ц. 12 к.—**Б. А. Лэзанъ.** Норые пути ознакомленія дѣтей съ математикой. Ц. 55 к.—**Бэтъ Дугласъ-Виггинъ.** Счастье бѣднаго малыша. Ц. 20 к.—**Божій Миръ.** Годъ первый. Изд. 7-е. Ц. 30 к.—**Э. Сетонъ-Томпсонъ.** Лисъ домино изъ окрестностей Гольдуръ. Ц. 45 к.—**И. Горбуновъ-Посадовъ** и **Я. Егоровъ.** Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія въ школѣ и дома. Ц. 40 к.—**Его же.** Азбука-картинка.

Изд. А. Девриена. Спб. 1909. **Е. Гюнтеръ.** Происхождение и развитие человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка. Съ атласомъ изъ 90 таблицъ. Пер. съ нѣмц. подъ ред. проф. Н. А. Холодковского. 2 т. съ атл. Ц. 20 р.—**И. М. Гниловъ.** Курсъ общей зоологій для высшихъ учебн. завед. и самообр. Съ 372 рис. въ текстѣ, 4 цвѣтн. табл. и картин. Ц. 4 р. 50 к.

Изд. О. Богдановой. Спб. 1909. **Вл. Динзе.** Очерки по исторіи среднешкольнаго движенія. Ц. 50 к.—**Р. Гаурр.** Психологія ребенка. Пер. А. Ф. Левоневскаго подъ ред. и съ пред. д-ра Д. В. Фельдберга. Ц. 75 к.—**Р. Эйкенъ.** Основы проблемы современной философіи религіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. С. И. Поварнина. Ц. 75 к.

А. А. Кисель и д-ръ **Н. Е. Майзель.** Развѣтѣ и воспитаніе дѣтей отъ года до 14 лѣтъ. Ц. 25 к.—**А. Лютицъ, В. Зоммеръ** и **А. Типовскій.** Итоги XVIII в. въ Россіи. Введеніе въ русскую исторію XIX в. Ц. 2 р. **Сергій Городецкій.** Русь. Пѣсни и думы. Ц. 25 к.—Вопросы и нужды учительства. Третій сборникъ статей и справокъ. Ред. **Е. А. Зялинцовъ.** Ц. 10 к.

Изд. К. Н. Тихомірова. М. 1909. **С. Т. Аксаковъ.** Семейная хроника и воспоминанія. Ц. 80 к.—**Его же.** Дѣтскіе годы Багрова—Внука. Ц. 60 к.—**А. С. Пушкинъ.** Избранныя сочиненія съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 75 к.—**М. А. Крюковскій.** Южный Уралъ. Путевые очерки. Ц. 2 р.—**А. Чеглохъ.** Родная природа. 14 рассказовъ. Ц. 70 к.

Изд. И. Горбунова-Посадова. М. 1909. **А. Буткевичъ.** Какъ живутъ пчелы и какъ ихъ водить. Ц. 50 к.—

Н. И. Чайковскій. Что дѣлать противъ неурожаевъ? Ц. 35 к.—**Е. Фортунатовъ.** Пассивное обученіе и научное образованіе въ высшихъ школахъ. Ц. 15 к.

Иванъ Рунавишкинъ. Стихотворенія. Книга шестая. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Судейкинъ. Эхо жизни. Стихотворенія. Тверь. 1909. Ц. 15 к.

Его же. На родныхъ поляхъ. Стихи и поэма для старыхъ и малыхъ. Тверь. 1909. Ц. 20 к.

Г. Т. Муровъ. Двое въ одной шкурѣ. Романъ. Изъ жизни сельскихъ обывателей Сибири. М. 1909. Ц. 1 р.

Брылья. Литературный сборникъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Туманы. Сборникъ литературно-художественный. Минскъ. 1909. Ц. 50 к.

Василій Карповъ. Деревня. Рассказы изъ крестьянской жизни. М. 1909. Ц. 50 к.

Леонидъ Мищенко. Отзвуки жизни. Иллюстр. сборникъ для дѣтей. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Евгеній Геркенъ. Лирическія стихотворенія (1907—1909). В. 1. Казань. 1909. Ц. 60 к.

Л. Л. Орфей и Евридика изъ „метаморфозъ“ Ц. Овидія Назона. Кіевъ. 1908.

Передъ Зарей. Сборникъ стихотвореній и рассказовъ: А. Барыкова, В. Гаршина, М. Конопницкой, М. Лермонтова и др. Вып. 1. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Ш. Б. Моя юность. Повѣсть. Отрывокъ первый. Хабаровскъ. 1909.

В. Свенцигъ. Смерть. Драма въ 3-хъ дѣйств. и Пасторъ Реллангъ, драма въ 3-хъ дѣйств. М. 1909. Ц. 75 к.

Иванъ Бьелусовъ. Стихотворенія. Книго-во „Утро“. М. 1909. Ц. 1 р.

В. Вересневъ. Рассказы. 4 тома. Изд. 6-е пересм. и значит. дополн. М. 1909. Ц. 4 р.

Генрихъ Маннъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Діана. Пер. и пред. пр.-доц. В. М. Фриче. М. 1909. Ц. 1 р.

Алекс. Струве. Надъ моремъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. Кн-во „Фрамъ“. Исторія Россіи въ XIX в. Вып. 26-й и 27-й. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К^о.

Капранъ. Маленькіе рассказы. Спб. 1909. Ц. 50 к.

А. Гудванъ. Въ царствѣ тьмы и эксплуатаціи. Спб. 1909. Ц. 35 к.

Георгій Декинъ. Стихотворенія. Вильна. 1909. Ц. 25 к.

В. В. Страпоновъ. Солнце. Изд. автора. 2 вып. 1910. Ц. 2 р. 40 к.

Н. К. Де-Лазари. Любовь человека. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Густавъ афъ Гейерстамъ. Полное собрание сочинений. Т. III. Голова медузы. Кн. во „Соврем. Проблемы“. М. Ц. 1 р.

Авг. Стриндбергъ. Полное собрание сочинений. Т. 8-й. Сынъ служанки. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва „Обществен. Польза“. Спб. 1909. **В. Баикинъ.** Рассказы. Ц. 1 р.—**М. Преміровъ.** Нѣмья доли. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

А. Колубуховъ. Фирмы животныхъ. Пѣса въ 5-ти картинахъ. Рязань. 1909. Ц. 65 к.

Е. Коронковъ (Рокотковъ). Въ вихрь мысли. Сборникъ. М. 1909. Ц. 1 р.

Я. А. Верлинъ. Исторія трудящихся. Ц. 40 к.—**Его же.** Образы минувшихъ. Рассказы о духовныхъ герояхъ. Ц. 75 к.

Л. Шестовъ. Достоевский и Ницше. Философія трагедій. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

В. Вартиянянъ. Л. Н. Толстой и Леонидъ Андреевъ (какъ идеологи трудящихся классовъ). Баку. 1909. Ц. 20 к.

Исторія русской литературы. Подъ ред. А. Н. Овсяннико-Куликовского. Вып. 10 и 11. Изд. Т-ва „Миръ“. М. 1909.

Ю. М. Стекловъ. Н. Г. Чернышевский, его дѣятельность. 1828 — 1889 гг. Ц. 2 р.

Изн. Житецкій. Гоголь-проповѣдникъ и писатель. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Б. Л. Бразоль. Критическія грани. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Я. Н. Кнмитаревъ. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. Горки. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Б. Боварскій. Н. К. Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ. Публ. лекція. Спб. 1909. Ц. 40 к.

И. Я. Алавердянцъ. Пребываніе имп. Николая I въ Эчмиадзинѣ и Тифлисѣ по даннымъ армянск. археолога. Спб. 1909.

А. Быкова. Рассказы изъ исторіи Ирландіи. Съ XII в. до нашихъ дней. Изд. 2-ое. С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. М. 1909. Ц. 80 к.

Эрнестъ Ренанъ. Исторія израильскаго народа. Пер. съ фр. подъ ред. съ примѣч. и вступит. статьей С. М. Дубнова. Т. I. В. 2-й. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Луи Бланъ. Исторія французской революціи 1789 г. Спб. 1907—1909. 12 т.

Люси. Ел. Март. Вартамянъ. Изъ дней минувшихъ. Баку. 1909. Ц. 45 к.

Апристъ. Имальтъ. Страна поклонниковъ имамовъ. Историческое изслѣдованіе. Александрополь. 1909. Ц. 1 р.

Альберъ Ревиль. Исусъ Назарянинъ. Пер. проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго. Т. II. Ц. 2 р.

А. Котельниковъ. Что такое однодневныя переписи населенія и зачѣмъ онѣ производятся? Спб. 1909. Ц. 30 к.

Я. Х. Озеровъ. Атласъ диаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Вып. VII и VIII. М. 1909. Ц. 70 к.

Викентій Симоновичъ. Нефть и нефтяная промышленность въ Россіи. Историко-статистическій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собранны на Дальнемъ Востоку сотрудниками общеземской организации. М. 1909. Ц. 2 р.

В. И. Бьловескій. Результаты эксплуатаціи російскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 1901 по 1906 г. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Крестыанская библіотека. **Н. Н. Соколовъ.** Кооперативныя учрежденія. Ц. 10 к.

Б. П. Радомцевъ. Профессіональный и социальный составъ населенія европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г. Спб. 1909. Изд. Спб. Политехнич. Института. Ц. 80 к.

П. Г. Мижуевъ. Англійскіе рабочіе союзы. Спб. 1909. Ц. 40 к.

А. Зотовъ. Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. Изд. книжн. скл. М. Стасюлевича. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Первушинъ. Вліяніе урожая въ связи съ другими экономическими факторами на потребление спиртныхъ напитковъ въ Россіи. Подъ ред. и съ пред. Н. А. Кабукова. М. 1909. Ц. 2 р.

D-r Wladimir Pappafava. Судъ и адвокатура въ Турціи. Пер. О. Б. Фукса. 1909. Ц. 70 к.

Эр. Цильцъ. Русская политика въ Польшѣ. Варшава. 1909.

Р. Вейсманъ. Правовые законы Сибири. Спб. 1909.

Е. В. де-Роберти. Новая постановка основныхъ вопросовъ социологіи. Пер. съ фр. А. Н. Ч—ой. Съ двумя критич. статьями проф. де-Греефа и Блонделя и рѣчью де-Роберти о „Задачахъ социологін“. М. 1909. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. VI. Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. П. Б. Струве, Н. Н. Полилова и Д. Е. Жуковского. Спб. 1909. Ц. 4 р. 50 к.

Его же. Воля и разсудокъ. Пер. съ нѣм. С. О. Грузенбергъ съ прилож. критико-біограф. очерка. Изд. В. И. Розенштернъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

В. Э. Фельзенмайеръ. Какъ появилось вещество и что оно такое? Кн. 1-я. Спб. 1909. Ц. 20 к.

В. Г. Хорутъ. Богъ есть истина. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Давидъ Викторовъ. Эмпириокритицизмъ или философія чистаго опыта. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Густавъ Лебонъ. Зарожденіе и исчезновеніе матеріи. Пер. Б. Бычкова. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Д-ръ Алекс. Пфендеръ. Введеніе въ психологію. Пер. съ нѣм. І. А. Давыдова. Спб. 1909. Изд. кн. кл. „Провинція“. Ц. 2 р.

Проф. В. И. Осиповъ. Можно ли говорить о физиологическомъ слабуміи женщины? Казань. 1909. Ц. 30 к.

Ж. Клодъ. — Вл. Оствальдъ. Электричество и его примѣненіе въ общедоступномъ изложеніи. Пер. Т. Кравецъ. Редакція и обработка. А. А. Эйхенвальдъ. Вып. 1. М. 1909.

Н. С. Дрентельнъ. Физика въ общедоступномъ изложеніи. Пособіе для обученія и самообразованія. Ц. 2 р. 85 к.—**Я. И. Душечкинъ.** Наша рѣчь. Хрестоматія. Книга вторая. Ц. 1 р.

В. Н. Лебедевъ. Выясненіе основъ счисленія безконечныхъ величинъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

М. И. Дежковъ. Краткая исторія педагогики. М. 1910. Ц. 75 к.

В. И. Стражевъ и В. В. Спаскій. Первоцвѣтъ. Хрестоматія для младшихъ классовъ сред. школы. Изд. А. Д. Ступина. М. 1909. Ц. 1 р.

А. Гессенъ. Новый путь. Хрестоматія для 1 кл. средн. учебн. заведеній и старш. отд. начальн. училищъ. Ч. I. Рига. 1909. Ц. 60 к.

С. А. Золотаревъ. О преподаваніи родного языка и литературы. М. 1909. Ц. 80 к.

Изъ родной литературы. Младшій возрастъ. Ч. 1-я. Составили: **Н. Н. Городецкій, П. О. Дворниковъ, С. А. Джитріевъ, А. П. Заборскій, Н. В. Касаткинъ, А. Е. Корольковъ, В. Е. Крестовъ, М. С. Семеновъ, А. С. Толстой, и Н. В. Тулуновъ.** Ц. 90 к.

И. Катаевъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ зав. Вып. III. М. 1910. Ц. 80 к.

Словарь иностранныхъ словъ. Настольная книга для народныхъ читателей и библіот. Ин. И. О. Жиркова. М. 1909. Ц. 75 к.

Д-ръ мед. М. Козинцовъ. Курсъ гігіены. Для среднеучебн. зав. и самообр. 1909. Ц. 1 р.

Н. Воробьевъ. Правила для составленія плановъ сочиненій. М. 1909. Ц. 10 к.

В. Голубковъ. Новый путь изученія художественныхъ произведеній и составленія письменныхъ работъ. Изд. кн. маг. „Трудъ“. М. 1909. Ц. 70 к.

Хрестоматія для школъ драматическаго искусства. Сост. **А. Федотовъ.** Съ пред. А. И. Южина—кн. Сумбатова. Ч. I. Пособіе при выработкѣ дикціи и изученіи декламаціи. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Г. В. Хлопинъ. Самоубійство, покушеніе на самоубійство и несчастные случаи среди учащихся учебн. зав. мин. нар. просв. въ 1908 году. Спб. 1909.

Ник. Кольцовъ прив.-доц. Къ университетскому вопросу. М. 1909. Ц. 35 к.

С. П. Швецовъ. Сибирь, кто въ ней живетъ и какъ живетъ. Спб. Ц. 20 к.

И. Галантъ. Арендовали-ли евреи церкви на Украинѣ. Кіевъ. 1909.

В. Ф. Трощинскій и Э. Е. Пенарскій. I. Любовь и бракъ у якутовъ. Этногр. очеркъ.—II. Изъ якутской старины. Спб. 1909.

Раввинъ Л. М. Гординъ. Что такое Талмудъ? Въ 2-хъ част. Вильно. 1909. Ц. 1 р.

Дипломатъ. Албанското възраженіе. София. 1909.

И. А. Ребринъ. Что нужно знать ходокамъ и переселенцамъ. Харьковъ. Ц. 7 к.

Д-ръ Е. А. Вигдорчинъ. Правительственный законопроектъ по страхованію отъ болѣзней. Спб. 1909. Ц. 25 к.

А. А. Яворскій. Основной фактъ бухгалтеріи. Вып. 1. Н.-Новгородъ. 1909. Ц. 50 к.

Н. Н. Блиновъ. Устройство водопровода и электр. освѣщенія въ гор. Сарапулѣ. 1909.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1908 г.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XVII. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1902 г. Ин. департ. окладн. сб. Спб. 1909.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

На покрытие штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства“: отъ В. Ф., изъ с. Александрии—1 р.; отъ политическаго противника—5 р.; отъ В. Д.—1 р.; отъ Суровцевой—50 к.; отъ читателей г. Ачинска—12 р.; отъ группы политическихъ ссыльныхъ г. Никольска—2 р.; отъ М. Цебриковой, изъ Смоленска—3 р.; отъ М. Харкевичъ, изъ Белебея—3 р.; отъ А. Ратькова—1 р.; отъ М. Карасика, изъ Америки—1 р. 75 к.; отъ А. Кагану—1 р.; отъ А. Константинова—1 р.; отъ И. Кондорскаго, изъ Перми—1 р. 75 к.; отъ политическихъ ссыльныхъ г. Нарыма—2 р.; отъ П. Козлова, со ст. Чардаклы—1 р. 50 к.

Итого. . . . 37 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими . . . 180 р. 97 к.

На изданіе сбор. статей, посвящен. памяти „великаго интеллигента“ и безконечно-дорогого человѣка, незабвеннаго Н. К. Михайловскаго: отъ В. Буйницкаго, изъ Екатеринбургa—1 р. 50 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

НОВАЯ КНИГА:

Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ).

Соціалисты Запада и Россіи.

(Фурье. — Марксъ. — Энгельсъ. — Лассаль. — Жюль Воллэсъ. — Вилліамъ Моррисъ. — Чернышевскій. — Лавровъ. — Михайловскій).

Изд. 2-ое. Спб. 1909 г. Ц. 1 р. Продаётся въ книж. складѣ М. М. Стасюлевича (В. О. 5 линія, 28) и въ другихъ магазинахъ.

О-ВО ХУДОЖНИКОВЪ АКАДЕМІИ.

Развитіе художественнаго вкуса въ широкихъ слояхъ интеллигентной публики побуждало насъ пойти навстрѣчу новымъ требованіямъ и впервые открыть пріемъ заказовъ на высоко-художеств. увелич. портретовъ, со всевозм. фотографич. карточекъ, типа **дорогихъ фотогравюръ** съ картинъ велик. художн. Портретъ «фотогравюра» разм. 47×60 сант. цв. черн. 8 р., исполн. красками (акварель) вдвое дороже; въ рамѣ на 2 р. дороже. Портретъ исполн. масляными красками, разм. 40×50 сант., 15 р. Здѣсь же принимаемъ заказы на художеств. увелич. портретовъ обыкнов. типа, разм. 10×12 верш. въ изящ. паспарту «Модернъ» и широкой рамѣ, за 3 р., исполн. красками (акварель)—4 р., перес. за счетъ заказч. Срокъ исполненія 15 дней. При заказѣ на портр. красками необход. указать **цвѣтъ глазъ, волосъ и проч.**

Адресъ: заведующему о-ву художн. **В. СТЕПАНОВУ**, С.-Петербургъ, Невскій, 69.

О-во художниковъ для другихъ ателье портретовъ не исполняетъ и предупреждаетъ отъ злоупотребленій именемъ о-ва.

Контора «Русскаго Богатства» просить руководствоваться, при подпискѣ и доплатахъ, прилагаемыми образцами. Это избавить отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагаю р. к., прошу выслать «Русск. Бог.» въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ или станція:

Губернія:

Уѣзда (или ул. и домъ)
(или ж. д.)

Мѣсто
почтоваго
штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.

3-й взносъ р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ

Губернія:

Уѣздъ:

(или ж. д.)

Мѣсто
почтоваго
штемпеля.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подъ ред. прив.-доц. Е. В. Аничкова, проф. А. Н. Бороздина и проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского.

Издание Т-ва И. Д. СЫТИНА и Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ.

Издание составитъ 35—36 выпусковъ, въ 80 стр. больш. форм. каждый, и будетъ заключать болѣе 300 снимковъ съ литерат. памятниковъ и портретовъ писателей, въ томъ числѣ 100—120 мещо-тинто-гравюръ и 30 хромофотографій. **ЦѢНА ИЗДАНІЯ** съ пересылкой: 1) безъ переплета 39 р. 2) въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ въ 7 томахъ 44 р., **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ**: 1) при заказѣ уплачивается 2 р., при полученіи первыхъ двухъ выпусковъ по 1 р. 50 к., при полученіи остальныхъ выпусковъ по 1 р. и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа. 2) при заказѣ 2 р. и при полученіи каждаго тома въ переплетѣ по 6 р.—По соглашенію съ конторой допускается разсрочка. Вышло 23 выпуска.

**Издание Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ.
Карусь Штерне.**

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

Научно-популярная исторія мірозданія и начатковъ культуры.

Переводъ подъ ред. В. К. Агафопова, съ посл. нѣм. изданія, перераб. В. Вельше, съ дополнит. статьями проф. Н. А. Ужова и Н. А. Морозова.

СОДЕРЖАНІЕ: Эволюція міровоззрѣній. Проф. Н. А. УМОВА. Предисловіе В. Вельше. I. Въ царствѣ луча. II. Изъ дневника земли. III. Царство минераловъ. IV. Возникновеніе и развитіе жизни на землѣ. V. Царство первичныхъ существъ. VI. На зарѣ растительнаго царства. VII. Царство кишечно-полостныхъ. VIII. Предтечи высшихъ животныхъ формъ. IX. Во всеоружіи. X. Первые обладатели жилищъ. XI. Отъ многоногихъ къ шестиногимъ. XII. Нарядъ земли. XIII. Родоначальники владыкъ земли. XIV. Между сушей и водой. XV. Гадъ. XVI. Владыки воздуха. XVII. Связь матери съ дѣтенышемъ. XVIII. Происхожденіе человѣка. XIX. Душа человѣка и животныхъ. XX. Развѣтленіе обществ. наклонностей и рѣчи. XXI. Начатки культуры. XXII. Развѣтленіе письменности. XXIII. Религіи и міровоззрѣнія. XXIV. Теорія происхожденія.

XXV. Взглядъ на будущее. Эволюція элементовъ Н. А. Морозова.

Издание составитъ 10 выпусковъ, по 128—160 стр. каждый, и будетъ заключать около 800 рисунковъ, въ т. ч. 49 однотонныхъ и цвѣтныхъ на отдѣльн. листахъ. **ЦѢНА ИЗДАНІЯ** съ пересылкой, 1) безъ переплета 15 р. 2) въ изящномъ дерматиновомъ переплетѣ въ 3-хъ томахъ 17 р. 25 коп. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ**: 1) 2 р.—при заказѣ, по 1 р. 30 к.—при полученіи каждаго выпуска и по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 р. при заказѣ, по 5 р. 09 к. при полученіи каждаго тома и по 10 к. за переводъ платежа. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

Вышло 6 выпусковъ.

**ВЪ КОНЦѢ ОКТЯБРЯ ОТКРОЕТСЯ ПОДПИСНА НА
НОВОЕ ИЗДАНИЕ Т-ВА „МІРЪ“ ВЪ МОСКВѢ.**

„РУССКАЯ ИСТОРИЯ“

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО РЕВОЛЮЦІИ.

Проспекты бесплатно. Главная контора Т-ва „Міръ“ Москва, Знаменка, 13. Отдѣленія: С.-Петербургъ, Невскій, 104, кв. 30., Кіевъ, Кузнецкая, 14, кв. 5.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и АНТИКВАРНАЯ ТОРГОВЛЯ

П. К Р Ы Л О В А

С. Петербургъ, Владимирскій пр., 3.

ПРЕДЛАГАЕТЪ ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПЛАТА ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ПО РАЗСТОЯНІЮ.

Авдѣевъ, М. Сочиненія 2 т. . . . 3 р.
 Австенко, В. Сочиненія 12 т. . . . 18 р.
 Айзманъ, Д. Сочиненія 1 т. . . . 1 р.
 Ансановъ, И. С. Сочиненія 7 т. . . . 11 р.
 Ансановъ, Н. С. Сочиненія 3 т. . . . 8 р.
 Ансановъ, С. Т. Сочиненія 6 т. . . . 9 р.
 Альбовъ, М. Сочиненія 8 т. . . . 8 р.
 Алмазовъ, Б. Сочиненія 3 т. . . . 5 р.
 Андерсонъ. Сочиненія пер. Ганзель
 4 т. (8 р.) . . . . . 5 р.
 Андреевъ, Л. Сочиненія 7 т. . . . 7 р.
 Андреевскій. Стихотворенія . . . . 2 р.
 Апухтинъ, А. Стихотворенія . . . . 4 р.
 Афанасьевъ, А. (Чужбинскій) Собр.
 сочиненій 9 т. . . . . 20 р.
 Ахшарумовъ, Н. Сочиненія 10 т. . . . 4 р.
 Александровъ. Разказы о золотѣ.
 Редакц. Рубакина. . . . . 30 к.
 Альманахъ. Оккультизмъ. Вмѣсто
 1 р. за . . . . . 50 к.
 Байронъ, Л. Сочиненія пер. подъ
 редакц. Гербеда 3 т. . . . . 10 р.
 Тоже изд. Ефрона съ гравюрами
 3 т. пер. . . . . 16 р.
 Бальзакъ. Сочиненія 20 т. . . . . 7 р.
 Баратынскій, Е. Сочиненія . . . . . 50 к.
 Батушковъ, Н. Сочиненія 1 т. 2 р. 50 к.
 Беранже. Собраніе сочиненій 4 т. . . . 4 р.
 Березинъ, В. Сочиненія 3 т. . . . . 7 р.
 Берне, Л. Сочиненія 3 т. . . . . 5 р.
 Благосвѣтловъ, Т. Сочиненія 3 р. 50 к.
 Боборыкинъ, П. 12 т. изд. Нивы. . . . 2 р.
 Боткинъ, В. Сочиненія 2 т. . . . 4 р. 50 к.
 Брандесъ, П. Сочиненія 12 т. . . . . 7 р.
 Бретъ-Гартъ, Сочиненія 11 т. . . . . 5 р.
 Тоже 6 т. . . . . 3 р.
 Бунинъ, И. Сочиненія 3 т. . . . . 3 р.
 Бѣлинскій, В. Сочиненія 4 т. изд.
 Павленкова . . . . . 4 р. 25 к.
 Тоже подъ ред. Венгерова 12 т. . . . 15 р.
 Билбасовъ. Исторія Екатерины II
 4 т. въ роскош. пер. . . . . 40 р.
 «Библия». Съ гравюр. Г. Доре. 3 т.
 въ роскош. пер. . . . . 40 р.
 Бронгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій
 словарь въ 43-хъ т. полн. экз. новый. Вм. 258 р. за 125 р.
 Бардонъ, Д. Образованіе древнихъ
 народовъ. Содержаніе: Обычай
 духовные гражд. домашн. и
 воинскія грековъ, римлянъ, изра-
 ильтянъ, евреевъ, египтянъ,
 персовъ, скифовъ, амазонокъ,
 бареевъ, даковъ, сарматъ и друг.

Съ 365 гравюр. на отд. листахъ
 4 т. въ четверку Спб. 1795/. . . 30 р.
 Вагнеръ, (Котъ-Мурлыка) Сочине-
 нія 7 т. . . . . 12 р. 25 к.
 Вальтеръ-Скоттъ. Сочиненія 18 т. . . . 9 р.
 Веневитиновъ. Стихотворенія . . . . 50 к.
 Вернеръ, Э. Сочиненія 10 т. . . . . 10 р.
 Вяземскій, П. Сочиненія 12 т. рѣд-
 кое изданіе . . . . . 40 р.
 Вяземскій. Кн. собр. сочин. 12 т. 35 р.
 Веселовскій, Л. Боккаччо, его сре-
 да и сверстники 2 т. . . . . 5 р.
 Гаринъ. Сочиненія 1 т. . . . . 6 р.
 Гаршинъ, В. Сочиненія 1 т. . . . . 2 р.
 Гауптманъ. Сочиненія 1 т. . . . 1 р. 50 к.
 Тоже пер. Бальмонта 3 т. . . . 4 р. 50 к.
 Гейне, Г. Сочин. изд. Вольфа 12 т. . . . 8 р.
 Тоже Нивы 16 т. . . . . 1 р. 50 к.
 Гейнце, Н. Сочиненія 8 т. (24 р.) 12 р.
 Гербель, Н. Стихотворенія 2 т. 2 р. 50 к.
 Герценъ, А. Сочиненія 7 т. . . . . 7 р.
 Гете, В. Сочиненія 8 т. . . . . 15 р.
 Гитдичъ, Н. Сочиненія 3 т. . . . 4 р. 50 к.
 Гоголь, Н. Сочиненія 1 т. . . . 1 р. 75 к.
 Тоже 12 т. Нивы. . . . . 2 р. 50 к.
 Тоже 5 т. . . . . 6 р.
 Тоже 1 т. изд. Вольфа пер. 2 р. 50 к.
 Голенищевъ-Кутузовъ, Сочин. 3 т. . . . 5 р.
 Гончаровъ, И. Сочиненія 9 т. 13 р. 50 к.
 Тоже изд. Нивы 12 т. . . . . 4 р. 50 к.
 Горбуновъ, И. Сочиненія 2 т. . . . . 4 р.
 Тоже прил. Нивы . . . . . 1 р.
 Горькій, М. Сочиненія 7 т. . . . . 7 р.
 Гофманъ. Сочиненія 8 т. . . . . 4 р.
 Градовскій, А. Сочиненія 9 т. . . . 18 р.
 Грановскій, Т. Сочиненія 2 т. 1 р. 50 к.
 Гребенка, Е. Сочиненія 2 т. . . . . 2 р.
 Грибоѣдовъ, А. Сочиненія 1 т. . . . . 1 р.
 Григоровичъ, Д. Сочиненія 12 т.
 изд. Нивы . . . . . 4 р.
 Тоже 10 т. изд. Мартин. . . . . 15 р.
 Гусевъ-Оренбургскій. Сочиненія 2 т. . . . 2 р.
 Гюго, В. Сочиненія 12 т. . . . . 5 р.
 Гюи-де-Мопассанъ, Сочин. 13 т. 3 р. 50 к.
 Гюйо, М. Сочиненія 6 т. . . . . 6 р. 50 к.
 Гаане. «Животный міръ», его бытъ
 и среда. Изд. Девриена. 3 т. съ
 карт. Вм. 24 р. за . . . . . 18 р.
 Гризебахъ. Растительность земного
 шара, согласно климатич. ея
 распредѣлен. очерк. сравнит.
 географ. растеній. Пер. А. Бе-
 кетова. 2 т. Вм. 7 р. 50 к. за . . . . 2 р.
 Давыдовъ, Д. Сочиненія 3 т. 1 р. 50 к.

(Продолж. см. на оборотѣ).

Даль, В. Сочинения 10 т. изд. Вольфа (12 р.)	8 р.	Крестовский (Псевдонимъ) Сочинения 5 т.	15 р.
Данилевский, Г. Сочинения прил. Нивы 24 т.	3 р.	Крижаничъ, Ю. Собрание сочинений, 3 вып.	2 р. 50 к.
Дарвинъ, Ч. Сочинения 4 т.	9 р.	Крыжановский, Е. Соч. 3 т.	6 р.
Дельвигъ, Бар. Сочинения	50 к.	Крыловъ, И. Сочинения 4 т.	5 р.
Державинъ, Сочинения общедост. изд. безъ рисунк. 7 т.	7 р.	Томе 2 т.	1 р. 50 к.
Томе съ объяснит. примѣч. Я. Грота, со снимками, рисунок., съ портретами Державина 9 т.	25 р.	Крыловъ (В. Александровъ) Драматическія сочинения 9 т. 13 р. 50 к.	
Джеромъ, Н. Собр. сочинений 8 т.	6 р.	Кугушевъ, И. Драм. соч. 2 т.	3 р.
Диккенсъ Ч. Сочинения 10 т.	15 р.	Кудрявцевъ, П. Сочинения 3 т.	9 р.
Томе изд. Пявтелъева 35 т.	10 р.	Кудрявцевъ, Платоновъ, В. Сочинения 3 т.	13 р. 50 к.
Дмитріевъ, И. Сочинения 2 т.	1 р.	Купринъ, А. Сочинения 5 т.	5 р. 50 к.
Добролюбовъ, Н. Сочинения 4 т.	4 р.	Купчинскій (Курскій). Сочин.	3 р.
Додэ, А. Сочинения 12 т.	6 р.	Куторга, М. Сочинения 2 т.	9 р.
Достоевскій, Ф. Сочин. 12 т.	12 р.	Кушнеревъ, И. Сочинения 3 т. 3 р. 75 к.	
Томе 24 ка. прил. Нивы	8 р.	Крамеръ. «Вселенная и человѣчество». 5 т. Изд. Т-во «Культура» въ пер. Вм. 55 р. за	35 р.
Томе роскошное изд. 14 т.	25 р.	Лавровъ, М. Сочинения.	2 р.
Дружининъ, А. Соч. 8 т.	10 р.	Лажечниковъ, И. Соч. 12 т.	12 р.
Дьяченко, В. Драм. соч. 5 т. 6 р. 25 к.		Левитовъ, А. Сочинения 18 т.	3 р.
Екатерина II, сочинения 1 т.	1 р.	Томе 2 т.	5 р.
Томе 10 т. изд. Акад. Н.	15 р.	Лейкинъ, Н. Юморист. рассказы и ром. отъ 75 к. за томъ до	2 р.
Елеонскій, С. Сочинения 1 т.	1 р.	Лермонтовъ, М. Сочин. 2 т.	1 р. 50 к.
Ешевскій, С. Сочинения 3 т.	6 р.	Томе 1 т.	1 р.
Жадовская, Ю. Сочин. 4 т.	6 р.	Томе 1 т. пер. изд. Вольфа 2 р. 50 к.	
Жандръ, Н. Сочинения 2 т.	4 р.	Томе 2 т. изд. Глазунова.	3 р.
Жемчужниковъ, А. Сочинения. 2 т. 3 р.		Лессингъ, Сочинения пер. русск. писателей 5 т.	4 р.
Жуковский, В. Сочинения 1 т. 1 р. 75 к.		Ломоносовъ, М. Сочинения 1 т.	1 р.
Томе 12 т. Нивы.	1 р.	Луговой, А. Сочинения 12 т.	12 р.
Томе 4 т. Глазунова.	5 р.	Лукинъ и Елчаниновъ. Соч. 1 т.	2 р.
Томе 6 т. Глазунова.	9 р.	Лобьсевицъ. Описание похода въ Хиву въ 1873 г. Съ картами и карт. Каравина. Вм. 5 р. за 1 р. 50 к.	
Загоскинъ, М. Сочинения 2 т. 2 р. 25 к.		Лтсковъ, Н. Соч. 36 кн. прил. Нивы.	3 р.
Зандъ, Ж. Сочинения 18 т.	6 р.	Томе 12 т. изд. Маркса	15 р.
Засодимскій, П. Соч. 2 т. (6 р.).	3 р.	Лтневъ, П. Сочинения 10 т.	10 р.
Зиберъ, И. Соч. 2 т. (5 р. 50 к.).	3 р.	Майковъ, А. Сочинения 4 т.	4 р.
Златовратскій, Н. Сочинения 3 т.	4 р.	Максимовъ. Сочинения. На Дальнемъ востоѣ 10 т.	10 р.
Золя, Э. Собр. сочинений 29 т.	10 р.	Максимовичъ. Сочинения 3 т.	11 р.
Ибсенъ. 8 т. изд. Сирмунта	12 р.	Маркъ-Твенъ. Сочинения 11 т.	6 р.
Ивановичъ. Собр. сочинений 2 т.	4 р.	Марновъ, Е. Сочинения 2 т.	4 р.
Измайловъ, А. Сочинения 3 т. 1 р. 50 к.		Марлитъ, Е. Сочинения 10 т.	10 р.
Иннокентій. Сочинения 12 т.	8 р.	Мачтетъ. Сочинения 12 т.	6 р.
Игумновъ. Уставъ Гражданскаго судопроизводства. 2 т. Спб. 94. Вм. 7 р. за	2 р.	Мей, Л. Сочинения 5 т.	12 р. 50 к.
И. Р. Стихотворения 1 т.	3 р. 50 к.	Миллеръ, А. Стих. 6 т. (6 р.).	4 р.
Навелинъ, Н. Сочинения 4 т.	6 р.	Минскій, П. Стихотворения	1 р. 50 к.
Нантемиръ. А. Сочинения 2 т. ред. Ефремова.	3 р. 50 к.	Михайловъ, М. Стихотворения 1 т. 3 р.	
Нарзинъ, Н. Сочинения 20 т.	4 р.	Михайловъ, А. (Шеллеръ). Сочинения; 50 кн. прил. Нивы	3 р. 10 к.
Нарамзинъ. Сочинения 3 т.	3 р.	Михайловскій, Н. Соч. 6 т.	12 р.
Наронинъ. Сочинения 2 т.	3 р.	Мицкевичъ, А. Сочинения 4 т.	4 р.
Нозловъ, И. Сочинения 1 т.	1 р.	Мольеръ. Сочинения 1 т.	2 р.
Нозловъ, П. Сочинения 4 т.	5 р.	Муравьевъ. Сочинения 2 т.	1 р. 50 к.
Нольцовъ, А. Стихотворения 1 т.	25 к.	Мятлевъ, И. Сочинения 1 т.	1 р.
Нонанъ-Дойль. Приключ. сыщика Шерлока Холмса. 5 т.	4 р.	Томе 2 т.	4 р.
Конради. Сочин. 2 т. (5 р.).	2 р. 50 к.	Моргенштернъ. Психо-Граеология. Вм. 8 р. за	2 р.
Короленко, В. Сочинения 6 т. 6 р. 75 к.			
Котляревскій, И. Сочинения на малорусскомъ языкѣ.	1 р.		
Крестовскій, В. Соч. 8 т. (10 р.).	8 р.		

Книжная торговля П. КРЫЛОВА, Спб., Владимірскій пр., 3.

Майеръ. Учебникъ земледѣльск. химій въ 40 лекцій въ 4-хъ книгахъ. Вм. 5 р. 75 к. за . . . 1 р.	Ростолчина, Е. Сочиненія 2 т. . . . 5 р.
Михайловъ. Здоровый домашній столъ . . . . . 50 к.	Рѣшетниковъ, Ѳ. Сочиненія 2 т. 3 р. 50 к.
Малоховская. Настольная поварен- ная книга. Спб. 1909. Въмѣсто 2 р. за . . . . . 1 р.	Рылѣвъ, Н. Сочиненія 1 т. . . . . 75 к.
Надсонъ. Стихотворенія 1 т. . . . . 2 р.	Саліасъ, С. Сочиненія 29 т. . . . . 43 р.
Найденковъ, С. Пьесы 1 т. . . . . 1 р.	Саловъ. Сочиненія 2 т. . . . . 5 р. 50 к.
Наумовъ. Сочиненія 2 т. . . . . 3 р.	Салтыковъ (Щедринъ). Сочиненія 40 кн. прил. Нивы . . . . . 5 р.
Некрасовъ, Н. Стихотворенія 2 т. 5 р.	Тоже 12 т. . . . . 18 р.
Немировичъ-Данченко. Соч. 30 кн. 5 р.	Самаринъ, Ю. Сочиненія 9 т. . . . . 18 р.
Тоже. Стихи 1 т. . . . . 2 р.	Самаровъ, Г. Сочиненія 20 т. . . . . 3 р.
Неплюевъ, Н. Сочиненія 3 т. 4 р. 50 к.	Сементовскій, Р. Соч. 3 т. . 7 р. 50 к.
Нефедовъ, Ф. Сочиненія 4 т. . . . . 4 р.	Сенкевичъ, Т. Сочиненія 7 т. . . . . 6 р.
Никитинъ, И. Сочиненія 2 т. . . . . 3 р.	Сеньковский (Бар. Брамбеусъ) Со- чиненія 9 т. . . . . 3 р.
Нордау, М. Сочиненія 12 т. . . . . 6 р.	Серафимовичъ, А. Сочиненія 2 т. . . . . 2 р.
Нитиосъ. Черный драконъ, или сборникъ магическихъ рецеп- товъ. Съ рис. талисмановъ . . 75 к.	Снабичевскій, А. Сочиненія 2 т. . . . . 3 р.
Ожешко, Я. Сочиненія 12 т. . . . . 6 р.	Скиталецъ. Сочиненія 2 т. . . . . 2 р.
Озеровъ. Сочиненія 1 т. . . . . 1 р.	Слѣпцовъ, В. Сочиненія 1 т. . 2 р. 25 к.
Омулевскій. Сочиненія 2 т. . . . . 3 р.	Случевскій, Н. Сочиненія 6 т. . . . . 8 р.
Осиповичъ. (А. Новодворскій). Со- чиненія 1 т. . . . . 1 р. 50 к.	Смайльсъ, С. Сочиненія 6 т. . 4 р. 50 к.
Островскій, А. Сочиненія 10 т. . 15 р.	Соловьевъ, Вл. Сочиненія 9 т. . . 16 р.
Панаевъ, И. Сочиненія 6 т. 12 р. 50 к.	Соловьевъ, Вс. Сочиненія 40 т. . . 5 р.
Пассекъ, Т. Сочиненія 3 т. . . . . 6 р.	Спасовичъ, В. Сочиненія 10 т. . 15 р.
Печерскій. (Мельниковъ). Сочине- нія 14 т. пер. . . . . 12 р.	Спенсеръ, Т. Соч. 11 т. . . . . 15 р. 50 к.
Писаревъ, Д. Сочиненія 7 т. 6 р. 35 к.	Станкевичъ, Н. Сочиненія 1 т. . . . . 2 р.
Писемскій, А. Соч. 24 т. пер. . . 18 р.	Станюковичъ, Н. Соч. 40 т. . 4 р. 50 к.
Плещеевъ, А. Сочиненія 3 т. . . . 11 р.	Стасовъ, Вл. Сочиненія 3 т. (12 р.) 5 р.
Погоскій, А. Сочиненія 4 т. . . . . 8 р.	Стахѣвъ. Сочиненія 12 т. . . . . 7 р.
Поль-де-Монъ. Сочиненія 12 т. . 12 р.	Сумбатовъ, А. Сочиненія 3 т. . . . 5 р.
Полежаевъ, А. Сочиненія 1 т. . . . 1 р.	Седиръ. Магическія растенія. Вм. 2 р. за . . . . . 1 р. 50 к.
Полонскій, Я. Стихотворенія 5 т. . 6 р.	Седиръ. Индійскій факиризмъ, или практическая школа упражнен. для развитія психическ. способ- ностей со словар. Вм. 1 р. за . 50 к.
Помяловскій, Н. Соч. 2 т. пер. . . 4 р.	Телешовъ, Н. Сочиненія 2 т. . . . . 2 р.
Потанинъ, И. Сочиненія 12 т. . . 18 р.	Теккерей, В. Сочиненія 12 т. . . . 6 р.
Потѣкинъ, Л. Соч. пер. 12 т. . . . 12 р.	Терпигоревъ, С. Сочиненія 6 т. . . . 9 р.
Позъ, Ѳ. Сочиненія 2 т. . . . . 1 р.	Толстой, Л. Сочиненія 14 т. . . . 14 р.
Прозъ, Б. Сочиненія 5 т. . . . . 6 р.	Толстой, А. Сочиненія 4 т. . . . . 7 р.
Прутковъ, К. Сочиненія 1 т. . . . . 2 р.	Тоже. Нивы 2 кн. . . . . 10 р.
Пушкинъ, А. Сочиненія 1 т. . 1 р. 50 к.	Тургеневъ, И. Сочиненія 10 т. . 15 р.
Тоже 1 т. пер. . . . . 2 р. 50 к.	Тоже. Нивы 12 т. . . . . 8 р.
Тоже 8 т. ред. Ефремова изд. Су- ворина. . . . . 15 р.	Успенскій, Г. Сочиненія 12 т. . . . 6 р.
Пыляевъ, Старая Москва. Съ грав. Пыляевъ. Старый Петербургъ. Съ гравюрами . . . . . 8 р.	Тоже. Нивы 28 т. . . . . 3 р. 50 к.
Ренанъ, Э. Сочиненія 12 т. . . . . 7 р.	Фетъ, А. Сочиненія 3 т. . . . . 5 р.
Рескинъ. Сочиненія 10 т. . . . . 5 р.	Флоберъ, Г. Сочиненія 4 т. . . . . 2 р.
Розенгеймъ. Стихотворенія 2 т. . . 3 р.	Фонъ-Визинъ, Д. Сочиненія 1 т. . . 1 р.
Ромеръ, Ѳ. Сочиненія 4 т. . . . . 5 р.	Хомяковъ, А. Сочиненія 4 т. . . . 12 р.
Ренлио, Э. «Земля и Люди». Всеоб- щая геогр. 10 т. Вм. 40 р. за 30 р.	Чеховъ, А. Сочиненія 11 т. . 16 р. 50 к.
Реклю, Э. «Человѣкъ и Земля». 6 т. въ перепл. Изд. Брокгауза и Еф- рона. Вм. 45 р. за . . . . . 30 р.	Тоже. Нивы 16 кн. . . . . 6 р.
	Чириковъ, Е. Сочиненія 7 т. . . . . 7 р.
	Шараловъ, С. Сочиненія 3 т. 4 р. 50 к.
	Шашковъ, С. Сочиненія 2 т. . . . . 4 р.
	Шевченко, Т. Кобзарь 1 т. . 1 р. 50 к.
	Шекспиръ, В. Сочиненія 3 т. перев. подъ ред. Гербея . . . . . 10 р.
	Тоже съ гравюрами изд. Ефрона 5 т. пер. (30 р.) . . . . . 23 р.

Полный каталогъ книгъ (около 5.500 названій) высылается бесплатно. Составленіе библиотекъ и читаленъ и высылка вновь выходящихъ книгъ, также розыскиваніе всевозможныхъ рѣдкихъ и распроданныхъ изданій.

Книжная торговля П. КРЫЛОВА, Спб., Владимірскій пр., 3.

Открыта подписка на
двухнедельный иллю-
стрированный журнал

„НИВА ЗОЛОТАЯ“.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться произведенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, а изъ иллюстрацій: Полное собраніе картинъ Петербургскаго Императорскаго Эрмитажа съ пояснительнымъ текстомъ. Вудутъ задачи съ цѣнными и денежными преміями. Вступая въ первый годъ изданія, мы рѣшили идти по новому пути: все вниманіе обратить на журналъ и рѣшительно не давать никакихъ премій. И только въ видѣ исключенія чтобы ознакомить всѣхъ съ нашимъ журналомъ, мы всѣмъ подписавшимся до 1 декабря, хотя-бы въ разсрочку, вышлемъ совершенно бесплатно издаваемыя нашимъ книжнымъ складомъ 52 книги, заключающія въ себѣ: 1) Полное Собраніе сочиненій А. С. Пушкина (безъ всякихъ сокращеній по изданію Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей академиковъ Майкова и Якушечикова). До сихъ поръ попытки приготовить такое изданіе не могли увѣчаться успѣхомъ, главнымъ образомъ—по своей преждевременности: не всѣ сочиненія Пушкина могли сдѣлаться достояніемъ печати, рукописи его не были доступны изученію, и очень многое изъ сказаннаго Пушкинымъ или касающагося его жизни, не могло быть объяснено съ достаточною полнотою и точностью. 2) Полное собраніе сочиненій Е. П. Гребенни. Всѣ знаютъ Гоголя, но не знаютъ Гребенку, а между тѣмъ всѣ рассказы изъ быта Малороссіи напоминаютъ Гоголя. Нѣкоторые не хотятъ въ его замѣчательномъ романѣ «Чайковский» признать всѣхъ его достоинствъ, потому что Гоголь написалъ «Тараса Бульбу» гдѣ изображенъ тотъ же элементъ казачества. Но изъ того, что Гомеръ написалъ «Иліаду», развѣ не читали греки съ удовольствіемъ написанное другими о ней же. 3) Полное собраніе стихотвореній И. С. Никитина, 4) Кнута Гамсуна и др. 5) Иллюстрированная Исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Исторія Россіи—исторія, созиданія и роста государственной мощи... Къ сожалѣнію, вся русская исторія въ цѣломъ въ трудахъ нашихъ знаменитыхъ и высокоуважаемыхъ историковъ, является мало доступною широкому кругу читателей. Поэтому мы и беремъ на себя изданіе исторіи, доступной по возможности широкому кругу читателей. 6) Иллюстрированная Всемирная Исторія. Имѣющіеся до сихъ поръ труды по всемірной исторіи устарѣли и отнюдь не могутъ удовлетворить потребности, въ универсальномъ познаніи человѣческаго развитія. Исходя изъ этого сознанія и изъ неудовлетворительности имѣющихся руководствъ по всемірной исторіи, было въ послѣднее время предпринято въ Германіи изданіе огромнаго *коллективнаго* труда по всемірной исторіи. Блестящія плеяда изъ *двадцати семи* самыхъ выдающ. и славн. учен. Германіи объединились, подъ общей редакціей профессора *И. фонъ Пфлузъ Гартмана*, для совѣстнаго осуществленія этого изданія. Недавно завершившееся печатаніемъ это изданіе является единственнымъ въ своемъ родѣ по блестящему сочетанію научности, живости изложенія, гармоничности частей, равно какъ по глубинѣ и широтѣ темы. Но единодушнымъ отзывамъ спеціальной и не спеціальной критики, этотъ трудъ признанъ лучшимъ въ этой области и считается однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ дѣлъ послѣдняго времени. Въ отдѣльной продажѣ эти 52 книги стоятъ 26 руб. Каждая книга заключаетъ въ себѣ 160 страницъ большого формата, что вмѣстѣ съ журналомъ составитъ 10,000 страницъ, независимо отъ сего по примѣру другихъ журналовъ первые 5,000 подписчиковъ хотя-бы въ разсрочку получать еще съ *первыми же* №№ на 4 р. книгъ изъ нашего книжнаго склада. Также съ первыми №№ разослается анкета (рядъ вопросовъ) при чемъ всѣ безъ исключенія подписчики, приславшіе отвѣтъ на нихъ до 15 декабря, получатъ бесплатно 13 коленкорovýchъ крышекъ на 52 книги *приложеній* (по 1 переплету на 4 книги вмѣстѣ). Въ отдѣльной продажѣ эти крышки стоятъ 6 р. 50 к. Не желающіе получать крышки могутъ вмѣсто нихъ быть зачисленными *бесплатными* подписчиками нашего журнала на слѣдующій годъ. Это желаніе необходимо объявить при *высылкѣ* отвѣта. Анкета помѣщена въ пробномъ объявленіи, которое высылается *бесплатно*. Вышли 2 №№ и рассылаются. Подписная цѣна за 24 №№ журнала, 52 книги *приложеній* 7 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и по полученіи 8 №№ остальные 3 р. После 1 декабря журналъ безъ *приложеній* будетъ стоить 7 р. Вмѣсто денегъ *принимаются* почтовые, гербовыя марки; наложеннымъ платежомъ не высылаются. Не имѣя возможности въ сжатомъ объявленіи дать всѣ подробности, мы рекомендуемъ читателямъ: Выписать за 2 семикопѣчныя марки пробный № журнала. Выписать за 1 р. 25 к. 2 №№ журнала съ 4 книгами *приложеній*, при чемъ при дальнейшей подпискѣ 1 р. зачтется. Требованія и деньги адресовать: Петербургъ, уголъ Кузнечнаго переулка и Лиговской улицы д. № 65. Книжный складъ и редакция журнала «НИВА ЗОЛОТАЯ».

Гг. ЛЮБИТЕЛЯМЪ и АРТИСТАМЪ!!!

Р. ОРВИНОКІЙ, скрипичный и виолончельный мастеръ высы-
лаетъ бесплатно подробный иллюстрирован. прейсъ-курса
со статьей, какъ беречь и холить скрипку. На пересылку 2
семикопѣчн. марки.

Производство удостоен. высш. наградъ.
СПБ., Вознесенскій пр. д. 36. Телеф. 275—26.
ХУДОЖЕСТВЕН. ПОЧИНКА.

КНИГИ.

по библиографии, истории и литературѣ. Въ большомъ выборѣ имѣются отдѣлы: по Богословію, Философіи, Физикѣ и Химіи, Математикѣ, Статистикѣ, Политической экономіи и финансамъ, Железнодорожному дѣлу, Сведѣнью, Шахматамъ, Географіи и Этнографіи, Минералогіи, Ботаникѣ, Зоологіи. Техникѣ, Технологіи, Горному дѣлу, Астрономіи, Сельскому хозяйству, Лѣсоводству, Медицинѣ, Юридическимъ наукамъ, Военнымъ и морскимъ, Восточнымъ, Гравюры, Рисунки, Архитектурные и Технические чертежи, журналы годами и отдѣльными №№.

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ КНИГИ:
на англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

РУССКІЕ АВТОРЫ.

бывшія приложенія къ „НИВЪ“.

ПОЛНЫЯ СОВРАНИЯ СОЧИНЕНІЙ:

Достоевскій, соч. 24 т. въ переплѣтѣ 11 р.—Тургеневъ, 12 т. въ перепл. 10 р.—Чеховъ, 16 т. 6 р., въ перепл. 8 р.—Салт.-Щедринъ, 40 т. 5 р., въ перепл. 10 р.—Шеллеръ-Михайловъ, 50 т. 4 р., въ перепл. 10 р.—Гончаровъ, 12 т. 6 р., въ перепл. 8 р.—Григорьевъ, 12 т. 6 р., въ перепл. 8 р.—Лѣсковъ, 36 т. 3 р., въ перепл. 6 р.—Данилевскій, 24 т. 3 р., въ перепл. 6 р.—Гоголь, 12 т. 3 р., въ перепл. 4 р.—Боборыкинъ, 12 т. 3 р., въ перепл. 4 р.—Станюковичъ, 40 т. 5 р., въ перепл. 10 р.—Жуковский, 12 т. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 50 к.—Горбуновъ, 4 т. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.—Гейне, 16 т. 1 р. 50 к., въ перепл. 3 р.—Толстой, Ал., 12 т. 2 р. 50 к., въ перепл. 4 р.—Успенскій, Гл. Ив., 28 т. 3 р., въ пер. 5 р. 50 к.—Гауптманъ, 10 т. 1 р. 50 к., въ перепл. 3 р. Всѣ эти книги имѣются въ большомъ количествѣ экземпляровъ и высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталоги №№ 2 и 6 высылаются по требованію бесплатно. Также принимаю заказы на пополненіе и составленіе школьных и проч. общественныхъ библиотекъ. Пополняю разрозненныя сочиненія, продаю журналы годами и отдѣльными нумерами.

Антиварная книжная торговля и складъ удешевленныхъ книгъ

А. И. ФЕДОРОВА,
С.-Петербургъ, Ново-Александровскій рынокъ, по Вознесенскому просп., № 167, у Измайловскаго моста. Телефонъ № 278—28.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬЕРА.

Пріятная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсяч. возраста до 10 лѣтъ, особенно во время отстраненія отъ груди и въ періодъ роста. Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обуславливаетъ правильное развитіе костей.

Продается въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

Косметическая Лабораторія „ДЕВЕСЬ“

выпустила въ продажу

СРЕДСТВА

испытанныя и примѣняемыя въ Первой Россійской ВОЛОСОЛѢЧЕВНИЦѣ врачей специалистовъ въ С.-Петербургѣ.

ПРОТИВЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ: ФЕТИНЪ

противъ выпаденія волосъ въ связи съ сальностью кожи головы и волосъ. Ц. 3 р.

СЕБОРОЛЬ

противъ выпаденія волосъ въ связи съ жирной перхотью. Ц. 2 р. 50 к.

ПИКТОЛЬ

противъ выпаденія волосъ, въ связи съ сухой перхотью и при зудѣ кожи головы. Ц. 2 р. 50 к.

ПІОНАТЪ

при выпаденіи волосъ, сопровождающемся сухостью, ломкостью волосъ и сѣченіемъ на концахъ ихъ. Ц. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ лучш. апт. складахъ и наложеннымъ платежомъ черезъ Главную Контору „ДЕВЕСЬ“.

СПБ. Кирпичный пер., д. 1, кв. 13. Тамъ же безп. подр. брошюра: „Болѣзни волосъ и способы ихъ леченія“.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

К. Н. ГУБИНСКАГО

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. № 7.

Никитенко, А. В. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ «чему свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневникъ (1804—1877 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. по рукописи, подъ ред. съ прим. и алфавитнымъ указателемъ Лемке. Въ 2 том. Спб. 1906 г. Ц. 7 р. за 3 р.

Общественныя движенія въ Россіи въ перв. половину XIX в. Т. I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матер.). Состав. В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Спб. 1905 г. Ц. 5 р. за 2 р. 25 к.

Лемке, Мих. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портр. и 81 карриатурою. Спб. 1904 г. в.м. 3 р. за 1 р.

Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX в. Перев. съ англ. изд. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. И. Лучицкаго. Одобрено для учебн. библ. Съ 2-мя раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-е Спб. 1904 г. вмѣсто 5 р. 50 к. за 2 р. 50 к.

Ренанъ, Е. Жизнь. Апостолы. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокращеній съ 11-го изд. Спб. 1907 г. вмѣсто 1 р. 50 к. за 60 к.

Фрагъ, Нуно. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портр. Перев. съ англ. П. Батина. Спб. 1904 г. в.м. 3 р. за 1 р. 20 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Переводъ Германа Лопатина съ 3-го франц. изд. Спб. 1907 г., в.м. 2 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Богучарскій, В. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. вмѣсто 2 р. за 1 р. 25 к.

Мережковский, Д. С. Триаголія: I. Смерть боговъ (Юліанъ Отступникъ). Въ изданіи изд. 2 р.

II. Воскресшіе боги (Леонардо да-Винчи) Въ изданіи изд. 3 р. 50 к.

III. Антихристъ (Петръ и Алексѣй). Въ изданіи изд. 3 р.

Миллюновъ, П. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII стол. и реформа Петра Великаго. 2-е изд. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к. за 2 р. 50 к.

Шильдеръ, Н. К. Имп. Александръ Первый. 4 т. въ перепл. 25 р.

— Императоръ Павелъ Первый, въ

перепл. Ц. 25 руб. (распродано).

Брэмъ, А. Э. «Жизнь животныхъ», 10 т. Ц. 55 р. за 40 р. Въ переплетѣхъ.

Плутархъ XIX вѣка. Знаменитые люди XIX в. Два тома, ц. 3 р. за 1 р. 50 к.

Седиръ. Индійскій факиризмъ Ц. 1 р. Альманахъ оккультист. Ц. 60 к.

Генрикъ Ибсенъ. Собраніе сочиненій. 6 томовъ, ц. 4 р. за 2 р. 50 к.

Похожденія холостяка. Юмористич. ром. въ рисун. В. Буша. Ц. 1 р. за 50 к.

Бронгаузъ-Эфронъ. Энциклопедическій словарь. Полный, со всѣми дополненіями (85 т.), ц. 258 р. за 130 р.

Биографіи композиторовъ съ IV—XX в. съ портретами. Большой томъ 927 стр., ц. 6 р. за 3 р. 50 к.

Бертеруа. Нонія (иллюстрація Помпен). Ром. изъ жизни антич. міра. Ц. 75 к.

Шмидтъ, Н. Дневникъ грудного младенца. Ц. 60 к.

Тиннаиръ, М. Прелюдія любви. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Шумигорскій, Е. Екатерина Ивановна Нелидова. (1758 — 1839). очеркъ изъ исторіи Имп. Павла I. Ц. 2 р. за 1 р.

— Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономіи. культ. 1899 г. 2 р. 50 к. за 2 р.

— Давидъ Рикардо и К. Марксъ и ихъ общ.-экономич. изслѣдованія, изд. 3-е, 1898 г. Ц. 2 р. 25 к. за 1 р. 75 к.

— Собр. сочин. въ томъ съ портр. ав. Ц. 5 р. 50 к. 1900 г. за 4 р.

Туссенъ и Лангеншейдтъ. Самоуч. франц. яз. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. за 80 к.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. Ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Нантъ, Им. Антропология, пер. Соколова. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

— Критика способности сужденія, пер. Соколова. 1898 Ц. 2 р. 50 к. за 2 р.

«Смерть» Альманахъ. Серг. Городецкій, Каменскій, Муйжель, И. Рѣпинъ, В. Розановъ и друг. Ц. 1 р.

Очерки философіи коллективизма. Сборн. I. Ц. 1 р. 50 к.

Богдановичъ, А. И. Годы передома. 1895—1906, со вступ. ст. Короленко, Куприна и Невѣдомскаго. Ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

М. Горькій и В. Мейеръ. Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи 15/XII 1908 г. 2 р.

Справочный словарь ореограф., этимолог. толков. русск. яз. подъ ред. Чудинова, в.м. 6 р. за 2 р. 50 к.

Цѣны безъ перес. Каталогъ бесплатно. Пополненіе библіотекъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

(Существуетъ съ 1872 г.).

Спб. Вас. Остр., 5 лин., д. 28, собств.

Телефонъ № 208-30.

1-го іюля 1909 года выпущенъ **НОВЫЙ ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ** Склада (180 страницъ), въ которомъ впервые обозначены официальные одобренія, рекомендаціи и допущенія со стороны всевозможныхъ вѣдомствъ, всѣ рекомендаціи самыхъ разнообразныхъ указателей лучшихъ книгъ для самообразованія, дѣтскаго чтенія и пр., а также рецензіи въ журналахъ и газетахъ. Такимъ образомъ каждому дѣлается ясно, съ какими изданіями онъ имѣетъ дѣло.

Изъ подсчета всѣхъ этихъ данныхъ видно, что изъ **892** вошедшихъ въ каталогъ основныхъ номеровъ

четверть (24%) названій одобрена, рекомендована и допущена различными вѣдомствами,

больше половины (53%) названій рекомендовано наиболѣе солидными и извѣстными программами для самообразованія и указателями лучшихъ книгъ и

больше трети (37%) названій лестно отмѣчено различными критиками, специалистами и библиографами.

Складъ обращаетъ вниманіе на **дѣтскій отдѣлъ** своего каталога. Въ развитіи этого отдѣла за послѣдніе годы Складомъ все время руководитъ одна основная мысль: дать по содержанию хорошую, умную и сердечную книгу для дѣтей всѣхъ возрастовъ, а по внѣшности: книгу, вполне здоровую для глазъ, съ крупными шрифтами, красивую и вмѣстѣ не дорогую. По массѣ лестныхъ рекомендацій и отзывовъ видно, каково содержаніе этого пока еще не особенно значительнаго отдѣла.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КАТАЛОГИ будутъ выпущены Складомъ 1 сентября и 1 ноября 1909 года и 1 января, 1 марта и 1 мая 1910 года. Въ нихъ будутъ указаны всѣ книги, вновь выходящія въ свѣтъ, а также и всѣ печатающіяся въ типографіи М. М. Стасюлевича и поступающія въ ея Книжный Складъ.

Каталогъ высылается по полученіи 7 коп. марки.

ПІАНОЛА-ПІАНО

соединяетъ въ себѣ лучшее американской системы піанино, на которомъ можно играть, какъ на обыкновенномъ піанино, и **ТЕМОДИСТЪ-ПІАНОЛА**, позволяющая каждому, даже совершенно незнакому съ техникой игры, художественно играть на роялѣ или піанино.

Цѣна 1250 р.

Темодистъ- Піанола,

легко приставляется къ любому роялю или піанино 650 р., ноты отъ 1 р. 50 к.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская 34. МОСКВА, Кузнецкій м. РИГА, Сарайная ул., 15.

ОБРАЗЦОВЫЯ
ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

РЕМИНГТОН

С ВИДНЫМ ШРИФТОМ
НОВЫЯ МОДЕЛИ 10 и 11.

ТОВАРИЩЕСТВО *М. Блок*

ПРАВЛЕНІЕ: МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ
ТРЕБУЙТЕ ОПИСАНІЕ.

„Брянцевско-Преображенскаго Солянаго Общества“

учрежденнаго 10 марта 1909 года для эксплуатаціи сооружаемаго солянаго рудника въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Еваторинославской губерніи при ст. «Ступки» Южн. жел. дор. на участкѣ мѣроу 165 дес., приобрѣтенномъ подъ соляной рудникъ нашего О-ва отъ А. Ив. Кашинской.

Границы рудника нашего О-ва: — земля города Бахмута, съ другой — рѣка Бахмутка и соляной рудникъ Голландскаго Общества съ шахтой «Петръ Великій», съ третьей стороны — соляной рудникъ Харламовскаго Общества и съ четвертой — земля, отданная владѣльцемъ тоже подъ соляной рудникъ Иностранному Обществу.

Галлерей шахты «Петръ Великій», доведенныя до рѣчки Бахмутки (граница земли А. Ив. Кашинской), подтвердили, что по мѣрѣ приближенія къ рѣчкѣ Бахмуткѣ, — соль становилась чище и слѣй толще. Такимъ образомъ нашъ рудникъ является центромъ залеганія самой лучшей чистой соли, ибо шахта «Петръ Великій» до сего времени даетъ самую чистую кристаллическую соль въ Брянцевскомъ районѣ.

Кромѣ того, Брянцевско-Преображенское Соляное Общество располагаетъ на правѣ полной собственности участкомъ 27 1/2 десятины въ непосредственной близости отъ крупныхъ Иностран- ныхъ фирмъ.

Основной капиталъ Общества всего лишь 500.000 рублей на полную организацію всего предприятия, что объясняется съ одной стороны незначительной глубиной залеганія этого мощ- наго солянаго пласта, а съ другой стороны — тѣми крупными доходами, какіе даетъ соляное дѣло съ самаго начала эксплуатаціи при теперешней цѣнѣ соли 21 коп. за пудъ на мѣстѣ добычи въ Бахмутскомъ районѣ.

Капиталъ нашего Общества раздѣленъ на паи. Паевыя свидѣтельства имѣются номиналь- ной стоимостью въ 1000 рублей и 250 рублей.

Подробности, карты и планы сооруженій рудника можно получить въ Правленіи Общества, Невскій пр., д. 100, кв. 2, лично отъ 10 час. до 4 час. дня или письменно.

Управляющіе рудника нашего Общества М. Ф. Клевверъ (бывшій директоръ шахты «Но- вая Величка», принадлеж. Иностран. Об-ву) и полковникъ Вл. К. Шульцъ имѣютъ постоянный адресъ: Ст. «Ступки» Южн. ж. д.

Корреспонденцію адресовать на имя Правленія Брянцевско-Преображенскаго Солянаго Обще- ства, въ С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 100 кв. 2, а деньги въ С.-Петербургъ, Государственный Банкъ текущій счетъ № 34-480, или на имя Правленія Брянцевско-Преображенск. Солянаго Общества.

ПРАВЛЕНІЕ.

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

- Т. 1. Документы Сѣверной войны (іюль—октябрь 1708 г.).
- Т. 2. Кампанія 1708 — 1709 г. (іюль — октябрь 1708 г.). Изсл. Н. Л. Юнакова.
- Т. 3. Документы Сѣверной войны (ноябрь 1708 — іюль 1709 г.).
- Т. 4. Кампанія 1708—1709 г. (ноябрь 1708—іюль 1709 г.) Изсл. Н. Л. Юнакова.

Цѣна каждаго тома 3 руб., для членовъ Общества 2 руб. 25 коп. Требования адресовать казначею общества А. К. БАЮВУ. (Спб., Суворовскій просп., д. № 32 б).

НАСТОЯЩАЯ КОСМЕТИКА АПТЕКАРИ, МАГ. ФАРМ. Густава ПРОХЭ, БРЧКА БОСНІЯ.

СРЕДСТВО ДЛЯ ДОСТИЖЕНІЯ НѢЖНОСТИ КОЖИ.

Кремъ Рб. 1.20 Мыло 60 к.
Пудра Рб. 1.20 Миндальн. отруби 80 к. Духи (эссенція) 2 р.

Главное депо для Россіи: КІЕВЪ, Прозоровская, 2

Нуженъ представитель для гор. С.-Петербурга.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ.

ПРЕДЛАГАЮ УДЕШЕВЛЕННО ЛУЧШИЯ И ЦѢННЫЯ КНИГИ

накопившіяся по нѣскольکو экз. и поэтому продающіяся дешевле обыкновенныхъ цѣнъ; цѣны поставлены безъ пересылки.

Минье. Исторія французской революціи съ 1789—1814 г. 540 стр. за 65 к.
Ренанъ. Апостолы. Полн. перев. Вм. 1 р. 50 за 75 к.

Спенсеръ. Научныя основанія нравственности въ 3 ч. 560 стр. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р. 40 к.

Молля д-ръ. Половая жизнь ребенка. Пер. съ нѣмец. 274 стр. Вм. 1 р. 50 к. за 90 коп.

Лешне М. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики 19 столѣтія. Съ 19 портр. и 21 рис. 427 стр. Вм. 3 р. за 1 р. 25 к.

Ильинъ В. Развѣтіе капитализма въ Россіи. Спб. 1908 г. 490 стр. Вм. 2 р. 25 к. за 1 р. 25 к.

Сто шедевровъ искусства. Роскошн. альбомъ снимковъ съ лучшихъ картинъ знаменит. мастеровъ 100 снимк. съ поясн. текст. изд. Булгакова. Вм. 4 р. за 1 р. 25 к.

Галерея красавицъ. Альбомъ 208 фототипо-гравюръ съ картинъ изд. худож. рус. и иностр. изобр. красив. женщ. лица роск. изд. Мертва. Вм. 5 р. за 2 р. 25 к.

Альбомъ портретовъ членовъ 1-й Гос. Думы. роскош. изд. Андреева. Въ роскошномъ перепл. Вм. 5 р. за 1 р. 50 к.

Раблзъ Фр. Гаргантюа и Пантагрюэль въ 5 кн. около 500 стр. Съ рисунками Вм. 3 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Міры въ искусствѣ старомъ и новомъ. Историко-художес. монографія по Р. Менару. Съ 285 рисун. 256 стр. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р.

Никитенко А. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтелемъ въ жизни былъ. Записки и дневникъ обним. эпоху царств. Никол. I и Алекс. II и жизнь передового общества того времени. 2 т. 1335 стр. Вм. 7 р. за 3 р. 50 к.

Шильдеръ Н. Исторія царств. Александра I. 4 т. роскошное худож. изд. въ роск. перепл. Совер. новый экз. Вм. 38 р. за 29 р.

Энциклопедическій словарь Брокгауза-Эфрона, полн. 86 т. Соверш. нов. изд. въ роск. издат. перепл. Вм. 258 р. за 140 р.

Психографологія, или наука объ опредѣленіи внутренняго міра человѣка по его почерку. Огром. томъ съ 2000 снимковъ съ почерк. и портр. Сост. Моргенштернъ. Вм. 8 р. за 2 р. 25 к.

Большая энциклопедія. Изд. т-ва Прогрѣсѣніе. 20 т. въ роск. издат. перепл. Вм. 120 р. за 45 р.

Пополняю и вновь составляю всевозможныя бібліотеки аккуратно и дешево.

Каталогъ книгъ на 1909—10 г. высылаю бесплатно.

Книгопродавецъ **И. КОСЦОВЪ**. Спб., Литейный пр., 28—2.

Реню Э. Земля и люди. Всеобщая географія 17 т. въ 10 кн. изд. т-ва Общества. Полн. въ перепл. Вм. 50 р. за 35 р. Тоже безъ перепл. за 30 р.

Гитдичъ П. Исторія искусствъ. 12 т. роск. иллюстр. изд. Маркса за 10 р. Въ роск. перепл. 14 р.

Гете. Фаустъ. Перев. Фета. Роск. изд. Маркса. Огром. томъ съ гравюр. на мѣди въ отлич. перепл. за 12 р.

Бильцъ д-ръ. (Директ. Санаторіи въ Германіи). Естественныя методы леченія. Перев. съ 100 нѣмец. изд. 3 т. 2400 стр. со множ. рисун. 1903 года Вм. 4 р. 50 к. за 2 р.

8 КНИГЪ О ПОЛОВОХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ, съ пересылкой 3 р.: 1) Геймъ. О половомъ сношеніи, 2) Форель проф. Половая этика, 3) Роледеръ. Онанизмъ, 4) Физическій міръ женщины по Жозану, 5) Физическій міръ мужчины, 6) Нофеймонъ. Дно Париза развр. и прост. 7) Риббингъ д-ръ. Анатомія и физиологія мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ съ рис. 8) Женская проституція, случайныя и врожденныя проститутки по Ломброзо, всѣ 8 книгъ—500 стр

КЛАССИКИ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Полн. собр. сочиненій А. Островскаго 10 т. въ роск. перепл. за 16 р. съ 2 доп. том. (12 т.) 18 р. Помяловскаго. 2 т. въ роск. пер. за 3 р., Тургенева. 12 т. 9 р., Гауптмана. 10 т. 1 р. 50 к., Гейне. 16 т. 1 р. 50 к., Чехова. 16 т. 6 р. 50 к., Гл. Успенскаго. 28 т. 3 р. 75 к., Салтыкова-Щедрина. 40 т. 5 р., Станюковича. 40 т. 5 р., Гончарова. 12 т. 6 р., Достоевскаго. 24 т. 9 р., Гоголя. 12 т. 2 р. 25 к., Лескова. 36 т. 3 р. 50 к., Данилевскаго. 24 т. 3 р., Боборыкина. 12 т. 2 р. 50 к., Михайлова-Шеллера. 50 т. 3 р. 50 к., А. Толстого. 12 т. 2 р. 75 к., Григоровича. 12 т. 5 р. 50 к., Горбунова. 4 т. 1 р., Жуковскаго. 12 т. 1 р. 25 к., Фр. Шмилъгагена. 16 т. 6 р. 50 к., Всев. Соловьева. 40 т. въ роск. перепл. 10 р., Гюи-де-Мопассана. 13 т. 4 р. В. Гюго. 2 12 т. 5 р., Э. Золя. 29 т. 10 р., Ч. Диккенса. 35 т. 10 р., Марка Твена. 11 т. 6 р., П. Бурже. 10 т. 5 р., Ж.-Зандъ. 18 т. 6 р., Шенкспира. 4 больш. тома съ рис. 4 р. 50 к. Тоже на роскошной велен. бумагѣ 6 р. 50 к., Г. Сенкевича. 7 больш. т. 5 р. 50 к., Соч. Гр. Самарова. 20 кн. (истор. романы) за 2 р.

